

THE
UNIVERSITY
OF CHICAGO
LIBRARY

05
р-88

60.
15191.

АПРѢЛЬ.

1904.

Книжное общество

РУССКОЕ ПОГЯТСТВО

ЕЖЕМЪСЯЧНЫЙ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ И НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ.

№ 4.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія Н. Н. Клубкова, Лиговская ул., д. № 34.

1904.

APB
107

Exchange

Дозволсно цензурою. С.-Петербургъ, 24 апрѣля 1904 г.

СОДЕРЖАНІЕ:

	СТРАН.
1. Омутъ. Повѣсть. <i>А. Погорѣлова.</i> Окончаніе . . .	3— 54
2. * * Стихотвореніе <i>Н. Шрейтера.</i>	54
3. Губернскіе комитеты по крестьянскому дѣлу въ 1858—1859 гг. <i>А. А. Корнилова.</i> Продолженіе.	55— 85
4. Няня. Стихотвореніе <i>В. Башкина</i>	86
5. Искусники (Изъ воспоминаній врача о Карійской каторгѣ). <i>В. Кі—ва.</i>	87—107
6. * * Стихотвореніе <i>В. Башкина</i>	107
7. Сотрудница. Романъ <i>Л. Мюльфельда.</i> Переводъ съ франц. <i>В. Кошевичъ.</i> Продолженіе	108—145
8. Въ городѣ. Стихотвореніе <i>В. Башкина</i>	145
9. Рабочій вопросъ и фабричное законодательство въ Россіи. <i>М. Лунца.</i> I—III.	146—173
10. Обыватели. Очеркъ <i>Анны Лучинской</i>	174—196
11. Пасторъ Клинггаммеръ. Романъ <i>Гегелера.</i> Переводъ съ нѣмецкаго <i>І. Я.</i> Продолженіе (Въ приложеніи).	97—128
12. Изъ наблюденій земскаго статистина. I. Фабрика и деревня. II. Грамотность и продуктивность труда. <i>А. Смирнова</i>	1— 20
13. „Русскія женщины“ Некрасова въ новомъ освѣщеніи. <i>А. Горнфельда</i>	20— 52
14. Новыя книги: Василій Якимовъ. „Безъ хлѣба насущнаго“. Разказы.— Вл. Голиковъ. Разказы.—Н. А. Худекова. Разказы.— Нашъ полкъ. Картинки изъ жизни германскаго кавалерійскаго полка. Барона Г. фонъ-Омптеда.—Изъ боевой походной жизни 1877—1878 гг. Воспоминанія полковника запаса Болгарской арміи. С. И. Кисова.—Къ свѣту. Научно-литературный сборникъ.—Евгеній Цабель. Графъ Л. Н. Толстой. Литературно-біографическій очеркъ.—Уильямъ Джемсъ. Зависимость вѣры отъ воли и другіе опыты популярной философіи.—П. Г. Мижучевъ. Начальное и сред-	

См. на оборотѣ).

нее образование въ Швеции.—Государственный строй и политическія партіи въ Зап. Европѣ и Сѣв.-Америк. Соед. Штатахъ.—В. М. Гессенъ. Вопросы мѣстнаго управленія.—С. Васюковъ. „Край гордой красоты“. Кавказское побережье Чернаго моря.—Л. С. Личковъ. Очерки изъ прошлаго и настоящаго Черноморскаго побережья Кавказа.—Санитарный обзоръ Пермской губерніи за 1902 г.—Новыя книги, поступившія въ редакцію. . . .	52— 82
15. Апологія современности. <i>М. Андреева.</i>	83— 93
16. Изъ Англии. <i>Діонео.</i>	93—118
17. Политика: Лѣтопись войны.—Дѣйствія на морѣ.—Дѣйствія на сушѣ.—Англо-французское соглашеніе.—Болгаро-турецкая конвенція. <i>С. Н. Южакова.</i>	118—136
18. Наши журналы и газеты («Образованіе», «Міръ Божій», «Гражданинъ»). <i>В. Г. Подарскаго</i> . . .	136—161
19. Воспоминанія о Н. К. Михайловскомъ. <i>С. Елпатьяевскаго.</i>	162—176
20. Хроника внутренней жизни: I. Крестьянскій вопросъ и попытка его рѣшенія путемъ пересмотра законоположеній о крестьянахъ. — II. Правительственныя распоряженія и сообщенія. — Назначеніе управляющаго министерствомъ народнаго просвѣщенія. — III. Правительственныя распоряженія относительно Финляндіи. — IV. Административныя распоряженія по дѣламъ печати. <i>В. А. Мякотина.</i>	177—218
21. Телеграммы и письма, полученныя послѣ кончины Н. К. Михайловскаго его семьей и редакціей „Русскаго Богатства“	218—226
22. Письмо въ редакцію. <i>К. Румынскаго</i>	226— 230
23. Отчетъ конторы редакціи.	
24. Объявленія.	

Продолжается подписка на 1904 годъ

(XII-ый ГОДЪ ИЗДАНІЯ)

НА ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ И НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ

РУССКОЕ БОГАТСТВО.

РЕДАКТОРЪ - ИЗДАТЕЛЬ В. Г. КОРОЛЕНКО.

Подписная цѣна:

На годъ съ доставкой и пересылкой **9 р.**
Безъ доставки въ Петербургъ и въ Москвѣ . . . **8 >**
За границу **12 >**

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

Въ С.-Петербургѣ — въ конторѣ журнала — *Баскова ул., 9.*
Въ Москвѣ — въ отдѣленіи конторы — *Никитскія вор., д. Гагарина.*

Желающіе воспользоваться разсрочкой подписной платы (за исключеніемъ книжныхъ магазиновъ и др. комиссіонеровъ по приему подписки, отъ которыхъ подписка въ разсрочку не принимается) должны обращаться непосредственно въ контору редакціи или въ Московское отдѣленіе конторы.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ ВЪ РАЗСРОЧКУ:

При подпискѣ 5 р. } или { при подпискѣ 6 р.
и къ 1-му іюля 4 > } и къ 1-му іюля 3 >

Не приславшимъ доплатъ въ означенные сроки высылка журнала прекращается.

Доставляющіе подписку КНИЖНЫЕ МАГАЗИНЫ, ЗЕМСКІЕ СКЛАДЫ И УПРАВЫ, ЧАСТНЫЯ И ОБЩЕСТВЕННЫЯ БИБЛИОТЕКИ, ПОТРЕБИТЕЛЬНЫЯ ОБЩЕСТВА, ГАЗЕТНЫЯ БЮРО, КОМИТЕТЫ ИЛИ АГЕНТЫ ПО ПРИЕМУ ПОДПИСКИ ВЪ РАЗНЫХЪ УЧРЕЖДЕНІЯХЪ могутъ удерживать за комиссію и пересылку денегъ по 40 коп. съ каждаго экземпляра, т. е. присылать, вмѣсто 9 рублей, 8 руб. 60 коп., ТОЛЬКО ПРИ ПЕРЕДАЧѢ СРАЗУ ПОЛНОЙ ГОДОВОЙ ПЛАТЫ.

Подписка въ разсрочку или не вполне оплаченная 8 р. 60 к. отъ нихъ НЕ ПРИНИМАЕТСЯ до полученія недостающихъ денегъ, какъ бы ни была мала удержанная сумма.

Къ свѣдѣнію гг. подписчиковъ.

1) Контора редакціи не отвѣчаетъ за аккуратную доставку журнала по адресамъ станцій желѣзныхъ дорогъ, гдѣ нѣтъ почтовыхъ учреждений.

2) Подписавшіеся на журналъ черезъ книжные магазины—съ своими жалобами на неисправность доставки, а также съ заявленіями о перемѣнѣ адреса благоволятъ обращаться непосредственно въ контору редакціи—*Петербургъ, уг. Спасской и Васковой ул., д. 1—9.*

Книжные магазины только передаютъ подписныя деньги въ контору редакціи и не принимаютъ никакого участія въ доставкѣ журнала.

3) Жалобы на неисправность доставки, согласно объявленію отъ Почтоваго Департамента, направляются въ контору редакціи не позже, какъ по полученіи слѣдующей книжки журнала.

4) При заявленіи о неполученіи книжки журнала, о перемѣнѣ адреса и при высылкѣ дополнительныхъ взносовъ по разсрочкѣ подписной платы, необходимо прилагать печатный адресъ, по которому высылается журналъ въ текущемъ году, или сообщать его №.

Не сообщающіе № своего печатнаго адреса затрудняютъ наведеніе нужныхъ справокъ и этимъ замедляютъ исполненіе своихъ просьбъ.

5) При каждомъ заявленіи о перемѣнѣ адреса въ предѣлахъ Петербурга и провинціи слѣдуетъ прилагать 25 коп. почтовыми марками.

6) При перемѣнѣ петербургскаго адреса на иногородный уплачивается 1 р.; при перемѣнѣ же иногороднаго на петербургскій—50 к.

7) Перемѣна адреса должна быть получена въ конторѣ не позже 10 числа наждаго мѣсяца, чтобы ближайшая книга журнала была направлена по новому адресу.

8) Лица, обращающіяся съ разными запросами въ контору редакціи или въ Московское отдѣленіе конторы, благоволятъ прилагать почтовые бланки или марки для отвѣтовъ.

Къ свѣдѣнію авторовъ статей.

1) На отвѣтъ редакціи по поводу присланной статьи, а также на случай возвращенія обратно рукописи должны быть приложены марки.

2) Непринятые рукописи, обратная пересылка которыхъ не была оплачена, возвращаются заказной бандеролью съ наложеннымъ платежомъ стоимости пересылки.

3) Рукописи, доставленныя въ редакцію до 1902 г. и не востребованныя обратно до 1-го декабря 1903 г., уничтожены.

4) По поводу принятыхъ стихотвореній редакція не ведетъ съ авторами никакой переписки, и такія стихотворенія уничтожаются.

О М У Т Ъ.

Повѣсть.

ХІІ.

Четвертаго декабря дамскимъ комитетомъ устраивался благотворительный базаръ, а шестого маскарадный вечеръ.

Устроительницы, утомленныя двухнедѣльными хлопотами, несогласіями, сутолокой и суетой, ходили, какъ шальные. Какъ всегда, въ послѣдній моментъ оказалось, что многое сдѣлано не такъ, и надо передѣлывать, многое упущено, о многомъ совсѣмъ позабыли. На вещахъ не было цѣнъ, надо было снова сортировать ихъ, оцѣнивать и наклеивать ярлыки. Прейсъ-курантъ оказался съ неприличными опечатками, и приходилось дѣлать въ немъ исправленія. Дамы набросились было на Сольскаго, но тотъ огрызнулся, сказавъ, что у него голова идетъ кругомъ отъ безтолковщины. Онъ былъ не въ духѣ, потому что все еще не получилъ обѣщанной тысячи рублей. Полагая, что его обманули, онъ изобрѣталъ для Бутылина всевозможныя непріятности и давалъ себѣ слово насолить ему во что бы то ни стало. Способовъ насолить оказывалось много, но всѣ они были неудобны въ томъ отношеніи, что могли грозить непріятностями и тому учрежденію, гдѣ служилъ Сольскій, а слѣдовательно, и ему самому. Однажды онъ случайно столкнулся съ Бутылинымъ въ ювелирномъ магазинѣ и грубо напомнилъ ему о недоимкѣ. Бутылинъ засмѣялся.

— Знаю, знаю,—сказалъ онъ:—за мной не пропадутъ.

И тутъ же отсчиталъ ему десять сотенныхъ. Сольскій небрежно сунулъ деньги въ карманъ, кивнувъ головой.

— Пока квиты, а тамъ видно будетъ,—сказалъ онъ съ вызывающимъ видомъ.

Но Бутылинъ не обратилъ на это никакого вниманія и фамиллярно потрепалъ его по плечу.

— А вѣдь вѣрно ты говорилъ о грошевыхъ-то душахъ,—

началь онъ весело, переходя на ты:—гроши считаютъ, а ты-сячи упускаютъ. Не сумѣли содрать настоящаго куша... Мелко плаваютъ... Старыя приказныя крысы... Ха, ха!.. Ты изъ новенькихъ... Изъ молодыхъ... Въ тебѣ нахальства и жадности много, а это главное... Молодецъ!... Завтра у меня поздравка, приходи и ты.

— Спасибо, я не приду.

— Что такъ?^м

— А потому, что мы мелко плавать не любимъ, мы глубже забираемъ.

Бутылинъ захохоталъ.

— Ну, чортъ съ тобой! Пока ты еще молокососъ, и, стало быть, мнѣ на тебя наплевать!

„Одной тысячею ты отъ меня не отдѣлаешься, нѣтъ!“— влобно размышлялъ Сольскій, выходя изъ магазина.

— Въ Перекупной переулокъ!—крикнулъ Бутылинъ, садясь въ сани.

— Къ Амаліи Карловнѣ?—идіотски-радостно ухмыляясь, спросилъ кучеръ, зная, что хозяинъ въ духъ и что съ нимъ можно говорить.

— Не разсуждать, болванъ!

Кучеръ, хихикнувъ, погналъ лошадей.

Съ главной улицы сани свернули въ пустынный переулокъ и, миновавъ нѣсколько узкихъ, кривыхъ улицъ, остановились передъ сѣрымъ заборомъ съ низкими воротами.

Отворивъ калитку, Бутылинъ пошелъ по дорожкѣ между двумя снѣжными сугробами къ крыльцу небольшого чистенькаго домика, въ которомъ мерцалъ огонекъ, и позвонилъ. Огонь въ окнахъ тотчасъ же погасъ, но на звонокъ долго никто не отзывался. Бутылинъ нетерпѣливо позвонилъ еще разъ.

Изнутри смутно доносились глухіе и тревожные звуки какой-то суеты. Наконецъ, загремѣлъ запоръ, дверь отворилась, и показалась запыхавшаяся, испуганная, притворно улыбающаяся горничная.

— Дома?—спросилъ Бутылинъ.

— Пожалуйте-съ.

Проходя по корридору, Бутылинъ замѣтилъ подъ диваномъ мужскія калоши и заткнутое за шкафъ чье-то форменное пальто. „Что это значить?“—подумалъ онъ, но тотчасъ отогналъ отъ себя неприятное подозрѣніе и, не измѣняя на лицѣ ликующей улыбки, прошелъ въ гостиную.

Съ крикомъ радости выбѣжала къ нему навстрѣчу пышная бѣлокурая красавица въ желтой распашной блузѣ, съ распущенными роскошными волосами. Съ восторженной улыбкой, которая странно противорѣчила безпокойно бѣгавшимъ

глазамъ, она упала къ нему на грудь, томно посмотрѣла въ глаза и звонко поцѣловала въ губы.

— Наконецъ-то! противный!—укоризненно и капризно говорила она, тормоша его и надувая губки.—Не приходилъ цѣлую вѣчность... какъ не стыдно!..

— Что дѣлать!—отвѣчалъ Бутылинъ съ блаженной улыбкой.—Возьми-ка вотъ, понравится ли?—прибавилъ онъ, вынимая изъ кармана сафьянный футляръ.

Амалия раскрыла футляръ и впила въ него глазами.

Вслѣдъ за тѣмъ въ рукахъ ея ослѣпительно сверкнула всеми цвѣтами радуги брилліантовая брошь, которую она стала поспѣшно прикладывать то къ волосамъ, то къ груди.

— Настоящіе? неужели?—странной скороговоркой спрашивала она, не отрывая отъ зеркала глазъ.

— Не фальшивые... ха, ха!..

— „Ахъ, какъ смѣшно-о!“—запѣла она и вдругъ кинулась къ Бутылину и стала его душить. — Зацѣлую... до смерти...—говорила она въ иступленіи.

Бутылинъ хохоталъ расслабленнымъ жирнымъ смѣхомъ и лицо его разползлось въ блаженную масляную улыбку.

— Сколько заплатилъ?

— Ну, вотъ еще!... тебѣ что за дѣло!..

— Нѣтъ, сколько, сколько? Скажи.

— Почти тысячу.

— Неужели? такъ много?... У-у!.. Но ты ужасно, произительно милъ!

И она, округливъ руки, лебедкой прошлась по комнатѣ.

„А, однако, чьи у ней калоши въ корридорѣ?“—подумалъ Бутылинъ, но сейчасъ же опять отогналъ отъ себя неприятную мысль и, глядя на Амалию, которая въ своемъ возбужденіи была соблазнительно хороша, продолжалъ блаженно улыбаться. „А вѣдь красива, стерва“,—думалъ онъ, любуясь ею.

— Тамъ въ саняхъ корзина съ шампанскимъ,—сказалъ онъ:—вели принести, для поздравки. Кучера отпусти.

— Съ чѣмъ поздравка? съ обновой?

— Нѣтъ, есть другая причина.

— Какая?

— А вотъ погоди, сперва неси шампанское.

Когда вино заискрилось въ бокалахъ, Бутылинъ сказалъ, улыбаясь:

— Ну, поздравляй!

— Съ чѣмъ? опять съ орденомъ, что ли?

— Почище ордена.

— Что жъ такое? Я не знаю.

— Однимъ словомъ, поздравляй.

— Ну, поздравляю.

— Какъ слѣдуетъ, поздравляй.

— Изволь.

Оно звонко поцѣловала его и выпила вино.

— Здорово!.. Теперь я тебѣ объясню,—торжественно началъ Бутылинъ и вытащилъ изъ кармана бумагу.—Видишь это? вотъ эту бумагу? Плевая на видъ бумажка: здѣсь исписано, тутъ исписано, печать, штемпель—больше ничего... А знаешь ли, что это такое?

— Очень мнѣ нужно знать!

— погоди! Ты вникни, бумажка эта весьма занимательная: въ ней, въ этой бумажкѣ-то—милліоны.

— Ого! въ этой бумажкѣ? какъ такъ?

— А вотъ такъ.

— Что же это такое?

— Договоръ съ казной. Читай вотъ: „тысяча восемьсотъ“ и прочее... „Купецъ первой гильдіи потомственный почетный гражданинъ Пахомъ Саввичъ Бутылинъ заключилъ сей договоръ“ и такъ далѣе... „объ арендномъ содержаніи Аксайскаго завода на нижеслѣдующихъ условіяхъ“... Понимаешь?

— Дрянной заводилка, нечего понимать!

— Положимъ, но ты погоди, слушай. Пунктъ первый: „Аксайскій заводъ въ полномъ составѣ съ находящимися при немъ хозяйственными и жилыми зданіями, сооруженіями, мастерскими, механизмами, инструментами, плотиною и прудомъ и состоящею при заводѣ казенною заводскою землей въ количествѣ 26580 десятинъ 1214 квадр. сажень, отдается мнѣ, Бутылину, въ арендное содержаніе на срокъ девяносто девять лѣтъ со дня подписанія настоящаго договора“... Понимаешь?

— Ну, понимаю. Дальше-то что?

— Замѣть: на девяносто девять лѣтъ. Это называется на ученомъ языкѣ опытъ отдачи казенныхъ горныхъ заводовъ въ частное содержаніе... ха, ха, ха!... Заводилка, дѣйствительно, дрянъ, да не въ этомъ дѣло. Пунктъ второй: „мнѣ, арендатору, кромѣ лѣса, произрастающаго на заводской землѣ, предоставляется право получать таковой по мѣрѣ надобности, какъ для топлива, такъ и для построекъ, изъ сосѣднихъ Аннинской и Юговской казенныхъ дачъ безвозмездно, а изъ другихъ сосѣднихъ дачъ, Монетной и Косуллинской, за плату по двадцати пяти копѣекъ за кубическую сажень“. Пунктъ третій: „Мнѣ, арендатору, предоставляется исключительное право на мѣсторожденія золота, мѣдныхъ и желѣзныхъ рудъ и другихъ полезныхъ ископаемыхъ въ Аксайской, Юговской и Аннинской дачахъ, каковыя дачи по отношенію къ сказаннымъ ископаемымъ для поисковъ постороннихъ лицъ должны быть закрыты, на основаніи статьи 5-й правилъ о частной горной промышленности“.

— Неужели ты все это будешь читать?

— Не перебивай, имѣй минуту терпѣнія: пунктъ четвертый... Здѣсь предоставляется мнѣ право уничтожить старыя и возводить новыя постройки и сооруженія, строить новыя заводы, фабрики, мастерскія и прочее... Пунктъ пятый... шестой... разныя подробности... Это пропустимъ... Восьмой-тоже... Пунктъ девятый: „принадлежащая Аксайскому заводу земля сдается мнѣ, Бутылину, по планамъ, а все прочее имущество по описямъ. Планы и описи подписываются обѣими сторонами. Оцѣнка передаваемого имущества производится особю комиссіею“... Тутъ меня, конечно, попримутъ, придется комиссіи отвалить тысячь до пяти... Грошевыя души, съ нихъ достаточно... Но поняла ли ты, наконецъ? ничего не поняла?... Ха, ха, ха!...

Амалия пожала плечами. Бутылинъ засмѣялся и сказалъ:

— Ты дура, но я тебѣ объясню. Прежде всего вникни, что я получаю въ свое владѣніе на сто лѣтъ безъ одного года богатѣйшіе желѣзные и мѣдные рудники, золотые прииски и въ придачу цѣлое королевство. Аксайскій заводъ я въ счетъ не кладу, мнѣ онъ не нуженъ, хотя тамъ думаютъ, что въ немъ-то и заключается вся суть... Но какая же арендная плата? какъ ты думаешь?

— Почему я знаю!

— Ну, всетаки?

— Ну, сорокъ... пятьдесятъ... ну сто тысячь?

— Меньше.

— Ну, двадцать?... десять тысячь?...

— Еще меньше.

— Ну, тысячу... сколько же?

— А вотъ пунктъ десятый: „въ вознагражденіе казны за отдачу въ арендное содержаніе Аксайскаго завода на перечисленныхъ выше условіяхъ я, арендаторъ, обязуюсь уплачивать: 1) горную подать съ выплавляемыхъ металловъ въ размѣрѣ, установленномъ въ законѣ для частныхъ заводовъ; 2) попенныя деньги съ кубической сажени лѣсныхъ матеріаловъ, если таковыя будутъ вывезены изъ Монетной и Косулинской дачъ; 3) земскіе и другіе сборы, установленные законами, съ передаваемого мнѣ казеннаго имущества.“ Вотъ и все.

— Стало быть, даромъ?—спросила Амалия.

— Ты догадлива: даромъ, потому что горную подать и налоги я и такъ обязанъ платить.

Бутылинъ, схватившись за бока, захохоталъ.

Амалия смотрѣла на него несмѣющимися глазами. Лицо ея вдругъ утратило недавнее оживленіе и значительную часть своей привлекательности. Подарокъ Бутылина уже не

казался ей такимъ щедрымъ. „Могъ бы и не такъ раскошиться, старый чортъ!“—думала она.

— Геніальнѣйшая операція! не правда-ли?—смѣясь, говорилъ между тѣмъ Бутылинъ, воображая, что онъ очень радуется и ликуетъ.—На все нуженъ умъ, смѣлость и широта замысла... Главное—широта... Проницательность и знаніе дѣла... И даже до такой степени, что по оффиціальному представленію я заключаю невыгодную, почти раззорительную для себя сдѣлку, снисходя къ бѣдственному положенію населенія... Слѣдовательно, благодѣтель народа... Поэтому въ контрактѣ имѣется еще одинъ пунктъ... вотъ онъ... одиннадцатый: „если въ теченіе аренднаго срока дѣла завода за истощеніемъ руды или по другимъ причинамъ пойдутъ малоуспѣшно, то мнѣ, арендатору, предоставляется право отказаться отъ аренды, предупредивъ объ этомъ горное начальство за два года“... Это прибавлено, жалѣючи меня, чтобъ не затягивать петлю... Я очень на этомъ пунктѣ настаивалъ. Разгадка заключается въ томъ, что Аннинскій округъ искони давалъ казнѣ большіе убытки. Постепенно позакрывали всѣ заводы—остался одинъ Аксайскій. Но убытки были огромные,—рѣшили и его закрыть. По закону съ закрытіемъ заводскаго дѣйствія казна должна дать населенію земельные надѣлы и готовое продовольствіе. Стало быть, предстояли дольшіе расходы и много хлопотъ. Тутъ-то я и предложилъ свою комбинацію. Ну-ка, еще бутылочку. Рискъ благородное дѣло, но здѣсь даже и никакого риска... На всѣ хлопоты я издержалъ тысячь пятьдесятъ,—дешевле пареной рѣпы... Мелко плаваютъ, ай-ай мелко!... грошевики!... Ну-ка-сь...

Обыкновенно нерааговорчивый Бутылинъ говорилъ безъ умолку: имъ овладѣла странная, безпокойная болтливость. Онъ пускался въ подробныя дѣловыя выкладки и вычисленія, строилъ планы будущихъ промышленныхъ предпріятій, подводилъ итоги, подсчитывалъ барыши, и все у него выходило какъ-то скаречно и мелко, скучно, безжизненно и блѣдно, хотя говорилъ онъ о милліонахъ.

— Ежели я только одну четверть лѣса изведу на срубъ и продамъ въ Царицынѣ,—говорилъ онъ,—то я въ три года выручу до полутора милліона... Одной желѣзной руды можно продавать на двѣсти тысячь въ годъ. А золото?... Я старателей пуццу, пускай ищутъ... А заводъ-то я, можетъ быть, строить еще и погожу. И такъ безъ хлопотъ наживу милліоны.

— У тебя и безъ-того много, на что тебѣ?—сказала Амалія.

— А надо еще больше... Надо доказать тутъ одному... И окажу... ужъ теперъ-то я докажу! Одинъ дмолодецъ совѣто-

валь мнѣ образовать акціонерное общество съ капиталомъ эдакъ миллионовъ въ двадцать. И картину рисоваль заманчивую, въ американскомъ вкусѣ. А я ему говорю: какъ ты, умный человекъ, пустяковъ не понимаешь? Къ чему мнѣ общество? Зачѣмъ дѣлиться, когда я могу всеѣмъ одинъ завладѣть?... Американскія штуки: перспективы, промышленное оживленіе и прочее... эксплуатація и разныя слова... чортъ съ ними! Старого воробья на мякинѣ не проведешь...

Бутылинъ распространился было о своихъ подвигахъ въ Петербургѣ, но говорилъ вяло, безъ оживленія и, наконецъ, умолкъ. Въ сущности главное все уже было сказано, оставались только подробности. Онъ посмотрѣлъ на поблекшее лицо Амаліи, и откуда-то снизу, со дна души, какъ взбудораженная гнилая муть въ застоившейся ямѣ, поднялось въ немъ чувство оскомины, отвращенія къ жизни и поглотило послѣдніе остатки радостнаго, хвастливаго возбужденія, — къ сердцу опять подступила привычная знакомая тоска. Онъ нахмурился, на лбу и вокругъ глазъ появились скорбныя морщины. „Зачѣмъ я хвастаюсь передъ этой шкурой?“ — подумалъ онъ и брезгливо оглянулся кругомъ. Все говорило о лѣнливомъ, неряшливомъ существованіи, о томительной праздности.

— Какой у тебя безпорядокъ! — сморщился онъ, едва сдерживая раздраженіе: — вонъ юбка... зачѣмъ она тутъ?... туфли, колбаса, хлѣбныя крошки...

— Это все Маша... ничего не смотреть, вѣтренная дѣвченка... — недовольно проворчала Амалія.

Бутылинъ нахмурился еще больше.

— А калоши у тебя чьи въ корридорѣ? — спросилъ онъ.

— Какія калоши?

— Со шпорами.

— Что ты врешь? съ какими шпорами? Ахъ, какая неправда!

— И форменная шинель.

— Какой вздоръ! что такое! вотъ ужъ ничего подобнаго!

— Я своими глазами видѣлъ.

— Ты просто врешь. Что ты видѣлъ? Ничего ты не могъ видѣть!

— А вотъ, посмотримъ, — сказалъ Бутылинъ и, взявъ свѣчу, вышелъ въ корридоръ.

Здѣсь, однако, ни калошъ, ни шинели не оказалось.

— Улепетнулъ молодчикъ, — озираясь, говорилъ Бутылинъ: — вотъ тутъ были калоши, а здѣсь шинель.

— Тебѣ приснилось или ты съ ума сошелъ.

Бутылинъ захохоталъ.

— Обыщи весь домъ... допроси дворника, горничную...

— Очень нужно!.. къ чорту все! Маша! подай мнѣ шубу... къ чорту, къ чорту...

— Ты не смѣешь меня оскорблять! съ чего ты взялъ?.. Клянусь тебѣ чѣмъ угодно!

— Да я вѣрю, вѣрю.

— Ну, спроси, ну, пожалуйста, спроси Машу.

— Хорошо, Маша! Видишь эти двѣ радужныхъ, вотъ эти самыя? Скажи правду, и онѣ будутъ твои. Ну-ка, ходитъ къ барышнѣ офицеръ?

Маша вспыхнула, сдѣлала испуганные глаза и начала быстро креститься.

— Ей-богу, право... провалиться на мѣстѣ... лопни мои глаза...—заговорила она въ страшномъ волненіи.

— Если правду скажешь,—деньги твои.

— Провалиться на семь мѣстѣ, разразись моя утроба...

— Ну?

— Ходитъ, ходитъ, ей-богу, лопни мои глаза... я почему знаю?.. Сегодня былъ, ушелъ черезъ кухню... я икону сниму...

— Машка! тварь!..—всплеснувъ руками, высокимъ, звонкимъ голосомъ завопила Амаля.

Бутылинъ засмѣялся и, не оборачиваясь, пошелъ къ двери. Позади его раздавался звукъ звонкой пощечины и удивленное восклицаніе Маши.

ХІІ.

Выйдя за ворота, Бутылинъ машинально пошелъ по улицѣ, бормоча себѣ подъ носъ ругательства.

„Всѣ онѣ, подлыя, одинаковы... А я-то... тьфу!.. мерзость какая!.. отличился! Нашелъ передъ кѣмъ бобы разводить!..“

Впрочемъ, бранился онъ довольно безучастно и самъ удивлялся своему хладнокровію. „По настоящему мало убить ее, стерву, а мнѣ все равно... почему бы это?.. Но не въ этомъ дѣло... надо идти куданибудь... Все опротивѣло, все надоѣло, все обманъ, ни въ чемъ нѣту настоящаго“, — бормоталъ онъ, натываясь на прохожихъ.

Въ разсѣянности сворачивая въ переулки то вправо, то влѣво, онъ очутился, наконецъ, гдѣ-то совершенно на незнакомой ему улицѣ, которая вся горѣла веселыми праздничными огнями. Свѣтъ исходилъ отъ страннаго вида домовъ съ растворенными настежь дверями. Передъ каждымъ изъ такихъ домовъ горѣли, какъ солнца, большіе фонари съ рефлекторами. Эти свѣточки, озаряя дома съ закрытыми ставнями, тротуары, снѣгъ, сливались въ двѣ сходящіяся ли-

ни, упиравшіяся въ ночную тьму. Кой-гдѣ изъ домовъ черезъ ставни доносилось пѣніе, музыка и смутный гулъ веселья. „Веселые дома“, догадался Бутылинъ и вспомнилъ, какъ объ этихъ вертепахъ говорилъ въ думѣ Лопатинъ по поводу экилада санитарной комиссіи. Лопатинъ говорилъ объ ужасныхъ вещахъ, но въ публикѣ и среди гласныхъ держалось все время веселое настроеніе. Гласные подмигивали другъ другу, дѣлали какіе-то таинственные знаки, шептались, фыркали, едва удерживаясь отъ громкаго смѣха, а въ буфетѣ во время перерыва наперебой рассказывались такіе анекдоты, что отъ хохота, похожаго на конское ржанье, дрожали рамы. Бутылинъ даже теперь улыбался, вспоминая это веселое засѣданіе.

Изъ освѣщенныхъ сѣней со смѣхомъ и визгомъ выскочили на морозъ три женщины въ легкихъ воздушныхъ платьяхъ, декольтированныя, нарумяненныя, съ подведенными глазами, и, увидѣвъ Бутылина, закричали ему что-то притворно наивными, восторженными голосами, посылая ему воздушные поцѣлуи.

„Подлныя“... брезгливо отворачиваясь, бормоталъ Бутылинъ. Полагая, что идетъ къ центральной части города, онъ скоро попалъ въ такую темень, что натолкнулся на тротуарную тумбу и едва не увязъ въ снѣгу. Освоившись съ темнотой, онъ разглядѣлъ длинный, покосившійся деревянный заборъ, какія-то странныя казарменнаго вида постройки и рядъ темныхъ, убогихъ лачужекъ. На перекресткѣ чуть мерцалъ одинокій фонарь, еще болѣе сгущавшій нависшую надъ нимъ темноту. Кругомъ царилъ жуткая, точно придавленная тишина, которая, казалось, каждую минуту ждала отчаянныхъ криковъ. Бутылину представлялось, что онъ слышитъ заглушенные стоны и какой-то равномерный стукъ, но онъ вскорѣ сообразилъ, что это колотится въ груди его собственное сердце.

„Куда я забрелъ? Здѣсь задушатъ, убьютъ, и никто не услышитъ“, — подумалъ онъ, и ощущеніе близкой опасности холодкомъ пробѣжало у него по спинѣ и прояснило мысли. Онъ остановился, выпрямился и, прислушавшись, зорко посмотрѣлъ въ темноту. Вправо, за пустыремъ мѣстность круто спускалась внизъ: очевидно, тамъ былъ край оврага или обрывистый берегъ, а за нимъ — черная пустая бездна. Приливъ давно неиспытанной веселой отваги вдругъ овладѣлъ Бутылинымъ. Ему вспомнились темныя ночи, когда онъ съ краденымъ золотомъ пробирался глухими лѣсными тропинками съ чужихъ пріисковъ, когда съ деньгами ѣздилъ по Сибирскому тракту или караулилъ на лабазѣ медвѣдя. Машинально ощупавъ карманы, онъ сообразилъ, что въ бумажникѣ у него

около двухъ тысячъ да въ кошелькѣ мелочью около ста рублей, на головѣ соболья шапка, на плечахъ дорогая шуба— все это могло составлять большой соблазнъ для любителей легкой наживы. „Ничего, сила-то у меня еще прежняя“, подумалъ онъ: „хвачу кулачищемъ—не поздоровится“. И ему еще припомнилось, какъ въ лѣсу на развѣдкахъ онъ кулакомъ усмирить взбунтовавшуюся партію рабочихъ, сваливъ съ ногъ зачинщика Ваньку Трегубова. „Узнали, подлецы, что значить хозяйская рука. Орель былъ, ничего не боялся, а теперь ослабъ, трусу праадную“.

Мѣстность становилась все пустынноѣе. Появились длинные пустыри, фонарей уже не было вовсе, посреди улицы торчали старья, голыя деревья; идти приходилось по узкой тропѣ черезъ сугробы снѣга. Впереди смутно мерещилась—нельзя было понять, близко или далеко—какая-то темная громада: не то зданіе, не то гора, не то лѣсъ. Бутылинъ круто повернулъ назадъ. Онъ долго шелъ, и все ему казалось, что кто-то крадется слѣдомъ за нимъ, прячась у темныхъ заборовъ. Никого кругомъ, ни души. Только однажды попался ему совершенно пьяный мастеровой безъ шапки. Качаясь изъ стороны въ сторону, онъ бранился съ воображаемымъ собесѣдникомъ. Оставивъ пьянаго и пройдя какой-то большой садъ, Бутылинъ очутился опять на той же ярко освѣщенной улицѣ съ веселыми домами, гдѣ былъ часъ тому назадъ. Это обстоятельство его поразило, и онъ остановился въ недоумѣніи. Веселье здѣсь, повидимому, уже достигло послѣднихъ предѣловъ: слышалось пьяное, нестройное пѣніе, изступленные крики и визги, грохотъ рояля, пиликанье скрипки, топотъ ногъ. Бутылину представились въ воображеніи пьяные, красные, потные, отвратительные гости, раскрашенныя женщины, запахъ пива, трактирный воздухъ, вся эта атмосфера разнузданности и разврата, и онъ поспѣшно свернулъ въ сосѣднюю темную улицу.

„Когда-то и я бывалъ въ этихъ вертепахъ... и не очень давно... лѣтъ около двадцати, однако... съ Ваней Сальниковымъ“... подумалъ онъ и вдругъ почувствовалъ сильнѣйшую усталость. Съ трудомъ пройдя еще нѣсколько шаговъ, онъ сѣлъ на лавочку у воротъ какого-то дома съ вывѣской, должно быть, трактира—и закрылъ глаза.

„А что, если сейчасъ, сію минуту онъ придетъ... Это возможно, потому что онъ вѣчно шатался по такимъ мѣстамъ... придетъ и сядетъ вотъ тутъ, рядомъ... а?“ И едва успѣлъ онъ подумать это, какъ съ шумомъ растворилась дверь, и какой-то человѣкъ вышелъ на крыльцо изъ трактира; онъ громко вздохнулъ, проворчалъ что-то, сошелъ со ступенекъ и сѣлъ на край лавочки, рядомъ съ Бутылинымъ. Бутылинъ

весь похолодѣлъ отъ страха, не смѣя повернуть головы. Отъ незнакомца пахнуло пивомъ и махоркой.

— Одолжите спичку, милостивый государь, закурирьте, — нѣсколько заикаясь, обратился онъ къ Бутылину.

Голосъ былъ хриплый, незнакомый, но Бутылинъ отнесся къ этому подозрительно.

„Притворяется“, совершенно бессмысленно подумалъ онъ, „а я по махоркѣ знаю, что это онъ... онъ прежде курилъ махорку“...

— Впрочемъ, — продолжалъ незнакомецъ, — вотъ... нашлась коробка... Прошу извиненія... Сидѣлъ, сидѣлъ въ трактирѣ, друзей поджидалъ—никакого чорта!.. Финансы въ упадкѣ, трактирщикъ только двѣ бутылки повѣрилъ... время свободное, дѣлать нечего, и всего только одиннадцатый часъ... Скучно... Позвольте спросить, вы здѣшній или изъ прѣзжихъ?

— Здѣшній,—отвѣчалъ Бутылинъ, приходя въ себя.

— Скучный городъ... Народъ большею частью невѣжественный, никакихъ разумныхъ развлеченій не существуетъ... Вотъ въ Петербургѣ или въ Москвѣ садъ Ливадія и тому подобное... Вы не знавали купца Пирожникова?

— Нѣтъ.

— Богатый, именитый купецъ былъ... между прочимъ, родственникъ мой, родной дядюшка, и я его единственный наслѣдникъ, но, какъ видите, вотъ!.. Колесо фортуны и прочее... Дядюшка вылетѣлъ въ трубу, и я остался такимъ образомъ не при чемъ... существую, можно сказать, экспромтомъ. Пробовалъ служить даже агентомъ тайной полиціи, но въ концѣ концовъ отказался, и поэтому случаю два года остаюсь безъ ваканціи... Спасибо друзья поддерживаютъ, а то бы окончательно сильвупле и тому подобное. Друзья у меня хорошіе. Знаете купца Бутылина?

— Бутылина?.. не знаю.

— Какъ такъ? Бутылина не знаете? Извѣстный же миллионеръ, Крезъ, Ротшильдъ, Сарданалъ—въ родѣ этого. Извѣстный и популярнѣйшій человекъ! Ордена имѣетъ. Ну, только, разумѣется, мошенникъ: кого угодно кругъ пальца обернетъ. Между прочимъ, скупъ и жаденъ, какъ песь. Изъ жадности единственнаго сына наслѣдства лишилъ, изъ дому выгналъ—вотъ каковъ гусь! Теперь сынъ-то въ родѣ, извините, золоторотца. Векселя выдавалъ, вѣрили ростовщики въ счетъ будущихъ благъ, а теперь кончено! зубы на полку!.. Такъ вотъ онъ тоже мой другъ... Павелъ Ивановичъ Сальниковъ...

— Кто?—глухо переспросилъ Бутылинъ.

— Павелъ Ивановичъ Сальниковъ. Не слышали про купца

Сальникова? Богатый былъ купецъ, да разворился. Такъ это его сынъ. Чудный малый, образованный, учился въ фершальской школѣ. Потомъ Веретенниковъ Николай Васильевичъ, служилъ въ горномъ управленіи... Пріятелей у меня достаточно.. А, между прочимъ, въ этомъ трактирѣ дѣла дѣлаются, ой-ой!.. довольно любопытно для богатыхъ людей... тамъ, въ заднихъ комнатахъ для господъ... не бывали?

— Нѣтъ.

— Если не бывали, то можно хоть сейчасъ... Пива бутылочки двѣ-три—больше ничего! можетъ, меня угостили бы: я человѣкъ полезный... на всякія дѣла... Не пожелаете ли? Пойдемте!

— Идемъ,—сказалъ Бутылинъ и поднялся съ мѣста.

Трактиръ былъ грязный, послѣдняго разбора. Трактирщикъ испуганно пригласилъ Бутылина въ „дворянскую“. Словоохотливый незнакомецъ оказался плюгавымъ оборванцемъ въ коричневомъ пальто, въ калошахъ, безъ сапогъ, съ рыжей фуражкой въ рукахъ. Увидавъ на Бутылинѣ богатую шубу и соболью шапку, онъ оробѣлъ, сталъ извиняться и хотѣлъ проскользнуть на черную половицу, но Бутылинъ его не пустилъ.

— Куда?—сказалъ онъ:—а пиво? ты хотѣлъ пиво пить?

— Ваше степенство... вы видите, мой туалетъ...

— Наплевать!.. Не важность, не въ этомъ дѣло.

— Хе, хе!.. если такъ, то покорнѣйше благодарю... Конечно, туалетъ, такъ сказать, оболочка, не болѣе... хе, хе!.. главное же душа и затѣмъ справедливость.

— Почему справедливость?

— А какъ же—съ?.. безъ справедливости невозможно. Ежели вы пишете пятьдесятъ рублей, а получаете десять, то развѣ есть въ этомъ справедливость?.. Или, положимъ, вы не воровали, а судья, не взирая на это, приговариваетъ васъ въ тюрьму, то, я полагаю, тоже не очень пріятно.

— Ты, стало быть, судился за воровство?

— Въ томъ-то и дѣло-съ. Изъ-за пустяковъ... и совершенно несправедливо-съ... потому что свидѣтелей не было, и вдругъ осудили.

— Ну, пей пиво, да скажи мнѣ: этотъ Бутылинъ... пріятель-то твой... онъ гдѣ проживаетъ?

— Въ настоящее время въ ночлежномъ домѣ, а до того въ подвалѣ у Богуславскаго, въ собственной своей квартирѣ. Дѣльный и образованный господинъ... въ газетѣ пишетъ, происшествія описываетъ... но слабость!.. пьетъ, можно сказать, запоемъ-съ... Конечно, жаль, потому что молодой человѣкъ и погубилъ свою репутацію.

— Чѣмъ онъ живетъ?

— Зарабатываетъ... отъ редакціи гонораръ получаетъ, прошенія пишетъ... Служилъ и тайнымъ агентомъ, со студентами дружбу водилъ... разговоры, пятое-десятое, а также съ прочими образованными людьми. Но свихнулся, запилъ, подлецомъ самъ себя называлъ... такую несъ околесную... И чисто всѣ деньги пропилъ и одежду съ себя... Да... на линію совсѣмъ выходилъ, да не удержался, свихнулся... Меня онъ уважаетъ и, когда при деньгахъ, поддерживаетъ...

Изъ престопадной половины неслоу нестройное пѣніе, гулъ голосовъ, щелканье билліардныхъ шаровъ. Изъ дверей направо, гдѣ кутила какая-то компанія, временами раздавался гомерическій хохоть, и Бутылину все казалось, что онъ слышитъ чей-то очень знакомый голосъ.

— Позвольте спросить еще бутылочку? — сказалъ оборванецъ.

— Валяй!

— Человѣкъ! двѣ бутылки пива!.. Сами-то вы не кушаете... Если бы мнѣ окопироваться, я опредѣлился бы на ваканцію... потому что первое дѣло костюмъ... Позвольте спросить, вы не изъ купцовъ?

— Н... нѣтъ.

— Стало быть, изъ чиновниковъ?

— И не изъ чиновниковъ.

— Да, да... стало быть, вообще, по своей части... Я потому спросилъ, что въ купеческомъ сословіи по нынѣшнему времени требуется аккуратность въ костюмѣ...

— Этотъ Бутылинъ... ночуетъ въ ночлежномъ домѣ... а живетъ-то онъ гдѣ же?

— А живетъ онъ... какъ сказать?... Въ трактиръ зайдетъ, въ чайную, въ столовую, въ библіотеку... такъ и проводитъ время... когда по домамъ ходитъ, стрѣляетъ...

— Какъ стрѣляетъ?

— А это называется стрѣлять, ежели у кого выпросить денегъ или изъ одежды... на погорѣлое мѣсто, скажемъ, или выписался изъ больницы—это и называется стрѣлять...

— И Бутылинъ стрѣляетъ?

— Какже съ! когда съ похмѣлья, либо что... ну, только что не вполнѣ искусно... Амбиція-съ... Начнетъ врать, а не совсѣмъ натурально...

— Когда же онъ въ ночлежкѣ бываетъ?

— Обнаковенно вечеромъ, часовъ съ восьми, утромъ до одиннадцати. Днемъ оставаться тамъ не позволяютъ.

— Гдѣ этотъ ночлежный домъ?

— Ночлежныхъ домовъ въ городѣ всего три: одинъ городской, бесплатный, въ память юбилейнаго торжества, но

тамъ нехорошо... другой у татарина Вахитова на Варваркѣ, третій у Пономарева на Черномъ рынкѣ.

— Въ которомъ же ночуетъ Бутылинъ?

— А ужъ это какъ придется. Ежели денегъ нѣту, то въ городскомъ, потому что тамъ бесплатно, а при деньгахъ либо у Вахитова, либо у Пономарева: у одного три копѣйки, у другого пять. Да вы прикажите, ваше степенство, я извѣщу, онъ прибѣжитъ, ежели что, живымъ манеромъ...

— Ненужно, нѣтъ... я это такъ... Позови мнѣ извозчика.

— Сію минуту.

Оборванецъ съ чрезвычайною готовностью побѣждалъ. „Вотъ она гордость-то какова!“ думалъ Бутылинъ, прислушиваясь въ то же время къ шуму, доносившемуся справа повидимому, изъ отдѣльныхъ кабинетовъ. Ему показалось, что онъ слышитъ голосъ Кваснинскаго.

— Эй, ты!—крикнулъ онъ буфетчику, который поспѣшно прибѣжалъ на зовъ.—Кто у васъ тамъ?

— Управляющіе Курьинскіе, господинъ Кваснинскій, — тайственно сообщалъ буфетчикъ.

— А! вотъ какъ! Что онъ тамъ дѣлаетъ?

— Такъ-съ... гуляютъ-съ... по своей волѣ,—что желательно...

— Съ кѣмъ?

— Еще господа съ ними... господинъ Сольскій, господинъ Басмановъ... барышни-съ... Приѣхали уже зеленые-съ...

— Гм!—презрительно промычалъ Бутылинъ.

— Къ намъ порядочные господа приѣзжаютъ, высшаго кругу,—продолжалъ буфетчикъ:—потому что у насъ здѣсь вольготно... Оттуда даже и ходъ особый есть... какъ же-съ... и комнаты страсть какія великолѣпныя: зеркала-съ, бархатные диваны-съ... совсѣмъ особое помѣщеніе.

— Отсюда можно пройти?

— Какъ-же-съ, можно. Черезъ корридорчикъ-съ, вотъ суды-съ.

— Проведи-ка меня.

— Куды-съ?

— Туда, къ управляющему-то.

— Туды нельзя-съ... какъ можно-съ!.. а если угодно, имѣются еще свободныя помѣщенія.

— Ты меня къ Кваснинскому проведи.

— Помилуйте, никакъ невозможно!

— Ничего, онъ пріятель мнѣ.

— Все равно, ни подъ какимъ видомъ-съ...

— Да почему?

Буфетчикъ ухмыльнулся.

— Помилуйте-съ, какъ же можно-съ?.. Безпокоить въ эдакое время... да и двери у нихъ заперты.

— Это вадорь! куда идти-то? сюда, что ли?

— Точно такъ, по корридорчику.

Бутылинъ, въ сопровожденіи буфетчика, прошелъ по узкому корридору и остановился у двери, за которой слышались смѣхъ и пьяные голоса.

— Тутъ-съ, въ этихъ комнатахъ... считаются будто хозяйскія... четыре комнаты-съ...

Бутылинъ постучалъ въ дверь, но за шумомъ его никто не услышалъ. Онъ постучалъ сильнѣе.

— Кто тамъ?—послышался голосъ, и дверь отворилась. Бутылинъ увидѣлъ въ дверяхъ длинную фигуру Сольскаго.

— Чего надо?—грубо спросилъ тотъ, но, узнавъ Бутылина, удивленно замолчалъ.

Бутылинъ, не здороваясь и слегка отстранивъ его, вошелъ въ комнату, гдѣ, въ самомъ дѣлѣ, были зеркала, бархатные диваны и даже каминъ. На столѣ стояли бутылки съ виномъ и вазы съ фруктами. Бутылинъ увидѣлъ Кваснинскаго и Басманова, стараго, сѣдого и толстаго человѣка съ посоловѣвшими глазами. Кваснинскій былъ въ одной рубашкѣ съ разстегнутымъ воротомъ, изъ-подъ котораго виднѣлась жирная волосатая грудь. Раскраснѣвшись отъ вина, онъ весь былъ рововой, маленькіе глазки его искрились и блестяли. Тутъ же, на диванѣ, сидѣли рядышкомъ очень молоденькія дѣвицы, одѣтыя въ сѣрыя одинаковаго фасона платья. Онѣ были совершенно пьяны и, увидавъ Бутылина, такъ и покатались со смѣху. Рядомъ съ Кваснинскимъ, обхвативъ голову руками и упираясь локтями въ столъ, сидѣла дѣвочка лѣтъ пятнадцати, тоненькая, худенькая, въ такомъ же сѣромъ, но измятомъ и криво надѣтомъ платьицѣ, и тихо всхлипывала. Она была тоже пьяна.

— Что я вижу? откуда праведникъ сей?—смѣясь, закричалъ Кваснинскій:—какимъ чудомъ?.. Садись, садись!.. Хо! хо!.. слышалъ про твои подвиги: обогнулъ казну!.. Хвалю, молодчина!.. ухватилъ кушъ, ха, ха, ха!.. Такъ и слѣдуетъ, другъ мой... Хочешь шампанскаго? или чего ты хочешь? Здѣсь все можно. И красавицы есть, видишь? Сердцу рай, выбирай каждый дѣву младую!..

Дѣвицы опять, прячась другъ за друга, залились смѣхомъ. Бутылину показалось, что Кваснинскій какъ будто сконфуженъ.

— Вотъ, рекомендую: г. Басмановъ, г. Сольскій... впрочемъ, вы знакомы... Ну, что же? хочешь шампанскаго?

— Дай коньяку.

— Есть. Сольскій! подай вонъ тамъ, на столѣ. Коньякъ хорошій.

Бутылинъ выпилъ большую рюмку и, посмотрѣвъ на дѣвочку, спросилъ:

— Зачѣмъ она плачетъ?

— Глупая, вотъ и плачетъ. Хотя плакать рѣшительно не о чемъ.

— Ты ее обидѣлъ, что ли?

— Какъ можно! Напротивъ, я ее очень люблю.

— Откуда онѣ?—вполголоса спросилъ Бутылинъ.

Кваснинскій отвѣтилъ также въ полголоса:

— Изъ пріюта.

— Это гдѣ я попечителемъ-то состою? гдѣ дамы орудуютъ?

— Ну да, но развѣ ты состоишь попечителемъ? Я не зналъ... Ха, ха!..

— Какъ же онѣ ушли оттуда?

— Надзирательница отпускаетъ. Курьезно, братецъ ты мой, и забавно: ничего-то онѣ не видали... наивность такая, что ну!..

— Гмъ... надзирательницу-то надо прогнать.

— За что?

— А вотъ за это.

— Какія глупости!.. Имъ все равно одна дорога, выбирать не изъ чего... Куда онѣ?.. По крайней мѣрѣ, повеселятся. Надзирательница это понимаетъ.

— Но онѣ еще дѣти... а эта вонъ совсѣмъ ребенокъ... Милая, о чемъ ты плачешь?.. Перестань!..

— Хороши дѣти!.. Ты вонъ обрати вниманіе на ту, вонъ которая въ серединѣ сидитъ—ой-ой!.. Маша! ну-ка спой: „моя милая крошка“...

Маша, засмѣявшись, спряталась за спину подруги.

— Она, впрочемъ, уже готова... Эти дѣвочки въ модѣ... развѣ ты не зналъ?

Кваснинскій что-то шепнулъ Бутылину на ухо.

— Неужели?

— Да, да. Всѣ люди, всѣ человѣки, ха, ха, ха!.. Пей коньякъ. Ты, я вижу, мраченъ, какъ туча... И напрасно: жизнь, братъ, хороша! только надо умѣть за нее вѣяться.

Циническіе, безстыжіе „варнацкіе“ глаза Кваснинскаго дружески заглянули Бутылину въ лицо. „Ударь его!“—шепнулъ Бутылину чей-то голосъ.—„За что?“ мысленно спросилъ Бутылинъ и сказалъ вслухъ:

— Подлецъ же ты, однако! дѣтей обижаешь!.. и та гадина тоже.—Бутылинъ указалъ на Сольскаго.

Кваснинскій захохоталъ.

„Ударь его“— снова шепнулъ Бутылину голосъ.

— Онъ душой еще совсѣмъ невинный и ужъ обречены чорту на закуску!.. Милая! о чемъ ты плачешь? Не плачь!

Дѣвочка, уронивъ голову на столъ, вдругъ громко зарыдала.

— Ты съ ума сошелъ!—сердитымъ голосомъ заговорилъ Кваснинскій. — Какого чорта! ругаешься, какъ извозчикъ!.. Дуру эту раздражилъ, къ чему? Видишь, она пьяная, ну, и реветь... Перестань!—обратился онъ къ дѣвочкѣ:—а не то я тебя отправлю въ пріютъ! чортъ съ тобой! очень нужно!..

Дѣвочка перестала рыдать, но продолжала судорожно всхлипывать.

— Замолчи же!—крикнулъ Кваснинскій и грубо тронулъ ее за плечо. Лицо у него вдругъ стало раздраженное, угрюмое, злое.

„Ударь его!“—еще настойчивѣе повторилъ голосъ.—„Сейчасъ“, отвѣтилъ Бутылинъ и сказалъ вслухъ:

— Не обижай дѣвочку!

— Вотъ еще! ты-то еще чего?

— Я тебѣ говорю: не смѣй обижать дѣвочку!

— Ха, ха, ха!..—захохоталъ Кваснинскій.

Бутылинъ вдругъ со всего размаха ударилъ его по лицу. Кваснинскій пошатнулся, взмахнулъ руками и грохнулся на полъ. Бутылинъ видѣлъ, какъ отъ удара вся лѣвая сторона его лица побѣлѣла, а изъ носа ручьемъ хлынула кровь, и какъ онъ на четверенькахъ поползъ подъ столъ. Дѣвицы вскрикнули отъ испуга и захныкали, какъ дѣти.

— Гадина!—презрительно произнесъ Бутылинъ и, оглянувшись, съ удовольствіемъ убѣдился, что внушаетъ собою всеобщій ужасъ. Онъ пнулъ ногой въ ползающаго на полу Кваснинскаго и, засмѣявшись, пошелъ изъ комнаты. Передъ нимъ испуганно посторонился блѣдный, какъ смерть, Сольскій.

XIV.

На слѣдующій день къ Бутылину пріѣхали Сольскій и Басмановъ, но ихъ не приняли. Оба они имѣли сконфуженный и до крайности встревоженный видъ. Басмановъ, кромѣ того, видимо, сильно страдалъ похмѣльемъ. Часовъ въ двѣнадцать они пріѣхали снова и опять не были приняты.

— Что же дѣлать?—сказалъ Сольскій.

— Пишите письмо, умоляйте.

Сольскій написалъ, прося Бутылина принять ихъ только на одну минуту по весьма важному дѣлу. Швейцаръ понесъ записку, а гости усѣлись въ ожиданіи на скамейку. Оба

угрюмо молчали. Швейцаръ вернулся минутъ черезъ десять и попросилъ ихъ подняться на верхъ.

Бутылинъ привялъ ихъ весьма непривѣтливо.

— Чего надо?—спросилъ онъ, не здороваясь и не глядя на нихъ.

Сольскій сталъ говорить, что Николай Андреевичъ Кваснинскій и они вмѣстѣ съ нимъ выражаютъ крайнее сожалѣніе по поводу вчерашняго инцидента и готовы принести всевозможныя извиненія.

— Не здоровится мнѣ,—сказалъ Бутылинъ, не слушая и тяжело думая о чемъ-то другомъ.

— Николай Андреевичъ проситъ позволить ему пріѣхать и лично принести извиненіе.

— Что? пріѣхать? съ извиненіемъ? Не надо. Вѣдь я же ему накласть, а не онъ мнѣ. Ну его къ чорту!

— Во избѣжаніе разговоровъ, желательно, чтобы все осталось между нами.

Бутылинъ нетерпѣливо махнулъ рукой.

— Наплевать!

— Какъ будто ничего не было...

— Ладно, ладно!

— Благодаримъ. Просимъ извиненія за беспокойство. Будьте здоровы. Имѣемъ честь кланяться.

Бутылинъ угрюмо проводилъ ихъ до дверей кабинета.

Не смотря на это, по городу распространились самыя преувеличенныя слухи. Говорили, что Бутылинъ переломалъ Кваснинскому ребра и выбилъ передніе зубы, что при этомъ присутствовали не только старшія воспитанницы пріюта, но и сама надзирательница и даже нѣкоторыя дамы-патронессы. Присочинялись разныя подробности, большею частью скабрезнаго свойства. Одни одобряли Бутылина, усматривая въ его поступкѣ рыцарское благородство, другіе осуждали, говоря, что, какъ бы тамъ ни было, а драться онъ не имѣлъ никакого права.

Можетъ быть, именно благодаря этимъ слухамъ, благотворительный пріютскій базаръ 6 декабря оказался чрезвычайно удачнымъ. Масса публики съ самаго утра толпилась въ залахъ благороднаго собранія. Торговля шла очень бойко. Къ вечеру оставались не проданными только три пары чугунныхъ подсвѣчниковъ, бронзовый бюстъ Гамбетты, какой-то весьма неуклюжій саквояжъ да нѣсколько штукъ дешевыхъ дѣтскихъ игрушекъ.

Въ благотворительномъ буфетѣ уже появились признаки того разливаннаго моря, которое обыкновенно наступало только послѣ полуночи. Два золотопромышленника, Панкратовъ и Шерстобитовъ, состязались въ щедрости другъ пе-

редь другомъ. Панкратовъ заплатилъ за бокаль шампанскаго 25 рублей, Шерстобитовъ за такой же бокаль далъ пятьдесятъ, послѣ чего первый спросилъ бутылку пива и отдалъ сто рублей, другою за рюмку коньяку уплатилъ полтора.

Благотворительныя дамы, изображая буфетную прислугу, въ бѣлыхъ передникахъ, веселыя, красивыя, возбужденныя, улыбающіяся, суетливо бѣгали взадъ и впередъ, кокетничая съ гостями, почтительно говорили: „слушаю-съ“, выпрашивали у нихъ на чай, улыбаясь, выслушивали сомнительнаго сорта комплименты и сами болтали всякій вздоръ. Имъ говорили: „ты, милая“, подчеркивая эти слова, а наиболѣе смѣлые изъ гостей даже позволяли себѣ любопытствовать относительно добротности матеріи ихъ платьевъ. Отъ всего этого дамы были счастливы и носились въ какомъ-то чаду. Онѣ пили шампанское съ тѣми, кто хорошо платилъ. Это дѣлалось съ благотворительною цѣлью, и все покрывалось ею. Одна дама позволила молодому купчику поцѣловать руку выше кисти и взяла съ него за это пятьдесятъ рублей, другая за сто рублей разрѣшила поцѣловать свою руку выше локтя. Многія дамы были уже замѣтно на-веселѣ.

Бутылинъ пріѣхалъ очень поздно, и то лишь исполняя просьбу генерала Угарица, который посылалъ за нимъ два раза. Съ равнодушнымъ видомъ, молча, онъ купилъ все, что осталось отъ базара, уплативъ пятьсотъ рублей, потомъ, съ трудомъ пробираясь сквозь толпу и разсѣянно отвѣчая на поклонныя, пошелъ въ буфетъ пить шампанское. Здѣсь онъ увидѣлъ Анну Павловну Высотскую, и лицо его просіяло. Она сидѣла въ своей витринѣ и видимо скучала. Ея незначительное, миловидное личико и маленькая невзрачная фигурка въ свѣтло-сѣромъ платьѣ, очевидно, никого не прельщали, и торговля у ней шла совсѣмъ плохо. Бутылинъ, улыбаясь, подсѣлъ къ ней. По обыкновенію, вспыхнувъ, какъ зарево, она смѣло, какъ знающая урокъ ученица, посмотрѣла ему въ глаза и предложила чего-нибудь выпить.

— Хорошо, дайте шампанскаго,—сказалъ Бутылинъ, который, какъ всегда, самъ не зная отчего, совершенно безотчетно повеселѣлъ и какъ бы помолодѣлъ въ ея присутствіи. Онъ мало интересовался, никогда не думалъ о ней, не искалъ ея общества, но при всякой случайной встрѣчѣ съ нею расцвѣталъ и радовался. Онъ даже не зналъ хорошенько, кто она и гдѣ живетъ. Смутно припоминалось ему, что мужъ ея не то агентъ какого-то общества, не то механикъ, и что онъ имѣлъ съ нимъ какія-то дѣла.

— Ну, какъ вы поживаете, моя богиня? какъ вашъ протеже?—началъ Бутылинъ.

— Какой протеже? О комъ вы говорите?

— А этотъ хромой, слѣпой, убогій... рабочій... Помните ему ноги обломало или голову... вы о пенсіи хлопотали...

— Ахъ, Ремешковъ!.. Представьте, вѣдь вы были правы.. ахъ, какъ вы были правы!..

— Какъ такъ?

— Представьте: мы однажды приходимъ къ нему, а онъ лежитъ, и отъ него пахнетъ водкой, какъ изъ винной бочки... представьте!.. Конечно, мы ушли и прекратили пособіе... Какой ужасъ! вѣдь у него пятеро дѣтей малъ-мала меньше.

— Гмъ!..

— Да, да... Я говорю: это удивительно, какъ онъ тогда угадалъ, то-есть, вы... Это потому, что вы знаете народъ, а мы не знаемъ... да...

Бутылинъ сталъ угощать Анну Павловну шампанскимъ. Она, выпивъ бокаль, отъ другого отказалась. Онъ допилъ бутылку одинъ, спросилъ еще и сталъ угощать кого попало изъ проходившей мимо публики. Мало-по-малу около нихъ собралась веселая и говорливая толпа. Бутылинъ сидѣлъ красный, съ блаженной улыбкой на лицѣ, и всему смѣялся.

— Его превосходительству!—провозгласилъ онъ, увидѣвъ генерала Угарина, передъ которымъ почтительно разступилась толпа. Генераль шелъ подъ руку съ Кваснинскимъ, который, по обыкновенію, сіялъ весельемъ и самымъ дружескимъ образомъ улыбался Бутылину. Бутылинъ пріятельски протянулъ ему руку. Затѣмъ они, слегка обнявъ другъ друга, шутливо и ласково поговорили минуты двѣ. Это дѣлалось для того, чтобы показать, до какой степени несправедливы ходившіе по городу слухи. Но публика заключила только одно, что, въ самомъ дѣлѣ, произошло что-то такое, что нужно было скрыть.

Генералу придвинули кресло, и онъ, любезно чокнувшись со всѣми, выпилъ бокаль шампанскаго и сказалъ нѣсколько ласковыхъ словъ Аннѣ Павловнѣ, отъ которыхъ та вспыхнула и отвѣтила ему, какъ заученный урокъ, тоже какою-то любезностью. Генераль, не слушая, ласково кивнулъ ей головой.

XV.

Черезъ два дня былъ торжественный актъ въ дѣтскомъ пріютѣ и выставка пріютскихъ издѣлій. Молебень служилъ самъ преосвященный. Пѣли два хора: архіерейскій и пріютскій. Народу было немного, но за то публика была отборная. При торжественной обстановкѣ прочитанъ былъ отчетъ о дѣятельности пріюта за минувшій годъ, послѣ чего пріютскимъ хоромъ было пропѣто привѣтствіе высокопоставлен-

нымъ гостямъ, сочиненное и положенное на музыку пріютскимъ учителемъ пѣнія.

Когда пѣніе кончилось, изъ рядовъ своихъ подругъ отдѣлилась воспитанница лѣтъ пятнадцати, худенькая, стройная, очень красивая, но чрезвычайно блѣдная, въ которой Бутылинъ тотчасъ же узналъ плакавшую въ трактирѣ дѣвочку, и безцвѣтнымъ, срывающимся, такимъ же блѣднымъ, безкровнымъ голосомъ, каково было ея лицо, обращаясь къ архіерею, произнесла рѣчь, сочиненную Сольскимъ, послѣ чего архіерею была вручена вышитая шелкомъ подушка, которую держала на серебряномъ подносѣ другая дѣвочка, также очень блѣдная и худая.

Затѣмъ съ противоположной стороны, изъ рядовъ мальчиковъ бойко выступилъ и по военному отмаршировалъ на средину залы рыжій коренастый мальчуганъ съ лицомъ, испещреннымъ веснушками, и звонкимъ голосомъ, выкрикивая слова и придавая фразамъ вопросительное выраженіе, сказалъ похвальное слово ея превосходительству попечительницѣ пріюта и почетному блюстителю, Пахому Саввичу Бутылину.

Генеральша прослезилась и, радостно улыбаясь сквозь слезы, поцѣловала рыжаго мальчугана, а Бутылинъ, погладивъ его по головѣ, подарилъ ему серебряный рубль.

По окончаніи акта преосвященный благословилъ воспитанниковъ и воспитанницъ, и они церемоніальнымъ маршемъ двинулись черезъ всю залу и корридоръ въ свое постоянное обиталище—нижній этажъ.

Архіерей отказался отъ чаю и вскорѣ уѣхалъ. Его проводили до передней генеральша, Бутылинъ, надзирательница, учительскій персоналъ и нѣсколько дамъ. Вслѣдъ за нимъ, съ недоумѣніемъ на лицахъ, одинъ по одному, стали торопливо уходить, какъ-бы боясь, чтобъ ихъ не задержали, пожилые господа въ потертыхъ сюртукахъ и засаленныхъ вицьмундирахъ съ орденами и старушки въ люстриновыхъ платьяхъ. Осталась только избранная публика. Генеральша озабоченно приглашала всѣхъ въ столовую, гдѣ на одномъ концѣ были разставлены столы съ великолѣпной закуской, а на другомъ—чай, печеніе и фрукты.

Освободившись отъ официальной торжественности, гости разбились на группы и громко заговорили. Стало вдругъ суетливо и шумно. Кто поважнѣе, потянулись въ столовую, кто попроще, расположились по заламъ и корридорамъ смотрѣть выставку пріютскихъ издѣлій.

Пріютъ помѣщался въ большомъ каменномъ двухъ-этажномъ домѣ, пожертвованномъ купцомъ Кирпичевымъ. Въ верхнемъ этажѣ находились актовый залъ, бібліотека, го-

стиная, приѣмная, кабинетъ попечительницы, канцелярія и двѣ или три комнаты, не имѣвшія опредѣленнаго назначенія. Внизу помѣщались дортуары, столовая, мастерскія, школа, квартира надзирательницы, кухня и сторожевая. Вверху было чисто, просторно, парадно и пусто. Актный залъ и другія парадныя комнаты отворялись только въ особенныхъ случаяхъ, не болѣе пяти-шести разъ въ годъ. Одна только „канцелярія“, куда каждый день съ восьми часовъ утра приходилъ старикъ по фамиліи Клобуковъ и писалъ что-то четкимъ стариковскимъ почеркомъ, была обитаема. Что именно писалъ Клобуковъ, мало кому было извѣстно. Онъ числился пріютскимъ писемоводителемъ, велъ какія-то книги, въ которыя никто никогда не заглядывалъ, составлялъ списки. Ему было уже подъ семьдесятъ лѣтъ, и онъ двадцать три года служилъ въ пріютѣ. Одинъ или два раза въ годъ онъ пилъ запоемъ и тогда надоѣдалъ всѣмъ, обличая казначея и надзирательницу и рассказывая о пріютской жизни самыя невѣроятныя вещи. Неоднократно комитетомъ составлялись постановленія объ его увольненіи, но Клобуковъ, протрезвившись, какъ ни въ чемъ не бывало, приходилъ въ канцелярію, садился за свой столъ и въ сотый разъ переписывалъ на бѣло списки членовъ, а перваго числа являлся къ казначею за жалованьемъ.

Внизу были тѣснота, вонь, грязь, непрерывный шумъ, возня, суета, безпокойство и тревога. Комитетскія дамы боялись туда заглядывать. Въ виду ужасающей тѣсноты, возникалъ вопросъ о переводѣ нѣкоторыхъ пріютскихъ учрежденій изъ нижняго въ верхній этажъ, но дамы ревностно оберегали парадную половину дома. „Ужъ тогда совсѣмъ будетъ одно безобразіе!“—говорили онѣ.

Лакеи во фракахъ и бѣлыхъ перчаткахъ разносили чай. Мужчины, кто посолондѣе, столпились передъ закуской, чокались, выпивали и разговаривали съ набитыми ртами. Около самовара хлопотала Анна Павловна съ надзирательницей и двумя горничными въ бѣлыхъ фартукахъ. Дамы огромнымъ цвѣтнымъ вѣромъ размѣстились вокругъ дивана, на которомъ сидѣла генеральша, и щебетали, какъ птицы.

Черезъ полчаса, по приглашенію генеральши, двинулись толпой осматривать выставку.

Дамы ахали, восхищаясь изящно лакированными рабочими столиками, рѣзными шкатулочками, вышитыми серебромъ туфлями, красными сафьянными татарскими сапогами, золотообрѣзнымъ переплетомъ церковныхъ книгъ, кружевными косыночками, вышивками по атласу и бархату; мужчины солидно оцѣнивали прочность и добротность охотничьей обуви, сдѣланной будто бы въ мастерскихъ пріюта, практич-

ность кожаныхъ саквояжей. Попечительница и комитетскія дамы сіяли, скромно принимая на свой счетъ раздававшіеся кругомъ похвалы.

„На кого она похожа?“—думалъ Бутылинъ, глядя на Анну Павловну:—„на кого-то она страшно похожа!“ И вдругъ на него нахнуло далекимъ дѣтствомъ, такимъ свѣтлымъ и радостнымъ, что у него сладко и больно замерло сердце, и, боясь заплакать, онъ сталъ ходить взадъ и впередъ по опустѣвшей столовой. Ему вспомнились мать, тетка Татьяна, Аннушка... добрая, милая, ласковая Аннушка, которой уже сорокъ лѣтъ нѣтъ на свѣтѣ. „Вотъ что! она похожа на Аннушку: тѣ же ясные, смѣлые глаза, такая же голова, лицо, тѣ же ласковыя, мягкія движенія“. Сходство было до такой степени поразительное, что Бутылинъ, сознавая всю нелѣпность своего предположенія, подумалъ: „а вѣдь это, въ самомъ дѣлѣ, она, Аннушка!“ и пошелъ разспрашивать Анну Павловну, кто она, откуда, гдѣ родилась, пристально глядя въ ея лицо и жадно слѣдя за ея движеніями. Анна Павловна, ощущая отъ его взглядовъ неловкость во всемъ тѣлѣ, отвѣчала, что она дочь акцизнаго чиновника, родилась въ Нижнемѣ, замужемъ пятый годъ. Бутылинъ разочарованно вздохнулъ и прекратилъ разспросы.

— Вы очень похожи на мою двоюродную сестру,—сказалъ онъ:—и зовутъ васъ такъ-же, Аннушкой—это удивительно!

И онъ опять сталъ ходить вдоль столовой. Къ нему подошелъ Сольскій и, заискивающе улыбаясь (онъ все еще съ того времени имѣлъ видъ побитой собаки), началъ рассказывать, почему нѣтъ здѣсь генерала. Сказали, что ему не здоровится, но дѣло вовсе не въ этомъ: получены весьма неудовлетворительныя извѣстія изъ Петербурга, и старикъ страшно встревоженъ. Пока неизвѣстно, какъ и почему, но его признали неспособнымъ усвоить новое направленіе. Старикъ не хочется выходить въ отставку, и онъ въ большомъ горѣ. Генеральша пока ничего не знаетъ, а то бы и она не пріѣхала. Все это, конечно, секретъ, и Сольскій сообщаетъ Бутылину только изъ особаго къ нему уваженія.

Бутылинъ разсѣянно слушалъ и молчалъ.

— И кандидата уже называютъ... инженера Пончинскаго.

— Это что пріѣзжалъ два года тому назадъ?

— Да, да.

— Но вѣдь онъ, кажется, дуралей?

— Не знаю. У него ученая работа есть, говорятъ... а главное связи... Вопросъ, усидитъ ли теперь Иванъ Абрамычъ...

— Усидитъ, потому что это голова... Вы не знаете, кто мужъ Анны Павловны?

— Довѣренный Кирпичева. Съ большой лысиной господинъ, съ бритыми усами—вы должны его знать.

„Довѣренный Кирпичева... довѣренный Кирпичева“... бормоталъ Бутылинъ, бродя по заламъ, потомъ спускаясь по лѣстницѣ, садясь въ сани, ложась на диванъ въ своемъ кабинетѣ. „Довѣренный Кирпичева“... На него надвигалась та страшная апатія, которая смѣняла собой періоды тревоги и суетливой дѣятельности. Не шевелясь, онъ лежалъ, отвернувшись къ стѣнѣ, и гдѣ-то далеко, какъ змѣя, притаившись на самомъ днѣ души, шевелилась и, не переставая, сосала его сердце тоска... Такъ лежалъ онъ долго, ничего не думая, въ состояніи полного оупѣнія. Наступалъ вечеръ, сгущались сумерки. Бутылину показалось, что кто-то осторожно тронулъ его за плечо. Онъ обернулся, но никого не было. Тогда въ тревогѣ онъ сѣлъ на диванъ и въ пяти шагахъ отъ себя увидѣлъ покойнаго Сальникова. Онъ стоялъ въ простѣнкѣ между книжнымъ шкафомъ и часами и смотрѣлъ на него веселымъ взглядомъ..

— Что ты будешь дѣлать съ Аксайскимъ заводомъ?—спросилъ онъ.

Бутылинъ хотѣлъ что-то отвѣтить и не могъ: губы его высохли и склеились чѣмъ-то вязкимъ, какъ застывшая смола.

— Напрасно со мной не посовѣтовался, — продолжалъ Сальниковъ.—Непріятностей будетъ много. Брось, развяжись. Переуступи французской компаніи. Проси триста тысячъ — дадутъ.

И когда Бутылинъ хотѣлъ отвѣтить, что и самъ онъ объ этомъ думалъ, въ комнатѣ уже никого не было, въ простѣнкѣ между часами и шкафомъ бѣлѣла стѣна. И только тутъ онъ понялъ все несоотвѣтствіе съ здравымъ смысломъ и весь ужасъ того, что произошло, и почувствовалъ, какъ у него поднялись волосы на головѣ и похолодѣли спина и затылокъ. Осторожно крадучись и далеко обходя простѣнокъ, онъ вышелъ изъ кабинета и спустился внизъ.

— Самоваръ поставь... холодно,—дрожа и стуча зубами, хриплымъ голосомъ сказалъ онъ женѣ и легъ ничкомъ на кровать.

Съ этого времени Сальниковъ сталъ часто являться Бутылину. Иногда среди бѣла дня на улицѣ, въ церкви, въ клубѣ онъ неожиданно выглядывалъ изъ толпы и кивалъ ему головой, иногда приходилъ ночью, будилъ его и говорилъ съ нимъ о дѣлахъ.

XVI.

Въ № 256 мѣстнаго листка „Рудникъ“ появился текстъ договора, заключеннаго Бутылинымъ съ казной объ арендѣ Аксайскаго завода. Договоръ былъ напечатанъ весь цѣликомъ, но безъ всякихъ поясненій со стороны редакціи. Публика не обратила на него никакого вниманія, но въ официальныхъ сферахъ забили тревогу. По обыкновенію, стали доискиваться, черезъ кого и какъ попалъ документъ въ печать. На газету посыпались непріятности. Редакторъ-издатель, отставной подпоручикъ Тенорскій, въ страхѣ за дальнѣйшую судьбу своего злосчастнаго органа, разъ пять ѣздилъ къ полиціймейстеру, отъ полиціймейстера къ цензору, отъ цензора къ генералу. Его вездѣ принимали очень дурно, говорили обидныя и непріятныя вещи. Цензоръ съ горечью упрекалъ его въ неблагодарности и жаловался, что онъ подвелъ его подъ выговоръ; полиціймейстеръ грозилъ совсѣмъ закрыть газету; генераль кричалъ, топалъ ногами и въ концѣ концовъ заплакалъ. Тенорскій вернулся въ редакцію поздно вечеромъ, измученный и злой, и набросился на секретаря. Тотъ молча показалъ ему испещренную красными чернилами корректуру завтрашняго номера, изъ котораго было вычеркнуто рѣшительно все, кромѣ телеграммъ и правительственныхъ распоряженій.

Тенорскій въ безсильномъ бѣшенствѣ вцѣпилъ руками въ волосы и забѣгалъ по комнатѣ, какъ помѣшанный.

— Гдѣ же предѣлъ? гдѣ предѣлъ? — восклицалъ онъ. — А все вы! вы! — опять набросился онъ на секретаря: — къ чему было дразнить это осиное гнѣздо?

— Кто же дразнилъ? Документъ былъ доставленъ официальнымъ лицомъ и напечатанъ безъ всякихъ съ нашей стороны комментарій.

— Ахъ, это одна только глупая отговорка! Вы съ первой строчки могли понять, что здѣсь дѣло нечисто... что тутъ скрывается грандіозное мошенничество и, слѣдовательно, нельзя этого пускать въ печать... нельзя-съ... вы сами очень хорошо понимаете, что нельзя... не должны, невозможно...

Съ этихъ поръ въ газетѣ вмѣсто передовыхъ статей стали печататься акафисты, появились очень глупыя нападки на либераловъ, на земское и городское самоуправленіе, но уже ничто не могло спасти газеты, и черезъ два мѣсяца она прекратила свое существованіе.

Когда Бутылинъ увидѣлъ свой договоръ съ казной въ

печати, то сказалъ: „началось!“ и поспѣшилъ покончить дѣло съ французской компаніей о передачѣ аренды. Онъ запросилъ триста тысячъ, и представитель фирмы, не торгуясь, согласился, при чемъ каждый считалъ для себя сдѣлку баснословно выгодной.

Слухи о скорой отставкѣ генерала Угарина проникли и въ публику. Говорили, что его оставили на самое короткое время, чтобъ дать ему отпраздновать свой пятидесятилѣтній юбилей. Старика всѣ очень жалѣли, и къ его юбилею дѣлались большія приготовления. Въ томъ вѣдомствѣ, гдѣ онъ служилъ, вообще предвидѣлись значительныя перемѣны, поэтому многіе не вполне были увѣрены въ своемъ дальнѣйшемъ благополучіи. Въ воздухѣ чувствовалось что-то тревожное, неспокойное. Ожила и зашевелилась кляуза. Дѣла, казалось, на всегда поконченныя, заглушшія старинныя тяжбы вдругъ стали возникать изъ пепла забвенія.

Казалось, совсѣмъ угмонившееся заводское населеніе, въ чаеніи перемѣнъ, снова зашевелилось: одни спѣшили возобновить старинный споръ о возвращеніи незаконно отнятой у нихъ торговой площади, другіе настаивали на приведеніи въ исполненіе сенатскаго указа, остававшагося неисполненнымъ съ 1865 года, третьи возобновляли ходатайство о надѣленіи ихъ землей по случаю прекращенія заводскихъ работъ, четвертые предъявляли претензіи къ казнѣ за неправильно отобранныя отъ нихъ покосы... Наконецъ, прошелъ тревожный слухъ, что осиновцы предъявляютъ искъ къ золотопромышленной компаніи „Серебрякова и К^о“ о миллионныхъ убыткахъ за выработку золота въ принадлежащемъ имъ выпускѣ. Хотя общественный приговоръ объ этомъ былъ направленъ къ отмѣнѣ, но уѣздный съѣздъ призналъ его правильнымъ и утвердилъ. Это было такъ неожиданно и необычно, что за съѣздомъ подозревали другую, болѣе властную руку. Какъ бы то ни было, но все это грозило большими послѣдствіями.

Самое дѣло заключалось въ слѣдующемъ. Осиновскій желѣзодѣлательный заводъ послѣ 19 февраля прекратилъ свое дѣйствіе; не смотря на это, осиновцы по уставной грамотѣ получили только усадьбы и такъ называемый выпускъ, т. е. часть выгона, причисленнаго къ чертѣ усадебной осѣдлости, всего около 800 десятинъ. За прекращеніемъ заводскихъ работъ они упорно хлопотали о надѣленіи ихъ землей, и объ этомъ десятки лѣтъ тянулась безплодная переписка. Пятнадцать лѣтъ тому назадъ въ ихъ выпускѣ случайно было найдено разсыпное золото. Боясь, чтобы объ этомъ не провѣдало начальство и чтобъ не отобрали отъ нихъ и выпуска, осиновцы, точно воры, тайно по ночамъ произво-

дили промывку, сбывая золото на сосѣдніе пріиски за половинную цѣну. Но тайна хранилась не долго, и вскорѣ добыча золота имъ была строжайше воспрещена. Къ селенію былъ приставленъ караулъ, который днемъ и ночью слѣдилъ, не роется ли кто-нибудь у себя въ огородѣ или за околицей, и населеніе жило, какъ подъ конвоемъ. Вскорѣ казенная земля вокругъ Осиновскаго завода была отдана въ аренду золотопромышленной компаніи „Серебряковъ и Ко“, при чемъ въ число арендованной земли попали какимъ-то чудомъ и выпускъ, и усадьбы мастеровыхъ.

Компанія, не теряя времени, приступила къ дѣлу. Работа закипѣла. Ставились въ разныхъ концахъ селенія паровыя машины для промывки песковъ и простые вапгерты, производились развѣдки, пробивались шахты. Началась правильная разработка подъ руководствомъ инженеровъ, но рядомъ велись и беспорядочныя старательскія работы. Въ первый же годъ селеніе было все изрыто и мѣстами совершенно скрылось за высокими отвалами пустой породы и песку. Мѣстами снесены были цѣлыя улицы; дома и дворы переносились на другой конецъ селенія. Но жители не роптали: заработки по здѣшнимъ цѣнамъ были баснословно огромные: бабы и дѣвки зарабатывали по восьми гривенъ и по рублю въ день, мужики до двухъ рублей, старатели семьями получали иногда до 5 и даже до 7 рублей въ сутки. Работали всѣ отъ мала до велика до изнеможенія, до полного истощенія силъ. Немного спустя, открыли и жильное золото, стали ставить новыя приспособленія. Центръ золотого иѣсторожденія оказался въ серединѣ селенія, и оно все было подрыто снизу подвѣтными ходами. Кой-гдѣ образовались провалы, но надъ этимъ только смѣялись. Въ ямахъ, въ шахтахъ, въ разрѣзахъ, въ канавахъ, каждый день гибла скотина, а часто и люди, но на это обращали мало вниманія. Изъ пришлыхъ рабочихъ образовался новый поселокъ, состоявшій изъ ряда маленькихъ, кривыхъ и убогихъ хижинъ. Туда же мало помалу переселялись и коренные жители, побросавъ свои старыя гнѣзда. Черезъ десять лѣтъ Осиновскаго завода уже нельзя было узнать: по наружному виду онъ представлялъ собою красно-желтую пустыню, изрытую холмами отваловъ, между которыми кой-гдѣ еще прятались полуразвалившіяся лачуги, остатки прежняго селенія. За этой пустыней, въ полуверстѣ отъ нея виднѣлся новый поселокъ, казавшійся кучами древеснаго мусора среди зеленаго поля. вмѣсто прежнихъ степенныхъ, твердыхъ, совѣстливыхъ и разсудительныхъ мужиковъ, домовитыхъ бабъ, голосистыхъ, веселыхъ и нарядныхъ дѣвокъ, была теперь сплошь пріисковая забубенная, безшабашная рвань, у которой жизнь протекала

среди безобразнаго пьянства, разврата, ругательства, похабных пѣсенъ, болѣзней, нищеты, изнурительной каторжной работы и нравственной низости.

Когда прошелъ первый чадъ золотой лихорадки, когда добыча золота сократилась и заработки пошли на убыль, осиновцы одумались и стали соображать, что они просто на просто одурачены, что компанія ихъ же руками извлекла для себя миллионы изъ принадлежащихъ имъ нѣдръ, оставивъ на ихъ долю только раззореніе и темное будущее. Заговорили о томъ, что надо жаловаться и хлопотать, но, когда попробовали собраться на сходъ, то изъ этого ничего не вышло. На сходъ они давно уже не собирались, одичали и совершенно отвыкли отъ пріемовъ общаго обсужденія своихъ дѣлъ. Само собою установилось, что всѣ приговоры, какіе требовались по формѣ, писались писаремъ и подписывались грамотѣями за особую плату, которую вносила контора. Когда, послѣ многихъ усилій удалось, наконецъ, собрать сходъ, то на первый разъ, кромѣ гвалта, крика, ругани, ничего не получилось. Контора подкупила горлопановъ, и они сорвали сходъ. То же самое повторилось во второй и въ третій разъ, но мысль о возможности выхода изъ настоящаго положенія уже вошла въ сознаніе, и явились фанатическіе ея приверженцы, которые „сомуцали“ народъ. Кой-кто изъ такихъ смутьяновъ неожиданно исчезалъ, точно сквозь землю проваливался, послѣ чего броженіе на нѣкоторое время утихало. Компанія при помощи собственнаго, хорошо организованнаго сыска зорко слѣдила за малѣйшими его проявленіями. Она знала рѣшительно все, что дѣлалось и говорилось въ средѣ мужиковъ, и предупреждала малѣйшій шагъ. Надо было упорно и долго долбить все по одному мѣсту, чтобы убить, наконецъ, въ народѣ вѣру въ свои права и въ возможность ихъ осуществленія. И эта политика достигала своей цѣли; не встрѣчая ни откуда поддержки, осиновцы, наконецъ, махнули на все рукой. Репутація пьяницъ и отпѣтыхъ людей укоренилась за ними навсегда.

Вотъ почему слухъ о томъ, что осиновцы постановили приговоръ, выбрали повѣренныхъ, поручили имъ пригласить адвоката и даже ассигновали средства, такъ удивилъ и встревожилъ всѣхъ. Неожиданное утвержденіе приговора разсматривалось, какъ явное попустительство со стороны съѣзда, и возмущало господъ инженеровъ компаніи. Но возмутительнѣе всего была отчаянная смѣлость мастеровыхъ, открыто возставшихъ противъ компаніи, отъ которой они вполнѣ зависѣли. Разумѣется, никто не думалъ, чтобъ изъ этого, дѣйствительно, могло выйти что нибудь серьезное („нель за же, въ самомъ дѣлѣ, допустить!“), однако предстояло

не мало хлопотъ, такъ какъ законъ былъ на сторонѣ осиновцевъ. Хуже всего было то, что къ дѣлу примазывался одинъ изъ крупныхъ адвокатовъ, Северъ Павлиновъ, очевидно, чужавшій наживу.

Путаница осложнялась еще тѣмъ, что въ управленіе вмѣсто опытнаго, испытаннаго стараго приказнаго крючка, знаменитаго въ свое время Павлина Разгуляева, назначень былъ изъ Петербурга новый юрисконсультъ, ограниченный и весьма обидчивый молодой человѣкъ, по фамиліи Чижъ. Съ видомъ всезнающаго спеціалиста онъ, что называется, плелъ лапти и провалилъ уже не одно дѣло. На Олимпѣ рѣшили дать ему гонку и поручить его наблюденію Ивана Абрамовича. Молодой человѣкъ страшно обидѣлся, но въ концѣ концовъ уступилъ.

Иванъ Абрамовичъ весело, шутя, съ прибаутками, въ первое же свиданіе раскрылъ передъ нимъ такія юридическія перспективы, что тотъ только диву дался. Съ тѣхъ поръ онъ почти ежедневно заѣзжалъ въ управленіе къ Ивану Абрамовичу за совѣтами.

Дѣло съ осиновцами повергло Чижъ въ совершенное отчаяніе.

— Какой скандалъ, если мы проиграемъ процессъ! — говорилъ онъ, — а что проиграемъ, то это вѣрнѣе вѣрнаго.

— Почему же? — спрашивалъ Иванъ Абрамовичъ.

— Господи Боже мой! какъ почему? Вы сообразите только слѣдующія обстоятельства: мужики по уставной грамотѣ получили въ собственность усадьбы и выпускъ, у нихъ имѣется данная, такъ-съ?

— Положимъ.

— И вѣдь что досаднѣе всего, усадьбы и выпускъ формально отграничены, и даже есть планъ. Хоть этого-то не будь, но — какъ на зло!.. Теперь дальше: прискъ, всѣ работы, зданія, шахты, отвалы, сооруженія все на крестьянской землѣ! отсюда добыто все золото, и это доказать не трудно. Стало быть, компанія неизбежно проиграетъ процессъ, но вѣдь тогда она примется за насъ. Спрашивается, на что же мы то можемъ рассчитывать? И что я буду говорить на судѣ?

Иванъ Абрамовичъ снисходительно улыбнулся и сказалъ:

— Изъ этого слѣдуетъ, что не надо допускать дѣло до суда.

— Какимъ образомъ?

— Такія дѣла надо вообще направлять не въ судебномъ, а въ административномъ порядкѣ. Къ этому имѣется полная возможность.

— Я васъ не понимаю.

— Вы, какъ юристъ, знаете, что судъ по необходимости

слишкомъ формаленъ. Онъ постановляетъ свои рѣшенія, не соображаясь съ послѣдствіями. Вы совершенно правильно изволили замѣтить, что, разъ будетъ доказано, что Осиновскій прискъ на мужицкой землѣ, судъ безъ малѣйшаго колебанія присудитъ въ пользу мужиковъ тѣ миллионы, которые добыты компаніей, хотя бы отъ этого все селеніе вмѣстѣ съ мужиками провалилось въ преисподню. *Fiat justitia, pereat mundus!*... Таковъ судъ, и ему бесполезно доказывать всю пагубность такого рѣшенія для самихъ же мужиковъ. Ему ни до компаніи, ни до мужиковъ нѣтъ дѣла. Для него мертвая буква важнѣе живыхъ людей.

— Это совершенно вѣрно.

— Да, но, къ счастью, не такова власть административная: взгляды ея гораздо шире, человѣчнѣе, она смотритъ въ будущее, считается съ послѣдствіями. Вотъ почему мы всегда охотнѣе обращаемся къ ней, чѣмъ къ суду.

— Да, но никакія тяжбы не разрѣшаются въ административномъ порядкѣ.

— Съ формальной точки зрѣнія, конечно, нѣтъ... но вообще говоря, очень часто.. По существу всегда можно найти ходы и пути, минуя формальный порядокъ... Такъ же и въ данномъ случаѣ... У осиновцевъ на усадьбы и выпускъ общая данная, слѣдовательно, искъ можетъ быть предъявленъ только отъ всего общества, а не отъ отдѣльныхъ лицъ. Къ сожалѣнію, уже состоялся объ этомъ общественный приговоръ, и въ этомъ виновата сама компанія, которая прозѣвала моментъ... Но вѣдь приговоръ можетъ оказаться неправильнымъ, его еще можно отмѣнить, а уполномоченные, избранные обществомъ, могутъ оказаться неблагонадежными... да мало ли что можетъ быть... Съѣздъ, утвердившій приговоръ, несогласный съ интересами населенія, можетъ подвергнуться выговору... то-есть, не самый съѣздъ, а его предсѣдатель.. Пишите губернатору, не отъ себя, конечно, а отъ управленія... старикъ подпишетъ... что такими дѣйствіями поощряются несбыточныя и совершенно неосновательныя претензіи мастеровыхъ, вкореняются въ нихъ превратныя и опасныя въ общественномъ смыслѣ иллюзіи и что, волнуя умы, онѣ могутъ повести къ весьма печальнымъ недораазумѣніямъ... Настаивайте на отмѣнѣ приговора... Требуйте удаленія уполномоченныхъ, какъ смутьяновъ и подстрекателей... Просите объ увольненіи учителя, который, какъ оказалось, давалъ мужикамъ совѣты, просите о переводѣ въ другой участокъ земскаго врача, который въ клубѣ публично позволилъ себѣ называть дѣйствія компаніи разбойничьими... Наконецъ, жалуйтесь на бездѣйствіе полиціи, которая допускаетъ подобное состояніе умовъ... что-нибудь въ этомъ родѣ... Каши масломъ

не испортишь, и масла не жалѣйте... Пойдутъ запросы, объясненія... Будьте увѣрены, что все это гораздо дѣйствительнѣе самыхъ хитроумныхъ отвѣтовъ на судѣ. Въ этомъ дѣлѣ замѣшанъ адвокатъ Павлиновъ,—слѣдуетъ повліять и на него... Есть способы... Ему, какъ и другимъ адвокатамъ, можно сдѣлать внушеніе... по дружески, неоффициально, чтобъ они не брались за дѣла рискованнаго характера... Компания дастъ Павлинову отступного, тѣмъ дѣло и кончится... Вы новичокъ, и вамъ нужна практика. Практика великое дѣло. Вашъ предшественникъ, Павлинъ Ивановичъ Разгуляевъ, не получилъ юридическаго образованія, но во многихъ отношеніяхъ это гениальная голова. Подобнаго рода дѣла онъ разыгрывалъ, какъ на фортепьянахъ... Съѣздите къ нему, познакомьтесь... Старикъ это будетъ пріятно... При случаѣ онъ можетъ быть намъ полезенъ.

— Что же... я съ удовольствіемъ.

Дня черезъ два Чижъ принесъ Ивану Абрамовичу для просмотра черновики составленныхъ имъ бумагъ.

Иванъ Абрамовичъ вооружился перомъ, чтобы сдѣлать необходимыя поправки, но, прочитавъ первую, наиболѣе важную бумагу, выразилъ на лицѣ своемъ пріятное изумленіе и весело взглянулъ на Чижъ.

— Прекрасно!—сказалъ онъ,—великолѣпно! Но сознайтесь: вы были у Павлина Ивановича, да?

— Былъ.

— Прекрасно, очень хорошо. Старикъ намъ еще весьма пригодится. Вы поступили умно, хвалю. И бумажка составлена образцово.

Послѣ того Чижъ еще пріѣзжалъ нѣсколько разъ съ бумагами, и Иванъ Абрамовичъ неизмѣнно оставался ими доволенъ.

— Вы дѣлаете поразительные успѣхи, — говорилъ онъ.

Такъ что, когда понадобилось написать облыжное донесеніе о разнузданности мѣстной печати, то составленіе его коручено было Чижю.

XVII.

Однажды, ночью Бутылинъ возвращался домой съ засѣданія комиссіи по устройству юбилейнаго чествованія генерала Угарина. Засѣданіе было вялое и томительно скучное. Говорилъ одинъ только архитекторъ, которому поручена была декоративная часть торжества. Онъ страшно горячился, отстаивая какое-то свое предложеніе, хотя никто ему не возражалъ. Оживились только за ужиномъ. Говорили о виновникѣ

торжества и всѣ находили, что онъ много потрудился и что заслуги его передъ краемъ огромны. Вспоминали о его добродушии и рассказали по этому поводу нѣсколько трогательныхъ анекдотовъ, не безъ умиленія говорили о томъ, что добродушіе не помѣшало старику сколотить весьма солидное состояніе, пристроить дѣтей и всю родню, дослужиться до тайнаго совѣтника, прожить жизнь весело и привольно. Въ концѣ концовъ, заговорили и объ его недостаткахъ, и тутъ таки досталось старику: не забыли ни скупости его, ни слабости къ прекрасному полу.

Бутылину нездоровилось, и онъ, съ отвращеніемъ слушающа разговоры, угрюмо молчалъ. Однако, боясь одиночества, онъ пересидѣлъ всѣхъ и уѣхалъ послѣднимъ. Его томило все то-же отвратительное чувство оскомины жизни. Темное небо, желтый свѣтъ фонарей, спокойно лежащій снѣгъ на дорогѣ, широкая спина кучера,—все, казалось, имѣло тотъ же противный, приторно-сладкій вкусъ, который ощущался во рту, и это состояніе, похожее на тошноту, было такъ тягостно, что Бутылинъ не находилъ себѣ мѣста и думалъ о смерти. Въ головѣ были все вздорныя, мелкія мысли. То вспоминался торчавшій изъ стѣны шестъ, видѣнный имъ во время „священья“ пожарной каланчи въ Красномъ селѣ, то пьяныя опухшія лица золоторотцевъ въ ночлежномъ домѣ, куда онъ тайкомъ ходилъ справляться о сынѣ, то крошечный образокъ Спасителя, висѣвшій въ углу ночлежки и жалостливо смотрѣвшій на зловонную грудю человѣческихъ тѣлъ, гомозившуюся въ атмосферѣ табачнаго и сивушнаго смрада, то скрюченная костлявая рука нищей старухи, которой онъ подаль пятакъ... И отъ этого противный вкусъ, которымъ проникнуто было все, еще усиливался.

Когда онъ подѣвжалъ къ дому, ему показалось, что въ окнахъ правой половины нижняго этажа, гдѣ помѣщалась контора, сверкнулъ и пропалъ огонекъ. „Что-бы это значило?“ подумалъ онъ: „или мнѣ поблазило?“ Поднявшись наверхъ и не будя спящаго подъ часами Пантелеича, онъ зажегъ свѣчи и, по обыкновенію, сѣлъ въ кресло передъ холоднымъ каминомъ. Онъ долго сидѣлъ, прислушиваясь къ обступившей его тишинѣ и представляя себѣ, что и за стѣнами дома такая же мертвая тишь, мертвые спящіе дома, а за ними безмолвныя, также мертвыя снѣжныя поля и та же тишина и тоска, и тотъ же приторно сладковатый вкусъ, отъ котораго томятся и не находятъ себя покоя люди.

Раза два ему послышался внизу какой-то странный звукъ, какъ будто что-то пилили или журчала вода. Онъ прислушивался, чтобы понять, что это такое, но звукъ прекращался. Вскорѣ онъ задремалъ, и ему сейчасъ же приснился Саль-

никовъ и сказалъ ему: „не спи, въ конторѣ у тебя не ладно“... И кто-то тронулъ его за плечо. Открывъ глаза, Бутылинъ увидѣлъ швейцара, который стоялъ передъ нимъ блѣдный и говорилъ:

— Не ладно у насъ, Пахомъ Саввичъ: кто-то ходитъ, кашляетъ... кажись, недобрые люди... Сторожъ, не знаю, живъ ли, нѣтъ ли...

Бутылинъ встряхнулся и протеръ глаза.

— Что?—спросилъ онъ хриплымъ голосомъ.—Что такое?.. вору, говоришь?... гдѣ?

— По видимости, въ конторѣ.

Бутылинъ всталъ, потянулся. Былъ третій часъ въ началѣ.

— Надо разбудить кучера и дворника, — сказалъ онъ твердо и взялъ со стѣны револьверъ, потомъ осторожно разбудилъ Пантелеича.

Черезъ минуту всѣ трое на цыпочкахъ спускались по лѣстницѣ внизъ. Впереди со свѣчкой шелъ Бутылинъ; за нимъ испуганный, еще не вполне проснувшійся Пантелеичъ, который дрожалъ и шепотомъ читалъ молитвы. Спустившись, остановились и, затаивъ дыханіе, прислушались. Не было слышно ни звука.

— Разбуди дворника и кучера,—шепотомъ приказалъ Бутылинъ швейцару и въ сопровожденіи одного Пантелеича пошелъ дальше. Отворивъ боковыя двери, они прошли въ другой корридоръ, потомъ въ переднюю конторы. Здѣсь, на полу замѣтны были мокрые слѣды ногъ, и Бутылинъ увидѣлъ, что наружная дверь не притворена, отъ нея несло холодомъ. Въ сторожевской каморкѣ они нашли сторожа, лежавшаго на полу, связаннаго веревками, съ заткнутымъ ртомъ. Увидѣвъ хозяина, онъ, испуганно вращая глазами, попытался встать, но не могъ. Бутылинъ сорвалъ съ него веревки и погрозилъ кулакомъ. Сторожъ повалился хозяину въ ноги и что-то забормоталъ, но Бутылинъ зашипѣлъ на него, какъ змѣя, и пинкомъ въ голову заставилъ молчать.

Оттуда, также крадучись, пошли въ контору. Выступавшіе изъ мрака при колеблющемся пламени свѣчи шкафы, конторки, столы съ книгами, висѣвшія по стѣнамъ карты и таблицы, точно внезапно разбуженныя, казалось, смотрѣли на нихъ съ изумленіемъ, странно и дико. Вдругъ свѣча въ рукахъ Бутылина потухла или онъ самъ погасилъ ее, и Пантелеичъ увидѣлъ впереди черезъ растворенную дверь яркій снопъ свѣта, освѣщавшій часть пола и уголь металлической кассы. Двѣ темныя человѣческія фигуры копошились около фонаря. Кто-то сказалъ шепотомъ: „готово!“ и Пантелеичъ видѣлъ, какъ безшумно отворилась тяжелая верхняя крышка

металлическаго ящика.—„Остальное пустяки!“—прошепталъ тотъ же голосъ. Потомъ два раза щелкнулъ замокъ и поднялась вторая крышка. „Готово!“ Вдругъ какая-то тѣнь загрозила свѣтъ, ослѣпительно блеснулъ выстрѣлъ, и грохотъ отъ него покотился по всему дому, послышался звукъ, какъ будто со всего размаха ударили въ подушку... Одинъ изъ воровъ пошатнулся и упалъ, уронивъ на полъ фонарь. Пламя фонаря ярко вспыхнуло, запылало, задымилось и погасло. И тотчасъ же все погрузилось въ тьму, изъ которой доносились глухія звуки начавшейся борьбы.

— Врешь, не уйдешь!—задыхающимся и какъ будто веселымъ голосомъ говорилъ кому-то Бутылинъ.—Огня! огня!.. дайте огня!..

Кто-то, тяжело дыша, пробѣжалъ мимо Пантелеича, задѣвъ его плечомъ, и, съ размаха ударившись о что-то, глухо застоналъ. Должно быть, въ корридорѣ бѣглеца перехватили дворникъ и кучеръ, потому что онъ завизжалъ, какъ поросенокъ.

Бутылина нашли у кассы, подъ столомъ. Онъ лежалъ и душилъ подъ собой вора.

— Нѣтъ, не уйдешь!—тѣмъ же веселымъ, звонкимъ голосомъ кричалъ онъ, барахтаясь на полу.

Онъ остервенился и точно приросъ къ своей жертвѣ, такъ что его едва оттащили.

— Веревокъ!.. вяжи его!.. гдѣ онъ?.. Подайте сюда его, подлеца!—внѣ себя кричалъ онъ, съ трудомъ переводя дыханіе.

Вора поставили на ноги, кто-то далъ ему тумака, такъ что у него зазвенѣла спина, и, держа за плечи, подвели къ свѣту.

Это былъ жалкій оборванецъ въ лохмотьяхъ, худой, истерзанный, трясущійся и, очевидно, больной. Лицо, волосы и рубашка были въ крови. Взглянувъ на него, Бутылинъ отшатнулся: онъ узналъ въ оборванцѣ сына.

— Ты?.. — странно и дико проговорилъ онъ и поднялъ надъ головой руки, точно защищаясь отъ невидимаго удара.— Какъ ты здѣсь?.. зачѣмъ?..

Оборванецъ весь дрожалъ мелкой дрожью. По лицу его ручьемъ текла кровь, изъ груди со свистомъ вылетало хриплое, отрывистое дыханіе. Мутные глаза безумно блуждали. Повидимому, онъ неясно сознавалъ, что кругомъ его происходитъ, и не могъ говорить. Онъ глухо застоналъ, когда отецъ съ истерическомъ крикомъ бросился къ нему и, какъ безумный, сталъ тормозить его, бормоча бессмысленныя слова.

Бутылинъ, казалось, помѣшался и какимъ-то разслабленнымъ голосомъ причиталъ, какъ баба:

— Петруша, Петрушенька!.. вѣдь не зналъ же я, не зналъ... Тебѣ больно?.. гдѣ болить?.. тутъ болить?.. Надо умыть его, напоить чаемъ... Гдѣ мать?.. пойдѣмъ къ матери... Ведите его... Петя, голубчикъ... Мать разбудите...

Вскорѣ весь домъ былъ на ногахъ. Въ кухнѣ ставили самовары, грѣли воду. Старуха Бутылина, охая и причитая, безтолково бѣгала изъ столовой въ кухню, изъ кухни въ столовую, готовила припарки, заваривала шалфей и тысячелистникъ... Слезы, не переставая, ручьемъ текли изъ ея глазъ.

Часъ спустя Петруша, наряженный въ отцовскій сюртукъ, который висѣлъ на немъ, какъ на вѣшалкѣ, умытый и причесанный, сидѣлъ за чайнымъ столомъ и съ жадностью пилъ и ѣлъ, больше, впрочемъ, пилъ. Мать плакала, не спуская съ него заботливыхъ глазъ. Отецъ въ волненіи ходилъ по комнатѣ.

— Кто старое помянетъ, тому глазъ вонъ, — говорилъ онъ.—Пусть все будетъ, какъ прежде... Я теперь многое понимаю... Прощаю тебя, и ты меня прости.

— Кушай, Петруша, кушай! кушай, голубчикъ,—твердила мать.

Петруша, опустивъ глаза, молчалъ. Странная, глуповатая, блаженная улыбка не сходила съ его губъ. Онъ успѣлъ выпить уже нѣсколько рюмокъ и находился въ состояніи сладкаго оступѣнія. По временамъ онъ мучительно кашлялъ, давился отъ кашля, и тогда его блѣдное лицо дѣлалось багрово-краснымъ, глаза выкатывались изъ орбитъ. Послѣ каждаго приступа онъ хватался за грудь и долго не могъ отдышаться, потомъ сморкался, тяжело вадыхалъ, выпивалъ рюмку водки и, жалобно улыбаясь, говорилъ: „здорово простудился!“

— Доктора позовемъ, онъ мигомъ вылѣчитъ тебѣ этотъ кашель,—говорилъ отецъ.—Конечно, отъ простуды это. Еще бы! въ эдакихъ-то ризахъ.

— Вчера въ баракѣ, за банями Потеряйко задавился, — наконецъ, заговорилъ Петруша, все такъ-же блаженно улыбаясь, какъ будто сообщалъ самую веселую новость.

— Какой Потеряйко?—съ удивленіемъ спросилъ отецъ.

— Васька Потеряйко... съ которымъ ты въ трактирѣ бесѣдовалъ... помнишь?.. Еще тогда ты Кваснинскому по рылу далъ... Такъ вотъ онъ. Его любовница бросила. Можетъ быть, отъ этого, можетъ быть, отъ чего-нибудь другого, а только повѣсился.

Отцу показался страннымъ этотъ разговоръ и онъ сказалъ:

— Ну, Богъ съ нимъ!

— А веселый былъ, шутникъ...

— Господь съ нимъ.

Бутылинъ вспомнилъ о товарищѣ Петруши и, когда ока-

залось, что его отправили въ участокъ, страшно разсердился, накричалъ на Пантелеича и велѣлъ ему сейчасъ же ѣхать, разбудить пристава и просить отпустить арестованнаго, не заводя никакого дѣла.

Петруша отнесся къ участи товарища, однако, съ полнымъ безучастіемъ.

— Ничего, и въ чижовкѣ ночуетъ, не бѣда, — сказалъ онъ:— дѣло привычное... А я еще одну рюмашечку. Будьте здоровы, папаша.

Начинало уже свѣтать, а Петруша все еще сидѣлъ и пилъ. Пьяный, онъ хвастался, храбрился, пѣлъ пѣсни, кого-то бранилъ, кому-то угрожалъ, вообще несъ совершенную околесицу. Съ большимъ трудомъ, наконецъ, уложили его въ постель, гдѣ онъ еще долго бормоталъ и пытался пѣть.

XVIII.

На слѣдующій день Петруша проснулся часовъ около одиннадцати отъ страшнаго, мучительнаго кашля и сейчасъ же потребовалъ водки, потомъ выпросилъ денегъ и куда-то ушелъ.

Пока онъ еще спалъ, съ задняго крыльца приходилъ приставъ и, таинственно вызвавъ Бутылина, говорилъ ему, что дѣло о взломѣ кассы прекратить нельзя, такъ какъ оно уголовное, что онъ не могъ исполнить его просьбы и отпустить присланнаго къ нему вора, потому что онъ раненъ въ плечо, что придется составить протоколъ и передать дѣло судебному слѣдователю. Бутылинъ, ни слова не говоря, сунулъ ему что-то въ руку, и приставъ тотчасъ умолкъ, точно захлебнулся, раскланялся и ушелъ.

Петрушу ждали къ обѣду, но онъ не пришелъ. Вечеромъ Бутылинъ послалъ Пантелеича разыскивать его по трактирамъ. Пантелеичъ до десяти часовъ ѣздилъ по разнымъ трущобамъ и, наконецъ, нашелъ его въ Слободкѣ, въ одномъ изъ самыхъ ужасныхъ вертеповъ. Здѣсь, въ кругу друзей, Петруша праздновалъ свое примиреніе съ родительскимъ домомъ. Пиръ былъ въ самомъ разгарѣ. Въ махорочномъ и алкогольномъ чаду, среди затхлаго, прѣлаго, прокисшаго тумана, застывшаго скудный свѣтъ керосиновой лампы, двигались какія-то тѣни, говорили, смѣялись, кричали, спорили, пѣли, ругались... Пилила гармоника, кто-то плясалъ трепака...

— Жги!.. дѣйствуй!.. — въ дикомъ экстазѣ кричалъ Петруша:— рассыпай вдребезги!.. жизнь на радость намъ дана!..

Увидѣвъ Пантелеича, онъ закричалъ:

— Пантелеичъ! пляши! жарь въ присядку, старый чортъ! дѣйствуй!..

— Объ васъ тятенька беспокоятся, Петръ Пахомычъ, пожалуйте домой.

— Ага! беспокоятся!.. Слышите, господа честные? а? тятенька беспокоятся!.. Ха, ха, ха!

— Ха, ха, ха!.. ха, ха, ха!..—адскимъ хохотомъ отвѣчала ему вся компанія.

— Тятенька беспокоятся, а?.. Чувствуете вы это, пракаліи? а?.. каково!.. Ну, подождеть. Скажи многоуважаемому коммерціи совѣтнику и кавалеру, Пахому Саввичу, что я ни-е м-могу... занять съ друзьями, вотъ съ этими, Рекомендую... каковы?.. Единые отъ малыхъ сихъ... братья и сестры, друзья... да... Проведемте, друзья-я, эту ночь веселѣй... Однимъ словомъ, старый хрѣнь, ты проваливай... не наводи тѣнь... терпѣть не могу!.. А домой я не пойду ни за какія коврижки, у васъ тоска тамъ, скука... Скажи, что послѣ приду... потомъ... впослѣдствіи... Кланяйся тятенькѣ съ маменькой и скажи, что я очень занятъ... по пьяному дѣлу.. Проваливай!..

Когда, вернувшись домой, Пантелеичъ рассказалъ о видѣнномъ хозяину, тотъ, къ крайнему его изумленію, „не заругался“, а только скорбно поникъ головой и сталъ просить его наблюдать за Петрушей.

— Издали... незамѣтно... чтобъ не видѣлъ... Запой у него, ничего не подѣлаешь: онъ свое возьметъ... Послѣ лѣчить станемъ, а теперъ надо свободу дать... пусть время отойдетъ... Только бы не набѣдокурилъ чего... Потрудись, Пантелеичъ.

Старикъ продежурилъ въ трущобѣ всю ночь и подъ утро привезъ Петрушу смертельно пьянаго. Бутылинъ также всю ночь не спалъ, ходилъ по комнатамъ и все думалъ. Чего только не передумалъ онъ въ эти долгіе, тревожные часы! И все представлялось ему не такъ, какъ прежде... Тоска и скука оставили его, но вмѣсто нихъ поселилась въ душѣ тяжелая и скорбная забота. „Пройдетъ запойное время, надо его лѣчить... Вылѣчимъ, — пусть дѣломъ займется... все ему передамъ... Привыкнетъ, втянется, зачнетъ дѣлами ворочать“... Бутылинъ и радовался, и надѣялся, но гдѣ-то въ глубинѣ души гдѣздилась увѣренность, ядовитая, какъ отравы, что все погибло и нѣтъ ужъ никакой надежды.

Съ тѣхъ поръ началось для стариковъ какое-то кошмарное существованіе. Сынъ пилъ безъ просыпу и шлялся Богъ знаетъ гдѣ. Иногда, оставаясь дома, онъ каялся, плакалъ, унижался, просилъ прощенія, иногда храбрился, хвастался, мечталъ о будущемъ, строилъ воздушные замки, иногда впа-

далъ въ проповѣдническій обличительный тонъ и громилъ отца „за эксплуатацію рабочаго класса“.

Однажды, вечеромъ онъ остался дома. Ему сильно нездоровилось, его душилъ кашель, болѣла голова, онъ былъ раздраженъ, говорилъ злобно и ко всему придирался. На столѣ стояла водка, и онъ съ усиленіемъ и отвращеніемъ пилъ.

Бутылинъ, до неузнаваемости осунувшійся и похудѣвшій, сидѣлъ тутъ же, въ креслѣ у камина и молча слушалъ.

— Что у тебя на пріискахъ дѣлается! — говорилъ сынъ, ходя по кабинету взадъ и впередъ, какъ маятникъ:—подлость одна!.. По четырнадцати часовъ въ сутки каторжной, адской работы... да осенью-то, да въ холодъ, въ сырость, въ слякоть, подъ дождемъ... Поѣсть, выспаться некогда! А кругомъ лѣсъ, тайга... Люди живутъ въ грязи, какъ звѣри, блохи и вши заѣдаютъ ихъ на смерть... Темнота, грубость, развратъ, скотскіе нравы... вмѣсто молитвы скверная брань... Тамъ и народъ особенный: оголтѣлый, одичалый... Съ нимъ можно дѣлать все, что угодно... Только самые отчаянные, пропившіе рассудокъ, совѣсть и волю, идутъ въ эту кабалу... Измученная, развратная пріисковая рвань питается тухлятиной, болѣетъ цынгой... Нарядчикъ тамъ царь, хозяинъ—богъ, высшее существо... Для него-то люди надрываются на работѣ, переносятъ тычки, ругань, розги, всяческія униженія, для него мерзнутъ, голодаютъ, болѣютъ и гибнутъ безъ счета, какъ мухи... А уйти нельзя, потому что въ плѣну они у тебя, какъ у турецкаго султана, да и куда уйдешь? Вырвавшись изъ этого ада, несчастные пропиваютъ все въ первомъ кабакѣ, до послѣдней нитки, и снова идутъ въ такую же кабалу...

Петруша подошелъ къ столу, выпилъ, закусилъ корочкой хлѣба и продолжалъ:

— Ты, конечно, не знаешь, а вѣдь я былъ у тебя на Зубатовскомъ пріискѣ и насмотрѣлся всего... Хотѣлъ, видишь ли, вылѣчиться отъ пьянства, взять себя въ руки... потому что туда хотъ и заманиваютъ водкой, однако, водки тамъ не даютъ, т. е. даютъ только по праздникамъ за сверхурочныя работы, когда нужно выжать уже самые послѣдніе соки... А добыть водки негдѣ, и тамъ она въ буквальномъ смыслѣ слова дороже золота... Черезъ недѣлю я бѣжалъ, но меня поймали въ Караулѣ урядникъ и вернулъ на пріискъ... Меня выпороли и снова поставили на работу... Проработалъ я еще недѣлю и заболѣлъ... Шесть недѣль валялся подъ навѣсомъ безъ призору, какъ собака... подать пить было некому... и чуть не издохъ.

Бутылинъ все такъ-же сидѣлъ молча, неподвижно, и нельзя было понять, что онъ думаетъ.

— И въ Корепинскомъ заводѣ былъ,—продолжалъ молодой Бутылинъ,—какже-съ, видѣлъ, какъ взрослые люди, сорокалѣтніе мужики, плакали отъ обиды въ безсильной злобѣ и проклинали тебя... и я тебя проклиналъ вмѣстѣ съ ними... И клянусь Богомъ, что ты проклялъ бы самого себя, если бъ побывалъ въ ихъ шкурѣ... Трудно повѣрить, что можно такъ обижать людей...

Онъ выпилъ еще рюмку и продолжалъ:

— За жалкое право людоедства ты платишь взяточникамъ огромныя деньги... И у несчастныхъ нѣтъ защиты нигдѣ... Все законопачено, забито, всякая щель замазана!.. А эти дураки все еще ищутъ правды... какой правды? гдѣ она?.. „Сила ломить и солонушку, поклонись пониже ей“... Ищутъ справедливости, на что-то надѣются... дураки!.. „Вотъ прїѣдетъ баринъ, баринъ насъ рассудитъ“... хо, хо!.. Господи Боже мой! Но они издохнуть, какъ издыхали десятки поколѣній, не дождавшись барина...

Онъ остановился противъ отца, и Бутылинъ увидѣлъ передъ собою злое, искаженное, измученное лицо и блестящія, расширенныя зрачки глазъ.

— Ты, разумѣется, надѣешься на мое возрожденіе, еще бы! думаешь, что вотъ перестану пить, буду опять человѣкомъ? потому что иначе на кой чортъ ты бы сталъ за мной ухаживать?.. Но, милый папаша, для меня уже нѣтъ возврата... послѣ такой встряски нельзя жить... Какая тутъ жизнь!.. Послѣ такой штуки человѣкъ уже не человѣкъ, а трупъ, отъ котораго смердитъ... Остается не жизнь, а смрадъ... Потому что... ты подумай только: какъ тутъ жить, для чего жить?.. Спрятаться не за что... нѣтъ никакихъ иллюзій?.. Жить злобой или ненасытными аппетитами... да, это можно... Но я тряпка, трусь, и ненависть моя безплодна, у меня нѣтъ даже жадности ни къ чему... вотъ только къ водкѣ, да и ту, кажется, скоро брошу... А главное, что нельзя воротиться назадъ, никакими путями, никакими усиліями... нельзя простить, нельзя забыть... Впрочемъ, я говорю это такъ, только для того, чтобы ты зналъ обо мнѣ все...

Онъ выпилъ еще нѣсколько рюмокъ, видимо захмѣлѣлъ, присѣлъ къ столу и сталъ ѣсть.

— Тяжело у тебя въ домѣ, нехорошо,—началъ онъ опять.— Тамъ, въ трупобахъ мнѣ было легче. Лежишь гдѣ-нибудь во всей этой гнусности, какъ колода, и думаешь: „такъ тебѣ и надо... терпи, потому что ты подлець“... И отъ этого было легче... А здѣсь вонъ какія палаты! И деньги есть, и жратво, и все, чего хочешь... и одежда чистая, а тяжело!.. Воздухъ здѣсь нехорошій, проклятіе на всемъ лежитъ, что ли, только скука, тоска... Паркетъ, бархатъ, бронзы... часы тикаютъ... но

къ чему все это?.. Въ сущности изъ всѣхъ земныхъ благъ мнѣ нужна только водка... остальное ужъ ни къ чему... Да и тебѣ, отецъ, немного ужъ нужно... Хе! вѣдь вижу я, замѣчаю: прицѣпиться-то ужъ тоже не къ чему... скоро и тебѣ капуть... да, да... Пока, впрочемъ, ты еще жаденъ и силенъ, у тебя аппетиты звѣрскіе... жаденъ ты до жизни... Ты вотъ закадычнаго друга не пощадилъ, и двадцать лѣтъ тебѣ было горя мало... а это много значить!.. Потому что Сальниковъ-то вѣдь, собственно, отъ тебя умеръ... Обманулъ ты его, ограбилъ... а онъ, какъ глупая овца, не могъ перенести этой жестокости, не могъ переварить, не могъ понять и умеръ... А знаешь что? есть такой философъ, что все это оправдываетъ, даже одобряетъ и превозноситъ... Фридрихъ Ницше... Онъ говоритъ, что только самые злые и жестокіе люди всегда вели челоуѣчество впередъ, и что высшая культура есть не болѣе, какъ одухотвореніе и углубленіе жестокости... Стало быть, да здравствуетъ жестокость!.. Ха, ха!.. Чортъ знаетъ что!.. Столпотвореніе, однимъ словомъ... Вотъ я снова пьянъ, и прелюдно...

Долго еще говорилъ Петруша, прикладываясь къ графину и все болѣе и болѣе пьянѣя, а отецъ, все такъ-же съезжившись, сидѣлъ и, повидимому, внимательно слушалъ. Когда, ночью пришелъ Пантелеичъ, то Петруша, размахивая руками, пѣлъ пѣсни, а отецъ былъ въ глубокомъ обморокѣ.

XIX.

Время шло, а запой не проходилъ, и не похоже было, чтобы онъ скоро окончился. Помимо пьянства Петруша сталъ еще устраивать и скандалы. Хмѣльной, онъ ругалъ отца, издѣвался надъ матерью, дразнилъ сестру, приводилъ оборванцевъ, угощалъ ихъ водкой и водилъ по всему дому. Однажды онъ забрался въ контору и сталъ гнать служащихъ. Мать бранилась, какъ торговка, а отецъ переносилъ всѣ безобразныя выходки сына съ удивительнымъ терпѣніемъ. Въ домѣ начался кавардакъ. Прислуга роптала. Швейцаръ, котораго Петруша поколотилъ, просилъ расчета. Съ раняго утра раздавался нарочито безобразный крикъ молодого Бутылина:

— Люди!.. лакеи!.. умываться молодому барину!.. водки!..

Однажды среди бѣла дня онъ подѣхалъ къ дому на тройкѣ съ бубенцами въ саняхъ съ пышно одѣтыми, набѣленными и нарумяненными дѣвицами. Дѣвицы заливались приторнымъ визгливымъ смѣхомъ, а пьяный Петруша тащилъ ихъ изъ саней, приглашая войти въ домъ.

— Окажите чость, сдѣлайте милость... чортъ васъ дери... маменька будетъ очень рада... Ломаются, какъ не знаю что... чего вы боитесь?.. Кажется, видали всякіе виды...

Дѣвицы, наконецъ, перестали смѣяться и несмѣло столпились у дверей. Подталкиваемыя Петрушей, онѣ входили въ домъ робко и благоговѣйно, какъ въ церковь. Петруша кричалъ, ломался, приказывая имъ идти наверхъ, но онѣ несмѣло жались у стѣны. На шумъ выбѣжала вся прислуга и съ жаднымъ любопытствомъ смотрѣла на пышно одѣтыхъ дамъ, съ перваго же взгляда угадавъ, что это за птицы. Внѣ себя отъ гнѣва, колыхаясь, какъ студень, прибѣжала старуха Бутылина и завертѣлась, какъ волчекъ. Будучи не въ силахъ вымолвить ни одного слова отъ ярости, она выхватила изъ подъ лѣстницы половую щетку и ударила одну изъ дѣвицъ прямо въ лицо. У той тотчасъ же хлынула носомъ кровь.

— Вонъ!.. шлюхи!..—пронзительнымъ прорвавшимся голосомъ завизжала старуха, молотя щеткой, какъ цѣпомъ, по спинамъ дѣвицъ:—мою хату поганить!.. вонъ, шкурехи!..

Дѣвицы, перепуганныя и виноватыя, давая другъ друга, выбѣжали на улицу, вскочили въ сани и уѣхали. Все это произошло такъ быстро, что ошеломленный Петруша не успѣлъ ничего предпринять. Опомнившись, онъ обругалъ мать площадной бранью и вышелъ. Старуха долго отпыхивалась отъ волненія и усталости, потомъ пошла плакаться и судачить съ прислугой по поводу развратнаго поведенія сына.

Старикъ Бутылинъ становился все мрачнѣе и молчаливѣе. За нимъ все чаще и чаще стали замѣчаться странности. Иногда онъ проявлялъ суетливую лихорадочную дѣятельность: куда-то ѣздивъ, посылалъ телеграммы, спѣшно вызывалъ приказчиковъ и управителей, что-то подсчитывая, просиживалъ цѣлыя ночи, требовалъ изъ конторы справки, сердился на медленность, кричалъ на служащихъ и на самого управляющаго конторой, ходилъ по ночамъ по всему дому, подслушивалъ у дверей, говорилъ самъ съ собою; иногда вдругъ затихалъ и погружался въ совершенную апатію, отпускалъ ни съ чѣмъ вызванныхъ по телеграфу служащихъ, по цѣлымъ часамъ сидѣлъ у себя въ кабинетѣ, о чемъ-то тяжело думалъ и упорно молчалъ. Онъ нѣсколько оживлялся только въ присутствіи сына, покорно перенося всѣ его сумасбродства, видимо бывалъ очень доволенъ, когда тотъ оставался дома, и съ жадностью ловилъ каждое его слово. Но Петруша послѣ описаннаго вечера избѣгалъ разговоровъ съ отцомъ, а если и говорилъ, то непремѣнно въ шутовскомъ тонѣ, кривляясь и умышленно утверждая явныя несообразности...

А къ Бутылину опять сталъ приходить Сальниковъ. Теперь онъ появлялся, не стѣсняясь, открыто, на людяхъ, и вступалъ съ нимъ въ разговоры. И Бутылинъ не могъ не отвѣчать ему, хотя сознавалъ, что это безразсудно и производитъ тягостное впечатлѣніе на окружающихъ.

Однажды съ какою-то особенной застѣнчивостью онъ робко обратился къ сыну:

— Мнѣ надо поговорить съ тобой, Петруша, о дѣлахъ,— сказалъ онъ.— Видишь ли, я хочу предпріятія свои ликвидировать... какъ ты объ этомъ полагаешь?... Потому что воровство началось: тащатъ все, рвутъ на части... А деньги-то можно въ банкъ положить... что ты на это скажешь?

Петрушу поразило странное, точно пришибленное выраженіе его лица, однако онъ засмѣялся и сказалъ:

— Нашелъ кого спрашивать! очень мнѣ нужно!.. Ничего я въ дѣлахъ твоихъ не понимаю...

— Да... но *онъ* велѣлъ спросить у тебя.

— Кто?

— Онъ... тотъ... ты знаешь...

— О комъ ты говоришь, отецъ?

Жалкая, виноватая улыбка скривила губы Бутылина: то, что надо было сказать, было такъ явно нелѣпо, такъ очевидно не согласовалось съ здравымъ смысломъ, что у него не поворачивался языкъ.

— Сальниковъ... Иванъ Ивановичъ...—наконецъ, отвѣтилъ онъ, пряча глаза. — Онъ ходитъ ко мнѣ... и давно ужъ, только никто объ этомъ не знаетъ... И сегодня былъ... только ты не говори никому,—все такимъ же виноватымъ голосомъ продолжалъ онъ.

Сынъ пристально посмотрѣлъ на отца и поблѣднѣлъ: передъ нимъ очевидно былъ сумасшедшій.

— Какъ ходитъ?.. кто ходитъ? Что ты говоришь, отецъ?—заговорилъ онъ тревожно и только тутъ замѣтилъ, до какой степени старикъ измѣнился, осунулся и похудѣлъ. Лицо его было жалко и измученно, а изъ тусклыхъ, мерцающихъ какимъ-то страннымъ свѣтомъ глазъ глядѣли страхъ и тоска.

— Онъ велѣлъ спросить у тебя... Значитъ, мы-то ужъ придумали... теперь, какъ ты... Управлять дѣломъ, говорить, некому... Я-то, братъ, ослабѣлъ, надо сознаться, силъ нѣту, и, знаешь, память у меня отшибло: не тѣ слова пишу, цифры путаю... А служащіе мошенничаютъ, ужъ я замѣчалъ... по ночамъ... Когда всѣ уснутъ, они приходятъ въ контору съ задняго крыльца и дѣлаютъ подчистки въ книгахъ... кассу отпираютъ поддѣльными ключами, деньги воруютъ понемногу, чтобъ незамѣтно было... Я подкараулилъ третьяго дня: какъ тѣни бѣгаютъ... туда-сюда, туда-сюда... я подка-

раулиль... Если ликвидировать все, то—я подсчитываль—составится четырнадцать миллионъвъ... Разумѣтся, будутъ потери, но четырнадцать миллионъвъ уже навѣрное... Деньги въ банкъ, и будемъ жить на проценты: безъ грѣха, безъ хлопотъ, святое дѣло... Ну, какъ же ты?

Петруша стоялъ испуганный и растерянный. Его страшилъ мутный, неподвижный, упорный взглядъ отца, полный тоски и затаеннаго ужаса, его безсвязная рѣчь.

— Какъ хочешь, отецъ,—отвѣчалъ онъ, стараясь не глядѣть на него:—ты лучше знаешь, а мнѣ все равно.

— Боюсь только, что затянется: дѣло сложное, большое... Если бы сразу, вдругъ — какъ было бы хорошо... Но сразу нельзя... да, ужъ я думалъ объ этомъ... Усталъ я, Петруша, все надоѣло, болитъ голова... Собразить надо и то, и другое, а у меня не хватаетъ... Ты-то гуляй, я тебѣ не мѣшаю... Чего жъ не гулять! все твое, гуляй!.. а то куда все это?.. Сестрѣ, матери немного надо, мнѣ тоже... хватить всѣмъ... Да, дѣла много, а я притомился... Вотъ еще этотъ генеральскій юбилей: боюсь я его и все о немъ думаю... подлости много, но—начальство, и надо постараться... Я подписалъ пять тысячъ, такъ говорятъ — мало, просятъ еще... Ничего не подѣлаешь, онъ человѣкъ для насъ нужный... да и вообще...

— Если ликвидація, то что тебѣ генераль? чортъ съ нимъ!—сказалъ сынъ, которому показалось, что отецъ начинаетъ говорить разумнѣе.

— Да, да, въ самомъ дѣлѣ! Конечно, какъ это я не сообразилъ? Вотъ ты сразу увидѣлъ... Да, да... А и зловерный же, правду сказать, старичишка! у-у!.. Теперь-то мы пріятели, а прежде—ого! какъ онъ высоко себя понималъ!.. Онъ сильнымъ да богатымъ всегда рабъ, а для маленькихъ людишекъ злодѣй... А я былъ тогда маленькимъ, охъ, весьма маленькимъ человѣкомъ, и онъ меня обидѣлъ, оскорбилъ... такъ, ни за что... Да, да, большая отъ него народу обида была: аспидъ, а не человѣкъ... маслянный, ласковый старичекъ, а жестокой и вредный... Поэтому нельзя ему не угодить... можетъ онъ намъ вредъ сдѣлать... вдругъ что-нибудь... А не онъ, такъ другой, не другой, такъ третій: руку мою... Обѣщалъ еще три тысячи рублей на воспоминаніе средствъ пріюта... Чортъ съ нимъ! не раззоримся... за то ужъ въ послѣдній разъ... Такъ ты, стало быть, согласенъ?

— Согласенъ. Дѣлай, какъ знаешь.

XX.

Вскорѣ по городу распространились тревожные слухи, что Бутылинъ спѣшно ликвидируетъ свои дѣла. Говорили, что онъ назначилъ баснословно дешевую цѣну за свои пріиски, желая безъ хлопотъ продать ихъ въ однѣ руки, и гадали о причинахъ и тайныхъ намѣреніяхъ такихъ его дѣйствій... Но пока мѣстные тузы размышляли, выжидали и торговались, пріиски были куплены представителемъ французской металлургической компаніи. Вскорѣ ему же былъ проданъ Корепинскій желѣзо-дѣлательный заводъ, суконная фабрика и механическія мастерскія.

Бутылинъ послѣднія двѣ недѣли находился въ страшно напряженномъ состояніи. Онъ не спалъ ночей, просиживая въ конторѣ до свѣту, измучилъ всѣхъ своихъ служащихъ, волновался, спѣшилъ, почти ничего не ѣлъ и не спалъ, будучи въ постоянной тревогѣ и безпокойствѣ. Не смотря на это, распоряженія его были рѣшительны, тверды и вполне разумны. Видимо выбиваясь изъ послѣднихъ силъ, онъ стойко и твердо выполнялъ намѣченный имъ планъ.

Однажды онъ сказалъ Пантелеичу (сына не было дома).

— Кончено, Пантелеичъ: порѣшилъ все. Теперь только юбилей остался... впрочемъ, что юбилей? Вадоръ. О тебѣ я подумалъ: если хочешь, оставайся у насъ при домѣ, а не хочешь, какъ хочешь: я положилъ на твое имя десять тысячъ рублей.

Пантелеичъ заплакалъ и бухнулся Бутылину въ ноги.

— Хорошо, хорошо, довольно. Вели истопить баню, отмоюсь отъ грѣховъ. Если бы уснуть часика два!.. я точно весь стеклянный...

Но уснуть ему не пришлось. Подъ вечеръ Петруша привелъ какого-то тоцаго, полупьянаго, развинченнаго субъекта во фракѣ, корреспондента газеты, пріѣхавшаго специально для Угаринскаго юбилея. Оба были навеселѣ и шумно разговаривали, сидя въ гостиной за бутылкой вина. Старику Бутылину, который лежалъ послѣ бани въ своемъ кабинетѣ, слышны были черезъ рядъ комнатъ ихъ голоса. На столѣ горѣла лампа; на полу отъ кресла съ высокою спинкой черезъ всю комнату протянулась широкая черная тѣнь. Бутылинъ прислушивался къ голосамъ изъ гостиной и къ тому странному шороху, который ему всегда слышался въ тишинѣ и къ которому онъ уже привыкъ: казалось, за стѣнами журчала вода, и кто-то плакалъ тихимъ, тонкимъ, жалобнымъ голосомъ. Уткнувшись въ подушку, онъ тщетно

старался заснуть. Вдругъ онъ въ испугѣ приподнялъ голову: большая толпа ворвалась въ домъ, мужскіе и женскіе голоса кричали, бранились, кто-то плакалъ, всхлипывая, и громче всѣхъ выдѣлялся сердитый, возбужденный голосъ Пантелеича, который кричалъ, очевидно не пуская толпу. Кто-то завылъ такъ дико и жалобно, что у Бутылина сжалось сердце, послышались удары, грохотъ дверей, крики: „бей его! бей его!“

„Господи! что это?“ — приподымась въ смертельной тревогѣ, прошепталъ Бутылинъ:—„кого они бьютъ?“ и вдругъ распозналъ, что это кричитъ Пантелеичъ: онъ вылъ то хриплымъ, то пронзительно тонкимъ воемъ, какъ собака, и что-то причиталъ: „Боже мой! за что они его? зачѣмъ его бьютъ?“ Бутылинъ вскочилъ, обливаясь холоднымъ потомъ, хотѣлъ обжать, но въ эту минуту вошелъ Петруша съ корреспондентомъ. Петруша рязвально подвелъ гостя къ отцу и сказалъ:

— Позволь представить тебѣ, отецъ, нашего извѣстнаго литератора, Степана Яковлевича Соломко. Наслышанъ и жаждетъ познакомиться.

— Что тамъ такое? зачѣмъ они его бьютъ?—спрашивалъ Бутылинъ, дико глядя на спокойное, улыбающееся лицо сына.

Корреспондентъ почтительно согнулся въ дугу, расшаркался и сталъ говорить, что давно мечталъ о счастьи быть представленнымъ высокочтимому дѣятелю, благотворителю и просвѣтителю края.

— Что тамъ за шумъ?—не слушая его, продолжалъ спрашивать Бутылинъ.

— Гдѣ?

— Тамъ, у васъ.

— Какой же шумъ? Мы очень мирно бесѣдовали.

— Нѣтъ, тамъ, внизу, на лѣстницѣ?

— Мы не слышали ничего.

— Кто-то шумѣлъ и кричалъ, я слышалъ голосъ Пантелеича.

— Пантелеичъ уѣхалъ на заимку, ты самъ его послалъ.

— Да... ну, видно, я задремалъ, и мнѣ приснилось. А тамъ ужасно кричали.

Бутылинъ, еще весь полный ужаса, запахнулъ полы халата и сѣлъ на диванъ.

— Садись,—сказалъ Петруша гостю, который стоялъ растерянный, мигая глазами.

Бутылинъ молча показалъ ему на кресло, кивнувъ головой. Тотъ еще разъ поклонился, сѣлъ, неестественно отставивъ ногу, надѣлъ пенснэ и сталъ осматривать потолокъ и стѣны. Все въ этомъ человѣкѣ было какъ-то вычурно и не-

натурально: казалось, что онъ старается походить на чело-
вѣка, какъ всѣ люди, но не убѣжденъ въ правдоподобности
своего подражанія. Глядя на него, почему-то думалось, что
его бойкая рѣчь каждую минуту готова превратиться въ роб-
кое бормотанье, а развязныя манеры въ жалкую принижен-
ность. Оправившись, онъ тотчасъ же развязно заговорилъ о
горнозаводскихъ дѣлахъ и таможенныхъ пошлинахъ, о же-
лѣзныхъ дорогахъ, объ оживленіи края, о благотворитель-
ности, о водопроводѣ.

Бутылинъ, не слушая, разсѣянно смотрѣлъ на него.

— Завтра я надѣну всѣ свои регалии и ордена,—сказалъ
онъ:—для торжественности... Мнѣ только юбилей провести, а
тамъ все ужъ начнется другое... А что вы говорили сейчасъ.
то все это вздоръ: ученые слова, обманъ, ложь, фразы...
Ученость, образование—все это чепуха... Ученые такіе же,
какъ и не ученые: ихъ купить можно... Слова, слова, а
главнаго-то и нѣту... Одинъ грѣхъ, куда ни погляди... и
скука... Хорошихъ людей нѣтъ... старые устои забыты... свя-
тости нѣту.

— Совершенно вѣрно-сь, и я то-же самое говорю.

— Постой!.. ты все врешь: ты подлаживаешься, а истин-
наго какъ есть ничего... Газета твоя для просвѣщенія на-
рода... и это обманъ...

— Почему же?

— Все обманъ... Развѣ ты правду въ газетѣ-то пишешь?
Нѣтъ! ты народъ обманываешь... я знаю: тебѣ заплатятъ,
ты и пишешь.

— Что вы говорите, многоуважаемый Пахомъ Саввичъ?

— Я знаю: правды-то, можетъ быть, ты никогда не пи-
саль... Тебѣ бюро платитъ три тысячи въ годъ, за что?

— Помилуйте, Пахомъ Саввичъ!..

— Тебѣ заводы платятъ... я знаю... Изъ моей конторы тебѣ
выдали пятьсотъ рублей за статью... Что адвокаты, что пи-
сатели—одна цѣна... Напишутъ—любо почитать: благородно,
просвѣщенно, а разобрать, то одно мошенничество... Все че-
пуха... нѣту правды нигдѣ... Ужъ до того себя довели, что
житья не стало...

Гость былъ такъ оскорбленъ, что у него выступили на гла-
вахъ слезы. Ужасно волнуясь, онъ тербилъ бороду, снималъ
и надѣвалъ пенснэ, ерошилъ волосы.

— Пахомъ Саввичъ, позвольте!..—плачущимъ голосомъ
заговорилъ онъ:—вы оскорбляете маленькаго челоуѣка... По-
звольте вамъ сказать, что вы жестоко ошибаетесь... Я не
знаю, получаетъ ли редакція отъ бюро... можетъ быть, и по-
лучаетъ, но вѣдь не я же... Я сотрудникъ и мнѣ платятъ
за трудъ... Я пишу корреспонденціи, статьи... Вѣдь и вы, и

всѣ получаютъ за свой трудъ... Я человѣкъ бѣдный... у меня семья... Этотъ фракъ все мое имущество... Я ночи просиживаю за работой, мыкаюсь, какъ собака, а получаю гроши... Вы думаете, легка газетная работа?.. Нѣтъ, она высасываетъ изъ человѣка соки, сушить мозгъ... Посмотрите на меня, я весь измочаленъ...

— Не знаю,—тяжело проговорилъ Бутылинъ, и лицо его вдругъ измѣнилось. Онъ сталъ тяжело дышать, сморщился и отвернулся, пряча лицо.—Идите туда,—сказалъ онъ:—въ гостиную... мнѣ нездоровится... На слова мои не обращайтесь вниманія... извините: это я не про васъ, а вообще... чего тутъ! всѣ грѣшны, всѣ несчастны... Идите, идите... Петруша, иди, пожалуйста... Идите и вы, извините больного старика...

Оставшись одинъ, Бутылинъ упалъ на диванъ и зарыдалъ, уткнувшись въ подушку. Онъ плакалъ неудержимо, навзрыдъ, самъ не зная причины своихъ слезъ. Ему было жаль себя, жаль всѣхъ людей, жаль Петрушу, жаль корреспондента.

XXI.

На слѣдующій день около полудня Бутылинъ въ мундирѣ почетнаго мирового судьи поѣхалъ въ благородное собраніе. Передъ подъѣздомъ, занявъ всю улицу и часть переулка, стояли экипажи. Лѣстница, корридоры, гостиныя и залъ были роскошно декорированы. Въ шинельной и корридорахъ стояла давка. Съѣхались всѣ мѣстныя власти, гласные городской думы, представители губернскаго и уѣзднаго земствъ, депутаты разныхъ обществъ, горные инженеры со всей округи, золотопромышленники, управляющіе горнозаводскими округами, именитое купечество. Среди моря мундировъ только кой-гдѣ мелькали фракы и сюртуки. Роскошные дамскіе туалеты, какъ цвѣты среди мусора, пестрѣли въ толпѣ. Въ одной изъ гостиныхъ распорядители и распорядительницы растерянно и суетливо занимали пріѣхавшаго изъ губерніи на юбилей вице-губернатора.

Бутылинъ, истомленный, угрюмый и сѣрый съ лица, съ блуждающимъ взоромъ, не отвѣчая на поклоны знакомыхъ, пробирался, какъ на базарѣ, сквозь толпу къ эстрадѣ для почетныхъ гостей. Грянулъ оркестръ, все зашевелилось, толпа потоками хлынула въ концертную залу. Торопясь и толкая другъ друга, съ возбужденными лицами, всѣ старались пройти поближе къ устроенному впереди возвышенію. Юбиларъ въ мундирѣ, въ орденахъ, съ сѣдыми усами, прямой и стройный, величественно вышелъ изъ среднихъ дверей въ сопровожденіи дамъ и окинулъ залъ быстрымъ, орлинымъ

взглядомъ. Громъ апплодисментовъ заглушилъ звуки оркестра. Старикъ, какъ актеръ со сцены, раскланялся во всѣ стороны. Едва замолкъ оркестръ, какъ хоръ запѣлъ кантату, сочиненную мѣстнымъ композиторомъ въ честь юбиляра. Юбильаръ прослушалъ ее въ молодецкой позѣ и ласково поблагодарилъ композитора, который тутъ же поднесъ ему партитуру съ художественно исполненной вишѣткой. Послѣ небольшой паузы и нѣкотораго замѣшательства со стороны распорядителей, выступилъ вице-губернаторъ и, видимо волнуясь, сталъ говорить что-то невнятнымъ шепелявымъ голосомъ. Его сухую, коротенькую рѣчь могли слышать только десять-пятнадцать человѣкъ, стоявшихъ поблизости, тѣмъ не менѣе она была покрыта громкими и единодушными рукоплесканіями. Вслѣдъ затѣмъ громко и витіевато, выкрикивая слова, говорилъ представитель горнаго вѣдомства, потомъ городской голова сообщилъ постановленіе думы объ избраніи юбиляра почетнымъ гражданиномъ города. Новый громъ рукоплесканій покрылъ его слова. Потомъ говорили земцы, какой-то никому неизвѣстный горный инженеръ, предсѣдатель ученаго минералогическаго общества, депутатъ артистическаго кружка... Потомъ снова наступило минутное замѣшательство, и четыре мужика, одѣтые рудокопами, топчя ногами, принесли на носилкахъ и поставили предъ юбиляромъ огромную изъ массивнаго серебра неуклюжую модель мартеновской печи. Передъ ней выстроилось десятка два горныхъ инженеровъ, и сѣдовласый высокій старикъ, главный управляющій Нижне-Пухарскихъ горныхъ заводовъ, указывая на модель, сталъ говорить что-то о мѣстномъ населеніи, о филантропическихъ задачахъ горной промышленности, о властной рукѣ, о благоденствіи края. Публика поднималась на цыпочки, стараясь разглядѣть стоявшій передъ юбиляромъ странный предметъ. Инженеры закричали: „ура!“, публика подхватила крики и апплодисменты не смолкали минутъ пять. Потомъ директоръ мѣстной гимназіи вкрадчивымъ, ласковымъ голосомъ заговорилъ о великихъ трудахъ, подъятыхъ юбиляромъ на пользу народнаго просвѣщенія.

— Поэтому и мы... и мы,—возвышая голосъ, продолжалъ ораторъ,—какъ представители просвѣтительныхъ учрежденій, единодушно вспоминая о понесенныхъ вами трудахъ, по братски, задушевно привѣтствуемъ ваше превосходительство въ сей торжественный и многознаменательный день и отъ всей души желаемъ вамъ еще много, много лѣтъ потрудиться на вашемъ славномъ поприщѣ.

Юбильаръ прослезился, но быстро смахнулъ платкомъ слезу и обнялъ оратора.

Затѣмъ стали подходить депутаціи, начались подношенія, чтеніе адресовъ. Адреса были безцвѣтны и скудны содержаніемъ: во всѣхъ говорилось о понесенныхъ трудахъ, о процвѣтаніи края, о благодарности населенія, выражались несбыточныя надежды, что старикъ еще много лѣтъ будетъ трудиться на пользу края, но юбиляру они казались полными глубокаго и трогательнаго смысла. Послѣ третьяго адреса онъ уже не могъ удержаться и заплакалъ. Слезы ручьями текли по старческимъ впалымъ щекамъ, по сѣдымъ усамъ. Наконецъ, онъ совершенно изнемогъ, сѣлъ на стулъ и такъ сидѣлъ до конца, поднимаясь только для того, чтобы кого-нибудь обнять.

Волненіе юбиляра передалось и публикѣ: дамы утирали глаза, мужчины неестественно мигали и смотрѣли въ потолокъ. Бутылинъ, отвернувшись, всхлипывалъ, сморкался и утирался платкомъ. Всѣмъ было жаль старика, и у каждаго была одна и та же мысль, что его ждетъ впереди такая же беспомощная старость, когда прожитая жизнь станетъ только воспоминаніемъ.

Когда были прочитаны адреса (чтеніе телеграммъ было отложено до вечера), юбиляръ пожелалъ сказать слово.

— Мнѣ семьдесятъ два года... я пятьдесятъ лѣтъ служу,— сказалъ онъ и заплакалъ. — Служилъ вѣрой и правдой.. всегда... — продолжалъ онъ, пересиливая волненіе: — и за труды свои вознагражденъ сверхъ мѣры... сверхъ мѣры...

Больше онъ не могъ говорить.

— Благодарю васъ за все, за все...—прибавилъ онъ, обливаясь слезами, и поспѣшно вышелъ въ сосѣдную комнату, гдѣ его начали отпаивать водой.

Этимъ окончилась первая часть праздника.

Вечеромъ предполагалось продолженіе—ужинъ по подискѣ въ помѣщеніи того же благороднаго собранія.

Стали собираться часовъ съ десяти. Юбиляръ прибылъ въ одиннадцать и былъ встрѣченъ восторженными привѣтствіями. Его опять поставили на эстраду и стали читать телеграммы. Двѣ-три изъ нихъ были даже въ стихахъ, но старикъ, хорошо выспавшійся послѣ обѣда, бодро выслушалъ ихъ до конца.

Въ двѣнадцать подали ужинъ, гости стали шумно размѣщаться. Многіе уже сильно подвыпили, и залъ гудѣлъ отъ смѣшаннаго веселаго говора. На хорахъ игралъ бальный оркестръ. Послѣ третьяго блюда начались тосты.

Бутылинъ, страшно блѣдный, больной на видъ, сидѣлъ неподалеку отъ юбиляра и, преодолевая страшную усталость, тоскливо смотрѣлъ на чужое веселье. Ему представлялось непостижимымъ, какъ эти люди могутъ чему-то радоваться

и веселиться: всѣ они несчастны, какъ и онъ, и должны умереть.

Становилось очень шумно, настроеніе поднималось, тостамъ не было конца. То и дѣло раздавался стукъ ножа о край стакана, предупреждавшій о новомъ тостѣ, но ораторовъ слушали уже невнимательно, и шумъ почти не смолкалъ. Оглянувшись на одинъ изъ такихъ стуковъ, Бутылинъ увидѣлъ Сальникова. Онъ стоялъ съ смѣющимся лицомъ и вызывающе смотрѣлъ на публику, которая въ эту минуту слушала картузную рѣчь какого-то путейскаго инженера.

— Господа!—началъ Сальниковъ, перебивая оратора:— бросьте! все одно и то-же, одни слова... Меня послушайте. Сегодня много говорилось вотъ про того старика, но никто не обмолвился ни однимъ правильнымъ словомъ: все неправда, все ложь. Восхваляли его честность, а вѣдь всѣмъ извѣстно, что онъ воръ и взятками нажилъ состояніе; говорили про его полезную дѣятельность, а онъ всю жизнь бездѣльничалъ и ничего, кромѣ вреда, не сдѣлалъ...

Бутылина поразила наступившая кругомъ зловѣщая тишина, и показалось страннымъ, что всѣ взоры съ удивленіемъ и жаднымъ любопытствомъ устремились на него.

— Къ чему эта ложь?—продолжалъ Сальниковъ.—А къ тому, что вы живете, дышите ею, безъ нея вамъ нельзя жить, нельзя оставаться въ узахъ неправды... Здѣсь нѣтъ истины, нѣтъ честныхъ людей, здѣсь все участники одной шайки, которая грабитъ и обираетъ народъ. Воры, взяточники, льстецы, грабители, развратники, надувалы!.. Вонъ сидитъ господинъ Кваснинскій, воръ, клеветникъ, доносчикъ... онъ малолѣтнихъ дѣвочекъ развращаетъ, и онъ вашъ предводитель!.. Какой стыдъ! какой ужасъ!.. Этотъ гадъ, мерзостный до мозга костей...

— Это, однако, настоящій скандалъ!—сказалъ кто-то, и тотчасъ же въ залѣ началось невообразимое смятеніе: вскочили съ мѣстъ и съ угрожающими жестами окружили Бутылина, который съ странной, необыкновенно яркой отчетливостью видѣлъ передъ собой это мечущееся людское стадо съ возбужденными звѣринными лицами. Сальниковъ уже не говорилъ, а кричалъ, но слова его заглушались все поднимавшимся воплемъ возбужденной толпы. Бутылинъ вскочилъ въ страшномъ волненіи и вдохновенно, вмѣстѣ съ Сальниковымъ и помогая ему, надрывая легкія и переживая страшное наслажденіе, пронзительно прокричалъ:

— Образованные, просвѣщенные люди! вы развратники, негодяи, потерявшие совѣсть!.. будьте вы всѣ прокляты!.. всѣ прокляты!..

Кто-то схватилъ Бутылина за плечо, но огни стали тух-

нуть, люди въ смятеніи куда-то поплыли всё въ одну сторону, потолокъ наклонился, и вдругъ, какъ молнія, сверкнулъ яркій свѣтъ, потомъ все исчезло. Бутылинъ закачался и грохнулся на полъ. Его поразилъ апоплексическій ударъ. Люди въ ужасѣ, въ смятеніи, давя другъ друга, блѣдные и трепещущіе, бросились къ выходу.

XXII.

Черезъ два дня, не приходя въ сознаніе, Бутылинъ умеръ. Его огромное тѣло, вытянувшись, лежало въ парадной залѣ, покрытое парчевымъ пологомъ. У изголовья горѣли свѣчи. Передъ аналоемъ Пятелеичъ заунывно читалъ псалтырь, чередуясь съ какимъ-то сѣденькимъ старичкомъ въ черномъ засаленномъ кафтанѣ. Въ залѣ и въ корридорахъ толпился народъ, приходившій проститься съ покойнымъ. Жена Бутылина, переваливаясь своимъ жирнымъ тѣломъ, съ заплаканнымъ лицомъ хлопотала по устройству похоронъ и номинальнаго обѣда. Дочь-горбунья въ черномъ платьѣ, прячась отъ людей въ дверной нишѣ, стояла неподалеку отъ Пятелеича, крестилась на икону и плакала. Какіе-то бѣдные родственники, невидавшіеся съ покойнымъ много лѣтъ, пріѣхали на похороны изъ Корчевскаго завода, робко жались у дверей, охали, вздыхали, качали головой, украдкой разсматривая роскошное убранство дома, и заискивающе улыбались проходившимъ мимо нихъ людямъ.

Въ сосѣдней комнатѣ, у полурастворенной двери стояла невидимая для постороннихъ, высокая, суровая старуха лѣтъ восьмидесяти съ иконописнымъ пергаментнымъ лицомъ и живыми черными глазами,—мать покойнаго. Она то молилась на свои мѣдные складни, поставленные въ углу комнаты, шепча канунъ о единоумершемъ своими высохшими впалыми губами, то сидѣла, отдыхая, на деревянномъ стулѣ. На ея высохшемъ, точно окаменѣвшемъ лицѣ съ глубокими рѣзкими морщинами не было ни скорби, ни сожалѣнія; суровое, беспощадное осужденіе всему міру читалось въ ея недобрыхъ строгихъ глазахъ, въ ея жестахъ и движеніяхъ, во всей ея сухой великопостной фигурѣ.

Петруша съ того дня, когда привезли отца, пораженнаго ударомъ, исчезъ изъ дому и не показывался до сихъ поръ.

Къ шести часамъ стали подъѣзжать къ дому экипажи, народъ закрутилъ всю залу, лѣстницу и корридоры. Пріѣхалъ генераль Угаринъ съ Кваснинскимъ. Генераль, перекрестившись и коснувшись пола рукой, приложился къ иконѣ на груди покойника и заплакалъ, а Кваснинскій скромно остался у дверей. Началась панихида.

На кладбищѣ, во время похоронъ, уже когда гробъ опускали въ могилу, пришелъ Петруша съ большой толпой оборванцевъ. Онъ храбро раздвигалъ народъ, требуя пропуска. Полиція преградила имъ путь, но, узнавъ, что это сынъ покойнаго, пропустила странную процессію. Съ вдохновеннымъ видомъ, воодушевленный нелѣпой мыслью произнести на могилѣ какую-то необыкновенно сильную рѣчь, въ которой высказать всю горечь, всѣ обиды своей неудавшейся жизни и обличить людей, Петруша смѣлой походкой пробрался впередъ. Эта рѣчь рисовалась его больному воображенію, какъ ударъ грома среди безоблачнаго неба, какъ вопль наболѣвшей души, которымъ онъ хотѣлъ потрясти сердца... Но, когда онъ увидѣлъ заколоченный гробъ и могилу, безумно плачущую мать и стоявшихъ около черной ямы людей съ печальными лицами, то остановился въ замѣшательствѣ, упалъ на комья мерзлой глины и безпомощно зарыдалъ. Изъ горла у него ручьемъ хлынула алая кровь...

А. Погорѣловъ.

* * *

Ведеть насъ трудная дорога
 Подъ гнетомъ скорби, лжи и зла...
 Но силъ могучихъ, смѣлыхъ много,
 И даль грядущаго свѣтла!
 Высокихъ дѣлъ живыя звеня,
 На благо общее людей,
 Куютъ и наши поколѣнья,
 И не страшить ихъ звонъ цѣпей.
 Святыя жертвы, кровь и слезы
 Необходимы для земли,
 Чтобъ счастья пламенныя розы
 Въ лучахъ свободы расцвѣли!..

Н. Шрейтеръ.

Губернскіе комитеты по крестьянскому дѣлу въ 1858—1859 гг.

VI.

Вопросъ о томъ, отводить ли надѣлы на срокъ, или безсрочно.—Неудобства срочно-обязаннаго положенія.—Комитеты, стремившіеся къ обезземленію крестьянъ, и ихъ предположенія.—Комитеты, желавшіе обязательнаго выкупа, и составленные ими выкупные проекты.—Комитеты, принимавшіе систему безсрочнаго пользованія землей съ сохраненіемъ обязательныхъ отношеній.—Особая тенденція петербургскаго комитета.—Вопросъ о размѣрѣ надѣловъ.—Комитеты, желавшіе удержать существовавшее ранѣе землепользованіе крестьянъ.—Нормы, принятыя различными комитетами.—Недостоинство надѣловъ, проектированныхъ большинствомъ комитетовъ.—Установленіе повинностей.—Фиктивность сокращенія барщины.—Несоразмѣрность установленныхъ комитетами нормъ барщины въ сравненіи съ размѣрами проектированныхъ надѣловъ.—Способы отправленія издѣльной повинности.—Опредѣленіе комитетами нормъ оброковъ.—Неправильность сдѣланныхъ ими расчетовъ.—Сравненіе проектированныхъ комитетами нормъ оброковъ съ нормами, установленными позже редакціонными комиссіями.—Градація въ обложеніи первой, второй и послѣдующихъ десятинъ надѣла.

Относительно надѣленія крестьянъ землей рескриптами было установлено слѣдующее *обязательное* для комитетовъ начало: „*крестьянамъ отводится надлежащее по мѣстнымъ условіямъ количество земли для обезпеченія ихъ быта и выполненія ихъ обязанностей передъ правительствомъ и помещикомъ*“. При составленіи перваго рескрипта, 20 ноября 1857 года, никто изъ прикосновенныхъ къ этому дѣлу лицъ не сомнѣвался, что здѣсь идетъ рѣчь объ обезпеченіи крестьянъ, если не навсегда, то во всякомъ случаѣ на неопредѣленное, весьма продолжительное время. Мысль о необходимости переходнаго періода, въ теченіе котораго крестьяне должны быть болѣе или менѣе крѣпки землѣ, выраженная министерствомъ въ его сопрозодительномъ отношеніи, отнюдь не давала основанія къ ограниченію для крестьянъ права пользованія отведенными имъ надѣлами какимъ либо опредѣленнымъ срокомъ. Возможность отвода надѣловъ на опредѣленный срокъ впервые явилась лишь послѣ опубликованія пра-

вительствомъ программы занятій, составленной Позеномъ. Этой возможностью воспользовались въ своихъ проектахъ многіе комитеты, особенно такіе, которымъ обезземеленіе крестьянъ представлялось выгоднымъ для дворянства, а на ряду съ ними и такіе, которымъ срочно-обязанное положеніе представлялось тягостной для всѣхъ аномаліей, изъ которой необходимо было выйти тѣмъ или инымъ путемъ. Обезземеленіе крестьянъ представлялось выгоднымъ преимущественно въ мѣстностяхъ плодородныхъ и густонаселенныхъ, гдѣ земля имѣла значительную цѣнность, и гдѣ, благодаря сосредоточенію ея въ рукахъ помѣщиковъ, у нихъ явилась бы возможность при ея помощи фактически властвовать надъ нуждающимся въ ней населеніемъ. Не выгоды срочно-обязаннаго положенія сознавались помѣщиками большей части губерній; но особенно разорительными они представлялись помѣщикамъ тѣхъ не черноземныхъ губерній, гдѣ существовала господская запашка, производившаяся барщиннымъ трудомъ *). Помѣщики этихъ губерній понимали, что заставить отбывать барщину крестьянина, объявленнаго лично свободнымъ, не имѣя при томъ въ своемъ распоряженіи той сильной принудительной власти, какой они пользовались при крѣпостномъ правѣ, было почти невысказано. Имъ представлялось, и не безъ основанія, что это будетъ нѣчто въ родѣ осаднаго положенія, въ которомъ жить долгое время невозможно, а тѣмъ болѣе невозможно успѣшно вести хозяйство. Замѣна же барщины постояннымъ и неизмѣннымъ оброкомъ имъ представлялась невыгодной. Назначить оброкъ въ повышенномъ размѣрѣ было также невысказано, потому что правительство требовало и крестьяне ожидали *улучшенія* быта, а не ухудшенія своего положенія, да и собрать повышенный оброкъ, не имѣя уже въ своемъ распоряженіи безотчетной крѣпостной власти, также едва ли было возможно. Многіе сомнѣвались даже, будутъ ли вообще крестьяне сколько-нибудь исправно платить оброкъ при срочно-обязанномъ положеніи. Съ уничтоженіемъ барщины помѣщикамъ приходилось переходить къ вольнонаемному хозяйству, а у нихъ не было ни инвентаря, ни рабочаго скота, ни оборотнаго капитала, и были по большей части весьма значительные долги, иногда почти достигавшіе цѣнности всего имѣнія. Изъ такого незавиднаго положенія ихъ могъ вывести только единовременный выкупъ крестьянскихъ повинностей и угодій. За это средство они и ухватились. Этимъ

*) Это были губернія: *Тверская, Новгородская, Смоленская* и въ особенности *Калужская*, въ которыхъ помѣщики заводили и поддерживали барщинную запашку, несмотря на скудость почвы, въ виду близости хлѣбныхъ рынковъ и возможности, при общемъ бездорожьи, выдерживать конкуренцію болѣе удаленныхъ черноземныхъ губерній. Ср. ст. *И. И. Игнатовичъ* „Помѣщичья крестьяне наканунѣ освобожденія“, Русск. Бог., 1900 г., № 9, стр. 49 и слѣд.

объяснялся успѣхъ либеральнаго выкупнаго проекта Унковскаго среди многихъ вовсе нелиберальныхъ дворянъ Тверской, Новгородской, Калужской, Смоленской, Владимирской, Нижегородской и другихъ нечерноземныхъ губерній. Невыгоды и неудобства срочно-обязаннаго положенія для помѣщиковъ заставляли прибѣгнуть къ выкупной системѣ также и нѣкоторые комитеты болѣе плодородныхъ черноземныхъ и получерноземныхъ губерній, особенно тамъ, гдѣ на дворянскихъ имѣніяхъ лежали значительные долги. Здѣсь помѣщики старались только по возможности урѣзать отводимые крестьянамъ надѣлы. Въ промысловыхъ имѣніяхъ помѣщики опасались, что, съ потерей прежней крѣпостной власти, имъ трудно будетъ собрать оброки; но здѣсь выкупъ полевой земли по нормальной оцѣнкѣ представлялся для нихъ совершенно невыгоднымъ, и они, какъ мы видѣли, стремились вознаградить себя по возможности повышенной оцѣнкой усадебъ. Необходимость и полезность срочно-обязаннаго положенія признавали главнымъ образомъ лишь помѣщики малонаселенныхъ, но хлѣбородныхъ степныхъ губерній, гдѣ помѣщичьи хозяйства не могли бы выдержать быстрого и единовременнаго прекращенія барщины; поэтому, хотя они и сознавали всѣ невыгоды срочно-обязанныхъ отношеній съ крестьянами, однако вынуждены были съ ними мириться и желали лишь постепеннаго ихъ прекращенія, путемъ замѣны ихъ черезъ нѣсколько лѣтъ обязательнымъ оброкомъ и, наконецъ, и выкупомъ. Такова была точка зрѣнія Ю. Э. Самарина.

Къ числу комитетовъ, желавшихъ *обезземелья* крестьянъ, принадлежали: воронежскій, тамбовскій, отчасти рязанскій, курскій, орловскій, полтавскій, екатеринославскій, херсонскій, таврическій, симбирскій, казанскій, нижегородскій, костромской, вологодскій, пермскій, вятскій, смоленскій и астраханскій. Изъ нихъ первые десять, очевидно, стремились стать, какъ выражался Черкасскій, монополистами цѣннаго товара—чернозема.

При этомъ воронежскій комитетъ въ „обзорѣ оснований“ своего проекта пояснялъ, что для улучшенія быта крестьянъ, сверхъ утвержденія между ними правилъ вѣры и нравственности, достаточно одной „свободы труда“ *). Не менѣе лицемѣрна мотивировка большинства симбирскаго комитета. По его мнѣнію, „надѣлъ земли для крестьянъ обязательный, хотя бы они желали отъ онаго отказаться, бросается въ глаза, какъ явная несправедливость и покушеніе на свободу крестьянъ (!). Комитетъ счелъ, что онъ, по крайней мѣрѣ, долженъ положить границу этой несправедливости, назначивъ 12-лѣтній переходный срокъ этому насильственному состоянію отношеній. Продлить обяза-

*) «Матеріалы редакц. комиссіи», т. I, «Журналы общ. прис. 12 авг. 1859 г., № 38. Докладъ хоз. отд. № 8, стр. 16.

тельный надѣлъ на неограниченное время значило бы пожертвовать крестьянской пользой и укрѣпить трудъ крестьянъ на вѣчныя времена, если не къ помѣщику, то къ землѣ, хотя бы самой благодарной. Конечная цѣль реформы,—заявляетъ симбирскій комитетъ,—должна состоять въ совершенномъ замѣненіи обязательнаго надѣла добровольнымъ соглашеніемъ; до этого же времени въ Россіи, одной изъ всѣхъ державъ Европейскихъ, трудъ не будетъ свободенъ и крестьяне останутся подъ другимъ именемъ крѣпостными“ *).

Большинство рязанскаго комитета вооружалось главнымъ образомъ противъ безсрочности обязательныхъ отношеній; оно объявляло въ „обзорѣ оснований“ своего проекта, что „невозможно на неопредѣленное время ставить два сословія въ искусственные отношенія. Подобныя мѣры—по его словамъ—могутъ быть только временныя, что сознаетъ и правительство, учреждая періодъ *срочно-обязанный*. Въ окончательномъ же періодѣ, *если правительство не сдѣлаетъ крестьянъ собственниками земель*, то необходимо будетъ, по крайней мѣрѣ, возвратитъ обоимъ сословіямъ полную свободу приходить къ добровольнымъ соглашениямъ, безъ вмѣшательства какихъ бы то ни было регламентацій, и такимъ образомъ подчинитъ земледѣліе тѣмъ же правиламъ, на которыхъ существуютъ прочія отрасли промышленности“ **).

Гораздо рѣшительнѣе стремились къ безземельному освобожденію крестьянъ комитеты малороссійскихъ и новороссійскихъ губерній: Полтавской, Екатеринославской, Херсонской и Таврической, при чемъ екатеринославскій и херсонскій комитеты, постановивъ, что крестьянскіе надѣлы по истеченіи срочно-обязаннаго періода обязательно возвращаются въ полное распоряженіе помѣщиковъ, сдѣлали вмѣстѣ съ тѣмъ прямыя постановленія, что надѣлы эти *ни въ какомъ случаѣ не могутъ быть выкуплены крестьянами въ собственность безъ согласія на то каждого помѣщика въ отдѣльности*. Такъ же смотрѣлъ на выкупъ надѣловъ и полтавскій комитетъ, руководимый Позеномъ. Таврическій комитетъ, сдѣлавъ постановленіе о возвращеніи надѣловъ помѣщику по истеченіи срочно-обязаннаго періода и опасаясь въ то же время, въ виду малонаселенности края, что помѣщичьи земли могутъ остаться безъ обработки, проектировалъ обязательный для крестьянъ выкупъ усадебъ по весьма высокой оцѣнкѣ, рассчитывая, очевидно, этою мѣрою фактически прикрѣпить крестьянъ къ мѣсту.

Комитеты смоленскій, вятскій, пермскій и вологодскій, хотя и сдѣлали постановленія объ отводѣ надѣловъ лишь на время срочно-обязаннаго періода, но ничего не имѣли и противъ выкупа

*) Тамъ же, стр. 16.

**) Тамъ же, стр. 17.

ихъ правительствомъ или самими крестьянами, при чемъ вологодскій комитетъ лишь условно постановилъ, что земля по истеченію срочно-обязаннаго періода возвращается къ помѣщику „буде правительство не издастъ на сей предметъ особыхъ правилъ“ *). Впрочемъ, какъ въ Вологодской, такъ и въ лѣсныхъ мѣстностяхъ Костромской губерніи, при всей малонаселенности ихъ и малой цѣнности неводѣланной земли въ этихъ губерніяхъ, крестьянскіе надѣлы, представляющіе участки, разработанные изъ подъ лѣса съ приложеніемъ значительнаго труда, имѣли и весьма значительную цѣнность; поэтому „возвращеніе“ этихъ земель въ полное распоряженіе помѣщиковъ было, конечно, для нихъ весьма выгодно.

Всего труднѣе судить объ основаніяхъ дѣйствій *астраханскаго* комитета, который, состоя въ значительной мѣрѣ изъ чиновниковъ, дѣйствовалъ, повидимому, безъ достаточнаго пониманія мѣстныхъ условій и выгодъ. Такъ, напр., нормы надѣловъ онъ заимствовалъ безъ дальнихъ размышленій изъ проекта петербургскаго комитета, хотя, разумѣется, въ условіяхъ Петербургской и Астраханской губерніи не было ничего общаго.

Къ этимъ комитетамъ примыкали: *новгородскій*, большинство *калуужскаго* и *пензенскій*, опредѣленно желавшіе, чтобы крестьяне выкупили свои надѣлы въ собственность при помощи правительства, но постановившіе, что, если выкупъ или сдѣлки о выкупѣ не послѣдуютъ въ срочно-обязанный періодъ, то надѣлы крестьянскіе, по истеченіи этого періода, поступаютъ въ полное распоряженіе помѣщиковъ.

Совершенно оригинальное положеніе проектировалъ *минскій* губернский комитетъ. Онъ также указалъ, что надѣлы отводятся лишь на время срочно-обязаннаго періода, по истеченіи котораго арендованіе ихъ можетъ производиться лишь путемъ свободнаго контракта, но при этомъ установилъ, что разъ отведенные надѣлы не могутъ быть присоединяемы къ господскимъ полямъ и по минованіи срочно-обязаннаго періода, а должны обязательно быть сдаваемы въ аренду обывателямъ Минской губерніи (кромя евреевъ) по добровольнымъ договорамъ на опредѣленный срокъ.

Въ сѣверо-западныхъ и юго-западныхъ губерніяхъ среди помѣщиковъ было также очень распространено, какъ выше мы видѣли, стремленіе къ безземельному освобожденію крестьянъ; но комитеты этихъ губерній не сдѣлали соответствующихъ постановленій въ составленныхъ ими проектахъ, потому что они своевременно получили категорическое разъясненіе министерства внутреннихъ дѣлъ, что правительство ни въ какомъ случаѣ не допуститъ подобнаго освобожденія **). Приученные къ инвентар-

*) «Матеріалы редакц. комиссій», т. VII, гл. V, стр. 96.

**) Записки Я. А. Соловьева. «Русск. Старина» 1881 г. № 5.

ной системѣ и зная по опыту, что съ ними правительство особенно церемониться не будетъ, они подчинились этому разъясненію безъ всякой почти попытки протеста. Лишь инфляндскіе члены *витебскаго* комитета сдѣлали постановленіе о возвращеніи надѣловъ помѣщикамъ по истеченіи переходнаго періода. Впрочемъ, нѣкоторые изъ комитетовъ западныхъ губерній постановили, что участки, меньше извѣстнаго размѣра (напр., меньше 5 десятинъ въ Литовскихъ губерніяхъ) по истеченіи срочно-обязаннаго періода могутъ быть присоединены къ господскимъ полямъ.

Стремленіе губернскихъ комитетовъ къ полной ликвидаціи крѣпостныхъ отношеній при помощи *обязательнаго выкупа* крестьянскихъ надѣловъ выразилось въ постановленіяхъ и въ проектахъ комитетовъ гораздо слабѣе, нежели можно было этого ожидать. Это произошло въ значительной мѣрѣ оттого, что правительство въ началѣ дѣятельности комитетовъ было противъ этой мѣры и на предложеніе нижегородскаго комитета отдать крестьянамъ въ собственность за единовременный денежный выкупъ часть крестьянскаго полевого надѣла не только отвѣчало отказомъ, но и прямо запретило губернскимъ комитетамъ обсуждать этотъ вопросъ. Впослѣдствіи правительство измѣнило свой взглядъ и разрѣшило сперва тверскому, а затѣмъ и калужскому комитету представить выкупной проектъ вмѣстѣ съ проектомъ срочно-обязаннаго положенія. О разрѣшеніи, данномъ калужскому комитету 14 марта 1859 г., было тогда же сообщено губернаторамъ нѣкоторыхъ губерній, въ которыхъ комитеты еще не кончили въ это время своихъ занятій *); но къ этому времени занятія продолжались лишь въ половинѣ губернскихъ комитетовъ и во многихъ изъ нихъ приходили къ концу. Разрѣшеніе, данное калужскому комитету, было официально сообщено почему-то лишь слѣдующимъ девяти *великорусскимъ* комитетамъ: самарскому, саратовскому, орловскому, тульскому, смоленскому, владимірскому, ярославскому, вологодскому, новгородскому и двумъ общимъ коммисіямъ: виленской и кievской. Вопросъ о выкупѣ надѣловъ поднимался, однако же, и во многихъ другихъ губернскихъ комитетахъ, и въ нѣкоторыхъ изъ нихъ были приняты выкупные проекты и безъ спеціального разрѣшенія правительства. Такъ поступило меньшинство симбирскаго, рязанскаго, нижегородскаго и московскаго комитетовъ и комитеты: харьковскій, пензенскій и моголевскій.

Совершенно не касались вопроса о выкупѣ лишь вятскій, таврическій, черниговскій, бессарабскій и большинство тульскаго комитета. Рѣшительно высказались противъ выкупа екатеринославскій, херсонскій, костромской и большинство симбирскаго комитета. Всѣ остальные комитеты такъ или иначе каса-

*) Сборникъ постановленій, вып. III, стр. 25.

лись вопроса о выкупѣ, но многіе изъ нихъ, даже такіе, которые представили подробныя соображенія и проекты особыхъ финансовыхъ операцій и учрежденій для содѣйствія выкупу, въ сущности имѣли въ виду лишь способствовать заключенію добровольныхъ выкупныхъ сдѣлокъ между крестьянами и отдѣльными помѣщиками. Таковы, на примѣръ, проекты меньшинства комитетовъ тульского и тамбовскаго, а также постановленія воронежскаго комитета.

Особые проекты о выкупѣ надѣловъ и повинностей крестьянъ, кромѣ *тверскаго* (большинства) и *калужскаго* (больш. и меньш. комитетовъ), представили *новгородскій* (большинство и меньшинство), *ярославскій*, меньшинство *нижегородскаго*, оба меньшинства *владимірскаго*, *пензенскій*, *саратовскій*, меньшинство (2 члена) *рязанскаго*, меньшинство *московскаго*, *могилевскій* и *харьковскій* комитеты. Но изъ всѣхъ этихъ проектовъ признавали выкупъ надѣловъ въ собственность крестьянъ единственнымъ правильнымъ рѣшеніемъ крѣпостного вопроса лишь проекты комитетовъ: *тверскаго*, *калужскаго* и *харьковскаго* и проекты меньшинства *владимірскаго* (5 и 6 членовъ), *рязанскаго* (2 члена) и *симбирскаго* (5 членовъ).

Первымъ изъ нихъ представленъ былъ проектъ 5 членовъ симбирскаго комитета, составленный главнымъ образомъ А. Н. Татариновымъ. Разбирая первые поступившіе въ главный комитетъ проекты губернскихъ комитетовъ, Я. И. Ростовцевъ остановился съ особеннымъ вниманіемъ на этомъ проектѣ меньшинства симбирскаго комитета и указалъ на него, какъ на „*первое отрядное положеніе*“ между всѣми поступившими до того времени въ главный комитетъ проектами положеній. „Проектъ 5 членовъ— по отзыву Ростовцева—соединяя выкупъ усадебъ съ выкупомъ надѣла, желаетъ *разрѣшить* вопросъ, а не *обойти* его“ *). Сущность этого проекта заключалась въ томъ, что крестьянамъ предоставлялось право выкупать свой надѣлъ съ тѣмъ, чтобы стоимость его не превышала 100 рублей на душу, при помощи ежегодныхъ платежей по 8% въ годъ, если выкупъ будетъ производиться безъ гарантіи правительства, и по 6% при правительственной гарантіи. Въ обоихъ случаяхъ 1% отчислялся на погашеніе, а 7% въ первомъ случаѣ и 5% во второмъ должны были выдаваться помѣщикамъ. Отдѣльный отъ надѣла выкупъ усадебъ не допускался. Земля оцѣнена была по уѣздамъ и въ каждомъ уѣздѣ по классамъ. Въ среднемъ по губерніи приходилось за 1 десятину I класса—44 руб., II класса—36 руб., III кл.—23 руб. При самой дорогой землѣ на душу можно было выкупить 2 десятины надѣла. „Такой надѣлъ—по мнѣнію Рос-

*) «Матеріалы редакціон. комиссій», I, приложение къ журналу № 1, стр. 51.

товцева— довольно близко подходилъ къ *регулированному существующему надѣлу*“. Усадебная земля была опредѣлена въ 90 руб. за десятину (на душу слѣдуетъ класть $\frac{1}{3}$ десятины—300 кв. сажень), строенія отдавались даромъ. Выкупныхъ платежей съ тягла при этомъ сходило бы, при правительственной гарантіи—15 рублей, безъ гарантіи—20 рублей. Вообще проектъ этотъ былъ составленъ съ несомнѣннымъ желаніемъ прочно обезпечить быть крестьянъ; опредѣленные же имъ выкупные платежи нельзя не признать очень умѣренными, потому что средній оброкъ въ Симбирской губерніи былъ въ это время, по свѣдѣніямъ, собраннымъ въ помѣщичьихъ имѣніяхъ выше 100 душъ,—27 руб. 37 к. съ тягла (колеблясь между 15 и 70 руб. въ отдѣльныхъ имѣніяхъ) *).

О проектѣ тверского комитета мы распространяться не будемъ, такъ какъ онъ былъ изложенъ покойнымъ Джаншиевымъ и составленъ на основаніяхъ, предложенныхъ А. М. Унковскимъ, уже извѣстныхъ читателю **). По этому проекту выкупъ угодій допускался лишь *нераздѣльно съ усадьбами*, не иначе, какъ *цѣлымъ обществомъ и одновременно взносомъ помѣщику всей выкупной суммы*. Для выкупа должно было учреждаться *акціонерное общество*, которое выплачивало бы помѣщику часть капитальной суммы наличными деньгами, а часть облигаціями, приносящими, впредь до уплаты, $4\frac{1}{2}\%$. Взамѣнъ того правительство гарантировало бы этому обществу исправный взносъ крестьянами, въ теченіе 42 лѣтъ, опредѣленныхъ положеніемъ оброковъ (т. е. выкупныхъ платежей) ***).

Отъ калужскаго комитета поступило два выкупныхъ проекта—отъ большинства и отъ меньшинства. Основанія для обоихъ проектовъ были выработаны первоначально въ особой финансовой комиссіи, главнымъ образомъ *П. Н. Свистуновымъ* (извѣстнымъ декабристомъ). Выводы, къ которымъ пришла комиссія и которые были приняты безъ всякихъ почти измѣненій и комитетомъ, заключались въ слѣдующемъ:

Крестьяне за выкупаемые ими надѣлы должны будутъ платить 6% со стоимости надѣловъ по произведенной комитетомъ оцѣнкѣ. Платежи эти будутъ съ нихъ взыскиваться правительствомъ, безъ всякаго участія и отвѣтственности помѣщиковъ. Помѣщики получаютъ *единовременно, тотчасъ по утвержденіи выработываемаго положенія, всю выкупную сумму* облигаціями, приносящими 5% ежегоднаго дохода; а шестой процентъ, по вычетѣ изъ него случайныхъ недоимокъ и различныхъ расходовъ

*) «Матеріалы редакц. комиссій», т. III. Вѣдомость. прилож. къ докладу хоз. отд. № 17.

**) См. гл. III. настоящаго сочиненія.

***) «Матеріалы редакц. комиссій», т. I, гл. V, стр. 115.

по веденію всей операціи, будетъ употребляемъ на погашеніе выкупного долга. Въ какой именно срокъ, при этихъ условіяхъ, можетъ быть достигнуто полное погашеніе долга, коммиссія не вычислила, но въ докладѣ своемъ, на основаніи различныхъ соображеній, утверждала, что срокъ этотъ не будетъ на много дольше обычнаго 37-лѣтняго срока амортизаціи долгосрочныхъ ссудъ. Правительство должно гарантировать какъ всю сполна цѣнность облигацій, такъ и неизмѣнную высоту платимыхъ по нимъ процентовъ. Операція эта должна была обезпечиваться какъ процентнымъ сборомъ, взимаемымъ съ крестьянъ, такъ и всѣми государственными имуществами. Для завѣдыванія выкупной операціей проектировался государственный выкупной банкъ, который, при содѣйствіи подчиненныхъ ему мѣстныхъ губернскихъ учрежденій (приказовъ общественаго призрѣнія), распоряжался бы оборотнымъ капиталомъ, служащимъ къ окончательному погашенію всѣхъ выданныхъ помѣщикамъ облигацій. Для образованія основнаго капитала этого банка предполагалось составить акціонерную компанію, которая явилась бы участницей въ операціяхъ банка на опредѣленныхъ условіяхъ. По окончательномъ погашеніи выкупныхъ облигацій банкъ передавался бы вполнѣ въ ея вѣдѣніе. Этому банку должно быть предоставлено право различныхъ кредитныхъ операцій, даже и такихъ, которыя въ то время еще не входили въ кругъ дѣйствій существовавшихъ тогда въ Россіи кредитныхъ установленій. Въ веденіи дѣла предполагалось допустить полную публичность и гласность. На этотъ банкъ предполагалось перевести и всѣ долги кредитнымъ учрежденіямъ, бывшіе въ то время на дворянскихъ имѣніяхъ, при чемъ банкъ изъ общей суммы, слѣдуемой помѣщикамъ, временно, въ видѣ залога, удерживалъ бы соотвѣтствующее этимъ долгамъ количество облигацій и процентами, получаемыми по этимъ облигаціямъ, выплачивалъ бы весь долгъ, лежащій на этихъ имѣніяхъ. При этомъ всѣ запрещенія съ имѣній снимались бы со времени удержанія облигацій. По погашеніи долговъ въ кредитныя учрежденія, временно удержанныя облигаціи выдавались бы ихъ владѣльцамъ-помѣщикамъ; впрочемъ, за помѣщиками признавалось бы и право выкупа ихъ облигацій во всякое время взносомъ соотвѣтствующей ихъ долгамъ суммы. Облигаціи эти должны были бы приниматься въ залогъ по нарицательной цѣнѣ по казеннымъ подрядамъ, торгамъ, откупамъ и пр., а равно и въ уплату при покупкѣ казенныхъ земель и государственныхъ имуществъ. Этотъ планъ выкупа былъ принятъ какъ большинствомъ, такъ и меньшинствомъ комитета.

Разница въ выкупныхъ проектахъ меньшинства и большинства калужскаго комитета заключалась главнымъ образомъ въ оцѣнкѣ надѣла и усадебъ, при чемъ оцѣнка большинства превышала оцѣнку меньшинства на 20⁰/₀: по первой стоимости уступаемой крестья-

намъ земли оцѣнена была въ 150 руб. на душу, а по второй — въ 120 *). Сверхъ того, въ проектѣ меньшинства было установлено, что, въ случаѣ особыхъ выгодъ или невыгодъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, оцѣнка эта можетъ быть повышена или понижена, по рѣшенію оцѣночной комиссіи, на 20 руб. на душу.

Сходны съ калужскими выкупными проектами были проекты, выработанные меньшинствомъ 6-ти членовъ *владимірскаго комитета* и *харьковскимъ комитетомъ* **).

Съ отводомъ крестьянамъ надѣловъ въ *безсрочное* пользованіе съ сохраненіемъ обязательныхъ отношеній мирились комитеты: *петербургскій, московскій, псковскій, олонекскій, ярославскій, владимірсскій* (большинство), *самарскій, саратовскій, могилевскій, черниговскій и тульскій*, а также меньшинство комитетовъ *новгородскаго, вологодскаго, тверскаго, нижегородскаго*, 2-хъ членовъ *симбирскаго*, 3-хъ членовъ *рязанскаго*, бѣлорусскихъ членовъ *витебскаго* комитета и общія комиссіи *киевская* и *виленьская*. Интересы и соображенія, которыми руководились члены всѣхъ этихъ комитетовъ и комиссій, были далеко не однородны, и комитеты эти отнюдь не составляютъ по своему характеру сколько нибудь однообразной группы. О побужденіяхъ, заставившихъ принять означенное рѣшеніе комитеты и комиссіи сѣверо-западныхъ и юго-западныхъ губерній,—мы уже говорили. Говорили также о причинахъ, побудившихъ большинство и меньшинство *самарскаго* комитета держаться системы безсрочнаго пользованія. Относительно склонности *петербургскаго* комитета къ личному освобожденію крестьянъ по остзейской системѣ въ нашей литературѣ, съ легкой руки профессора Иванюкова, составилось довольно прочное мнѣніе, которое, однако, едва ли можно принять безъ оговорокъ. Мнѣніе это состоялось главнымъ образомъ на основаніи ожесточенныхъ, но невѣрно истолкованныхъ споровъ гр. Шувалова и кн. Паскевича съ членами редакціонныхъ комиссій, а также въ виду тѣхъ преній, которыя происходили въ средѣ самаго петербургскаго комитета по вопросу о выкупѣ усадебной осѣдлости. Я не имѣю, къ сожалѣнію, въ своемъ распоряженіи подлинныхъ трудовъ петербургскаго комитета, но и опубликованныхъ о немъ данныхъ ***) достаточно, чтобы соста-

*) По сравненію съ оцѣнкой проекта меньшинства симбирскаго комитета оцѣнка, принятая даже и меньшинствомъ калужскаго комитета, представляется не особенно льготной для крестьянъ.

***) «Матеріалы редакціон. комиссій», т. I, своды проектовъ комитетовъ, гл. V, стр. 114 и 116, а также гл. IV, стр. 51. Срав. Скребицкій, н. с. т. IV, стр. 246 и слѣд.

***) Въ «Матеріалахъ редакціонныхъ комиссій»—своды проектовъ губернскихъ комитетовъ т. I и въ особенности отзывъ *Ростовцева* о проектѣ петербургскаго комитета тамъ-же, стр. 38—42 и выписки изъ «обзора основаній» того же комитета въ докладахъ хозяйственнаго отдѣленія редакц. комиссій

вить себѣ ясное представленіе о тенденціяхъ мыслящей и руководящей части петербургскаго дворянства, проявленныхъ ими въ концѣ царствованія Николая I и въ засѣданіяхъ губернскаго комитета въ 1858 году.

Члены петербургскаго комитета увлекались аристократическими мечтаніями и не прочь были заимствовать у остзейскаго рыцарства нѣкоторыя черты феодальнаго строя, но они вовсе не думали обезземелить крестьянъ. Имъ очень хотѣлось упрочить за русскимъ дворянствомъ вотчинныя права и привилегіи, но они въ то же время серьезно желали упорядочить и упрочить быть своихъ крестьянъ на началахъ эмфитевтическихъ, вѣчнонаслѣдственныхъ отношеній. Они не думали сокращать и урѣзывать крестьянскіе надѣлы и даже хотѣли навсегда отдѣлить ихъ отъ господскихъ полей и лѣсовъ, въ видѣ наслѣдственной арендной крестьянской земли. Ихъ возмущала лишь мысль о нарушеніи неприкосновенности ихъ вотчинныхъ сеніоріальныхъ правъ и привилегій. Отсюда и тѣ страстные споры, и горячія рѣчи о неприкосновенности и священности дворянскаго права собственности по вопросу о выкупѣ усадебъ, которые встревожили министерство внутреннихъ дѣлъ *). Въ обязательномъ выкупѣ усадебъ члены петербургскаго комитета видѣли не столько матеріальный ущербъ помѣщичьимъ интересамъ, сколько нарушеніе своихъ дворянскихъ вотчинныхъ правъ. Права и интересы, которые они главнымъ образомъ отстаивали, были не столько экономическаго, сколько романтическаго свойства, и руководили ими не столько соображенія корысти, сколько традиціонное высокомеріе и барское тщеславіе. Это ярко сказалось впоследствии, когда, послѣ всѣхъ споровъ и столкновеній Шувалова и Паскевича съ членами редакціонныхъ комиссій, они все же не пожелали въ рѣшительный моментъ (въ засѣданіи 12 августа 1859 года по вопросу о срочности или безсрочности пользованія крестьянъ отведенными имъ надѣлами) присоединиться къ Позену, истинному представителю и защитнику *матеріальныхъ* помѣщичьихъ интересовъ. Это же направленіе ясно выразилось и въ проектѣ петербургскаго комитета, который, всячески затруднивъ крестьянамъ выкупъ усадебъ въ собственность, вмѣстѣ съ тѣмъ проектировалъ вполне достаточный земельный надѣлъ въ безсрочное пользованіе за умѣренныя повинности **). Въ то же время по этому проекту помѣщикамъ предоставлялась на территоріи ихъ владѣній сильная вотчинная власть, при чемъ власть эту во всей полнотѣ, въ отсут-

№ 1 (о надѣлахъ, т. II) и № 17 (т. III матеріаловъ); также у Семенова «Освобожденіе крестьянъ» т. I стр. 135 и слѣд. и 544.

*) «Матеріалы для исторіи упраздненія крѣпостного состоянія», т. I, стр. 324.

***) Срав. мнѣніе Ростовцева въ запискѣ его о проектѣ петербургскаго комитета, напечатанной въ I т. «Матеріаловъ редакціон. комиссій».

ствіе свое изъ имѣнія, помѣщикъ могъ передать управителю имѣнія въ томъ только случаѣ, если этотъ послѣдній былъ самъ потомственный дворянинъ. Изъ другихъ комитетовъ наиболее близкимъ по направленію своему къ петербургскому былъ сосѣдній съ нимъ комитетъ, псковскій ***).

Совсѣмъ не такой характеръ носятъ проекты другихъ комитетовъ нечерноземныхъ губерній, признавшихъ право безсрочнаго пользованія крестьянъ отведеннымъ надѣломъ. Эти комитеты также крѣпко держались за вотчинную власть помѣщиковъ, несомнѣстимую съ выкупною системою, предполагавшею полную ликвидацію крѣпостныхъ отношеній, но на первый планъ у нихъ обыкновенно выступали матеріальные интересы, а иногда и своекорыстныя, явно несправедливыя поползновенія. Эти интересы и поползновенія выразились чрезвычайно разнообразно: въ однихъ комитетахъ въ стремленіи урѣзать надѣлъ, чаще всего подъ предлогомъ соотвѣстнаго уменьшенія повинностей, которыя они уменьшали лишь номинально; въ другихъ—въ явно преувеличенной оцѣнкѣ усадебной осѣдлости и надѣла, иногда съ явнымъ намѣреніемъ затруднить ихъ выкупъ.

Обыкновенно думаютъ, что изъ комитетовъ и отдѣльных лицъ, принимавшихъ участіе въ крестьянской реформѣ, всѣ болѣе либеральные стремились къ выкупу, менѣе либеральные соглашались отвести крестьянамъ надѣлы въ постоянное пользованіе за обязательныя повинности и, наконецъ, самыя крѣпостническіе стремились къ совершенному обезземеленію крестьянъ. На самомъ дѣлѣ эта схема далеко не точна. Конечно, искренніе и послѣдовательные либералы стремились къ обязательному выкупу, потому что, при помощи этой системы, достигалось одновременно и повсемѣстно—полное освобожденіе крестьянъ не на бумагѣ, а на дѣлѣ. Но выкупъ былъ въ то же время на руку многимъ помѣщикамъ, отнюдь не зараженнымъ духомъ либерализма. Мы видѣли, какъ этого типа помѣщики и цѣлыя комитеты пытались устроить свои дѣла при помощи высокой оцѣнки усадебъ. Нѣкоторые изъ нихъ составили въ такомъ же духѣ проекты выкупа и прочихъ угодій. Таковъ былъ проектъ *ярославскаго* комитета, предлагавшаго отвести крестьянамъ, кромѣ усадебной осѣдлости, и земельный надѣлъ достаточнаго размѣра (до 50 десятинъ на душу) и отдать его вмѣстѣ съ усадьбой на выкупъ, но оцѣнившаго этотъ надѣлъ въ 270 руб. съ души. Эта оцѣнка почти вдвое превышала оцѣнку тверскаго комитета и болѣе чѣмъ въ 2¹/₂ раза оцѣнку симбирскаго меньшинства 5 членовъ. *Новгородскій* комитетъ предлагалъ урѣзанный надѣлъ въ 5 десятинъ, недостаточность котораго онъ

*) «Матеріалы редакц. комиссій», т. I, систематическіе своды по проектамъ положеній 21 губерній, гл. V, стр. 68—69.

самъ отлично сознавалъ *), отдать на выкупъ за 330 руб. съ тягла. Меньшинство *нижегородскаго* комитета, официально признанное либеральнымъ, дешево оцѣнило, въ противность большинству, усадьбы и предложило ихъ выкупить вмѣстѣ съ земельнымъ надѣломъ, но размѣръ послѣдняго опредѣлило всего въ 1, 3 дес. на душу, тогда какъ даже крѣпостническое большинство нижегородскаго комитета опредѣлило размѣръ надѣла отъ 2 до 3 десят. на душу.

Чтобы судить о степени безобидности для крестьянъ проекта того или другого комитета, необходимо принять въ расчетъ цѣлый рядъ обстоятельствъ и прежде всего—размѣръ проектированнаго надѣла, въ связи съ мѣстными условіями и съ размѣромъ назначенныхъ комитетомъ повинностей.

Вопросъ о *размѣрѣ надѣловъ* долженъ былъ, повидимому, выступать на первый планъ въ тѣхъ комитетахъ, которые предполагали уступить крестьянамъ земельный надѣлъ въ собственность или отдать его имъ въ постоянное, безсрочное пользованіе. Повидимому, гораздо меньше значенія онъ долженъ бы былъ имѣть въ комитетахъ, сдѣлавшихъ постановленіе о возвращеніи всей земли по истеченіи срочно-обязаннаго періода въ полное распоряженіе помѣщика. Но на дѣлѣ это было далеко не такъ. Помѣщики вездѣ, въ сущности, хорошо понимали, что правительство едва-ли допуститъ, въ концѣ концовъ, такой исходъ дѣла, и потому, на случай неутвержденія постановленій о возвращеніи надѣловъ въ распоряженіе помѣщиковъ, большая часть комитетовъ, отводившихъ надѣлы лишь во временное пользованіе крестьянъ, позаботилась не менѣе остальныхъ о сокращеніи до возможнаго *minimum'a* размѣровъ отводимыхъ надѣловъ **).

Полевая земля представляла значительную цѣнность главнымъ образомъ въ хлѣбородныхъ черноземныхъ губерніяхъ, особенно въ густо-населенныхъ — центральныхъ, а также въ малороссійскихъ и юго-западныхъ ***).

*) Ибо устанавлилъ на переходное время *дополнительный* надѣлъ въ 4 десятины, за особыя дополнительные повинности.

***) *Поземъ* осторожно, но упорно проводившій принципъ неприкосновенности съ самаго начала и затѣмъ сильно отстаивавшій его въ редакціонныхъ комиссіяхъ, въ полтавскомъ губернскомъ комитетѣ счелъ необходимымъ предостеречь помѣщиковъ, что правительство едва ли согласится на возвращеніе въ ихъ распоряженіе разъ отведенныхъ надѣловъ. Здѣсь онъ старался лишь провести мысль, что крестьянамъ слѣдуетъ отводить надѣлы какъ можно меньше. См. «Бумаги М. П. Позена», стр. 162.

***) Граница, отдѣляющая черноземный югъ отъ нечерноземнаго сѣвера, идетъ довольно ломанной линіей съ запада на востокъ (или точнѣе на сѣверо-востоко-востокъ) и, не вполне совпадая съ административнымъ дѣленіемъ страны на губерніи, проходитъ по Волынской, Кіевской, Черниговской, Орловской, Тульской, Рязанской, Тамбовской, Пензенской, Нижегородской, Симбирской и Казанской губерніямъ. Изъ этихъ губерній значительная часть Во-

Кромѣ того, въ лѣсныхъ мѣстностяхъ разработанная изъ подѣ лѣса земля представляла также высокую цѣнность, такъ какъ раскорчеваніе лѣса требовало затраты большого количества труда. Въ малонаселенныхъ степныхъ губерніяхъ и въ нечерноземныхъ промышленныхъ земля цѣнилась чрезвычайно низко *). Соотвѣтственно этому, при опредѣленіи размѣра надѣловъ, гораздо менѣе скупилась комитеты нечерноземныхъ промышленныхъ и степныхъ малонаселенныхъ губерній, нежели комитеты центрально-черноземныхъ, малороссійскихъ и юго-западныхъ губерній.

По вопросу о размѣрахъ надѣленія крестьянъ полевой землей лишь очень немногіе комитеты признали возможнымъ придерживаться *дѣйствительно существовавшего* въ то время землепользованія крестьянъ. Одни изъ нихъ находили несправедливымъ узаконять случайно или по произволу помѣщиковъ образовавшуюся неравномѣрность обезпеченія крестьянъ землей, при чемъ получили бы своего рода премію наиболѣе прижимистые помѣщики и потерпѣли бы наиболѣе щедрые или беззаботные; другіе откровенно указывали, что, если крестьянамъ надѣлать достаточное для удовлетворенія всѣхъ ихъ потребностей количество земли, то они не будутъ имѣть никакой надобности ни работать по найму въ помѣщичьихъ экономіяхъ, ни арендовать остающіяся у помѣщиковъ земли; наконецъ, третьи увѣряли, что самимъ крестьянамъ, будто бы, выгоднѣе получить урѣзанные надѣлы, такъ какъ

лынской, Черниговской и Орловской принадлежать къ нечерноземной полосѣ; въ Тульской и Рязанской также есть уѣзды нечерноземные, но здѣсь цѣнность земли повсемѣстно весьма высока, вслѣдствіе значительной густоты населенія. Есть нечерноземные уѣзды и въ губерніяхъ Тамбовской, Пензенской и Казанской; съ другой стороны, въ Нижегородской губерніи, большая часть которой нечерноземна, есть черноземные уѣзды и части уѣздовъ. Губерніи, лежація къ сѣверу отъ проведенной нами черты, принадлежать къ полосѣ нечерноземной,—въ центрѣ промышленной, а къ сѣверу, сѣверо-востоку и юго-западу—лѣсной. Къ югу отъ вышеописанной черты идетъ полоса сплошного чернозема, переходящая на крайнемъ югѣ, на юго-востокѣ и востокѣ—въ степь. Черноземныя мѣстности отъ степныхъ отличаются главнымъ образомъ сѣвооборотомъ, измѣненіе котораго зависитъ отъ относительной густоты населенія и обилія дѣвственной и неистощенной, не требующей удобрения, почвы. Въ 50-хъ годахъ въ населенныхъ болѣе густо центральныхъ губерніяхъ господствовало трехполье, въ мало-населенныхъ окраинныхъ юго-восточныхъ и южныхъ — залежное хозяйство. На сѣверѣ и сѣверо-востокѣ, гдѣ нечерноземная полоса переходитъ въ лѣсную такъ же незамѣтно, какъ черноземная въ степную, вмѣсто трехпольнаго хозяйства существуетъ переложное («Матеріалы редакціон. комиссій», т. XVIII, стр. 428—438, 620, 621 и 728, т. VI, дополнит. докладъ хов. отд. № 15, стр. 8—34).

*) Такъ, въ Смоленской губ., по статистическимъ даннымъ Я. А. Соловьева, средняя цѣна десятины въ ненаселенныхъ имѣніяхъ была въ пятидесятихъ годахъ 5 р. 50 к., а населенныя имѣнія продавались тамъ въ среднемъ по 117 рубл. на душу; тогда какъ въ Тульской, по свидѣтельству Самарина, Кошелева и Кокорева, ненаселенная земля цѣнилась нерѣдко дорожее населенной.

это первый шагъ къ установленію отношеній, регулируемыхъ свободнымъ контрактомъ, соответствующихъ — по мнѣнію этихъ „либераловъ“—гражданской свободѣ и будто бы служащихъ залогомъ правильнаго развитія народнаго благосостоянія. При этомъ приводилось соображеніе о затруднительности для крестьянъ отбывать всѣ повинности за слишкомъ большіе надѣлы. При высокой оцѣнкѣ надѣловъ и при низкой оцѣнкѣ труда, это послѣднее соображеніе не лишено было извѣстнаго вѣса.

Изъ всѣхъ губернскихъ комитетовъ рѣшились удержать *существовавшіе ранѣе надѣлы*, съ нѣкоторымъ лишь регулированіемъ ихъ, комитеты: *тверской* (большинство), *смоленскій*, *самарскій* (большинство) и меньшинство), *могилевскій*, меньшинство 6 членовъ *владимірскаго*, 2 члена *сибирскаго*, 2 члена *рязанскаго*, одинъ членъ *калуужскаго* комитета (кн. А. В. Оболенскій) и одинъ членъ *саратовскаго* комитета (А. П. Ровинскій, депутатъ Царицынскаго уѣзда, вообще державшійся точки зрѣнія крестьянскихъ, а не помѣщичьихъ интересовъ). Мотивами къ удержанію существующаго землепользованія крестьянъ эти комитеты выставили слѣдующія соображенія: 1) невозможность опредѣлить общую норму надѣла, которая бы вполне обеспечивала бытъ и повинности крестьянина, при чемъ нѣкоторые объясняли, что бытъ и повинности крестьянъ нигдѣ не обеспечиваются однимъ земледѣліемъ, но и промыслами. 2) Невозможность скорого и повсемѣстнаго приведенія въ исполненіе нормальнаго надѣла по недостатку межевыхъ и кадастровыхъ средствъ. 3) Разстройство въ хозяйствѣ какъ крестьянъ, такъ и *самого помѣщика*, вслѣдствіе измѣненія надѣла *). Однако и въ этихъ проектахъ не предполагалось безусловное удержаніе существующихъ надѣловъ, а устанавливались предѣльныя нормы, близкія къ дѣйствительно существовавшимъ.

Большинство тверскаго комитета оставляло существующій надѣлъ, *если онъ не болѣе 4 десятинъ на душу*; меньшинство 6 членовъ владимірскаго комитета — *если онъ не болѣе 4¹/₂ дес. на душу*. Самарское большинство, — *если онъ не превышаетъ извѣстныхъ нормъ, которыя измѣнялись по мѣстностямъ отъ 3 до 8 десятинъ на душу, а по проекту меньшинства—отъ 8 до 22 дес. на тягло*. Меньшинство 2-хъ членовъ рязанскаго комитета оставляло существующій надѣлъ, если онъ укладывался въ установленныя имъ (различныя для разныхъ уѣздовъ) нормы, колебавшіяся въ первой полосѣ между 1¹/₄ и 2 дес., во второй и третьей—между 1³/₄ и 2¹/₂ дес., въ четвертой—между 2 и 3 дес. на душу (кромѣ заокской части губерніи, гдѣ надѣлъ колебался

*) *Скребицкій*, т. II, ч. I, стр. 10—11. «Матеріалы редакціонныхъ комиссій», т. I. Докладъ хоз. отд. № 1, стр. 9—10.

между $1/2$ и $1\frac{1}{2}$ дес. на душу, такъ какъ здѣсь крестьяне почти не имѣли полевыхъ земель, а пользовались лишь лугами *).

Нѣкоторые изъ комитетовъ также заявляли, что они принимаютъ существующій надѣлъ, но при этомъ ограничивали его такими нормами, которыя дѣлали неизбежными весьма значительныя отрѣзки. Таковы проекты: *тверского* меньшинства (не болѣе 3 дес. на душу), *владимѣрскаго* меньшинства 5 членовъ (не болѣе 3 десят. на душу, тогда какъ въ той же губерніи меньшинство 6 членовъ ограничивало существующій надѣлъ $4\frac{1}{2}$ десятинами). Въ проектѣ *тульскаго* меньшинства существующій надѣлъ удерживался лишь для имѣній среднеземельныхъ; для малоземельныхъ же и многоземельныхъ устанавливались нормы въ 1 и въ 2 десятины на душу, при чемъ послѣдняя влекла за собой значительныя отрѣзки **) *Ярославскій* комитетъ оставлялъ существующіе надѣлы лишь на время срочно-обязаннаго періода, а затѣмъ соглашался отдать ихъ полностью крестьянамъ лишь при обязательномъ выкупѣ (по 270 р. на душу), въ безсрочное же пользованіе отводилъ урѣзанные надѣлы отъ 1—3 дес. на душу. Большинство и меньшинство *нижегородскаго* комитета предполагали оставить существующій надѣлъ лишь въ промысловыхъ и торговыхъ имѣніяхъ, т. е. тамъ, гдѣ онъ не имѣлъ значенія; въ земледѣльческихъ же малоземельныхъ крестьянамъ отводилось $2/3$ всей земли, а въ многоземельныхъ, по особой нормѣ — отъ 2—3 дес. по проекту большинства и по $1\frac{1}{2}$ дес. по проекту меньшинства ***).

Изъ губернскихъ комитетовъ, установившихъ извѣстныя нормы надѣла, проектировали размѣры болѣе или менѣе достаточныя и близкіе къ существующимъ надѣламъ, главнымъ образомъ, комитеты *нечерноземныхъ* губерній: *петербургской*, *псковской*, *витебской* (бѣлорусскіе уѣзды), *могилевской*, *минской*, *вильенской*, *ковенской*, *гродненской* и одной степной — *оренбургской*. Относительно благопріятныя для крестьянъ нормы устанавливались также въ проектахъ меньшинства *вологодскаго*, *черниговскаго* и 5 членовъ *симбирскаго* комитетовъ.

Изъ комитетовъ *нечерноземныхъ* губерній менѣе достаточныя нормы проектировали: *вологодскій* (больш.),—2 до 4 дес. на душу (чего, при переложномъ хозяйствѣ, господствовавшемъ въ губерніи, было далеко не достаточно ****), *новгородскій* (большинство)—

*) «Матеріалы редакц. комиссій», т. I, гл. V, стр. 17.

**) Тульское меньшинство считало малоземельными тѣ имѣнія, въ которыхъ при крѣпостномъ правѣ у крестьянъ было въ пользованіи земли менѣе 1 дес. на душу; среднеземельными тѣ, въ которыхъ у крестьянъ было отъ 1 до 2 дес. на душу, и многоземельными тѣ, въ которыхъ было у крестьянъ болѣе 2 дес. на душу (Срав. «Матеріалы редакц. комиссій» т. VII, систем. сводъ, глава V, стр. 21).

***) «Матер. редакц. комиссій», т. I, гл. V, стр. 1 и 2.

****) Въ помѣщичьихъ имѣніяхъ *вологодской* губерніи всей земли на душу приходилось по $15\frac{1}{2}$ дес. (не считая неудобн.).

по 5 дес. на тягло (недостаточность этой нормы комитетъ самъ сознавалъ и потому постановилъ, что въ теченіе срочно-обязаннаго періода крестьянамъ изъ прежняго ихъ надѣла можетъ быть еще оставляемо до 4 десятинъ на тягло (за *дополнительныя повинности*) *); меньшинство того же комитета назначало по $2\frac{1}{2}$ дес. на душу (также съ *дополнительнымъ надѣломъ* на тѣхъ же условіяхъ, что и большинство). *Владимірскій* комитетъ (большинство) проектировалъ отъ 1,8 — 3 дес. на душу (недостаточность этой нормы открывалась изъ сопоставленія ея съ проектомъ меньшинства 6 членовъ того же комитета). Столь же недостаточны были нормы, проектированныя *калужскимъ* ($2\frac{1}{8}$ дес. на душу), *костромскимъ* ($1\frac{1}{2}$ —3 дес. на душу), *вятскимъ* (отъ 2—2,8 дес.) и *пермскимъ* (2—4 дес.) комитетами **).

Изъ комитетовъ болѣе плодородныхъ центрально-черноземныхъ, юго-западныхъ и южныхъ губерній щедрѣ другихъ, хотя все же далеко недостаточно, надѣляли крестьянъ комитеты: *пензенскій*, (2 дес. на душу, а по выкупному проекту— $2\frac{1}{4}$), *рязанскій* (по полосамъ, отъ $1\frac{1}{4}$ до 3 дес. на душу, кромѣ заокской части губерніи, гдѣ отводился лишь луговой надѣлъ отъ $\frac{1}{2}$ до $1\frac{1}{2}$ дес. на душу), *орловскій* (по 2 дес. на душу, при чемъ въ составъ полевого надѣла включались и коноплинники и выгонъ); *екатеринославскій* (отъ 2 до 3 дес. на душу, что составляло весьма немного въ губерніи, гдѣ земли въ помѣщичьихъ имѣніяхъ приходилось по 18,9 дес. на душу); *таврическій* (по 3 дес. въ среднеземельныхъ и по 5 дес. въ многоземельныхъ степныхъ имѣніяхъ, тогда какъ въ помѣщичьихъ имѣніяхъ Таврической губерніи числилось по 56 дес. на душу) и *астраханскій* (принявшій нормы, выработанныя петербургскимъ комитетомъ, совершенно не соответствовавшія условіямъ Астраханской губерніи). Комитеты *киевскій*, *подольскій* и *волынскій* проектировали надѣлы въ видѣ тягловыхъ участковъ отъ 4 до $8\frac{1}{2}$ дес., смотря по качеству почвы, раздѣленной ими на 3 разряда.

Наконецъ, *безусловно недостаточныя надѣлы* проектировали изъ комитетовъ сѣверныхъ нечерноземныхъ губерній лишь *олонецкій* (2 дес. на душу, тогда какъ переложное хозяйство здѣсь требовало большихъ надѣловъ) и *московскій* (1,3—2 дес. на душу). Комитеты центрально-черноземныхъ и малороссійскихъ губерній проектировали по большей части совершенно недостаточныя надѣлы: *тульскій* (больш.) въ 1,2 дес. на душу, *курскій* — тоже; *воронежскій* по $1\frac{1}{2}$ дес. на душу; такой же надѣлъ проектиро-

*) Въ *Новгородской* губерніи въ помѣщ. имѣніяхъ всей земли (не считая неуд.) на душу приходилось 19,2 дес.

**) Губерніи *Костромская*, *Вятская* и *Пермская* принадлежали къ числу многоземельныхъ: въ первой на душу приходилось всей земли 12,2 дес., во второй—8,5, и въ третьей—30 десятинъ.

вали: *казанскій, симбирскій* (больш.) и *полтавскій* комитеты; *тамбовскій* (больш.) назначилъ отъ 1—1½ дес. на душу, а меньшинство того же комитета предполагало предоставить крестьянамъ за добавочныя повинности дополнительный надѣлъ отъ 0,4 до 1,2 дес. на душу; въ выкупномъ же проектѣ предоставлялось увеличивать надѣлъ до 2 дес. на душу, но лишь по добровольному соглашенію съ помѣщикомъ. *Черниговскій* комитетъ (большинство) назначилъ нормы для разныхъ мѣстностей разныя—отъ 1,3 до 2,0 дес. на душу. *Харьковскій*, составившій выкупной проектъ, проектировалъ за то весьма недостаточныя нормы надѣла, отъ 1,5 до 1,8 дес. на душу. Даже *херсонскій* комитетъ, не смотря на многоземелье Херсонской губерніи (24,4 дес. на душу земли въ помѣщичьихъ имѣніяхъ) проектировалъ весьма скудный надѣлъ отъ 1,3 до 3 дес. на душу, недостаточный для поддержанія залежнаго хозяйства, наиболѣе соответственнаго условіямъ этого края. Также *саратовскій* комитетъ проектировалъ надѣлъ совершенно недостаточный по мѣстнымъ условіямъ — 2 дес. на душу въ мѣстностяхъ съ трехпольнымъ сѣвооборотомъ и 3½ дес.—съ залежнымъ хозяйствомъ *)

Недостаточность надѣловъ, проектированныхъ большинствомъ губернскихъ комитетовъ, была обстоятельно выяснена въ докладахъ хозяйственнаго отдѣленія редакціонныхъ комиссій **). Предѣльныя нормы, выработанныя послѣдними, были рассчитаны такимъ образомъ, чтобы по возможности меньше приходилось отрѣзывать отъ существовавшихъ въ дѣйствительности надѣловъ. Однако, въ концѣ концовъ, во многихъ уѣздахъ пришлось, въ соответствіе съ этими нормами, урѣзать надѣлы у большей части крестьянъ, въ виду чего нормы, проектированныя редакціонными комиссіями, какъ это выяснено въ книгѣ проф. Иванюкова ***), отнюдь не могутъ быть признаны роскошными. Сами редакціонныя комиссіи во многихъ случаяхъ понизили ихъ, скрѣпя сердце, дѣлая сознательную уступку натиску враждебной реформѣ партіи. Между тѣмъ, сравнивая эти нормы съ нормами губернскихъ комитетовъ, мы видимъ, что эти послѣднія въ большинствѣ комитетовъ ниже нормъ редакціонныхъ комиссій, болѣе чѣмъ на 100%. Въ нѣкоторыхъ губерніяхъ нормы редакціонныхъ комиссій выше нормъ комитетовъ на 175, на 200 и даже на 300%.

Изъ *нечерноземныхъ* губерній, по сравненію съ нормами ре-

*) «Матеріалы редакц. комиссій» т. I, гл. V, стр. 14. Въ журналахъ саратовскаго комитета приложено особое мнѣніе депутата А. П. Ровинскаго, подробно критиковавшее это постановленіе. Часть этого мнѣнія приведена въ ст. В. И. Серебрякова, въ «Саратовской земской Недѣлѣ» за 1902 г. № 11—12, стр. 4 приложений.

**) Доклады №№ 1, 15 и дополнительный къ № 15 въ т. II и VI «матеріаловъ».

***) «Паденіе крѣпостного права», гл. VI.

дакціонныхъ комиссій, нормы губернскихъ комитетовъ оказались особенно пониженными въ губерніяхъ *Новгородской, Олонецкой, Костромской и Вятской*. Изъ *черноземныхъ* губерній наиболее рѣзкая разница замѣчается въ губерніяхъ: *Казанской, Симбирской, Харьковской, Тульской, Курской, Воронежской и Тамбовской*.

Понятно поэтому, что почти всѣ депутаты губернскихъ комитетовъ, по прибытіи въ Петербургъ, рѣзко нападали на нормы надѣловъ, установленныя редакціонными комиссіями. Послѣ обстоятельныхъ изслѣдованій проф. Янсона и многочисленныхъ работъ земскихъ статистиковъ, мы знаемъ, насколько эти нападки были несправедливы и односторонни и насколько нормы редакціонныхъ комиссій были далеки отъ излишества. Тѣмъ очевиднѣе безусловная недостаточность нормъ, проектированныхъ большею частью губернскихъ комитетовъ.

Но еще полнѣе выясняется неправильность и односторонность въ этомъ отношеніи большей части комитетскихъ проектовъ, если сопоставить проектированныя ими нормы надѣловъ съ тѣми повинностями, которыя по этимъ проектамъ были назначены за пользованіе надѣлами.

Необходимо замѣтить, что многіе губернскіе комитеты мотивировали сокращеніе надѣловъ *уменьшеніемъ повинностей*. Нѣкоторые комитеты указывали, что улучшеніе быта крестьянъ заключается въ проектированномъ ими уменьшеніи барщины съ 3-хъ до 2-хъ дней въ недѣлю. На первый взглядъ такое уменьшеніе представляется очень значительнымъ; между тѣмъ на дѣлѣ оно было вовсе не велико, а иногда и совершенно фиктивно. Дѣло въ томъ, что въ огромномъ большинствѣ помѣщичьихъ имѣній трехдневная барщина при крѣпостномъ правѣ практиковалась лишь въ *лѣтніе* мѣсяцы — въ періодъ полевыхъ работъ; въ остальное же время года количество господскихъ работъ было гораздо меньше, и крестьяне или отпускались на заработки (иногда за дополнительный оброкъ), или дома употребляли свой досугъ, какъ имъ было сподручнѣе. Поэтому для огромнаго большинства крестьянъ дѣйствительнымъ уменьшеніемъ повинностей было бы сокращеніе числа барщинныхъ дней *не въ зимніе, а въ лѣтніе мѣсяцы*. Между тѣмъ по проектамъ большинства комитетовъ, принимавшихъ двухдневную барщину (т. е. 104 раб. дня въ году или 94—за вычетомъ праздниковъ), постановлялось, что $\frac{2}{3}$ или $\frac{3}{4}$ этихъ дней могутъ быть потребованы въ *лѣтніе* мѣсяцы, а остальные дни—въ *зимніе*, или же распределеніе тѣхъ и другихъ предоставлялось произволу помѣщика. Очевидно, что при такомъ распределеніи работъ крестьяне ничего не выигрывали. Между тѣмъ многіе комитеты, принимая такое, въ сущности фиктивное, сокращеніе барщины, значительно урѣзывали существовавшіе до тѣхъ поръ надѣлы, а иные наивно или, вѣрнѣе, безцеремонно

утверждали, что проектированнымъ сокращеніемъ повинностей они достигаютъ улучшенія быта крестьянъ.

Въ опредѣленіи крестьянскихъ повинностей дворянскіе аппетиты сказались съ особенною рельефностью. Изъ всѣхъ губернскихъ комитетовъ только два комитета нечерноземныхъ губерній: *тверской и ярославскій* и меньшинство *калужскаго* и 5 членовъ *Владимірскаго* совершенно отмѣняли барщину, при чемъ тверское большинство и калужское меньшинство назначали умѣренные оброки, близкіе къ тѣмъ, которые впоследствии были опредѣлены для этихъ губерній редакціонными комиссіями. Ярославскій комитетъ назначилъ высокій оброкъ, 14 р. 25 к. съ души, главнымъ образомъ въ зависимости отъ высокой оцѣнки усадьбъ.

Всѣ остальные комитеты, даже и въ нечерноземныхъ губерніяхъ, оставили барщину,—одни на время срочно-обязаннаго періода, другіе, установивъ извѣстные сроки и правила постепеннаго перехода съ барщины на оброкъ въ теченіе срочно-обязаннаго періода *). При этомъ, однако, всѣ комитеты устанавливали, что въ тѣхъ имѣніяхъ, гдѣ крестьяне на оброкъ, они могутъ быть переведены на барщину лишь съ согласія крестьянъ или, въ случаѣ неисправной уплаты оброковъ, съ утвержденія подлежащихъ губернскихъ или уѣздныхъ учрежденій.

Наиболѣе тяжелый размѣръ барщинныхъ работъ въ нечерноземной полосѣ проектировалъ *костромскій* комитетъ: 140 мужскихъ и 93 женскихъ рабочихъ дня съ тягла, при надѣлѣ 1,5 до 3 десятинъ на душу. Если бы примѣнить къ этому надѣлу расчетъ, установленный впоследствии редакціонными комиссіями, то за него пришлось бы отбывать не болѣе 55 дней въ году. Въ *Вологодской* губерніи, при надѣлѣ въ 4 десятины на душу (9 дес. на тягло), губернскій комитетъ опредѣлилъ 124 дня мужской барщины въ году, указавъ, что изъ нихъ по 3 дня въ недѣлю (всего 78 дней) должно быть отбываемо лѣтомъ и 46 дней (по 2 дня въ недѣлю)—зимой. По нормѣ редакціонныхъ комиссій съ этого надѣла въ Вологодской губерніи слѣдовало бы отбывать лишь $62\frac{1}{2}$ дня въ году, изъ нихъ $\frac{3}{5}$ лѣтомъ и $\frac{2}{5}$ зимой. Одинаковую съ вологодскимъ комитетомъ повинность назначилъ и *могилевскій* губ. комитетъ. По 3 дня въ недѣлю лѣтомъ и по $1\frac{1}{2}$ дня зимой назначилъ *калужскій* комитетъ (большинство), за недостаточный надѣлъ въ 2 дес. 300 саж. на душу. По нормѣ редакціонныхъ комиссій, при такомъ надѣлѣ въ Калужской губерніи слѣдовало бы отбывать вмѣсто 108 дней (назначенныхъ комитетомъ) въ нѣкоторыхъ уѣздахъ не болѣе 72, въ другихъ не болѣе 63 дней въ году. Въ большинствѣ остальныхъ нечерноземныхъ губерній комитетами установлена была *двухдневная* барщина (104, а за вычетомъ праздниковъ, около

*) Скребицкій, т. I, стр. 160—163.

94 дней въ году), при чемъ почти всѣ эти комитеты объясняли, что они понизили барщину съ трехъ до двухъ дней въ недѣлю въ соответствіи съ уменьшеніемъ земельного надѣла; но при этомъ почти всѣ эти комитеты предоставляли помѣщику распредѣлять эти дни между лѣтними и зимними мѣсяцами по его произволу, благодаря чему уменьшеніе повинностей было лишь номинальное. *Петербургскій* и *псковскій* комитеты установили по 10 дней барщины за десятину, что составляло, за вышій надѣлъ въ 9 десятинъ, 90 дней въ году. *Московскій* комитетъ, понизивъ надѣлъ до нормы 1,3—2 дес. на душу, опредѣлилъ размѣръ барщины всего въ 80 дней въ году, но изъ нихъ 64 дня лѣтнихъ и 16—зимнихъ. При такомъ распредѣленіи дней, это, на первый взглядъ, значительное сокращеніе повинности оказывалось на дѣлѣ фиктивнымъ, потому что болѣе 64 дней въ лѣто и при крѣпостномъ правѣ рѣдко кто изъ помѣщиковъ требовалъ, причемъ крестьянскій надѣлъ былъ значительно выше (по свѣдѣн. объ имѣніяхъ болѣе 100 душъ, въ среднемъ по губерніи приходилось по 2,6 дес. на душу).

Въ черноземныхъ губерніяхъ, гдѣ надѣлъ былъ особенно сильно урѣзанъ, по проектамъ почти всѣхъ губернскихъ комитетовъ повсемѣстно была проектирована *двухдневная* барщина вмѣсто трехдневной, но при этомъ въ нѣкоторыхъ проектахъ указывалось, что $\frac{2}{3}$ или $\frac{3}{4}$ назначенныхъ дней могли требоваться въ лѣтнее время. Особенно любопытны въ этомъ отношеніи объясненія, сдѣланныя въ обзорахъ оснований, приложенныхъ къ проектамъ воронежскаго, курскаго, тамбовскаго и орловскаго комитетовъ. *Воронежскій* комитетъ объяснилъ, что крестьянское тягло, получавшее до тѣхъ поръ въ надѣлѣ круглымъ счетомъ 6 десятинъ всей земли, обрабатывало въ годъ (принимая среднюю цѣну рабочаго дня полнаго тягла, т. е. мужчинъ и женщинъ, въ 30 коп. для всей губерніи) на 42 р. 60 к. Если же дать на тягло по $3\frac{1}{4}$ дес. (какъ положено комитетомъ), то, при соразмѣрномъ учетѣ, каждое тягло должно было бы отработать помѣщику 23 р. 08 к.; комитетъ же назначилъ за положенный имъ надѣлъ повинность среднимъ числомъ въ 14 р. 30 к. съ тягла, и рассчитывалъ, что онъ уменьшилъ, такимъ образомъ, слѣдовавшую съ крестьянъ повинность на 8 р. 80 к. Это дало впоследствии поводъ воронежскому предводителю, кн. И. В. Гагарину, торжественно заявить Государю, что воронежское дворянство рѣшило пожертвовать третью часть своего состоянія. Ложность этого заявленія раскрывается изъ того факта, что воронежскій комитетъ, уменьшивъ размѣръ крестьянскаго надѣла почти вдвое, установилъ двухдневную барщину (вмѣсто номинальной трехдневной), положивъ однако, что $\frac{2}{3}$ барщинныхъ дней отбываются лѣтомъ*).

*) «Матеріалы редакціонныхъ комиссій» т. III, докл. хоз. отд. №17, стр. 58.

Вмѣстѣ съ тѣмъ за усадьбу, какъ выше мы видѣли, комитетъ опредѣлилъ 25 коп. за кв. сажень, т. е. за усадебную осѣдлость нормальнаго размѣра (840 саж.)—210 руб., съ каковой оцѣнки онъ постановилъ взимать до выкупа усадьбы по 5%, т. е. по 10 р. 10 к. со двора. Не мѣшаетъ напомнить, что по истеченіи срочно-обязаннаго періода вся земля по этому проекту возвращалась къ помѣщику.

7 членовъ *курскаго* комитета объясняли, что въ прежнее время, при 8-ми десятинномъ надѣлѣ на тягло, крестьяне обрабатывали 140 дней мужскихъ и около 100 дней женскихъ въ году; поэтому за проектированный ими надѣлъ въ 3 десятины на тягло слѣдовало бы назначить 52¹/₂ дня мужскихъ и 37¹/₂ женскихъ; они же, въ видахъ улучшенія быта, назначили лишь 45 дней мужскихъ и 26—женскихъ.

Какъ въ воронежскомъ, такъ и въ курскихъ проектахъ допускалось въ частныхъ случаяхъ и прямое повышеніе существовавшихъ дотошѣ повинностей.

Орловскій комитетъ, не смотря на рѣзкое различіе въ плодородіи почвы разныхъ уѣздовъ Орловской губерніи, назначилъ повсемѣстно одну и ту же норму надѣла—по 2 дес. на душу.—За то онъ установилъ цѣлую систему нормъ для опредѣленія повинностей въ каждомъ имѣніи. При этомъ онъ включилъ въ составъ полевого надѣла коноплянники и выгоны, подвергнувъ ихъ особой оцѣнкѣ. За полевою землю онъ назначилъ въ наиболѣе плодородныхъ уѣздахъ по 16²/₃ рабочихъ дня за десятину, въ менѣе плодородныхъ—15 раб. дней и, наконецъ, въ нечерноземныхъ уѣздахъ—11 дней. За выгонъ—въ первыхъ 25 дней съ десятины, во вторыхъ—22, въ третьихъ—16²/₃. Наоборотъ, коноплянники, обработка которыхъ особенно распространена въ нечерноземныхъ уѣздахъ Орловской губерніи и все достоинство которыхъ зависитъ отъ количества вложеннаго въ нихъ крестьянами удобренія, комитетъ *оцѣнилъ въ нечерноземныхъ уѣздахъ гораздо дороже, нежели въ черноземныхъ*, назначивъ въ наиболѣе плодородныхъ уѣздахъ за десятину коноплянника—по 50 рабочихъ дней, въ менѣе плодородныхъ—по 67, а въ незерноземныхъ—по 88. За усадьбу (простр. въ 600 кв. саж.) было положено въ первыхъ по 14 раб. дней, во вторыхъ—по 19, и въ третьихъ—по 28³/₄. При этомъ было установлено, что коноплянниковъ отводится не свыше ¹/₂ десятины на тягло. Такимъ образомъ, въ наименѣе плодородныхъ нечерноземныхъ уѣздахъ каждому тяглу приходилось бы отбывать за 4 дес. пашни—44 дня барщины, за ¹/₂ дес. коноплянниковъ—44 дня, за ¹/₄ дес. выгона 4¹/₄ дня и за усадьбу—28³/₄ дней, итого—121 день; въ менѣе плодородныхъ уѣздахъ за 4 дес. пашни—60 дней, за ¹/₂ дес. коноплянниковъ— 33¹/₄ дня, за ¹/₄ дес. выгона 5¹/₂ дня и за усадьбу 19 дней, итого 118 дней; наконецъ, въ наиболѣе плодо-

родныхъ уѣздахъ—за 4 дес. пашни— $66\frac{2}{3}$ дня, за $\frac{1}{2}$ дес. коноплянниковъ—25 дней, за $\frac{1}{4}$ дес. выгона— $6\frac{1}{4}$ дней и за усадьбу—14 дней, итого—112 раб. дней. *Такимъ образомъ, здѣсь крестьянамъ пришлось бы платить за одинаковый по пространству надѣлъ тѣмъ дороже, чѣмъ меньше въ немъ было природнаго плодородія и чѣмъ больше было вложено ихъ собственнаго труда.* При этомъ еще орловскій комитетъ утверждалъ, что онъ значительно уменьшилъ въ своемъ проектѣ повинности крестьянъ, отдавая имъ надѣлы, по размѣру близкій къ существовавшему ранѣе; но губернаторъ опровергъ это послѣднее утвержденіе, объяснивъ, что предположенные комитетомъ надѣлы значительно ниже ранѣе существовавшихъ *).

По проекту большинства *рязанскаго* комитета, повинности назначались по 30 дней мужскихъ и столько же женскихъ съ душевого надѣла, что составляло на тягло по 75 дней муж. и по 75 женскихъ. Здѣсь мы видимъ дѣйствительно нѣкоторое уменьшеніе повинностей, въ связи съ уменьшеніемъ надѣла. Это ясно видно изъ сопоставленія нормъ большинства съ нормами, назначенными по проекту 2-хъ членовъ отъ правительства (А. И. Кошелева и Д. О. Самарина), которые, сохраняя существующій надѣлъ (съ нѣкоторымъ лишь регулированіемъ его), назначали за него и повинность въ значительно большемъ размѣрѣ, нежели большинство комитета. Въ первыхъ трехъ полосахъ губерніи (наиболѣе плодородныхъ), гдѣ, по ихъ проекту, надѣлъ назначался выше, чѣмъ у большинства, они и повинности установили повышенныя—по 40 дней съ души, т. е. 120 дней съ тягла (считая въ тяглѣ 3 души), въ четвертой же полосѣ (нечерноземной), гдѣ надѣлъ назначался и большинствомъ, и меньшинствомъ одинаковый (приблизительно ранѣе существовавшій), и повинность назначалась меньшинствомъ почти такая же, какъ и большинствомъ. Нѣкоторые комитеты, особенно въ малороссійскихъ и новороссійскихъ губерніяхъ, устанавливали повинность отдѣльно конными или воловыми и отдѣльно пѣшими днями, при чемъ конный день считался обыкновенно равнымъ полутора пѣшимъ, а пароконный—двумъ пѣшимъ днямъ. Изъ этихъ комитетовъ особенно тяжелую повинность устанавливалъ *таврическій* комитетъ, требовавшій за каждый душевой надѣлъ 20 воловыхъ дней, 20 пѣшихъ и 20 женскихъ, тогда какъ со-сѣдній *херсонскій* требовалъ лишь 12 воловыхъ дней при 20 пѣшихъ и 20 женскихъ.

Наконецъ, нѣкоторые комитеты, вмѣсто установленія опредѣленной нормы повинностей, требовали за отведенный надѣлъ полной обработки и уборки такого же числа десятинъ господ-

*) «Матеріалы редакціон. ком-сій», т. VII, гл. VI, стр. 62. Скребицкій, т. III, стр. 49.

скихъ полей и луговъ. Такъ поступили *новгородскій* и *тульскій* (больш.) комитеты, при чемъ послѣдній устанавливалъ этого рода повинность лишь какъ одинъ изъ видовъ вознагражденія помѣщика за отведенный надѣлъ и вмѣстѣ съ тѣмъ подробно выяснялъ, какія именно работы требуется произвести на десятинѣ помѣщичьяго поля за каждую десятину надѣла. Этотъ перечень работъ довольно поучителенъ, какъ образецъ помѣщицкѣе предусмотрительности *).

Разсматривая этотъ способъ опредѣленія повинностей, хозяйственное отдѣленіе редакціонныхъ комиссій въ докладѣ № 17 („Матеріалы“, т. III) признало его неудобнымъ и невыгоднымъ для крестьянъ. При этомъ способѣ барщины крестьяне приступали къ работѣ, „по востребованію помѣщика“, и сколько бы времени эта работа (напр., уборка урожая) ни продолжалась, крестьяне не могли до окончанія уборки всего господскаго поля приступить къ жнитву на собственныхъ поляхъ. „Въ этомъ, по справедливому указанію доклада, заключалась главная невыгода участковой повинности для крестьянъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, суще-

*) Вотъ правила, которыя должны были быть при этомъ соблюдаемы:

- 1) Пахота и двоеіе должны быть производимы до 2¹/₂ вершковъ глубины безъ огрѣховъ или пропусковъ, дѣлая при паханіи не менѣе двѣнадцати бороздъ на каждой сажени.
- 2) Въ бороньбѣ крестьяне обязываются размельчать и разрыхлять землю такъ, чтобы не было комьевъ, величиною болѣе 1¹/₂ кубическаго вершка.
- 3) Вывезть каждому тяглу 1200 пудовъ удобренія изъ господскихъ конныхъ и скотныхъ дворовъ, хлѣвовъ и стойлъ, а равно изъ навозныхъ ямъ, на разстояніи до 4 верствъ, раскладывая удобренія кучами по клѣткамъ. Удобреніе по обычаю вывозить въ іюль мѣсяцѣ или въ иное время, исключая времени посѣвовъ, уборки хлѣба и покосовъ. Вывезенное удобреніе равномерно и запахать.
- 4) Посѣвъ дѣлать старательно и своевременно; посѣянные зерна запахать и забороновать.
- 5) Во время роста хлѣбовъ выполоть сорныя травы.
- 6) При жнитвѣ живо оставлять на полѣ не выше 4 вершковъ; а косьбу производить равными рядами безъ окосовъ. Сжатый, скошенный хлѣбъ вязать въ снопы, не оставляя на поляхъ стеблей и колосьевъ. По складѣ въ копны, снятый съ полей хлѣбъ перевести въ господское гумно, гдѣ сложить въ сарай, подъ навѣсы или въ одонья на скирды, прикрывъ послѣдніе какъ слѣдуетъ соломою; въ случаѣ продолжительной дождливой погоды, если потребуется, переложить копны.
- 7) Заблаговременно намолотить сѣмяна на зимы посѣвы, которые до 15 августа совершенно окончить.
- 8) Всей хлѣбъ, убранный въ гумно, по окончаніи полевыхъ работъ, обмолотить, высушить на помѣщичьихъ ригахъ или сушильняхъ, отвѣять и, подсыявши, перевезти въ амбары; а солому и гуменный кормъ убрать въ устроенныя для сего мѣста. Сія работы отбываются тяглами, т. е. работникомъ съ работницею, по уборкѣ хлѣба, по три дня въ недѣлю до тѣхъ поръ, пока все слѣдующее по этому пункту исполнится.
- 9) Крестьянское тягло обязано обмолоченный хлѣбъ отвезти на мельницу и обратно на разстояніи не далѣе 10 верствъ.
- 10) Крестьянское тягло обязано отвезти для продажи, на разстояніи до 50 верствъ, весь урожай отъ обрабатываемыхъ имъ на помѣщика полей; или на разстояніи до 75 верствъ—4 подводы, или 90 верствъ—3 подводы, или 125 верствъ—2 подводы, или 200 верствъ—1 подводу («Матеріалы редакціонныхъ комиссій», т. VII, гл. VI, стр. 67).

ственная ея несправедливость“. Выгоды этой системы для помещиковъ были, наоборотъ, настолько несомнѣнны и важны, что *вицебскій* комитетъ, настаивая на необходимости оставить за помещикомъ право замѣнять поденную работу участковомъ, въ то же время призналъ справедливымъ при такой замѣнѣ уменьшить сумму обязательной повинности крестьянъ на $\frac{1}{3}$. Редакціонныя же коммиссіи находили, что и „такая сбавка, по всей вѣроятности, не вознаградила бы крестьянъ за потерю лучшихъ рабочихъ дней и самого дорогого для нихъ самихъ времени *)“.

Еще важнѣе опредѣленія размѣра натуральныхъ повинностей было опредѣленіе размѣра оброка, потому что *барщина* устанавливалась лишь на нѣсколько лѣтъ, оброки же опредѣлялись на неопредѣленное время, и по нимъ впоследствии должна была опредѣляться и выкупная сумма, а слѣдовательно, и размѣръ выкупныхъ платежей. Хотя ни въ рескриптахъ, ни въ программахъ, данной губернскимъ комитетамъ, не было указано, чтобы натуральныя повинности были оцѣнены на деньги или чтобы было выяснено отношеніе ихъ къ денежнымъ, тѣмъ не менѣе большинство губернскихъ комитетовъ указали въ своихъ проектахъ взаимное отношеніе между обоими видами повинностей, одни уравнивая размѣръ барщины съ размѣрами установленныхъ ими оброковъ, другіе—опредѣляя денежную повинность на основаніи издѣльной, путемъ переложенія рабочаго дня на деньги по извѣстной оцѣнкѣ **).

Впрочемъ, при опредѣленіи размѣровъ оброка, лишь немногіе комитеты исходили изъ ранѣ существовавшихъ окладовъ ***). Въ огромномъ большинствѣ комитетовъ оброки были вычислены или по средней доходности земли, или какъ извѣстный процентъ съ принятой комитетами оцѣнки земли, при чемъ существующія повинности были лишь болѣе или менѣе приняты во вниманіе. Здѣсь слѣдуетъ, однако, отмѣтить, что вообще данныя, на которыя при этихъ расчетахъ опирались губернскіе комитеты, были по болѣе-шей части неудовлетворительны. Они были заимствованы изъ сводовъ свѣдѣній о помещичьихъ имѣніяхъ болѣе 100 душъ, какъ извѣстно, далеко не отличавшихся точностью ****). Да и самыя раз-

*) «Матеріалы редакціонныхъ коммиссій», томъ III. Докладъ хозяйственнаго отдѣла. № 17, составленный П. П. Семеновымъ, стр. 103.

***) Скребицкій, н. с. т. III, стр. 155, 156.

****) Ранѣ существовавшіе оклады были приняты въ основаніе опредѣленія нормальныхъ размѣровъ повинностей комитетами: нижегородскимъ, петербургскимъ, костромскимъ, московскимъ (большинств.), тверскимъ, ярославскимъ, астраханскимъ, обоими меньшинствами владимірскаго, тамбовскимъ, оренбургскимъ, и комитетами тѣхъ губерній, гдѣ были введены инвентари («Матеріалы редакц. коммиссій», т. I и VII).

*****) Показаніе Я. А. Соловьева объ этомъ въ его «запискахъ» («Русск. Стар.» 1882 г. № 11, стр. 234). Въ письмѣ отъ 1 марта 1859 г. Ю. Ф. Самаринъ писалъ Кошелеву: «чтобы привести въ извѣстность существующій

счета губернскихъ комитетовъ въ большинствѣ случаевъ были чрезвычайно произвольны. Нѣкоторые комитеты за надѣлы, отводимые въ уменьшенномъ размѣрѣ, оставляли повинности, существовавшія при крѣпостномъ правѣ, за исключеніемъ лишь мелкихъ сборовъ, которые были отмѣнены повсемѣстно. Вообще комитеты почти нигдѣ не приняли во вниманіе того, что, теряя извѣстныя права, помѣщикъ въ то же время освобождался и отъ различныхъ обязанностей въ отношеніи прежнихъ своихъ крѣпостныхъ; а между тѣмъ нѣкоторыя изъ этихъ обязанностей, напримѣръ, продовольствіе крестьянъ въ неурожайные годы, были въ нѣкоторыхъ губерніяхъ, при крѣпостномъ правѣ, такъ тяжелы, что доводили владѣльцевъ имѣній до крайности, до желанія передать свои имѣнія даромъ въ казну *). При ликвидаціи крѣпостныхъ отношеній въ Пруссіи всѣ такія обязанности помѣщиковъ были также приняты во вниманіе, какъ и отходившіе отъ нихъ выгоды и доходы. Въ губернскихъ комитетахъ, правда, иногда въ рѣчахъ и доводахъ отдѣльныхъ членовъ упоминалось вскользь объ освобожденіи помѣщиковъ отъ этихъ обязанностей, въ нѣкоторыхъ проектахъ введены даже соответствующія статьи или примѣчанія къ гл. I-ой; но при оцѣнкѣ повинностей крестьянъ это важное обстоятельство, повидимому, нигдѣ не было принято въ расчетъ, по крайней мѣрѣ нигдѣ эти обязанности не подвергались точной или хотя приблизительной оцѣнкѣ. вмѣстѣ съ тѣмъ, отдавая часть помѣщичьей земли крестьянамъ, почти вездѣ значительно меньшую той, какая была въ пользованіи крестьянъ при крѣпостномъ правѣ, комитеты при опредѣленіи повинностей какъ будто бы совершенно забывали, что въ распоряженіи помѣщиковъ остается еще значительная часть имѣнія, нерѣдко превышавшая ту, которая отходила по ихъ проектамъ крестьянамъ. Особенно это относится къ черноземнымъ губерніямъ, но и въ

фактъ надѣла, я обратился къ сводамъ статистическихъ свѣдѣній, представленнымъ гг. членами комитета. Но тутъ, къ ужасу моему, я убѣдился, что они всѣ составлены такъ небрежно, что ими рѣшительно не было возможности воспользоваться. Я объ этомъ заявилъ комитету и принялся самъ по подлиннымъ описаніямъ имѣній передѣлывать своды (около 800 описаній). Работа дьявольская, отъ которой у меня преждевременно посѣдѣли волосы... Этою работою (не забуду ее по гробъ) мнѣ удалось доказать, что во всѣхъ представленныхъ выводахъ надѣлы у крестьянъ уменьшены, гдѣ на 1½, гдѣ на 2, а гдѣ и на 4 десятины на тягло...» (Материалы для біографіи кн. В. А. Черкаскаго, I, стр. 310).

Членъ Саратовскаго комитета *А. П. Росинскій* въ отдѣльномъ мнѣніи, приложенномъ къ гл. V проекта положенія саратовскаго комитета, идетъ еще далѣе и заподозриваетъ, приводя къ тому весьма вѣскія соображенія, показанія отдѣльныхъ помѣщиковъ относительно оцѣнки ихъ земель и доходности ихъ имѣній (Журналы Саратовск. комитета, листъ 117).

*) *Середонимъ*. Историческій обзоръ дѣятельности комитета министровъ т. II, ч. I, стр. 210 и слѣд.

нечерноземныхъ остающіеся за надѣломъ дома, доходныя статьи и особенно *лѣса и луга* должны были имѣть опредѣленную цѣнность и доходность, которая въ будущемъ могла лишь возрасти *).

Особенно поразительна была, по своей несообразности съ размѣромъ проектированныхъ надѣловъ, норма повинностей, принятая въ *костромскомъ* губернскомъ комитетѣ. При крѣпостномъ правѣ средняя величина надѣла была здѣсь 6,8 десятины на душу (всей земли здѣсь приходилось въ помѣщичьихъ имѣніяхъ 12,5 дес. на душу), а средняя по губерніи величина оброковъ равнялась 23 р. 50 к. Комитетъ же, опредѣливъ норму надѣла въ малоземельныхъ имѣніяхъ—1, 5 дес. на душу, въ среднеземельныхъ— $2\frac{1}{2}$ и въ многоземельныхъ—3, назначилъ денежную повинность въ *Ветлужскомъ*, *Варнавинскомъ*, *Кинешемскомъ* и *Юрьевскомъ* уѣздахъ отъ 22 р. 50 к. до 25 руб. съ тягла, въ *Буйскомъ*, *Нерехотскомъ*, *Макарьевскомъ* и *Костромскомъ* — отъ 25 р. до 27 р. 50 к. и, наконецъ, въ *Чухломскомъ*, *Кологривскомъ*, *Галичскомъ* и *Солигаличскомъ* уѣздахъ — отъ 30 р. до 37 р. 50 к. съ тягла. Въ обзорѣ основаній *костромского* проекта было пояснено, что за нормы денежной повинности приняты среднія цифры оброковъ по каждому уѣзду съ *присоединеніемъ и всѣхъ сгонныхъ дней*. Въ уѣздахъ же *Чухломскомъ*, *Кологривскомъ*, *Галичскомъ* и *Солигаличскомъ* цифра оброковъ выше противъ прочихъ уѣздовъ, по объясненію комитета, потому, что принята въ соображеніе особая выгодность отхожихъ промысловъ. „По усвоенному этимъ краемъ обычаю, крестьяне съ молодыхъ лѣтъ обучаются разнаго рода ремесламъ. Проживая большею частью въ столицахъ и значительныхъ городахъ для заработковъ, крестьяне не только легко оплачиваютъ оброкъ, но и скопляютъ у себя капиталы, на которые до настоящаго времени многіе изъ нихъ и выкупались у помѣщиковъ на волю. Помѣщики съ своей стороны содѣйствовали этому ремесленному развитію и въ видахъ сохраненія нравственности—какъ сказано тамъ же,—учреждали за ними надзоръ въ столицахъ, поставляя для того особыхъ старостъ изъ числа отпускаемыхъ для заработковъ ремесленниковъ“ **). Очевидно, что здѣсь царили тѣ самыя порядки, которые, какъ мы видѣли выше, составляли главный источникъ дохода нижегородскихъ шереметьевскихъ вотчинъ. Какъ видно изъ свода свѣдѣній о помѣщичьихъ имѣніяхъ, здѣсь были дѣйствительно нерѣдки при крѣпостномъ правѣ оброки въ 70, 80 и 85 р. съ тягла, которые вырабатывались, конечно,

*) Срав. мнѣніе объ этомъ кн. Черкаскаго въ запискѣ, представленной имъ в. кн. Еленѣ Павловнѣ въ декабрѣ 1857 г. («Матеріалы для біогр. кн. Черкаскаго», т. I, стр. 75 приложений).

**) Докладъ хоз. отд. редакц. комиссій, № 17 («Матеріалы» т. III, журналъ № 51, стр. 47).

не изъ земли, принадлежавшей помѣщику, а изъ отхожихъ промысловъ крѣпостными ремесленниками и торговцами. Здѣсь крѣпостные доходы, не смотря на скудость почвы, были гораздо значительнѣе, нежели въ черноземныхъ губерніяхъ, и всецѣло основывались, очевидно, на эксплуатаціи личности крѣпостныхъ и ихъ способностей. Помѣщики-рабовладѣльцы рѣшились здѣсь дорого продать это выгодное для нихъ право и, сокративъ земельные надѣлы даже въ многоземельныхъ имѣніяхъ болѣе нежели на половину, значительно увеличить средній размѣръ оброковъ, при крѣпостномъ правѣ чрезвычайно неравномѣрныхъ. Изъ другихъ комитетовъ нечерноземныхъ губерній особенно повышенные оброки назначили именно комитеты промышленныхъ губерній: *ярославскій* (28 р. 50 к.), *нижегородскій* (до 25 руб.), *владимірскій* (большинство—до 40 р. въ нѣкоторыхъ уѣздахъ), *московскій* (до 25 руб.), *калужскій* (28 р. съ тягла) и *смоленскій* (около 28 р. съ тягла). Въ *Ярославской* губерніи, не стремившейся къ сокращенію надѣловъ, за землю назначено было за полный (5 десятинный) надѣлъ всего 15 р. 70 к. съ тягла, тогда какъ при крѣпостномъ правѣ средній размѣръ оброка здѣсь былъ 25 р. 83 к.; но за то здѣсь положено было за пользованіе усадьбою платить сверхъ того 12 р. 80 к. съ тягла (въ тяглѣ здѣсь было всего 2 души), т. е. по 4% съ оцѣнки усадебной оеѣдности *). Впрочемъ, высокая оцѣнка усадебъ повліяла на высоту оброковъ болѣе или менѣе во всѣхъ этихъ губерніяхъ. Въ губерніяхъ же *Московской* и *Калужской* преувеличенные оброки соединялись еще съ значительнымъ сокращеніемъ нормы надѣловъ. Особенно же это замѣтно въ проектѣ *московскаго* комитета (больш.). Здѣсь средній надѣлъ при крѣпостномъ правѣ былъ 2,6 дес. на душу, а средній размѣръ оброковъ—22 р. 70 к. По проекту губернскаго комитета надѣлъ былъ положенъ—2 дес. въ земледѣльческихъ и промысловыхъ имѣніяхъ, 1¹/₃ дес. въ торговыхъ и 1 дес. на душу въ имѣніяхъ высшаго разряда. Плата за усадьбу въ нихъ полагалась отъ 2 р. 10 к. до 5 р. 25 к. съ тягла, а оброкъ во всѣхъ разрядахъ имѣній одинаковый—20 р. съ тягла или отъ 5 до 8 руб. съ десятины. Такимъ образомъ, въ высшемъ разрядѣ за участокъ въ 2¹/₂ дес. съ усадьбою тяглу приходилось бы платить, въ случаѣ утвержденія этого проекта правительствомъ, по 25 р. 25 к. въ годъ.

Болѣе умѣренные обязанности были назначены *тверскимъ* комитетомъ, который, отдавая крестьянамъ надѣлы, близкій къ существовавшему, назначалъ за него повинность всего 22 р. 50 к.

*) Разница въ расчетѣ оброка и земли и въ расчетѣ нормальнаго дохода съ нея при опредѣленіи *выкупныхъ* платежей за землю и за усадьбы (расчетъ этотъ приведенъ у *Скребицкаго* въ т. II, ч. II, стр. 856 и у насъ въ главѣ V) произошла оттого, что при выкупѣ доходность тягла была принята на 1 р. 50 к. ниже, нежели при вычисленіи оброка съ земли.

съ тягла, тогда какъ при крѣпостномъ правѣ средній размѣръ оброка въ Тверской губерніи былъ 28 р. съ тягла.

Въ черноземныхъ губерніяхъ, по преимуществу барщинныхъ, цифры оброчныхъ нормъ приняты были на первый взглядъ невысокія почти во всѣхъ комитетахъ; но, такъ какъ здѣсь были проектированы сильно пониженныя нормы надѣловъ, то назначенныя комитетами нормы оброка, по сравненію съ размѣрами проектированнаго надѣла, приходится и здѣсь признать чрезмѣрно высокими. Такъ, напр., въ *Воронежской* губерніи при крѣпостномъ правѣ нормальный (средній) надѣлъ на тягло былъ 6,5 десятинъ, а средній размѣръ оброковъ по губерніи былъ 29 руб. на тягло. Комитетъ проектировалъ надѣлъ въ 3,75 дес. на тягло, а повинности за него назначалъ отъ 13,37 до 16,10 рубл. (въ разныхъ уѣздахъ различныя), да за пользованіе усадьбою нормальнаго размѣра опредѣлилъ (впредь до выкупа) повсемѣстно 6 р. 56 к. съ тягла; такъ что въ лучшихъ уѣздахъ за надѣлъ въ $3\frac{3}{4}$ дес. съ усадьбою тяглу пришлось бы платить 22 р. 66 к., тогда какъ, пропорціонально уменьшенію надѣла, за него слѣдовало бы назначить всего лишь 16 р. 73 к. Въ *Харьковской* губерніи при крѣпостномъ правѣ за надѣлъ въ 7,5 дес. на тягло (здѣсь въ тяглѣ было до 3 душъ) приходилось платить въ среднемъ 23 р. 25 к. По проекту комитета надѣлъ назначался въ трехъ уѣздахъ 5,4 дес. на тягло, а въ остальныхъ 4,5 дес., а оброкъ за него установленъ былъ 21 р. 60 к., да за усадьбу по 2 р. 16 к. съ тягла; между тѣмъ какъ, пропорціонально уменьшенію надѣла, слѣдовало бы назначить въ трехъ первыхъ уѣздахъ за весь надѣлъ 16 р. 74 к. съ тягла, а въ остальныхъ всего 13 р. 95 к.

Столь же повышенная, по сравненію съ размѣрами проектированныхъ надѣловъ, была установлена норма оброковъ почти во всѣхъ остальныхъ хлѣбородныхъ губерніяхъ. Лишь въ *Симбирской*, *Казанской* и *Рязанской* было установлено болѣе справедливое отношеніе между размѣрами надѣловъ и оброковъ, при значительномъ уменьшеніи тѣхъ и другихъ въ двухъ первыхъ изъ нихъ.

Необыкновенно высокій и ни съ чѣмъ не сообразный размѣръ оброка проектированъ въ *Таврической* губерніи, гдѣ при крѣпостномъ правѣ всѣ крестьяне были на барщинѣ. Вѣроятно, опасеніе, чтобы они не поспѣшили переходить на оброкъ при болѣе льготныхъ условіяхъ, заставило таврической комитетъ назначить высокую норму оброка въ 37 р. 50 к. съ тягла.

Особенно ярко обозначается чрезвычайная повышенность и полная несоразмѣрность съ надѣломъ проектированныхъ почти всѣми комитетами нормъ оброковъ изъ сопоставленія ихъ съ нормами, принятыми впоследствии въ редакціонныхъ комиссіяхъ. Сопоставленіе этихъ нормъ съ проектами губернскихъ комите-

товъ показываетъ, что въ большей части послѣднихъ повинности крестьянъ проектировались на 100 и болѣе процентовъ выше, нежели нормы редакціонныхъ комиссій.

Тверской, ярославскій, вологодскій и нѣкоторые другіе комитеты нечерноземной полосы, оцѣнивая отводимый ими крестьянамъ надѣлъ, приняли систему оцѣнки, предложенную членомъ тверского комитета, Модестомъ Евграфовичемъ Воробьевымъ. Воробьевъ, основываясь на томъ, что ближайшія къ селенію земли, заключающія въ себѣ усадебную осѣдлость и наиболѣе унавоженные поля, имѣютъ несомнѣнно значительно высшую цѣнность, нежели земли, болѣе удаленныя отъ населенія, предложилъ при оцѣнкѣ надѣла соблюсти извѣстную градацію, оцѣнивъ значительно дороже остальныхъ *первую* десятину надѣла, а вторую нѣсколько выше, нежели третью и четвертую.

Отдавая усадебныя строенія крестьянамъ безвозмездно и не дѣлая отдѣльной оцѣнки усадебной земли, тверской комитетъ принялъ градацію Воробьева, вложивъ въ оцѣнку 1-ой десятины и всю потерю цѣнности дворянскихъ имѣній отъ утраты даровой рабочей силы или той части помѣщичьяго дохода, которая пріостекала отъ личнаго крѣпостного права и другими комитетами была, подъ видомъ промысловыхъ выгодъ, включена въ оцѣнку усадебной осѣдлости. При этомъ въ опредѣленіи нормы оброковъ комитетъ исходилъ изъ нормальной величины оброковъ, существовавшей при крѣпостномъ правѣ, опредѣливъ таковую по весьма умѣренному расчету въ 9 руб. съ души или 22 р. 50 к. съ тягла. При душевомъ надѣлѣ въ 4 десятины онъ обложилъ, такимъ образомъ, первую десятину 5 р. 10 коп. оброка, вторую—1 р. 80 к., третью 1 р. 20 к. и четвертую—60 к., что составляло для всѣхъ 4-хъ десятинъ 8 р. 70 к. Меньшинство тверского комитета при 3 десятинномъ надѣлѣ обложило первую десятину платой, равной стоимости четверти ржи, а вторую и третью—въ половинномъ размѣрѣ.

Ярославскій комитетъ назначилъ за душевой надѣлъ въ 5 десятинъ оброчную плату въ 7 р. 85 к., опредѣливъ за первую десятину 2 р. 61²/₃ коп. за вторую—2. 09¹/₄ к., за третью—1 р. 57 к., за четвертую—1 р. 04²/₃ к. и за пятую—52¹/₃; но при этомъ онъ обложилъ отдѣльно и усадебную осѣдлость весьма высокимъ оброкомъ въ 6 р. 40 к. съ души.

Новгородское меньшинство, при 2¹/₂ дес. надѣла на душу, приняло нормы оброковъ за 1-ю дес.—4 руб., за 2-ую—2 р. 50 к., и за ¹/₂ третьей—1 р.

Эта система усвоена была впоследствии и редакціонными комиссіями, которыя распространили ее на всѣ великорусскія губерніи. По этому поводу А. А. Головачовъ, одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ членовъ тверского губернскаго комитета, извѣстный писатель и земскій дѣятель, писалъ впоследствии, что, при всей

справедливости ея въ Тверской (и другихъ промышленныхъ нечерноземныхъ губерніяхъ), она была вовсе не примѣнима къ губерніямъ черноземнымъ и вообще къ тѣмъ губерніямъ, въ которыхъ земля вовсе не удобряется, и въ особенности тамъ, гдѣ крестьянскіе надѣлы или вовсе не соприкасаются съ ихъ усадьбами, или подходятъ къ селеніямъ узкой полосой. Это важное различіе было совершенно упущено изъ виду редакціонными комиссіями, что и составило несомнѣнно одну изъ капитальнѣйшихъ ихъ ошибокъ. Ошибка эта повела въ южныхъ губерніяхъ, при ограниченности надѣловъ, къ несоразмѣрному возвышенію выкупныхъ платежей съ доходностью земли. Этотъ существенный промахъ А. А. Головачевъ объяснялъ главнымъ образомъ тѣмъ бюрократическимъ направленіемъ, которое приняло дѣло въ редакціонныхъ комиссіяхъ *). Невыгодность принятой ими системы для малоземельныхъ крестьянъ отмѣчена и профес. Иванюковымъ **).

Мы изложили здѣсь въ главныхъ чертахъ важнѣйшія постановленія губернскихъ комитетовъ въ отношеніи хозяйственнаго устройства крестьянъ. Рамки журнальной статьи не позволяютъ намъ останавливаться на менѣ важныхъ рѣшеніяхъ комитетовъ, касавшихся устройства быта дворовыхъ людей и крестьянъ нѣкоторыхъ спеціальныхъ категорій, напр., приписанныхъ къ частнымъ фабрикамъ и заводамъ и т. п. Но общія тенденціи губернскихъ комитетовъ въ отношеніи хозяйственной стороны дѣла выясняются достаточно опредѣленно изъ вышеизложеннаго, и нельзя сказать, чтобы онѣ выяснялись въ пользу дворянскаго безкорыстія, великодушія и прочихъ благородныхъ чувствъ, о которыхъ такъ много было говорено въ губернскихъ комитетахъ. Почти всѣ комитеты въ постановленіяхъ своихъ руководились, очевидно, при рѣшеніи самыхъ существенныхъ сторонъ крестьянскаго вопроса, не крестьянскими интересами и государственными соображеніями, а сословными выгодами и интересами.

Исключенія въ этомъ отношеніи составляютъ лишь проектъ большинства тверскаго комитета и проекты, составленные меньшинствомъ нѣкоторыхъ другихъ губерній, которые сумѣли примирить общегосударственные и крестьянскіе интересы съ интересами и выгодами помѣщиковъ. На этихъ проектахъ мы остановимся подробнѣе ниже, теперь же, чтобы не разбивать изложеніе, обратимся къ отношенію губернскихъ комитетовъ къ третьему крупному вопросу реформы—къ вопросу объ упраздненіи или сохраненіи вотчинной власти помѣщиковъ.

А. Корниловъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

*) *Джаншиевъ*: «Эпоха великихъ реформъ», 7-ое изд., стр. 172, примѣчаніе.

**) «Паденіе крѣпостного права», 1-ое изд. стр. 293 и слѣд.

Н Я Н Я.

Незнакомый тихій голосъ за стѣной
Все поеть о долѣ женской роковой;
А машинка, не смолкая ни на мигъ,
Торопливо повторяетъ: тикъ да тикъ!

„Спи, мой милый, спи, мой бѣлый голубокъ!
У чужихъ людей живешь ты одинокъ.
У чужихъ людей ты выростешь большимъ
И, какъ я, служить до гроба будешь имъ.

„Спи, мой милый, спи, мой славный голубокъ!
Не одинъ ты у меня теперь сынокъ:
У меня еще есть барское дитѣ...
Спи, сердечко безталанное мое!

„Стану съ барскимъ я ребенчкомъ играть,
Буду милаго сыночка вспоминать,—
Какъ меня онъ, сиротинка, въ гости ждетъ,
Какъ въ чужихъ людяхъ безъ матери живетъ“.

Незнакомый, тихій голосъ за стѣной
Надрывается безропотной тоской,
А машинка, не смолкая ни на мигъ,
Торопливо повторяетъ: тикъ да тикъ!

В. Башкинъ.

ИСКУСНИКИ.

(Изъ воспоминаній врача о Карійской каторгѣ).

Въ рѣдкой изъ вновь приходившихъ на Кару арестантскихъ партій не находилось отъ трехъ до десяти, а иногда и больше, искусниковъ въ разныхъ ремеслахъ. Громадное большинство этихъ ремесленниковъ раньше жили въ городахъ, начиная съ Петербурга и Москвы и кончая какимъ-нибудь захолустнымъ городкомъ Олонецкой или Архангельской губерніи.

По приходѣ партіи на Кару, при первой же провѣркѣ одежды, обуви и т. д. особой комиссіей, послѣдняя обращала вниманіе на выборъ мастеровыхъ для тюремныхъ мастерскихъ, которыя сосредоточивались на Нижней Карѣ и Усть-Карѣ. Нижняя пересыльная тюрьма, гдѣ обыкновенно производился приѣмъ и осмотръ партій, бывала почти сплошь набита мастеровыми всякаго рода. Въ партіяхъ приходили ювелиры, рѣзчики, повара, модистки, шляпочницы и тому подобный мастеровой людъ, повидимому, совершенно непригодный для мастерскихъ каторги, но и этотъ особый видъ мастеровъ оставлялся на Нижнемъ промыслѣ: „на всякій случай, можетъ встрѣтиться надобность, оно и готово“.

Смотрители средней, верхней, а впослѣдствіи и амурской тюремъ „судачили“ между собою о дѣйствіяхъ приѣмной комиссіи, но дальше „судачества“ дѣло не шло.

— Всѣхъ себѣ забираютъ и куда только жадничаютъ?—говорили они.—Больше двухсотъ мастеровъ накопили въ тюрьмѣ,—да мастеровъ-то какихъ! А все мало кажется... Въ „разрѣзъ“ выведутъ—народъ дохлый, мастеровщина! Иной лома, лопаты въ руки взять не умѣетъ, а тоже работы подсчитываютъ...

— Своя рука владыка: все сходитъ!

— Къ намъ, въ тюрьмы, попадаютъ мастеровые оборыши или тѣ, которые, во приходѣ, почему либо не заявили о

себѣ, что мастеровые; спохватились уже послѣ, въ тюрьмѣ, когда попробовали земляной работы.

— Правда, и въ тюрьмахъ довольно мастеровъ, а всетаки лучшіе-то остаются въ пересыльной!..

— Милославскаго, напримѣръ, всякій бы взялъ, даромъ что полуслѣпой старикъ - разгильдѣвецъ: какія золотыя кольца дѣлаетъ, перстни, браслеты, серьги, цѣпочки къ часамъ!.. Вотъ, не угодно-ли взглянуть: перстень его работы, вырѣзка его рукъ дѣло, золото карійское, такого нигдѣ больше нѣтъ: девяносто шестой пробы, какъ воскъ, мягкое, — а работа, — заглядѣнье! Проба, клеймо выставлено, — комаръ носу не подточить! Рѣзчика по золоту, серебру, стали, Милославскому равного нѣтъ. Стаканъ водки ему въ глотку, — все будетъ готово: пропащая сволочь, куда больше не пригоденъ, а своего дѣла искусникъ!

У всѣхъ почти карійскихъ чиновниковъ горнаго и тюремнаго вѣдомствъ, а также офицеровъ батальона были въ употребленіи превосходной работы экипажи, наборная сбруя. Пролетки, телѣжки, двуколки (бестужевки), санки бѣговья, парныя и т. п. были далеко не рѣдкость, не говоря уже о болѣе тонкой и дорогой работѣ изъ золота. Трудъ даровой, мастера превосходные, — почему же не воспользоваться и не приобрести до нельзя дешевой и артистически сдѣланной вещи?

Добыча золота хотя была и запрещена частнымъ людямъ, но, тѣмъ не менѣе, производилась постоянно. Вольная каторга, жены, дѣти, старики-богадѣльщики, обыватели, которыхъ постоянно находилось въ наличности не менѣе тысячи человекъ, были главными хищниками дорогого продукта. Ювелиры могли имѣть постоянную работу по своей специальности. Бутылка контрабанднаго спирта нерѣдко оплачивалась золотникомъ золота, а при строгостяхъ преслѣдованія контрабанды — и двумя золотниками.

— Лѣнивый только не добудетъ золота, не прокормить себя, — а то сколько угодно! Возьми лотокъ и иди, куда хочешь... — таковъ былъ общій говоръ людей, прикосновенныхъ къ золотому дѣлу.

Приходили въ каторжныхъ партіяхъ дамскіе портные, портнихи, перчаточницы, шляпницы, и карійскія Феклы Кирйловны, Марья Ивановны, Степаниды Фоминишны наряжались въ шляпки, кофты, платья ранѣ невиданныхъ фасоновъ...

Карійскіе повара, изъ каторжныхъ, славились своимъ кулинарнымъ искусствомъ на всю область, и слава о нихъ доходила до Иркутска... Большинство поваровъ были старики,

бывшіе крѣпостные, чаще всего сосланные въ каторгу за убійство или отравленіе своихъ бывшихъ господъ.

Вспоминается фигура полупомѣшаннаго повара-старика Горячаго, десятки лѣтъ бывшаго постояннымъ жителемъ Кары. Лѣтъ шестидесяти-пяти, малорослый, поджарый, съ развалистой походкой, онъ пришелъ на каторгу за убійство трехъ человѣкъ помѣщицѣеи семьи. Битый плетями, клейменный въ лобъ и щеки, Горячій служилъ караульщикомъ лазаретнаго амбара. Сгорбленный, сосредоточенный, угрюмый, съ сѣдыми на головѣ и бородѣ волосами, съ сѣрыми, на выкатѣ, глазами, онъ въ теплое время постоянно сидѣлъ у дверей своего амбара и что-нибудь ковырялъ шиломъ. Зимнее и лѣтнее одѣяніе его было: грязная, вся въ заплаткахъ рубаха; такіе же порты; на ногахъ чирки, на подобіе калошъ, на головѣ круглая арестантская шапка съ наушниками и сѣрая куртка—или подъ мышкой лѣвой руки, когда онъ шелъ, или подъ нимъ, когда онъ сидѣлъ. Горячій былъ замѣчательный поваръ, но лишь только попадалъ ему рубль въ руки, онъ запивалъ горькую. Съ всклокоченной бородой, развѣвающимися сѣдыми волосами, безъ шапки, босикомъ, размахивая и жестикулируя руками, онъ бродилъ по улицамъ Нижняго промысла, бормоча себѣ подъ носъ или выкрикивая на всю улицу:

— Наше житье?.. Наше житье—встаешь, да за вытье... Что въ томъ, что я поваръ? За двадцать лѣтъ каторги—пирого хорошаго не пришлось сдѣлать,—шиломъ работать приходится. Ха, ха, ха! повару Горячему шиломъ?! Понимаешь ты? повару шиломъ... а? Тьфу! Поваръ его сіятельства графа Гремучева пропадаетъ ни за копѣйку... Нѣтъ, ты скажи: зачѣмъ тиранствовалъ? Зачѣмъ Марьюшку мою изнахрапиль... а? По какому такому праву? Думалъ, такъ пройдетъ? вре-е-е-шь! Не грѣши черезъ край!.. Не насильствуй, не озорничай!.. Господь все видитъ: Горячаго простить! Простить Онъ, всемилосердный, у Него, братъ, плетей, тюремъ не положено, всякъ отвѣтить... Онъ разберетъ!.. Горячій убилъ, а его-то какъ били? Въ три раза уб-и-и-в-а-а-ли... Д-д-а-а!.. Марью мою забили до смерти—за что... о-о? что она сдѣлала?! Я убивалъ; я—поваръ Горячій, я и въ отвѣтъ... А Марьюшку-то? За-б-и-и-л-и! Женой Горячаго хотѣла быть, барину понравилась... Н-ѣ-ѣ-тъ, вре-е-е-шь! Не все можно дѣлать, ваше сіятельство... Каторга?! что каторга? Тьфу!.. Умремъ всѣ, братцы мои, всѣ тамъ будемъ, а подаваться,—вре-е-е-шь!..

Горячій останавливался среди улицы, долго грозилъ кулакомъ въ пространство и сваливался гдѣ-нибудь подъ заборомъ или среди улицы, въ пыли и грязи. По окончаніи

запой, истрепанный, измятый, избитый, грязный, всклокоченный, Горячий опять мирно сидѣлъ у амбара и ковырялъ что-нибудь шиломъ.

— Хотя бы гривенникъ пожертвовали, ваше благородіе, Горячему,—говорилъ онъ при встрѣчѣ,—а я бы вамъ во какой бифштексъ изобразилъ!

„Изображать“ бифштексы Горячему приходилось рѣдко, а наказанія за самовольную отлучку отъ амбара и нарушеніе тишины и спокойствія на улицѣ онъ получалъ довольно часто.

— Что мнѣ эти наказанія, ваше благородіе, — говорилъ онъ,—коли въ Горячемъ душа-то давно отсутствуетъ? А по тѣлу грѣшному бей, какъ по деревянному забору, все равно,—отскакиваетъ; до смерти недалеко, дотяну какънибудь...

Были превосходные повара, вродѣ Горячаго, но появлялись и повара-самозванцы, чтобы какънибудь, не заботясь о послѣдствіяхъ, на два, на три дня вырваться изъ тюрьмы для приготовленія параднаго обѣда или имениннаго пирога барину, задумавшему угостить своихъ пріятелей по случаю полученія чина коллежскаго секретаря или именинъ своей супруги.

Антипъ Герасимовичъ, или, по просту, какъ звали его всѣ, „Антипъ по промысламъ катить“,—служилъ горнымъ исправникомъ и, случалось, подолгу проживалъ въ Карѣ по дѣламъ своей службы. Антипъ происходилъ изъ горныхъ обязательныхъ крестьянъ, въ 1851 году переименованныхъ въ пѣшіе казаки Забайкальскаго войска. Въ экспедиціяхъ на Амуръ Муравьева, начавшихся съ 1852 года, онъ дослужился до чина заурядъ эсаула; въ Камчаткѣ сражался противъ соединеннаго англо-французскаго флота и, участвуя до 70-хъ годовъ во всѣхъ казенныхъ сплавахъ изъ Стрѣтенска, сумѣлъ скопить немалый капиталъ.

Лѣтъ 63 отъ роду, коренастый, плѣшивый, съ изряднымъ брюшкомъ, Антипъ былъ незамѣнимымъ человѣкомъ по своей покладистости, что очень цѣнилось администраціей горнаго вѣдомства. По природѣ онъ былъ недалекаго ума, малограмотный, хотя могъ составлять казенныя шаблонныя бумаги въ десять-пятнадцать строкъ, но въ болѣе сложной письменной работѣ безъ письмоводителя не обходился.

Въ своемъ родномъ поселкѣ К., верстахъ въ пятнадцати отъ Усть-Кары, Антипъ имѣлъ собственный домъ: „изъ пяти горницъ,—да еще, братецъ ты мой, стряпушая для бабъ,—то-то!“ — У него были пашни, сѣнокосы, коровы, лошади, бараны. Всѣмъ хозяйствомъ орудовала жена его Анисья; самъ же онъ предпочиталъ казенную службу. Скопидомство, жадность къ деньгамъ, трусость, заносчивость, услужливость, и

вмѣстѣ съ тѣмъ „всегда себѣ на умѣ“ были выдающимися чертами его характера. Онъ былъ вполне подходящимъ человекомъ, какъ горный исправникъ спеціальнаго вѣдомства, для всевозможныхъ комиссій по провѣркѣ и составленію актовъ горныхъ работъ, по найму рабочихъ и сокращенію строптивости этихъ рабочихъ. Вотъ у этого-то Антипа и вышелъ казусъ съ поваромъ-самозванцемъ, о которомъ онъ рассказывалъ мнѣ самолично.

— Мнѣ, братецъ ты мой, тоже не хотѣлось отставать отъ добрыхъ людей; слышу-послышу: повара, да повара изъ тюрьмы берутся, — стряпаютъ, жарятъ, пекутъ... Подходила Пасха... Жена моя Анисья дома; я одинъ въ Карѣ, доставать припасу изъ дому далеко, а гости, знаю, будутъ: управляющій тамъ, смотрителя, можетъ, полковникъ зайдетъ, командиръ, офицеры, — всѣ заходятъ къ Антипу: мало ли знакомаго народу!.. Кара большая, служащихъ много, все народъ нужный... Всѣ берутъ поваровъ, — я и сунулся. Къ тому, другому, третьему смотрителю обращаюсь; такъ и такъ, говорю: повара, братецъ, надо...

— „Опоздалъ, Антипъ Герасимовичъ, — отвѣчаютъ: — всѣхъ разобрали давно; немного вѣдь поваровъ-то, а желающихъ много.

— „Помоги, Димитрій Андреевичъ, можетъ, найдется еще одинъ, — говорю ему.

— „Пойдемъ въ тюрьму, если хочешь; опроси самъ, — можетъ, на твое счастье, и обозначится.

„Пошли... Въ одной камерѣ нѣтъ, въ другой нѣтъ... Досадно, братецъ ты мой, стало, такъ досадно, что началъ я ругаться... „Чалдоны вы, говорю, прохвосты и больше ничего!“ Наконецъ, братецъ ты мой, одинъ выскочилъ.

— „Я, — говоритъ, — ваше благородіе, поваромъ могу быть, дѣло знакомое, оборудуемъ.

„Смотрю: мухрастый, рыжій, плюгавый, глаза въ раскосъ, какъ мыши, бѣгаютъ, говоритъ бойко, рубаха, штаны рванья, тѣло грязное, босикомъ... почти нагой былъ... Выскочилъ, — почесывается.

— Не врешь, такой-сякой? — спрашиваю.

— „Никакъ нѣтъ, ваше благородіе, дѣло бывалое, не въ первой; блюманжу и все прочее, по порядку, оборудуемъ, только чтобы припасъ свѣжій: мука тамъ крупчатая, сахаръ, изюмъ, урюкъ и вино: значить, въ супъ, въ тѣсто полагается, въ соусъ... Безъ вина не обойдется, ваше благородіе.

„Поваровъ свободныхъ больше не было, братецъ ты мой, я и согласился... — Съ четверга, говорю, пришло казаковъ

за тобою, съ ними и придешь. Смотри, поваромъ не окажешься—за-по-о-о-р-ю-ю!

— „Знаемъ, ваше благородіе, дѣло извѣстное, не первый разъ: у насъ только и въ отвѣтъ, что шкура; обыкновенное дѣло!

„Смотрителя Димитрія Андреевича спрашиваю.—„Не знаю, говоритъ, ничего: можетъ поваръ, можетъ нѣтъ; больше поваровъ нѣтъ, — какъ знаете!“ Рѣшилъ я взять... Подходитъ великій четвергъ, до святой Пасхи три дня остается, я и послалъ за поваромъ въ тюрьму двухъ своихъ казаковъ: кандальный вѣдь онъ, какъ бы не убѣгъ, отвѣчай еще послѣ... Приводятъ. Веселый такой пришелъ, — ну, думаю: ладно! значить, не боится, дѣло свое знаетъ...

— „Нельзя-ли, говоритъ, водочки выпить для начала, ваше благородіе, — все бы работа скорѣе пошла; не сумлѣвайтесь: въ самомъ отличномъ видѣ предоставимъ!

„Обрадовался я, послушался: снабдилъ его водкой... Выпилъ онъ чашку чайную, крикнулъ, закусилъ корочкой хлѣба.

— „Еще бы, говоритъ, одну чашечку, ваше благородіе, тогда бы и превосходно.

„Отуманило что ли меня тогда? Послушался я его, братецъ ты мой, другую чашку налилъ. Онъ выпилъ,—и я жду, по-сматриваю... Снялъ онъ куртку свою сѣрую, рваную,—только желтый тузъ и остался не въ дырахъ,—на гвоздь ее повѣсилъ, рукава рубахи засучилъ выше локтя, штаны засучилъ до колѣнъ.

— „Помыться бы, говоритъ, съ мыломъ и, благословясь, за дѣло приниматься.

„Вымылся это онъ, братецъ ты мой, и пошелъ командовать!

— „Пудъ, говоритъ, крупчатой, пудъ сахару, изюму десять фунтовъ, миндаля, коринки, гвоздики... Двѣ бутылки мадеры, хересу, коньяку, рому... Водки двѣ бутылки,—самой чистой... Приспособимся,—говорить,—ваше благородіе, — не сумлѣвайтесь! Такую куличу и все прочее оборудуемъ: пальчики всѣ оближутъ, да и мнѣ не одно спасибо скажете.

„Повѣрилъ я, положился... Загонялъ съ этого времени казаковъ за покупками припасовъ; во всѣ, почитаѣ, лавки пришлось посылать... Шафрану ему понадобилось, рыбаго клею, ванили,—все добыли, передали ему. Квашни, братецъ ты мой, двѣ или три досталъ у разныхъ сосѣдей, тоже передалъ... Мѣсить онъ началъ тѣсто; рукава засучилъ, кандалы подобралъ, чтобы не брякали.

— „Водки, говоритъ, взяли маловато, не соразмѣрилъ я, многоноcko развелъ тѣста; еще бы, говоритъ, двѣ бутылки, самой чистой.

„Добыли еще двѣ бутылки... Казаки толкутъ сахаръ, сѣютъ, растираютъ, а онъ, подлецъ этакой, подбоченится, бритую голову задеретъ кверху, да приговариваетъ: „старайтесь, ребята! вамъ больше достанется: мнѣ, говорить, много не надо: гривенникъ за труды; будете съ праздникомъ: выбрасывать экую махину жаль будетъ, не собакамъ же скормить,—вамъ достанется!“

„Обошелъ онъ меня, братецъ ты мой, околдовалъ,—прямо шаманиль: рыжій такой, рожа въ веснушкахъ, порода извѣстная!.. Два дня онъ мѣсилъ, толокъ, сѣялъ:—„Жарче, говорить, печь топите,—все готово!“ Рубаху снялъ, нагишомъ, въ однихъ шароварахъ, на лопату тѣсто накладываетъ да въ печь швыряетъ... Два казака тутъ же сидятъ въ однихъ рубахахъ,—посматриваютъ, а онъ, знай себѣ, пометываетъ тѣсто на лопату, въ жестяныхъ да бумажныхъ такихъ формахъ высокихъ, пожалуй, четверти по три будутъ... Окончилъ посадку, печь заперъ заслонкой!..

— „Готово, говорить, ваше благородіе, съ куличами завтра будете! Умаялся я! нельзя ли выпить съ устатку?.. Вотъ часовъ нѣтъ; какъ бы время, говорить, не пропустить,—пожалуй, пересидятъ или не досидятъ, оно неладно и выйдетъ! Безъ вины можно сдѣлаться виноватымъ.“

„Далъ я ему водки выпить... Часы свои, столовые, круглые, съ будильникомъ, принесъ ему поставилъ: на! говорю.—„Это, говорить, превосходно, все будетъ въ препорцію!“

Ушелъ я изъ кухни; скоро по дѣлу и изъ квартиры ушелъ, думаю: теперь надежно, все въ печь при мнѣ посадилъ, часами снабдилъ, время не прокараулить...

„Долго-ли, коротко-ли проходилъ я, а домой вернулся и прямо въ кухню. Вотъ тутъ-то, братецъ ты мой, и увидѣлъ я оказію, только руками развелъ! На столахъ, на лавкахъ, на подлечкѣ огромнѣйшіе блины какіе-то поналожены, черные, пречерные, съ четверть, пожалуй, толщины будутъ, а онъ, подлецъ, сидитъ на лавкѣ, блинъ этотъ самый съ прилипшей бумагой въ рукахъ держитъ и осматриваетъ...

— „Гдѣ,—говорю,—такой, сякой, куличи и все прочее? Да какъ р-ѣ-з-а-а-нуль по уху! — Вскочилъ на ноги, будто опамятовался...

— „Куличи, говорить, рассматриваю, ваше благородіе. Незадача вышла! Часы запоздали, время не вѣрно показываютъ... Безъ часовъ какъ же поваръ можетъ орудовать? Я не виноватъ, ваше благородіе! За часами наблюдать не умѣю, а поваромъ быть могу...

„Знаешь-ли, братецъ ты мой, я было сначала-то ничего даже не понималъ хорошенько. Да какъ глянулъ на столы, лавки, надпечье, да какъ увидѣлъ и вспомнилъ, что пять-

десять серебра вся эта исторія стоила, — ну, меня и того... разобрало! Подумай ты самъ: пудъ крупичатой 9 рублей; пудъ сахару 25, клей рыбій, водка, коньякъ, мадера, ромъ, изюмъ съ миндалемъ... Небось, руками разведешь!.. Ладно, что моя Анисья до сихъ поръ не знаетъ о моихъ поварскихъ затѣяхъ: задала бы она!.. Крикнудъ я казаковъ:

— „Бери его, подлеца!.. бери чалдонину: я ему задамъ...

„Схватили, братецъ ты мой, а онъ и блинъ изъ рукъ выронилъ.

— „Напрасно, — говоритъ, — ваше благородіе: у царскаго повара неудачи случаются, гдѣ каждый день препорція идетъ, а мы отвыкли... Главная причина: часы не вѣрные! Я не виновать.

— „Сади его за столъ, да розогъ несите,— живо!

„Принесли розги: у меня ихъ всегда запасъ въ казенкѣ лежалъ. Усадили его въ передній уголъ,—сидить!

— „Клади ему блины на столъ,—все складывай, чего онъ наповарилъ, расукинъ сынъ!.. — Ъшь! — кричу ему, — ѡшь, анафемская душа! Не будешь ѡсть, запорю!

„Жаль мнѣ стало пропавшей полсотни рублей. Разогрѣло меня: рукава я засучилъ, плащъ снялъ; казаки тутъ,—ну, думаю, поддержишь, голубчикъ! Будешь помнить горнаго исправника Антипа...

„Отломилъ онъ кусочекъ блина, въ ротъ себѣ положилъ; жевалъ, не жевалъ, а говоритъ:

— „Ъсть можно, ваше благородіе, скусь хорошій!

„Разложили на полъ голубчика; штукъ ста полтора горячихъ высыпали,—не считалъ: не до того было, можетъ и больше... Вотъ тебѣ куличи! вотъ тебѣ куличи, расукинъ сынъ! Поднялся это онъ, штаны натянулъ, плачетъ:

— „Напрасно, ваше благородіе, наказали: причина въ часахъ, невѣрность ихъ, не моя вина!

— „Сади его, ребята, за столъ, пусть ѡсть, давится своей работой, а не будетъ ѡсть, опять розогъ сотню!

— „Много довольны, говоритъ, ваше благородіе, насытился! покорнѣйше благодарю! Въ тюрьму бы пора идти, какъ бы его благородіе, господинъ смотритель, не прогнѣвались: къ учету надо поспѣть, увольте!

— „Пока не съѡшь всего, не выпущу,—за-по-о-рю!

„Разъ пять, братецъ ты мой, я принимался пороть чалдона, шкуру ему въ ключья спустилъ, а онъ все одно: „Я ни при чемъ—потому часы; собственныхъ не оказалось, а то все по положенію“!.. Ну, что ты съ этимъ чалдономъ подѣлаешь?.. Сердце проходить стало, а досада разбираетъ! Главное: завтра Пасха Святая, а у меня—блины! Смотрю: чалдонъ рукавомъ слезы обтираетъ, слезы текутъ по щекамъ, бородѣ

казаки-то усердствовали! Подумаль я подумаль: денежки все равно пропали, что съ него взять? Подошелъ я къ нему близехонько, понатужился да въ самую рожу ему и плюнулъ:—Вотъ тебѣ, подлець, отъ меня для праадника Христова! Убирайся къ чорту, что-бы духу твоего не было здѣсь. Ребята,—кричу казакамъ,—взашей его! до самой тюрьмы костыляйте въ шею, пусть Антиповы куличи помнить!

— „Много благодарны, ваше благородіе, — говорить, — а гривенничекъ за работу всетаки слѣдовало бы получить: три дня старался, на мѣсто не присаживался...

„Такъ вотъ, братецъ ты мой, пятьдесятъ серебра и пропало... Всю страпню выбросили свиньямъ. Буряты-казаки было объѣлись: рвота, поносъ... напугали меня тогда, всё сразу заболѣли, народъ казенный,—отвѣчай за нихъ!..

„Да еще послѣ чиновники напи на смѣхъ поднимать меня начали: „Пойдемте, говорятъ, къ Антипу Герасимовичу страпни царскаго повара пробовать“. Приходили, братецъ ты мой, а столъ у меня пустой, не одинаго калачика, даже бутылки водки съ досады не поставилъ... Такъ всю Пасху чужими куличами да окороками и пробивался...

Много лѣтъ проживаль на Нижнемъ промыслѣ рѣзчикъ-каторжникъ Милославскій. Онъ находился въ такъ называемой „вольной“, внѣ тюремной команды, и по своей старости, дряхлости, а главное по своему мастерству пользовался извѣстными льготами. На земляныя работы не назначался, а числился сторожемъ какого то казеннаго зданія. Съ первыхъ дней прибытія въ Кару мнѣ пришлось услышать отъ фельдшеровъ лазарета объ искусствѣ Милославскаго, какъ рѣзчика по золоту, стали; видѣть же самому „искусника“ не удавалось около года.

— Забулдыга, пропащій старичонко!—рекомендовалъ его смотритель тюрьмы Бочиковъ, въ распоряженіи котораго находился Милославскій,—заработаетъ рубль или полтину, обязательно пропѣетъ... Лѣтъ тридцать околачивается въ каторгѣ... еще Разгильдѣевской пріемки, едва ли не съ конца сороковыхъ годовъ прибылъ на каторгу за свою удачу—фальшивыя деньги.

— Почему же онъ такъ долго находится въ каторгѣ?—спросилъ я.—По закону безсрочная каторга считается двадцать лѣтъ полностью, безъ льготныхъ сокращеній, а Милославскій, вы говорите, больше тридцати лѣтъ на каторгѣ?

— Это вѣрно: законъ опредѣляетъ сроки, но тотъ же законъ назначаетъ и „съ продолженіемъ стараго срока“, да, сверхъ того, пять-десять лѣтъ новыхъ накидываетъ... Безъ новыхъ преступленій мало, пожалуй, кто оканчиваетъ срокъ

Ръзчикъ Милославскій интересовалъ меня, какъ старожиль каторги, какъ человѣкъ, выдавшій виды прежняго жителя-бытья Разгильдѣевскихъ временъ; интересовалъ онъ и какъ „искусникъ“. Кличку „искусникъ“ каторга давала вообще всѣмъ, кто не только зналъ какое-нибудь ремесло, но и всѣмъ тѣмъ, кто, кромѣ пѣнія, пляски, хожденія на головѣ или самой воровской контрабанды, будетъ ли это проносъ въ тюрьму водки, или кража золота, больше ничего и предъявить не могъ. Ни почетомъ тюремнымъ, ни особымъ какимъ-либо положеніемъ между товарищами „искусники“ не пользовались. Кто замысловатѣе украдетъ, убѣжитъ, обманетъ зрителя на работѣ, проведетъ врача съ выдуманной болѣзью, тотъ и „искусникъ“. Повара, ювелиры, рѣзчики, слесаря и т. п. имѣли большое значеніе для служащихъ, а каторга, въ большинствѣ случаевъ, игнорировала ихъ.

— Эка невидаль! печати, паспорта дѣлаетъ; деньги тоже производитъ, а самъ въ каторгѣ чуть не сто лѣтъ околачивается... Нѣтъ! ты надѣлай денегъ, да уйди, да въ люди выйди, въ купцы тамъ произведись,—настоящій будешь „искусникъ“! А то на-ка: сдѣлаетъ полсотню рублей, а получить сто плетей,—тоже, братъ, выгода! Деньги отберутъ... косушки водки не успѣлъ выпить, а рубцы отъ плети получай, да ту-же „баланду“ похлебывай!..

Не меньше года прошло, прежде чѣмъ пришлось встрѣтиться съ Милославскимъ. При тюремныхъ осмотрахъ его не было. Раза два я просилъ фельдшеровъ при обходахъ слабосильныхъ въ вольныхъ казармахъ, если встрѣтится Милославскій, позвать его въ мою квартиру. Фельдшера передавали, что онъ отзывается недосугомъ: „заваленъ-де казенной работой, дохнутъ нѣтъ времени“!

— И вретъ все старичонко,—добавляли они,—ломается, больше куражится; задорный онъ, упрямый, хотя убей—на своемъ поставитъ. Подойдетъ ему время, когда ни гроша на выпивку достать негдѣ будетъ, или опохмѣлиться захочется, пожалуй, забѣжитъ. А работа есть, деньги перепадуютъ, водки купить можно,—чего ему? куражится...

Не встрѣчая Милославскаго при объѣздахъ тюремъ, я началъ забывать о его существованіи.

Прошло около года. Однажды, вечеромъ я сидѣлъ одинъ въ своей комнатѣ-квартирѣ, рядомъ съ лазаретной кухней. Тоска была невыносимая: потолокъ, стѣны, окна съ рѣшеткой давно были изучены; развлеченій никакихъ; газетъ, журналовъ тоже не было; рѣдко попадался № „Инвалида“ изъ канцеляріи баталіона и прочитывался съ остервенѣніемъ отъ первой буквы до послѣдней...

Вдругъ наружная дверь отворилась, и послышался незнакомый голосъ:

— Ваше благородіе дома, можно зайти?

Въ полумракѣ нельзя было разглядѣть вошедшаго.

— Заходи, что скажешь?

— Требовать изволили, вотъ я и явился! Чего прикажете?

— Я никого не требовалъ. Развѣ смотритель требовалъ? ты ошибся.

— Никакъ нѣтъ,—ваше благородіе требовали. Я—Милославскій...

Я поднялся съ табурета и подошелъ ближе къ вошедшему: передо мной стоялъ крѣпко сложенный старикъ, сѣдой, какъ лунь. Длинные, сѣдые на головѣ волосы опускались до воротника его сѣрой, поношенной куртки. Окладистая, бѣлая борода была всклокочена и висѣла кочьями... Ряды поперечныхъ и продольныхъ морщинъ бороذили открытый, высокій, покатый лобъ; на срединѣ лба и щекахъ видны были шрамы клеймовыхъ знаковъ; неопредѣленнаго цвѣта глаза слезились, были красны и постоянно мигали.

— А!? дѣдъ Милославскій,—сказалъ я:—проходи, старина, гость будешь. Тоска одному; спасибо, что зашелъ. — Я искренно обрадовался приходу человѣка, а тѣмъ болѣе Милославскаго.—Вотъ табуретъ свободный, бери и садись...

Старикъ стоялъ у двери и дальше не двигался: онъ перебиралъ въ своихъ рукахъ круглую арестантскую шапку безъ козырька и нерѣшительно переминался съ ноги на ногу.

— Не пройду я и не сяду, ваше благородіе... Завтра днемъ зайду... въ объѣдъ,—онъ говорилъ отрывисто, съ одышкой,—вотъ что скажу тебѣ, баринокъ: хочешь имѣть мою работу, не выпускай меня завтра изъ квартиры, пока не кончу; не давай мнѣ работу на домъ унести: забуду, а то и пропью. Завтра зайду непременно, будьте благонадежны!—Онъ быстро повернулся и вышелъ изъ комнаты.

„Вотъ чудакъ, подумалось невольно,—зачѣмъ приходилъ? посмотримъ: придетъ ли завтра, какъ обѣщалъ; вѣрнѣе, не придетъ, забудетъ.“

Утромъ, на пріемѣ больныхъ, я передалъ фельдшерамъ о неожиданномъ посѣщеніи Милославскаго и его обѣщаніи явиться сегодня.

— Вчера, навѣрное, былъ полупьяный, водки хотѣлось выпить,—вотъ и зашелъ! Не удалось выпить, не подали ему, онъ оглобли и повернулъ обратно... Сегодня зайдетъ, если денегъ или водки не достанетъ, выпить нечего будетъ, а достанетъ водки, достанетъ денегъ, ни почему не явится,—серьезный старикъ, обидчивый... Нашему лазаретному смо-

трителю два года печать рѣжетъ. Тотъ принималъ разныя мѣры и старанія—разъ пять, навѣрное, выпороли за обманъ, а онъ и въ усъ не дуетъ! Морозову фельдшеру самъ говорилъ: „плевать, говорить, мнѣ и въ зрителя вашего, не велика фрѣ завелась въ лазаретъ: драться то немного умѣнья надо, были бы кулаки, да розги,—вотъ и куражится! Всѣ они таковы! Работашь, работаешь на нихъ, а кромѣ зуботычинъ ничего не видишь. Иной чашку водки подасть за кольцо или серьги...

На другой день дѣдъ аккуратно явился часа въ два. При дневномъ свѣтѣ онъ казался еще болѣе дряхлымъ и ослабленнымъ; во рту зубовъ не было; морщинистыя щеки втянулись въ полость рта, губы были блѣдны, отвислы; глаза слезились и постоянно моргали. Клеймовые знаки на лбу и щекахъ выступали рѣзкими пятнами и придавали общему выраженію лица специально каторжное выраженіе: опельмованнаго, оплеваннаго человѣка; вообще, старикъ казался очень жалкимъ и безпомощнымъ.

— Спасибо, старина, что зашелъ ко мнѣ, какъ обѣщалъ вчера. Садись! усталъ, навѣрное, поднимаясь въ нашу лазаретную гору?

— Усталъ,—это вѣрно, баринокъ,—сяду! Ноги дрожатъ, трясутся, подкашиваются. Хотя полѣчилъ бы немного, спасибо сказалъ бы... Вотъ и глаза отказываются, тускъ какой-то навалить: иной разъ ничего не вижу.

— Ложись въ лазаретъ, что можно будетъ сдѣлать, — сдѣлаемъ, а на ходу лѣчиться толку не будетъ...

— Ну, нѣ-ѣ-тъ,—протянулъ старикъ,—въ лазаретъ-то я не лягу! Умирать Милославскому не хочется, можетъ быть, еще поживу, хотя, по правдѣ, и жить-то не зачѣмъ... А работа у тебя какая? Давай; что вчера говорилъ, то и сдѣлаю.

— Коли такъ, дѣдъ, такъ вотъ тебѣ часы и перстень.. На часахъ вырѣжь монограмму, а на перстнѣ—именную печать. Можешь?—сказалъ я,—такъ вотъ тебѣ впередъ дварубля за работу. Только чѣмъ ты работать будешь? для рѣзбы нужны инструменты...

— Чѣ-ѣ-мъ?! Милый ты человѣкъ: обыкновенно инструментомъ; у Милославскаго всегда инструментъ съ собою... А водочки, баринъ, нельзя ли?

— Можно и водочки.

— За это спасибо! Ты много Милославскому не давай водки: напьется, охмѣлѣетъ и дѣло забудетъ... Такъ ужъ Господь Богъ попустилъ Милославскому!.. Кабы не эта водка, развѣ былъ бы Милославскій весь свой вѣкъ въ каторгѣ?.. Не былъ бы, баринокъ, не былъ бы Милославскій въ ка-

торгѣ,—заговорилъ торопливо старикъ, выпивъ три рюмки водки и закусывая мякишемъ чернаго хлѣба съ солью.

Изъ кармана сѣрыхъ, заплатанныхъ шароваръ арестантскаго покроя онъ вытащилъ какую-то красноватую тряпку, въ которой было что-то завернуто и перевязано ниткой.

— Вотъ и инструментъ, баринокъ, а ты говоришь чѣмъ?

Въ рукахъ его очутилось небольшое шильцо, съ деревянной ручкой, съ заостреннымъ концомъ, лупа и кругленькій деревянный баклашикъ, съ отверстіемъ по срединѣ. Лупу онъ ловко вставилъ въ правый глазъ, а баклашикъ положилъ на столъ.

— Давай часы, баринъ, сейчасъ и покончимъ дѣло, а потомъ и съ печатью на перстнѣ покончимъ... Давно ты заказывалъ придти къ тебѣ, фельдшера твои передавали,—слышалъ! да видишь ты, дѣло мое казенное, подневольное... А то память худа, то самъ Милославскій худъ, всячина бываетъ... Какія тебѣ буквы вырѣзать: готическія, славянскія или русскія?

— Какія хочешь, дѣдушка, мнѣ все равно... хочется имѣть память о тебѣ... Много слышалъ, да и работу твою видѣлъ,—превосходная работа!

— Э-эхъ, баринокъ! старъ становится Милославскій, не прежнее время: семьдесятъ семь лѣтъ стукнуло, да почитай сорокъ лѣтъ изъ этого въ каторгѣ. Замуровала меня каторга...

Въ лѣвой рукѣ старика часы поворачивались въ разныя стороны. Онъ напряженно, черезъ лупу, прищуреннымъ лѣвымъ глазомъ смотрѣлъ какъ бы въ одну точку, а правой рукой, вооруженной шильцомъ, что-то чертилъ на часахъ для меня непонятное.

— Разогрѣлъ ты, баринокъ, старика; кровь расшевелилъ, спасибо тебѣ за поданныя три рюмки... Больше не давай,—слышишь? больше не надо... Увидитъ нашъ Ерема-смотритель пьянаго Милославскаго и, пожалуй, вырѣжетъ на спинѣ вензеля... Имъ чего? Только бы имъ въ карманъ, въ ненасытную глотку попадало, воители они всѣ на арестантской шкурѣ, — благо крѣпкая, да безпомощная, Богомъ и людьми проклятая... А сколько я ему, этому Бочикову, да женѣ его... бой баба, баринокъ! бьетъ не только нашего брата по затылку, а и его самого, чорта, о заборъ головой колотить,—ей Богу, правда!.. Сколько я ему, говорю, всякаго золотого добра передѣлалъ! Брошку, да серьги, да кольца изъ нашего же карійскаго золота... хо-ро-о-о-ше-е золото!—протянулъ старикъ,—за девяностую пробу, чуд-е-е-с-н-о-е!.. Баринъ, а баринъ, дай еще рюмочку? — неожиданно проговорилъ старикъ.

— Миѣ не жаль, дѣдушка, да какъ бы и въ самомъ дѣлѣ тебѣ не вырѣзали вензелей, какъ ты давеча говорилъ?

— Ничего, баринокъ,—Богъ вынесетъ!.. Милославскій не пропадетъ, если его и выпорютъ лишній разъ... Всѣмъ я здѣсь работалъ; всему начальству чуть не тридцать лѣтъ работаю, генераламъ большимъ работалъ,—всячины бывало! Мною передъ всѣми хвастались,—ну, и работаешь! да ничего, баринокъ, живѣ пока...

Онъ выпилъ налитую рюмку и взялъ въ ротъ кусокъ хлѣбнаго мякиша.

— Хорошо, баринокъ, беззубымъ быть, не подавишься, жамкаешь, жамкаешь хлѣбный мякишъ да едва его и проглотишь; водка, та ходчѣе идетъ,—не задерживается... Много, много разъ меня били, баринокъ,—не сосчитаешь! А ласковаго слова слышать не приходилось,—развѣ при рожденіи, отъ матушки покойной... Плетями били три раза... Первый-то разъ тамъ еще, въ Польшѣ, на торговой площади всенародно награду выдавали, да клеймушки наставили на лобъ и щеки... Давно это было! А потомъ въ Сибири, на рудникахъ, да здѣсь въ Карѣ... Разгильдѣевъ самъ, Иванъ Евграфовичъ, въ 53 году, за букву на его кольцо штукъ тридцать плетей отсчиталъ... Ёмка тогда палачомъ былъ, огромнѣйшаго роста человѣкъ; какъ рѣзанетъ, бывало,—Господи помилуй!.. Избитъ, изломанъ Милославскій, а все вотъ это самое ремесло... да слабость человѣческая наша... такъ и маешься вѣки вѣчинскія...

Я смотрѣлъ на согнушагося надъ часами старика: какая-то дѣтская-незлобивость, беспомощность видна была въ морщинистомъ, блѣдно-сѣромъ лицѣ, сѣдыхъ, какъ лунь, волосахъ и такой же сѣдой бородѣ. Дѣтская незлобивость была слышна и въ его разказахъ о самомъ себѣ, даже слышно было подтруниваніе, насмѣшка надъ самимъ собою. Онъ рассказывалъ о себѣ, какъ о чемъ-то постороннемъ, до него не относящемся: сжился, помирился съ судьбою, измыкался до безконечности человѣкъ и, видимо, отдыхалъ душою за своей излюбленной работой.

Рѣзчикъ Милославскій былъ дѣйствительно замѣчательный. Уроженецъ Польши, онъ обучался граверному мастерству въ Варшавѣ, ради того же обученія случайно попалъ за границу, во Францію, гдѣ пробылъ два года... Лѣтъ двадцать пять тому назадъ, за поддѣлку кредитныхъ билетовъ, онъ былъ наказанъ плетями съ наложеніемъ клейма и сосланъ на каторгу. Прибывъ въ рудники уже сравнительно немолодымъ человѣкомъ, онъ въ началѣ пятидесятихъ годовъ, при Разгильдѣевѣ, въ числѣ сотенъ другихъ каторжныхъ, переведенъ въ Кару для „усиленной добычи золота“.

Отбывъ срокъ „испытуемыхъ“ вполне благополучно, Милославскій по выпускѣ въ вольную команду, соблазнился бродяжествомъ, какъ онъ выражался: „моченьки не хватило! всѣ, кто могъ,—бѣжали безъ оглядки; кто не могъ бѣжать, того забивали до смерти, а то умирали отъ горячки“. Года черезъ два послѣ побѣга, онъ былъ пойманъ, судился за побѣгъ и получилъ 20 ударовъ плетью и пять лѣтъ прибавки каторги „съ продолженіемъ прежняго срока“. Побѣгъ изъ каторги повторился еще два раза. Но къ 1872 году онъ совершенно одряхлѣлъ, да и пристрастіе къ водкѣ, смѣшанной для крѣпости съ махоркой или купоросомъ, не мало унесло когда-то, повидимому, желѣзнаго здоровья. Въ земляныя тяжелыя работы, по старости и дряхлости, онъ не назначался; на поселеніе не выпускали, за неокончаніемъ срока; въ богадѣльщики самъ не шелъ: „умру лучше въ каторгѣ, чѣмъ съ голоду издыхать въ богадѣльнѣ, какъ худой собакѣ!“

— Вотъ, баринокъ, и часики готовы! Милославскій свой долгъ отработалъ... Печаточку же вашу смастерю какънибудь послѣ,—проговорилъ старикъ, подавая часы...

Работа была артистическая, художественная.

— Нельзя ли еще рюмочку, баринъ?—проговорилъ старикъ, не вставая съ табурета.

— Можно, дѣдъ, можно! да и я выпью, чокнусь за твое здоровье и за твое превосходное мастерство...

Милославскій не удивился предложенію выпить съ мундирнымъ человѣкомъ: ни хвастовства, ни нахальства въ немъ не было и слѣда. Передо мной сидѣлъ старый, дряхлый человѣкъ, едва не вѣчный каторжникъ, а сознаніе „золотыхъ своихъ рукъ“ проглядывало во всемъ его старчески-сморщенномъ, штемпелеванномъ лицѣ.

— За твое здоровье, старина! Дай Богъ тебѣ увидѣть и испытать лучшее житье!..

— Давай, баринъ, перстень твой: я вырѣжу именникъ, — на память пусть будетъ отъ Милославскаго... Старикъ Милославскій; глаза плохо видятъ, одышка, ломота,—глухо говорилъ онъ, беря у меня изъ рукъ золотой перстень, питерское приобрѣтеніе вмѣстѣ съ часами, по полученіи прогоновъ и подъемныхъ денегъ на путешествіе въ далекую Сибирь,—за эту вырѣзку мнѣ рубля твоего не надо. Возьму—будетъ продажа работы, а не на память. На память отъ Милославскаго получи, отъ стараго варнака Милославскаго...

— Разгильдѣевъ здѣсь командовалъ въ Карѣ,—разговорился старикъ,—горный онъ начальникъ былъ, изъ нерчинскаго завода наѣзжалъ... Пѣсню про него поетъ каторга, Мокѣевъ сочинилъ, каторжный, — хо-ро-о-шая пѣсня,—прав-

дивая!—Все горе тамъ наше выложено, всѣ мучительства... Инженеры-управители были, на каждомъ промыслѣ особый... Разгильдѣевъ тотъ наѣдомъ изъ завода большого прѣважалъ, живаль здѣсь подолгу: золота надо было ему, сотнѣ пудовъ... Сотню пудовъ добываль онъ, баринокъ, по заказу какому-то... Д-д-а-а, баринокъ, добываль! Тамъ у васъ, за лазаретомъ, пониже Ключевки, по пади разгильдѣевскій разрѣзъ особый велся... Разрѣзомъ шли по р. Карѣ, золото копали; другимъ разрѣзомъ—людей хоронили; сотнями клали ихъ въ кучу; въ амбарахъ мыши, крысы объѣдали лица, уши, —родные не узнавали, когда провожать приходили; потомъ, значить, въ яму таскали... Дней десятокъ въ амбарѣ продержатъ мертвыхъ, а провиантъ выписываютъ, какъ на живыхъ,—оно и деньги перепадали! Милославскій помогаль таскать мертвыхъ въ общую яму... Моръ людей былъ, горячка!.. Били, морили,—Богъ имъ судья! Они перемерли, почитай, всѣ, наши мучители, а Милославскій живъ!.. худо живетъ, въ каторгѣ живетъ, а не въ яму съ червями закопанъ... На мертвыхъ тогда деньги большія наживали. Кто этимъ у нихъ распоряжался, —забылъ, а вратъ не хочу... Было всего три гроба сдѣлано; на похороны рубль полагался: съ гробомъ вмѣстѣ и всякой всячиной... Принесутъ мертваго въ гробъ, вывалятъ въ яму, а гробъ обратно,—опять рубль въ карманъ! Такъ тремя гробами тысячи и схоронили... Дай, баринъ, рюмочку выпить, а то сердце захватываетъ,—неожиданно перервалъ свой рассказъ старикъ.

Онъ выпилъ двѣ рюмки, отъ третьей отказался.

— Эхъ, баринъ, баринъ!—началь онъ снова,—пьяницами насъ, каторжныхъ, обзываютъ: за рюмку водки готовъ Христа продать каторжникъ,—это вѣрно, баринъ! Кабы не водка, да не побѣги, да не тюремная картежная игра,—мы давно въ тюрьмахъ переѣли бы другъ друга, другъ у друга горло бы перегрызли... Не знаютъ, какъ извести насъ, а самымъ простымъ манеромъ: насади въ тюрьмы, прекрати водку, карты, всякій выходъ,—черезъ полгода съѣдятъ другъ друга; не знаютъ, какъ извести, а мы знаемъ, да помалкиваемъ...

Старикъ замолчалъ и долго сидѣлъ, не шевелясь, вынувъ лупу изъ праваго глаза. Онъ сидѣлъ неподвижно, уставивъ глаза въ окно, и шевелилъ губами, какъ бы пережевывая что-то. Тяжелое молчаніе продолжалось минутъ пятнадцать: какъ бы очнувшись, онъ снова вставилъ лупу и взялся за перстень, а минуты черезъ двѣ началъ глухимъ, ровнымъ голосомъ:

— Ыдетъ, бывало, Разгильдѣевъ: пролетка парная, лошади лихія, казаки конные скачутъ сзади, за пролеткой; на козлахъ, рядомъ съ кучеромъ, Ѳомка палачъ, съ инструмен-

томъ въ коробкѣ; подъ мышкой такъ и держитъ коробку,— всѣ встрѣчные трясутся! Трясутся отъ страха штейгерá, унтеръ-штейгера, мелкая сошка служащихъ... Погоны срываешь собственноручно, а потомъ,—порка... Мундиры срываешь, погоны на барабанъ; разжалуетъ, а потомъ въ работу тутъ же рядомъ съ каторжными: власть *ему* была дана непомѣрная!.. Про нашего брата, каторжныхъ, и говорить нечего: забивалъ до смерти плетми, запарывалъ розгами... Глядя на него, Разгильдѣева, звѣрями дѣлались управители, а про мелкую сошку и говорить нечего: хуже лютыхъ звѣрей тиранствовали... Убивала ихъ каторга тогда,—человѣка четыре порѣшили: кому кайлой голову проломать, кому лопатой... Тоже, братъ, служба доведетъ до грѣха!.. Сто пудовъ золота обѣщаль намъ генералу Муравьеву: ну, и усердствовалъ, да-а, ус-с-ердствовалъ! А знаешь что? Не намылъ ста-то пудовъ, ей Богу не намылъ!—радостно проговорилъ старикъ,—вотъ тебѣ и закуска... Каторжные тоже себѣ на умѣ: били ихъ, били, а они всетаки не намыли сотни-то пудовъ, и оконфузился Разгильдѣевъ!.. Вотъ ты, простота Божья, и смѣкай!..

— А знаешь ли, что я расскажу тебѣ про Разгильдѣева?— вдругъ веселымъ голосомъ заговорилъ старикъ,—звѣрь онъ былъ, тигра лютая, а нашелся и на него человѣкъ, чтобы сломать ему шею, да не удалось: запо-о-ро-о-ли!

Старикъ заговорилъ, какъ въ полусознаніи, полуснепотомъ; лицо его покраснѣло, оживилось,—видимо, тема разговора пришлась по душѣ старому каторжнику: онъ приостановилъ работу и выпрямился на табуретѣ.

— Былъ у промысловаго управителя для Разгильдѣева конь, рысакъ-тысячникъ, знатнѣющій! Любилъ Разгильдѣевъ ѣздить на немъ, когда наѣзжалъ въ Кару: зимой въ бѣговыхъ санкахъ, лѣтомъ въ бѣговыхъ дрожкахъ. Бѣгалъ этотъ рысакъ, что птица... На Нижнемъ промыслѣ особая конюшня была для него построена, теплая, съ поломъ,—каторга все завидовала житью-бытью конскому. Особая прислуга, конюха, къ коню была приставлена: кормить, наблюдать, чистить; ни въ какую работу больше не назначались,—ходи за конемъ и дѣлу конецъ. Животина была высоченная, шея колесомъ, масть черная, вороная,—блестить, бывало, какъ выведутъ изъ конюшни, шерсть на солнышкѣ; два человѣка едва, едва сдерживаютъ: либо было со стороны на коня, посмотрѣть,—да и завидно! Всякъ бы съ радостью пошелъ на его мѣсто въ конюшню жить, припасъ получать,—Бога бы славословилъ за благополучіе! Рабочіе, что ухаживали за конемъ, любимцы Разгильдѣевскіе были, въ особенности кучеръ Митрофанъ, обязательный служитель Кутомарскаго завода... Өмка палачъ да этотъ Митрофанъ только, пожалуй, и любимцевъ было,

хотя подчасъ и ихъ не миловаль... Онъ никого не миловаль, покойная головушка: особливый былъ человекъ и по прежнимъ временамъ... Ходилъ бойко, какъ будто припрыгиваетъ; головой вертитъ въ ту да въ другую сторону; рукой лѣвой размахиваетъ; фуражку на глаза надвинетъ, оттуда и высматриваетъ. Боялись съ нимъ встрѣчаться; сами управители избѣгали, а не то что нашъ братъ... Разсказывали тогда,—самъ я не видѣлъ и врать не хочу,—всталъ онъ утромъ рано и пошелъ бродить вдоль разрѣзовъ, машины все осматриваль: его, видишь ты, рукъ было это дѣло—онъ ихъ выдумаль самъ, что ли, или чортъ помогъ ему,—не знаю! Ходилъ, ходилъ; билъ ли кого, не знаю,—да и поверни съ разрѣзовъ направо, въ гору, по дорогѣ къ Лунжанкамъ... Идетъ лѣсомъ, кустарникомъ, его не видно; лѣсомъ онъ больше шелъ, а не дорогой... Рабочій народъ, каторжный или служительскій, не въ однихъ разрѣзахъ работаль, а и дрова рубилъ, уголь жегъ, бревна рубилъ,—возили все это, куда приказывали... Человекъ десятокъ, можетъ и больше, рабочаго народа шло партіей на перерѣзъ ему, съ вершины, съ верхняго промысла, съ топорами да разнымъ инструментомъ въ рукахъ. Идутъ, а его не видятъ и не слышать,—разстояніе отъ Нижняго большое,—не опасаются... Шли, шли, да и затынули пѣсню про его самого, Разгильдѣева, что Мокѣвъ, каторжникъ, составилъ, звонко такъ затынули:

Какъ въ недавнихъ годахъ
 На Карійскихъ промыслахъ,
 Царствовалъ Иванъ (2).
 Не Васильевичъ Царъ грозный,
 Это былъ чиновникъ горный,
 Разгильдѣвъ сынъ (2).
 Въ наказанье того края,
 Его бросили съ Алтая,
 Видно за грѣхи (2).
 Онъ съ начальнаго вступленья
 Генералу донесенье
 Сдѣлалъ отъ себя (2).
 Кара рѣчка такъ богата,
 Въ одинъ годъ пудовъ сто злата
 Я берусь намытъ (2)...

„Длинная эта пѣсня, бариннокъ, — большая; какъ и горе да мука большія были въ то время,—такова и пѣсня! Идутъ это артелью и поютъ... Опъ остановился, слушаетъ; ему все слышно было: звонко такъ пѣсня раздается по лѣсу да по горамъ... Пѣли, пѣли, бѣды никакой не чуя,—а онъ и вы-

шелъ къ нимъ навстрѣчу, близехонько къ нимъ вышелъ и остановился передъ ними... Господи! вотъ испугались, замерли, будто мертвые стали... Стоитъ онъ, глядитъ на нихъ. а они, баринокъ, стоятъ кучей,—пожалуй, и шапки позабыли снимать... Подумай-ка: про его дѣла пѣли, про мученія, а онъ передъ ними очутился!.. Стоялъ онъ, стоялъ, долго стоялъ, а потомъ повернулся, не сказавши ни слова, и пошелъ внизъ подъ гору,—только его и видѣли! Чортъ ли это являлся рабочимъ, или самъ Разгильдѣевъ, такъ они и не разобрали; только ничего не было, никакого розыску... Отдыхались рабочіе и пошли своей дорогой... Такъ-то, баринокъ! всячина прежде бывала: умомъ раскидывай, не раскидывай, а сомнѣваться будешь...

„Вотъ этотъ же Разгильдѣевъ и поѣхалъ въ Лунжанкинскій промыселъ, съемку торфовъ провѣрить,—зимой было дѣло. Тяжелая, лютая была эта работа—торфа снимать въ зимнее время! Морозъ трескучій, снѣгу больше аршина, руки мерзнуть, коченѣютъ отъ лома да кайлы, отъ кандаловъ на ногахъ ноги мерзнуть того хуже.. Бьешь, бьешь ломомъ мерзлоту,—урокъ подавай! Не сдашь—дѣло извѣстное: спина отвѣчаетъ... Торфъ снять надо, отбить ломомъ, кайлой, клиномъ; потомъ отнести на носилкахъ въ торфяной отвалъ, можетъ саженой за сто, а то и больше,—какъ придется, какъ укажутъ. Доставалось намъ, каторжнымъ, доставалось и колвойнымъ, что насъ караулили: въ шинелькѣ ихней тоже пробирало,—имъ, пожалуй, еще хуже приходилось... Мы двигаемся, разминаемся, бьемъ да колотимъ, а они все время на одномъ мѣстѣ стоятъ,—всѣмъ тогда доставалось и нашимъ, и вашимъ!

„Поѣхалъ Разгильдѣевъ въ Лунжанки днемъ, — въ бѣговыхъ санкахъ, съ кучеромъ Митрофаномъ на козлахъ, позади двое конныхъ казаковъ, съ шашками. Доѣхалъ, посмотрѣлъ съемку торфовъ,—зимній день короткій,—заѣхалъ къ управителю выпить и закусить... Вечеръ наступилъ темный; морозъ трескучій; коня привязали у дома управителя, попоной накрыли, чтобы не мерзъ. Конвойные казаки и кучеръ въ кухню зашли погрѣться... Проходилъ въ это время мимо дома управителя каторжный Корявкинъ,—тюрьму окончилъ, въ вольной командѣ проживалъ, видитъ: конь Разгильдѣевскій привязанъ къ столбу у воротъ, кругомъ ни единого человѣка, ночь темная, зги не видать,—онъ и надумался... Подобрался къ головѣ лошади, отпрукалъ, погладилъ по шеѣ да возжи-то отъ узды отвязалъ, да за гужи и прицѣпилъ... Оно какъ будто обвозжано, по виду все какъ слѣдуетъ въ исправности,—а самъ на утекъ—только его и видѣли!.. Не убѣждалъ всетаки: послѣ нашли...

„За полночь выходитъ отъ управителя Разгильдѣевъ нашъ, Иванъ Евграфовичъ, видитъ: конь на мѣстѣ, у крыльца стоять; кучеръ Митрофанъ на козлахъ, двое конвойныхъ казаковъ подъ уздцы коня держать: застоялся конь, продрогъ на морозѣ, рвется съ мѣста, передними ногами скребетъ. Управитель провожаетъ, жена его вышла, прислуга съ фонарями освѣщаетъ дорогу.

Старикъ видимо воодушевился, глаза его заблестѣли лукавымъ удовольствіемъ; старческое лицо какъ бы оживилось, помолодѣло, онъ пріостановился съ работой, положивъ перстень на столъ:

— Значить все готово...— „Поварачивай коня!“—скомандоваль громко. Повернули животину, сѣлъ и по-о-к-а-атилъ!.. Главнаго-то и не доглядѣли... Животина продрогла, хотя и стояла подъ покрываломъ, и за-ш-а-а-г-а-ла, и за-ш-а-а-г-а-ла по-свойски.. Чѣмъ дальше, тѣмъ хуже, тѣмъ шибче поддаетъ и поддаетъ... Кучеръ тянетъ изо всей мочи, конь не слушаетъ, а все прибавляетъ и прибавляетъ... Дорога хотя и зимняя, была, а камней, пеньковъ на ней довольно... Кучеръ со всей мочи напрягается, а конь и пошелъ бить! и пошелъ бить! Конные казаки скачутъ сзади, ничего не понимаютъ, да, наконецъ, и догнать не могутъ... Долго-ли, коротко-ли время прошло, а конь ихъ укомплектоваль: вышибъ изъ санокъ, и оба замертво упали. Кучеръ-то Митрофанъ на смерть убилися, а главный-то, — живучъ былъ проклятый! — не убилися на смерть, не избавилъ отъ себя каторги... Расшибся-то онъ, расшибся, а не убилися до смерти, не взялъ его сатана: мучитель мучителя знаетъ и оберегаетъ... Чего тамъ было послѣ, когда онъ оправился,—Господи помилуй!..

— А вѣдь Корявкина-то отыскали, что штуку-го всю подстроилъ!—проговорилъ старикъ упавшимъ голосомъ.

— Неужели, дѣдушка?—невольно вырвалось у меня.

— Ра-а-з-ы-скали, дней черезъ двадцать заграбастали добраго молодца! Какъ имъ удалось разыскать,—сатана одинъ знаетъ: съ чертями, видимо, знался,—не иначе... Какъ же его разыскать? Ночь была, зги не видать, никто не видалъ, никто не слышалъ, собаки уличной и той не было... Подошелъ, устроилъ штуку и нѣтъ его... Д-д-а, ра-а-зыскали... Охъ! и били же Корявкина плетью передъ всей каторгой, били да приговаривали: „вотъ тебѣ за гужи! вотъ тебѣ за гужи!“.. Искальчили парня, а шустрый, да веселый былъ такой, прибаутчикъ, сказочникъ да пѣсенникъ... Чего напрасно говорить: за дѣло били: какую шутку вздумалъ пошутить, да съ кѣмъ?! Подумалъ бы сначала, на кого онъ руки поднималъ? Кого внизъ головой около пенька поставилъ? А!? За гужи привязалъ! вотъ тебѣ за гужи и задѣли...

Теперь, чай, еще помнить,—живъ онъ, въ богадѣльщикахъ,—какъ съ начальствомъ шутки шутить!.. Нашему брату, каторжнику, тоже пальца въ ротъ не клади,—откусятъ; ножомъ еще пырнетъ иной, какъ звѣрь накинется.. Шутить съ начальствомъ не полагается!—уже настоящимъ каторжнымъ резонерскимъ тономъ закончилъ рассказъ Милославскій о бывшемъ двадцать лѣтъ тому назадъ происшествіи...

Въ Карійской каторгѣ существовало сказаніе, что Разгильдѣевъ, не намывшій обѣщанныхъ ста пудовъ золота, зарывшій болѣе трехъ тысячъ труповъ въ разгильдѣевскій разрѣвъ, окончилъ службу съ пенсіей и умеръ на Алтаѣ. Послѣ смерти его, въ шестидесятихъ годахъ, обѣжавшіе изъ Кары каторжники вырыли будто бы трупъ его изъ могилы, вбили ему, куда слѣдуетъ, осиновый колъ, да такъ съ этимъ коломъ и бросили обратно въ могилу: „съ осиновымъ-то коломъ не встанетъ; хотя при жизни инженеромъ былъ и съ чортомъ знакомъ, а больше не встанетъ,—не выскочить“...

В. К.—въ.

* * *

Голосъ вѣщій сердцу говорить,
Голосъ вѣщій сердца не обманетъ:
Послѣ ночи бурный день настанетъ,
И грозою небо закипитъ!

Онъ еще невѣдомъ, этотъ день,
Но изъ мрака будущаго грозно
Смотритъ къ намъ тоскующая тѣнь—
То съ враждой, то съ мукой многослѣзной.

Тихихъ пѣсенъ ласки молодой,
Прозвучавшихъ въ радостной надеждѣ,
Отъ меня не жди теперь, какъ прежде:
Пѣснь моя—призывъ въ неравный бой!..

В. Башкинъ.

СОТРУДНИЦА.

Романъ Люсьена Мюльфельда.

Переводъ съ французскаго В. Кошевичъ.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

I.

Фигуранты вышли изъ церкви. Фаустъ готовился обратиться къ Маргаритѣ, которая, по правдѣ, могла утверждать, что она—не барышня и не прекрасна. Безъ вниманія слушая давно извѣстную ей музыку, Женевьева предоставила четѣ Бруте мѣста у сарьера, а сама расположилась въ полумракѣ аванложи, на диванѣ, противъ вѣшалки. Альберъ долженъ былъ придти не ранѣе одиннадцати: засѣданія комитета международной биологической ассоціаціи затягивались по вечерамъ очень поздно. Но дверь пріотворилась, и показался Рене Кодри.

— Добрый вечеръ, многоуважаемая! Я не мѣшаю?

— Ничуть. Съ вашей стороны очень мило предпочесть министерской ложѣ нашъ уголокъ.

— Но захотите ли вы пригласить меня, унавъ, что я—уже не министръ?

— Съ которыхъ это поръ?

— Съ четверти восьмого... Вотъ, вотъ! Будьте безъ церемоній, отбросьте почтительность, подобающую представителю власти...

— Кто же васъ провалилъ?... И кто оказался козломъ отпущенія?

— Я самъ, любезный другъ; говорю, не хвастаясь!

Рене Кодри явился въ прекрасномъ настроеніи. Носъ его лукаво торчалъ вверхъ, рука поглаживала вѣрообразную курчавую бородку.

— Да, ей Богу, это—я!.. Проникнитесь сознаниемъ моей значительности: весь кабинетъ летитъ изъ-за одного меня.

Мнѣ это пріятнѣе, нежели ткнуться носомъ вслѣдъ за коллегою... Ибо министры солидарны... Я нынче видѣлъ и такихъ, которымъ оно не по-нутру... Скучно имъ быть солидарными. Какъ ни какъ, а вѣдь пріятнѣе.. Кто нынче поестъ Зибеля?

— Рубейръ... Такъ какъ же вы „ткнулись носомъ?“

— О! Паденіе строго разсчитанное... точно по нотамя. Меня интерпеллировали по поводу рабочихъ волненій на постройкѣ Бошанскаго водопровода; я защищалъ, зубъ-зубъ, инженера, а Палата стала на сторону разсчитанныхъ имъ рабочихъ. Ей это полезно для популярности. Я же, съ своей стороны, заступаясь за администрацію, выказалъ твердость, которою заслужилъ одобреніе почтенныхъ либераловъ. Они имѣютъ меня въ виду для перваго же изъ грядущихъ „энергичныхъ кабинетовъ“. Имъ весело, что наступило „междоцарствіе“. Результатъ таковъ, что всѣ въ восторгѣ, кромѣ восьми или девяти моихъ коллегъ...

Г-жа Телье погрозила пальцемъ.

— Смотрите, Кодри: какъ вы легкомысленны!

Онъ возмущился противъ несвоевременнаго порицанія:

— Это я ужъ отъ васъ слыхалъ, если память меня не обманываетъ! Но выбрать день моего паденія для упрековъ въ недостаточной моей серьезности... право же, это—совсѣмъ некстати!..

Въ былыя времена, Рене Кодри, проходя свой стажъ при Судѣ, вальсировалъ у Пеллера съ только что начавшей въѣзжать Женевьевой, уже серьезной и очаровательной. Онъ звалъ ее, по-товарищески, прямо по имени. Когда она полюбила Телье, онъ бросилъ эту фамиллярность или, по крайней мѣрѣ, ее умѣрилъ, называя ее то „сударыней“, то „милымъ другомъ“; но всегда давалъ понять, что не забылъ свою молоденькую даму. Не имѣя твердаго намѣренія увѣрить Женевьеву въ истинѣ своихъ словъ, а только потому, что почти такъ оно и было, онъ часто повторялъ ей, что съ досады на предпочтеніе, оказанное Альберу, позволилъ женить себя на своей доброй кузинѣ Генриеттѣ. Г-жа Телье, передъ которой онъ хвалился такимъ самоотреченіемъ, совѣтовала ему не гордиться сверхъ мѣры этимъ поступкомъ. Бѣдная Генриетта была богата, мила и кротка. Всѣ женщины признавали, что волосы у нея великолѣпны, т. е. черезъ-чуръ длинны для элегантнои прически. Сверхъ того, красивый Рене не могъ пожаловаться, чтобы она его стѣсняла: Генриеттѣ Кодри во всю жизнь не случилось посвятить и десяти минутъ на размышленіе; она умерла, даже не подозрѣвая,

что Рене измѣнялъ ей съ увлеченіемъ, съ изобрѣтательностью и, вмѣстѣ съ тѣмъ, съ неутомимою пунктуальностью. Безъ сомнѣнія, Рене Кодри предпочелъ бы, чтобы Женевьева была благосклонна къ его ухаживанью, но, за недостижимостью этого, ограничивался дружескими изліяніями. Эта игра была пріятна обоимъ. Ему она давала возможность поддерживать нѣкоторую близость отношеній. Что же касается г-жи Телье, то хотя она слушала его безъ вниманія, такъ какъ сердце ея было занято, но рассказы Рене о его легкомысленныхъ подвигахъ доставляли ей какое-то неопредѣлимое, слегка двусмысленное удовольствіе. Она читала ему мораль, повторяла предостерегающимъ тономъ: „Смотрите, Кодри! Вы слишкомъ легкомысленны...“ А въ сущности, его поведение не возбуждало въ ней досады. Рене не удовлетворился прѣсной Генріеттой. Его невѣрности доказывали, что онъ недоволенъ супружествомъ, въ которое вступилъ за немѣніемъ лучшаго; а его непостоянство въ незаконныхъ связяхъ смутно льстило Женевьевѣ, какъ вѣрность воспоминанію о ней. Впрочемъ, въ теченіе двухъ послѣднихъ лѣтъ, съ тѣхъ поръ, какъ онъ овдовѣлъ, Рене не исповѣдался своей пріятельницѣ ни въ одномъ прегрѣшеніи. Однако онъ не прервалъ съ нею дружбы, которую поддерживалъ даже еще усерднѣе. Сегодня вечеромъ, товарищескій тонъ ихъ бесѣды далъ ему возможность, безъ грубой прямолинейности, намекнуть, что въ декольтированномъ вечернемъ нарядѣ она привлекательнѣе для него теперь, въ зрѣломъ возрастѣ, нежели была въ юности. Она пожала своими очень бѣлыми и болѣе округлыми плечами. Видя ея недовѣріе, онъ сослался на всеобщее мнѣніе, что она все хорошѣетъ, и что закатъ ея красоты будетъ ослѣпительнымъ...

— Придерживаясь такой гипотезы,—отвѣтила Женевьева,—вамъ некуда торопиться: вся будущность еще передъ вами...

Рене сдѣлалъ гримасу, какъ прогоняемый ребенокъ; а она продолжала преувеличенно-материнскимъ тономъ:

— Только гипотеза-то не вѣрна. А вѣрно, я вамъ скажу, вотъ что: пятнадцать... да?... пятнадцать уже лѣтъ вы ждете, не пренебрегая пріятными отвлекающими и развлекающими... „Еще немножко“... какъ говорится, и вы вполнѣ исцѣлитесь отъ сердечныхъ ранъ, нанесенныхъ мною; тогда, будь вы болѣе вѣрующимъ, вамъ слѣдовало бы прославить Провидѣніе, да и мою премудрость, за избавленіе васъ отъ роли черезъ-чуръ близкаго друга при старухѣ. Вѣдь время-то идетъ, пріятель! Я буду хорошѣть до тѣхъ поръ, пока въ одно прекрасное утро не проснусь очаровательною бабушкой. Очаровательна я или нѣтъ, а старухою я буду скоро...

— Пожалуйста! Не прежде меня!—возразилъ Кодри.— Мнѣ уже сорокъ-пять лѣтъ, какъ, впрочемъ, и почти всѣмъ на свѣтѣ... Замѣчаете вы, что моложе насъ теперь только люди совершенно незначительные?.. Правда, я не похожъ на того молокососа, о которомъ высказываетъ желаніе имѣть свѣдѣнія эта толстая Маргарита въ столь рискованныхъ выраженіяхъ... Это либретто болѣе нескромно, чѣмъ кажется. Попади сюда ктонибудь, не знающій „Фауста“, и послушай онъ, не глядя на сцену, какъ этой дѣвицѣ хочется узнать, кто этотъ молодой человѣкъ, хорошаго ли онъ рода и какъ его зовутъ,—ну, право, такой наивный слушатель въ ту же минуту, не колеблясь, предположилъ бы, что сталъ свидѣтелемъ бесѣды такихъ снисходительныхъ и легкомысленныхъ дамъ, у которыхъ можно имѣть большой успѣхъ, не сообщая ни имени своего, ни званія и никакихъ свѣдѣній о своихъ качествахъ, кромѣ необходимыхъ...

— Послушайте, Кодри...

— Найдите, что рѣчи мои легкомысленны? Прощайте же, сударыня; иду „заняться текущими дѣлами“. Ихъ теченіе, впрочемъ, не увлечетъ меня до такой степени, чтобы я забылъ навѣстить васъ... когда?.. если хотите, въ понедѣльникъ, пораньше?..

Онъ явился въ понедѣльникъ съ такою точностью, которая, сама по себѣ, была знакомъ вниманія, и съ такими ласковыми рѣчами, что г-жѣ Телье пришлось прямо поставить вопросъ:

— Любезный другъ, на что вы надѣетесь?

Онъ отвѣтилъ безъ запинки:

— Надѣюсь на успѣхъ въ самомъ широкомъ смыслѣ слова.

Женевьева насмѣшливо поклонилась:

— Широта смысла весьма и весьма любезна. Но если бы я захотѣла вникнуть въ ваши намѣренія, то одна подробность сбила бы меня съ толку. Предположимъ, для удобства бесѣды, что сердце мое свободно, да ужъ кстати, что и нравственности я не безупречной. Хорошо. Но вѣдь вы-то—честный человѣкъ, пока не доказано противное. Однако, это „доказательство противнаго“ вы даете мнѣ сію минуту: вѣдь Альберъ, кажется, вашъ товарищъ? Какъ же совмѣщаются ваши столь широкія надежды на успѣхъ съ тѣми чувствами, какія свойственны честному человѣку по отношенію къ его пріятелямъ? Вотъ чего я не могу понять!

— Еще бы... Вы разсуждаете, точно римская матрона или сенаторъ-радикалъ. Ваша душа черезчуръ прямолинейна. Неужели вамъ необходимо формальное признаніе въ томъ, что я не добродѣтеленъ? Но это не мѣшаетъ мнѣ быть чест-

нымъ, въ современномъ и растяжимомъ значеніи этого слова...

— Особенно въ „растяжимомъ“...

— Да это и есть самое вѣрное, единственно свободное, искреннее, чуждое лицемѣрія. Трепетъ передъ неизбежными правилами, повѣрьте, присущъ лишь рутинерамъ или притворщикамъ. И въ частной, и въ общественной жизни честно поступаетъ тотъ, кто дѣйствуетъ безъ злонамѣренности, безъ нахальства, безъ задней мысли. Обвинять васъ потомъ, грозно ссылаясь на текстъ закона, гражданскаго или нравственнаго, давно уже фактически отмѣненнаго, можно единственно лишь по злобѣ. Вы стараетесь уязвить меня упоминаніемъ о „женѣ пріятеля“. Но позвольте! За исключеніемъ знакомствъ на желѣзнодорожной станціи, каждая женщина, съ которою вы говорите, будетъ жена вашего пріятеля, если только она ему не сестра или не мать... Человѣкъ добродѣтельный, конечно, промолчитъ о своей любви; это безспорно. Но я не имѣю претензій на добродѣтель; при всемъ томъ, я не вѣроломъ и не безчестенъ. Не смотря на „растяжимость“, надъ которою вы иронизируете, я еще могу постоять за свою нравственность.

— Ну-ка, послушаемъ! — сказала Женевьева.

— Поймите меня съ полуслова... Вы знаете, что цѣлыми годами я молчалъ, подобно человѣку добродѣтельному. Я постоянно думалъ о моихъ надеждахъ, но не высказывалъ ихъ никогда. Было бы скверно пытаться нарушить несомнѣнное счастье. Но...

— Но теперь ваше превосходительство считаетъ меня покинутою крѣпостью?

Она разсмѣялась очень громко. Кодри, чтобы вывернуться, обобщилъ свою мысль: какъ передъ нею, такъ и передъ всякимъ, будущее создаетъ миражи, на мѣстѣ которыхъ потомъ съ печалью находишь бесплодную пустыню...

Она гордо возразила:

— Ошибаетесь, милѣйшій: жизнь меня не обманула.

— Пусть такъ! — сказалъ Кодри. — Можно разочароваться, не будучи обманутой.

Женевьева покраснѣла. Неужели проникательность любви угадала ея горе? Значитъ, видно было, что страсть ея не удовлетворена, что ея нераздѣльная нѣжность находитъ себѣ мало взаимности?.. А зачѣмъ она слушаетъ Рене Кодри? Зачѣмъ толкуетъ съ нимъ о его желаніяхъ? Никогда не обращала она вниманія на его полусерьезное, полущутливое ухаживанье. То, что онъ оказалъ ей честь, избравъ ее въ предметы сердца, развлекало ее точно такъ, какъ осмотрѣ товаровъ развлекаетъ незанятую женщину, зашедшую въ магазинъ съ прогулки, безъ намѣренія что либо купить... Незанятую?.. Да, такъ какъ человѣкъ, любимый искони и

навѣки, невнимателенъ къ сердцу, которое люди считаютъ свободнымъ и жалѣютъ. Ее надѣются утѣшить! Отъ мужского инстинкта Рене не укрылась ея заброшенность. Самая его проницательность оскорбила ее. Почувствовавъ себя униженной, она возмутилась и оживилась нервною веселостью.

— Поговоримъ лучше о васъ... Вы сдѣлались такъ скрытны, совсѣмъ не сообщаете мнѣ о своихъ побѣдахъ...

Онъ былъ очень радъ вопросу.

— Да у меня ихъ нѣтъ!.. У меня есть только вы, и Богъ свидѣтель, что это—весьма немного... Мысль о васъ исправила легкость моихъ нравовъ. Какъ я сказалъ, я — не добродѣтель. Да, моя добродѣтель доходитъ до комизма! А вы совсѣмъ не вознаграждаете ее!

Она отвѣтила съ недоувѣремъ:

— Если ваше поведеніе дѣйствительно столь безупречно, то я все же не вижу въ немъ геройства. За тѣ два года, какъ вы—увы!—свободны, вы утратили вкусъ къ легкимъ дѣвицамъ. „Мысль обо мнѣ“, которую вы пристегиваете къ столь двусмысленному предмету, ничуть не повинна въ этой вашей холодности. Самая ваша свобода отняла интересъ у вашихъ похощеній. Вы никогда не пылали неутолимыми страстями, а всегда пробавлялись мелкими интрижками. Вамъ нуженъ былъ обманъ, какъ приправа къ вашимъ приключеніямъ. Теперь, къ несчастью, вамъ некого обманывать, и интрижки васъ уже не прельщаютъ... Ахъ! вотъ что! Понимаю, зачѣмъ я вамъ нужна: меня интересно было бы искусно надувать! При этомъ условіи уличная жизнь получила бы для васъ новую прелесть!.. Не такъ ли?

Кодри не далъ ей отвѣта и выразилъ на лицѣ достоинство, стоящее выше всякихъ насмѣшекъ. Но его молчаніе еще болѣе подзадорило Женевьеву.

— Я, можетъ быть, ошибаюсь и ищу мудреныхъ объясненій для такой воздержности, когда она очень естественна въ человѣкѣ зрѣлыхъ лѣтъ...

Тутъ Рене Кодри разразился комическимъ гнѣвомъ.

— Этого я и ждалъ!.. Ну, назовите ужъ меня, кстати, развалиной... Но мы съ вами знакомы не со вчерашняго дня, и вы знали меня совсѣмъ молоденькимъ...

— Да, — сказала Женевьева, улыбнувшись его горячности,—но мнѣ вѣдь все равно, что я старѣюсь.

— Да и мнѣ все равно, чортъ подери!

Его грубость поразила его самого и положила конецъ его гнѣву.

Собесѣдники расхохотались отъ души, и это сблизило ихъ.

— Ну что жъ! Я втрое старше Керубина! Да и на что бы вамъ Керубинъ?

— Положимъ...

— Я душою моложе его. Внемлите премудрости, которая выражена устами одной дѣвушки у Травиеса, кажется, или у Гаварни. Онъ объясняетъ пріятельницѣ причину своего предпочтенія и говоритъ: „Да, но старики гораздо нѣжнѣе...“ Въ этой одной строчкѣ заключается весь смыслъ, и авторъ, очевидно, считалъ ее весьма язвительной. Мнѣ она кажется трогательной и вѣрной. Да, „они нѣжнѣе“! Я увѣренъ даже, что, задолго до превращенія своего въ дубъ, Филемонъ былъ весьма несносенъ. Я представляю себѣ, какъ онъ, въ юности, будучи хорошенькимъ и розовымъ эгоистомъ, обижалъ будущую липу. Впослѣдствіи, приблизительно въ мои лѣта, онъ совершенно исправился. Большая ошибка любить, еще не живши. Юноша живетъ мечтами и заставляетъ свой „предметъ“ осуществлять ихъ. Или же имѣетъ склонность къ мучительству, свойственную всѣмъ юнымъ животнымъ, желающимъ показать свою силу и поточить когти. А жизнь умѣряетъ нашу требовательность, учитъ насъ терпѣнію, скромности. Настаетъ день, когда все кажется неожиданнымъ счастьемъ. Тогда чувствуешь благодарность. Я, напимѣръ, увѣряю васъ, уподобился бы источнику признательныхъ слезъ...

— Тема для римской преміи... отдѣлъ скульптуры!..

— Вы только шутите, а не разсуждаете. Странное дѣло: разсуждаютъ всегда только легкомысленные мужчины или... некрасивыя женщины! Хорошенькую женщину не заставишь слѣдить за читью своихъ мыслей...

— Нѣтъ, нѣтъ! Я буду слѣдить за нитью...

— Такъ вотъ: что является грознымъ, мучительнымъ вопросомъ для молодой и пылкой парочки? Несомнѣнно: будущее. Проживутъ ли они жизнь, не переставши быть любимыми? Если бы вы пожелали, раньше или хоть теперь, вы никогда не узнали бы этой тревоги. Очень красивая и довольно серьезная дѣвочка, когда-то танцовавшая на вечерахъ у Пеллера, морщила свой гладкій лобикъ, стараясь предвидѣть, что будетъ завтра, послѣзавтра... Позвольте мнѣ позабыть, что не ради меня вы вопрошали будущее. Каждому позволительно прикрашивать свои воспоминанія и даже мысленно становиться на чужое мѣсто. Вы, вѣроятно, думали такъ: „По прошествіи многихъ лѣтъ, будетъ ли онъ еще любить меня?“... Нѣтъ, рѣчь шла не обо мнѣ... Но вообразимъ себѣ, будто бы... Ну, такъ вотъ! Теперь какъ разъ „прошло уже много лѣтъ“. А я не измѣнился. Если я не стою передъ вами на колѣняхъ, то изъ мѣщанскаго страха показаться смѣшнымъ; но я былъ бы безконечно счастливъ у вашихъ ногъ. Я не измѣнился, хотя и пережилъ всѣ эти годы, годы опасности, легкомыслія...

— Самое трудное уже позади!—успокоительно сказала Женевьева.

— Самое приятное еще может предстоять намь...

— Вы очень любезны... Только я удивляюсь, Кодри, какъ это вы, обладая здравымъ смысломъ, давно уже не выяснили себѣ причину тѣхъ вашихъ чувствъ, которыя вамъ кажутся неизмѣнными. Однако, дѣло ясно, даже и для ребенка! Вамъ хочется иногда,—ну, скажемъ, пожалуй: *всегда*—достичь того, чего вы никогда не могли добиться. „Составь я ваше счастье“ пятнадцать лѣтъ назадъ или полгода назадъ, вы ужь успѣли бы имъ пресытиться и отвернулись бы отъ меня. Слѣдовательно,—примите столь лестное для васъ объяснение,—я вамъ не болѣе, какъ пріятельница, съ тѣмъ чтобы навсегда остаться таковою. Я стремлюсь увѣковѣчить нашу дружбу. Это мило?

— Это нелѣпо! Какъ вамъ не стыдно повторять такую старую чепуху: „Любовь убиваетъ дружбу!“ Вотъ она—программа на римскую премію! Да напротивъ: любовь укрѣпляетъ дружбу. Я себѣ представляю, какими стали бы мы съ вами черезъ четверть вѣка: солидными, сѣдыми, почтенными, вѣрными другъ другу, богатыми общими воспоминаніями... А потомъ я превратился бы въ дубъ!

Г-жа Телье улыбнулась его упорству.

— Не сомнѣваюсь въ этомъ, Рене; но ради чего?

— Какъ: ради чего?

— Ну да! Стремись къ тому, чего не знаешь; а вы знаете меня слишкомъ хорошо.

Онъ вздохнулъ:

— Ахъ! Какъ бы мнѣ этого хотѣлось!

Въ этомъ восклицаніи было столько грусти съ отгѣнкомъ чего-то и жаднаго, и пламеннаго, и жалкаго, что Женевьева была тронута. Она попросила у Кодри прощенія за свои насмѣшки и, пожалуй, за нѣкоторое кокетство. Она смѣялась надъ нимъ напрасно. Онъ стоилъ того, чтобы ему объяснить причины ея неисправимой вѣрности супружескому долгу.

— Подумайте, Рене: въ Парижѣ и въ наше время все возможно. Захоти я развлеченій, то нашла бы себѣ и развлекателей. И васъ я не заставила бы ждать до нынѣшняго дня. Къ несчастью для васъ, я никогда не подвергалась искушенію, и по причинѣ, которую сообщу вамъ, если вы этого желаете... Но знаете ли, что удержало бы меня, будь я даже доступна соблазнамъ? Не мысль о сынѣ и о его молчаливомъ осужденіи въ будущемъ. Нѣтъ. Меня остановило бы опасеніе весьма низкопробное: страхъ потерять положеніе въ обществѣ, съ которымъ я ни за что на свѣтѣ

не хотѣла бы разстаться. Я по природѣ осторожна, даже труслива...

Кодри не могъ постичь, о какой потерѣ положенія она говоритъ. Онъ видался съ десятью любовницами выдающихся людей, и эти дамы до послѣдняго издыханія были окружены почтеніемъ, страхомъ, лестью... Но онъ не сталъ перебивать Женевьеву, которая вслухъ анализировала себя передъ нимъ:

— Кромѣ того, не слѣдуетъ считать меня ужъ черезчуръ добродѣтельной. Заслуга состоитъ въ побѣдѣ надъ собою, а мнѣ не пришлось испытать и борьбы. „Больше нервовъ, чѣмъ темперамента“—говорилъ обо мнѣ Францискъ де-Нуайель, у котораго—царствіе ему небесное!—не было, кажется, ни нервовъ, ни темперамента. Не скрою отъ васъ, Кодри, что мало ли какія мысли могли приходиться мнѣ въ голову: чего-чего не придумаютъ женщины въ тѣ вечера, когда чувствуютъ себя недостаточно счастливыми! Тѣ, которыя стали бы отрицать это, или забыли, или лгутъ. Да, во мнѣ могла зародиться мысль, но никогда не могло возникнуть желаніе... Во-первыхъ, для любви надо быть вдвоемъ...

— По меньшей мѣрѣ!—подтвердилъ Кодри.

— Но какъ можно довѣриться своему избраннику? Я слишкомъ трезво смотрю на вещи, чтобы повѣрить—и такъ далѣе...—въ любовь ближняго, даже когда онъ самъ считаетъ ее искренней... Не жалуйтесь на неудачу: я была бы для васъ нестерпимой подругой. Мнѣ чуждо ослѣпленіе. Можетъ быть, выгоднѣе, и даже умнѣе закрывать глаза: во-первыхъ, удобнѣе щегольнуть рѣсницами!.. Но, право, я бы не сумѣла... Ну! а держать ихъ открытыми и видѣть всю тщету и низость погони за наслажденіемъ—развѣ недостаточно этого, чтобы оставаться чистой, высокой, неприступной „Jungfrau“?.. Впрочемъ, если при помощи иныхъ возврѣній другія женщины достигли счастья, то поздравляю ихъ совершенно серьезно. Можетъ быть, иногда я даже имъ завидую. Но, сказать по совѣсти, я не понимаю ихъ. Какъ это онѣ ухитряются? Любить, значить, отдаться всецѣло, дать себя увлечь. Какимъ же это образомъ берутъ себя назадъ?

Кодри глядѣлъ на Женевьеву Телье съ безграничнымъ и комическимъ почтеніемъ.

— Просто ужасъ, какъ вы добродѣтельны!.. Просто ужасъ! Въ такомъ градусѣ это уже не добродѣтель, а эксцентричность, злонамѣренность. Вы точно нарочно дѣлаете мнѣ на зло... Васъ уважаютъ; но любятъ ли васъ?.. Меня же любятъ вездѣ понемножку, хотя уважаютъ не особенно... потому что сердце у меня осталось молодымъ и ищетъ забвенія печалей... Это все вы, одна вы виноваты... Меня ставятъ ни во что и

въ Палатѣ, и въ балетѣ. Я былъ неглулъ. Изъ меня могло бы что-нибудь выйти, если бы вліяніе любящаго существа упорядочило мою жизнь. Вы восполнили бы во мнѣ недостатокъ серьезности...

— Курьезъ!—подумала г-жа Телье.—Мужчины цѣнятъ въ своихъ возлюбленныхъ тѣ качества, которыхъ вовсе не цѣнятъ или презираютъ въ женахъ...

— И я, наконецъ, могъ бы любить, не дѣлая глупостей!

— Благодарю,—сказала Женевьева.

— А я вовсе не благодарю васъ,—отвѣтилъ Кодри.—И пусть васъ грызаетъ совѣсть: знайте, что это вы толкаете меня обратно въ пучину порока!.. Вотъ ужъ, въ самомъ дѣлѣ, мнѣ не везетъ...—Вдругъ онъ спохватился:

— А почему вы были „недоступны соблазнамъ“? Что это за „причина“, о которой вы хотѣли мнѣ сообщить?

— Какъ вамъ сказать?.. Это всегда неприятно выслушивать... тому, кого оно не касается. Но вы—не злой человѣкъ и имѣете право знать истину. Дѣло вотъ въ чемъ: я влюблена въ моего мужа. Не сомнѣвайтесь въ этомъ и не тратьте даромъ вашего краснорѣчія.

Кодри ходилъ взадъ и впередъ и выражалъ свою досаду:

— Только и счастья было бы, что съ этой добродѣтельной женщиной, а она какъ разъ отказываетъ въ немъ подъ тѣмъ безсмысленнымъ предлогомъ, что добродѣтельна!

Его непритворно-безцеремонная настойчивость забавляла г-жу Телье:

— Будьте счастливы вотъ чѣмъ: если бы я никого не любила, если бы я была свободна и, кромѣ васъ, имѣла бы поклонниковъ, то отдала бы предпочтеніе вамъ!

— Да!.. „Если бы я танцевала, то отдала бы вамъ первый вальсъ...“ Это можно говорить и всѣмъ.

— Ахъ, Кодри! для поклонника вы ужъ становитесь недостаточно любезнымъ!

Звонокъ увѣдомилъ о посѣтителѣ. Вошелъ г. Фелисьенъ Коссе. Кодри поступилъ, по обыкновенію, легкомысленно: у мужа Коссетъ онъ освѣдомился, какого тотъ мнѣнія о женщинахъ, безчувственныхъ ко внушенной ими же любви.

— Это—гордячки,—отвѣтилъ г. Коссе, извѣстный своею начитанностью.—Это, въ маленькомъ масштабѣ, копія съ маркизы де-Куаньи.

— Де-Куаньи?

— Ну, да! Герцогъ де-Лозенъ всячески убѣждалъ маркизу не ограничиваться подаваніемъ ему надежды. Но она отвѣтила совершенно прямо: „Ни за что! Взять любовника это—все равно, что отречься отъ престола“.

Въ то время, какъ рассказчикъ направлялся къ коробкѣ

конфетъ, Женевьева сдѣлала нѣсколько шаговъ вмѣстѣ съ Кодри, провожая послѣдняго.

— Милѣйшій другъ, знай я отвѣтъ маркизы, я избавила бы васъ отъ долгихъ разговоровъ.

— О! ничего не значить! Я вообще люблю васъ слушать...

II.

Г-жѣ Телье до мигрени надоѣла обстановка ея комнаты, листа и трубы на панеляхъ, терракотовый фавнъ съ неизмѣнной сладострастной гримасой. Она чувствовала себя достаточно бодрой, чтобы прогуляться, не боясь утомленія. Неврастенія, не найдя почвы въ ея крѣпкомъ организмѣ, уже проходила.

Болѣзнь эта была слѣдствіемъ волненія, пережитого ею въ тѣ дни, когда Альберъ слегъ въ постель, страдая лихорадкой и какими-то странными болями. Бруте, Башеленъ, Фисжанъ у постели товарища не стали притворяться всезнайками. Противорѣчивые симптомы указывали не то на тифъ, не то на желудочный катарръ. За больнымъ слѣдили, ничѣмъ его не пичкая, и, по истеченіи двухъ недѣль, все недомоганіе исчезло съ такою же странною внезапностью, съ какою появилось. Поразмысливъ, и доктора, и самъ Телье пришли къ заключенію, что у него была гастрическая лихорадка, послѣ чего всѣ о ней и забыли. Но Женевьева, проведя столько дней и ночей безъ сна и въ тревогѣ, наполовину посдѣла и ощущала какую-то усталость нервовъ и мозга. Ей необходимо было нѣсколько недѣль покоя, чтобы поправиться отъ своей протраціи. Когда Кодри навѣстилъ ее, она обратила его вниманіе на то, какъ она постарѣла, и напомнила ему о разговорѣ, который вела съ нимъ три мѣсяца назадъ, когда такъ вѣрно предрекла, что скоро будетъ „великолѣпнѣйшей бабушкой“...

— Да полно вамъ!.. Къ вамъ очень идутъ эти бѣлыя отмѣтинки въ темныхъ кудряхъ... Вотъ это такъ любовь! Со мною могъ бы сдѣлаться и тифъ, и катарръ одновременно, и вы очень любезно соболѣзновали бы, но ни одинъ волосокъ вашъ не побѣлѣлъ бы! Ахъ! Ужъ когда вы любите, то это не на шутку!

— Должно быть, не такъ, какъ вы!..

Еще приходили и г-жа Бруте, и г-жа Пеллера; но чтобы дать Женевьевѣ полный отдыхъ, ей на нѣсколько дней запретили принимать гостей.

Одна, лежа на кушеткѣ, она скучала. Юнаго Мишеля не было дома: онъ держалъ экзамены. Что касается Альбера,

то его вновь поглотили дѣла, т. е. онъ ни одного часа не бывалъ дома ранѣе вечера. Кромѣ сената, „коллегіи“ и академіи, онъ еще участвовалъ въ безчисленныхъ комиссіяхъ. Кабинетъ его по цѣлымъ днямъ бывалъ пустъ. Въ немъ расположилась Женевьева, движимая желаніемъ смотрѣть на другія стѣны и избавиться отъ терракотоваго фавна.

Она перебрала бумаги мужа. Тутъ оказался въ гранкахъ циркуляръ: „Къ господамъ сенаторскимъ избирателямъ“, котораго Альберъ не показывалъ ей въ рукописи. Написанный въ виду приближавшихся выборовъ, циркуляръ имѣлъ лишь мѣстный интересъ. Докторъ Телье кратко упоминалъ въ немъ о законѣ по общественной гигиенѣ, который уже прошелъ въ палатѣ и былъ переданъ въ сенатъ.

За то онъ подробнѣе распространялся на темы, болѣе пріятныя его согражданамъ: по случаю неурожая, онъ добился отмѣны нѣкоторыхъ налоговъ и потребовалъ, чтобы поспѣшили разсмотрѣніемъ различныхъ проектовъ узкоколейныхъ дорогъ, имѣвшихъ значеніе для той мѣстности.

Г-жа Телье про себя рѣшила наблюсти, чтобы онъ не забросилъ другихъ своихъ дѣлъ, болѣе общегосударственнаго и широкаго значенія.

Рядомъ съ циркуляромъ, она нашла письмо Прата, ихъ избирателя и добраго знакомаго. Этотъ ветеринаръ совѣтывалъ разослать новымъ делегатамъ, только что вступившимъ въ коллегію для выбора сенаторовъ, по экземпляру „Излѣчимой чахотки“. „Отвѣтить“ было помѣчено Альберомъ на углу этой записки. Жена вознамѣрилась избавить его отъ этой скучной обязанности, схватила листокъ и написала нѣсколько благодарственныхъ фразъ.

Вернувшійся Телье засталъ ее за этой работой.

— Что ты дѣлаешь? Ты перерыла мои бумаги?..

— Я ничего не перерыла, другъ мой: я отвѣчаю Прату.

— Не трудись... Мнѣ нужно многое написать ему...

Г-жа Телье молча разорвала начатое письмо пополамъ, потомъ на четыре части, потомъ на восемь, шестнадцать, все мельче и мельче, пока бумага не перестала рваться.

— Ты совершенно правъ. Отвѣчай Прату самъ. Пиши самъ всѣмъ ветеринарамъ...

Альберъ не откликнулся. Онъ сѣлъ за столъ и принялся писать своимъ избирателямъ. Женевьева, сидя въ креслѣ, смотрѣла, какъ двигалось его перо. Четверть часа спустя, предполагая, что въ ней улеглось раздраженіе, вызванное его неловкой фразой, и желая развлечь ее, онъ протянулъ ей пробную карточку своихъ портретовъ, которые предназначались къ разсылкѣ при циркулярѣ г.г. сенаторскимъ избирателямъ.

Она посмотрѣла на фотографію. Она вышла похожей. Подъ просѣдью аккуратно причесанныхъ волосъ, подъ густыми, торчащими бровями, лицо уже не оживлялось прежней, слегка напоминавшей негра, улыбкой, и сомкнуты были толстоватыя губы этого рта, и раньше не бывшаго болтливымъ, а теперь ставшаго почти безмолвнымъ. Крутой загибъ усовъ сопровождался съ обѣихъ сторонъ глубокими слегка дугообразными морщинами, которыя доходили до нижней челюсти, солидно подпертой стоячимъ воротникомъ. Одеждою служилъ застегнутый сюртукъ. Все вмѣстѣ представляло внѣшность особы значительной, слегка очерствѣвшей, могущей отстоять свое положеніе отъ враговъ, которымъ не легко достанется побѣда. Только въ глазахъ еще просвѣчивалъ легкій, добродушный скептицизмъ. Но общій видъ былъ важный, сенаторскій, назидательный и самодовольный; поза была готова для бронзоваго бюста по заказу потомства. Перемѣнъ уже не предвидѣлось. Возраженія или критика не только не поколебали бы теперь его самоувѣренности, но еще укрѣпили бы ее. Г-жа Телье, сравнивая снимокъ съ оригиналомъ, должна была признать, что тотъ обликъ Альбера, который вполне опредѣлился сравнительно недавно, или который до сихъ поръ былъ мало замѣченъ ею, но которому суждено уже остаться неизмѣннымъ, переданъ точно. Къ пятидесяти годамъ, — возрасту, такъ сказать, критическому, — въ линіяхъ тѣла и лица окончательно отпечатлѣвались отличительныя черты вполне установившагося склада души...

Ничто не нарушало его спокойствія, пока онъ продолжалъ писать ветеринарамъ окрестностей Малагетты. Онъ не поднималъ глазъ съ бумаги. Такая сосредоточенность звала нетерпѣніе въ Женевѣ.

— Ты долго еще будешь писать?

— Да.

— Скажи по совѣсти: неужели ты не могъ бы поручить мнѣ написать эти письма, которыя отнимаютъ у тебя время, нужное для болѣе интересныхъ работъ, тогда какъ я написала бы ихъ, шутя?..

— Не позволишь ли ты мнѣ самому распредѣлять мои занятія?

Слезы досады подступили къ глазамъ Женевьевы. Онъ замѣтилъ это и отложилъ перо.

— Ради Бога, если ты больна, или если я тебя обидѣлъ, скажи, но не изводи меня этими слезами, этими умалчиваніями, смѣхомъ, нервничаньемъ... Тебя не поймешь... Ну, что съ тобой?

— Мнѣ...

Она хотѣла отвѣтить: „мнѣ очень горько“; но какой-то

стыдъ помѣшалъ ей это сказать. Альберъ же авторитетно докончилъ за нее:

— Я тебѣ скажу, въ чемъ дѣло. Съ тобою то, что ты—женщина, т. е. существо очаровательное и непостоянное, нѣсколько неувѣренное въ собственныхъ желаніяхъ и, поэтому, неудовлетворенное... Ты не чувствуешь благодарности къ судьбѣ. У тебя какія-то странныя претензіи непонятой женщины. Я иногда недоумѣваю, проявляется ли въ тебѣ запоздалая сентиментальность, или что-то другое. Спрошу не безъ гордости: развѣ у насъ есть причины жаловаться?..

Каждое слово Альбера доказывало Женевьевѣ такое полное непониманіе ея мученій, что она порадовалась своей сдержанности, не допустившей ее до изліяній. Она притворилась повеселѣвшей.

— Твоя правда; извини меня. Конечно, это съ моей стороны глупо. Безъ сомнѣнія, еще нервы не совсѣмъ въ порядкѣ...

— Безъ сомнѣнія... Будь умницей и поди къ себѣ: прилягъ до обѣда.

Онъ былъ радъ, что наступило затишье и разсѣялась собиравшаяся гроза. Къ нему вернулся спокойный и покровительственный тонъ.

— Поспи часокъ—другой, пока я буду занятъ.

Чѣмъ идти въ свою пустую комнату, она предпочла лечь на кожаный диванъ тутъ же, въ кабинетѣ Альбера. Она обѣщала ему, что уснетъ. Во всякомъ случаѣ, она закрыла глаза и стала смотрѣть вглубь собственной души.

. . . Не было ли въ ея прошломъ ошибки, давнишняго невѣрнаго поворота стрѣлки, послѣ котораго поѣздъ ея жизни все болѣе уклонялся съ намѣченнаго заранѣе пути?.. Но гдѣ же и когда она такъ провинилась?.. Она перебрала самыя раннія свои воспоминанія: вновь увидѣла себя дѣвушкой, слишкомъ рано потерявшей мать, чуждой легкомысля, но и мудро воспитанной отцомъ, который подавалъ ей примѣръ порядочности и питалъ ея умъ полезнымъ чтеніемъ. Больше всякихъ наставленій собственный характеръ склонялъ ее къ тому, чтобы не отдѣлять понятія о долгѣ отъ понятія о счастьѣ. Исполненіе долга даетъ счастье. Овладевъшая ею любовь не измѣнила этого убѣжденія, а лишь усилила его. Принятая ею на себя обязательства совершенно сливались съ осуществленіемъ ея грезъ о счастьѣ. Впослѣдствіи, когда ей пришлось испытать огорченія, она имъ не удивилась, а поняла, что могла бы ихъ предвидѣть. Развѣ она и мужъ не вступили въ бракъ безъ всякихъ иныхъ цѣлей, кромѣ наслажденія жизнью? Сама по себѣ, Женевьева удовлетворилась бы этимъ; но мужчина не можетъ быть

вѣчно доволенъ такимъ времяпрепровожденіемъ. Все, что она любила въ немъ, за что предпочла его прочимъ,—прямота сужденій, утонченность въ обращеніи, свобода ума, чуждаго чванства, особенно же—большая даровитость натуры,—все это требовало для своего примѣненія иной дѣятельности, нежели созерцаніе собственной супруги. Его первыя нетерпѣливыя вспышки, ея первыя приступы досады были естественны у людей праздныхъ, не имѣвшихъ общаго дѣла. За то, что они не подумали о долгѣ, они рисковали упустить свое счастье... Она не имѣла глупости воображать, будто можно занять мысли человѣка и удержать его любовь поцѣлуями, мелкими услугами, заботой о столѣ, баловствомъ. Это только расслабляетъ мужей, и они уходятъ изъ дому подбодряться. Женевьева вспоминала, что она съ рѣшимостью и энергіею принялась облагораживать жизнь любимаго человѣка. Эту энергію ей хотѣлось перелить въ него. Она не уважала небрежныхъ диллетантовъ и восхищалась лишь такою дѣятельностью, которою человѣкъ проявляетъ себя за предѣлами собственной личности. Способность достигнуть этого она цѣнила во всѣхъ, но выше всего ставила ее въ ученыхъ и художникахъ. Въ ея глазахъ являлось существеннымъ: лишь дѣйствовать, производить, творить. Задача эта была трудна, но вела къ здоровью и славѣ. Она не боялась труда для любимаго человѣка. Ни одна жена не сумѣла бы оказать такой поддержки, какую чувствовала себя способною оказать она... Не изложила ли она въ то время въ письмахъ къ крестному тѣ мотивы, которые побуждали ее вызывать стремленіе къ дѣятельности въ Альбертѣ? Но она указала тогда лишь на ближайшія и непосредственныя причины. Никому не высказала она своей мечты: исполнить предназначеніе супруговъ; достигнуть тѣхъ вершинъ, куда два существа, солидарныя въ трудахъ, одушевленные равнымъ усердіемъ, возносятся вмѣстѣ, чтобы тамъ слиться воедино. Женевьева помнила тѣ вечера, когда, сквозь призму энтузіазма, она видѣла въ своей миссіи нѣчто божественное. Полагая, сообразно своимъ понятіямъ о нравственности, что испытываемое счастье неразлучно съ дѣлаемымъ добромъ, она считала, что, по всей справедливости, должна будетъ получить награду и предвкушала ее. Въ своей проницательности, она разсмотрѣла всѣ слабости Альбера: нѣкоторое непостоянство вкусовъ, слегка лѣнивое благодушіе, съ которымъ онъ любилъ скрывать свои заслуги, и, наконецъ, тотъ очаровательный эгоизмъ, который позволяетъ причинять ближнимъ страданія, не утрачивая ихъ любви. Но если въ этомъ человѣкѣ развитъ присущія ему добродѣтели, то тѣмъ самымъ уничтожатся эти мелкіе недостатки. Когда душа возвышается,

то, на вновь достигнутой ступени совершенства она приобретает снисходительность, чистоту, благосклонность къ ближнимъ, или хотъ справедливость. Думая такъ, Женевьева не сомнѣвалась, что, съ развитіемъ этихъ качествъ, будетъ отдано должное и ей.

Исцѣлить отъ эгоизма нельзя, но его можно превратить въ стремленіе къ идеалу; она воображала себѣ, что и ея личность будетъ включена въ сферу этого эгоизма, когда онъ расширится, облагородится, возвысится...

...Для осуществленія этой дивной мечты, въ которой она едва осмѣливалась вполне сознаваться даже самой себѣ, она прибѣгла не къ просьбамъ или совѣтамъ, которые всегда надоедливы и не даютъ результатовъ; но съ ловкостью, почти достойною названія коварства, она ухитрилась доставить ему, за нѣкоторыя уже исполненныя работы, удовольствіе получить нѣсколько наградъ, выгодъ, отличій. Этимъ имѣлось въ виду только поощрить его къ болѣе серьезнымъ трудамъ, за которые лучшею наградою является гордое сознаніе ихъ совершенія. Это была благонамѣренная хитрость. Альберъ не могъ оказаться неудачникомъ: онъ былъ уже оцѣненъ своими наставниками, и Женевьева знала, что онъ вообще даровитъ и уменъ. Но она знала и то, что онъ безпеченъ, и что не мѣшаетъ раззадорить его блескомъ кое-какихъ почестей...

...Въ этомъ и заключалось все ея коварство. Женевьева въ немъ не раскаивалась. Она искренно вопрошала свою совѣсть: голосъ, которому она тогда повиновалась, не нашептывалъ ей ничего мелочнаго или низменнаго. Она только желала обогатить Альбера тѣмъ даромъ, который въ себѣ считала наилучшимъ и драгоцѣннѣйшимъ: она хотѣла воодушевить его своею энергіею. Ей показалось бы смѣшнымъ вложить свой пылъ и свое рвеніе въ какую-нибудь личную работу, подобно тщеславнымъ феминисткамъ. Но ея экзальтированное воображеніе олицетворяло ея собственную личность въ образѣ любимаго супруга; въ немъ она переживала свои яркія надежды, чувствуя, какъ его способность къ труду будетъ подчинена твердой, настойчивой волѣ, предвидя обширные планы, безкорыстные подвиги...

...Ослѣпительный миражъ будущаго не отнималъ у нея, однако, умѣнія видѣть ближайшія задачи. Она рѣшила, что Альберъ не долженъ терять времени на прозябаніе въ неизвѣстности. Тамъ и сямъ ей пришлось слышать сѣтованія на тему, какъ трудно бываетъ таланту преодолѣть равнодушіе публики, и что это нерѣдко приводитъ къ полному унынію. Но эти бѣды могутъ быть предотвращены дипломатической ловкостью внимательной жены. Она вознамѣрилась доставить мужу ту санкцію общественнаго

мнѣнія, которая ободряетъ труженика и дѣлаетъ его смѣлѣе. Утомившись въ пути, онъ найдетъ мѣсто привала украшеннымъ цвѣтами. Особенно первые шаги его будутъ похожи на прогулку...

...Да, безо всякой задней мысли, она великодушно посвятила себя сотрудничеству. Но развѣ не справедливо было ждать себѣ за это счастья? Такъ какъ она не отдѣляла долга отъ влеченія любви, то почему бы ея предусмотрительность не могла пойти на пользу именно ея любви? Не развѣ ей случалось замѣчать, что усиленная дѣятельность мужа можетъ погасить любовь, такъ же какъ и праздность. Она видала людей науки и дѣльцовъ, приносившихъ вечеромъ домой, изъ лабораторіи, съ биржи или изъ мастерской, послѣ истощающаго трудового дня, лишь утомленіе и торопливое стремленіе къ отдыху. Будучи въ наилучшемъ настроеніи они дарили разсѣянной лаской женъ, дѣтей, кошекъ, одинаково служившихъ имъ развлеченіемъ... Женевьева не намѣрена была играть роль игрушки. Взявъ на себя роль довѣреннаго лица и помощницы, она рассчитывала избавиться отъ страшной для любящаго сердца муки, заключающейся въ недостаточномъ знаніи любимаго человѣка, его тайныхъ радостей, его скрытыхъ печалей. Она съ увѣренностью полагала, что всѣ заботы, которыя омрачаютъ это чело, будутъ ей извѣстны, ибо возникнутъ по ея желанію, изъ посѣянныхъ ею же сѣмянъ...

Женевьеву Телье отвлекли отъ ея размышленій слова, которыя пробормотала Альберъ:

— Постараюсь помирить Колонна съ Пратомъ...

Г-жѣ Телье не было извѣстно о ихъ ссорѣ. Она освѣдомилась о ея поводѣ.

Вопросъ этотъ какъ будто удивилъ Телье:

— Но почему ихъ ссора можетъ интересовать тебя?..

Онъ возвысилъ голосъ, выражая насмѣшливое изумленіе. Женевьева отвѣтила:

— Даю тебѣ слово, что мнѣ до нихъ нѣтъ дѣла!..

На самомъ дѣлѣ, ей ничуть не любопытны были пререканія обоихъ ветеринаровъ. Она возмущалась только противъ тайны, въ которую облакала это обстоятельство ея мужъ. Онъ мало-по-малу усвоилъ привычку отстранять ее отъ всего, — очень мило, вѣжливо, любезно, съ едва замѣтнымъ отѣнкомъ ироніи. Ласковою, какъ бы отеческою рукою онъ отводилъ ее, точно мѣшающаго ребенка, на мѣсто, на ея диванъ, гдѣ она могла спать, такъ какъ вѣдь онъ работалъ! Она не такъ была проста, чтобы принять эту заботливость за чистую монету. Въ былыя времена онъ какъ будто замѣчалъ, что она отдаетъ ему всю свою жизнь. Теперь же его благо-

дарность и даже справедливость парализовались ревностью: нервной, завистливой ревностью выдающегося человѣка, который превращаетъ завоеванное имъ положеніе какъ бы въ крѣпость и отстаиваетъ эту крѣпость отъ вторженія всякаго посторонняго, особенно же отъ собственной жены. Выходило, что какъ будто онъ подозрѣваетъ ее въ намѣреніи потребовать свою долю изъ получаемыхъ имъ почестей; какъ будто онъ отъ нея отгораживается, не желая ничѣмъ дѣлиться, и хочетъ поставить ее на нѣкоторое отъ себя разстояніе...

Теперь Женеваева ясно поняла свою бѣду. Вотъ въ чемъ ея надежды и возвышенныя стремленія оказались неосновательными: сбита съ толку софизмами любви, она отоже- ствила развитіе ума съ усовершенствованіемъ сердца. Первая часть ея желаній осуществилась: она дала толчекъ его спавшимъ дарованіямъ и привела его къ извѣстности. Благодаря ея усердію, въ немъ была какъ бы заведена какая-то рабочая пружина, которая уже не переставала дѣйствовать. Она хотѣла имѣть подлѣ себя творческую силу. Это исполнилось. Ей можно было восхищаться любимымъ человѣкомъ, какъ дѣятелемъ. Время отъ времени, ей хотѣлось сдѣлать ему то или другое замѣчаніе; но она не рѣшалась, напри- мѣръ, укорить его и въ томъ, что онъ бросилъ клиническіе труды ради законодательства, изъ-за нетерпѣливаго желанія, чтобы сенаторы превозносили его за ученость, а врачи благоговѣли, какъ передъ государственнымъ мужемъ. Ему, пожалуй, черезчуръ нравилась показная сторона высокаго положенія, публичныя рѣчи, оваціи... Нѣкогда Женеваевѣ казалось, что легкія дѣла ему скучны, потому что требуютъ слишкомъ мало усилій, и что поэтому онъ ихъ бросаетъ, чтобы приняться за новыя. Теперь она склонна была думать, что непостоянство ума заставляетъ его съ удоволь- ствіемъ мѣнять привычный трудъ на какой-нибудь иной.. Но что за дѣло было Женеваевѣ до причудъ его гибкой природы? Наконецъ, говоря откровенно, на что ей нужны были его дарованія и успѣхи? Любовь побуждала ее желать ему всяческихъ удачъ. Юный пылъ рисовалъ ей ея героя, очи- щеннаго тою жизнью, которую она для него создавала. Же- неваева рада была исполнять свой долгъ, думая, что тѣмъ самымъ создаетъ и свое счастье. Теперь ея прояснившемуся взору была ясна ея ошибка.

...Ахъ! теперь она ужъ и не думала восторгаться заслу- гами мужа. Въ эту минуту ея измученная душа предпочла бы видѣть его посредственностью, человѣкомъ простымъ, ограниченнымъ, но открытымъ и добросердечнымъ. Увы! Недовѣрчивость ея возвысившагося товарища оттѣсняла все дальше ее, какъ сотрудницу. Предпріятіе не оказалось

карточнымъ домикомъ: возведенное ею зданіе возвышалось передъ нею съ грозною ироніей. Она выстроила между собою и мужемъ прочную и неразрушимую стѣну мужскаго тщеславія. Подъ прикрытіемъ этой стѣны, онъ уединялся отъ нея. Онъ работалъ одинъ, а свободныхъ часовъ не имѣлъ вовсе. Теперь, ничего не выигравъ отъ такой напряженности его труда, она жалѣла о той порѣ, когда свободные часы у него бывали. Даже при полной праздности, онъ, вѣроятно, хотъ отъ скуки, иногда отвѣчалъ бы на ея любовь кое-какими выраженіями нѣжности. Женевѣва, молча мучась однѣми и тѣми же неотступными мыслями, повторяла про себя все тѣ же слова: у него нѣтъ свободнаго времени... А заботы о женѣ у него тоже никогда не было... Что же остается ей, когда ей нѣтъ мѣста ни въ отдыхѣ, ни въ заботахъ любимаго человѣка..

Женевѣва лежала на кожаномъ диванѣ лицомъ къ стѣнѣ. По щекамъ ея текли слезы: она оплакивала свою ошибку. Тѣмъ не менѣе, она мурлыкала пѣсенку, желая избѣжать объясненія, семейной сцены, совершенно бесполезной. Кромѣ того, огорченіе не убило въ ней любви, и ей слишкомъ хотѣлось нравиться мужу, чтобы не постараться скрыть отъ него уродующую лицо слезливую гримасу. Ея нѣжная заботливость о немъ пугалась при мысли, что его могли бы опечалить ея громкія рыданія. И, наконецъ, къ чему привели бы ея изліянія? Подавъ ей милостыню въ видѣ нѣжныхъ ласкъ, онъ попросилъ бы ее дать ему дописать письмо къ Колонну! Вѣдь онъ совершенно искренно не пойметъ: „какого чорта ей еще нужно“. И добродушно-наивное пожатіе его плечъ будетъ имѣть приблизительно слѣдующее значеніе: „Развѣ у меня нѣтъ всего, что нужно для нашего счастья?..“

III.

— Это выйдетъ прелестно!—увѣряла г-жа Пеллера.—Даже имя и фамилія такія подходящія: „Симона Деэ“. Съ обѣихъ сторонъ я вижу полное соотвѣтствіе: наружность недурная, возрастъ подходящий, семейное положеніе—тоже, и характеры, которымъ суждено дополнять другъ друга, такъ какъ дѣвочка скромна и кротка, какъ овечка, а у вашего Деэ твердости хватить на двоихъ. По словамъ Телье, практика приноситъ ему не менѣе дохода, чѣмъ ей—ея приданое: г-жа Броунъ даетъ за нею полмилліона банковыми билетами. Тряпокъ ей надѣлаютъ множество, потому что маменька считаетъ хорошее бѣлье признакомъ респектабельности. На-

конецъ, добыть ему орденъ мы, вдвоемъ-то, ужъ ухитримся... Г-жа Браунъ, какъ неглупая особа, навела множество справокъ, и свѣдѣнія получились благопріятныя, еще лучшія, чѣмъ она даетъ понять: она колеблется притворно, чтобы прилично скрыть отступленіе, если бы молодой человѣкъ отклонилъ ея авансы. Но она будетъ въ восторгѣ, если дѣло устроится; я въ этомъ увѣрена и не безъ основаній: вы вѣдь не хуже меня знаете, насколько она прямолинейна въ своихъ воззрѣніяхъ и насколько консервативна въ политикѣ? Но съ тѣхъ поръ, какъ ей стало извѣстно, что г. Деэ—отецъ, не взирая на то, что онъ теперь предсѣдатель отдѣленія Государственнаго Совѣта, въ молодости стрѣлялъ въ версальцевъ, ея политическая вѣротерпимость до странности возрасла. На дняхъ она даже заговорила о „правѣ на возстаніе“... Добрый знакъ... Что скажете, милая Женевьева?

Г-жа Телье улыбулась этому замѣчанію, а, главнымъ образомъ, тому веселю, которымъ сіяла г-жа Пеллера, замышляя сватовство. Послѣдняя продолжала:

— У васъ сегодня гости, и, вѣроятно, будутъ всѣ наши кавалеры. Такъ не плошайте же. Возьмите Деэ и обработайте его... Да не забудьте побранить, и отъ своего, и отъ моего имени, Кодри за то, что онъ такъ медлитъ. Скажите ему, что мы пожалѣемъ, что назначили его министромъ вѣроисповѣданій, если онъ не дастъ епархіи нашему аббату! Во Фрежу катедра свободна: мы хотимъ, чтобы Симону Броунъ вѣнчалъ епископъ Компаньонъ... Это будетъ мило, неправда ли?.. И превесело...

Женевьева пообѣщала ничего не забыть. Г-жа Пеллера сказала ей, провожая по салонамъ Малаго Люксамбурга:

— Зайдите же поцѣловать вашего пріятеля...

Президентъ Сената только что разгадалъ свой тысячный ребусъ. Этою цифрою онъ рѣшилъ ограничить свои труды и впредь уже не заглядывать въ „Иллюстрацію“. Доктора совѣтовали г-ну Пеллера не переутомляться. Ему сказали о Симонѣ Броунъ; онъ путалъ ее съ ея сестрой Гортензіей, бывшей уже замужемъ за живописцемъ Эмаромъ, но принялъ проектъ безъ возраженій и поднятою рукою сдѣлалъ жестъ, означавшій: „до свиданья“...

Кодри обѣдалъ на улицѣ Ванно. Г-жа Телье послала пригласительную телеграмму и аббату. Она старалась слѣдовать только что выслушаннымъ совѣтамъ и расхваливала будущаго епископа министру вѣроисповѣданій. Аббатъ былъ законоучителемъ въ нормальныхъ школахъ и духовникомъ при монастырскихъ пансіонахъ. Женевьева спросила его, доволенъ ли онъ своими духовными дочерьми.

— Ничего...—отвѣтилъ г. Компаньонъ.—У меня славныя маленькія прихожанки..

— А много ли у васъ бываетъ „призванныхъ“, г. аббать?—освѣдомился Кодри.

— Стараемся, чтобы было поменьше, г. министр! Количество ихъ всегда превышаетъ нужды церкви, и она можетъ быть очень требовательна... Я всегда чувствую себя неловко по отношенію къ дѣвочкѣ, которую родители желаютъ настаивать въ вѣрѣ, но вовсе не хотятъ отдать въ монахини. Обѣты, произнесенныя въ порывѣ юношескаго увлеченія, часто стоятъ слезъ матерямъ; да, къ сожалѣнію, и дочерямъ. Осторожность здѣсь не мѣшаетъ...

Телье захотѣлъ смутить аббата труднымъ вопросомъ:

— Но всетаки, милый аббать, по какому признаку отличаете вы истинное усердіе отъ воображаемаго?

Скептицизмъ собесѣдника не подѣйствовалъ на аббата.

— По времени,—отвѣтилъ онъ.

— По времени?..

— Ну, да. Напримѣръ, въ прошломъ году, одна дѣвочка изъ любимой и уважаемой мною семьи важно объявила мнѣ, что чувствуетъ призваніе къ монашеству. „Хорошо! Васъ постригутъ. Но обдумали ли вы, сколько испытаній готовить вамъ отреченіе отъ міра?“ Она все обдумала. „Хорошо. Только, чтобы дать мнѣ время убѣдиться въ вашей твердости, позвольте мнѣ подвергнуть васъ испытанію: отложите ваше постриженіе на годъ, а до истеченія этого срока не упоминайте о вашемъ намѣреніи ни единымъ словомъ“. Она была такъ увѣрена въ себѣ, что согласилась на мое требованіе... Я записалъ число и день у себя въ книжкѣ. Годъ истекъ во вторникъ. Въ четвергъ я былъ въ томъ монастырѣ. Она, какъ и ея товарки, пришла на исповѣдь и рассказала мнѣ свои незначительныя грѣшки!.. Вдругъ я ее спросилъ: „Ну, а что же ваше призваніе къ монашеству?“ Она покраснѣла, и мы заговорили о другомъ...

Этотъ эпизодъ всѣ нашли трогательнымъ, а критерій—непогрѣшимымъ. Аббать Компаньонъ своимъ умомъ и опытностью, а также отсутствіемъ чрезмѣрнаго рвенія, очень понравился Кодри. Женевьева потихоньку напомнила министру его обѣщаніе... относительно епископской каеэдры...

— Ну, развѣ не грѣшно,—возражалъ Кодри,—ссылать такого умнаго человѣка во Фрежю! Одинъ изъ его конкурентовъ, викарій Ліонскій, сказалъ мнѣ сегодня утромъ (и это, вѣроятно,—правда), будто кардиналъ Ришелье называлъ Фрежю „самой захолустной епархіей во всей Франціи“. Кто же можетъ жить во Фрежю? Аббать Компаньонъ тамъ погибнетъ...

— Будьте увѣрены, Рене, что онъ гораздо менѣе стесняется по Парижу, чѣмъ вы думаете, судя по себѣ...

— Однимъ словомъ, вамъ этого очень хочется?.. Да?.. Въ такомъ случаѣ, рѣшено! Только сегодня ему не говорите. Не надо, чтобы болтали, что епископа, хотя бы и во Фрежю, назначаютъ за уткую и пирогомъ...

Аббатъ кстати поспѣшилъ уйти послѣ обѣда, чтобы не слишкомъ поздно вернуться въ семинарію, гдѣ преподавалъ и жилъ.

„Это будетъ прелестно...“ сказала г-жа Пеллера. У Женевьевы остался въ памяти доброжелательный тонъ этихъ словъ. Г-жѣ Телье казалось, будто ея старая пріятельница, четверть вѣка съ увлеченіемъ употреблявшая на благо ближнихъ свое вліяніе, — теперь, въ виду близкой отставки, хотѣла завѣщать ей свое дипломатическое искусство и могущество. „Это превесело“... Можетъ быть... Отчего не попробовать?.. Должно быть, размышляла Женевьева, пріятнѣе оказывать услуги, нежели принимать помощь, покровительствовать, нежели просить защиты. Послѣ обѣда, когда въ ея старинные салоны, бѣлые или свѣтлосѣрые обои которыхъ принимали, при вечернемъ освѣщеніи, совсѣмъ праздничный видъ, собрались гости, оставившіе, повидимому, вмѣстѣ съ верхнею одеждою, всѣ свои заботы въ швейцарской, потому что каждый являлся веселымъ, любезнымъ и щеголеватымъ, Женевьева вспомнила слова Альбера, который сравнивалъ съ гимназическими экзаменами каждый шагъ впередъ въ битвѣ жизни, представлявшей собою какъ бы кандидатуру на множество дипломовъ. Такой взглядъ казался Женевьевѣ довольно вѣрнымъ. Но когда дойдешь до той ступени, на которой уже нечего добиваться для себя лично, можно насладиться тѣмъ удовольствіемъ, какое доставляетъ еще не пресытившимся экзаменаторамъ волненіе соискателей.

— Повеселимся!—рѣшила г-жа Телье.—Порадуемся тому, что сидимъ за экзаменаціоннымъ столомъ уже въ качествѣ учителей...

Дѣйствительно, было чѣмъ позабавиться. Явились Броуны, маменька и обѣ дочки—столь различныя вѣтви одного древа. Суровые воспитательные приемы матери запугали Симону, младшую, предназначенную въ жены Деэ. Когда ей наступали на ногу, она же извинялась. Старшая, Гортензія, получила отъ матери, въ видѣ майората, красивый ростъ и осанку, рѣшительность, гордость и тщеславныя птичьи ухватки. Она поработила своего мужа, живописца Эмара. До брака Эмаръ жилъ припѣваючи, благоразумно расходовалъ проценты съ

довольно солиднаго капитала и, ради препровожденія времени, мазаль весьма посредственныя картины, отъ которыхъ самъ былъ въ восторгѣ. Но Гортензія Эмаръ, не будучи достаточно привлекательной или богатой, чтобы добыть себѣ въ мужья генія, прославленнаго модой, не соглашалась, однако, быть лишенной славы. Властвуя надъ мужемъ, она заставляла его работать по цѣлымъ днямъ, чтобы хоть трудомъ добиться того, что легко дается таланту. По вечерамъ же она таскала его въ свѣтскіе салоны, натвердивъ ему предварительно, какъ слѣдуетъ себя держать, о чемъ говорить, съ кѣмъ быть любезнымъ. Женевьева смотрѣла, какъ этотъ несчастный неловко ухаживалъ за г-жею Бенуа-Барбе. Безъ сомнѣнія, ему было приказано добиться, чтобы отставная пѣвица дала ему написать съ себя портретъ и своею извѣстностью привлекла бы всѣ взоры къ его работѣ, куда нибудь подъ самый потолокъ „Салона“. Но той, конечно, не хотѣлось терять время на сорокъ сеансовъ, да еще съ рискомъ увидѣть на выставкѣ свое плохонькое изображеніе. Г-жа Телье наблюдала, какъ разыгрывалась эта комедія тремя лицами: г-жа Бенуа очень холодно бросала односложныя, сдержанныя отвѣты; г-жа Эмаръ издали слѣдила въ лорнетъ за неудачею мужа, но не мѣнялась въ лицѣ, а тщательно скрывала свое бѣшенство и презрѣніе, чтобы потомъ, наединѣ, въ каретѣ, сразу излить ихъ на живописца, укоряя его съ полною, даже циничною, откровенностью въ бездарности и неумѣннн выдвинутся. Живописецъ съ тоскою ждалъ грозы. Со сконфуженнымъ видомъ онъ сталъ пробираться въ уголокъ маленькой, чуждой интригъ, гостиной, гдѣ Мишель благоуханно бесѣдовалъ съ двумя новыми товарищами-политехниками.

Г-жа Телье съ материнской гордостью любовалась непринужденнымъ спокойствіемъ Мишеля, выгодно отличавшимъ его отъ собесѣдниковъ. Правда, его мозгъ не былъ переутомленъ ради болѣе быстраго поступленія въ школу. Онъ владѣлъ даромъ анализа точно въ силу какой-то таинственной интуиціи и до такой степени легко и весело, что все, не относящееся къ математикѣ, и люди, и вещи,—почти не имѣло для него значенія. У обоихъ же приглашенныхъ имъ гостей, напротивъ, черепа были какъ-то слишкомъ массивны, а глаза — близоруки. Чувствуя робость, они прицѣпились къ добродушному Эмару. Какое могло быть веселье въ этомъ домѣ, гдѣ у нихъ не было знакомыхъ и гдѣ даже не устраивалось танцевъ? Зачѣмъ же тратили они на чопорную скуку тѣ два-три свободныхъ вечера, которыми могли располагать по случаю масляницы? Не пріятнѣе ли было бы имъ на балу, въ театрѣ или еще

гдѣ-нибудь?.. Но за спиною политехниковъ мысленный взоръ Женевьевы видѣлъ ихъ жадныя семьи, ихъ надутыхъ папашъ или предусмотрительныхъ старшихъ сестеръ, которыя имъ еказали: „Сходи къ Телье! Это полезное знакомство. Оно тебѣ со временемъ пригодится“... И они пришли, внявъ голосу благораумія, пришли, какъ на барщину, упорствуя въ честолюбіи, съ этихъ лѣтъ подчиняя все карьеризму...

Контрастомъ къ ихъ черезчуръ ранней расчетливости являлось запоздалое честолюбіе профессора Буррелье. Этотъ послѣдній представлялъ собою трогательное зрѣлище, ничуть не казавшееся г-жѣ Телье забавнымъ. Старикъ Буррелье долгое время по справедливости слылъ первымъ окулистомъ въ мірѣ. Онъ бѣжалъ почестей, не то что прямо пренебрегая ими, а какъ-то, по простотѣ своей, стѣсняясь неразлучной съ ними пышности и гласности. Его достойная супруга, г-жа Буррелье, никому не довѣряла наблюденія за варкою супа у себя въ кухнѣ. И вотъ, на порогѣ старости, эта чета придунайскихъ мужиковъ отбросила свою старозавѣтность. Дѣло въ томъ, что надъ Буррелье начали брать перевѣсъ молодые ученые съ новыми методами врачеванія, и это значительно уменьшило почтеніе къ классическимъ трудамъ профессора. Онъ встревожился. Ему захотѣлось опереться на официальное признаніе его авторитета, захотѣлось быть избраннымъ въ Медицинскую Академію, въ двери которой онъ пренебрегъ постучаться въ ту пору, когда онъ широко распахнулись бы передъ нимъ. Чтобы заполучить въ свою пользу голосъ Телье, онъ сталъ бывать у него въ домѣ. Г-жа Буррелье, измѣнивъ своей кухнѣ, приобрѣла себѣ черное шелковое платье. Она приглаживала миндальнымъ масломъ свои сѣдые волосы по обѣ стороны пробора и краснѣла отъ смущенія въ обществѣ развязныхъ мужчинъ и модныхъ дамъ. Теперь она стояла съ мужемъ въ амбраурѣ окна: глядя на часы, они совѣщались, прилично ли будетъ сейчасъ откланяться. Женевьева мучилась ихъ усталостью. Какъ бы ей хотѣлось сунуть имъ въ руку благопріятный бюллетень съ подписью Альбера и почтительно отправить ихъ домой!

Съ ними вмѣстѣ она выпроводила бы и всѣхъ, кого привелъ сюда расчетъ. Но ей стало смѣшно, когда она сообразила, что послѣ этого ея гостиныя до странности бы опустѣли. Антонинъ Піо, бывшій репортеръ, котораго, безо всякой ссоры, просто забыли, теперь опять былъ на лицо, встрѣтившись съ Альберомъ въ какихъ-то внѣ-парламентскихъ комиссіяхъ. Піо сталъ очень важнымъ и даже завелъ брюшко. Бросивъ сначала, ради коммерческихъ объявленій, свое импрессионистское репортерство, онъ вскорѣ пустился въ агентуру по созиданію крупныхъ предпріятій. Разбогатѣвшій,

ловкій, многимъ нужный и для многихъ опасный, онъ считался (хотя люди сами хорошенько не знали, что означаетъ этотъ титулъ) однимъ изъ самыхъ искусныхъ „посредниковъ“ въ Парижѣ. Коссета, ребячась по обыкновенію, указала Женевьевъ на широчайшую орденскую ленту, сіявшую у него въ петлицѣ, и объяснила:

— При его дѣятельности нельзя быть увѣреннымъ, что всегда сохранишь право носить ее. Такъ онъ пока ужъ и наслаждается, насколько возможно!..

Піо говорилъ съ Кодри о свѣтильномъ газѣ и возможности въ скоромъ времени удешевить его посредствомъ комбинацій, столь выгодныхъ для всего свѣта, что министромъ начало овладѣвать безпокойство. Кодри направился къ выходу. Піо — за нимъ, безъ сомнѣнія, намѣреваясь попросить подвезти себя: могло быть полезно, чтобы его видѣли садящимся въ карету министра.

„Это превесело“... Г-жа Телье еще разъ повторила себѣ оптимистическую фразу президентши при видѣ Каверлошера, который совершенно завладѣлъ сидѣвшимъ на диванѣ г-номъ Бенуа-Барбе. Филантропъ оказывался положительно въ плѣну у хирурга, финансовыя затрудненія котораго были извѣстны Женевьевъ. Тутъ можно было бы вознегодовать; но она твердо держалась разъ принятаго рѣшенія находить, что все — „превесело“, и посмѣялась издали надъ тою грустною серьезностью, которую, какъ единственное средство обороны, напускалъ на себя г. Бенуа-Барбе.

По привычкѣ занимать поочередно всѣхъ гостей, она присѣла рядомъ съ г-жею Броунъ, нарушивъ бесѣду этой безукоризненной особы съ маленькимъ г-номъ Кретьянкомъ. Г. Кретьянъ былъ въ отчаяніи, что въ двадцать пять лѣтъ имѣеть на лицѣ столь скудную растительность, и замѣнялъ недостающую бороду эффектомъ высочайшихъ воротниковъ.

— Моя дорогая, г. Кретьянъ приводитъ меня въ восторгъ. Онъ говорилъ со мною о моихъ дочеряхъ. Какъ онъ хвалитъ мало-экспансивный, но острый умъ Симоны..

Пока маменька продолжала восхищаться младшею дочкою, г-жа Телье прилагала всѣ старанія постичь, ради какихъ выгодъ маленькій Кретьянъ подольщается къ г-жѣ Броунъ. По зрѣломъ обсужденіи, она убѣдилась, что онъ не имѣеть въ виду никакой определенной цѣли, а просто повинуется политической привычкѣ льстить всякому собесѣднику. Женевьевъ онъ попросилъ себя представить у однихъ знакомыхъ и на другой же день завезъ на улицу Ванно карточки: „Жанъ Кретьянъ, аудиторъ Контрольной Палаты“. Потомъ кто-то, кажется, Коссета выпросила для него приглашеніе. Онъ умѣлъ втираться незамѣтно и вѣжливо и былъ

хорошимъ служакой не только въ Контрольной Палатѣ. Онъ неподражаемо хорошо выслушивалъ мнѣнія важныхъ людей, которыя высказываются ими громко и никѣмъ не опровергаются. Его находили въ высшей степени благовоспитаннымъ. И онъ поднимался, какъ по лѣсенкѣ, изъ салона въ салонъ, съ терпѣньемъ, хотя учтивымъ, но настойчивымъ, неукротимымъ... Дѣйствительно, — соглашалась Женевьева, — „веселенькій“ это типъ молодого человѣка и довольно новенькій, — по крайней мѣрѣ, не встрѣчавшійся ей въ былое время, — характеристика котораго, комичная или ужасная, — судите, какъ хотите, — состоитъ въ томъ, что въ самую пору увлеченій онъ ни минуты не думаетъ о своемъ удовольствіи. Вы думаете, онъ флиртуетъ? Нѣтъ, онъ дѣлаетъ „дѣло“.

Между тѣмъ, г-жа Телье не забыла, что въ этотъ же вечеръ обѣщалась предупредить жениха, который, по словамъ г-жи Пеллера, былъ признанъ подходящимъ для Симоны Броунъ. Маленькій Кретьянъ ушелъ. Въ эту минуту Женевьева замѣтила, что Деэ пробирается въ прихожую. Она подошла къ нему и „ради Бога“ попросила не уходить, такъ какъ имѣетъ кое что ему сказать. Вернувшись въ салонъ, она отвѣтила на поклонъ толстаго графа Улыгина, который, едва успѣвъ войти, уже овладѣлъ ховяиномъ дома, чтобы тотъ изложилъ ему сущность своего законопроекта, первыя статьи котораго уже прошли въ Палатѣ. Московскій великанъ интересовался народной гигиеной и всѣмъ вообще. Въ силу какого-то тщеславія наизнанку, онъ презиралъ собственную знатность. Этотъ атлетъ цѣнилъ единственно интеллектуальный прогрессъ, къ которому относился съ мальчишескимъ любопытствомъ. Относительно науки, искусства, политики, онъ имѣлъ манію разузнавать все, и разнообразіе гостей у Телье позволяло ему одновременно собирать самыя разнородныя свѣдѣнія.

Графиня Улыгина, со своей стороны, примкнула къ тому кружку, гдѣ внимали крылатымъ рѣчамъ г-на Фелисьена Коссе. Въ эту минуту просвѣщенный литераторъ импровизировалъ одинъ изъ анекдотовъ своего репертуара. Г-жа Улыгина спросила Женевьеву, тотъ ли это самый Коссе — писатель? Получивъ утвердительный отвѣтъ, она навела на него лорнетку, чтобы лучше запечатлѣть въ памяти черты знаменитости. Затѣмъ она стала предлагать литератору вопросы, касавшіеся Россіи и любви. По привычкѣ, г. Коссе отвѣчалъ ей безъ запинки. Барыня запомнила нѣсколько фразъ. Она составляла коллекцію, родъ космополитическаго Пантеона изреченій знаменитыхъ людей всѣхъ странъ, на всѣхъ языкахъ. Этимъ своимъ пристрастіемъ прекрасная графиня приобрѣла высокое уваженіе нѣсколькихъ принцевъ

къ которыми поддерживала сношенія. Можно думать, что, въ свою очередь, ея августѣйшіе друзья были ей не безполезны въ свѣтскомъ кругу. Впрочемъ, г-жа Улыгина признавалась передъ г-жею Телье что бываетъ у „высочествъ“, съ тысячкою оговорокъ, внушенныхъ скромностью: она ходила за принцессами во время ихъ болѣзней, навѣщала послѣ родовъ, утѣшала въ періоды траура.

— Выходить, — думала Женеваева, продолжая „увеселяться“, — что ей чуждо тщеславіе. Цари съ ней въ дружбѣ, но она сострадательна къ нимъ...

Вдругъ ея вниманіе было привлечено странными аккордами, отъ которыхъ стонало фортепіано. На табуретѣ, передъ инструментомъ, сидѣлъ герцогъ д'Эстутевиль. Онъ сочинялъ и музыку, и слова для оперъ въ стилѣ Лулли. Не смотря на престижъ его имени, ни въ одномъ аристократическомъ салонѣ не соглашались исполнять его произведенія. Будучи художникомъ прежде всего, герцогъ перешелъ къ республиканцамъ и обращался въ наиболѣе почтенные дома съ такимъ же успѣхомъ. „Онъ готовъ стать анархистомъ, — говорилъ про него Кодри, — лишь бы его новые товарищи стали исполнять его музыку!“ Но сегодня вечеромъ ему удалось поймать двухъ терпѣливыхъ слушателей, которымъ онъ излагалъ содержаніе своей „Беренисы“ схематически передавая на рояли главные мотивы. То были профессоръ и г-жа Буррелье. Г-жа Телье считала ихъ давно въ постели. Она побѣждала выручать ихъ.

— Погодите... — умолялъ герцогъ. — Погодите, вотъ я покажу г-жѣ Буррелье, которая сама музыкантша, серенаду Антиоха: всего три фразы...

Женеваева должна была оставить несчастныхъ въ его власти. — „Это было превесело“... Оно было даже комично. Наступило время угощать чаемъ, и она пошла въ столовую; проходя по галлерей, она была рада наткнуться на Коссету, которая, и въ зрѣлыхъ лѣтахъ все столь же легкомысленная, успѣшно приручала одного изъ близорукихъ политехниковъ. Для этой вечеръ не пропалъ даромъ.

Женеваева обвела взглядомъ своихъ гостей. Языкомъ, понятнымъ лишь ей самой, ея улыбка жалобно говорила:

— Какъ же это? Кто же изъ всѣхъ пришелъ ко мнѣ для меня?.. И если я сейчасъ уйду спать, то кто замѣтитъ мое отсутствіе?

Послѣ чая начался разъѣздъ. Г-жа Телье еще рассыпалась въ любезностяхъ передъ женою какого-то врача, которую подвелъ ей Альберъ. Она не могла припомнить ея фа-

милію и ей не удалось ее ни къ кому пристроить. За то она закармливала ее сладкимъ печеньемъ. Но если Женевьева плохо знала свою гостью, то послѣдняя, очевидно, имѣла о своей собесѣдницѣ всѣ нужныя свѣдѣнія, ибо въ теченіе пяти минутъ ухитрилась уже осудить Тиріоновъ и похватить Бруте.

Бруте?.. Куда же они дѣлись? Г-жа Телье разыскала ихъ въ курительной. Они забрались туда, спасаясь отъ толпы, нагонявшей на нихъ робость. Но ихъ не оставили въ покоѣ. Какъ вокругъ Поля, такъ и вокругъ Маріи составилось два маленькихъ двора. Зная рѣдкую привязанность, соединявшую ихъ съ Телье, люди, наиболѣе тонкіе, какъ Буррелье, г-жа Эмаръ или маленькій Кретьянъ, кадили имъ усердно: хотя лучше молиться Богу, нежели Его святымъ; но и послѣднее вѣдь первому не мѣшаетъ...

Бруте остались дольше всѣхъ, а Женевьева, тѣмъ временемъ, позвала къ себѣ Деа, побѣдоносно крутившаго усы.

Г-жа Телье, стѣсняясь прямо предложить ему Симону, заговорила о любви и, въ общихъ фразахъ, о бракѣ. Деа взялъ ее за руку и пристально посмотрѣлъ ей въ глаза.

Нѣжнымъ голосомъ онъ рискнулъ сказать:

— Я уже давно хотѣлъ признаться вамъ... Я не смѣлъ... Вы сейчасъ такъ привѣтливо попросили меня остаться... Спасибо...

Что такое?.. Не съ ума ли онъ сошелъ?.. Женевьева фыркнула ему въ носъ... Вотъ ужъ, въ самомъ дѣлѣ „превесело!“ Даже черезчуръ!

— Я видала людей, которые хворають, когда имъ долго не даютъ орденовъ, и готовы ползти на четверенькахъ до орденской канцеляріи; но доводящихъ эту страсть до такой крайности, какъ вы, мнѣ еще не случалось встрѣчать. Ничто не можетъ образумить васъ: вамъ ни по чемъ и сѣдина...

Онъ, весь пунцовый, пролепеталъ:

— О! какъ можно! Что это вы думаете?.. Умоляю васъ повѣрить... позабыть...

Г-жѣ Телье болѣе, чѣмъ ему, хотѣлось покрыть забвеніемъ его дурацкую и подлую попытку подольститься:

— Я думаю, что музыка герцога вмѣстѣ съ пуншемъ, который вышелъ неудачнымъ, перепутала всѣ ваши мысли. Слушайте, я буду говорить прямо: хотите жениться на Симонѣ Броунъ? Вы нравитесь. Симона—добрая дѣвушка и собой недурна. Приданого—полмилліона. Если бы вы не были безкорыстны, я прибавила бы, что г-жа Пеллера, вздумавшая

васъ сосватать, хочеть выхлопотать вамъ въ видѣ сюрприза, въ юлѣ мѣсяцѣ, крестикъ. Что ей отвѣтить?

Согласно общепринятому обычаю, Деэ былъ предупрежденъ о проектѣ г-жи Броунъ тѣми самыми лицами, у которыхъ она собирала о немъ справки. Ваволнованный только что сдѣланною ошибкою, онъ еле осмѣлился дать отвѣтъ:

— Спасибо, что, изъ за минуты безумія, вы не забыли десяти лѣтъ почтительной преданности... Благодарю... Что же касается вашего вопроса, то я подумаю... И если когда либо соглашусь, то единственно изъ желанія повиноваться вамъ...

Передъ сномъ Женевьева сидѣла у себя въ будуарѣ, чувствуя сильную подавленность нервовъ. Мысли ея были отрывочны.

. Альберъ сказалъ бы: „чего же тебѣ еще?.. Трудились долго, и вотъ наша награда... Мы пожинаемъ плоды“... То-есть: прохвостъ, которому мы же помогли пробиться, носить намъ оскорбленіе... Фу!.. Поскорѣ бы забыть!.. А остальные?.. Кромѣ Кодри и нашихъ милыхъ Бруте, которымъ такъ надоѣдаютъ и которымъ, чтобы любить насъ, не нужно ни декораций, ни публики, кто явился къ намъ ради насъ самихъ?.. Зачѣмъ ломаюсь я, и ломаются другіе?.. Къ чему эта нелѣпая пышность?.. Это—награда?.. Въ томъ, что Тиріона, самаго стариннаго пріятеля, нельзя у себя принять, потому что онъ внушаетъ своимъ послѣдователямъ колкія статьи по нашему адресу?.. „Пожинаемъ плоды...“? Мы только стоимъ на болѣе высокой ступени лѣстницы, куда хотять теперь подняться и тѣ, которые протягиваютъ намъ руки. Награда!.. Что значить: достичь „высокаго“ положенія? Это значить: прежить жизнь и уподобиться нашимъ старшимъ пріятельницамъ, какими тѣ были пятнадцать лѣтъ назадъ, когда мы благоговѣли передъ ними. „Чего же тебѣ еще нужно?“ Мнѣ бы нужно обладать тѣмъ честолюбіемъ, которое онъ во мнѣ предполагаетъ и надъ которымъ иронизируетъ; тогда комедія эта казалась бы мнѣ занимательною. Я была бы хоть одурачена, но довольна...

Однако, г-жа Пеллера не глупа и не одурачена... А она сказала, со своею великодушною улыбкою: „Это будетъ прелестно!.. Это превесело!.. Что? Бракосочетаніе дѣвочки Броунъ? Епископскій санъ аббата?.. Да мнѣ-то отъ этого что?.. Вотъ она, моя бѣда: г-жа Пеллера добра ко всѣмъ, а я—нѣтъ... Стану ли я для кого либо тою благодѣтельницею, какою она была для меня?.. Нѣтъ... Она любитъ своего мужа съ тѣмъ благороднымъ ослѣпленіемъ, какое необходимо... Но она любитъ и другихъ людей, посвящаетъ часть своихъ

душевныхъ силъ ихъ счастью?.. Дураки,—въ одинъ голосъ съ которыми пѣла когда-то и я,—говорять, будто она покровительствуетъ ближнимъ изъ гордости: но неблагодарность вводитъ ихъ въ заблужденіе. Она помогаетъ отъ чистаго сердца, настойчиво, съ сочувствіемъ... Я—нѣтъ!.. Мнѣ не доставляетъ удовольствія покровительствовать: я не люблю людей вообще... Все мое сердце отдано одному...

IV.

Больная, растерянная, подавленная, г-жа Башеленъ была не въ силахъ проводить мужа на кладбище. Послѣ погребальной церемоніи и задѣлки склепа, нѣсколько близкихъ знакомыхъ вернулись въ домъ на улицѣ Тернъ не столько, чтобы утѣшать вдову, сколько затѣмъ, чтобы, хоть въ первые часы несчастія, не покинуть ее совершенно одну. Они застали ее на томъ же креслѣ, на которомъ оставили, въ обществѣ г-жи Пеллера, дружной съ нею уже полвѣка, и Маріи Бруте, доброе сердце которой сочувствовало всякой скорби. Женевьева Телье поспѣшно вошла и присоединилась къ нимъ, пожавъ имъ руки. Три искренно надрывающихся сердца окружили несчастную, сидѣвшую угрюмо и безъ слезъ.

Эти женщины молчали: имъ нечего было сказать, потому что одна и та же мысль раздавалась въ ихъ мозгу, точно похоронный звонъ. Однако, хотя сосредоточенное на томъ же предметѣ, воображеніе ихъ рисовало различныя картины. Г-жа Телье припоминала толстоватаго факультетскаго швейцара, который, идя развалистой походкой за катафалкомъ, несъ на черной подушкѣ ордена профессора. Потомъ ей вспомнились обойщики похороннаго бюро, которыхъ она только что видѣла, когда они весело и проворно снимали съ воротъ гербы и драпировки. Непосредственно за ними, передъ нею всплылъ образъ самого Башелена: какъ онъ, бывало, сидитъ за этимъ самымъ столомъ, передъ этими же книгами и бумагами, и слушаетъ слегка парадоксальныя возраженія Альбера, радуясь, что его преподаваніе послужило къ развитію сильнаго ума. Эти воспоминанія заняли и умиротворили Женевьеву. Мрачное настроеніе не покидало ее, но самая печаль была не безъ сладости и успокоила ее совѣсть. Прежде, чувствуя себя неспособной, не смотря на симпатичный примѣръ г-жи Пеллера, принимать участіе въ проискахъ cadaго, улыбаться чужимъ надеждамъ или хоть развлекаться ими, она сѣтовала на собственную сухость и равнодушіе къ ближнимъ. Жалость, испытываемая ею

сейчасъ, опровергала этотъ упрекъ. Сегодня ея горе было искренне и глубоко. Значить, въ ней не было такого безсердечія, такой исключительности! Къ г-жѣ Башеленъ, къ г-жѣ Пеллера, къ Маріи Бруте она питала любовь дочери, сестры.

Тутъ ей, однако, пришло въ голову, что эти три женщины полюбили ее прежде, нежели она отвѣтила имъ тѣмъ же чувствомъ. Онѣ первыя выказали ей расположеніе. Непреодолимая гордость, отчасти происходившая отъ робости и не исчезающая даже съ годами, препятствовала Женевьевѣ отдавать свою любовь людямъ, не убѣдившись въ томъ, что она сама имъ понравилась предпочтительно передъ прочими. Между тѣмъ, опытъ всей ея жизни показалъ ей, что ея красота, богатство, явное благополучіе, какъ жены и матери, сіяніе супружескаго счастья, окружавшее ее,—словомъ, все въ ея жизни, доступное взорамъ каждаго, возбуждало вокругъ нея зависть и замораживало симпатію. Боязнь быть обманутой, опасеніе привязаться къ лицу, способному измѣнить ей, развили въ ней инстинктивную осторожность, доходившую до холодности, прикрытой обычною любезностью. Этимъ же тремъ женщинамъ она, напротивъ, довѣрялась безусловно, потому что онѣ полюбили ее, какъ только узнали. Ихъ благосклонность завоевала ея сердце. Она любила своихъ пріятельницъ за то, что сама была любима ими. Ее привязывала къ нимъ благодарность, которая, хотя и происходила изъ эгоизма, однако была сильна и горяча... Впрочемъ, если, по нѣкоторой чопорности, она не довѣряла слишкомъ явнымъ вызовамъ на дружбу, то все же способна была растрогаться чисто сердечнымъ порывомъ. Наканунѣ, когда, въ этомъ домѣ, пораженномъ смертью, къ ней подошла Софія Тиріонъ, Женевьева раскрыла ей объятія, раздѣляя ея волненіе и забывъ бывше раздоры и справедливыя поводы къ неудовольствію.

Именно Софія Тиріонъ явилась въ эту минуту, съ нѣкоторымъ опозданіемъ, такъ какъ пренебрегла роскошью траурныхъ колясокъ и предпочла свои „пересадочныя конки“, ѣздя на которыхъ какъ бы хвалилась. Ослабѣвъ и чувствуя ознобъ, г-жа Башеленъ пошла прилечь на кровать. Г-жа Пеллера ушла съ нею. Рѣшено было, что Женевьева останется въ гостиной принимать тѣхъ, кто, за невозможностью привѣтствовать вдову на кладбищѣ, пришелъ бы навѣстить ее въ домъ. Рядомъ съ г-жею Телье расположилась г-жа Лэнъ, вся высохшая отъ времени, еще болѣе глухая и болтливая, чѣмъ когда либо. Она говорила на самое уxo

Женевьевѣ, и рѣчамъ ея не предвидѣлось конца. Она останавливалась лишь затѣмъ, чтобы позвать еще нѣсколькихъ дамъ и присоединить ихъ къ разговору: г-жу Вандель и г-жу Легль, которыхъ уже сколько лѣтъ не видно было въ этомъ домѣ; то были жены врачей, которымъ, по ихъ чрезмѣрной требовательности или же крайней бездарности, Башеленъ, при всей своей добротѣ, не могъ оказаться полезнымъ. Эти дамы вновь появились здѣсь, услышавъ о несчастии и скрывая душевное ликование подъ маскою печали. Наклоняясь къ каждой, г-жа Лэнъ сызнава¹ начинала свои разсужденія: ей хотѣлось точнѣе опредѣлить всю глубину неожиданнаго бѣдствія. Ибо нечего было обманываться роскошною обстановкою дома: г-жа Башеленъ осталась безъ средствъ. „Профессоръ зарабатывалъ много, но въ кошелекѣ у нихъ была дыра“. Вдова Лэнъ безпощадно пустилась въ мельчайшія подробности: упомянула о сынѣ отъ перваго брака, Эммануилѣ Башеленѣ, безнадежномъ мерзавцѣ, распутникѣ, мошенникѣ, „смѣломъ, какъ пажъ“, который даже у нея занялъ разъ двадцать франковъ, подъ предлогомъ, что забылъ дома портмоне. Словомъ, онъ способенъ былъ на все и давно сидѣлъ бы подъ замочкомъ, если бы отецъ своевременно не выплачивалъ всѣ убытки жертвамъ его плутовства. На это шли всѣ трудовыя деньги, и домъ былъ заложенъ и перезаложенъ, даже выше стоимости. Снабженныя этими свѣдѣніями, г-жа Вандель и г-жа Легль ступевались одна за другою. А г-жа Лэнъ повторяла свой вопросъ, обращаясь къ Женевьевѣ:

— Скажите, пожалуйста, какъ же „она“ управится? Вѣдь она привыкла хорошо жить, она—лакомка... Да, да, она—лакомка... Я это знаю: вѣдь я часто обѣдала у нихъ! Въ декабрѣ мѣсяцѣ подавали землянику. Ей придется много труднѣе, нежели вы думаете...

Это мнѣніе раздѣляли г-жа Фоше и г-жа Гепаръ, которыя, будучи въ отчаяніи отъ невозможности обнять г-жу Башеленъ, остановились на нѣсколько минутъ около г-жи Лэнъ. Женевьева не посмѣла уйти, — такъ какъ Альберъ занялъ въ Медицинской Академіи мѣсто хирурга Фоше, то она считала себя обязанной быть особенно любезной со вдовой послѣдняго. Г-жа Фоше, равно какъ и г-жа Гепаръ утирали глаза платками. Имъ пришлось пережить тоже самое. Особенно тяжелъ былъ „переходъ“ для г-жи Гепаръ. При жизни Эдмонда Гепара, правительственнаго скульптора, друга г-на Тьера, она была первою учительницею пѣнія въ Парижѣ: ея ученицы пѣли на вечерахъ, гдѣ толпились государственные люди и художники. Со смертью мужа все измѣнилось: приманка вечеровъ исчезла, и теперь она ходила слушать

своихъ ученицъ къ ихъ родителямъ. Платить ей стали наполовину дешевле, а въ гости приглашали лишь послѣ объѣда.

Этимъ дамамъ трауръ напоминалъ о другихъ смертяхъ, и онѣ плакали. Но вскорѣ общность ихъ судьбы съ судьбою хозяйки дома приносила имъ утѣшеніе, и онѣ начинали оживлено шептаться, обсуждая бюджетъ новой вдовы, соображая, сколько пенсіи дастъ ей университетъ. Г-жа Пеллера выхлопочетъ ей табачную лавочку, мало-доходную и нескорополучаемую: г-жа Фоше ждетъ своей уже два года. „Правда,— улыбалась жена хирурга,—что и въ этомъ дѣлѣ, какъ вездѣ, протекція дѣлаетъ все.“—Наконецъ, у г-жи Башеленъ была обстановка: устроится недурная распродажа, и г-жа Гепаръ, которая преподаетъ пѣніе дочерямъ оцѣнщика Маркера, сумѣетъ быть ей полезной. Г-жа Фоше достала очки и разсматривала рояль, столы, кресла, какъ будто все это уже стояло въ аукціонномъ залѣ. Но она качала головою, не предвидя хорошаго результата отъ ликвидаціи. Мебель, хотя и не новая, была современна, а теперь покупатели любятъ „старину“. Но распродажа представлялась неизбежною: „ей“ довольно будетъ и десятка вещей. Большая квартира „ей“ и не по деньгамъ, и не нужна. А г-жѣ Лэнъ были извѣстны громадныя, только что отстроенныя позади военнаго училища дома о трехъ корпусахъ: тамъ, на второмъ дворѣ, на пятомъ или шестомъ этажѣ, „она“ найдетъ дешевую квартирку. Г-жи Гепаръ и Фоше были на это согласны.

Это яко-бы сострадательное злословіе внушало Женевьевѣ отвращеніе и жалость. Вотъ до какой мелочности дошли эти бывшія жены людей, прославившихъ себя въ искусствѣ, администраціи или наукѣ,—эти женщины, еще таскавшія за собою оставленное имъ наслѣдіе: знаменитое имя покойника. Но самая знаменитость, популярность имени, носимаго теперь бесполезными старухами, производила эффектъ прискорбно-комическій. Она внушала уваженіе лишь новичкамъ, которые, желая увеличить число гостей у себя въ „салонахъ“, рассчитывали, что эти старыя имена придадутъ особый блескъ отчетамъ въ свѣтской хроникѣ газетъ. Въ остальныхъ же домахъ ихъ еще принимали по привычкѣ, изъ почтенія къ ихъ старости или изъ состраданія; но хозяйева скоро покидали ихъ и почти открыто старались отъ нихъ отдѣлаться. Тогда, чувствуя себя одинокими, онѣ сходились все вмѣстѣ. Группу изъ г-жъ Фоше, Гепаръ и Лэнъ или другую въ этомъ родѣ, Женевьева видала на множествѣ вечеровъ, и все больше въ той комнатѣ, гдѣ накрыты бывали десертъ и закуска. Все избѣгали ихъ скучной компаніи. Между тѣмъ, въ свое время, онѣ были окружены лестью, горды и кто знаетъ?—можетъ быть, благодетворили другимъ.

И Женевьева вспоминала, какъ въ прошломъ году Альберъ, послѣ своей болѣзни, полный сообщительной и гордой радости быстро выздоровленія, сказалъ ей:

— Я утѣшался тѣмъ, что умру не весь. Я оставилъ бы тебѣ и Мишелю въ наслѣдство имя, не безызвѣстное людямъ...

Мишелю—пожалуй; но ей... Она не задавала себѣ даже этого вопроса... Значить, онъ не понималъ, что, если его не станетъ, ей все сдѣлается безразлично?..

Домъ покойника опустѣлъ. Благовоспитанные люди оказались достаточно тактичными, чтобы не засиживаться. Настойчиво торчали однѣ вдовы, неподвижныя и неотвязно-фамиллярныя. Послѣднею явилась перестарѣлая графиня де-Курбуа. Она не скрыла своего неудовольствія по поводу того, что г-жа Башеленъ къ ней не вышла. Вѣдь г-жа де-Курбуа „нарочно велѣла запретъ лошадей“, а ни онъ, ни сама она не имѣли обыкновенія беспокоиться по пустякамъ. Чтобы дать вздохнуть лошадямъ, она выражала свое соболѣзнованіе передъ г-жею Телье, „такъ какъ г-жа Телье является тутъ представительницей семьи покойнаго“. Она освѣдомилась, здѣсь ли сынъ Башелена. Женевьева отвѣтила, что онъ теперь путешествуетъ по Америкѣ. Г-жа де-Курбуа тотчасъ заявила, что онъ хорошо сдѣлалъ бы, если бы остался тамъ совсѣмъ.

Будучи старше прочихъ и богаче, она была и всѣхъ язвительнѣе. Графъ де-Курбуа былъ посланникомъ при Луи-Филиппѣ и философомъ при Второй Имперіи. Со дня его преждевременной смерти г-жа де-Курбуа считала чуть не національной неблагодарностью, что французскія знамена не остались приспущенными на вѣкъ, и за это всеобщее невниманіе мстила всему свѣту недоброжелательствомъ. Она жалѣла г-ну Башеленъ, но больше почувствовала г-жѣ де-Бривъ, которая осталась вдовою съ тремя дочерьями. Переходя отъ случая къ случаю, она перечислила всѣ наиболѣе замѣтныя смерти въ теченіе послѣднихъ трехъ-четырехъ десятилѣтій, при чемъ каждый разъ не забывала упомянуть о числѣ оставленныхъ сиротъ и о цифрѣ дохода, съ опредѣленностью, обстоятельностью и точностью официального отчета.

Но особенно сострадательно графиня относилась къ живымъ. Она сказала, что слышала похвалы закону Телье. Г. Телье удачно формулировалъ тѣ мысли, которыя еще при Іюльской монархіи были популяризованы г-номъ де-Курбуа и его политическими сторонниками. Очень умно со стороны г-на Телье не брезгать заимствованіемъ. Все это вѣдь не

имѣть значенія или уже утратило его. Въ сущности, приблизительно съ 1860 года ничего истинно-серьезнаго не было ни сдѣлано, ни написано. А земля все вертится, полегоньку, кое какъ. Что жъ? Будеть, что будетъ! Г-жа де-Курбуа не обижалась этимъ за умершаго мужа: она относилась ко всѣмъ съ доброжелательнымъ неуваженіемъ.

Въ знакъ примиренія и чтобы не оставаться дома однимъ въ такой грустный день, Альберъ и Женевьера обѣдали у Тиріоновъ. Тѣ пригласили еще Фелисьена Коссе, который былъ въ одиночествѣ, такъ какъ Коссега проводила эту недѣлю въ провинціи и, какъ онъ воображалъ, у родныхъ. Такъ какъ никто не успѣлъ позавтракать, то стряпня Софіи пришлась всѣмъ по вкусу. Даже подавленные горемъ, живые все же не могутъ не ѣсть. Потомъ, не смотря на искренность печали, отпечатокъ суровости, лежавшій цѣлый день на лицахъ всѣхъ, сталъ менѣе замѣтенъ. Начали называть людей, видѣнныхъ въ церкви и на кладбищѣ, а подобное перечисленіе не можетъ обойтись безъ упоминанія о смѣшныхъ типахъ или отдѣльныхъ чертахъ: за столомъ, мало по малу, всѣмъ стало легче. Г-жа Телье призналась въ своей досадѣ на неприличное поведеніе двухъ или трехъ вдовъ, позволившихъ себѣ, послѣ похоронъ, остаться въ домѣ покойнаго.

— Да,—сказалъ Тиріонъ,—я замѣтилъ, что въ вашемъ углу вдовьимъ духомъ пахло... Извините за выраженіе: я не примѣняю его къ нашей несчастной пріятельницѣ. Меня даже обѣситъ, что она теперь хоть одеждой станеть похожа на этихъ сухихъ плакальщицъ. Эта Лэнъ, эта Гепаръ противны мнѣ, какъ летучія мыши... Но онѣ гораздо зловреднѣе мышей... И попросайки... Фи!

Фелисьенъ Коссе улыбнулся своею лошадиною улыбкою:

— Это—классическія вдовы, не упускающія своей доли. Даже когда у нихъ есть собственное поле, онѣ настаиваютъ на правѣ сбора колосьевъ послѣ жатвы на нивѣ сосѣда. Нескромность вдовъ происхожденія весьма древняго; ихъ всегда остерегались, насколько возможно. Когда ими правила церковь, она охотно дѣлала ихъ „діакониссами“, чтобы попытаться ограничить ихъ вмѣшательство въ чужія дѣла опредѣленными обязанностями: діакониссы навѣщали бѣдныхъ и заключенныхъ, а также стояли при дверяхъ храма съ женской стороны и наблюдали, чтобы каждая прихожанка занимала подобающее ея званію мѣсто. Повѣрите ли? Даже въ такомъ скромномъ положеніи онѣ ухитрялись волновать

цѣлые приходы. Онѣ были непокорны, неделикатны и черезчуръ болтливы. Наконецъ, ихъ должность была упразднена.

— Кажется, въ Индіи,—прибавилъ Телье,—ихъ упразднили бы еще основательнѣе.

— Да, малабарскіе обычаи имѣли свою хорошую сторону,—замѣтилъ Тиріонъ.

Альберъ спросилъ, видѣлъ ли кто въ церкви или на кладбищѣ Фисжановъ. Ихъ никто не видалъ, равно какъ Лекуве, Эвариста Биньяра и Лалановъ. Въ церкви не хватало многихъ. Погребальная колесница не исчезала подъ вѣнками, какъ на похоронахъ г-жи Каверлошеръ.

— Сегодняшнія похороны не такъ пышны,—сказалъ Телье,—и я понимаю, почему: тогда рассчитывали оказать вниманіе овдовѣвшему старому профессору. Нынче же, напротивъ, хоронили профессора, и тѣ же лица не считаютъ нужнымъ выказать почтеніе его женѣ. Вѣдь это почтеніе было бы безкорыстнымъ: значить, къ чему оно?

Справедливое замѣчаніе Альбера глубоко поразило Женевьеву. Дѣйствительно, это вполне соответствовало различному отношенію общества ко вдовцу и вдовѣ. Она вспомнила о Кодри, настолько забывшемъ о женѣ въ своей вторичной холостой жизни, которую онъ проводилъ благоразумѣе, чѣмъ первую. Умри завтра она сама, церковь будетъ полна и ея трупъ засыплютъ любимыми ею цвѣтами. И отъ мужа ея ничего не убавится... Нѣсколько недѣль онъ будетъ не въ своей тарелкѣ, какъ бы отъ нарушенія усвоенной привычки; но скоро развлечется своей работой, своей популярностью, даже своей свободой. Да, своей свободой... „Вдовецъ“—веселое, комическое лицо, годное даже для фарса! Тогда какъ „вдова“, если она не совсѣмъ молода и не кокетлива, способна омрачить даже драму! Какой свѣтъ бросаетъ на истинныя отношенія супруговъ эта разница въ развязкѣ, единственно возможной въ бракѣ! Она нуждается въ немъ. Ему же она не нужна. Вотъ почему она привязывается къ нему. Вотъ почему онъ утрачиваетъ привязанность къ ней...

— Женевьева! Я съ вами говорю!.. Вы мечтаете?

— Извините, Софи... Да, я задумалась.

— Поѣдете вы завтра къ г-жѣ Башеленъ? Я не свободна...

— Да и я тоже... Г-жа Пеллера собиралась пробыть тамъ весь день вмѣстѣ съ Маріей. А мы, если хотите, поѣдемъ послѣ-завтра.

Не смотря на дружеское расположеніе, Женевьевъ не очень

улыбалось возвращеніе въ печальный домъ. Ей совѣстно было выражать свое сочувствіе. Она тамъ наслушалась такихъ гадостей подъ видомъ соболѣзнованій... Ей припоминались отдѣльныя фразы: „г-жа де-Бривъ и ея три сиротки“...

— Правда ли, что жена Брива умираетъ съ голоду?

Тиріонъ даже привскочилъ:

— Она богаче меня. Народное просвѣщеніе дало ей пенсію, финансы, должность сборщицы... Надоѣла она намъ. У нея есть табачная лавочка, пусть и нюхаетъ свой табакъ!..

Г-жа Телье едва слышала отвѣтъ Тиріона. Она опять предалась своимъ мыслямъ. Ей ясно представлялась обездоленность женщины въ бракѣ, обездоленность, которая во вдовствѣ становится очевидной до жалости или до каррикатурности. Отъ всего сердца пожелала она себѣ умереть раньше Альбера. А до тѣхъ поръ, если она уже потеряла надежду быть ему необходимой, она молила Бога, чтобы не стать ему въ тягость. Каковы бы ни были ея страданія, она ихъ скроетъ, будетъ имѣть сіяющій видъ, чтобы онъ только не пожелалъ себѣ свободы...

Но пусть Провидѣніе не накажетъ ее невыносимымъ бѣдствіемъ чрезмѣрнаго долготѣія! Женевьевъ всегда казалась дикою мысль, что Альберъ можетъ исчезнуть, а она — остаться. Теперь, когда зрѣлище недавней смерти влекло ея умъ къ похороннымъ мыслямъ, ей навязчиво представлялось, что подобная катастрофа, пожалуй, не минуетъ и ее. Конечно, она утѣшала себя тѣмъ, что нѣтъ силы, которая принудила бы ее остаться въ живыхъ послѣ утраты того, кто составлялъ смыслъ и сущность ея жизни. Она вспомнила о памятникѣ, къ которому, будучи молодою новобрачною, приложилась губами: это былъ гранитный столбикъ, на плоскомъ утесѣ, на берегу озера Гобъ. Этимъ легкимъ монументомъ былъ увѣковѣченъ случай, о которомъ рассказалъ ей тогда проводникъ. Въ старину, въ тѣ времена, когда ни одинъ романъ не могъ обойтись безъ озера, двое влюбленныхъплыли по водамъ Гоба, тихимъ, холоднымъ и синимъ. Они смѣялись. Вдругъ, неловко повернувшись, мужчина упалъ изъ лодки въ воду и уже не выплылъ. Женщина кинулась вслѣдъ за нимъ. Женевьева чувствовала къ нимъ зависть.

Но Боже! Кто возьмется опредѣлить безъ ошибки, во что онъ самъ превратится въ будущемъ?.. А если она изъ трусости останется въ живыхъ? Ее ужасало это предположеніе. Она блѣднѣла, видя себя, точно въ кошмарѣ, одинокою и старою, примкнувшею къ жалкому разряду вдовъ, оплакивающей угасшіе лучи славы, которая такъ плохо согрѣваетъ ее теперь, —

а, пожалуй, еще старческимъ пристрастіемъ къ большому свѣту (именно потому, что онъ для нея будетъ уже закрытъ), къ преклоненію, къ тщеславной суетѣ... Она дрожала, представляя себѣ, что станетъ безпокойной, ворчливой, злобной и будетъ донашивать среди насмѣшекъ,—подобно г-жѣ де-Курбуа, Фоше и всѣмъ этимъ жалкимъ „отставнымъ сотрудницамъ“,—имя покойнаго Альбера Телье...

(Продолженіе слѣдуетъ).

ВЪ ГОРОДѢ.

Моя комната—та-же тюрьма,
Гдѣ унылыя думы блуждаютъ,
Гдѣ мечты о борьбѣ умираютъ,
Гдѣ весь день и всю ночь полутьма.

Привели, засадили меня,
Только дверь на замокъ не закрыли:
Видно, сторожу скупо платили—
Такъ за сторожа слабость моя...

Тусклый городъ глядится въ окно.
Тусклый городъ смѣется беззвучно.
Какъ и мнѣ, ему, старому, скучно,
Притворяется онъ, что смѣшно.

В. Башкинъ.

Рабочій вопросъ и фабричное законодательство въ Россіи *).

*«Распроклятый нашъ заводъ
Перепортилъ весь народъ:
Кому палецъ, кому два,
Кому по локоть рука».*

Заводская пѣснь.

I.

Грандіозный техническій прогрессъ, вызвавшій къ жизни всю современную крупную промышленность, явился для миллионовъ людей источникомъ жесточайшихъ страданій. Когда англійскіе рабочіе, въ тяжелую для нихъ переходную эпоху отъ ручного труда къ механическому, громили фабричныя зданія и разбивали машины, лишавшія ихъ заработка, они и не подозревали, что тѣ же машины станутъ злѣйшимъ врагомъ и тѣхъ, кому онѣ дадутъ работу. Стоя у раскаленной печи или быстро движущихся машинъ, современный рабочій изо-дня-въ-день подвергается дѣйствию жара и холода, пыли и дыма, вредныхъ испареній и сквозного вѣтра; ослабленный плохимъ питаніемъ и отвратительными квартирными условіями, организмъ рабочаго быстро изнашивается, и болѣзнь каждый вечеръ подстерегаетъ его у фабричныхъ воротъ. Разрушительное вліяніе процессовъ производства на рабочихъ всюду вызывало вмѣшательство законодательной власти, стремящейся вознаградить больныхъ за потерю заработка и за расходы по лѣченію. Мы видѣли, что и у насъ принимались мѣры въ этомъ направленіи, но, къ сожалѣнію, ни дѣйствующее право, ни проектированный правительствомъ законъ не могутъ обезпечить рабочимъ той помощи, въ которой они нуждаются. Однако, болѣзнь еще изъ меньшихъ золъ. Среди грохота машинъ, тѣсно разставленныхъ въ фабричномъ корпусѣ и движущихся съ быстротой нѣсколькихъ тысячъ оборотовъ въ минуту, въ чаду литейныхъ, гдѣ расплавленный металлъ, искрящійся миллионами

*) См. Рус. Богат. 1903, кн. V.

огненныхъ брызгъ, течеть горящимъ потокомъ у ногъ рабочаго, въ сырыхъ и темныхъ подземныхъ шахтахъ, гдѣ стихійныя силы природы грозятъ обваломъ, пожаромъ и наводненіемъ, рабочій стоитъ лицомъ къ лицу со смертью и другими „несчастными случаями“, готовыми превратить крѣпкаго человѣка въ жалкаго калѣку. Трудно себѣ представить, какихъ огромныхъ жертвъ въ видѣ несчастныхъ случаевъ требуетъ отъ рабочихъ промышленность. Германская статистика показала, что промышленныя и сельскохозяйственныя предпріятія даютъ въ годъ (1899) до 440.000 несчастныхъ случаевъ, легкихъ и тяжелыхъ, между тѣмъ какъ во время франко-прусской войны потери нѣмцевъ убитыми, ранеными и выбывшими изъ строя составили 128.000 человѣкъ *). Въ Россіи, гдѣ промышленность слабѣе развита и гдѣ статистика несчастныхъ случаевъ до самаго послѣдняго времени почти не регистрировалась, общее число жертвъ значительно меньше, чѣмъ у нашихъ сосѣдей, но все же оно велико и у насъ. По официальнымъ свѣдѣніямъ, въ подчиненной надзору инспекціи фабричной промышленности произошло (въ 1901 г.) 27.135 несчастныхъ случаевъ **), въ горной же и горнозаводской (1899)—13.321, не считая нѣкоторыхъ заводовъ, перешедшихъ въ министерство финансовъ и давшихъ (въ 1898 г.) 7,693 несчастныхъ случая въ двухъ только заводахъ Путиловскомъ и Невскомъ ***); по другому официальному источнику ****), послѣ произведеннаго нами подсчета число несчастныхъ случаевъ въ горной промышленности опредѣлилось въ 12.457 (1901 г.), не считая казенныхъ заводовъ, относительно которыхъ въ „отчетѣ“ вовсе не имѣется данныхъ. Но ни та, ни другая статистика, дающая до 50.000 несчастныхъ случаевъ для фабричной и горнозаводской промышленности, не выражаетъ истинной величины явленія, потому что регистрація несчастій ведется у насъ крайне неполно, какъ это признають и официальныя изданія; дѣйствительное число несчастныхъ случаевъ должно быть по крайней мѣрѣ втрое или даже вчетверо больше, чѣмъ показано, *****) т. е. отъ 150 до 200 тысячъ въ годъ.

*) *Віюль*. Будущая война, т. V, стр. 386. Спб. 1898. Разумѣется, число убитыхъ въ войнѣ несравненно больше, чѣмъ убитыхъ въ промышленности.

**) См. ниже прим. б.

***) Сборникъ статистическихъ свѣдѣній о горнозаводской промышленности Россіи за 1899 г. подъ редакціей Лоранскаго, Спб. 1901 г., стр. LXXI слѣд.

****) Отчетъ горнаго департамента за 1900 и 1901 годъ. Спб. 1903.

*****) Въ недавно появившейся „Статистикѣ несчастныхъ случаевъ съ рабочими въ промышленныхъ заведеніяхъ, подчиненныхъ надзору фабричной инспекціи за 1901 годъ“ (Спб. 1903, изд. мин. фин.) заявляется: „неустановившаяся еще у насъ регистрація несчастныхъ случаевъ дала намъ за 1901 г. втрое или, можетъ быть, вчетверо меньшія числа...“ (стр. 11). Основаніемъ къ такому выводу послужилъ критическій разборъ статистическихъ данныхъ, изъ котораго выяснилось, что Россія даетъ 14,0 несчастныхъ случаевъ на 1000 рабочихъ, тогда какъ Германія 40,2, Франція —58,0. Относи-

Надо ли доказывать, какъ необходима помощь рабочимъ, пострадавшимъ отъ несчастныхъ случаевъ, какое огромное значеніе съ общественной точки зрѣнія имѣеть правильное рѣшеніе этой задачи. Въ необходимости и важности ея никто никогда и не сомнѣвался, какъ не сомнѣвались и въ томъ, что обязанность по вознагражденію должна лежать на предпринимателѣ; разногласіе существовало и существуетъ лишь по вопросу, въ какомъ размѣрѣ, въ какой формѣ и при какихъ условіяхъ потерпѣвшіе имѣютъ право на вознагражденіе. Не трудно понять, что неодинаковое отношеніе къ вопросу, обнаруживающееся въ разныхъ странахъ и въ разныя времена, объяснялось затрагиваемыми здѣсь матеріальными интересами предпринимателей. Если бы дѣло шло только о справедливости, кто осмѣлился бы поднять голосъ противъ полнаго денежнаго удовлетворенія несчастныхъ тружениковъ (или ихъ семействъ), продавшихъ свой трудъ фабриканту и на службѣ у него потерявшихъ здоровье или жизнь? Если бы на первый планъ выдвигались общественные интересы, что можно было бы возразить противъ такого порядка, при которомъ каждый членъ рабочей арміи имѣлъ бы право въ случаѣ несчастія на достаточное для дальнѣйшаго существованія обезпеченіе и тѣмъ избавилъ бы государство и мѣстную общину отъ огромныхъ расходовъ по при зрѣнію? Но въ вопросѣ объ обезпеченіи увѣчныхъ были замѣшаны интересы капитала, которые оказались сильнѣе всѣхъ другихъ соображеній. Первоначально, чтобы получить вознагражденіе за несчастный случай, потерпѣвшій или члены его семьи должны были обратиться къ суду, доказать вину хозяина или его уполномоченныхъ. Но, во первыхъ, доказать на судѣ причинную связь между несчастіемъ и дѣйствіями или упущеніями предпринимателя во многихъ случаяхъ было дѣломъ крайне труднымъ, хотя бы въ дѣйствительности несчастіе и произошло по винѣ предпринимателя; во вторыхъ, огромное большинство несчастныхъ случаевъ по существу не находилось ни въ какой связи съ дѣйствіями предпринимателя, и если бы потерпѣвшіе вадумали обратиться къ суду, поиски ихъ остались бы безрезультатными. Въ итогѣ примѣненіе къ несчастнымъ случаямъ нормъ гражданскаго права оставляло девять десятыхъ потерпѣвшихъ безъ вознагражденія, *) какъ это показала практика всѣхъ западно-европейскихъ государствъ. Дѣйствительно, чего могли добиться потерпѣвшіе, когда по швейцарской

тельно горной имѣются совершенно аналогичныя заявленія; такъ, у Лоранскаго (стр. LXXIII), въ отчетѣ горнаго департамента: („многіе случаи не только незначительные, но и повлекшіе за собою значительныя поврежденія, остались неизвѣстными горному надзору, вслѣдствіе неаккуратности нѣкоторыхъ фирмъ, а иногда изъ желанія скрыть эти случаи во избѣжаніе отвѣтственности“ (стр. 636).

*) *Dr. Zacher. Die Arbeiterversicherung im Auslande. 1898—1903. Heft. IV S. 17.*

статистикѣ лишь 12% несчастныхъ случаевъ вызывались виной владѣльца предпріятія *), а по германскимъ даннымъ — 19,76%. Надо ли удивляться, что въ Англіи—5% и во Франціи едва 5—10% всехъ несчастныхъ случаевъ заканчивались присужденіемъ вознагражденія потерпѣвшимъ **), что въ Германіи 80% увѣчныхъ оставались безъ матеріальнаго возмѣщенія ***). Подобный поря-докъ, разумѣется, былъ въ интересахъ однихъ только пред-принимателей, крѣпко державшихся за него, и не могъ не вызы-вать рѣшительныхъ протестовъ со стороны рабочихъ. Для всехъ непричастныхъ къ этой борьбѣ интересовъ становилась очевид-ной непримѣнимость общегражданскихъ нормъ къ вознагражде-нію несчастныхъ случаевъ.

Безпристрастное наблюденіе надъ промышленной жизнью при-водило къ выводу, что огромное большинство несчастныхъ слу-чаевъ съ рабочими вытекаетъ изъ самого технического процесса производства, изъ условій и обстановки производства; что во-просъ о виновности или невиновности предпринимателя не имѣетъ почти никакого значенія, такъ какъ несчастные случаи неразрывно связаны со всѣмъ техническимъ прогрессомъ, и если огражденіями машинъ и другими мѣрами предосторожности и можетъ быть сокращена численность катастрофъ съ рабочими, то совершенно ихъ предупредить при современной техникѣ нѣтъ никакой возможности; что если въ нѣкоторыхъ случаяхъ несчастіе и происходитъ по винѣ или неосторожности рабочаго, то не надо забывать, при какихъ условіяхъ производится работа въ фабрич-ныхъ и заводскихъ помѣщеніяхъ: когда рабочий проводитъ по 12 часовъ въ душной, смрадной, шумной мастерской, чувство осторожности, свойственное нормальному человѣку въ нормаль-ной обстановкѣ, должно естественно притупиться (статистика по-казала, что большинство несчастныхъ случаевъ приходится не на первые, а на послѣдніе часы работы). Если можно говорить о винѣ, то лишь о „винѣ предпріятія“, т. е. о профессиональномъ рискѣ. Въ виду этого законодательство объ отвѣтственности пред-принимателей должно быть построено на совершенно иныхъ, бо-лѣ близкихъ къ промышленной жизни, основаніяхъ: рабочий не долженъ доказывать связи между дѣйствіями предпринимателя и несчастнымъ случаемъ; наоборотъ, предприниматель долженъ отвѣчать за всякое несчастіе съ рабочимъ, происшедшее вслѣд-ствіе или во время производства; отъ этой отвѣтственности онъ можетъ быть освобожденъ, если докажетъ, что несчастіе произо-шло вслѣдствіе дѣйствія стихійныхъ силъ природы или по злому умыслу потерпѣвшаго. Начало это было проведено въ жизнь во

*) Zacher, Heft IV, S. 38.

**) Zacher, ibidem. Heft IV-a, S. 27, Heft V, S. 17.

***) Schippel. Social demokratisches Reichstags-Handbuch. Berlin. 1902. S. 104.
Изъ рѣчи Бебеля, произнесенной въ парламентѣ въ 1879 г.

многихъ европейскихъ государствахъ и не потому, конечно, чтобы идея справедливости восторжествовала въ современномъ капиталистическомъ обществѣ; правовая реформа въ интересующей насъ области явилась результатомъ возрастающаго значенія рабочаго класса и той партіи, которая была носителемъ его политическихъ интересовъ. Чтобы свергнуть старый порядокъ, пришлось повести ожесточенную борьбу, длившуюся — что удивительно характерно — во Франціи, Италиі, Россіи цѣлыхъ двадцать лѣтъ *). Эта продолжительность законодательной разработки вопроса была бы совершенно непонятной, если бы дѣло не шло о борьбѣ матеріальныхъ интересовъ: ни съ технической, ни съ юридической стороны переходъ отъ нормъ гражданскаго права къ специальному закону объ отвѣтственности не представлялъ никакихъ затрудненій, а социальное-политическая необходимость подобнаго закона была такъ же очевидна, какъ и другихъ законодательныхъ актовъ, направленныхъ къ охранѣ труда. Побѣда рабочихъ была, впрочемъ, далеко не изъ блистательныхъ. Капитулировавъ передъ новымъ принципомъ, предприниматели постарались сдѣлать его для себя наименѣе опаснымъ: въ законодательство всѣхъ почти странъ внесены были нормы, сократившія число вознаграждаемыхъ по специальному закону случаевъ и ограничившія матеріальныя права потерпѣвшихъ извѣстной долей дѣйствительнаго ихъ заработка (при обращеніи къ суду на прежнихъ основаніяхъ рабочіе могъ получить вознагражденіе въ размѣрѣ всего его заработка). Кромѣ того, новый порядокъ сохранилъ одну изъ главныхъ особенностей прежняго — за немногими исключеніями онъ не давалъ потерпѣвшимъ гарантій въ томъ, что слѣдующая ихъ сумма будетъ дѣйствительно уплачена предпринимателемъ. Увѣчные и ихъ семьи поставлены были въ прямую зависимость финансоваго благополучія предпріятія и даже доброй воли его хозяина.

Отъ всѣхъ этихъ недостатковъ оказалась свободной только третья форма обезпеченія — обязательное страхованіе рабочихъ, наиболѣе полно осуществленное въ Германіи и Австріи **). Рабочіе

*) Zacher, Heft VI, S. 15, Heft IV. S. 38.

**) Въ русской литературѣ для обозначенія германской системы страхованія отъ несчастныхъ случаевъ употребляются различнаго рода термины: обязательное, обязательное государственное, государственное, общегосударственное взаимное страхованіе, и т. д.; примѣненіемъ термина „государственное“ желаютъ какъ бы отгнать, что обязательное страхованіе проведено государственной властью, а не добровольнымъ соглашеніемъ предпринимателей, что союзы взаимнаго страхованія пользуются публично-правовымъ положеніемъ. Самое правильное называть германскую систему обязательнымъ страхованіемъ, такъ какъ при такомъ опредѣленіи легко выдѣлить государственное страхованіе въ тѣсномъ смыслѣ, т. е. организуемое и всецѣло управляемое государственной властью, отъ обязательнаго, носителемъ котораго являются союзы взаимнаго страхованія предпринимателей въ Германіи и Австріи. Такъ, напр., выработанный въ 80-хъ годахъ обществомъ для содѣйствія русской промышленности и торговлѣ проектъ устава „Государственной кассы

зависать уже здѣсь отъ матеріальнаго благополучія отдѣльной фабрики или завода; въ случаѣ несчастія они имѣютъ дѣло со страховой, организованной на началахъ взаимности предпринимателей, кассой, финансовая прочность которой стоитъ внѣ всякихъ сомнѣній; средства страховыхъ кассъ образуются изъ взносовъ предпринимателей, соразмѣрно степени опасности предприятия и суммѣ выдаваемой заработной платы; организація кассъ и участіе въ нихъ принудительны. Такимъ путемъ удалось создать институтъ, благами котораго пользуются миллионы рабочихъ, безъ страха глядящихъ въ будущее, такъ какъ они знаютъ, что въ случаѣ несчастія ихъ семьи будутъ обеспечены. И это замѣчательное учрежденіе XIX вѣка было призвано къ жизни чисто политическими мотивами, не имѣющими ничего общаго съ конечной цѣлью страхованія и въ скрытомъ видѣ подтверждающими фактъ огромнаго вліянія рабочихъ партій: правительство Бисмарка, убѣдившись въ непригодности созданныхъ имъ исключительныхъ законовъ противъ социаль-демократіи и уstraшенное ростомъ новаго движенія среди рабочихъ, задумало привлечь ихъ на свою сторону, ослабить силы политическаго противника, и въ этихъ видахъ предложило систему страхованія рабочихъ. Въ императорскомъ посланіи къ рейхстагу (отъ 17 ноября 1881 года), приступившему къ обсужденію законопроекта о страхованіи рабочихъ, заявлялось, что „лѣченіе социальныхъ золъ должно происходить не исключительно путемъ репрессій противъ социаль-демократическихъ крайностей, но равнымъ образомъ положительнымъ содѣйствіемъ благу рабочихъ“. Бисмаркъ, по идеѣ котораго и всеобщее избирательное право „въ странѣ съ монархическими традиціями и лояльнымъ образомъ мыслей“ должно было повести „къ монархическимъ выборамъ, устранивъ вліяніе либеральныхъ буржуазныхъ классовъ“ *), не менѣе опредѣленно высказывалъ свой взглядъ и на политическія цѣли, преслѣдуемыя страхованіемъ. Задача государственной политики—говорилось въ мотивахъ къ первому законопроекту (1880—81 г.) — должна состоять въ томъ, чтобы привить неимущимъ классамъ населенія возрѣніе на государство не только какъ на необходимое, но и благотѣльное и для нихъ учрежденіе. Въ рѣчи 18 мая 1889 г. по поводу

страхованія“ имѣлъ въ виду именно государственную, правительственную кассу; то же имѣло въ виду горное вѣдомство во второй половинѣ 90-хъ годовъ и т. д. Къ сожалѣнію, неопредѣленность терминологіи не всегда позволяетъ отличить, высказывается ли данное учрежденіе за обязательное или за государственное страхованіе. Въ нашей статьѣ мы будемъ строго отдѣлять обязательное отъ государственнаго, чтобы не подать повода къ ошибочному заключенію, будто мы стоимъ за введеніе государственнаго страхованія. Напротивъ, мы рѣшительно высказываемся противъ государственнаго (правительственнаго) страхованія въ пользу обязательнаго.

*) „Herkner“, Die Arbeiterfrage, Berlin. 1902. S. 130. (Изъ письма Бисмарка).

страхованія инвалидности и старости Бисмаркъ конкретно разъяснил эту мысль на примѣрѣ французовъ, привязанныхъ къ правительству, какъ бы оно ни было плохо, потому что большинство изъ нихъ получаютъ ренту отъ государства. Что именно социаль-демократы были причиной созданнаго Бисмаркомъ страхованія, показываетъ и рѣчь его въ рейхстагѣ 26 ноября 1884 года, когда онъ заявилъ: „если бы не было социаль-демократовъ и если бы многіе не испытывали передъ ними страха, не существовало бы и тѣхъ умѣренныхъ успѣховъ, которыхъ достигли мы въ области социальныхъ реформъ“ *). Рабочая партія, возражая противъ частностей, сочувственно относилась къ идеѣ обязательнаго страхованія, но и на этотъ разъ интересы труда столкнулись съ интересами капитала. Защитниками послѣднихъ явились въ рейхстагѣ либеральныя партіи, рѣшительно выступившія противъ расширенія государственной компетенціи и за сохраненіе принципа индивидуальной отвѣтственности; въ противовѣсъ проекту Бисмарка три либеральныя партіи внесли предложеніе (Буля) **) о распространеніи на владѣльцевъ всѣхъ почти промышленныхъ заведеній отвѣтственности, установленной для желѣзнодорожныхъ предпріятій. Формально, слѣдовательно, борьба какъ будто происходила между принципами манчестерскаго либерализма и принудительности, лежащей въ основѣ обязательнаго страхованія, но въ дѣйствительности за этой идеологической формой борьбы скрывались очень опредѣленные интересы капитала, открыто выступившіе наружу, когда зашла рѣчь о сохраненіи или исключеніи въ системѣ страхованія частныхъ страховыхъ обществъ. Либеральныя ораторы стояли за сохраненіе частнаго страхованія промышленной отрасли, въ которой уже тогда были затрачены большіе капиталы и которой въ будущемъ представлялись еще болѣе блестящія перспективы. Ораторы либерализма въ родѣ Вамбергера, нападая на правительственный законопроектъ, жаловались на развореніе частныхъ страховыхъ обществъ, тогда какъ тѣ „старались заслужить благодарность своихъ согражданъ“. Такая апологія и идеализація частнаго страхованія, всегда и всюду являвшагося *tertius gaudens* въ борьбѣ изувѣченнаго несчастнымъ случаемъ рабочаго съ неохотно раскошеляющимся предпринимателемъ, заставила Бисмарка писать: „я всегда думалъ, что частныя страховыя общества стремятся только получить деньги отъ своихъ согражданъ; если они хотятъ еще благодарности, то это очень ловкая операція“ ***). Такимъ образомъ вопросъ, быть ли закону объ отвѣтственности или обязательному страхованію, рѣшался въ ту или иную сторону

*) Schippel, SS. 105, 107, 117, Herkner--132.

**) Schippel, S. 1901.

***) См. Юлльсъ. Страхваніе рабочихъ въ Германіи. „Рус. Мысль“, 1895, кн. 1, стр. 139.

отнюдь не по техническимъ достоинствамъ или недостаткамъ той или иной системы; то была чисто экономическая и политическая дилемма, рѣшеніемъ которой въ пользу страхованія прежде всего затрагивались интересы капитала: предпринимателямъ была выгоднѣе или, вѣрнѣе, казалась болѣе выгодной система индивидуальной отвѣтственности. Въ этомъ убѣждаетъ насъ исторія и другихъ европейскихъ законодательствъ о вознагражденіи увѣчныхъ. Когда въ парламентахъ обсуждался вопросъ о примѣненіи германской системы, всюду—въ Италіи, *) Франціи, **) Англии ***) сторонники индивидуальной отвѣтственности выдвигали возраженіе о дороговизнѣ обязательнаго страхованія. Приводились, конечно, и другіе аргументы, но несомнѣнно, что рѣшающимъ моментомъ въ пользу закона объ индивидуальной отвѣтственности явились въ конечномъ счетѣ правильно или неправильно понятыя интересы предпринимателей.

Совершенно тѣмъ же путемъ шло и въ Россіи развитіе законодательства объ отвѣтственности предпринимателей. Иначе и не могло быть. Сущность отношеній между предпринимателями и рабочими была въ Россіи той же, что и всюду; оберегая свои интересы, предприниматели могли сочувствовать только такому законодательству, которое не предъявляло бы къ нимъ большихъ требованій о вознагражденіи, и эту тенденцію такъ или иначе удавалось проводить въ жизнь. Въ то время, какъ рабочіе до послѣдняго года не имѣли даже никакой законной возможности заявить о самыхъ скромныхъ своихъ пожеланіяхъ, въ распоряженіи предпринимателей находился цѣлый арсеналъ средствъ для защиты своихъ интересовъ: и печать, и профессиональные сѣзды, и корпоративныя организаціи, и ходатайства передъ высшимъ правительствомъ, и участіе въ предварительномъ обсужденіи проектируемыхъ ими мѣропріятій, и власть денегъ, и личныя связи, и вся наша покровительственная политика, позволявшая затормазить всякое требованіе рабочихъ, связанное съ нѣкоторыми матеріальными пожертвованіями для предпринимателей, какъ несомнѣстимое съ интересами „отечественной“ промышленности. Все наше фабричное законодательство носитъ въ себѣ явственныя слѣды этого сильнаго, никогда не прекращавшагося вліянія представителей промышленности, настолько сильнаго, что интересы капитала стали въ законѣ отождествляться съ интересами національными и государственными.

Рабочіе, вступившіе въ стачку для поднятія заработной платы, едва покрывающей у насъ минимальныя потребности самаго примитивнаго существованія, подлежатъ жестокой уголов-

*) Zacher, Heft VI, S. 17.

**) Zacher, Heft IV, S. 39.

***) Zacher, Heft V, S. 18.

ной карѣ въ видѣ тюремнаго заключенія; между тѣмъ предприниматели за самовольное пониженіе платы рабочимъ подвергаются всего денежному взысканію отъ 100 до 300 руб., хотя бы слѣдствіемъ подобнаго дѣйствія возникли рабочіе безпорядки, подавленные „безъ помощи чрезвычайныхъ мѣръ“. За самовольный отказъ отъ работы до истеченія срока найма или безъ законнаго предупрежденія рабочій подвергается аресту до одного мѣсяца, тогда какъ фабрикантъ за досрочное увольненіе рабочаго не несетъ никакой отвѣтственности и только постановленіемъ суда можетъ быть присужденъ къ уплатѣ рабочему извѣстнаго вознагражденія. Съ точки зрѣнія общественнаго спокойствія, во имя котораго санкціонированы были такія серьезныя кары для рабочихъ, досрочное увольненіе фабрикантомъ рабочихъ гораздо опаснѣе самовольнаго ихъ отказа отъ работы, и тѣмъ не менѣе законодатель счелъ возможнымъ ввести такое распредѣленіе ролей между предпринимателями и рабочими, возложивъ за однородныя правонарушенія имущественную отвѣтственность на первыхъ и личную на вторыхъ. При такихъ условіяхъ вполнѣ естественно, что и правовыя нормы объ отвѣтственности предпринимателей за несчастные случаи съ рабочими должны были сложиться крайне неблагоприятно для послѣднихъ.

II.

До самаго новѣйшаго времени законодательство наше не знало спеціальной отвѣтственности предпринимателей *). За крайне немногими исключеніями, гдѣ эта отвѣтственность допускалась (ст. 683 X т. объ отвѣтственности желѣзнодорожныхъ и пароходныхъ предприятий, ст. 329, 330 XII т.—судохозяевъ и судопромышленниковъ и ст. 70 прим 1. Полож. 8 марта 1861 г., замѣненная недавно правилами 15 мая 1901 г. о пенсіяхъ рабочимъ казенныхъ горныхъ заводовъ и рудниковъ), къ дѣламъ о вознагражденіи потерпѣвшихъ рабочихъ примѣнялась общая норма гражданскаго права (ст. 684), по которой „всякій обязанъ вознаградить за вредъ и убытки, причиненные кому-либо его дѣяніемъ или упущеніемъ, хотя бы сіе дѣяніе или упущеніе и не составляло ни преступленія, ни проступка, если только будетъ сказано, что онъ не былъ принужденъ къ тому требованіями закона или правительства или необходимою личною обороною, или же степеніемъ

*) Мы останавливаемся подробнѣе, чѣмъ намъ хотѣлось бы, на нормахъ гражданскаго права и дѣятельности обществъ частнаго и взаимнаго страхованія, потому что съ изданіемъ новаго закона 1903 г. первыя сохраняютъ свою силу для огромной массы рабочихъ, вторыя же должны получить еще большее примѣненіе; разумѣется, юридическія основанія дѣятельности страховыхъ обществъ должны будутъ приспособиться къ новымъ требованіямъ закона.

такихъ обстоятельствъ, которыхъ онъ не могъ предотвратить“. На основаніи этой нормы, приуроченной къ условіямъ, совершенно чуждымъ фабрично-заводской средѣ, увѣчные рабочіе или ихъ семьи искали въ судѣ вознагражденія. Приходилось начинать длившійся мѣсяцами, а то и годами процессъ, исходъ котораго далеко не всегда былъ благопріятенъ для потерпѣвшихъ. Около рабочихъ образовался классъ особаго рода „увѣчныхъ адвокатовъ“, бравшихъ себѣ такое вознагражденіе за труды, что выигравшему процессъ рабочему доставались лишь крохи; зло было такъ велико, что нѣкоторые совѣты присяжныхъ повѣренныхъ вынуждены были установить норму % вознагражденія адвокатовъ по дѣламъ объ увѣчьяхъ. Оставшійся безъ всякихъ средствъ, неувѣренный въ благополучномъ исходѣ процесса, рабочий нерѣдко соблазнялся предложеніемъ пойти на мировую, и въ этихъ случаяхъ предприниматель отдѣлывался грошами. Насколько тяжело было положеніе рабочихъ, искавшихъ вознагражденія судомъ, какъ рѣдко достигалась ими цѣль, показываютъ нѣкоторые официальные данныя. По свѣдѣніямъ, собраннымъ министерствомъ юстиціи по губерніямъ Петербургской, Московской, Варшавской, Владимірской и Петроковской, за 3½ года (съ 1 янв. 1890 г. по 1 іюня 1893 г.) рабочими и членами ихъ семействъ возбуждены были 519 исковъ о вознагражденіи за увѣчья или смерть вслѣдствіе несчастныхъ случаевъ, изъ нихъ *удовлетворены были лишь 138 или 26,75% всего числа исковъ* *). Въ самыхъ промышленныхъ губерніяхъ Имперіи, съ наиболѣе развитымъ крупнымъ производствомъ, три четверти потерпѣвшихъ ушли изъ суда съ разбитыми надеждами и разбитой жизнью! Да и можно ли было ожидать другихъ результатовъ! Вѣдь на потерпѣвшаго выпадала тяжелая задача доказать, что несчастіе произошло по винѣ предпринимателя, между тѣмъ и въ дѣйствительности такихъ случаевъ могло быть сравнительно немного: по даннымъ германской статистики 43,40% несчастій должны быть приписаны профессиональной опасности производства, 19,76%—винѣ владѣльца предпріятія, 25,64%—винѣ рабочаго и, наконецъ, 4,45% и 3,28%—совмѣстной ихъ винѣ и винѣ соработниковъ или постороннихъ.

*) Данныя эти позволяютъ косвеннымъ образомъ заключить, какое огромное число потерпѣвшихъ не думали даже обращаться къ суду (потому ли что не знали своихъ правъ, или пошли на мировую съ предпринимателемъ). Въ 1901 году въ названныхъ пяти губерніяхъ произошло 536 несчастныхъ случаевъ; если признать эту цифру нормальной, то въ 3½ года цифра несчастій, закончившихся смертью и тяжкимъ увѣечьемъ, достигла бы свыше 1850, т. е. въ три съ половиною раза больше числа предъявленныхъ исковъ. Конечно, въ 1890—1893 гг. число рабочихъ было меньше, чѣмъ въ 1901 г., но вѣдь и данныя о несчастныхъ случаяхъ должны быть увеличены въ три и даже четыре раза.

Въ такомъ положеніи находилось дѣло долгіе годы, и всѣ понимали ненормальность подобнаго порядка. Проводникомъ новаго правосознанія явились суды, которые стали относиться съ большимъ вниманіемъ къ нуждамъ рабочихъ, такъ какъ не могли не видѣть, что огромное большинство несчастій зависитъ отъ условій самого производства. Суды стали чаще удовлетворять иски рабочихъ о вознагражденіи, и эта судебная практика вызвала къ жизни совершенно новое явленіе—страхованіе рабочихъ отъ несчастныхъ случаевъ. Необходимость страхованія была очевидна: въ предпріятіяхъ съ большимъ числомъ рабочихъ несчастія могли принять массовый характеръ, предпріятію предстояло бы произвести сразу большой расходъ по удовлетворенію потерпѣвшихъ, который могъ бы оказаться не по силамъ; чтобы снять съ себя рискъ, и пришлось прибѣгнуть къ страхованію въ страховыхъ акціонерныхъ обществахъ. Операнія эта до 90-хъ годовъ развивалась очень слабо, и только съ этого времени начинается быстрый ея ростъ. Въ 1901 году собрано было страховыхъ премій по коллективному страхованію рабочихъ 3.438,000 р.; если допустить, что размѣръ премій въ этомъ году оставался такимъ же, какъ въ 1898 г., т. е. 2 р. 83 к. на одного застрахованнаго, то число застрахованныхъ рабочихъ должно было быть въ 1901 г. слишкомъ 1.200,000 человекъ, т. е. около половины всего числа фабрично-заводскихъ. Приблизительный подсчетъ нашъ показываетъ, какое огромное значеніе приобрѣла въ нашей жизни новая форма обезпеченія потерпѣвшихъ отъ несчастныхъ случаевъ рабочихъ. Значеніе это зависѣло не только отъ степени распространенія ея, но и отъ спеціально правовыхъ особенностей. Согласно „общимъ условіямъ по коллективному страхованію отъ несчастныхъ случаевъ“, утвержденнымъ министромъ внутреннихъ дѣлъ 20 іюля 1887 г., страховыя общества обязываются уплатить условленное по полису денежное вознагражденіе, когда застрахованнымъ лицамъ *во время исполненія ими обязанностей по упомянутому въ полисѣ занятію* будетъ причинено какимъ-либо несчастнымъ случаемъ такое поврежденіе въ здоровьѣ, послѣдствіемъ котораго будетъ или смерть, или потеря на всю жизнь способности снискивать пропитаніе трудомъ (инвалидность), или, наконецъ, временная потеря способности къ труду; не даютъ права на вознагражденіе: 1) всѣ, не вызванныя несчастнымъ случаемъ, *обыкновенныя болѣзни*, 2) несчастные случаи, происшедшіе отъ землетрясенія, войны, народныхъ смуть, *противозаконныхъ дѣйствій или злого умысла страхователя или самого пострадавшаго лица*, явно нетрезваго поведенія или драки и самоубійства, безразлично—будетъ ли совершено оно въ здоровомъ умѣ или въ состояніи психическаго разстройства; 3) несчастные случаи, приключившіеся не во время самого исполненія застрахованнымъ лицомъ служебныхъ обязанностей по упомяну-

тому въ полисъ занятію. Такимъ образомъ, страхованіемъ въ акціонерныхъ обществахъ выдвигалось на первый планъ условіе, чтобы несчастіе произошло *во время исполненія* обязанностей застрахованнымъ лицомъ, и въ этихъ случаяхъ потерпѣвшіе имѣли право на полученіе страховой суммы; принципъ этотъ, хотя и обставленный многочисленными ограниченіями, съ формальной стороны рѣшительно отличался отъ начала, принятаго въ общихъ законахъ, такъ какъ потерпѣвшимъ не надо было доказывать, что причиненный вредъ произошелъ по вину предпринимателя; вознагражденіе не зависѣло и отъ того, могъ ли быть этотъ вредъ предотвращенъ или нѣтъ. Съ юридической стороны, слѣдовательно, страхованіе уже приближалось къ спеціальному законодательству объ отвѣтственности предпринимателей и въ этомъ смыслѣ опередило дѣйствовавшее у насъ право.

Но страхованіе въ акціонерныхъ обществахъ связано было для рабочихъ съ массой такихъ, выражаясь мягко, „неудобствъ“, что значеніе этой формы обезпеченія потерпѣвшихъ стало болѣе чѣмъ проблематичнымъ. Во-первыхъ, самая идея профессиональнаго риска обставлена была множествомъ ограниченій; если, напр., ткачъ былъ подхваченъ передаточнымъ ремнемъ и изувѣченъ не въ томъ отдѣленіи, гдѣ работаютъ ткацкіе станки, а въ сосѣднемъ, куда посланъ былъ по дѣлу, то страховое общество могло отказать въ выдачѣ вознагражденія на томъ основаніи, что несчастіе произошло не по упомянутому въ полисъ занятію; страховое общество не выдавало вознагражденія и за несчастные случаи, происшедшіе отъ противозаконныхъ дѣйствій или злого умысла самого страхователя (фабриканта, заводчика и прочихъ владѣльцевъ промышленныхъ предпріятій), т. е. даже въ такихъ случаяхъ, когда и по дѣйствующему общему праву рабочіе должны быть вознаграждены. Во-вторыхъ, самый размѣръ вознагражденія установленъ былъ такой низкій, что страхованіе приносило рабочимъ ничтожную пользу. По общему правилу, страховое вознагражденіе на случай смерти составляетъ 1000-кратный дневной заработокъ и на случай инвалидности—1500-кратный. Другими словами, въ случаѣ смерти семья потерпѣшаго получала почти 3¹/₂ годичный его заработокъ (при 288 рабочихъ дняхъ въ году), цифра, ничтожность которой станетъ ясною, если вспомнить, что суды обыкновенно присуждали вознагражденіе въ размѣрѣ 10-лѣтняго заработка; при инвалидности же потерпѣвшему выдавалась обществомъ пенсія, которая при полной потерѣ трудоспособности составляла отъ 6⁰/₁₀₀ (при 30-тилѣтнемъ возрастѣ потерпѣшаго) до 10⁰/₁₀₀ (при 62 лѣтнемъ) страховой суммы или, такъ какъ средняя страховая сумма достигала 907 рублей, то предѣлы пенсій колебались отъ 54 руб. до 90 руб. въ годъ; при другихъ видахъ инвалидности (всѣхъ степеней три) пенсія значительно понижалась. Ясно, какое ничтожное вознагражденіе причиталось рабо-

чимъ въ частныхъ страховыхъ обществахъ. Да и трудно было бы ожидать иного. Въдѣ страхование представляло собою не установленный закономъ способъ обезпеченія потерпѣвшихъ, а добровольный актъ предпринимателей, которые путемъ страхования снимали съ себя рискъ въ случаѣ несчастій; страховая сумма была поэтому не тѣмъ вознагражденіемъ, которое полагается потерпѣвшимъ по закону (при обращеніи къ суду потерпѣвшій, въ случаѣ признанія иска, имѣлъ право на *полное* вознагражденіе всего понесеннаго имъ убытка), а значительно меньшимъ. Только при такомъ условіи предприниматели и имѣли интересъ страховать своихъ рабочихъ. Послѣдніе, конечно, могли не согласиться на то вознагражденіе, которое выдавало страховое общество; для нихъ страхование было сдѣлкой между третьими лицами, имѣющей свою силу только для предпринимателя и общества, и потому рабочіе отнюдь не лишались права обратиться къ суду и обычнымъ порядкомъ добиваться вознагражденія. Такъ какъ при обращеніи къ суду часть риска все же оставалась на предпринимателѣ и цѣль страхования не достигалась вполнѣ, то страховыя общества (за бѣольшую, конечно, премію) стали заключать страхование и съ гражданской отвѣтственностью по суду; въ этомъ послѣднемъ случаѣ общество должно было уплатить выигравшему дѣло рабочему все, что постановлено было судомъ въ его пользу. Къ несчастью, рабочіе такъ плохо были освѣдомлены о значеніи заключеннаго въ ихъ пользу страхования, что считали страховую сумму полагающимся имъ по закону вознагражденіемъ; къ тому же искать судомъ было почти невозможно, и неудивительно, что застрахованные рабочіе такъ рѣдко возбуждали противъ страховыхъ обществъ судебные процессы *). Въ третьихъ, предприниматели, пользуясь тѣмъ же невѣдѣніемъ рабочихъ, нерѣдко привлекали ихъ къ... платежу страховыхъ премій, вопреки явному смыслу закона, возлагающаго обязанность по вознагражденію увѣчныхъ всецѣло на владѣльцевъ промышленныхъ предпріятій, и—что всего печальнѣе—въ подобнаго рода дѣяніяхъ встрѣчали сочувствіе и поддержку со стороны главнаго по фабричнымъ и горнозаводскимъ дѣламъ присутствія. Присутствіе это по частному дѣлу (по жалобѣ владѣльца механической мастерской, оштрафованнаго мѣстнымъ присутствіемъ за то, что вычиталъ изъ заработной платы „по мелочамъ“ поло-

*) Незначительное количество процессовъ, по мнѣнію г. Пресса („Страхование рабочихъ въ Россіи“, СПб. 1900, стр. 17), „всего лучше доказываетъ, что установившіяся въ самое послѣднее время нормы всего болѣе удовлетворяютъ требованіямъ заинтересованныхъ сторонъ при настоящемъ положеніи вещей“. Разсужденіе это такъ же правильно, какъ если бы мы сказали: незначительное количество процессовъ противъ прусской полиціи всего лучше доказываетъ, что нормы ея дѣятельности удовлетворяютъ правосознанію общества.

вину страховой преміи) признало, что „взиманіе платы по страхованію рабочихъ не относится къ числу запрещенныхъ закономъ“*), не смотря на то, что истинный смыслъ закона не допускалъ никакихъ сомнѣній. Вѣдь признать за предпринимателемъ право подобнаго рода вычетовъ все равно, что уменьшить право потерпѣвшихъ на вознагражденіе или даже вовсе лишить ихъ его. И мы дѣйствительно знаемъ, что когда поднятъ былъ вопросъ о реформѣ горнозаводскихъ кассъ въ Польшѣ, накопившихъ средства частью взносами рабочихъ, законодатель категорически запретилъ кассамъ выдавать вознагражденіе потерпѣвшимъ отъ несчастныхъ случаевъ, такъ какъ это дѣло составляетъ прямую и единственную обязанность предпринимателей.

Но самый важный недостатокъ частнаго страхованія заключался въ томъ, что страховыя общества всяческими путями урѣзывали полагающееся потерпѣвшимъ вознагражденіе. Эта сторона дѣятельности обществъ, позорная и заслуживающая самаго рѣшительнаго осужденія, въ послѣднее время приняла такіе размѣры, что привлекла къ себѣ всеобщее вниманіе. Приемы обирательства рабочихъ всюду были одни и тѣже. Случилось несчастіе съ застрахованнымъ рабочимъ. Осталась семья безъ всякихъ средствъ. Пріѣзжаетъ страховой агентъ, главный герой всей закулисной драмы. Въмѣсто того, чтобы предложить потерпѣвшимъ причитающуюся имъ страховую сумму, агентъ вступаетъ въ торгъ и назначаетъ нищенское вознагражденіе. Тѣ отказываются; агентъ исчезаетъ. И вотъ бѣдняки сидятъ безъ хлѣба, топчутся у фабричной или заводской конторы, просятъ о заступничествѣ; но денегъ нѣтъ—какъ нѣтъ. Агентъ беретъ своихъ кліентовъ изморомъ, и тѣ въ концѣ концовъ соглашаются на все. Конечно, у потерпѣвшихъ есть право обратиться къ суду, но вѣдь процессъ, всячески оттягиваемый страховымъ обществомъ, можетъ затянуться—и дѣйствительно затягивается—на многіе годы, и рабочимъ не оставалось иного выхода, какъ смириться. Казалось бы, потерпѣшіе могли бы найти защиту у предпринимателя, застраховавшего своихъ рабочихъ; но этого не было: если бы предприниматели стали настаивать на полномъ вознагражденіи потерпѣвшихъ, страховыя агенты немедленно пригрозили бы повышеніемъ страховыхъ премій, и первые предпочитали умыть руки во всемъ этомъ дѣлѣ. Командированный въ 1902 г. министромъ земледѣлія въ юго-восточную и южную горныя области, Л. Бертенсонъ **) собралъ массу подобнаго рода фактовъ, приведшихъ его къ убѣжденію, что „заявленія правительственнаго надзора и указанія

*) Сборникъ постановленій главнаго по фабричнымъ и горнозаводскимъ дѣламъ присутствія. СПб. 1903. Изд. мин. фин. стр. 297.

**) Докладъ г. Бертенсона министру напечатанъ былъ, съ разрѣшенія министра, въ журналѣ „Промышленность и Здоровье“, 1903, январь. Курсивъ всюду нашъ.

печати о ненормальности положенія и о крайней необходимости упорядоченія частнаго страхованія нисколько не преувеличены и требуют самаго серьезнаго вниманія со стороны правительства“.

„Страховыя общества—официально заявлялъ окружной инженеръ г. Абрамъ—употребляютъ всѣ усилія къ пониженію причитающихся рабочимъ страховыхъ премій и даже при точномъ опредѣленіи утраты трудоспособности или при смертныхъ случаяхъ, когда размѣръ вознагражденія точно опредѣленъ, *торгъ съ рабочими начинается обыкновенно съ незначительныхъ суммъ*“. Согласно рапорту окружного инженера г. Хованскаго, страховыя общества прибѣгаютъ *„къ угрозамъ“*, въ случаѣ недовольства рабочаго назначаемымъ агентомъ пособіемъ, лишить его совершенно преміи, послѣ чего рабочему ничего больше не остается, какъ искать удовлетворенія въ судѣ, гдѣ, по множеству примѣровъ, *дѣла страховыми обществами затягиваются на срокъ до 5 лѣтъ*; отъ этого страдаетъ только увѣчный рабочій, такъ какъ страховое общество, имѣя у себя на службѣ постоянныхъ юрисконсультовъ и агентовъ, можетъ вести тяжбу до безконечности“. Въ назначеніи размѣра вознагражденія агенты допускали *„полный произволъ“* и, не смотря на точное опредѣленіе врачомъ степени потери трудоспособности, предлагали потерпѣвшимъ *„несоразмѣрно малыя вознагражденія“*. На нѣкоторыхъ рудникахъ такой врачебной экспертизы совершенно не дѣлалось, и все рѣшалось *„по личному и крайне капризному усмотрѣнію самого агента“*. Были и такіе рудники, на которыхъ *„врачи, получая вознагражденіе отъ страховыхъ обществъ, являлись въ сущности тѣми же агентами страховыхъ обществъ“*. Мало того, *„страховыя общества выговаривали себѣ право допускать или не допускать пострадавшаго рабочаго къ дальнѣйшей работѣ на рудникѣ или заводѣ и пользовались этимъ обстоятельствомъ, какъ мѣрой къ пониженію страховой преміи“*. То же самое подтвердилъ и г. Кулешовъ *).

Торговля, запугиваніе, оттягиваніе сдѣлки и выдачи преміи—обычныя приемы, пускавшіеся въ ходъ агентами и дѣлавшіеся возможными только вслѣдствіе невѣдѣнія рабочихъ, неумѣнія вычислить причитающіяся имъ суммы, безпомощности оставшихся безъ заработка инвалидовъ. Благодаря всѣмъ этимъ некрасивымъ манипуляціямъ г.г. агентовъ, вознагражденіе застрахованныхъ рабочихъ стало насмѣшкой надъ человѣческимъ достоинствомъ. Г. Кулешовъ сообщилъ факты, которые способны вызвать глубокое негодованіе. Страховое общество „послѣ продолжительнаго торга“ уплатило за убитыхъ рабочихъ въ одномъ случаѣ 30 руб., въ другомъ—30 руб. и путевые расходы по отправкѣ на родину

*) „Больничное лѣченіе и страхованіе рабочихъ на рудникахъ Грушевско-Власовскаго района Донской области“, Воронежъ (Перепечатано изъ журнала „Медицинская Бесѣда“), стр. 6—7.

жены и двухъ малолѣтнихъ дѣтей погибшаго, въ третьемъ—100 руб; „такая оцѣнка погибшихъ отъ работъ рабочихъ далеко ниже въ хорошій годъ цѣнъ крупнаго скота у насъ на ярмаркахъ“.

И сколько такихъ случаевъ! Печать переполнена жалобами на дѣйствія страховыхъ обществъ и ихъ агентовъ. Недавно еще докторъ Б. открытымъ письмомъ страховому обществу „Россия“, напечатанномъ въ „Вѣстникъ Юга“ (1903), обратился, „какъ врачъ, пользовавшій инвалида Х. и какъ человекъ“, съ предложеніемъ доплатить Х-у недоданные ему 600 рублей и „обращаетъ вниманіе на произвольныя, ничѣмъ не объяснимыя дѣйствія агентовъ“. Къ сожалѣнію, подобныя голоса оставались безъ отвѣта, потому что дѣйствія агентовъ не имѣли случайнаго характера, а составляли „честный“ коммерческій пріемъ для повышенія дивидендовъ за счетъ изувѣченныхъ тружениковъ,—пріемъ, несомнѣнно встрѣчавшій сочувствіе со стороны заправилъ страховыхъ обществъ. До какой степени страховыя общества эксплуатируютъ потерпѣвшихъ, наглядно показала катастрофа на Анненскомъ рудникѣ (въ концѣ 1902 г., близъ Юзовки), унесшая въ могилу 60 рабочихъ: не смотря на неоднократныя требованія администраціи рудника, общество „Россия“, въ которомъ были застрахованы погибшіе, цѣлыми недѣлями не приступало къ ликвидаціи убытковъ, и владѣлецъ принужденъ былъ обратиться телеграммой къ тремъ министрамъ—внутреннихъ дѣлъ, юстиціи и государственныхъ имуществъ—съ просьбой „оказать воздѣйствіе на страховое общество“.

Словомъ, у насъ повторилось буквально тоже, что и на Западѣ. „Большинство процессовъ объ увѣчьяхъ—заявлялъ Феликсъ Форъ въ французской палатѣ въ 1882 г.—ведутся при совершенно особенныхъ, безнравственныхъ условіяхъ... По соглашенію съ предпринимателемъ страховое общество выговариваетъ себѣ право вести процессъ противъ рабочаго, и тактика общества состоитъ въ томъ, чтобы водить рабочаго изъ одного суда въ другой, пока тотъ, утомленный борьбой, не согласится на ничтожное вознагражденіе“. Страховыя общества во Франціи систематически „доводили дѣла до суда и затягивали процессъ до... 7 лѣтъ“. Въ германскомъ рейхстагѣ заявлялось, что лейпцигскій банкъ страхованія отъ несчастныхъ случаевъ отказывалъ $\frac{5}{6}$ потерпѣвшихъ въ выдачѣ премій, такъ какъ-де по обстоятельствамъ несчастія банкъ не является отвѣтственнымъ *). Частное страхованіе представляло, однако, довольно значительныя неудобства и для предпринимателей: страховая премія изъ года въ годъ повышалась, и въ настоящее время тарифныя ставки у насъ значительно опередили германскія и австрійскія. Сложный механизмъ страховаго дѣла, коммерческій характеръ предпріятія приводили къ тому, что поло

³⁾ Ср. Zacher, Heft. IV. S. 38, Heft IX S. 9, Schippel, S. 104.

вина собранных премій уходила на расходы страховых обществъ и дивиденды акціонерамъ; потерпѣвшіе получали вторую половину. Въ виду этого среди предпринимателей возникла мысль о взаимномъ страхованіи. Къ сожалѣнію, форма взаимнаго страхованія не получила у насъ сколько нибудь значительнаго распространенія. До изданія закона 2-го іюня 1903 г., всего возникло три общества: рижское, одесское, иваново-вознесенское и нѣсколько обществъ—горнопромышленниковъ Юга Россіи, бакинскихъ нефтепромышленниковъ, уральскихъ и амурскихъ золотопромышленниковъ, кутаисскихъ марганцепромышленниковъ—находились въ періодѣ образованія. Причина такого явленія заключалась не только въ новизнѣ этой формы—не надо забывать, что страхованіе отъ несчастныхъ случаевъ было вообще у насъ дѣломъ молодымъ,—но и въ медлительности центральныхъ учреждений, отъ которыхъ зависѣло разрѣшеніе проектируемыхъ обществъ *). Между тѣмъ съ принципиальной точки зрѣнія появленіе обществъ взаимнаго страхованія предпринимателей отъ несчастныхъ случаевъ съ рабочими и служащими имѣло огромное значеніе.

По уставу иваново-вознесенскаго общества послѣднее „принимаетъ на себя гражданскую отвѣтственность своихъ членовъ и выдаетъ вознагражденіе за смерть, увѣчье и другія поврежденія въ здоровьѣ, причиненныя рабочему или служащему всѣми несчастными случаями, происшедшими въ предѣлахъ фабрики, а при исполненіи ими своихъ обязанностей также и въ другихъ мѣстах“; отъ этой отвѣтственности оно освобождается, если докажетъ, что причиною нанесенія вреда пострадавшему является 1) дѣйствіе непреодолимой внѣшней или стихійной силы, которое нельзя было предусмотрѣть и предотвратить, 2) преступленіе или проступокъ лицъ, къ промышленному предпріятію непрічастныхъ, 3) такія умышленныя дѣйствія другихъ рабочихъ, которыя не вытекаютъ изъ существа работъ въ предпріятіи, и 4) собственная грубая вина или злая воля пострадавшаго. Предѣлы безотвѣтственности во взаимныхъ обществахъ были, такимъ образомъ, формулированы почти такъ же широко, что и въ частныхъ, съ той лишь, невыгодной для рабочихъ, разницей, что взаимныя не вознаграждаютъ несчастій отъ грубой вины **). За то во взаимныхъ обществахъ впервые былъ проведенъ принципъ правильнаго пенсіоннаго вознагражденія, т. е. не въ видѣ скромнаго процентнаго отчисленія произвольной страховой суммы, въ какую благоугодно было предпринимателю застраховать рабочаго, а

*) Министерство внутр. дѣлъ не согласилось, напр., съ положеніемъ устава общества взаимнаго страхованія южныхъ горнопромышленниковъ—объ обязательности участія въ обществѣ всѣхъ владѣльцевъ каменноугольныхъ предпріятій Донецкаго района.

**) Въ другихъ уставахъ упоминается, наоборотъ, только о грубой винѣ, но не о злой волѣ.

въ видѣ опредѣленной и значительной части годового заработка потерпѣвшаго. Въ случаѣ полной потери трудоспособности пострадавшему уплачивалась пожизненная пенсія въ размѣрѣ а) полного послѣдняго годового его заработка, если этотъ заработокъ не превышалъ 300 рублей (въ другихъ обществахъ—240 руб.) и в) двухъ третей того же заработка лицамъ обоого пола, не имѣющимъ семьи, и трехъ четвертей заработка—лицамъ семейнымъ, но не менѣе 300 руб. (240 р.) при превышающемъ 300 р. (240 р.) годовомъ заработкѣ. Такимъ образомъ, при заработкѣ въ 240—300 руб., потерпѣвшіе отъ несчастныхъ случаевъ пожизненно получаютъ полное годовое содержаніе.

Несомнѣнно, что подобное вознагражденіе является почти идеальнымъ: такъ какъ указанный выше предѣлъ значительно превышаетъ средній по всей Россіи заработокъ фабричныхъ рабочихъ (по своду отчетовъ фабричныхъ инспекторовъ за 1900 и 1901 г. онъ составляетъ 200 рублей), то, слѣдовательно, рабочіе въ тѣсномъ смыслѣ слова обезпечены въ случаѣ несчастія пенсіей въ размѣрѣ годового заработка. Насколько выше вознагражденіе въ обществахъ взаимнаго страхования по сравненію съ акціонернымъ, всего лучше покажетъ слѣдующій расчетъ: застрахованный на случай полной инвалидности приблизительно въ размѣрѣ 1400-кратнаго подневнаго 65-ти копѣчнаго заработка, на сумму 907 руб. (такова была средняя страховая сумма въ 1898 г.), получилъ бы въ частныхъ страховыхъ обществахъ, какъ мы видѣли, отъ 54 до 90 руб. пенсіи, тогда какъ во взаимномъ страхованіи при томъ же годовомъ заработкѣ въ 187 руб. (288 рабочихъ дней по 65 к.) его пенсія составила бы 187 р., т. е. была бы вдвое—втрое выше. Положимъ, несчастный случай закончился смертью; у погибшаго остались жена и двое малолѣтнихъ дѣтей. Частное страховое общество должно будетъ одновременно уплатить полностью всю страховую сумму, т. е. 670 рублей—такова была въ 1898 г. средняя сумма страхованія на случай смерти, равная приблизительно 1000 поденщинъ по 65 коп., и этимъ всѣ обязательства общества закончатся; семья должна прожить на доходъ съ 670 р., дающихъ въ лучшемъ случаѣ 30 рублей въ годъ. Въ обществахъ же взаимнаго страхованія, напр., ивано-вознесенскомъ, при заработкѣ не свыше 180 руб., т. е. совсѣмъ подходящемъ къ нашему случаю, жена получала бы ежегодно, до выхода въ замужество, пенсію въ размѣрѣ 50% заработка, или 90 руб., и двое малолѣтокъ по 25% каждый, или 90 руб.; всѣ вмѣстѣ—180 руб. *).

*) При повышеніи заработка размѣръ пенсій понижается; въ обществахъ одесскомъ и рижскомъ пенсіи для указанныхъ выше лицъ составляютъ 30% и 15%, всего 60%, за то размѣръ пенсій не находится ни въ какой зависимости отъ заработка потерпѣвшихъ. Ясно, что условія перваго общества благоприятствуютъ людямъ съ скромнымъ заработкомъ, втораго и третьяго—съ болѣе высокимъ.

Взаимное страхование, слѣдовательно, представляло собою высшую и болѣе благоприятную для потерпѣвшихъ форму обезпеченія. Сама жизнь, независимо отъ дѣйствующаго законодательства и вопреки ему, осуществила принципъ ответственности за такъ называемый профессиональный рискъ. Произошло то же самое, что наблюдалось и въ другихъ областяхъ нашего фабричнаго законодательства: право отставало отъ жизни. Но общественная мысль, выражающая скрытыя надежды и потребности времени, шла еще дальше неуставной практики и выдвигала на очередь вопросъ о безусловной необходимости обязательнаго или государственнаго страхования рабочихъ. Уже въ 1882 г. общество для содѣйствія русской промышленности и торговлѣ представило правительству „Проектъ Устава государственной кассы страхования рабочихъ отъ несчастныхъ случаевъ“. За введеніе страхования (обязательнаго) стали затѣмъ высказываться многочисленныя учрежденія и совѣщанія предпринимателей—варшавскій мануфактурный комитетъ (въ концѣ 80-хъ годовъ), съѣзды: нижегородскій всероссійскій 1896 г., уральскихъ горнопромышленниковъ 1897 и всѣхъ послѣдующихъ годовъ, золотопромышленные—первый томскій, первый и третій ачинско-минусинскіе, семипалатинско-семирѣченскій (въ періодъ 1897—1902 гг.), отдѣльные дѣятели на петербургскомъ съѣздѣ по распространенію сбыта металловъ. Необходимость страхования была признана и нѣкоторыми земствами—московскимъ, владимірскимъ, костромскимъ—и даже самимъ правительствомъ: по крайней мѣрѣ министерство земледѣлія въ одномъ изъ своихъ отчетовъ заявляло о выработкѣ устава государственной кассы помощи горнорабочимъ и называло ее въ числѣ „мѣропріятій, которыя подлежатъ осуществленію въ настоящемъ (1898 году)“ *); какъ увидимъ дальше, необходимость страхования проводилась нѣкоторыми вѣдомствами и при обсужденіи законопроекта объ ответственности предпринимателей. Мало того, наканунѣ законодательнаго утвержденія этого проекта государственный совѣтъ, судя по газетнымъ извѣстіямъ, поручилъ министру финансовъ разработать основанія ко введенію обязательнаго страхования рабочихъ и собрать необходимый статистическій матеріалъ. Послѣднимъ торжествомъ идеи обязательнаго страхования рабочихъ явились труды общества для содѣйствія русской промышленности и торговлѣ: образованная при немъ специальная коммиссія съ участіемъ представителей науки, промышленности и официальныхъ вѣдомствъ начала съ осени 1902 г. обширную работу по изученію конкретныхъ условий, при которыхъ могло бы осуществиться у насъ страхование болѣзней, несчастныхъ случаевъ, старости и инвалидности, и уже опубликовала богатый матеріалъ. Не говоримъ уже о томъ, что вся пере-

*) „Обзоръ дѣятельности мин. зем. и госуд. имущ. за 4-й годъ существованія“. Спб. 1898, стр. 283, 290; содержаніе законопроекта стр. 262, слѣд.

довая періодическая печать и даже реакціонныя „Московскія Вѣдомости“ вели оживленную кампанію въ пользу этой формы обезпеченія рабочихъ.

Получилась своеобразная картина. Дѣйствующее право упорно держится устарѣлыхъ принциповъ; жизнь коррективомъ къ нему выдвигаетъ судебную практику, частное и взаимное страхование, въ которыхъ проводятся новыя, болѣе удовлетворяющія требованіямъ временъ, начала; общественная же мысль, перешагнувъ черезъ цѣлую эпоху, еще не пережитую нами (законодательство объ отвѣтственности предпринимателей), дружно и убѣдительно заявляетъ о необходимости новой, болѣе совершенной формы обезпеченія увѣчныхъ рабочихъ посредствомъ обязательнаго или государственнаго страхования. Но послѣднее общественное движеніе далеко не представляло собою единства. Уже тотъ фактъ, что необходимость принудительнаго страхования одновременно признавалась людьми и учрежденіями, стоящими на стражѣ чисто общественныхъ интересовъ, и узко-профессіональными классовыми организаціями, земствами и правительствомъ, прогрессивной печатью и реакціонными „Московскими Вѣдомостями“, что самыя основы страхования понимались различно, то въ видѣ обязательнаго, то въ видѣ государственнаго страхования,—даетъ намъ право сомнѣваться въ тождествѣ идеаловъ и намѣреній, воплощавшихся въ страхованіи его различными сторонниками. Можно доказать—и это мы надѣемся въ свое время сдѣлать—что для промышленныхъ предпріятій, уже нынѣ страхующихъ своихъ рабочихъ въ частныхъ обществахъ, обязательное страхование было бы только желательнымъ. Но если въ его пользу высказывались сибирскіе золотопромышленные сѣзды въ то время, какъ работающіе въ одинаковыхъ съ ними условіяхъ южно-онисейскіе промышленники, послѣ обсужденія проектовъ различнаго рода кассъ на шести сѣздахъ, въ концѣ концовъ выдаютъ изъ бюро сѣзда потерявшимъ трудоспособность рабочимъ... 125 руб. въ годъ (1902), а тобольско-акмолинскій сѣздъ отвергаетъ необходимость помощи драхлымъ и увѣчнымъ на томъ основаніи, что вопросъ и безъ того рѣшенъ существующими законоположеніями, то мы смѣемъ утверждать, что обязательное страхование было для нихъ лишь предлогомъ, маневромъ для оправданія полной своей безучастности къ нуждамъ рабочихъ. Расчетъ былъ простой: покуда вы создадите еще страхование, пройдутъ десятки лѣтъ, а для насъ тѣмъ временемъ все останется по старому, и никто не посмѣетъ бросить въ насъ упрекъ—вѣдь мы желаемъ страхования. Когда г. фонъ-Дитмаръ, одинъ изъ лидеровъ пресловутаго бюро сѣзда горнопромышленниковъ юга Россіи, высказывался за учрежденіе общегосударственнаго взаимнаго страхования всѣхъ промышленныхъ предпріятій, то мы были бы готовы отдать должное его соціально-политической гуманности, если бы... пожеланіе не находилось въ явномъ

противорѣчи съ своеобразной критикой законопроекта объ отвѣтственности предпринимателей: г. Дитмаръ находилъ *), что проектъ устанавливаетъ „боевой“ порядокъ въ отношеніи отдѣльнаго предпринимателя, заставляетъ послѣдняго „отвѣчать за результаты дѣйствія принадлежащаго ему предпріятія, какъ отвѣчаетъ владѣлецъ бодливой коровы за ея проступки“, возлагаетъ на него трудную обязанность доказать связь несчастія съ злымъ умысломъ потерпѣвшаго или стихійной силой, если предприниматель хочетъ избавиться отъ отвѣтственности за несчастные случаи, и т. д. Но стоя на такой точкѣ зрѣнія, относясь отрицательно даже къ законопроекту объ отвѣтственности, слишкомъ благосклонному къ интересамъ предпринимателей, никоимъ образомъ нельзя было желать обязательнаго страхованія, потому что устанавливаемый здѣсь объемъ отвѣтственности во всякомъ случаѣ шире, чѣмъ въ законъ-проектѣ. Очевидно, и въ данномъ случаѣ пожеланіе было неискреннее, такъ какъ съ введеніемъ обязательнаго страхованія жертвы предпринимателей были бы во всякомъ случаѣ не меньше, чѣмъ при проектированномъ порядкѣ. Пойдемъ дальше. Когда прогрессивная печать доказывала необходимость обязательнаго страхованія, то положеніе это находилось въ полномъ соотвѣтствіи со всемъ, что проводилось ею и по другимъ вопросамъ. Но когда „Московскія Вѣдомости“, десятки лѣтъ поучавшія немногочисленныхъ своихъ читателей о развращеніи мужика и рабочаго и о необходимости крутой съ ними расправы, стали критиковать законъ объ отвѣтственности и вопить о государственномъ страхованіи рабочихъ, то публицисты Страстного бульвара, очевидно, надѣялись посредствомъ страхованія достигнуть совершенно постороннихъ цѣлей, достаточно опредѣлявшихся событіями рабочей жизни за послѣдніе годы. Наконецъ, не подлежитъ сомнѣнію, что и въ правительственныхъ сферахъ необходимость и возможность осуществленія у насъ обязательнаго страхованія не получили еще всеобщаго признанія. Въ то время, какъ государственный совѣтъ принципиально признавалъ его своевременность (1903 г.), министерство финансовъ приводило цѣлый рядъ соображеній совершенно противоположнаго свойства и доказывало преимущество законовъ объ индивидуальной отвѣтственности передъ страхованіемъ. Словомъ, лозунгъ „государственное или обязательное страхованіе рабочихъ“ далеко не имѣлъ одного и того же значенія, и даже въ однѣхъ и тѣхъ же сферахъ одновременно съ нимъ выставлялись и другіе принципы. Но чѣмъ бы ни руководились глашатаи новой идеи, какіе бы прозрачные интересы ею ни прикрывались, одинъ фактъ остается несомнѣннымъ: къ началу XX вѣка идея обязательнаго страхованія широко пустила корни и приобрѣла наибольшія общественныя симпатіи. Чѣмъ бы онѣ ни

*) „Горнозаводскій Листокъ“, № 9, 1903.

вызывались, но кто не усмотритъ огромнаго поворота хотя бы во взглядахъ правительства, всего 10 лѣтъ тому назадъ, въ лицѣ одного изъ самыхъ вліятельныхъ у насъ вѣдомствъ, высказывавшагося даже противъ закона объ отвѣтственности, будто бы могущаго породить не существующій у насъ рабочій вопросъ.

III.

Въ то время, какъ жизнь по своему разрѣшала предъявлявшіеся къ ней запросы, въ канцеляріяхъ правительственныхъ учрежденій происходила разработка законопроекта объ отвѣтственности предпринимателей. Казалось бы, требованія времени были такъ ясны, способы для ихъ удовлетворенія такъ просты, что разработка подобнаго законопроекта не должна бы представлять никакихъ особыхъ затрудненій; но на дѣлѣ вышло иное: двадцать три года понадобились на то, чтобы превратить скромный проектъ въ законъ. Мы говоримъ о высочайше утвержденныхъ 2-го іюня 1903 г. правилахъ „о вознагражденіи потерпѣвшихъ вслѣдствіе несчастныхъ случаевъ рабочихъ и служащихъ, а равно членовъ ихъ семействъ въ предпріятіяхъ фабрично-заводской, горной и горно-заводской промышленности“. Уже одно то обстоятельство, что законъ появился въ свѣтъ въ моментъ усиленнаго интереса къ обязательному страхованію, что на его созданіе пошло чуть ли не четверть вѣка, въ теченіе котораго тѣ же юридическіе принципы были осуществлены практикой, что, наконецъ, законъ 2-го іюня 1903 г. по своимъ началамъ значительно уступаетъ высочайше утвержденнымъ 15 мая 1901 г. „Временнымъ правиламъ о пенсіяхъ рабочимъ *казенныхъ* горныхъ заводовъ и рудниковъ, утратившимъ трудоспособность на заводскихъ или рудничныхъ работахъ“, — заранѣе даетъ право заключить о тенденціяхъ этого важнаго законодательнаго акта, о той борьбѣ принциповъ и интересовъ, которая происходила въ его подготовительной стадіи. И, дѣйствительно, достаточно познакомиться съ исторіей законопроекта, чтобы убѣдиться въ разнообразіи оказывавшихся на содержаніе новаго закона давленій *).

Въ 1880 году совѣтъ торговли и мануфактуръ, при участіи представителей разныхъ министерствъ, получилъ порученіе отъ правительства составить проектъ правилъ объ отвѣтственности владѣльцевъ промышленныхъ заведеній за увѣчья и смерть рабочихъ. Выработанныя имъ правила, предварительно поступившія на обсужденіе московскаго отдѣленія совѣта и трехъ комитетовъ торговли и мануфактуръ, и послужили министру финансовъ И. А. Вышнеградскому основаніемъ къ составленію записки объ отвѣт-

*) Изложеніе внѣшней исторіи закона ведется нами по официальнымъ источникамъ.

ственности владѣльцевъ промышленныхъ предпріятій за увѣчья и смерть рабочихъ, предложенной 25 февраля 1889 г. на благоусмотрѣніе государственнаго совѣта. Министръ задумалъ одновременно достигнуть двухъ діаметрально противоположныхъ цѣлей—обеспечить потерпѣвшимъ средства къ существованію и охранить владѣльцевъ предпріятій отъ „чрезмѣрныхъ и неосновательныхъ претензій со стороны рабочихъ“, и неудивительно, что эта двойственная задача не удалась ему, что фактически она упростилась въ одностороннее покровительство предпринимательскимъ интересамъ. Проектъ Вышнеградскаго являлся лишь „дополненіемъ и развитіемъ“ существующихъ правилъ X тома, т. е., говоря проще, оставилъ все по старому. Сущность проектированныхъ правилъ сводилась къ тому, что предприниматель (кромѣ случаевъ прямого неисполненія предписываемыхъ закономъ или административной властью мѣръ предосторожности) отвѣчалъ за несчастіе, происшедшее отъ непріятія обычныхъ или примѣняемыхъ уже въ сосѣднихъ промышленныхъ заведеніяхъ мѣръ предосторожности, другими словами, только въ случаѣ вины съ его стороны (или со стороны уполномоченныхъ) и при томъ вины, наличность которой устанавливалась въ зависимости... отъ предохранительной практики сосѣднихъ предпріятій. Мало того, исходя изъ невѣрнаго представленія объ „естественномъ общеніи между рабочими одного и того же промышленнаго района“, Вышнеградскій пришелъ къ выводу, что для пострадавшаго чрезвычайно упрощаются способы представленія доказательствъ вины предпринимателя, и потому бремя доказательства онъ по прежнему оставилъ на рабочемъ. Крайне интересно, что представители наиболѣе передовыхъ промышленныхъ районовъ—варшавскій мануфактурный комитетъ и меньшинство членовъ петербургскаго совѣта торговли и мануфактуръ—нашли нужнымъ, вмѣсто предположеннаго узаконенія, ввести, по примѣру Германіи, обязательное страхованіе рабочихъ отъ болѣзней и несчастныхъ случаевъ; но и И. А. Вышнеградскій сослался на то, что разработка этого вопроса потребовала бы, въ виду трудности и сложности его, болѣе или менѣе продолжительнаго времени, и потому едва ли было бы основаніе „откладывать всякое усовершенствованіе въ относящихся сюда узаконеніяхъ“. Какой ироніей звучать теперь эти слова, когда за 23 года можно было бы провести самую грандіозную общественную реформу! У Вышнеградскаго, однако, такое отрицательное отношеніе къ страхованію было вполнѣ логичнымъ и безъ ссылокъ на сложность работы, потому что даже въ законопроектъ объ отвѣтственности онъ не смелъ возможнымъ внести принципъ профессиональнаго риска, опасаясь затронуть интересы предпринимателей. Проектъ Вышнеградскаго представлялъ даже шагъ назадъ въ сравненіи съ гражданскимъ правомъ, такъ какъ въ немъ устанавливалась отвѣтственность не за всякій вредъ, а только въ нѣкоторыхъ, сравни-

тельно немногочисленныхъ, случаяхъ; на это и указывалъ бывшій министръ юстиці Манасеинъ, находившій такое ослабленіе имущественной отвѣтственности предпринимателей „нежелательнымъ и невозможнымъ“. Не менѣе любопытно то, что у Вышнеградскаго не возникало даже мысли о политическомъ значеніи правильно построеннаго и благопріятнаго рабочимъ законодательства объ отвѣтственности, какъ лучшаго средства къ улаженію недовольства среди рабочихъ и вытекающихъ отсюда осложненій во внутренней жизни.

Законопроектъ И. А. Вышнеградскаго вмѣстѣ съ замѣчаніями на него отдѣльныхъ вѣдомствъ перешелъ къ новому министру финансовъ С. Ю. Витте. Наступила вторая стадія въ исторіи разсматриваемаго акта. С. Ю. Витте сталъ на иную точку зрѣнія, чѣмъ его предшественникъ. Правда, подобно ему, г. Витте отказывался отъ обязательнаго страхованія въ виду связанныхъ съ нимъ трудностей, особенно по оцѣнкѣ жертвъ со стороны предпринимателей—за „отсутствіемъ у насъ какихъ либо статистическихъ данныхъ о числѣ несчастныхъ случаевъ, ихъ послѣдствіяхъ, смерти, неспособныхъ къ труду рабочихъ“ и т. д.; но за то онъ хорошо понималъ, какое огромное политическое значеніе имѣеть то или иное рѣшеніе вопроса объ отвѣтственности. С. Ю. Витте исходилъ изъ положенія, что „вопросъ о рабочемъ пролетаріатѣ—столь опасномъ и вредномъ для спокойствія государства—далеко не имѣлъ у насъ такого значенія, которое побуждало бы правительство къ принятію соотвѣствующихъ мѣръ съ такою, какъ въ Германіи, послѣдностью, ибо у насъ контингентъ фабричныхъ рабочихъ былъ еще незначителенъ“. Технические затрудненія съ одной, слабое развитіе пролетаріата—съ другой, покровительство интересамъ предпринимателей—съ третьей стороны,—вотъ тѣ мотивы, которые склонили г. Витте къ введенію не страхованія, а спеціальнаго законодательства объ отвѣтственности, построеннаго на отличныхъ отъ общаго гражданскаго права основаніяхъ. Въ этомъ было другая особенность его проекта. Въ данномъ вопросѣ задача законодателя, по мнѣнію г. Витте, заключалась не въ томъ, чтобы развить и дополнить общія начала гражданской отвѣтственности, какъ это проводилось въ проектѣ Вышнеградскаго, а, наоборотъ, въ „измѣненіи этихъ началъ сообразно видамъ государственной политики и интересамъ общества и въ справедливомъ соображеніи интересовъ какъ рабочихъ, такъ и работодателей“. Законопроектъ долженъ былъ преслѣдовать „прежде всего цѣли государственной политики“, но все зависѣло отъ того, какъ понимаются эти цѣли.

По общимъ условіямъ всей русской жизни не могло возникнуть никакихъ сомнѣній въ томъ, что министерство финансовъ „не упуститъ изъ виду интересовъ владѣльцевъ промышленныхъ предпріятій“; и, дѣйствительно, оно не нашло возможнымъ стро-

и послѣдовательно провести въ законопроектѣ теорію отвѣтственности за такъ называемый профессиональный рискъ. Но, разумѣется, предпринимателямъ всякія жертвы, даже минимальныя, были ненавистны. Въ 1893 году уполномоченные съѣзда горнопромышленниковъ юга Россіи и Царства Польскаго, поддержанные совѣщательной конторой желѣзнодорожниковъ, представили правительству записку, въ которой высказывались противъ законопроекта, находя, что онъ неминуемо приведетъ къ подрыву промышленности и даже къ закрытію отдѣльныхъ предпріятій. 15 марта 1893 г. законопроектъ былъ внесенъ въ государственный совѣтъ; соединенные департаменты гражданскихъ и духовныхъ дѣлъ, законовъ и государственной экономіи признали законопроектъ заслуживающимъ одобренія. Казалось, все близилось къ благополучному концу, но при разсмотрѣніи законопроекта въ общемъ собраніи государственнаго совѣта (24 мая 1893 г.) представителемъ одного изъ самыхъ вліятельныхъ у насъ вѣдомствъ были высказаны сомнѣнія относительно соответствія проектируемаго закона „общему духу“ нашего законодательства и опасеніе, не возникнетъ ли съ введеніемъ его въ дѣйствіе несуществующій рабочій вопросъ. Законопроектъ провалился, и все дальнѣйшее его движеніе было надолго приостановлено.

Такимъ образомъ, первымъ подводнымъ камнемъ, о который разбился проектъ, оказались политическія соображенія. Въ настоящее время, когда законопроектъ, правда, въ очень измѣненномъ видѣ, сталъ закономъ, почти не вѣрится, чтобы аргументы эти могли подорвать вѣру въ правомѣрность и цѣлесообразность (съ точки зрѣнія правительственныхъ интересовъ) проектированныхъ правилъ. Какое противорѣчіе съ нашимъ законодательствомъ можно было отыскать въ нихъ? Право потерпѣвшихъ на вознагражденіе давно уже признавалось дѣйствующими законами; если и предполагалось обставить его нѣкоторыми новыми условіями, благопріятствующими потерпѣвшимъ, то, съ другой стороны, развѣ оно не суживалось хотя бы въ тѣхъ постановленіяхъ, которыя декретировали вознагражденіе лишь въ извѣстной долѣ дѣйствительнаго убытка? Да, наконецъ, развѣ выработавшіяся на практикѣ и признававшіяся государственной властью новыя формы обезпеченія потерпѣвшихъ, близкія по основаніямъ къ проектируемымъ, не отвѣчали этому „общему духу“ нашихъ законовъ?

Еще меньше можно было раздѣлить опасенія противниковъ законопроекта. Рабочій вопросъ, съ какой бы точки зрѣнія ни разсматривать его, давно уже существовалъ въ русской жизни, когда на сцену выдвинуть былъ законопроектъ объ отвѣтственности предпринимателей. Тяжелое экономическое положеніе рабочаго класса было фактомъ, на который правительство реагировало фабричными законами 1882, 1884, 1885, 1886, 1890 гг., а рабочіе—рядомъ стачекъ и волненій, свидѣтельствовавшихъ о пробудившемся среди

нихъ самознаніи и стремленіи собственными усиліями подняться вверхъ. Моментъ сознательности, неслучайности возникшаго у насъ рабочаго движенія хорошо сознавался и въ правительственныхъ сферахъ. Еще въ 1886 году государственный совѣтъ пришелъ къ выводу, что причины, вызвавшія фабричныя волненія въ 1884 и 1885 гг. во Владимірской и Московской губерніяхъ, „не имѣли вовсе случайнаго характера, а обусловливались неправильными отношеніями между фабрикантами и рабочими“, т. е. незаконными дѣйствіями первыхъ, направленными къ „извлеченію преувеличенныхъ выгодъ“; „возникающее отсюда раздраженіе противъ фабрикантовъ, при трудности для темнаго люда отыскивать законнымъ образомъ защиту своихъ правъ, постоянно поддерживаетъ въ рабочихъ склонность искать возстановленія этихъ правъ путемъ стачекъ и беспорядковъ; кромѣ того, накопляющееся постепенно недовольство въ средѣ фабричныхъ рабочихъ дѣлаетъ эту арену доступною къ воспріятію преступныхъ ученій, направленныхъ къ ниспроверженію государственнаго и общественнаго строя“. Можно ли было послѣ всего этого утверждать, что проектированный законъ создастъ у насъ „несуществующій“ рабочій вопросъ! Министерство финансовъ сознавало, что законъ необходимъ именно въ политическихъ интересахъ, какъ лучшій оплотъ противъ названныхъ ученій, хотя по его убѣжденію при громадныхъ у насъ разстояніяхъ и разбросанности промышленныхъ центровъ „сознаніе въ средѣ самихъ рабочихъ ненормальности ихъ положенія дѣлало лишь весьма медленные шаги впередъ“. Не слѣдуетъ, конечно, думать, что обнаружившееся въ правительственныхъ сферахъ раздвоеніе происходило изъ различія въ пониманіи задачъ государственной политики; они разное понимали лишь дѣйствіе будущаго закона, такъ какъ первые видѣли въ немъ уступку рабочимъ, которая можетъ вселить въ нихъ еще большія надежды, вторые же—вѣрное средство къ умиротворенію недовольныхъ рабочихъ.

Законопроектъ былъ погребенъ въ нѣдрахъ канцелярій. Послѣ продолжительнаго затишья министерство снова приступило къ его „разработкѣ“ въ особыхъ совѣщаніяхъ, происходившихъ главнымъ образомъ въ 1899—1901 гг. Начался третій періодъ въ исторіи разсматриваемаго закона. Уже изъ отношенія къ проекту государственнаго совѣта можно было заключить, что составители законопроекта проявятъ въ дальнѣйшемъ большую сдержанность, что основныя его начала будутъ сужены и—такъ какъ вся наша политика по рабочему вопросу въ концѣ концовъ опредѣлялась интересами „отечественной промышленности“, отождествлявшимися съ личными выгодами предпринимателей,—будутъ отмѣчены рѣзко выраженнымъ снисхожденіемъ къ этимъ послѣднимъ. Иначе и не могло быть потому, что министерство финансовъ привлекло къ совѣщаніямъ не только делегатовъ отдѣльныхъ вѣдомствъ, но и

представителей промышленности, отношеніе которыхъ къ законопроекту достаточно характеризовалось петиціей горнозаводчиковъ 1893 года... Стоить сравнить законопроектъ 1893 года съ многочисленными его позднѣйшими редакціями, и передъ нами со всей очевидностью обнаружится новая и рѣшительно проводимая тенденція къ уменьшенію правъ увѣчныхъ на вознагражденіе, къ расширенію случаевъ безотвѣтственности предпринимателей, къ ограниченію сферы дѣятельности будущаго закона. Объ обязательномъ страхованіи не могло быть уже и рѣчи. Министерство финансовъ стало даже проводить мысль о преимуществѣ закона объ отвѣтственности надъ обязательнымъ страхованіемъ и пыталось поддержать ее рядомъ аргументовъ; въ числѣ ихъ приводилось и то соображеніе, что „обязательное страхованіе и самая его организація болѣе принудительная, нежели свободная, соотвѣтствуетъ складу жизни народовъ германской націи и выработана, несомнѣнно, примѣнительно къ тѣмъ условіямъ, въ которыя исторически вылилась промышленная жизнь этихъ народовъ“ *). Выходило, будто принужденіе болѣе соотвѣтствуетъ складу жизни конституціонной Германіи, чѣмъ монархической Россіи. Составители законопроекта заявляли дальше: во Франціи, Англіи, Швейцаріи и Даніи было признано предпочтительнымъ изданіе законовъ объ индивидуальной отвѣтственности предпринимателей на томъ основаніи, что у нихъ не было необходимаго статистическаго матеріала для введенія обязательнаго страхованія, опытъ же Австріи, воспользовавшейся германской статистикой, вызвалъ на практикѣ различныя серьезныя опасенія. Едва ли эта аргументація была убѣдительною: какъ мы уже показали, въ перечисленныхъ государствахъ обязательное страхованіе не осуществилось не вслѣдствіе какихъ либо техническихъ затрудненій, а въ силу давленія заинтересованныхъ промышленныхъ круговъ, не желавшихъ отождествлять справедливости съ личными денежными интересами.

Разумѣется, повторено было и обычное заявленіе, „что вопросъ о введеніи у насъ обязательнаго страхованія требуетъ столь продолжительной и тщательной разработки, что онъ не мо-

*) Мы не станемъ приводить здѣсь всѣхъ соображеній, въ силу которыхъ рѣшено было отклонить обязательное страхованіе. Скажемъ только, что и въ этомъ пунктѣ замѣчается поразительное сходство съ доводами, высказывавшимися на Западѣ противъ страхованія; вообще все развитіе законодательной, судебной и страховой практики по вопросу объ отвѣтственности, какъ это видно и изъ всего предшествующаго изложенія, представляетъ всюду буквальное повтореніе одного и того же процесса. Очень характерно, что не только наше министерство финансовъ, но и западноевропейскіе дѣятели находили несоотвѣтствіе обязательнаго страхованія народному „духу“. (Ср. въ Италіи — Zacher, VI, S. 17; во Франціи — Heft IV, X. 42). Самый фактъ обнаружившагося такимъ образомъ сродства между „духомъ“ русскимъ, итальянскимъ и французскимъ всего лучше доказываетъ, какъ мало убѣдительно подобнаго рода аргументація.

жетъ быть окончательно разрѣшенъ въ столь короткій срокъ, какъ того требуютъ справедливые интересы рабочихъ, а равно обезпеченіе порядка и спокойствія въ нашихъ наиболѣе промышленныхъ районахъ“.

Какъ бы то ни было, отрицательное отношеніе къ вопросу объ обязательномъ страхованіи рабочихъ со стороны вѣдомства, которому принадлежитъ забота объ ихъ благѣ, вполне гармонировало и съ тѣми измѣненіями, какія произведены были въ первоначальномъ законопроектѣ. Даже въ самую послѣднюю минуту, насколько можно судить изъ сравненія проекта 1901 г. съ закономъ, нѣкоторыя благопріятныя для рабочихъ статьи были вновь сужены, даже тѣ, въ пользу которыхъ высказывалось само министерство финансовъ. Идея вознагражденія потерпѣвшихъ отъ несчастныхъ случаевъ рабочихъ, преломившись сквозь призму политическихъ и предпринимательскихъ интересовъ, получила иную, чѣмъ первоначально, окраску и совершенно иное содержаніе. Законопроектъ, превратившись въ законъ 2 іюня 1903 г., сталъ тѣмъ, чѣмъ долженъ былъ сдѣлаться по общему складу всего нашего фабричнаго законодательства, съ его неодинаковымъ отношеніемъ къ предпринимателямъ и рабочимъ, съ его нерѣшительностью и половинчатостью. Разборъ основныхъ положеній новаго закона всего лучше подтвердитъ эту мысль.

М. Лунцъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

ОБЫВАТЕЛИ.

Очеркъ.

I.

Въ седьмомъ часу утра Петръ Степановичъ Проловъ вышелъ на крылечко своего дома, постоялъ, зѣвнулъ и направился къ сараю. Тутъ онъ пошвырялъ ногой валявшіяся старыя доски, замѣтилъ согнутый заржавленный гвоздь въ одной изъ нихъ, наклонился, покачалъ его рукой и отошелъ.

Просвирникъ и гусяная травка, сплошь покрывавшіе дворъ, горѣли подъ мягкими, косыми лучами солнца зелеными полосами и отгнѣялись безчисленнымъ множествомъ темныхъ, густыхъ переходовъ. Большая яблоня, въ углу около садика, свѣшивала свои разукрашенныя бѣлымъ цвѣтомъ вѣтви на сосѣдній дворъ, а одной длинной, могучей вѣткой, капризно нарушавшей стройный контуръ дерева, совсѣмъ закрывала верхнюю часть пробитой въ заборчикѣ калитки. За заборомъ шелъ дворъ Григорія Степановича, младшаго брата Пролова, и оттуда то тамъ, то сямъ черезъ изгородь свѣшивались тоже вѣтви яблонь, а на улицу выходилъ совсѣмъ такой же домикъ, какъ и у Петра. Между домиками были ворота на улицу; владѣнія братьевъ раздѣлялись заборчикомъ; по толстой проволоцѣ, проведенной между домами, бѣгала, гремя цѣпью, большая, ласковая, мохнатая собака—Бѣльчикъ.

Увидѣвъ хозяина, Бѣльчикъ привѣтливо завизжалъ и, не сводя съ него умильныхъ, заискивающихъ глазъ, легъ на животъ и поползъ, тяжело ударяя хвостомъ о землю. Петръ Степановичъ, найдя большой камень, попытался еще имъ раскатать гвоздь, но дѣло не ладилось; онъ отшвырнулъ доску и направился къ собакѣ.

— Ну, ну! Морда!.. ишь ты, лыщуха, подѣхала на брюхѣ... что тебѣ? пожрать охота? тварь ты эдакая... Подожди, подожди же, говорю!

Онъ спихнулъ съ плечъ лизавшую его въ лицо собаку и подошелъ къ кухонному окну.

— Ома, спроси-ка у Мары Игнатьевны хлѣбца или косточку.

Черезъ минуту по ступенькамъ крыльца затопали босые ноги, и длинный, нескладный, остриженный въ кружокъ, пятнадцатилѣтній Ома развернулъ передъ Петромъ Степановичемъ подолъ своей красной рубахи.

— Во! Болѣ не даетъ. Ругается. Кормили собаку-то. Какъ корову выгоняла, выкинула ей всѣ кости.

Петръ Степановичъ выгребъ изъ подола два сухихъ обѣдка хлѣба и кость, съ которой, видимо, только что срѣзали мясо. Собака ѣла, а Петръ Степановичъ, налюбовавшись на нее, отправился въ садъ, куда Ома, въ сопровожденіи Мары Игнатьевны, грузно покачивавшейся подъ тяжестью подноса, протацилъ большой мѣдный самоваръ.

Заблаговѣстили къ поздней обѣднѣ, и изъ калитки, осторожно приподнявъ вѣтвь цвѣтущей яблони, показался Григорій Степановичъ. Онъ былъ одѣтъ въ сѣрый костюмъ, на жилетѣ болталась золотая цѣпочка; отпущенные, но тщательно подстриженные около ушей и сзади, волосы нѣсколько кудрявились и блестѣли помадой; борода имѣла клинообразную форму; на носу торчалопенсне. Онъ торопливо перешелъ дворъ, заглянулъ въ сарай, въ окна кухни и уже хотѣлъ войти въ домъ, когда въ садикѣ замѣтилъ брата.

— Изволь-ка, изволь-ка взглянуть! не моя, что-ли, правда? — и Григорій Степановичъ замахалъ развернутымъ листомъ газеты.

Онъ вошелъ въ садикъ; Петръ Степановичъ взялъ у него газету, отставилъ подальше отъ глазъ и сталъ читать вслухъ. Дѣло касалось англо-бурской войны. Марья Игнатьевна знала, что сейчасъ начнутся нескончаемые споры, и ушла. Петръ Степановичъ дочиталъ до конца и поднималъ на брата какъ бы удивленные глаза.

— Ну, и что же изъ того? И опять твоихъ буровъ поколотятъ, какъ барановъ... Какъ пить дадутъ! Такъ и надо имъ — чего противъ рожна пруть!

Григорія Степановича это разсердило. Онъ вскочилъ, поднимая прутикъ и началъ чертить на землѣ.

— Подожди, братецъ! Вотъ тебѣ Капштадтъ, вотъ бурскій лагерь, вотъ англійскій. Здѣсь приближается бурскій отрядъ. Ну, становись тамъ, гдѣ англичане стоятъ, и слѣди. Вычерти у себя повиднѣе: слѣва-то, замѣть, горы... Ну, что артиллеріи твоей — карцеръ, братъ...

— Цыпъ-цыпъ-цыпъ! — слышится голосъ Мары Игнатьевны изъ-за изгороди. — Петръ Степановичъ! да гоните вы ее сюда. Опять въ эту дыру пролѣзла, окаянная. Говорила Омѣ, такъ

нѣтъ вотъ! Недѣлю маюсъ: щели простой заложить не можетъ! Гоните! гоните! Опять всю резеду разроетъ, проклятая!..

Но Петръ Степановичъ и не замѣтилъ. Курица спокойно подходитъ къ театру войны, — и въ лагерь англичанъ, гдѣ стоитъ артиллерія, все испещрено вѣточками ея слѣдовъ.

— Шишты,—мимоходомъ спугиваетъ ее Григорій. Курица, слегка помогая себѣ крыльями, быстро переходитъ въ лагерь буровъ и, безмятежно встряхиваясь и раскачиваясь энергичными отбрасываніями ногъ, швыряетъ во всѣ стороны землю, пятится, поднимаетъ хвостъ и съ наслажденіемъ тычетъ клювомъ въ свѣжую ямку.

Марѳа Игнатьевна, замѣтивъ, что курица работаетъ на самомъ „планту“, подѣрла рукой голову и усмѣхнулась. Это ее такъ утѣшило, что она даже бросила закладывать камнями дыру.

— Такъ, матушка-хохлатушка, помогай имъ, помогай! — насмѣшливо проговорила она: — Чѣмъ бы въ банку ѣхать, они политикой ругаются изъ-за англичанъ... Вотъ и „достойну“ сейчасъ зазвонять...

Но ее никто не слушалъ, и она рѣшила подѣйствовать другимъ способомъ:

— Петръ Степановичъ! Да будетъ вамъ: у Θомы лошадь не стоитъ! Ужъ эти ваши газеты! Устиньюшка все-то жалуется и такъ: Григорій то Степанычъ и чаю, говорить, утромъ не напьется какъ слѣдуетъ. Ранѣ, говорить, кажный разъ самоваръ пустой сымала, а теперь, коли стакана три-четыре проглотить, такъ и то ладно: хотъ горло-то, говорить, передъ службой промочить.

Въ воротахъ показался Θома.

— Петръ Степанычъ! Не запоздать бы? Гонецъ плохо больно стоитъ. Пожалуйте садиться!

Григорій Степановичъ посмотрѣлъ на часы и бросилъ прутикъ, которымъ чертилъ.

— И то, братъ, пойдѣмъ, пойдѣмъ!

Петръ Степановичъ съ неудовольствіемъ стряхнулъ песокъ съ запыленныхъ брюкъ и пошелъ къ дому. Съ крылечка торопливо спустилась Марѳа Игнатьевна и подала ему жилетъ, парусиновый пиджакъ, зонть и бѣлую фуражку.

— У-у-стинья! — во все горло крикнула она: — Что ты, хмѣльная, это ли? Одѣ-ежу!

Изъ-за забора мимо Бѣльчика вынырнула невысокая, полная дѣвушка въ бѣломъ платкѣ, торчавшемъ навѣсомъ надъ глазами и кидавшемъ тѣнь на ея лицо до самыхъ губъ. Григорій Петровичъ взялъ у нея легкое пальто и широкополую соломенную шляпу и торопливо зашагалъ къ воротамъ, а Устинья опять мимо Бѣльчика скользнула за заборъ. Марѳа Игнать-

евна сердитымъ, упорнымъ взглядомъ посмотрѣла ей вслѣдъ, покачала головой и крикнула, обратясь лицомъ къ забору:

— Сударыня! Клубничку-то полоть когда будешь? Ишь ты, немощъ какая нашла: ходитъ, что чумная! Дождешься, что всѣ усы-то на грядяхъ длиннѣй твоихъ космовъ отрутутъ. Барыня-сударыня!

Она рѣзко повернулась, подошла къ окну кухни, привстала на фундаментъ и, протянувъ въ окно руку, не глядя, сняла платокъ съ гвоздя на стѣнкѣ. Завязавъ его по бабьи, концами назадъ, она подоткнула платье и направилась въ садъ. Тамъ она нагнулась надъ одной изъ длинныхъ безчисленныхъ грядъ, съ кое-гдѣ еще виднѣвшимися бѣлыми, полуопавшими цвѣтами на красныхъ раскидныхъ листьяхъ и, легко переходя своимъ длиннымъ, худымъ согнутымъ тѣломъ, пошла вдоль края.

Тихо вошла въ садъ и Устинья, тихо затворила за собой дверцу и, молча, принялась работать съ другой стороны. Мѣшавшіе ей концы платка она завязала тоже назадъ, и теперь лицо ея выглядывало изъ-за выбившихся кругомъ волосъ неровнымъ, овальнымъ, однотоннымъ пятномъ. Не оживляли его черные впавшіе глаза; они тупо смотрѣли въ землю, и Марѳа Игнатьевна ни разу не поймала ихъ взгляда своими круглыми, желтыми глазами, надъ которыми постоянно двигались высоко посаженныя широкія брови. Тѣло Устиньи сгибалось лѣниво и натужно, и она скоро предпочла ползать на колѣняхъ.

Марѳа Игнатьевна дѣлала равнодушно презрительное лицо и старалась показать, что ей рѣшительно все равно—адѣсь ли Устинья, или нѣтъ; она даже что-то мурлыкала себѣ подъ носъ. Двѣ гряды выпололи онѣ въ молчаніи. Передъ третьей Устинья поднялась, выпрямилась, страдальчески сморщивъ лицо; оправила платокъ, вытерла потъ со лба и опять опустилась на колѣни передъ новой грядой. Марѳа Игнатьевна съ презрительно-сощуренными глазами наблюдала за этими движеніями; уперши руки въ бока, она стояла нѣсколько минутъ, прямая, неподвижная, потомъ усмѣхнулась и процѣдила сквозь зубы:

— Ползаешь?—Въ одномъ этомъ словѣ было столько ехидства, что она невольно остановилась, на минуту удовлетворенная. Но затѣмъ, сразу повысивъ голосъ и, подъ тономъ простого дружескаго разговора скрывая ядъ насмѣшки, она продолжала, все не спуская съ нея презрительнаго взгляда:

— А ты вотъ такъ: встряхнись, по молодому, играючи за работой... Вотъ такъ, мотни руками кверху изъо всей мочи: раскачай ихъ, да въ боки, а потомъ сразу дугой къ землѣ, съ рѣзмаху! Ну? Что же ты, дѣвка? Вона, вонъ какъ у насъ!

Ползкомъ, ползкомъ! Ну-ка еще какъ? Вотъ какъ? Любо по-смотри́ть!

Устинья совсѣмъ наклонилась надъ грядой и, не двигаясь съ мѣста, машинально кидала въ стороны усы клубничника и сорную траву.

— Ну что жъ, сказала Григорію-то Степановичу?... Сказала, спрашиваю? Что ты глаза-то хоронишь отъ меня? Гляди прямо! Али ужъ на свѣтъ глядѣть стыдно? Тебя спрашиваю,—говорила, али нѣтъ?

Устинья вдругъ бросила полоть, уткнула голову въ ягодникъ и затряслась.

— Очень даже хорошо! Такъ, такъ! Мнѣ что, — пушай! Пойду да и скажу Петру Степановичу: вотъ, молъ, у вашего братца приключеніе какое вышло! Ишь ты, барыня, заробѣла! Накося! Да что ты, не съ нимъ, что ли, прижила? Съ прохожимъ молодцомъ, что ли, путалась? Три мѣсяца реветъ! А! Боишься? Руки на себя наложишь? Да я тебя за эдакія слова... Вставай, дура! безмозглая! Вишь, дождикъ накрапываетъ, а у тебя бѣлье, какъ у графини какой, на дворѣ красуется. У!! мразь! Добро бы отъ людей таиться, а отъ него-то, матушка, что? Какъ никакъ, а знать ему про это надо... Дурища!

Марѳа Игнатъевна плюнула, отвернулась и принялась полоть. Черезъ минуту она снова обернулась къ Устиньѣ. Та, все еще склонившись, беззвучно вдрагивала всѣмъ тѣломъ.

— Тебѣ говорю: добро мочишь! Ступай! Да у меня, чтобы завтра же все ему было объявлено! Не стану больше тайнъ твоихъ скрывать!

Устинья поднялась и, громко высморкавшись, пошла къ калиткѣ.

Въ ворота вѣзжалъ вернувшійся Тома, и Бѣльчикъ съ радостнымъ лаемъ бросился къ фыркавшему, мотавшему головой Гонцу.

II.

Григорій Степановичъ ненавидѣлъ англичанъ не за что-нибудь опредѣленное, а только потому, что былъ радикаломъ по убѣжденіямъ. Началось это лѣтъ десять тому назадъ. Въ тотъ годъ у Григорія Степановича умерла жена, и бѣдняга былъ такъ сраженъ, что ему посоветовали проѣхать куда-нибудь подальше. Случилось ему на пароходѣ познакомиться съ отставнымъ генераломъ; генералъ съ большимъ жаромъ ругалъ наши порядки и нашелъ въ печальномъ спутникѣ внимательнаго слушателя. Проѣхали они съ генераломъ до самаго Рыбинска, оттуда спустились до Симбирска и изо дня

въ день читали газеты, покупаемыя на пристаняхъ; весь остатокъ каждаго дня генераль говорилъ о прочитанномъ. Когда братъ вернулся съ какими-то „идеями“, Петръ Степановичъ невольно, просто изъ недовѣрія къ новизнѣ, изъ противорѣчія, сдѣлался заядлымъ консерваторомъ. Выписали они сообща столичную газету, и это предпріятіе вполне удалось, такъ какъ каждый могъ дѣлать изъ нея нужные ему выводы и считать себя правымъ. Но все же чаще газета тянула въ сторону Петра Степановича; тогда младшій братъ сталъ ходить на пристань или на вокзалъ покупать газету, съ которой соглашался генераль, и тайкомъ отъ старшаго выискивалъ подходящіе аргументы.

Однако, это полное несогласіе во мнѣніяхъ нисколько не мѣшало мирному житію братьевъ: душа въ душу и не портило имъ ни одного дѣла. вмѣстѣ они удили рыбу, вмѣстѣ ѣздили на службу въ банкъ, вмѣстѣ посѣщали торжественныя богослуженія въ соборѣ, вмѣстѣ покупали сѣно для лошади и коровы, которыхъ держали сообща. Полное сходство ихъ жизни доходило до того, что оба были вдовы и оба жили съ экономками. То, о чемъ писалось въ газетѣ, ни мало не затрогивало ихъ существованія: чтеніе было только добровольной гимнастикой ума.

Городскія дѣла ничѣмъ не могли особенно волновать ихъ: домики стояли на окраинѣ, и ни о мостовыхъ, ни объ освѣщеніи ихъ улицъ не было и помину; въ дѣлѣ же выборовъ обоими всецѣло руководили личныя отношенія, по знакомству съ тѣми или другими. Само собою складывалось какъ-то такъ, что, чѣмъ отдаленнѣе отъ ихъ жизни былъ вопросъ, о которомъ говорили, тѣмъ сильнѣе онъ волновалъ ихъ.

Во время дѣла Дрейфуса недопитый самоваръ снимали сначала со стола Григорія Степановича, а потомъ, когда выяснилось, что „его возьметъ“, настала очередь волноваться для Петра Степановича. Марѳа Игнатьевна и до сихъ поръ помнитъ, какъ въ ихъ домишкѣ раздавались оглушительныя рѣчи и какъ, послѣ знаменитаго „Я обвиняю“, на стѣнѣ въ столовой у Петра Степановича былъ повѣшенъ вверхъ ногами и съ проколотыми глазами портретъ какого-то „француза Золя“. Если бы кошка Машка—спасибо ей!—не задѣла за него лапой, когда пыталась съ этажерки прыгнуть къ клѣткѣ съ чижомъ, то, можетъ быть, и до сихъ поръ Петръ Степановичъ не позволилъ бы убрать казеннаго имъ кусочка газеты.

Когда дѣло Дрейфуса кончилось, жаркіе споры затихли, наступило блаженное время тишины и согласія; тутъ же и Устиньюшка, землячка Марѳы Игнатьевны, окончательно поселилась въ домикѣ Григорія, и еще дружнѣе, еще невозмутимѣе потекла жизнь братьевъ Проловыхъ.

Старшій изъ братьевъ овдовѣлъ черезъ годъ послѣ свадьбы; года черезъ два водворилась у него Марѳа Игнатьевна. Младшій Григорій жилъ тогда конторщикомъ въ имѣннiи одного помѣщика, а домикъ рядомъ съ Петровымъ принадлежалъ причетнику базарной церкви. Устроить въ банкѣ меньшого брата Петру Степановичу посовѣтовала Марѳа Игнатьевна. Къ тридцати годамъ Григорій, бывшій на семь лѣтъ моложе брата, переселился къ нему; черезъ годъ онъ былъ уже женатъ, тогда же купилъ и домъ, а черезъ два года тоже овдовѣлъ. За двѣнадцать лѣтъ службы Григорій такъ преуспѣлъ, что занималъ теперь такую же должность, какъ и братъ; дальше по службѣ оба идти не могли, такъ какъ образованіе ихъ ограничивалось курсомъ мѣстнаго городского училища.

III.

Зарядившіе на нѣсколько дней подрядъ дожди, наконецъ, прекратились, и жизнь Проловыхъ, загнанная непогодой въ стѣны домовъ, теперь опять перенеслась во дворъ, въ садъ. Съ самаго утра солнце грѣло, сушило и ласкало омытую землю и свѣтилось въ кристаликахъ чистаго прибитаго песку. Петръ Степановичъ, обрадовавшись вѣдру, еще до службы удосужился сбѣгать на рѣку и часа два просидѣлъ тамъ съ удочкой на дальнемъ плоту. Брата залучить ему съ собой не удалось: отговорился ломотой въ рукѣ.

Да и вообще Григорій Степановичъ эти дни держалъ себя какъ-то странно: разговаривалъ мало, а если и начиналъ, то или слишкомъ безучастно, или же волнуясь изъ-за пустяковъ. Извѣстіе о сдачѣ англійскаго отряда и о задержаніи бурами цѣлаго транспорта съ провизіей какъ будто не произвело на него никакого впечатлѣнія; за то схватка между крестьянами и раскольниками въ сосѣднемъ уѣздѣ сильно его взбудоражила; онъ спорилъ, кричалъ и чуть не съ пѣной у рта налеталъ на брата, когда тотъ смѣялся надъ деревенскими книжниками, желающими вѣрить по своему. Онъ началъ было противорѣчить и тогда, когда старшій братъ завелъ рѣчь о поѣздкѣ на храмовой праздникъ въ село, гдѣ жили дальніе родственники, заспорилъ и о томъ, нужно ли заново окрасить домики. Все у него было какъ-то шиворотъ на выворотъ: никогда еще не случалось, чтобы вопросы близкіе, касавшіеся ихъ жизни, вызывали несогласія между братьями; никогда еще не было, чтобы такъ систематически нарушалась то обратно-пропорціональное отношеніе между близостью вопросовъ и силой активнаго интереса къ нимъ, которое установилось, повидимому, такъ прочно и которое такъ

удачно мирило ихъ житейскую солидарность съ глубокой разницей въ ихъ „принципахъ“. Петръ Степановичъ отчасти замѣтилъ, что братъ что-то „не тово“, но приписалъ это его недомоганію.

Встопки на службу Григорій Степановичъ поѣхалъ. Радостный день какъ будто оживилъ и его. Онъ ходилъ съ братомъ послѣ обѣда „въ городъ“ записаться подарками въ деревню, куда, въ концѣ концовъ, рѣшено было отправить одну Марѳу Игнатьевну; а потомъ самъ предложилъ брату сыграть въ шахматы.

Вечеромъ, послѣ заката, всѣ обитатели домиковъ, какъ всегда въ теплые дни, вышли за ворота и занялись подсолнухами. Марѳа Игнатьевна попробовала было занять компанію разговоромъ о скандалѣ въ желѣзной лавкѣ на базарѣ, но общій разговоръ не клеился, и она скоро поднялась, закрыла ставни и ушла спать. За ней ушла и Устиньюшка. Понемногу опустѣла и улица, попрятались сосѣди, не стало видно и прохожихъ. Петръ Степановичъ что-то съ увлеченіемъ насвистывалъ и, обнявъ обѣими руками колѣно правой ноги, раскачивалъ тѣло въ тактъ напѣву. Григорій Степановичъ подтянулъ было сиплымъ баскомъ, но сейчасъ же сорвался, замолчалъ и закурилъ.

— Подожди, братъ Петръ,—черезъ минуту проговорилъ онъ.—Кое-что сказать надо...

Петръ Степановичъ совсѣмъ не привыкъ къ тому, чтобы сказать что-нибудь было *надо*. Если что говорили, то просто такъ, потому что говорилось.

— Да?—серьезно-торжественнымъ голосомъ переспросилъ онъ.—Ну-ну, что такое?

— Гм... какъ тебѣ сказать...

Григорій осмотрѣлся и положилъ ногу на ногу.

— Вотъ, примѣрно... Гм... вопросъ тонкій, братъ, да щекотливый. Ну, вотъ, примѣрно, есть у тебя экономка, ну, вродѣ какъ въ полку завѣдующій хозяйствомъ. Ну, такъ сказать: Марѳа Игнатьевна... Вотъ именно: Марѳа Игнатьевна и есть. Дѣтей у тебя, собственно, нѣтъ, ну, а того... вѣдь могли бы и быть. Вѣрно ли говорю?

Петръ Степановичъ ровно ничего не понималъ изъ этого предисловія, но сравненіе ему не понравилось, и онъ нахмурился.

— Такъ ли, эдакъ ли, а рассуждать-то объ этомъ смыслъ какой?

Но Григорію Степановичу и такое начало стоило очень многого; отъ волненія онъ всталъ и зашагалъ вдоль дома.

— Братъ!—вдругъ раздалось визгливое восклицаніе Петра Степановича.—Григорій! Гриша! Ха-ха, ха-ха! Поди-ка, поди сюда, ужъ не догадался ли я?

Петръ Степановичъ всталъ и, торопливо подойдя къ брату, ткнулъ его въ животъ.

— Ахъ ты, старый грѣхъводникъ! А? Устиньюшка сюрпризъ готовить? А? Вотъ такъ Устиньюшка! Хорошъ завѣдующій полковымъ хозяйствомъ! О! хо! хо! о! го! го! Назавѣдывала!

Григорій Степановичъ, вытянувъ впередъ губы, поднялъ плечи и развелъ руками.

— То-то и оно! Чтобы, вотъ, ты думалъ, братъ!—сказалъ онъ серьезно.

Петръ Степановичъ пересталъ смѣяться и покачалъ сочувственно головой.

— Да... Да.. Не того.. Непріятно. Скандально какъ-то.. не годится, не годится.. Все были—свои дѣла, домашнія, а теперь.. на-ка вотъ: на люди выйдетъ, пересуды начнутся..

Григорій Степановичъ медленно подошелъ къ крылечку и сѣлъ. Откашлявшись, онъ запустилъ руку въ отвислый карманъ пиджака, вынулъ оттуда горсть подсолнуховъ и, молча, сосредоточенно глядя передъ собой въ пространство, началъ съ остервененіемъ грызть шелуху и громко выплевывать ее на крыльцо.

— Гм... да, скверно,—продолжалъ Петръ Степановичъ, подходя къ нему,—тутъ, братъ, и отъ суда не зарекайся. Какъ же?! Пойдетъ всякая дряга, на содержаніе давай... да мало, да больше... А вѣдь, какъ ни какъ, не станешь же ты эту... канитель разводите, отречься тамъ, или что... Оно хоть и раньше языки-то чесали. Возьми хоть у Ивана Панфиловича, когда у него Степанида жила, не мало тоже разговоровъ было... А какъ родила, ну, отвезъ въ деревню и сталъ платить. Такъ вотъ и по сейчасъ платить... а чуть что не ладно,—судомъ грозятъ. Да... А ужъ клянчатъ у него и того, и сего: какъ пріѣдутъ, чуть не возъ всякій разъ обратно везутъ. То же, вотъ, какъ жениться вздумалъ: хорошо, Марья Семеновна, невѣста, на это сквозь пальцы посмотрѣла, да можетъ и не знала... кто ихъ разберетъ... а вѣдь не всякая такъ-то..

Петръ Степановичъ бросилъ окурокъ, шаркнулъ по немъ ногой, сѣлъ рядомъ съ братомъ и, прищуривъ глаза, снова сталъ насвистывать въ раздумьи

Григорій Степановичъ усердно грызъ сѣмена.

— О женитьбѣ-то я не думаю,—невнятно, тихимъ голосомъ, проговорилъ онъ съ грустью.—Гдѣ ужъ намъ, братъ! Наше время было, да прошло..

Онъ вздохнулъ и замолчалъ.

— Да! Было, да прошло,—повторилъ Петръ Степановичъ и тоже задумался.

Въ воздухѣ становилось свѣжо. Издалека доносилась трещотка караульщика и, казалось, вела какой-то свой ночной

разговоръ съ другой неугомонной нарушительницей тишины, назойливо шумѣвшей гдѣ-то еще дальше.

Григорій Степановичъ пересталъ грызть подсолнухи, крикнулъ, почесалъ лобъ и покосился на брата.

— А я, Петръ, такъ рѣшаю про себя... что... Однимъ словомъ: желаю усыновить,—вдругъ съ отчаянной рѣшительностью быстро отчеканилъ онъ.

— То есть какъ это?—недоумѣвающе переспросилъ Петръ Степановичъ.

— А такъ, чтобы фамилію носилъ Пролова, жилъ бы съ матерью у меня и наследовалъ бы мнѣ послѣ смерти моей. И ежели, какъ ожидаю, сынъ будетъ, такъ Степаномъ бы, по дѣду, назывался. И твоего согласія бы хотѣлъ, Петръ, потому, что мы съ тобой... ну, самъ знаешь: всегда душа въ душу...

Голосъ Григорія задрожалъ, онъ не договорилъ и отвернулся. Петръ пощипалъ себѣ бороду и заговорилъ съ остановками, полусловами, не то насмѣшливо, не то радостно:

— Хм... Ловко, ловко... Усыновить!.. Значить, на чистоту дѣло повести... Хм... Ловко... Что же, подумаемъ, подумаемъ... Умора... А? Эдакій какой то Степанчикъ... будетъ это въ садишкахъ копать... Дядя, дядя! папа, папа! Пищить... Чудно!

Лицо Петра Степановича, по мѣрѣ того, какъ онъ говорилъ, становилось все умильнѣе, и онъ вопросительно взглядывалъ на брата, какъ будто все еще не вѣря въ то будущее, о которомъ говорилъ.

— Ну, на счетъ садишекъ, можно. А чтобы на улицу, съ ребятишками,—ни, ни! Самъ буду за воспитаніемъ смотрѣть.—Глаза Григорія сдѣлались строгими, а усы то и дѣло поднимались непослушной улыбкой.

— Ого! Ого-го! Строгий ты больно. А Устиньюшка что?

— Устя? Не знаю, что... Не говорилъ я съ ней. Щекотливое это дѣло... Раньше съ тобой хотѣлъ выяснить, а потомъ какъ-нибудь и съ ней поговорю. Это Марѳа Игнатьевна мнѣ по секрету сообщила... Ты и съ ней не говори объ этомъ... Положимъ, какъ знаешь... Четвертый мѣсяць уже...

— Четвертый?! Черезъ полгода, значить, будетъ... хе, хе... отпрыскъ семейный! Исторія! Да, да... по-одумаемъ... Что же,—это по божьи, по божьи, братъ!.. И молчала? Вотъ дура!.

— Извѣстно, баба! Ну родить-роди, а что касается воспитанія—гдѣ же ей? Самому все придется. Усыновлять, такъ не остолопа же растить!.. Образование дамъ, въ гимназію опредѣлю...

— Въ гимназію?! Хо, хо! Это зачѣмъ? Чтобы вышелъ въ студенты?.. Ну, нѣтъ, братъ, это не дѣло!—Петръ Степановичъ заерзалъ на мѣстѣ, пожевалъ губами и закурилъ.— Не дѣло! Что вѣрно, то вѣрно!

— Да, помилуй, какъ же человѣку безъ университета? Окончить—карьеру и все такое... Онъ ужь, такъ сказать, полномыслящій гражданинъ!

— Полномыслящій! Вродѣ твоего генерала? Генераломъ его хочешь сдѣлать? Такъ вѣдь такихъ-то генераловъ въ отставку гонятъ... И бранятъ-то они порядки наши потому, что выставили ихъ... Нѣтъ, какъ хочешь: что не дѣло, то не дѣло!

— Ну, что генералъ!.. Насъ съ тобой тогда не будетъ; а вотъ профессоромъ можетъ сдѣлаться. У Лидіи Терентьевны сынъ-то, посмотри: вывела въ люди, теперь лекціи съ кафедръ читаетъ! Съ ка-аедръ! Понимаешь? Да! Вотъ это человѣкъ свободный! Ты подумай: съ кафедръ!

— А за свободу-то за эту, ты не знаешь, куда сажаютъ? Не знаешь? И эдакую жизнь готовишь сыну! Да Богъ съ нимъ совсѣмъ! Нѣтъ, я не согласенъ! Не согласенъ! Въ городское училище... Ну, въ крайнемъ случаѣ, реальнымъ покончить и basta! Для чего мы работали съ тобой! Можно ему и дѣломъ заняться. Вѣдь вотъ она, дорога-то, подъ носомъ: по этой дороженькѣ каждый возишка хлѣба мужикъ провозить: скупай! Для амбара мѣста во дворѣ хватить!

— Ну, ужь это, братъ Петръ, для своего сына береги! А чтобы мой сталъ торгашествомъ заниматься, — ни-ког-да! Я—отецъ! Да, Петръ, я—отецъ!—Григорій Степановичъ поступалъ себя въ грудь кулакомъ.—Да! Я—отецъ, и я властенъ!

Петръ Степановичъ сидѣлъ удивленный, нахмуренный и робко смотрѣлъ на брата. Въ глазахъ Григорія сверкала воля, вся его фигура выпрямилась, казалась сильной и властной: такимъ Петръ Степановичъ брата никогда не видалъ.

— Постой, постой!—началъ онъ несмѣло, стараясь умѣрить себя въ выраженіяхъ.—Ты, братъ Гриша, хочешь, чтобы я далъ согласіе на усыновленіе; я же это такъ понимаю: согласіе дать и роднымъ, своимъ его считать, заботиться объ немъ и въ наслѣдникахъ его имѣть.. Какъ же ты говоришь?..

Но Григорій Степановичъ уже расходился. Его сердце всецѣло принадлежало тому, кого онъ назоветъ своимъ. Высказавшись передъ братомъ, онъ теперь открыто, передъ всѣмъ свѣтомъ, готовъ былъ вести сына впередъ, впередъ... куда—и самъ не зналъ, но въ какую-то жизнь выше и лучше своей. Онъ заранѣе чувствовалъ за него отвагу, рѣшимость на что-то, и самого его тянуло идти напроломъ, безъ указокъ.

— Спасибо, Петръ Степановичъ! Но ужь что свое, кровное—того, извини, не раздѣлишь. Не льщусь я на прибыль, была бы ему твоя любовь... А не будетъ ея,—не хорошо, братъ! Я тебѣ не судья, а только не хорошо... И всетаки надъ нимъ будетъ моя воля...

Петръ Степановичъ нахмурилъ брови и всталъ. Лицо его было желчно, и злая насмѣшка кривила губы.

— Расхорохорился? Скажите! А изъ за чего? Гдѣ онъ еще, сынъ-то? Покричи его! А? Еще и не родился! Хе-хе! Теперь пока только на Устиньюшку пальцами тыкать будутъ: дѣвка тяжелая! Хе! Неприятность, это вотъ и теперь видно. А прочее вилами на водѣ писано. Степа! Степа! Племянничекъ! Тю-тю еще!

Но Григорія злобныя рѣчи не трогали. Онъ мечтательно смотрѣлъ воспаленными глазами на небо и молчалъ. Петръ Степановичъ притворно зѣвнулъ и пошелъ къ калиткѣ. Шагъ у него былъ тяжелый, невѣрный, мысли были грустныя и недобрыя. Эта загорававшаяся размолвка вносила что-то новое въ ихъ отношенія; что-то измѣнялось, какъ-будто порывалась та однообразная, ровная нить, какою тянулись дни до сихъ поръ.

Задумчиво прошелъ вслѣдъ за нимъ Григорій Степановичъ, и тяжелый засовъ калитки застучалъ во дворѣ.

Луна поднялась высоко на небѣ и ласковой, мягкой дымкой своего свѣта одинаково ярко ударяла въ правыя стороны крышъ домиковъ обоихъ братьевъ.

IV.

— И-и, дѣвонька! Ужъ ты надѣйся. Какъ рукой все снять. Ни тебѣ болѣзней, ни тебѣ срама отъ людей. Было—не было! Дѣло извѣстное: довѣрся, говорю, довѣрся, и все тутъ.

— Боязно, Сергѣевна! Охъ, матушки мои, вотъ какъ боязно, милая!

Устинья торопливо сѣменила за увѣренно шагавшей Сергѣевной и, то и дѣло вытаскивая изъ-подъ большой шали кончикъ головного платка, вытирала имъ мокрое отъ слезъ и пота лицо. Сергѣевна, еще молодая и шустрая кухарка управляющаго паровой мельницы, шла рядомъ, въ кашемировомъ платьѣ, въ косынкѣ и въ бѣломъ фартукѣ. Лицо у нея было серьезное, озабоченное, а когда она обращалась къ Устинѣ, то въ тонѣ рѣчи было столько авторитетности, желанія добра и сочувствія къ неопытной дѣвушкѣ, что Устинья и ободрялась, и покорялась.

— Ахъ ты! вотъ, подумаешь, напасть какая! Не ты первая, не ты послѣдняя. Да я тебѣ ужъ вотъ какъ побожусь: спокойное дѣло, то есть просто любохонько. Живете вы тамъ, у себя, какъ въ клѣтѣ какой, людей не знаете. А хочешь, такъ спроси въ городу — что за человѣкъ Суслиха; всякій скажетъ: ученый человѣкъ, дѣло свое знающій, всѣми ува-

жаемый человекъ, можно сказать, знаменитая женщина! А ты все: боязно, да боязно. Любовь дѣло наживное... А этотъ старый! Тьфу!

Онѣ шли по широкимъ красивымъ улицамъ, между рядами большихъ каменныхъ домовъ, блестящихъ вывѣсками и нарядными окнами магазиновъ. По тротуарамъ шли люди, толпились, бѣжали; по мостовой еле двигалась безконечная вереница экипажей.

— А вѣдь и понятно, почему ты говоришь: боязно,—ораторствовала Сергѣевна. — Ты думаешь, узнаютъ всѣ. А погляди-ка, что тутъ народу! Тьма! Нашъ городъ большой, старинный, почище столицы будетъ. Тебя и въ своемъ-то окологдѣ не всякій знаетъ, а здѣсь? Да хоть бы одна душа! Нивѣсть кто, нивѣсть откуда пришла за своимъ дѣломъ къ нужному человеку, денежки отдала, да и пошла себѣ обратно. Вотъ и вся исторія.

Сергѣевна развела руками.

— А ты вотъ за что Бога благодари, что догадалась я. Не спроси я тебя по душѣ,—кто бы тебя выручилъ? Эхъ, дѣвонька! Погоди, будетъ милый настоящій, молодой да пригожій!..

Устинья внезапно залилась слезами и такъ громко всхлинула, что Сергѣевна нахмурилась и повернула за уголъ.

— Пойдемъ-ка вотъ этой улочкой, дѣвонька. Ты все слезы напрасно льешь... Людно тамъ, да здѣсь и ближе будетъ. Да! скажи: слава Богу... Что ты все плачешь-то?

— А Марѳа-то какъ же? Что я скажу-то ей? Вѣдь она ему открыться велѣла.

— Открыться!—передразнила Сергѣевна.—Вонъ дѣла какія! Небойсь сама-то барыней прожила, а что-то на срамъ себя не выставяла, не открывалась! Ишь ты! На-ка, вотъ, открыться!

— А что я скажу-то ей!—всхлипывала Устинья.

— Очень даже просто: ошибка вышла, а теперь все по старому наладилось... А что за причина,—ты знать не знаешь и вѣдать не вѣдаешь... Да когда она, черезъ недѣлю, что-ли, пріѣдетъ?

— Да! Въ четвергъ на той недѣлѣ. Праздникъ-то престольный послѣ завтра будетъ, а она къ отцу Герасиму по дорогѣ заѣдетъ.

— Такъ, такъ. Ну, пріѣзжай хоть и раньше,—ничего не пронохаетъ. Вотъ онѣ, бани-то, вотъ эти самыя.

Сергѣевна указала на большой домъ, грязный, закопченный. Устинья пристально посмотрѣла на него и перекрестилась.

Когда входили въ ворота бань, шли по двору, а потомъ,

по темному корридолу, сырому и парному, Сергѣевна раскланивалась то съ тѣми, то съ другими изъ встрѣчавшихся женщинъ; видимо, здѣсь она чувствовала себя среди своихъ.

Въ неуклюжей грязной раздѣвальной „дворянскаго“ отдѣленія было шумно. Высокія мокрыя стѣны гулко отдавали голоса, шлепанье босыхъ ногъ, хлопанье дверями. На диванахъ, покрытыхъ сомнительной свѣжести простынями, одѣвались и раздѣвались, говорили, смѣялись, унимали дѣтей, а въ углу, у накрытаго столика, сидѣли двѣ голыя женщины съ платками, закрученными вокругъ головы, съ мокрыми гайтанами почернѣвшихъ крестовъ на шеяхъ.

Сергѣевна усадила Устинью на свободный диванъ и прошла къ голымъ женщинамъ, пившимъ чай. Устинья не слышно было, что говорила она съ ними, но она поняла, что разговоръ шель объ ней, и передъ этими новыми людьми, проникшими въ ея тайну, ей стало такъ совѣстно, что даже заплакать она не была въ силахъ: къ сердцу прилила какая-то большая темная волна, и она сидѣла, не шевелясь и не смотря въ ихъ сторону. Вернулась Сергѣевна.

— Подождать придется. Очередь соблюдаютъ. Занята теперь Суслиха-то, а потомъ вотъ эта барыня пойдетъ.

Красивая барыня, на которую указала Сергѣевна, кончала раздѣваться. Громадные золоченые гребни и гребни черные, съ кораллами, окаймляли пышныя темныя волны ея затѣйливой прически. Выйдя изъ спущеннаго на полъ бѣлья, она ловко согнула свое великолѣпное, гладкое, бѣлое тѣло и рукой, унизанной кольцами и браслетами, кинула бѣлье на диванъ. Подскочившая баньщица съ платкомъ на головѣ, хрустя оставшимся кускомъ сахара, проворно развернула передъ ней мохнатую простыню и побѣжала впередъ распахать дверь. Легкой походкой прошла за ней, мимо Устиньи, барыня, граціозно подбирая концы простыни, спадавшей съ плечь.

Подошла другая баньщица.

— Эта сколь, говоришь, платить? — полюбопытствовала Сергѣевна.

Баньщица сѣла рядомъ и зѣвнула.

— Трешну, — нараспѣвъ, вмѣстѣ со вторымъ зѣвкомъ, протянула она. — Суслихъ — трешну, да намъ по полтинѣ.

— Ишь ты! — умилилась Сергѣевна. — И ужъ эта вѣрная, постоянная?.. Вотъ видишь, дѣвонька, — обратилась она къ Устиньѣ, — барыня важная, не кое-какая, мужъ въ чинахъ да въ орденахъ; а портить красу свою не желаетъ. Кому охота!.. А та, офицерша-то, давно была? — снова повернулась она къ баньщицѣ.

— Которая? Развѣ тутъ мало ихъ... А, да! Шестигривова?

Да мѣсяца два назадъ. Про эту что!—несчастливая, одно слово. Одинъ на коврѣ, другой на рукахъ, третій при груди, а су-пругъ что? тѣфу—можно сказать! Голь самая низкая, да еще распутникъ. Одно слово: рвань!

Банщица плюнула, потомъ зѣвнула и встала.

— Идти мыть! А вы бы раздѣвались: вонъ эта, съ ребенкомъ-то, вышла ужъ.

Маленькая, худая женщина, показавшаяся изъ дверей, несла комокъ пеленокъ; оттуда несся жалобный крикъ, прерывавшійся какими-то скорбными не членораздѣльными причитаньями. Женщина, шукая и гу-гукая, сѣла напротивъ и, положивъ комокъ на диванъ, стала быстро одѣваться. Услышавъ крики ребенка, Устинья не выдержала и заплакала.

— Брось, брось! Что ты, милая!—зашептала Сергѣевна.— Снимай одежду-то! Давай сюда платки-то. Вотъ здѣсь положимъ ихъ. Скидывай кофту, проворнѣй!

Устинья стала раздѣваться. Маленькая женщина все шукала ребенку, быстро справляясь съ своимъ несложнымъ мѣщанскимъ туалетомъ. Потомъ она порылась въ узелкѣ, достала оттуда чистыя пеленки и съ ласковыми прибаутками переложила въ нихъ маленькое, красное, безпомощно кричавшее существо. Когда, усѣвшись, она дала ему грудь, крики смолкли, она облегченно вздохнула и привѣтливо обратилась къ Сергѣевнѣ:

— Который часъ теперь? Не знаете? Не опоздать бы на поѣздъ. Ужъ такъ боюсь, съ утра не ѣла, да и дома ждуть.

— Поспѣете! Въ Хрусталево, что-ли?

— Нѣтъ, въ Керзино.

— А! Лѣчили ребеночка?

— Да! Одолѣлъ волосъ на немъ. Вся спина точно шерсть звѣриная. Меня сюда и послали. У дорожной мастерши тоже вотъ эдакъ дитѣ мучилось: Суслиха какъ рукой сняла. Вотъ я и поѣхала... А сейчасъ что страховъ натерпѣлась! Ужъ какъ вѣдь жарко то на полкѣ, а онъ такъ кричалъ, точно душа выходитъ изъ него. Да красный сдѣлался, что кумачъ!

Устинья слушала разговоры Сергѣевны съ маленькой женщиной и половины изъ нихъ не понимала. Точно что окаменѣло внутри у нея, и жуткій страхъ, охватывавшій раньше, замѣнился теперь какимъ-то тупымъ полусномъ. И глаза все видѣли кругомъ, какъ въ туманѣ.

— Раздѣвайся, раздѣвайся!—услышала она голосъ Сергѣевны.— Сейчасъ выйдетъ. Да что ты обомлѣла, дѣвонька! Вонъ и Суслиха сама! Живо обдѣлала!

Изъ бани вышла крошечная согнутая фигура. Когда она подошла ближе, Устинья чуть не вскрикнула отъ ужаса и отвращенія... Старуха подошла къ чайному столику и, вливъ

себѣ въ отверстіе рта стаканъ остывшаго чаю, посмотрѣла на Сергѣевну и закивала ей головой. Сергѣевна приблизилась къ старухѣ, пошептала съ ней и вернулась къ Устиньѣ.

— Иди, иди, милая. Твоя очередь. Живо справить!

Устинья перекрестилась и вслѣдъ за старухой отправилась въ баню...

V.

Прошло уже около недѣли съ отъѣзда Марѣы Игнатьевны. Въ проловскихъ домикахъ ждали ее со дня на день. Устинья переживала пытку; не было, кажется, минуты, когда бы мысль объ отвѣтѣ, о страшномъ отвѣтѣ не преслѣдовала ея. Сначала было какъ-то легче: все казалось, что это дѣло какого-то далекаго будущаго, и рано еще убиваться; но, чѣмъ дальше шли дни, тѣмъ мучительнѣе становилось ожиданье. Въ послѣднее время ей ужъ хотѣлось, чтобы Марѣа пріѣхала скорѣй, чтобы скорѣй прошло все это, чтобы, такъ или иначе, все осталось позади.

Скучно было эту недѣлю въ маленькихъ домикахъ; все было какъ-то не по старому, не такъ, какъ нужно. Петръ Степановичъ ходилъ сумрачный, задумчивый, насвистывалъ заунывные мотивы, держался больше особнякомъ отъ брата, а если и начиналъ разговоръ, то сейчасъ же у нихъ находились какіе-то спорные пункты... И касались они не внѣшней политики и не жизни далекихъ народовъ, а своихъ дѣлъ, близкихъ, городскихъ или вообще русскихъ. Григорія Степановича одолѣвала какая-то жажда дѣятельности, онъ постоянно находилъ неправильнымъ то то, то другое въ окружающей жизни, критиковалъ распоряженія властей, веденіе городского хозяйства, и все время какъ будто считалъ необходимымъ принять личное участіе въ ходѣ общественной жизни, для кого-то и для чего-то заботиться и дѣйствовать.

А братъ, точно желая подчеркнуть, что ему по прежнему нѣтъ дѣла ни до чего, кромѣ собственнаго двора и происшествій въ Африкѣ и Испаніи, затѣялъ сооруженіе новаго курятника, велъ съ работникомъ безконечныя совѣщанія о томъ, какія доски, изъ стараго лѣса за баней, пригоднѣе для этого, и въ своихъ хозяйственныхъ заботахъ дошелъ до того, что обиль желѣзомъ и покрасилъ крышу конуры Бѣльчика. Съ Григоріемъ Степановичемъ онъ всякій разговоръ старался свести на обсужденіе англійской политики и рѣзко возмущался, что тотъ вздумалъ, на генеральскій манеръ, совать свой носъ куда не нужно. Въ особенности круто оборвалъ онъ его, когда Григорій Степановичъ совершенно серьезно замѣтилъ какъ-то за чаемъ:

— Надо бы попробовать баллотироваться въ гласные. Все-таки, знаешь, оно того.... какъ будто эдакъ принимаешь участие въ жизни; такъ, знаешь, въ порядкахъ, что-ли.... Оно хоть и не совсѣмъ.... ну, да все-же.... интересы общественные... и тому подобное.... завести знакомства, присмотрѣться....

Петръ Степановичъ посмотрѣлъ на брата такимъ взглядомъ, будто хотѣлъ провѣрить, все ли на его лицѣ намѣстѣ.

— Городское самоуправленіе... гм... гм... и всякія вольнодумства, — проговорилъ онъ, быстро отодвигая стаканъ. — Ушамъ не вѣрю! Что же тебя тянетъ? Объ водопроводѣ толковать? Н-н-ѣтъ-съ! Не вилай! въ тебѣ генераль сидитъ! Да, да!

Онъ ткнулъ по направленію брата указательнымъ пальцемъ и пошелъ къ дверямъ.

— Тебѣ наскучило смирно сидѣть, въ покоѣ, въ тишинѣ... Вольнодумства! — докончилъ онъ въ дверяхъ и ушелъ.

Онъ прошелся по своей крохотной спальнѣ, зачѣмъ то дрожащими отъ волненія руками высыпалъ на новую сотню гильзъ старый, совсѣмъ измолвшійся табакъ, который давно хотѣлъ выкинуть, и, нѣсколько придя въ себя, сообразилъ, что недостаточно укололъ брата. Онъ быстро подошелъ къ двери, распахнулъ ее и со смѣхомъ проговорилъ:

— Самое лучшее: поступай въ газетчики. Валай!.. пропи-сывай! Чего тутъ!

Язвительнѣе онъ ничего не могъ придумать и, не давъ брату опомниться, побѣдоносно прошелъ мимо него по направленію къ сѣнямъ, ведущимъ во дворъ.

Какъ ни былъ суетливъ и разговорчивъ за это время Григорій Степановичъ, одного онъ замѣтно избѣгалъ, — оставаться наединѣ съ Устиньей. Онъ былъ съ нею необыкновенно вѣжливъ, порой даже шутилъ, но только въ присутствіи брата. Нѣсколько разъ онъ какъ будто хотѣлъ заговорить съ ней о чемъ то серьезномъ, но сейчасъ-же или отходилъ, или задавалъ какой нибудь незначительный вопросъ по хозяйству.

Рѣшилъ онъ какъ разъ въ тотъ день, когда истекалъ приблизительный срокъ отпуска Марѣы Игнатьевны. Устинья, точно чуя приближеніе къ городу Марѣы, весь день о чемъ-то хлопотала, бѣгала въ сосѣдніе дворы, отыскивая почему-то именно теперь пропавшихъ уже три дня тому назадъ цыплятъ; ссорилась съ Ѳедоромъ изъ-за затертыхъ имъ на конюшнѣ пыльных тряпокъ и отчаянно терла для чего-то вполне чистый висячій рукомойникъ или начинала неистово скрести и раньше никогда не отмывавшіяся кастрюли.

Съ озабоченнымъ, сильно похудѣвшимъ лицомъ, съ без-

покойно горѣвшими глазами, съ судомойкой въ рукахъ, взбѣгала она по ступенькамъ крыльца, когда передъ ней точно выросъ сторожившій ее Григорій Степановичъ; онъ грубо и неловко, отъ смущенья, обнялъ ее и втащилъ въ сѣни.

— Слушай, Устя, правда это? Правда, Устя?—забормоталъ онъ, заглядывая ей въ глаза.

Устинья, вырываясь, закинула голову и посмотрѣла на него. И точно въ первый разъ увидала она, какой онъ былъ, дѣйствительно, старый и немилый ей... Мысль о комъ-то другомъ, своемъ, будущемъ торжествуяще пронеслась въ головѣ, и сразу вспомнились всѣ разумныя слова Сергѣевы.

— Какая вамъ правда? Про чего говорите, не знай! Пустите, бѣжать надо!—рѣзко проговорила она.

— Нѣтъ, постой, Устя! Ты не бойся меня, я все знаю... про то... про то, что ребенокъ у насъ будетъ... Что ты мнѣ не сказала? Что ты... Ну, да говори-же!

— И кто это насаждалъ вамъ только?—Устинья освободилась изъ его объятій и, вертя судомойку, уставилась глазами въ щели между бревенъ, откуда хвостиками вылѣзала пакля.—Правда, одно время я сама думала, да сдуру Марѣѣ сболтнула... Она и пошла звонить... Да это ошибка вышла. Ничего такого и не было.

Она замолчала, но съ мѣста не двигалась. Григорій Степановичъ тоже молча сталъ смотрѣть на тѣ же хвостики пакли.

— Это бываетъ... ошибки такія,—тихимъ голосомъ добавила Устинья. Лицо у нея было уже не сердитое, а задумчивое, виноватое, грустное, а судомойка такъ и крутилась вокругъ пальца.

Григорій Степановичъ откашлялся, готовясь сказать что-то, но только плотнѣе прислонился спиной къ стѣнѣ, у которой стоялъ, и такъ и не сказалъ ничего.

Устинья медленно, нерѣшительно отворила дверь въ кухню, крѣпко держась за ручку ея, и перешагнула черезъ порогъ... Кирпичъ, мотавшійся у двери на веревкѣ, быстро забарабанилъ по косяку, спустился внизъ и захлопнулъ дверь.

Долго бы, можетъ быть, простоялъ неподвижно Григорій Степановичъ, если бы не тревога, поднятая Бѣльчикомъ. Григорій Степановичъ закурилъ и пошелъ во дворъ. Оттуда доносился лай и визгъ Бѣльчика и въ отвѣтъ загремѣлъ властный, довольный голосъ:

— Ну, ну! Затявкала! Заскулила! Ишь ты, коромысло мохнатое! А ну-тебя! Пустя! Федоръ, Федоръ! Возьми-ка, батюшка, кулечекъ да корзиночку у извозчика!

Пріѣхала Марѣа Игнатьевна.

VI.

Весь остатокъ дня Григорій Степановичъ проработалъ съ братомъ надъ новымъ курятникомъ. Постройка такъ, видимо, заинтересовала его, что онъ казался поглощеннымъ всякими соображеніями и подробностями. Работалъ онъ молча, даже, въ отвѣтъ на разсужденія брата о размѣрѣ гвоздей и досокъ, только мычалъ, сосалъ папиросу и, не отрываясь, стругалъ и колотилъ. Закатывалось солнце... Марѳа Игнатьевна два раза кричала изъ сада, что самоваръ заглохнетъ; работу пора было прекращать.

— Да, Петръ!—проговорилъ Григорій Степановичъ, стараясь небрежнымъ тономъ придать своимъ словамъ какъ можно меньше значенія.—Забылъ тебѣ сказать: о племянникѣ тамъ и тому подобное... нечего беспокоиться. Усыновлять некого. Помнишь, мы какъ-то тутъ съ тобой разговоръ заводили? Ну, такъ вотъ...

— Что такое? Почему?

— Ну, да, почему? Просто бабьи розказни были. И ничего подобнаго. Ошибка, говорить, произошла. Ну и того... не стоитъ, вообще, говорить... Эхъ! солнце зашло ужъ! Псидемъ-ка въ вечеръ майскій чай китайскій распи-и-ивать!..—попробовалъ весело затянуть Григорій Степановичъ, но голосъ былъ сиплый, въ горлѣ какъ будто стояло что-то. Онъ откашлянулся, взялъ топоръ и, насвистывая, направился къ саду.

Извѣстіе, во всякомъ случаѣ, смутило Петра Степановича. Обрадовало оно его или нѣтъ, онъ разобраться не могъ. Что-то было неожиданное, новое и, пожалуй, скорѣе хорошее. Онъ остановилъ брата.

— А знаешь, Григорій,—серьезно началъ онъ:—Пожалуй, это и лучше. Ну, что тамъ ни говори, а всетаки оно какъ-то нарушало что-то такое: завѣтное. Ну... и, какъ тебѣ сказать? Видишь-ли, у насъ: хозяйство, служба, покой... и всему пришлось бы сказать „прощай“. Начались бы волненія, разговоры и прочее... А кто изъ него потомъ бы вышелъ? Можеть, просто шаромыжникъ... Стоитъ ли? Жизнь наша устроилась... Ну, и... чего намъ нужно..

— Ну да, что тутъ... Не стоитъ вообще и говорить объ этомъ. Сдурю повѣрили бабьимъ сказкамъ. Ну, того... и будетъ!..—нетерпѣливо оборвалъ брата Григорій Степановичъ.

— Я понимаю. Хе-хе-хе! Вотъ тебѣ и „ Степа“. Понимаю: говорить не стоитъ. Пойдемъ.

— Не было раньше, нѣтъ и теперь. И все... Идемъ... въ вечеръ ма-а-йскій чай кита-а-йскій ра-а-аспивать, распива-а-те

Они пошли въ садикъ, и никакихъ разговоровъ между ними на вздорную тему о „Степѣ“ больше, дѣйствительно, не было.

Только съ Мареей Игнатьевной Петръ Степановичъ не удержался поболтать на этотъ счетъ. Отъ него Марееа Игнатьевна узнала все: и объ разговорѣ у воротъ, и объ „ошибкѣ“. Ничего она не сказала Петру Степановичу, и извѣстіе о желаніи усыновить приняла равнодушно, а ошибкѣ не удивилась. Но плохо спалось ей въ эту ночь. Крѣпилась она и утромъ, пока братья еще не уѣхали на службу. Волю своимъ чувствамъ она дала только тогда, когда дворъ опустѣлъ.

Прямо отъ воротъ она быстро прошла къ домику младшаго Пролова. Заглянувъ въ окно кухни, она увидала, что Устинья моетъ чайную посуду. Марееа Игнатьевна остановилась передъ окномъ и, поборовъ въ себѣ желаніе сразу излить весь гнѣвъ, сладкимъ голосомъ начала:

— Легла бы ты, родненькая, полежала бы. Тяжело чать надъ работушкой маяться, спинушку гнуть. Дитя-то барское, пожалѣй его, сердешная!

Устинья молчала. Не знала она, куда гнеть Марееа. Сказать надо было ей, что обманъ-де вышелъ неожиданный такой; да сразу какъ сказать,—надо, чтобы къ дѣлу вышло.

— Слышишь ты?—въ голосѣ Марееы Игнатьевны черезъ сладкость слышался уже приступъ грозы. Устинья настоужилась, почуявъ неладное.

— Слышала я,— снова владѣя голосомъ, запѣла Марееа,— слышала я: Григорій-то Степанычъ усыновить хочетъ дите свое, имя дать дѣлово хочетъ. Вишь, тебѣ честь, милая моя!

— Остаеьте, Марееа Игнатьевна! Что за шутки вамъ...— рѣшительно теряясь въ догадкахъ, пробормотала Устинья и, вся дрожа, продолжала уставлять посуду въ стѣнной шкафчикъ.

— Шутки мнѣ? Шутки? Ты говоришь, шутки!—закричала Марееа, найдя это слово самымъ подходящимъ для открытія огня.—Погоди, я тебѣ покажу шутки!

Однимъ махомъ обогнувъ крылечко и сѣни, Марееа Игнатьевна была уже въ кухнѣ.

Въ ужасѣ попятилась къ печкѣ Устинья, когда увидѣла Марееу: это былъ звѣрь, разъяренный кровью своей жертвы. Громадные сѣрые глаза были страшны: бѣлки въ нихъ сверкали, губы, затиснутыя между зубами, дрожали вмѣстѣ съ челюстями, а лобъ совсѣмъ исчезъ подъ судорожно двигавшимися широкими бровями и разметавшимися прядями волосъ.

—Мамонька!— дикимъ голосомъ вскрикнула Устинья.

— Я тебѣ покажу шутки свои!—Въ рукахъ Марееы Игнать-

евны очутилась самоварная конфорка, попавшаяся на краю стола; она сверкнула въ воздухъ и ударила Устанью въ плечо. За ней полетѣла скалка.

Марѳа Игнатьевна надвигалась. Устинья забила въ уголъ, и блѣдныя тонкія руки ея вытянулись впередъ, защищая лицо; губы шептали что-то, а глаза, остановившись въ ужасѣ неподвижно, слегка скосившись и горя, смотрѣли безумнымъ пристальнымъ взоромъ въ глаза Марѳы. Та ринулась къ ней, и стоявшая въ углу лохань съ помоями опрокинулась на полъ. Это точно еще больше поддало жару Марѳѣ Игнатьевнѣ. Она схватила хватъ и, застучавъ имъ о полъ, закричала не своимъ голосомъ:

— Не прячься! Дайся лучше! Дайся, говорю! Врозь расшибу... Въ кровь изобью!

Нѣсколько секундъ онѣ смотрѣли другъ на друга, стараясь каждая по глазамъ предугадать движеніе врага. Вдругъ Марѳа Игнатьевна вскинула хватомъ, но, когда тотъ опу-скался, Устинья успѣла схватить его за одну изъ рогаatokъ. Марѳа Игнатьевна сначала было дернула его, но потомъ бросила и въ тотъ моментъ, какъ хватъ ударился ручкой объ полъ, кинулась на Устинью. Та не успѣла еще бросить рогаatokъ и свободной оставалась только одна рука. Марѳа Игнатьевна, скрежеща зубами и приговаривая какія-то только сейчасъ приходившія ей въ голову ругательства, осыпала ударами свою жертву, не разбирая, куда они приходились. Схвативъ Устинью за распустившуюся косу, она вытянула ее на середину кухни; скоро Устинья была уже на полу, и Марѳа Игнатьевна таскала ее за волосы, за подолъ, била въ лицо, по спинѣ, по груди...

— Мамонька! — вырвался у Устиньи тихій, умоляющій стонъ; но и на него силы уже не было, конецъ слова замеръ на губахъ.

— Мамонька!!—гнусавымъ голосомъ передразнила Марѳа.— Мать зовешь! Зови, матушка! Авось она встанетъ изъ-подъ креста да придетъ! Утѣпать бы стала? Нѣтъ, взглянула-бы на тебя, на тварь пропащую, да опять въ могилку скорѣй.

Устинья молчала. Марѳа Игнатьевна постояла еще среди кухни и стала нетерпѣливо сдергивать съ себя завязки испачканнаго въ крови и помояхъ передника. Но завязки не поддавались, она бросила ихъ и пошла изъ кухни. Едва прошла она нѣсколько шаговъ, какъ силы оставили ее, она прислонилась къ бревенчатой стѣнѣ, и большое, сухое тѣло ея задрожало отъ бывшихся въ груди рыданій. Но лишь только слезы брызнули изъ глазъ, какъ Марѳа Игнатьевна снова овладѣла собой и пошла во дворъ. Тамъ она удосто-вѣрилась въ томъ, что Федоръ еще не пріѣзжалъ. Еще утромъ

она дала ему порученье въ ту часть города, гдѣ у Ѳедора были родные, и откуда онъ никогда скоро не возвращался. Постоявъ у сада, Марѳа Игнатьевна, точно вспомнила, что ей нужно было дѣлать, и, тряхнувъ головой, быстро прошла къ своей кухнѣ. Оттуда она вернулась съ ведромъ воды и съ комкомъ чистыхъ тряпокъ и, не обращая вниманія на скакавшаго около Бѣльчика, направилась снова къ домику Григорія Степановича.

Молча вымыла она ранку, оказавшуюся на головѣ Устиньи, молча перевязала ее. Молчала и Устинья, пока Марѳа Игнатьевна ворочала ее, переодѣвала и перевязывала. Покончивъ эти операціи, Марѳа Игнатьевна вытерла до суха полъ, прибрала все къ мѣсту и, снявъ съ себя юбку и передникъ, засунула ихъ съ грязнымъ платьемъ Устиньи въ уголь, за кровать. Устинья лежала съ закрытыми глазами и изрѣдка стонала. Марѳа Игнатьевна сѣла около нея на маленькую скамейку, хотѣла что-то сказать и, вмѣсто этого, заплакала.

— Марѳушка!—тихо позвала ее Устинья, открывъ глаза.

— Устя, Устя! Грѣхъ-то, грѣхъ-то какой!..

Марѳа Игнатьевна всхлипывала и качала головой, громко сморкаясь въ чистый передникъ. Устинья молчала.

— И какъ это рѣшилась ты? Какъ рѣшилась только?...

Устинья ничего не отвѣтила; она медленно раскрыла глаза, и подъ сдвинутыми бровями они|смотрѣли въ потолокъ, серьезные и красные отъ слезъ, равнодушные отъ безсилія.

— Откуда знаешь ты про это? Кто научилъ тебя такому уму-разуму?—кидала свои вопросы Марѳа Игнатьевна печально, задумчиво, какъ будто задавала ихъ себѣ, а не кому другому.

— Марѳушка... не спрашивай...—прошептала Устинья.— Господи!—она перекрестилась и повернулась лицомъ къ стѣнѣ.

— Марѳушка!—вдругъ обернувшись, заговорила она.— Не плачь ты... А наши пріѣдутъ, скажи: съ сѣновала упала... Вѣшала бѣлье, да упала... Не плачь! Охъ, мамонька моя!— Устинья тяжело и продолжительно вздохнула и опять отвернулась къ стѣнѣ.

— Ахъ, Устя, Устя! Вѣдь усыновить хотѣли... Усыновить, подумай! Кабы знала ты про это... Устя...

Марѳа Игнатьевна сидѣла, широко разставивъ колѣни, на которыя, какъ плети, спускались руки. Слезы текли по щекамъ ея и падали на грудь и на передникъ, а она затуманенными глазами, не мигая, глядѣла куда-то въ уголь; сидѣла она, не шевелясь, и только по временамъ, когда сжимало горло, всхлипывала и качала головой.

Кто-то подѣхалъ, застучала подворотня. Послышался голосъ Ѳедора, понукавшій Гончика.

Марѳа Игнатьевна встала.

— А кто ихъ знаетъ.... Можетъ, и не усыновили бы... Кто ихъ знаетъ.... Устя! вонъ Ѳедоръ прїѣхалъ. Устя, я пойду, въ печи-то, чать, погасло все. Устя!

Она заглянула въ лицо Устиньи. Та спала, и красныя вѣки ея чуть-чуть дрожали и морщились надъ мокрыми отъ слезъ рѣсницами.

Когда Марѳа Игнатьевна сообщила братьямъ Проловымъ объ ушибѣ Устиньюшки при паденіи съ сѣновала, ни тотъ, ни другой изъ нихъ не выразили сомнѣнія насчетъ того, какъ обстояло дѣло въ дѣйствительности.

Устинья скоро оправилась, и жизнь потекла по прежнему. О „Степѣ“, о томъ призракѣ какой-то новой жизни, который такъ скоро разсѣялся, — никто не упоминалъ... И дни потянулись какъ будто еще болѣе однообразно, еще болѣе спокойно и невозмутимо.

Карты африканскаго театра войны скоро замѣнились картами азіатскаго востока. Еще горячѣе пошли споры о позиціяхъ, переходахъ, сраженіяхъ, о политикѣ разныхъ иностранныхъ кабинетовъ, о возстаніяхъ въ Испаніи. Григорій Степановичъ какъ-бы съ обновленными силами вошелъ во вкусъ отдаленныхъ отъ жизни интересовъ. Онъ даже втянулъ брата въ экстренный расходъ: по его инициативѣ были пріобрѣтены новыя карты Африки и Азіи. Никогда не поминалъ и Петръ Степановичъ объ ихъ мимолетней размолвкѣ и о странномъ поведеніи Григорія Степановича въ то время.

Только разъ, когда онъ ужъ очень разсердился на французовъ за депутатскіе выборы, а на брата за то, что тотъ положительно привѣтствовалъ побѣду прогрессивныхъ партій, онъ не сдержался и укололъ его прошлымъ:

— Это все разныя идеи тамъ пакостятъ. Все куда-то ихъ тянетъ, что-то хотятъ перевернуть, да по своему сдѣлать. Духъ неспскойный! Вотъ что-съ! Помнишь, ты тоже разъ эдакъ же что-то такое надумалъ: „дѣйствовать“, городскимъ хозяйствомъ, хе-хе-хе, заниматься.... А почему? Да очень просто: и въ тебѣ тоже этотъ духъ есть! Есть, есть, что ни говори, а есть!.. Тоже что-то такое впередъ сталъ смотрѣть, о будущемъ думать.... Ну, ну, не хмурься: къ слову пришлось. Видишь: теперь даже и вспоминать неприятно. И все такъ: жизнь стремятся по другому устроить, что-то тамъ куралесятъ, волнуются... А какъ успокоятся, да пройдетъ это безумство, самимъ тошно будетъ, что не сидѣли по мѣстамъ тихохонько да смирнехонько. Такъ-то-съ! Да!

Анна Лучинская.

на свободу и счастье, оправдывалъ ея жажду жизни; другой говорилъ какія то слова о дѣлѣ и призваніи, слова, которыя оставались для нея пустымъ звукомъ. И всетаки она не со-всѣмъ еще потеряла голову. Она поняла свое положеніе и ужаснулась.

Ночью, когда она сознала свою любовь, ей пришло въ голову покончить съ собой. Сегодня-же судьба посылала ей возможность навсегда расстаться съ Фрицемъ, и она теряла разсудокъ при одной мысли объ этомъ. Вѣдь она не могла придумать ни одного достаточнаго повода, чтобы оправдать свое нежеланіе ѣхать въ Шверенбергъ. Она не могла не видѣть, что ее удерживаетъ здѣсь только ея любовь. Идти за мужемъ въ это мрачное, закопченное фабричное мѣстечко, гдѣ не видно небо изъ за дыма безчисленныхъ трубъ! Къ чему ей красота, молодость, богатство! Достаточная причина, чтобы отказаться отъ этого предложенія. Но она была слишкомъ честна, что бы не сознаться, что это все ложь, и удерживаетъ ее здѣсь одно—ея любовь къ Фрицу.

Она пошла къ мужу и сказала ему, что онъ правъ и долженъ взять мѣсто въ Шверенбергъ.

Маріанна знала, что зимой Фрицъ уѣдетъ путешествовать съ барономъ. Когда они возвратятся, ни ея, ни Данила не будетъ въ Урденбахъ. Такимъ образомъ, ей оставалось всего нѣсколько недѣль видѣться съ Фрицемъ, и это соображеніе успокаивала ея совѣсть. У нея было чувство, что дни ея со-чтены. Она постоянно встрѣчалась съ Фрицемъ у Бухабеновъ, они вмѣстѣ играли въ теннисъ, танцовали, ѣздили на велосипедъ. Ихъ глаза встрѣчались, ихъ руки соприкасались, они обмѣнивались ничего незначащими словами, и каждый взгляды, каждое прикосновеніе, каждое слово связывали ихъ все тѣснѣе. При видѣ его крупной, могучей фигуры, его широкой груди, свободно вздымавшейся подъ бѣлой фланелевой курткой, его загорѣлаго лица и смѣлыхъ, блестящихъ глазъ, она не понимала, какъ могла она когда либо не любить его и чувствовать къ нему страхъ и отвращеніе. Они мало разговаривали, но съ полуслова понимали другъ друга. Съ Даниломъ Маріанна чувствовала всегда нѣкоторое стѣ-сненіе, Фрицъ же вызывалъ въ ней радость жизни, чувство удовлетворенія, отъ него вѣяло силой и свѣжестью, какъ отъ полей и лѣсовъ, по которымъ онъ постоянно скитался.

Она жила только въ тѣ часы, когда его видѣла. Въ его присутствіи въ ней точно загорался какой-то внутренній огонь, она вся сіяла отъ счастья и была совершенно равнодушна къ тому, замѣчаютъ ли въ ней другіе эту перемѣну.

Однако, какъ ни была она переполнена своей любовью, ей никогда не приходило въ голову бросить мужа и сойтись съ Фрицемъ. Когда онъ однажды снова заговорилъ съ ней о своей страсти, она выпрямилась и, смертельно поблѣднѣвъ, закричала:

— Если вы скажете еще одно слово, между нами все кончено. Понимаете? — кончено!

Въ первую минуту онъ былъ пораженъ, какъ громомъ. Однако, когда онъ сталъ разсуждать, ему стало ясно, что это былъ послѣдній протестъ ея на смерть пораженнаго сердца. Онъ чувствовалъ себя удовлетвореннымъ: наконецъ-то, она полюбила его! Ему оставалось только ждать, пока чувство это не созрѣетъ окончательно, и она не отдастся ему.

Въ началѣ октября г-жа Бухабенъ вернулась въ Мюнхенъ. Разставаніе двухъ подругъ было менѣе сердечно, чѣмъ ихъ встрѣча.

Маріанна въ глубинѣ души негодовала на Юлію и отчасти завидовала ей, что та сумѣла взять отъ жизни свое счастье, тогда какъ ей приходилось столько страдать и бороться. Однако, она не могла выйти совершенно изъ подъ обаянія жизнерадостной Юліи.

Вскорѣ вслѣдъ за Бухабенами уѣхалъ и Фрицъ. Онъ до послѣдней минуты надѣялся, что баронъ оставитъ его управлять имѣніемъ, но тотъ до того привыкъ къ нему, что рѣшительно не могъ безъ него обходиться, точно его дряблая, вялая натура искала поддержки и опоры въ сильной, ярко выраженной индивидуальности Фрица.

Наступила зима. Все замерзло и затихло подъ снѣжнымъ покровомъ. Мысленно Маріанна жила только до зимы. Потому для нея наступала смерть. Однако, когда пришла зима, она съ удивленіемъ замѣтила, что еще не все кончено: ея сердце еще билось, кровь по прежнему текла въ жилахъ, по прежнему она горѣла огнемъ желаній: умерла надежда, но не страсть. Послѣ Рождества Даніиль уѣхалъ на нѣсколько дней въ Шверенбергъ, чтобы повидаться съ Вальтеромъ и кое съ кѣмъ изъ необходимыхъ ему людей.

Въ сырую дождливую погоду городокъ показался еще мрачнѣе и непріятнѣе. Даніиль былъ совершенно подавленъ этимъ впечатлѣніемъ. Онъ подумалъ о Маріаннѣ. Смѣлъ-ли онъ привезти и запереть ее здѣсь, молодую, полную жизни, всѣмъ своимъ существомъ стремящуюся къ солнцу и счастью? Имъ самимъ вдругъ овладѣло желаніе заглушить голосъ совѣсти, подавить свои сомнѣнія и снова, какъ въ началѣ ихъ брака, полно и радостно наслаждаться жизнью. Но минуту спустя это желаніе уже казалось ему преступленіемъ.

По возвращеніи домой онъ испугался, замѣтивъ проис-

шедшую въ Маріаннѣ перемѣну. Ея внутреннее страданье, казалось, пробилось наружу: изсѣра блѣдное лицо было страшно своей худобой, носъ заострился, а около губъ легла глубокая складка. Онъ замѣтилъ, что она сдѣлала надъ собой усиліе, чтобы встрѣтить его привѣтливо. Весь день онъ былъ съ нею заботливъ и нѣженъ. Она, однако, избѣгала его, и точно вся съеживалась при его приближеніи. Вечеромъ въ спальнѣ онъ замѣтилъ, что уголь съ ея туалетомъ былъ отгороженъ высокой китайской ширмой.

— Что это такое?

— Мнѣ непріятно раздѣваться при тебѣ.—Онъ счелъ это капризомъ и не возражалъ.

Когда она раздѣлась, онъ обратился къ ней ласково:

— Голубка, я хотѣлъ бы съ тобой поговорить.

Она отошла въ сторону, сѣла на стулъ, безпомощно опустивъ руки:

— Ну, говори. Что тебѣ надо?

— Дитя мое, что съ тобой? Что такъ мучить тебя? Если тебѣ такъ тяжела мысль о нашемъ переѣздѣ въ Шверенбергъ, такъ скажи мнѣ.

Она медленно подняла на него усталые глаза.

— Боже мой, мнѣ рѣшительно безразлично, гдѣ мы будемъ: въ Шверенбергѣ ли, или гдѣ хочешь... хоть на краю свѣта.

— Такъ что же съ тобой?

— Ничего.

— Не говори такъ. Что-то мучить тебя. Ты совсѣмъ измѣнилась. Имѣй же ко мнѣ довѣріе. Можетъ быть, я буду въ силахъ тебѣ помочь.

— Оставь меня, ради Бога, въ покоѣ, это единственное чѣмъ ты можешь мнѣ помочь.

Она встала. Онъ удержалъ ее за руку.

— Маріанна, ты страдаешь. Я вижу это. Могу я что нибудь для тебя сдѣлать? Я бы такъ былъ счастливъ, если бы ты снова повеселѣла.

— Повеселѣла! Ну, другъ мой, объ этомъ теперь поздно думать. Ты... и веселье!

Она разсмѣялась ему въ лицо, потомъ бросилась въ постель, закуталась съ головой въ одѣяло, и долго еще слышался ея судорожный смѣхъ, похожій на сухое рыданье.

Наступило время, когда оба перестали понимать другъ друга. Неудовлетворенность все возрастала въ Маріаннѣ,— ихъ счастью пришелъ конецъ. Ему стоило подойти къ ней, чтобы ея нервы напряглись до крайности, ее буквально начинала быть лихорадка, и ей нужно было дѣлать невѣроятныя усилія воли, чтобы не придирается къ нему изъ за

каждаго пустяка. Оба невыносимо страдали. Переменная въ женѣ мучила Данила. Онъ сталъ съ ней мягче, нѣжнѣе, но это, казалось, еще больше раздражало ее. Однажды она сказала ему:

— Да не ходи ты такъ за мной! Сердись лучше, кричи, брани меня. Мнѣ противна эта женская мягкость.

Послѣ этого онъ совершенно отъ нея отстранился. Онъ точно окаменѣлъ и по цѣлымъ днямъ не говорилъ съ ней ни слова. Это опять настолько ее раздражало, что она не могла сдерживаться, и между ними возобновились очень тяжелыя сцены. Она чувствовала, какъ онъ страдаетъ, и упрекала себя въ этомъ. Иногда ей казалось, что имъ было бы лучше разойтись, потомъ она снова надѣялась побѣдить свою страсть и принималась за трудную и бесплодную борьбу съ собственнымъ сердцемъ.

Только письма Фрица доставляли ей временное облегченіе. Онъ писалъ своей матери, но Маріанна чувствовала, что каждое слово его письма относится къ ней. Онъ скучалъ. Путешествіе не развлекало его, душой онъ былъ на родинѣ, и избы Урденбаха казались ему краше мраморныхъ дворцовъ Италіи. Черезъ Сицилію они проѣхали въ Африку. Здѣсь имъ, какъ мальчишкой, овладѣла тоска по родинѣ. Среди знойныхъ песковъ пустыни, при тридцати градусной жарѣ онъ представлялъ себѣ, какъ уютно и свѣтло горитъ лампа въ занесенномъ снѣгомъ пасторскомъ домикѣ, какъ трещить за окномъ морозъ, и блестятъ покрытыя инеемъ деревья. Какъ хотѣлось бы ему перелетѣть на сѣверъ! По возвращеніи, онъ будетъ приходитъ часто-часто въ родной уютный уголокъ, каждый день, если возможно. Какъ просить его сердце тихой задушевной бесѣды! Все ничто по сравненію съ мирной радостью быть среди своихъ, близкихъ и дорогихъ сердцу, смотрѣть въ любимое лицо, слушать родныя рѣчи, — это единственное возможное на землѣ счастье.

Мать проливали слезы надъ этими письмами и украдкой ихъ цѣловала. Въ глазахъ бѣдной старухи не было на свѣтѣ болѣе любящаго и нѣжнаго сына, чѣмъ Фрицъ.

Однажды послѣ обѣда всѣ засидѣлись за кофе. Лучъ февральскаго солнца яркой полосой лежалъ на полу, золотилъ маятникъ часовъ, блестѣлъ на бѣлой облицовкѣ камина. Въ комнатѣ ароматъ кофе смѣшивался съ благоуханіемъ фіалокъ и неуловимымъ запахомъ начала весны и тающаго снѣга.

Данилъ крупными шагами ходилъ взадъ и впередъ по комнатѣ. Ужасный случай взволновалъ всю деревню. Одинъ старый крестьянинъ, хорошо всѣмъ извѣстный, какъ честный человѣкъ и работникъ, заболѣвъ ракомъ желудка и узнавъ

объ этомъ отъ доктора, утопился. Его родные и друзья пришли просить Данила похоронить его по христіанскому обряду. Даниль и самъ склонялся къ этому, но колебался, зная, что этимъ навлечетъ на себя неудовольствіе консисторіи и своихъ товарищей. Старуха Клинггаммеръ отнеслась къ этому случаю совершенно безучастно, считая, по обыкновенію, безошибочнымъ рѣшеніе своего сына, каково бы оно ни было. Маріанна страстно приняла сторону родственниковъ, что, конечно, только усилило колебанія пастора: оба теперь безсознательно всегда и во всемъ противорѣчили другъ другу.

— Боже, какъ [можно рѣшиться утопиться! — говорила она съ ужасомъ.

Она случайно видѣла только что вытащенное изъ воды тѣло и не могла отдѣлаться отъ этого страшнаго образа.

— Не все ли равно утопиться, повѣситься, застрѣлиться? — возражалъ ей мужъ. — Страшенъ самъ фактъ самоубійства.

— Такъ? Ну, нѣтъ. Есть довольно средствъ покончить съ жизнью менѣе мучительнымъ способомъ. Если бы мнѣ стало не въ моготу, я бы знала, какъ мнѣ поступить.

Даниль сердито перебилъ ее, указывая ей взглядомъ на мать:

— Не говори такого вадору!

Она вспыхнула.

— Я говорю не вадоръ. Понимаешь?

— Безсмысленный и скверный вадоръ!

Она вскочила такъ рѣзко, что ея чашка опрокинулась, и крикнула озлобленно:

— И тебѣ не стыдно! Говори такъ, если хочешь, съ твоими мужиками, но не со мной. Ты забылъ, съ кѣмъ имѣешь дѣло!

Онъ поблѣднѣлъ и смотрѣлъ на нее широко открытыми глазами. Съ минуту онъ, казалось, искалъ словъ, потомъ повернулся и вышелъ.

Маріанна поставила чашку на мѣсто, вытерла скатерть и сѣла, опустивъ голову и искоса поглядывая на мать.

Старуха сидѣла неподвижно, вязанье выпало у нея изъ рукъ, она упорно глядѣла въ окно, такъ что Маріаннѣ былъ виденъ только ея профиль. Что думала, что чувствовала эта лямочденная, больная женщина, казалось, безучастная ко всему, никогда и ни въ чемъ не подававшая голоса, точно она не имѣла на это права? Но вѣдь она видѣла и слышала происходящее. Вѣдь она не могла не замѣтить, что сынъ ея несчастенъ со своей женой. На чьей сторонѣ была она? Кого считала правымъ? Страдала ли она? Радовалась ли она, что Даниль, раабивъ счастье брата, всетаки не напелъ своего?

Маріанна поднялась, чтобы вынести кофейникъ въ кухню

Возвращаясь, она замѣтила, что мать торопливо прятала носовой платокъ.

— Прости, мама, что это вышло въ твоёмъ присутствіи. Я сегодня что-то нервничаю съ утра. Вѣдь ты знаешь, что ссоры между мужемъ и женой вообще не рѣдкость.

Старуха ничего не отвѣчала.

Маріанна сѣла воалѣ нея:

— И ты вѣрно ссорилась со своимъ мужемъ?

— Только не такъ, только не такъ, — возразила она съ горечью.—Я бы никогда не осмѣлилась. Пойди сейчасъ же, Маріанна, и попроси прощенья у своего мужа.

— Почему? вѣдь онъ виноватъ не меньше меня.

— Но ты его жена. Ты обязана ему повиноваться. Повѣрь мнѣ: это не приведетъ къ добру.

— Что?

— То, что жена идетъ противъ мужа. Жена должна покоряться.

— Я думаю, что не всегда должно покоряться, мама. Иногда не мѣшаетъ поспорить. И не только со своимъ мужемъ, но и вообще съ жизнью.

Старуха удивленно посмотрѣла на дочь.

— Ну, это дерзость съ твоей стороны, не больше. Что ты такое? червякъ, и только. Сиди себѣ смирно, вотъ и все.

— Быть можетъ, это и правда для другихъ, но не для всѣхъ. Не для меня, по крайней мѣрѣ. Я думаю, что если бы только имѣть силу воли...

— Ну и что же? Если бы ты имѣла силу воли... А тутъ дотронется до тебя Господь Богъ своимъ мизинцемъ, и ты лежишь въ гробу. И что тебѣ твоя сила воли поможетъ?!

Она снова взялась за свое вязанье, и спицы быстро зашевелились въ ея худыхъ рукахъ.

— Видишь ли, дитя мое, когда я была такъ молода, какъ ты, я тоже была непокорна и пробовала бороться. Но Господь Богъ скоро указалъ мнѣ мое мѣсто, я смирилась, и, право, такъ много лучше.

— Ахъ, мама, ужасенъ тотъ Богъ, о которомъ ты говоришь.

— Нѣтъ, нѣтъ. Онъ не ужасенъ. Онъ только строгъ, и пути Его неисповѣдимы. Одного никогда не долженъ забывать человѣкъ: за всѣ свои земныя страданья будетъ онъ сторицей награжденъ на небесахъ.

— И всю свою жизнь должны мы ждать этого утѣшенія?

— Жизнь земная коротка, а загробная—вѣчна.

Сумерки спускались медленно и печально. Маріанна пристально смотрѣла въ окно. Она думала о томъ, какъ съ каждымъ годомъ она будетъ становиться все старше, все без-

сильнѣе, бѣднѣе духомъ, пока не наступитъ конецъ. И что-же, тогда вдругъ все измѣнится и наступитъ вѣчная радость и красота? Она горько усмѣхнулась. Она не вѣрила въ это. Правда ли это, ложь ли, она не знала и не хотѣла знать. Для нея это были пустыя, лишеныя значенія слова. Она томилась, умирала отъ жажды, а ей показывали вдали облачко и говорили: тамъ вода, придетъ время, и она напоитъ тебя.

Она вздохнула, взглянула на часы и подумала, что еще надо ждать четырнадцать часовъ до прихода завтрашней почты. И если завтра почтальонъ ничего не принесетъ, то день пройдетъ такъ же безсмысленно и пусто, какъ сегодня, какъ вчера.

Даніиль вошелъ, чтобы взять забытый имъ на столѣ портфель.

Маріанна устало протянула ему руку.

— Прости, пожалуйста, я была неправа.

— Можетъ быть, пойдѣмъ погулять?

— Нѣтъ, я слишкомъ устала. Мнѣ лучше посидѣть дома. Но ты пойди.

— Если ты не пойдешь, то я предпочитаю тоже остаться и сѣсть за работу. Я теперь и безъ того цѣлые дни на ногахъ.

Онъ еще разъ заботливо взглянулъ на нее:

— Не нравишься ты мнѣ что-то, голубка моя!

— Я тоже себѣ не нравлюсь,—возразила она съ болѣзненной усмѣшкой. Даніиль вышелъ. Обѣ женщины продолжали сидѣть молча; сумерки сгущались, а онѣ думали каждая свою думу. Вдругъ старуха вскочила и, протянувъ руки къ окну, закричала:

— Маріанна! Дитя мое! Смотри! Скорѣе! Да это...

— Да это Фрицъ!—вскрикнула Маріанна,—Фрицъ и папа!

Она встала во весь ростъ и глубоко вздохнула. Потомъ бросилась впередъ, но у двери остановилась, пропустила мать и пошла за ней слѣдомъ медленными шагами, едва сдерживая дрожь.

Фрицъ одной рукой обнялъ мать, а другую протянулъ Маріаннѣ.

— Ну, какъ поживаете? Какъ я радъ васъ здѣсь встрѣтить. А я боялся, что вы уже переѣхали въ Шверенбергъ.

Когда, наконецъ, всѣ вошли въ комнату и зажгли лампу, Фрицъ подвергся тщательному осмотру.

— Вѣдь настоящій негръ,—громко заявилъ аптекаръ.—Только бѣлки сверкаютъ. Можетъ любого ребенка до смерти перепугать.

— Ну, не выставляй меня чудовищемъ. И безъ того Маріанна меня, кажется, сторонится,—смѣясь, сказалъ Фрицъ.

— Ну, и молодецъ же вашъ сынокъ,—не унимался г-нъ Кралль.—Знаете, что стоило путешествіе? двадцать пять тысячъ марокъ! И это онъ просадилъ въ четыре мѣсяца!

— Ну, не я, положимъ.

— Вы и вашъ баронъ. Оба вы пользовались одинаково. Ну, теперъ вы должны все намъ разсказать, все, рѣшительно все.

— Папа, да дай ему хоть сѣсть,—сказала Маріанна, сама опускаясь на диванъ.

— Да, мой мальчикъ, отдохни, вѣдь ты должно быть еле живъ съ дороги.

— Ну, мама, вѣдь я же не прямо изъ Африки. Мы недѣлю прожили въ Мюнхенѣ. Баронъ еще тамъ, а я сбѣжалъ впередъ. Ей Богу, больше не въ силахъ былъ выдержать.

— Вотъ ужъ не ждали тебя такъ скоро. Меня точно молніей ударило, какъ я тебя увидѣла.

— Какъ я спѣшилъ домой! Послѣднее время весь обратился въ одно страстное желаніе вернуться обратно.

— Ахъ, ты мой ненаглядный мальчикъ!—сказала г-жа Клинггаммеръ, нѣжно пожимая ему руку.

— Ну, какъ-то все у васъ здѣсь?—продолжалъ Фрицъ, устремляя свои блестящіе, широко раскрытые глаза на Маріанну.—Какъ часто вспоминалъ я васъ всѣхъ тамъ и спрашивалъ себя, думаетъ ли также кто нибудь обо мнѣ?

— И еще какъ!—подхватилъ аптекаръ.—У васъ, должно быть, не разъ горѣли уши: такъ много о васъ говорили.

Маріанна встала, чтобы распорядиться по хозяйству. Но сдѣлавъ нѣсколько шаговъ, она вспомнила, что слѣдуетъ предупредить Даниила, и быстро вошла въ его комнату. Онъ испуганно поднялъ голову.

— Что случилось?

— Вообрази, Фрицъ пріѣхалъ,—сказала она, сіяя счастьемъ.

— Фрицъ? Онъ вернулся?—На лицѣ его не замѣтно было особенной радости.

— Онъ будетъ ночевать?

— Конечно!—возразила она и поспѣшно вышла. Въ кухнѣ она начала торопить служанку:

— Скорѣе, Лиза, принесите изъ погреба двѣ бутылки бѣлаго вина и одну краснаго. Нарѣжьте хлѣба, мяса, и поскорѣе.

Служанка засуетилась, на кухнѣ поднялась возня.

Когда Маріанна вернулась въ комнату, разговоръ вдругъ оборвался, и всѣ взоры обратились на нее.

— Фрицъ доже находить, что ты скверно смотришь, — замѣтилъ Данииль.

— Вы меня просто испугали,—сказаль Фрицъ,—до того вы измѣнились съ осени.

— Ахъ, теперъ я чувствую себя прекрасно! Не обращайтесь на меня вниманія. Кушайте лучше.

Она стала сама накрывать на столъ, суетилась, хлопотала, ежеминутно выходила изъ комнаты и вновь возвращалась; она сама не понимала, что съ ней, но чувствовала себя обновленной, полной силъ и жажды жизни.

Прежде всего Фрицъ, конечно, долженъ былъ разсказать о своемъ путешествіи. Маріанна не выходила изъ своего приподнятаго, возбужденнаго настроенія. Вдругъ аптекарь громко заявилъ:

— Какъ странно, что Фрицъ и Маріанна до сихъ поръ на вы. Пора бы имъ выпить брудершафтъ.

— Я ничего не имѣю противъ,—сказала Маріанна,—если, конечно, Фрицъ...

— Я давно этого желаю, но не смѣю просить...

— И прекрасно,—сказаль Кралль, наливая дочери вина.

— Ну, нѣтъ,—воскликнула Маріанна,—если намъ пить брудершафтъ, то только шампанскимъ,—и она быстро вышла, чтобы приказать подать вина.

Старуха Клинггаммеръ, все время не спускавшая блестящихъ влюбленныхъ глазъ со своего сына, вдругъ спросила его:

— А красиво тамъ, въ Нубіи, гдѣ ты былъ?

— Для тебя-то не особенно!—разсмѣялся онъ. — Одна грязь чего стоитъ. А что за жилища! Всѣ безъ крышъ. Люди и животныя ютятся вмѣстѣ. Впрочемъ, въ домахъ только спать, все остальное происходитъ прямо на улицѣ. Даже дѣти на свѣтъ появляются тутъ же, при всѣхъ.

— Ну, этого-то ты, надѣюсь, не видѣлъ!

— И еще сколько разъ! И, представь себѣ, это происходитъ точъ въ точъ, какъ и у насъ.

— Замолчи ужъ лучше! Слава Богу, что я не тамъ родилась!

Принесли шампанское, Маріанна и Фрицъ чокнулись.

— Итакъ: ты?—сказаль онъ.

— Ты!—отвѣтила Маріанна и почувствовала, какъ задрожала его рука, слегка пожимавшая ея руку.

— А поцѣлуй! Забыли!—со смѣхомъ заявилъ аптекарь.

Фрицъ медленно наклонился и слегка прикоснулся губами къ ея лбу.

Блѣдная и смущенная вернулась Маріанна на свое мѣсто. Остальные продолжали разговоръ. Поручикъ и молодая женщина изрѣдка взглядывали другъ на друга. И вдругъ Маріаннѣ вспомнился тотъ вечеръ, когда она познакомилась съ Фрицемъ. Тогда онъ тоже поцѣловаль ея, но иначе. Если бы

тогда онъ былъ также нѣженъ и почителенъ, какъ сегодня, все закончилось бы иначе. Быть можетъ, теперь она была бы его женой. Эта мысль овладѣла ею съ такой силой, что она, казалось, забыла объ окружающемъ и сидѣла безучастно, устремивъ глаза въ пространство.

— О чемъ задумалась, дѣточка?—спросилъ ласково аптекаръ, доливая ея недопитый стаканъ.

Она не сразу пришла въ себя: ей казалось, что она, наконецъ, нашла настоящую причину свихъ несчастій, ту точку, съ которой жизнь ея пошла невѣрнымъ путемъ.

— О чемъ я думаю?—вдругъ сказала она, точно едва очнувшись.—О томъ, что нѣтъ ничего болѣе ужаснаго и непонятнаго, чѣмъ жизнь.

— Т. е. какъ это непонятнаго?—спросилъ Данииль.

— Такъ, попросту безсмысленнаго.

— Если подумать хорошенько, то, можетъ быть, смыслъ и найдется.

— Скажи, пожалуйста, гдѣ это? въ чемъ это?—пылко спросила она.—Я роняю горящую головню, мой домъ загорается. Люди ходятъ кругомъ и спрашиваютъ: зачѣмъ это? Ну, какой же въ этомъ смыслъ?

— Дитя мое, это глупый вопросъ. Люди поумнѣ насъ съ тобой даромъ ломали надъ нимъ голову.

— Я тоже думаю,—сказалъ, улыбаясь, Фрицъ,—что сегодня вечеромъ мы этого не рѣшимъ. Надо жить, вотъ и все. И жить возможно счастливѣе.

Старушка, которая до сихъ поръ, казалось, отсутствовала мыслью, вдругъ спохватилась, что уже за-полночь. Стали расходиться, и Данииль проводилъ гостей въ ихъ комнату.

Вернувшись, онъ засталъ Марианну еще въ столовой: она прибирала со стола, съ какимъ-то лихорадочнымъ усердіемъ перетирала стаканы и ставила ихъ въ буфетъ.

— Ты была такъ весела сегодня вечеромъ,—сказалъ Данииль.

Она не отвѣчала.

— Знаешь, что мнѣ пришло въ голову: ты-таки тоскуешь отъ нашей уединенной жизни. Ты человѣкъ общительный, тебѣ надо видѣть побольше людей, и мы должны измѣнить нашъ образъ жизни. Какъ тебѣ кажется?

— Быть можетъ.

— Я въ этомъ увѣренъ. Тогда ты будешь опять весела, неправда ли? Вѣдь было бы ужасно, если бы ты всегда была такая, какъ въ послѣднее время. Я самъ такой угрюмый, замкнутый, мнѣ дорого видѣть возлѣ себя счастливое и веселое существо.

— Ну, такъ ищи себѣ когонибудь другого. Мнѣ не особенно нравится посвятить свою жизнь твоему развлеченію.

— Дитя мое, не перетолковывай моихъ словъ. Ты ужасная упряmica. Я вѣдь хочу только, чтобы ты вновь стала такой, какой была прежде. Вѣдь тогда же ты не думала, что служишь для моего развлеченія.

— Прежде, прежде... Когда это было?

— Да вотъ хоть сегодня вечеромъ. Если бы ты знала, какъ ты можешь быть мила, очаровательна, прекрасна.

Она высвободила руки, которыя онъ было схватилъ, и, ускользая отъ него, какъ змѣя, проговорила быстро:

— Прощай. Я устала. Хочу лечь.

Она подставила ему лобъ для поцѣлуя, пожала руку и скрылась въ дверяхъ.

Даниилъ посмотрѣлъ ей вслѣдъ. Ему вдругъ стало душно, голова у него закружилась, онъ распахнулъ окно.

Въ спальнѣ горѣлъ огонь. Маріанна раздѣвалась, собираясь лечь. Онъ не смѣлъ переступить порога ея комнаты, когда она одѣвалась или раздѣвалась, не смѣлъ прикоснуться къ ней. Они были чужіе. Какой это бракъ! А ея духовная жизнь? Развѣ онъ зналъ, что въ ней происходитъ? О чѣмъ она думаетъ, что зрѣтъ въ ней? Чѣмъ объяснить происходящую въ ней перемѣну? Докторъ все сваливаетъ на нервность и малокровіе. Но развѣ это причина, чтобы любимый человѣкъ сталъ вдругъ противенъ? Чтобы одно его прикосновеніе пугало и раздражало? А онъ ясно видѣлъ, что жена чувствуетъ къ нему отвращеніе. И все это отъ малокровія и этому можно помочь мышьякомъ и желѣзомъ?

Онъ почувствовалъ дрожь отъ холоднаго ночного воздуха, закрылъ окно и сѣлъ въ кресло.

Онъ не хотѣлъ себя обманывать. Въ ней назрѣвалъ какой-то кризисъ, быть можетъ, она боролась съ собой, и, когда она выйдетъ побѣдительницей изъ этой борьбы, они снова найдутъ другъ друга. Тогда вернется счастье, не прежнее, безоблачное, нетронутое, радостное существованіе, а счастье болѣе прочное съ глубокимъ пониманіемъ другъ друга.

Долго ласкалъ онъ себя этой надеждой, которая усыпляла на время его тревогу. Но вдругъ у него въ мозгу сверкнула мысль: отчего это именно сегодня вечеромъ Маріанна была такъ весела? Когда она вошла къ нему въ комнату, чтобы сообщить о пріѣздѣ брата, все лицо ея сіяло счастьемъ. Онъ вскочилъ. Правда молніей блеснула передъ нимъ: Фрицъ причина этой перемѣны, его появленіе вызвало въ ней эту неудержимую радость; отъ его близости румянецъ заигралъ на ея щекахъ, и огонь загорѣлся въ глазахъ.

Страшное предположеніе вдругъ стало очевидностью. Онъ

принялся быстро ходить по комнатѣ, повторяя какія-то бессмысленныя слова. Разсудокъ его мутился. Онъ не замѣчалъ, какъ шли часы. Когда лампа догорѣла и стала гаснуть, онъ вышелъ изъ комнаты и, проходя мимо спальни брата, прошепталъ въ безсильномъ бѣшенствѣ:

— Берегись, берегись!

Послѣ возвращенія изъ за границы Фрицъ сталъ приѣзжать по два и по три раза въ недѣлю. Осаживая лошадь передъ воротами, онъ подавалъ условный знакъ, и обѣ женщины бросались къ окнамъ, а конюхъ летѣлъ со всѣхъ ногъ.

Въ домѣ своего брата Фрицъ чувствовалъ себя прекрасно, чуть что не хозяиномъ. Данила онъ видѣлъ только за столомъ; мрачный видъ пастора нисколько не смущалъ его и лишь возбуждалъ его веселость. Онъ наслаждался местию за нанесенную ему нѣкогда обиду. Съ злобной радостью думалъ онъ о той минутѣ, когда будетъ въ состояніи бросить въ лицо брату: „Маріанна моя! Ты укралъ ее у меня, я отплатилъ тебѣ тѣмъ же. Попробуй, каково это переносить“. Хотя онъ не обмѣнялся еще ни однимъ искреннимъ словомъ съ Маріанной, онъ больше чѣмъ когда либо былъ увѣренъ въ ея любви. Онъ чувствовалъ ее, пожимая ея сухую, горячую руку, онъ читалъ ее въ ея усталыхъ, лихорадочно блестящихъ глазахъ. Все ея существо было, казалось, проникнуто горячимъ, страстнымъ стремленіемъ къ нему.

Однако, чѣмъ дальше, тѣмъ сильнѣе разгоралась его кровь. Это вѣчное томленіе становилось невыносимымъ, онъ искалъ рѣшительнаго объясненія, а случай все не представлялся. Они никогда не оставались одни: всегда между ними сидѣла мать, которая неумышленно и невѣдомо для себя оберегала ихъ добродѣтель.

Доброй старухѣ и въ голову не приходило подозрѣвать что либо: она просто ревновала сына къ Маріаннѣ. Ей бы хотѣлось всецѣло владѣть имъ, и она считала несправедливо отнять отъ себя каждое слово, съ которымъ онъ обращался къ Маріаннѣ. Однажды между двумя женщинами вышло даже маленькое столкновеніе.

Фрицъ привезъ къ обѣду фазановъ. Г-жа Клинггаммеръ сказала Маріаннѣ:

— Ты бы прошла на кухню. Я боюсь, какъ бы кухарка не испортила птицу.

— Она и сама справится. Вѣроятно, она въ этомъ больше знаетъ толку, чѣмъ я.

— Это не дѣлаетъ тебѣ чести.

— Развѣ вы можете пожаловаться на плохой столъ? Мнѣ кажется, все идетъ очень недурно.

— Это такъ. А всетаки нехорошо.

— Что нехорошо?

— А то, что... въ мое время хозяйка всегда сама до всего доходила.

— Времена мѣняются, мама. Впрочемъ, если вы этого желаете, я пойду и присмотрю.

Какъ только она вышла, старушка сказала съ лукавой усмѣшкой:

— А я вѣдь ее нарочно выслала.

— Зачѣмъ же?

— Вѣдь хочется же побыть когда нибудь однимъ.

— Чѣмъ же тебѣ мѣшаетъ Марианна? И при томъ, она здѣсь хозяйка не меньше, чѣмъ ты.

— Это, положимъ, вѣрно. Но видишь ли, мой мальчикъ ты съ ней всегда такъ предупредителенъ и внимателенъ; я боюсь, какъ бы ей въ концѣ концовъ не взбрело что на умъ

— Т. е. что же именно?

— Она такъ молода, при томъ, между нами будь сказано, она таки не мало о себѣ думаетъ. Вообразить, что ты въ нее влюбленъ, и еще сама тобой увлечется. Ну, да я только такъ говорю. Надѣюсь, до этого не дойдетъ.

Невольная усмѣшка скользнула по губамъ Фрица.

— А если бы и такъ? что же тутъ дурного? Вѣдь это моя старая любовь.

— Не шути такихъ шутокъ, мальчикъ,—сказала испуганно старуха.

Въ этомъ году весна наступила очень рано. Сейчасъ послѣ Пасхи зацвѣли фруктовыя деревья и зазеленѣли въ лѣсу березы. Потомъ вдругъ опять повѣяло холодомъ, повалилъ снѣгъ, а тамъ зарядили дожди чуть ли не на цѣлую недѣлю.

Въ одно изъ воскресеній Фрицъ выѣхалъ изъ Шварцгафеля въ ужасную погоду. Дождь стучалъ по его непромокаемому плащу, шапка намочла и давила голову. Онъ съ трудомъ сдерживалъ лошадь, которая горячилась и нервно перебирала ногами.

На поворотѣ дороги онъ вдругъ замѣтилъ странную фигуру: человекъ въ развѣвающимся плащѣ, придерживая одной рукой шляпу, другой велъ отчаянную борьбу съ зонтикомъ, который вѣтеръ вырываетъ у него изъ рукъ. Его усилія удержать его и вся его фигура были такъ смѣшны, что Фрицъ не могъ удержаться отъ улыбки.

— А вѣдь это мой братъ,—подумалъ онъ и, подѣхавъ ближе, дѣйствительно узналъ Даниила.

— Что ты тутъ дѣлаешь?—крикнулъ онъ ему.—Воюешь съ зонтикомъ?

„Ну и молодець, нечего сказать,—подумалъ онъ,—и эта мокрая курица думаетъ совладать съ такой женщиной, какъ Марианна“.

Порывы вѣтра были такъ сильны, что братьямъ пришлось кричать, чтобы слышать другъ друга.

— Ты гуляешь?

— Я иду служить обѣдню въ Ромерсхафенъ.

— Такъ что же ты, чортъ возьми, не поѣхалъ въ коляскѣ?

— Я отпустилъ кучера къ его больной матери.

— Къ больной матери?! Ну, голубчикъ, и проведъ же онъ тебя. Хороша больная мать! Прелестная юная бабенка, съ которой я его видѣлъ сегодня утромъ!

— Тѣмъ хуже,—сказалъ Данииль.—А ты куда?

— Къ вамъ. Мать дома?

— Да.

— А Марианна?

— Тоже.

— Прекрасно. Ну, такъ до свиданія.

Данииль кое-какъ сложилъ сломанный зонтикъ и посмотрѣлъ вслѣдъ своему брату. Едва тотъ отѣхалъ нѣсколько шаговъ, какъ сухая вѣтка ударила его коня. Онъ взвился на дыбы, и Данииль видѣлъ, какія усилія употреблялъ Фрицъ, чтобы смирить непокорное животное. Страстная ненависть вдругъ снова загорѣлась въ душѣ Даниила: казалось, сдѣлай сейчасъ лошадь одно сильное движеніе и сбрось всадника такъ, чтобы онъ разможилъ себѣ голову,—пасторъ упалъ бы на колѣни, благодаря Бога.

Съ возвращенія поручика изъ за границы онъ жестоко страдалъ. Это была ненависть раба къ господину, жертвы къ палачу. Каждое слово, каждое движеніе брата были ему невыносимы. Его подозрѣнія не имѣли никакой почвы, но часто принимали характеръ увѣренности; онъ ненавидѣлъ брата и желалъ ему смерти. До слуха его, сквозь завыванія бури, долетѣлъ благовѣстъ. Все чаще и чаще встрѣчались ему прихожане, спѣшившіе въ церковь. Они останавливались, кланялись ему, а онъ шелъ съ удрученнымъ и болѣзненнымъ лицомъ, никого не замѣчая и съ ужасомъ думая о предстоящей проповѣди.

Хоръ пропѣлъ первые стихи псалма. Данииль вышелъ изъ сакрестіи.

Склонивъ колѣни передъ алтаремъ, онъ прочиталъ крат-

кую молитву и, напрягнувъ всѣ свои душевныя силы, прошепталъ:

— Боже, изгони ненависть изъ сердца моего. Онъ братъ мнѣ. Боже, помилуй меня. Я виновенъ передъ Маріанной, я подозрѣваю невинную. Боже, помоги мнѣ!

Потомъ, обернувшись къ народу, твердымъ и внятнымъ голосомъ началъ служеніе:

— Господь великъ и многомилостивъ...

„Да благословить Онъ насъ“,—отвѣтилъ хоръ.

— Образъ Его освѣщаетъ намъ нашъ земной путь,—продолжалъ Даніилъ.

„Да сіяетъ Онъ намъ, чтобы мы не сбились съ пути истины...“—подхватили пѣвчіе.

Пасторъ совсѣмъ позабылъ, что послѣ обѣдни его еще ждутъ крестины.

— Мнѣ надо спѣшить домой,—думалъ онъ съ какимъ-то безотчетнымъ страхомъ.

— Да благословить насъ Богъ,—говорилъ онъ громко и про себя добавлялъ: „да ниспошлетъ Онъ мнѣ силу защитить мою честь и уничтожить брата“—и тутъ же спохватился въ ужасъ:

„Боже мой, что я за человѣкъ! Избави меня, Господи, отъ гнѣва и ненависти“.

И такъ до конца службы онъ ни на минуту не могъ оторваться отъ своихъ личныхъ мыслей. Душой онъ былъ дома. Онъ говорилъ слова любви и мира, а душа его была исполнена страстной вражды.

То онъ вспоминалъ, что Маріанна завивалась, когда онъ уходилъ; то представлялъ себѣ, что братъ и она сидятъ вдвоемъ на диванѣ, и Фрицъ обнялъ и цѣлуетъ ее. Онъ видѣлъ, съ какимъ трепетомъ и ожиданіемъ обращены на него глаза всѣхъ прихожанъ, и сердце его разрывалось: „Здѣсь не мое мѣсто, я не достоинъ поучать другихъ“,—и тутъ же рука его судорожно сжималась при мыслѣ о револьверѣ, который онъ хранилъ въ ящикѣ письменнаго стола.

На обратномъ пути дождь почти прекратился, но буря бушевала съ прежней силой. Дома Даніилъ быстро переодѣлся и прошелъ въ гостиную. Братъ и жена сидѣли за шахматами. Входя, онъ слышалъ, какъ Маріанна сказала:

— Не говори объ этомъ, прошу тебя.

У старухи былъ непривычно разстроенный видъ. Что случилось въ его отсутствіи? Онъ замѣтилъ, какъ дрожали руки Маріанны, когда она наливала ему кофе. Братъ обмѣнялись враждебными взглядами.

Вдругъ Фрицъ сказалъ:

— Итакъ, вы дѣйствительно переѣзжаете въ Шверенбергъ?

— Обязательно. Ты этого не зналъ?

Фрицъ съ такой силой передвинулъ пѣшку, что нѣсколько фигуръ упало.

— Невозможное дѣло!

— Фрицъ!—сказала мать успокоительнымъ тономъ,—что же тутъ невозможнаго?

— И ты позволяешь себя тащить туда,—обратился Фрицъ къ Маріаннѣ,—если онъ самъ не сознаетъ своей отвѣтственности передъ тобой...

Даніиль вскочилъ, блѣдный, какъ смерть.

— Замолчи! Слышишь ли! Я запрещаю тебѣ такъ говорить! Я самъ знаю, за что я отвѣтственъ и за что нѣтъ!

— Не думаю. Что на этотъ счетъ говорить докторъ?

— Попрошу тебя не вмѣшиваться въ мои дѣла и отношенія.

Мать бросилась къ Даніилу:

— Дѣти, Бога ради, пощадите...

Братья съ ненавистью смотрѣли другъ на друга. Прошло нѣсколько секундъ томительнаго, напряженнаго молчанія. Фрицъ первый перемѣнилъ выраженіе лица и сказалъ, обращаясь къ женщинамъ:

— Прости, мама, прости Маріанна, я забылся.

Даніиль провелъ рукой по лбу и мутнымъ взглядомъ посмотрѣлъ на Маріанну. Многое промелькнуло у него въ головѣ въ эти нѣсколько секундъ. Онъ вышелъ изъ комнаты. Фрицъ подошелъ къ окну. Обѣ женщины сидѣли молча. Вдругъ поручикъ быстро повернулся и рѣшительно подошелъ къ Маріаннѣ, точно желая ей что-то сказать, но ничего не сказалъ и сѣлъ съ ней рядомъ на стулъ. Когда черезъ минуту мать вышла въ сосѣднюю комнату, онъ прошепталъ почти беззвучнымъ голосомъ:

— Ты не поѣдешь въ Шверенбергъ. Понимаешь?

Она удивленно посмотрѣла на него и отвѣтила также шепотомъ:

— Какъ?

— Ты должна быть со мной!

— Этого не можетъ быть! Никогда!

— Это должно быть. Клянусь, это будетъ! иначе...

— Иначе что?..

— Иначе я пушу себѣ пулю въ лобъ!

Вошла старуха и подозрительно оглядѣла обоихъ.

Въ этотъ вечеръ Фрицъ возвращался домой, сгорая отъ нетерпѣнія и придумывая и измѣняя одинъ планъ за другимъ. Вернувшись черезъ три дня, онъ услышалъ, что Ма-

рианна уѣхала къ родителямъ. Онъ поспѣшилъ за ней, но не засталъ ее и вернулся обратно. Ему рѣшительно не удавалось остаться наединѣ съ Марианной. Мать, точно чуя и понимая что-то, не оставляла ихъ ни на минуту. Онъ написалъ и положилъ письмо въ рабочую корзинку Марианны. Марианна ничего не отвѣтила. На слѣдующій разъ онъ спросилъ ее:

— На что же ты рѣшилась?

Она повторила уже разъ сказанныя слова:

— Этого не можетъ быть!

— Это должно быть!

— О чемъ вы спорите?—спросила мать.

— Мы? Объ одномъ дѣлѣ, мама, и споримъ не на жизнь, а на смерть.

Потомъ онъ разсмѣялся и добавилъ:

— Не пугайся только! Это пустяки! У Марианны есть больной зубъ, который мучить ее день и ночь. Я ей совѣтую его вырвать. Она не соглашается, говоритъ: „этого не можетъ быть! Богъ далъ мнѣ его, и я не имѣю права распорядиться имъ по своему“. Неправда ли, мама, это суцая бессмыслица!

Старуха посмотрѣла удивленно на сына, и глаза ея загорѣлись негодованіемъ.

— Ты грѣшишь, Фрицъ! Опомнись!

Съ этого воскресенья Фрицъ совсѣмъ потерялъ рассудокъ. Онъ дрожалъ при мысли, что въ послѣднюю минуту добыча ускользнетъ у него изъ рукъ, и онъ потеряетъ Марианну. Онъ строилъ самые невозможные планы и цѣлыми часами бродилъ вблизи пасторскаго дома, не рѣшаясь навѣдаться къ матери изъ опасенія новой тяжелой сцены съ братомъ. Дни шли, а онъ все не встрѣчалъ Марианну. По вечерамъ онъ по старому велъ крупную игру и проигрывалъ огромныя суммы, но даже въ пылу азарта не забывалъ о Марианнѣ и о той рискованной игрѣ, въ которой она была ставкой.

Однажды послѣ обѣда онъ, наконецъ, отправился къ брату. Сердце его учащенно билось, мысль работала лихорадочно. При его входѣ въ деревню, какая-то старуха пересѣкла ему дорогу, и онъ суевѣрно подумалъ, что эта встрѣча предрекаетъ ему неудачу. Къ нему вышла одна мать, Марианны не было видно.

— Здравствуй, мама. А гдѣ же остальные?

— Въ саду, съ гостями.

— Кто да кто?

— Пасторъ изъ Шверенберга.

— Ну, такъ пойдѣмъ къ нимъ.

— Дитя мое, мнѣ надо съ тобой поговорить.

— О чемъ нибудь серьезномъ?

Она наклонила голову и пошла впередъ.

Фрицъ почувствовалъ, что дѣло будетъ касаться его и Маріанны, и перспектива неприятнаго объясненія далеко ему не улыбалась.

Онъ мрачно посмотрѣлъ на мать, сердце его нетерпѣливо билось. Слезы выступили на глаза старухи. Она долго борелась, прежде чѣмъ рѣшилась переговорить съ сыномъ. Сколько разъ мысленно она обращалась къ нему, какъ къ сыну, какъ къ любимому ребенку, тепло и ласково. А теперь, когда онъ стоялъ передъ ней суровый, непонятный для нея, почти враждебный, она не находила словъ и только вытирала быстро катившіяся слезы.

Фрицъ въ первый разъ былъ въ комнатѣ матери. Онъ съ любопытствомъ разсматривалъ старинную мебель, которую онъ помнилъ еще въ отцовскомъ домѣ, выцвѣтшіе портреты на стѣнахъ: отецъ—въ рѣзкихъ чертахъ котораго отразилась физическая сила и необыкновенная энергія; братъ—длинный, худой, задумчивый и печальный юноша, и онъ самъ съ яснымъ, смѣлымъ выраженіемъ свѣжаго, жизнерадостнаго лица.

Воспоминанія дѣтства разомъ нахлынули на него, и онъ съ улыбкой представилъ себѣ, какъ онъ вѣкогда боялся своей матери и слушался ее. Онъ развалился въ качалкѣ и весело спросилъ:

— Итакъ, мама, въ чемъ же дѣло?

— Не смѣйся, Фрицъ. Это такъ серьезно и такъ трудно сказать.

— Но о чемъ же всетаки ты хочешь со мной говорить?

— Фрицъ, видишь ли, мой мальчикъ... Нѣтъ, это у меня просто съ языка не идетъ... Каждый разъ, какъ я объ этомъ думаю, мнѣ кажется, что это только мое воображеніе... Это такъ ужасно, что не можетъ быть правдой.

— Всетаки скажи. Что же можетъ быть такого ужаснаго?

— Мнѣ такъ тяжело, Фрицъ. Я не сплю по цѣлымъ ночамъ. У меня опять сердечные припадки.

— Отчего же ты не позовешь доктора?

— Что можетъ сдѣлать докторъ, когда одна тревога мучитъ и гнететъ меня непрестанно. Ты одинъ можешь мнѣ помочь, голубчикъ мой. Фрицъ, не дѣлай этого! Не дѣлай! Это не принесетъ тебѣ счастья. Это будетъ преступленіемъ и такимъ ужаснымъ преступленіемъ!

Ея страхъ невольно сообщился ему:

— Да въ чемъ же дѣло, мама?—сказалъ онъ тревожно.

Она схватила его руку и заговорила горячо, точно желая воспользоваться его минутной мягкостью:

— Вотъ, можетъ, ты даже не подозреваешь, о чемъ я

думаю. И всетаки ты долженъ это знать, ты вѣдь не ребенокъ. Ты долженъ былъ замѣтить, что они не ладно живутъ между собой. Нѣтъ между ними ни любви, ни довѣрія. И видишь ли, я не хочу сказать, что Маріанна легкомысленна, но она еще такъ молода, она такъ мало знала горя и воображаетъ, что люди родятся, чтобы быть счастливыми. Она не хочетъ помириться со своей судьбой и думаетъ, что есть какое-то иное счастье.

— Но я то тутъ при чемъ?

— Ты одинъ можешь помочь. Слышишь, никто кромѣ тебя! Отъ тебя зависитъ, собьется ли она съ прямого пути, или нѣтъ. Слѣпой, кажется, увидалъ бы, что она тобой увлечена. Она влюблена въ тебя. А ты... вѣдь у тебя тоже кровь горячая. Ты еще такъ молодъ и далеко впередъ глядѣть не умѣешь. Долго ли до грѣха! И тогда все пропало. Видишь ли, сынокъ, я иногда по цѣлымъ ночамъ молюсь Богу и все объ одномъ, а дьяволъ нашептываетъ мнѣ: „уже поздно. Они уже согрѣшили, они нарушили шестую заповѣдь“.

— Что ты, мама, между мной и Маріанной ничего нѣтъ. Ты даромъ себя мучишь. Намъ, правда, пріятно бывать вмѣстѣ. Но что же въ этомъ дурного?

— Ты даешь мнѣ въ этомъ слово?

— Хоть два!

— Ну, я такъ и знала! Ты меня просто возвратилъ къ жизни. Прости меня, мой мальчикъ!—Она схватила его руки и поцѣловала ихъ.

Онъ всталъ и, пока она вытирала все еще мокрые глаза, похлопалъ ее дружески по плечу:

— Ты бы лучше о себѣ подумала, мама: ты, дѣйствительно, больна. А вмѣсто этого ломаешь себѣ голову надъ какими-то пустяками.

— Да какже иначе! Вѣдь случись грѣхъ, я бы не пережила этого.

— И не правильно. Ты все не можешь понять того, что ты уже не отвѣтственна за наши поступки. Мы оба взрослые люди. Мы сами знаемъ, что мы можемъ и чего не должны дѣлать.

— Передъ Богомъ я всегда за васъ отвѣчаю. Господи, если бы я допустила это преступленіе...

— Да не волнуйся ты даромъ! Рѣшительно ничего не произошло.

Онъ всталъ и взялся за шляпу. Объясненіе длилось и безъ того слишкомъ долго. И потомъ онъ былъ недоволенъ собой. Почему онъ просто не сказалъ правду? Вѣдь все равно она всплыветъ рано или поздно. Но если мать будетъ знать

объ этомъ заранѣе, то ужь навѣрное ни на минуту не спустить съ нихъ глазъ.

Когда старуха замѣтила, что онъ хочетъ уходить, она ухватила за него. Въ глубинѣ души она всетаки не была успокоена. Она чуяла надвигавшуюся грозу и боялась ее.

— Посиди еще минутку! Послушай, ты долженъ дать мнѣ одно обѣщаніе.

— Какое?

— Что ты больше не будешь сюда ходить.

Замѣтивъ, что онъ недовольно наморщилъ лобъ, она поспѣшно продолжала:

— Съ тѣхъ поръ, какъ ты пріѣхалъ, отношенія между ними стали еще хуже. Для Марианны лучше, чтобы она тебя больше не видѣла.

— Но вѣдь въ сущности я прихожу къ тебѣ, мама.

— Когда они уѣдутъ въ Шверенбергъ, я переѣду къ тебѣ. Теперь уже ждать не долго. А это время я кое-какъ перетерплю.

— Но я не согласенъ терпѣть. Я привыкъ сюда ходить и не желаю лишать себя этого удовольствія.

— Но ты обязанъ это сдѣлать, Фрицъ!

— Я самъ знаю свои обязанности.

— Фрицъ, обѣщай мнѣ. Сдѣлай это ради меня.

— Да вѣдь я же не мальчишка, мама!

— Фрицъ, Фрицъ, ты замышляешь дурное.

Онъ чувствовалъ, какъ въ немъ закипаетъ гнѣвъ. Однако онъ сдерживался.

— Не вмѣшивайся лучше, мама, въ это дѣло.

Она судорожно цѣплялась за его руки. Въ глазахъ у нея былъ безумный страхъ:

— Обѣщай мнѣ. Дай мнѣ клятву!

Онъ стиснулъ зубы и рѣзко сказалъ:

— Пусти меня!

Эта сцена раздражала его.

— Я пущу тебя, когда ты мнѣ пообѣщаешь.

Онъ окончательно вышелъ изъ себя. Съ выраженіемъ худо сдерживаемой злобы взглянулъ онъ въ ея блѣдное, испуганное лицо, быстрымъ движеніемъ высвободилъ свои руки и, положивъ ихъ на плечи матери, силой заставилъ ее сѣсть.

— Ну, мать, я говорю тебѣ на нѣмецкомъ языкѣ,—началь. онъ горячо:—ты старуха и понятія у тебя старинныя. У меня свои убѣжденія, и я хочу жить по нимъ. Если Даніиль не умѣетъ сдѣлать свою жену счастливой, онъ самъ въ этомъ виноватъ. А если она видитъ, что она въ немъ ошиблась и что я ей больше подхожу, то она въ правѣ его бросить.

— А Богъ! Дитя мое, подумай о Богѣ! Подумай о Богѣ!

— Богъ?

— Вспомни Его заповѣди.

— Чортъ возьми! У меня свои собственныя заповѣди. Я сама знаю, что я смѣю дѣлать. Разводъ не преступленіе.

— Что? что? Разрушить семью брата! Легче мнѣ видѣть тебя мертвымъ!

— Замолчи!—закричалъ онъ, блѣдный отъ бѣшенства, и ударилъ кулакомъ по столу.—Я долженъ ее имѣть, и никто не смѣетъ стать мнѣ на дорогѣ. А попробуетъ... я перешагну черезъ него, будь это хоть родная мать.

Послѣднее время Маріанна была сама не своя: она всецѣло была во власти того страшнаго внутренняго огня, который жегъ ее. Только въ силу привычки, совершенно безсознательно продолжала она жить внѣшней жизнью,—вставала, ложилась, ходила, отвѣчала на вопросы и присматривала за домомъ. Въ мозгу у нея шла своя собственная непрерывная работа: ея жизненный путь, казалось, раздваивался, и обѣ дороги вели въ какую-то пропасть,—остаться ли съ Данииломъ, уйти ли къ Фрицу было одинаково страшно и невозможно: съ мужемъ она сгоритъ отъ неудовлетворенной страсти, съ Фрицемъ измучится сознаніемъ нарушеннаго долга и причиненнаго мужу страданія.

И въ то же время она смутно чувствовала, что ея силы хватить не надолго, что не сегодня—завтра она потеряетъ власть надъ собой и слѣпо отдастся Фрицу. Но чѣмъ больше чувствовала она себя въ его власти, тѣмъ сильнѣе говорила въ ней смутная тревога, какой-то страхъ передъ чѣмъ-то невѣдомымъ, что она чувствовала въ себѣ, но въ чемъ не могла дать яснаго отчета.

И въ то же время точно какой-то ядъ проникъ въ ея тѣло: она не могла оторваться мыслью отъ образа Фрица. И чѣмъ теплѣе грѣло солнце, чѣмъ ароматнѣе и живительнѣе становился воздухъ, чѣмъ громче пѣли птицы, тѣмъ сильнѣе страдала она, тѣмъ полнѣе и неудержимѣе охватывала ее страсть. Она не спала цѣлыми ночами напролетъ, пока не взяла у отца въ аптекѣ брому и не стала принимать его въ огромныхъ дозахъ. Съ тѣхъ поръ она стала спать, но за то днемъ ходила, какъ разслабленная. Какъ разъ въ это время пріѣхалъ Вальтеръ. Увидѣвъ его, она была поражена происшедшей въ немъ перемѣной. Болѣзнь наложила на него свою печать: худое, пожелтѣвшее лицо, заострившійся носъ, ввалившіеся глаза и до неузнаваемости истощенное тѣло.

Даже голосъ его потерялъ прежнюю силу и звучность. Но духовно онъ не измѣнился и, казалось, сохранилъ всю силу ума и воли и присущую ему трезвость сужденія. Маріаннѣ пришло въ голову рассказать ему все и попросить у него совѣта. Однако время шло, а она все не рѣшалась заговорить. Такъ наступилъ день отъѣзда. Послѣ обѣда — какъ разъ въ то время, когда Фрицъ разговаривалъ съ матерью — всѣ сидѣли въ саду за кофе. Вальтеръ читалъ только что полученное письмо. Даніилъ молчалъ, не сводя мрачнаго взгляда съ жены. Маріанна еле сидѣла на мѣстѣ. Отъ удушливаго запаха акацій у нея разболѣлась голова. Томительное молчаніе длилось слишкомъ долго. Она встала и подошла къ работницамъ, половшимъ сосѣднія грядки. Когда она вернулась, мужчины говорили о бытѣ рабочаго класса въ Шверенбергѣ. Условія жизни были далеко не завидны, такъ какъ за скудностью платы и женщины, и мужчины работали на фабрикѣ, семья не существовала, дѣти, предоставленныя самимъ себѣ, умирали въ громадномъ большинствѣ. Маріанна долго слушала ихъ разговоръ. Внутренняя тревога жгла ее. Она то краснѣла, то блѣднѣла. Наконецъ, она встала.

— Перейдемте въ другое мѣсто: мнѣ дурно отъ запаха акацій.

— Идите вдвоемъ,—сказалъ Даніилъ,—а ко мнѣ, кажется, пришли мои ученики.

Дѣйствительно, два подростка, съ которыми пасторъ занимался латынью, показались въ глубинѣ сада.

Вальтеръ и Маріанна сѣли въ густо заросшей бесѣдкѣ.

Маріанна начала глухимъ голосомъ, пристально всматриваясь въ лицо пастора.

— Я хочу вамъ кое-что сказать. Можете ли вы меня выслушать?

— Конечно. Въ чемъ дѣло?

— Что вы думаете о моей семейной жизни?

Онъ пожалъ плечами и снялъ очки.

— Этотъ самый вопросъ задалъ мнѣ вчера вашъ мужъ.

— Да? Что-же онъ сказалъ?

— Онъ очень огорченъ, что вы такъ измѣнились.

— Измѣнилась? въ чемъ это?

— Вы видимо больны. А между тѣмъ не хотите ѣхать по-дѣчиться.

— Онъ заблуждается. Онъ ничего не понимаетъ. Это... Я хочу вамъ сказать, что это такое.

Она изо всѣхъ силъ оперлась руками о скамейку и, закусивъ губы, нѣсколько мгновений смотрѣла на него ярко блестящими глазами.

Наконецъ, переведя дыханіе, она быстро заговорила:

— Я его больше не люблю. Я люблю другого. Я люблю его брата. Вотъ въ чемъ моя болѣзнь. Я должна быть его. Я не могу больше жить съ моимъ мужемъ. Понимаете? Я не въ силахъ. Онъ мнѣ противенъ. Я знаю, вы скажете: побороть, овладѣть собой. Да, да, да! Вы вѣдь пасторъ, лучший другъ Данила. Но я говорю вамъ: я не могу больше, не могу!

Когда она подняла голову и взглянула на него, она была поражена выраженіемъ его лица: это было не удивленіе, не негодованье, какъ она ожидала, нѣчто худшее: глубокое страданье. И тутъ только она ясно почувствовала весь ужасъ своего положенія.

— Вы не ожидали этого?

Онъ не отвѣтилъ и, казалось, не слышалъ ея вопроса.

Потомъ онъ вдругъ всталъ и, подойдя къ работницамъ на грядкѣ, отослалъ ихъ на другой конецъ сада.

Когда онъ вернулся и сѣлъ, Маріанна замѣтила, что онъ мертвенно блѣденъ. Казалось, морщины еще глубже легли на его лицо, а выраженіе было еще серьезнѣе и сосредоточеннѣе, чѣмъ обыкновенно.

— Да, это правда,—сказала Маріанна.—Что вы объ этомъ думаете?

— А онъ... онъ раздѣляетъ вашу страсть?

— Да.

— Онъ вамъ объ этомъ говорилъ?

— Да.

— И она вспыхнула у него также внезапно, какъ и у васъ?..

— Нѣтъ, не внезапно. Это тянется давно.

— Давно?

— Когда я дала слово Данилу, братья изъ за меня со всѣмъ раасоридись. Фрицъ чуть было не застрѣлился и былъ долго въ лѣчебницѣ для нервно больныхъ.

— Онъ васъ такъ любилъ?

— Да.

— Даниль это знаетъ?

— Не думаю.

— Знаетъ онъ о вашихъ теперешнихъ отношеніяхъ къ вашему зятю?

— Нѣтъ.

— Вы должны ему все сказать.

— Невозможно.

— Это вашъ долгъ, первое, что вы должны сдѣлать.

— Во всемъ сознаться? Но вѣдь вы знаете, въ какихъ братья отношеніяхъ. Боже, все это такъ запутано! Научите меня, какъ мнѣ поступить?

Она заломила руки, все лицо ея искажилось страданіемъ, но глаза оставались сухи.

— Что мнѣ дѣлать, что мнѣ дѣлать? Дайте мнѣ совѣтъ! Помогите мнѣ! Только не читайте мнѣ проповѣди, не толкуйте о Богѣ.

— Т. е. какъ не говорить о Богѣ?

— Да, о Богѣ и Его заповѣдяхъ.

— Вѣдь вы же ихъ знаете и слѣдуете имъ?

— Нѣтъ, онѣ мнѣ ничего не говорятъ.

— Только вы сами можете себѣ помочь. Одна вы, слышите! вы своими собственными силами.

— Какъ, чѣмъ?

— Вы должны побѣдить свою страсть!

— Конечно!—Она горько усмѣхнулась.—Я такъ и думала. Точно я этого не пробовала. Тысячу разъ! Все время я боролась. До потери сознанія, до безумія... Больше я не въ силахъ.

— Вы боролись, но, быть можетъ, не настоящими средствами.

— Какъ это?

— Да,—сказалъ онъ:—вы боролись не такъ, какъ слѣдуетъ. Вы прислушивались къ голосу вашей страсти и говорили себѣ, что не должны ему слѣдовать. Но такъ вы никогда ее не побѣдите. Вы должны спросить себя совершенно спокойно, такъ спокойно, какъ только вы можете: каковъ тотъ человѣкъ, къ которому я питаю такую страсть? и сравнить его съ вашимъ мужемъ. Не перебивайте меня, прошу васъ. Я думаю, что я сужу о немъ справедливо. Онъ не дурной человѣкъ, у него есть много качествъ, но чисто внѣшнихъ. Это человѣкъ безъ глубокаго внутренняго содержанія, и, думаю, я въ этомъ не ошибаюсь. Если вы пойдете за нимъ, наступитъ моментъ, когда онъ не будетъ въ состояніи удовлетворить вашимъ требованіямъ. Онъ васъ не понимаетъ и не можетъ понять. Со многимъ можно примириться въ супружествѣ, только не съ этимъ. Какъ вы думаете?

— Быть можетъ. Но что же изъ этого? Онъ всетаки лучше понимаетъ меня, чѣмъ мой мужъ.

— Если вашъ мужъ не понимаетъ васъ, то и вы не понимаете своего мужа. И въ этомъ вы сами виноваты. Вашъ мужъ—человѣкъ замкнутый и при томъ человѣкъ крайнихъ мнѣній и настроеній. Я и самъ съ нимъ часто сбивался съ толку: я долго ходилъ къ нему и составилъ себѣ о немъ опредѣленное представленіе. Вдругъ—смотрю, онъ совершенно не тотъ, какимъ я себѣ его представлялъ. Наша дружба часто колебалась, и мы готовы были разойтись. Однако опять искали другъ друга. Такъ будетъ и съ

вами. Вамъ не легко живется съ нимъ рядомъ. Много приходится переносить тоски и огорченій, но съ нимъ рано или поздно вы найдете покой и удовлетвореніе.

Маріанна смотрѣла прямо передъ собой совершенно безучастнымъ взглядомъ, точно она не слышала того, что говорилось.

Когда онъ замолчалъ, она сказала:

— Я не могу побѣдить своего отвращенія къ нему, физическаго отвращенія.

— Потому что у васъ больная душа и больное сознаніе.

— Но чѣмъ же ихъ вылѣчить? Есть только одно лѣкарство: бросить его и уйти къ его брату.

— Даже, если это принесетъ вамъ несчастье?

— Почему несчастье?—наоборотъ. Я буду счастлива.

— А то, что я вамъ только что говорилъ?

— Что такое?

Онъ повторилъ свое мнѣніе о поручикѣ, останавливаясь на каждой фразѣ, какъ бы спрашивая ея одобренія.

Она отвѣчала коротко: „конечно... весьма возможно“. Когда онъ кончилъ, она все съ тѣмъ же погасшимъ взглядомъ и суровымъ лицомъ спросила:

— Такъ вы мнѣ совѣтуете уѣхать?

— Да. Чтобы снова обрѣсти самую себя. Теперь вы себя потеряли. Вы больны и должны выздороветь.

— А когда я выздоровѣю, вы думаете, я вернусь къ своему мужу?

— Надѣюсь. Не какъ пасторъ, не какъ другъ Давиила, но какъ человекъ, искренно желающій вамъ добра, говорю вамъ: не уходите отъ вашего мужа.

— А если вы ошибаетесь?

— Я не ошибаюсь. Но, боюсь, вы не послушаетесь меня, потому что страсть ваша сильнѣе вашего разсудка.

— Мой разсудокъ говорить мнѣ, что я не буду счастлива съ Давииломъ: мы слишкомъ равные люди.

— Не такъ вы различны, какъ думаете. Вѣдь нѣкогда вы понимали другъ друга. Теперь вы разошлись, но это временное недоразумѣніе.

Она безнадежно махнула рукой и опустила голову.

— Я попробую. Но вы увидите, это ни къ чему не поведетъ. Мой внутренній голосъ говорить черезчуръ громко, я не могу ошибаться.

— И тѣмъ не менѣе вы ошибаетесь. Развѣ прежде тотъ же внутренній голосъ не влекъ васъ къ вашему мужу. Оглянитесь, подумайте,—гдѣ правда?

— Вы правы, можетъ быть. Но теперь у меня такая неутолимая жажда счастья! Я не могу жить безъ счастья!

— Считаете ли вы меня несчастнымъ?

— Васъ?

— Да, меня. Бѣдь мнѣ въ жизни не хватаетъ главнаго—здоровья. Нельзя наслаждаться жизнью безъ здоровья. И, однако, я не могу назвать себя несчастнымъ—я счастливъ. Я нашелъ въ своей жизни удовлетвореніе, котораго не сравню ни съ какимъ счастьемъ. Если бы я могъ только заставить васъ это понять! О, если бы вы это прочувствовали, вы безъ колебанія заглушили бы свою страсть и принесли бы себя въ жертву, и какую свободу почувствовали бы вы тогда, вы на весь міръ взглянули бы иными глазами. Вы бы возродились. Повѣрьте, что всѣ мы ищемъ душевнаго удовлетворенія. Никто безропотно не покоряется несчастью, всѣ ищутъ счастья, разница только въ томъ, какъ понимать его. Я могу говорить только по своему личному опыту. Я бы солгалъ, если бы говорилъ иначе. Поступите, какъ я вамъ совѣтую, и даю вамъ голову на отсѣченіе—придетъ день, когда вы примиритесь съ жизнью, и ваше теперешнее состояніе покажется вамъ страшнымъ сномъ.

Маріанна и Даниль долго смотрѣли вслѣдъ поѣзду, уносившему Вальтера. Они все не рѣшались уйти съ платформы. Вдвоемъ имъ опять стало томительно жутко и пусто. Даниль съ мрачнымъ, сосредоточеннымъ выраженіемъ, которое не покидало его послѣднее время, подалъ, наконецъ, женѣ руку и повелъ ее къ экипажу. Долго они молча ѣхали въ постепенно сгущавшихся сумеркахъ. Когда разноцвѣтные станціонные огни были уже далеко, пасторъ спросилъ:

— Какъ это случилось съ матерью?

Въ этотъ самый день, когда старуху Клинггаммеръ пришли звать къ обѣду, ее нашли лежащей на полу безъ чувствъ.

— Я не знаю,—возразила Маріанна,—докторъ думаетъ, что это отъ слабости.

Помолчавъ съ минутку, она продолжала:

— Я съ ней говорила о путешествіи.

— О какомъ путешествіи?

— О моемъ. Я просила ее поѣхать вмѣстѣ со мной.

— Такъ ты, наконецъ, рѣшилась?

— Да.

Глубокій вздохъ вырвался у него изъ груди. Онъ схватилъ ее руки.

— Отлично! Ахъ, какъ это хорошо! Если возможно, я бы хотѣлъ выѣхать съ тобой одновременно.

— Это было бы прекрасно!

Онъ крѣпко пожалъ ее руку.

— Ты говорила съ Вальтеромъ?

— Да. И онъ мнѣ это посоветоваль.

Экипажъ миноваль деревню и снова выѣхаль на шоссе. Прохладный ночной вѣтеръ дуль имъ въ лицо; пахло свѣжимъ сѣномъ. Вскорѣ вдаль показался свѣтъ въ окнахъ ихъ большого, мрачнаго дома.

Марианна прошла къ матери. Даниилъ—въ свой рабочій кабинетъ. Онъ подошелъ къ открытому окну. Онъ испытываль чувство почти физическаго облегченія, точно какая-то тяжесть, долго давившая ему грудь, уходила съ каждымъ его вздохомъ.

Онъ, наконецъ, очнулся, подошелъ къ письменному столу и, выдвинувъ верхній ящикъ, вынулъ револьверъ.

— Боже мой! что я за человекъ!—подумаль онъ съ ужасомъ, вспоминая прошлое, точно далекий кошмаръ. Онъ попробоваль было разрядить оружіе, но дѣло не ладилось, какой-то винтъ упорно не поддавался; онъ положилъ револьверъ на старое мѣсто и заперъ ящикъ на ключъ. То, что прежде было такъ близко, теперь казалось совершенно невозможнымъ.

Онъ услышалъ, какъ хлопнула дверь въ столовой, и сошелъ внизъ.

— Мать спитъ,—сказала Марианна, — я унесла отъ нея лампу,—и, замѣтивъ на столѣ вино, она налила себѣ стаканъ и начала пить быстрыми, жадными глотками.

Онъ тихонько подошелъ къ ней.

— Прости меня, Марианна,—сказаль онъ, покрывая поцѣлуями ея руки.

Она прошептала:

— Мнѣ не въ чѣмъ тебя прощать.

— Прости меня, прости меня,—повторяль онъ.—Скажи, Марианна, можешь ли ты меня еще любить?

Она сидѣла блѣдная, сгорбленная, съ поникшей головой и не отвѣчала на его вопросъ, какъ будто не слышала его. Она сознавала только всѣмъ своимъ существомъ, что въ эту минуту она прощается со своимъ личнымъ счастьемъ.

Потомъ она положила руку ему на голову и долго смотрѣла на него испытующимъ взглядомъ, точно видѣла въ первый разъ послѣ долгой разлуки. Онъ также страдалъ: глубокія морщины прорѣзали лобъ, щеки впали. Почему не могла она больше любить его лицо, его глаза? Куда дѣвалась эта любовь? Вѣдь она была когда-то?—думала она, продолжая разсѣянно гладить его по волосамъ.

— Мы опять будемъ добрыми друзьями,—сказала она, наконецъ, усталымъ голосомъ.

Но когда онъ обняль ее за талію, ея снова овладѣло непреодолимое отвращеніе.

Онъ долго говорилъ ей о своей винѣ передъ ней, о своей любви, о томъ, что все еще можетъ наладиться, что они начнутъ новую жизнь. Она смотрѣла мимо него, куда-то вдаль, и пила вино стаканъ за стаканомъ.

Въ полночь они пошли въ спальню. Окно и дверь на балконъ были открыты. Онъ вышелъ, пока она раздѣвалась. По небу ползли темныя тучи, и между ними, точно украдкой, скользили мѣсяцъ. Деревья стояли темными, неподвижными массаами. Вдругъ въ тишинѣ отчетливо раздалась робкая соловьиная трель.

— Отчего ты не идешь?—спросила Марианна.

— Поди сюда, послушай!

Она вышла на балконъ.

Бѣлый капогъ лежалъ на ней широкими складками.

— Опять соловьи прилетѣли... слышишь?—сказалъ онъ.

— Они поютъ уже съ недѣлю.

— Я еще не слыхалъ.

Онъ крѣпко обнялъ ее. Онъ былъ, какъ пьяный, какъ приговоренный къ смерти, которому вернули не только жизнь, но и счастье.

— Развѣ не хорошо? А, посмотри, тамъ вдали поѣздъ... Бѣдняги, ѣдутъ въ вагонахъ и не чувствуютъ всей этой красоты. Гдѣ-то теперь Вальтеръ? Что за сила въ этомъ человѣкѣ! Я долженъ быть ему благодаренъ. Я никогда ему этого не забуду. Не правда ли?

Она кивнула головой. Слезы текли у нея по щекамъ.

— Послушай...

Онъ затаилъ дыханіе, невольно крѣпче обнимая ее.

— Чѣмъ онъ такъ дѣйствуетъ на людей? Не умомъ, потому что онъ вовсе не такъ уменъ. Но онъ истинный человѣкъ. Я бы хотѣлъ быть такимъ, какъ онъ. Онъ силенъ своей любовью къ людямъ. Ахъ, ты видѣла?

— Что?

— Сейчасъ пролетѣлъ соловей, сѣлъ на то дерево.

Было тихо, ни вѣтерка, ни шороха. Съ ближняго куста снова раздалось щелканье соловья, ему издали отвѣтилъ второй, засвисталъ и третій. Тишина ожила, наполненная этими звуками, то нѣжнымъ, то страстнымъ гимномъ любви и счастью.

— Помнишь, Марианна,—прошепталъ онъ,—помнишь, тѣ ночи...

— Мнѣ холодно. Пойдемъ.

— Да, пойдемъ.

И прежде чѣмъ она опомнилась, онъ обнялъ ее и понесъ въ комнату.

Въ эту ночь Фрицу Клинггаммеру особенно не везло въ игрѣ. Его проигрышъ вмѣстѣ со старыми долгами составилъ сумму въ двадцать пять тысячъ марокъ. На утро онъ поѣхалъ верхомъ къ Баденбаху просить у него отсрочки. Тотъ принялъ его настолько холодно, что даже не оставилъ завтракать.

— Не бѣда, — подумалъ Фрицъ, — поѣду къ брату и тамъ перекушу!

По своей привычкѣ никогда долго не останавливаться на печальныхъ размышленіяхъ, Фрицъ бодро вскочилъ въ сѣдло и двинулся впередъ крупной рысью, насвистывая какой-то веселый мотивъ. Однако, по мѣрѣ того какъ онъ подвигался, имъ овладѣвало раздумье. Лошадь, точно чувствуя колебанія всадника, шла все медленнѣе и, наконецъ, на мосту совсѣмъ стала. Фрицъ сердито ударилъ ее хлыстомъ. Онъ подѣхалъ къ садовой оградѣ и, привязавъ лошадь къ забору, сѣлъ на скамью, твердо рѣшивъ не ходить дальше. Онъ смотрѣлъ на зеленѣющія поля, залитыя солнцемъ, и мечталъ, какъ онъ, женись на Маріаннѣ, купитъ имѣніе, возьметъ къ себѣ мать и мало по малу возобновитъ всѣ прежнія отношенія. Въ томъ, что Маріанна будетъ его, онъ не сомнѣвался. — Вѣдь должна же она, наконецъ, сознать, что я совершенно правъ! Во-первыхъ, я спасъ ей жизнь; во-вторыхъ, я ее всегда любилъ, также какъ и она меня. Братъ мой сталъ намъ поперекъ дороги. Но это надо исправить. Почему это на всемъ свѣтѣ только она да я откажемся отъ своего счастья? Мать говоритъ: „Это воля Божія“! Онъ поглядѣлъ на небо, по которому одиноко плыло маленькое бѣленькое облачко, и задумался: да есть-ли вообще Богъ? Можетъ быть, есть, можетъ быть — нѣтъ. Во всякомъ случаѣ, не мѣшало бы Ему сдѣлать свое существованіе нѣсколько очевиднѣе, разъ Онъ желаетъ, чтобы люди брали Его въ расчетъ. А что мать моя такъ думаетъ... — При воспоминаніи о матери передъ нимъ всплыла недавняя сцена. Онъ вспомнилъ растерянный, измученный взглядъ матери, когда онъ такъ сурово сказалъ ей правду. — Быть можетъ, это жестоко, подумалъ онъ, но вѣдь это было неизбежно. Рано или поздно она все равно должна была бы узнать. Однако, ему все-таки было не по себѣ при этомъ воспоминаніи: онъ причинилъ столько страданія женщинѣ, своей матери, которая такъ любила его, такъ много сдѣлала для него и, не смотря на всѣ его ошибки и слабости, считала лучшимъ и достойнѣйшимъ человѣкомъ. Что если бы онъ сейчасъ пошелъ и извинился передъ ней? Но это значило отказаться отъ Маріанны. Онъ опустилъ голову, и мысли его приняли другое направленіе. — Послѣзавтра Данилъ ѣдетъ въ Шверенбергъ. Если я не успѣю увидѣть

за это время Марианну, все погибло. А какъ я заплачу мои долги? Откуда взять денегъ? И при томъ, если я не вложу въ кассу взятую сумму, вѣдь я—воръ! Въ теченіе этихъ двухъ дней все должно рѣшиться. И если дѣло не выгоритъ, придется пустить себѣ пулю въ лобъ.

Онъ вскочилъ, точно желая отогнать мрачныя мысли.

— И къ чему этотъ страхъ? Надо выспаться, позавтракать, и этотъ кошмаръ разсѣется самъ собой. Просто нервное состояніе—результатъ безсонной ночи.

Въ эту минуту изъ за деревни показалась женская фигура въ свѣтломъ платьѣ, съ голубымъ зонтикомъ. Онъ узналъ Марианну. Ея походка, ея движенія, ея знакомая широкополая шляпа... Она все приближалась... Онъ не вѣрилъ своимъ глазамъ и буквально дрожалъ отъ восторга. Она шла, видимо, не замѣчая его. Онъ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ ей навстрѣчу, обнялъ ее и, не говоря ни слова, подвелъ къ скамьѣ. Она удивленно посмотрѣла на него:

— Что ты тутъ дѣлаешь?

— Я ждалъ тебя.

— Меня?

— Я приходилъ сюда каждый день и ждалъ тебя. Я зналъ, что ты должна придти.

— Должна?

Она покачала головой.—Я шла не къ тебѣ.

— Куда-же?

— Домой, къ себѣ...

Она смотрѣла на него помутившимися, совсѣмъ безумными глазами.

— Марианна, ты не можешь больше съ нимъ жить. Ты любишь меня. Покончи сразу и иди со мной.

Онъ схватилъ ея холодныя руки и покрылъ ихъ поцѣлуями.

— Оставь, оставь, — почти крикнула она, вырываясь отъ него. И она вся съежилась, ушла въ себя, такъ что онъ не зналъ, какъ къ ней подступить.

Нѣсколько минутъ оба молчали.

— Да что случилось? Замѣтилъ онъ что нибудь?

— Ахъ!

— Ты смотришь отчаянно, Марианна, ты плохо спала?

— Спала?

Она болѣзненно усмѣхнулась.

— Марианна, ты мучишь себя напрасно. Иди со мной, иначе невозможно поступить. Или у тебя не хватаетъ мужества?

— Мужества! Ха, ха, ха!

— Тогда иди за мной, иди, Марианна!

— Я не хочу.

— Почему?

Она покачала головой.

— Отвѣть почему? Скажи мнѣ настоящую причину. Наша жизнь, и твоя, и моя, отъ этого зависитъ.

— Ты не долженъ настаивать. Мнѣ и такъ тяжело. Я не могу пойти съ тобой.

— Почему?

— Мы не подходимъ другъ къ другу.

— Невозможно больше подходить другъ къ другу, чѣмъ мы съ тобой. Ты должна идти за мной. Я тебя не выпущу. Нельзя такъ страдать и мучиться!

— Съ тобой будетъ новое мученіе.

— Нѣтъ! Ты будешь счастлива! Слышишь? счастлива. Марианна, если ты не пойдешь по доброй волѣ, я возьму тебя силой! Я унесу тебя на рукахъ. Я готовъ скорѣе умереть, чѣмъ расстаться съ тобой. И я правъ. Возвращаясь къ мужу, ты обрекаешь себя на смерть. Ты поступаешь, какъ самоубійца, и я долженъ спасти тебѣ жизнь даже противъ твоей воли. Я не уйду безъ тебя. Марианна, послушайся меня. Послушайся меня, Марианна!

Онъ схватилъ ее за плечи, точно желая вывести изъ оцѣпенѣнія, потомъ обнялъ, прижалъ къ себѣ и прошепталъ тихо, тихо надъ самымъ ея ухомъ:

— Вѣдь я люблю тебя, Марианна!

Онъ сталъ передъ ней на колѣни, цѣловалъ ей лицо, глаза, лобъ, волосы, покрывалъ всю ее безумными поцѣлуями, пряталъ голову въ ея колѣни и снова принимался цѣловать ея холодныя руки.

Она сидѣла, не шевелясь, не оказывая ни малѣйшаго сопротивленія. Ей казалось, что она мало по малу возвращается къ жизни, что тотъ огонь, который она такъ долго гасила, разгорается все сильнѣе, что онъ охватываетъ всю ее, и что она уже не въ состояніи съ нимъ бороться.

Наконецъ, онъ поднялся, сѣлъ рядомъ съ ней на скамью и нѣжно прижалъ ея голову къ своей груди. Она сидѣла по-прежнему безмолвная и неподвижная, лишь время отъ времени поднимая на него глаза. Воздухъ былъ такъ свѣжъ, солнце свѣтило такъ ярко...

Наконецъ, онъ бережно отодвинулъ ее отъ себя и сказалъ шепотомъ:

— Кто-то идетъ.

Она оперлась на зонтикъ и смотрѣла въ землю. Нѣсколько парней, разодрѣтыхъ по праздничному, прошли мимо, весело разговаривая и не замѣчая сидящихъ.

Когда ихъ шаги и голоса замолкли вдали, онъ протянулъ руку:

— Марианна, иди со мной!

— И что тогда будетъ?

— Увидишь! Раньше поиди за мной!

— Нѣтъ, сначала я должна знать, что будетъ?

— Мы сейчасъ же уѣдемъ съ тобой за границу.

Онъ это повторялъ неизмѣнно: уѣхать за границу, потребовать развода и повѣнчаться.

Она сѣла, поправила шляпу и волосы и, казалось, вполне овладѣла собой.

— Уѣхать? Отлично. Но когда и куда? Можешь ли ты теперь вообще уѣхать?

— Препятствій къ моему выѣзду нѣтъ. Надо сѣсть въ вагонъ, а тамъ ужъ рѣшить, куда ѣхать.

— Да, но сначала я должна все сказать Даниилу.

— Ты хочешь?..

У него захватило дыханье отъ ужаса. Онъ спросилъ со злобой и нетерпѣніемъ:

— Ты это говоришь, конечно, не серьезно?

— А что же ты думаешь: я тайкомъ уѣзду изъ дому? Нѣтъ, я должна сказать Даниилу, что я люблю тебя и жить съ нимъ не могу.

— Если ты сейчасъ уйдешь отъ меня, Марианна, — сказалъ онъ медленно, — ты не вернешься больше.

Онъ печально усмѣхнулся.

— О нѣтъ, я вернусь. Ты можешь быть во мнѣ увѣренъ. Но я должна съ нимъ поговорить. Завтра утромъ, если хочешь, я буду на вокзалѣ.

— Ты уже одинъ разъ откладывала до завтра. Я не забылъ этого.

— Ты мнѣ не вѣришь?

— Нѣтъ, я вѣрю тебѣ. Но онъ тебя не отпуститъ. Въ послѣднюю минуту чтонибудь случится. Я боюсь.

— Я приду, — сказала она и положила свою руку въ его. — Клянусь тебѣ. Но уѣзжать, точно я трушу его... Нѣтъ, это я сдѣлать не могу.

Онъ тщетно умолялъ ее измѣнить рѣшеніе, она осталась непреклонной. Она казалась совершенно спокойной и увѣренной въ себѣ, и онъ, наконецъ, убѣдился, что она дѣйствительно сдержитъ обѣщаніе.

Онъ проводилъ ее до шоссе. Потомъ вскочилъ въ сѣдло.

— Боже, какъ я счастливъ! Какъ прекрасна жизнь!

Онъ прищпорилъ лошадь и пустилъ ее въ галопъ.

Вернувшись домой, Марианна прошла къ своему мужу.

Изъ наблюдений земскаго статистика.

I. Фабрика и деревня.

Во время земско-статистическихъ работъ по Владимірской губерніи произведено было, между прочимъ, специальное обследованіе положенія рабочихъ на нѣсколькихъ фабрикахъ губерніи. Опрошено было около $9\frac{1}{2}$ тысячъ рабочихъ на 4 фабрикахъ въ 2 уѣздахъ губерніи *). Выбранный для обследования районъ не принадлежалъ къ числу такихъ, фабричный характеръ которыхъ выраженъ въ наиболѣе рѣзкой формѣ. Около Иваново-Вознесенска, на примѣръ, оторванность крестьянъ отъ земли пошла гораздо дальше, чѣмъ на тѣхъ фабрикахъ, которыя подвергнуты были описанію; въ Орѣховѣ-Зуевѣ фабричные рабочіе привязаны къ фабрикѣ высокими заработками и болѣе или менѣе сносными жилищами на столько, что тамъ почти совсѣмъ не знаютъ ухода рабочихъ на полевые работы, а переселеніе на фабрику со всѣмъ своимъ семействомъ достигло такихъ размѣровъ, что большая половина рабочихъ уже порвала совсѣмъ связи съ деревней. Обследованный районъ ближе подходит, такимъ образомъ, къ *среднимъ* условіямъ промышленныхъ мѣстностей губерніи.

Обработка собранныхъ при обследованіи матеріаловъ, заканчивающаяся въ настоящее время, даетъ не мало интересныхъ и цѣнныхъ выводовъ. Съ нѣкоторыми изъ нихъ мнѣ и хотѣлось бы познакомить читателя.

Нужно напомнить, что Владимірская губернія типична для центральной промышленной полосы Россіи. Здѣшнее крестьянство съ незапамятныхъ временъ; уже было вовлечено въ промышленную дѣятельность, какъ отхожаго, такъ и мѣстнаго характера, и фабрика встрѣтила здѣсь для себя вполне подготовленную почву, взрыхленную давнишней неустойчивостью земледѣлія, укатанную

*) Именно изъ Покровскаго уѣзда: придильно-ткацкая Ликинская фабрика (около $1\frac{1}{2}$ тыс. рабочихъ), Дулинская фарфоровая фабрика (около $2\frac{1}{2}$ тыс.) и Кольчугинскій мѣдно-латунный заводъ (около $1\frac{1}{2}$ тыс.); изъ Александровскаго уѣзда: Струнинская прядильно-ткацкая и красильная фабрика Асафа Баранова (около 4 тыс. рабочихъ).

и выровненную старинной привычкой населенія къ стороннимъ заработкамъ. Фабрика явилась естественной продолжательницей длиннаго ряда формъ промышленнаго процесса, пройдя черезъ кустарную и мануфактурную стадію развитія. Она закончила собою тотъ путь, который должна была пройти наша промысловая деревня, и отразила въ себѣ тѣ перспективы, которыя предвидятся для ея хозяйственно-земледѣльческаго положенія въ будущемъ. Фабрика — уже не новость для Владимірской деревни; она воспитала второе и третье поколѣніе рабочихъ (30% работающихъ въ настоящее время фабричныхъ работаютъ по наслѣдству). Ея вліяніе уже успѣло сказаться на деревнѣ, и примѣръ четырехъ описанныхъ владимірскихъ фабрикъ — поучителенъ поэтому для сужденія о вліяніи фабрики на деревню.

Дѣйствіе фабрики по привлеченію къ себѣ изъ деревень рабочаго элемента, если и не вполне подобно дѣйствію силы тяжести — обратно пропорціонально квадрату разстоянія, — то очень походить на это.

Рабочіе набираются на фабрику преимущественно изъ ближайшихъ деревень. Болѣе трети всей рабочей массы (36,7%) выходитъ изъ округа не дальше 7—8 верстъ отъ фабрикъ. Въ слѣдующемъ поясѣ — на разстояніи отъ 7—8 верстъ и до 15 в. — уже только 14,9% рабочихъ, отъ 15 до 25 в. — около 13,8%; остальная треть (34,6%) набирается изъ деревень, отстоящихъ отъ фабрики дальше 25 в. На первый кругъ съ радіусомъ въ 7—8 в. вокругъ фабрики приходится 20 человекъ рабочихъ на 1 кв. версту площади; во второмъ поясѣ — уже менѣе 3 человекъ на 1 кв. версту; въ третьемъ — около 0,5, а въ дальнѣйшихъ — и того меньше. Изъ чужихъ губерній, кромѣ сосѣдней Московской, на фабрикахъ живетъ только 7,6% рабочихъ. Такимъ образомъ, хотя болѣе половины всего мужского населенія губерніи идетъ на отхожіе промыслы, — фабрика до сихъ поръ еще стягиваетъ къ себѣ только ближнихъ крестьянъ. Въ выборѣ профессіи и мѣста отхода привычка еще очень сильна у владимірскаго крестьянина: цѣлыя округи цѣлыя десятилѣтія занимаются однимъ и тѣмъ же, часто невыгоднымъ и обветшавшимъ, промысломъ. Такъ и на фабрикахъ: тѣ, кто живетъ ближе, устраиваются на нихъ, а притокъ дальнихъ крестьянъ туго проникаетъ сюда, не смотря на болѣшую выгодность фабричной работы сравнительно съ многими другими отхожими промыслами.

Находясь въ непосредственномъ сосѣдствѣ и взаимодействіи съ деревней, имѣя въ ней богатѣйшій и неиссякаемый источникъ для пользованія живой рабочей силой, фабрика выжимаетъ изъ деревни лучшіе, молодые соки, мало заботясь объ экономіи этой

силы, такъ какъ можетъ возвратитъ обратно въ деревню всѣ ослабѣвшіе и обезсилѣвшіе элементы.

Окидывая общимъ взглядомъ составъ массы фабричныхъ рабочихъ, невольно поражается чрезвычайнымъ преобладаніемъ молодого элемента: главное ядро составляетъ молодежь въ возрастѣ отъ 18 до 35 лѣтъ (56,5%); $\frac{1}{2}$ часть рабочихъ совсѣмъ въ юномъ возрастѣ—до 17 лѣтъ включительно, и только $\frac{1}{4}$ часть всей массы принадлежитъ къ болѣе или менѣе пожилому возрасту—старше 36 лѣтъ. Пожилыхъ людей, за 51 годъ, остается на фабрикѣ совсѣмъ мало—на 100 рабочихъ всего 4,6.

Даже въ такомъ сравнительно не старомъ возрастѣ, какъ 41—50 лѣтъ, кадры рабочихъ рѣдѣютъ почти вчетверо, и этого явленія ни въ коемъ случаѣ нельзя отнести къ общему уменьшенію населенія къ этому возрасту. Нельзя объяснить поражающаго сокращенія числа рабочихъ къ старости и тѣмъ обстоятельствомъ, что существованіе фабрикъ не столь продолжительно, чтобы могъ выработаться контингентъ пожилыхъ рабочихъ. Описанныя нами фабрики возникли всетаки достаточно давно: самая большая изъ нихъ существуетъ не менѣе 30 лѣтъ, Дулевская фабрика работаетъ уже болѣе 40 лѣтъ, Ликинская фабрика, хотя основана и недавно — лѣтъ 15 тому назадъ, но неподалеку отъ нея давно уже работаютъ огромныя Морозовскія фабрики въ Орѣховѣ. Самое молодое заведеніе,—это Кольчугинскій заводъ, но онъ возникъ на развалинахъ мелкихъ заводовъ, разбросанныхъ въ этомъ уголкѣ уѣзда повсюду и издавна дававшихъ заработокъ крестьянамъ. Если почти у трети рабочихъ работали на фабрикѣ отецъ или мать, то одно это уже говоритъ за давность существованія фабрикъ.

Надо признать, что условія труда на фабрикѣ таковы, что они не подъ силу пожилому человѣку, а у молодого они губительно отражаются на здоровьѣ и скоро изнашиваютъ организмъ. Фабричная администрація не любитъ держать у себя рабочихъ въ пожиломъ возрастѣ. Мы разъ встрѣтили въ деревнѣ рабочаго, который признался, что онъ краситъ свои сѣдѣющіе волосы, чтобы не дать повода фабричному начальству заподозрить его въ старости. Загляните въ одно отдѣленіе на Дулевской фарфоровой фабрикѣ. Такъ называемые точильщики занимаютъ цѣлый корпусъ. Ихъ работа состоитъ въ томъ, что одни формуютъ глину для посуды, другіе наждачной бумагой прочищаютъ обожженную, но еще не глазированную посуду. Фарфоровая пыль, летящая изъ-подъ рукъ точильщиковъ, наполняетъ тонкой бѣлесоватой дымкой весь корпусъ, гдѣ работаетъ до 600 человѣкъ. Это до чрезвычайности вредная работа. Года два-три тому назадъ поставили передъ каждымъ работающимъ небольшую вытяжку, раньше было еще хуже. Изъ разспросовъ тутъ же работающихъ двухъ французовъ выяснилось, что у нихъ на родинѣ давно уже

примѣняются въ такомъ отдѣленіи превосходные вентиляторы, которые вытягиваютъ почти всю пыль, такъ губительно дѣйствующую на легкія. Легочныя болѣзни свирѣпствуютъ среди точильщиковъ въ ужасающихъ размѣрахъ. Предъ моими глазами встаетъ рядъ этихъ рабочихъ съ блѣдными, вытянутыми лицами. Помню одного, еще молодого: по угламъ губъ его заеклась кровь, и удушливый кашель то и дѣло прерывалъ его рѣчь. Какъ-то, гуляя по улицѣ, мы разговорились съ толпою ребятъ и спросили ихъ, въ какое отдѣленіе фабрики каждый изъ нихъ поступить. И всѣ отвѣчали, что только не въ точильщики,—тамъ „сильно люди мрутъ отъ чахотки“. Въ самомъ дѣлѣ, во всемъ огромномъ корпусѣ съ 600 рабочими мы встрѣтили только 59 лицъ старше 30 лѣтъ, остальное—все молодежь; старше 35 лѣтъ работаетъ тамъ лишь 34 человѣка, а за 40 лѣтъ—совсѣмъ почти не остается, всего 15 человѣкъ.

Изъ 132 лицъ старше 20-лѣтняго возраста, похороненныхъ на Дулевскомъ кладбищѣ за послѣднія 5 лѣтъ, большая половина—69 человѣкъ—кончили свою жизнь въ молодыхъ годахъ—отъ 20 до 45 лѣтъ; старше 45-лѣтняго возраста умерло 63 человѣка. Противъ 75 изъ этихъ покойниковъ въ метрикахъ стоитъ отмѣтка: „умеръ отъ чахотки“. По тремъ фабрикамъ за годъ нашей переписи переболѣло 13,5% рабочихъ, при чемъ надо замѣтить, что сюда вошли только тѣ, кто изъ-за болѣзни потерялъ нѣсколько дней работы, и выключены роды женщинъ. Выходитъ, что на каждыя 7—8 человѣкъ рабочихъ въ году приходится одинъ больной. По другимъ причинамъ (роды, рекрутчина, увѣчья и пр.) оставалось безъ работы только 4,9% рабочихъ. Слѣдовательно, разнаго рода болѣзни среди рабочихъ больше всего отнимаютъ у нихъ рабочаго времени.

Да какъ и не износиться къ 40 годамъ нашему рабочему (остается на фабрикѣ послѣ этого возраста всего 14,7%), если онъ начинаетъ свою карьеру съ 14-ти, 12-ти и даже менѣе лѣтъ. Почти $\frac{3}{4}$ всѣхъ рабочихъ поступили на фабрику до 17 лѣтъ. 18,3% пошло на фабрику моложе 12 лѣтъ, 23,7% отъ 12—14 лѣтъ, 31,3% отъ 15—17 лѣтъ,—и только 5,3% поступили на фабрику старше 30 лѣтъ. На Струнинской фабрикѣ изъ 4 тыс. рабочихъ 256 человѣкъ начали работать даже моложе 10 лѣтъ, а 575 человѣкъ—отъ 10—12 лѣтъ. Вотъ краткое curriculum vitae нашего фабричнаго рабочаго.

Ни одинъ промыселъ не выжимаетъ изъ населенія столько молодыхъ силъ, какъ фабрика. Въ общемъ итогѣ по 6 уѣздамъ среди всѣхъ промышленниковъ лицъ до 17 лѣтъ (включительно) числится 9,2%, среди фабричныхъ въ этомъ возрастѣ—цѣлыхъ 17,4%, дѣтей до 14 лѣтъ тамъ 1,8%, а среди фабричныхъ—4,1%.

Только домашняя система ткачества въ смыслѣ эксплуатаціи дѣтскаго труда одерживаетъ перевѣсъ надъ фабрикой. Съ другой

стороны, нигдѣ нѣтъ такъ мало пожилыхъ работниковъ, какъ на фабрикахъ: въ среднемъ по 6 уѣздамъ промышленниковъ старше 60 лѣтъ числится 5,3%, на фабрикахъ—съ 51 года только 4,6%, а старше 61-го года (по 3 фабрикамъ)—лишь 0,1% рабочихъ.

На Дулевской фабрикѣ работаетъ 23 ребенка моложе 12-ти лѣтъ. Какъ они попали сюда, вопреки фабричному закону, объяснить трудно; мы знаемъ только, что въ спискахъ фабричной инспекціи дѣтей до 15 лѣтъ числится почти вдвое меньше, чѣмъ было зарегистрировано у насъ. Не ужасенъ ли, въ самомъ дѣлѣ, такой фактъ: въ точильномъ корпусѣ встрѣтился мальчикъ 13-ти лѣтъ, который, оказывается, работаетъ уже 6-ой годъ!

Еще болѣе молодой составъ фабричныхъ представляетъ изъ себя женская половина фабричной рабочей массы. Женщины на фабрикахъ даютъ около трети всѣхъ рабочихъ (31,5%), а безъ мѣдно-латуннаго завода, гдѣ работаютъ исключительно мужчины—37%, и цѣлая половина изъ нихъ (по даннымъ, относящимся къ одной Струнинской фабрикѣ) моложе 25 лѣтъ. За 40 лѣтъ женщинъ остается на фабрикѣ чрезвычайно мало—всего 8,6%, а старухъ—почти нѣтъ: старше 51 года—женщинъ 16%. Это объясняется въ значительной мѣрѣ тѣмъ, что фабричная работница, выйдя замужъ, часто бросаетъ фабрику: у 44% женатыхъ рабочихъ жены не занимаются фабричной работой и живутъ или въ деревнѣ (23,0%), или здѣсь же (21,8%) за домашнимъ хозяйствомъ.

Стянутые отовсюду изъ деревень на фабрику, крестьяне вовлекаются съ теченіемъ времени въ общій водоворотъ промышленной жизни, подчиняются постепенно ея требованіямъ, и изъ отдѣльных, разрозненныхъ элементовъ становятся составною частью одного цѣлага. Одно изъ основныхъ требованій фабрики—постоянный рабочій, не связанный никакими другими заботами, кромѣ своей работы. И вотъ мы видимъ, что чуть не половина рабочихъ (45,8%) всѣмъ своимъ домомъ переселилась на фабрику, порвавъ всякія сношенія съ деревней *). Фабрика сильнѣе всѣхъ другихъ промысловъ влияетъ на выселеніе изъ деревни. Пока рабочій молодъ, пока онъ еще не женился, онъ работаетъ на фабрикѣ одинъ, его семья остается въ деревнѣ **). Но едва ра-

*) Изъ нихъ 60% выселились изъ деревни уже болѣе 10 лѣтъ, и только около 14% сохранили кое-какія связи съ деревней; остальные—стали въ полномъ смыслѣ фабричными жителями, оставивъ на родинѣ лишь юридическое владѣніе надѣломъ. Объ этомъ мы скажемъ далѣе.

**) Молодыхъ рабочихъ, до 21 года, среди одиночекъ—46,6%, среди же семейныхъ (употребляемъ этотъ терминъ въ широкомъ смыслѣ; если кто работаетъ или живетъ на фабрикѣ не одинъ изъ своей семьи, а съ кѣмъ-нибудь)—только 39,1%. Неженатыхъ и незамужнихъ среди первыхъ—51,5%, среди вторыхъ—33,1%; изъ рабочихъ-одиночекъ порвало всякія сношенія съ деревней—13,1%, среди же семейныхъ—болѣе половины.

бочій обзаводится собственной семьей, какъ онъ уже начинаетъ подумывать о полномъ переселеніи на фабрику. И это выселеніе изъ родныхъ мѣстъ идетъ тѣмъ усиленнѣе, чѣмъ дальше отстоитъ деревня отъ фабрики, чѣмъ труднѣе, слѣдовательно, рабочему поддерживать сношенія съ оставленнымъ семействомъ и хозяйствомъ: среди ближнихъ крестьянъ-рабочихъ (до 5 в. отъ фабрики) переселилось сюда 11,4%, а не переселилось 35,5%, тогда какъ изъ среды дальнихъ крестьянъ (дальше 15 в.) переселилось на фабрику—56,5%, а не переселилось— только 24% *).

Денежная связь съ деревней у рабочихъ слабѣетъ по мѣрѣ отдаленія отъ фабрики ихъ родины: изъ ближайшихъ крестьянъ-рабочихъ отсылаютъ деньги домой 70—72%; чѣмъ дальше, тѣмъ этотъ % постепенно уменьшается и доходитъ до 30 у крестьянъ, родина которыхъ дальше 40 верстъ отъ фабрики **).

Хозяевамъ фабрикъ чрезвычайно выгодно такое положеніе дѣлъ, — и устройство казармъ играетъ не послѣднюю роль въ процессѣ перевода бывшаго крестьянина въ типичнаго фабричнаго пролетарія. Предоставляя рабочему готовое хозяйское жилище, отрывая его отъ деревни и земледѣльческихъ интересовъ, фабрикантъ тѣмъ самымъ крѣпче привязываетъ его къ опредѣленному мѣсту работы, умѣряетъ подвижность и переливаніе рабочаго элемента съ одной фабрики на другую, до сихъ поръ имѣющее еще широкое распространеніе: болѣе $\frac{1}{3}$ рабочихъ (36,5% по двумъ фабрикамъ) побывали до теперешняго своего мѣста на другихъ фабрикахъ; изъ всего состава рабочихъ на Струнинской фабрикѣ болѣе 15 лѣтъ работали здѣсь только 27,3%, отъ 10 — 15 л. — 15%; ежегодно по 3 фабрикамъ мѣняютъ хозяевъ до 6% рабочихъ. Но наиболѣе безпокойный и непосѣдливый элементъ изъ всей рабочей массы это—одиночки, ничѣмъ не привязанные къ фабрикѣ,—среди нихъ ежегодно передвигается съ фабрики на фабрику—8,9%, тогда какъ среди семейныхъ рабочихъ, еще не выселившихся изъ деревни, этотъ процентъ падаетъ до 5,9, а среди переселившихся на фабрику семейныхъ рабочихъ передвиженіе уменьшается даже до 4,5%.

При такихъ условіяхъ и съ такимъ выборомъ вербуются изъ деревень армія фабричныхъ рабочихъ, такъ она осѣдаетъ на фабрикѣ, порывая постепенно всякія связи съ родиной. Посмотримъ теперь, какъ отражается вліяніе фабрики на земледѣльческомъ хозяйствѣ ея рабочихъ.

Положеніе земледѣльческаго хозяйства во владимірской деревнѣ, благодаря широкому развитію отхожей промысловой дѣя-

*) По Струнинской фабрикѣ.

**) По Струнинской фабрикѣ.

тельности, вырывающей изъ деревни цѣлую половину взрослою мужского населенія, давно уже отличалось большой неустойчивостью, а за послѣднее время, судя по нѣкоторымъ признакамъ (возрастаніе $\%$ безлошадныхъ дворовъ за рядъ лѣтъ по конскимъ переписямъ, усиливающаяся запускаемость пашни, паденіе кустарныхъ промысловъ и замѣна ихъ отходомъ), это ослабленіе интереса къ землѣ принимаетъ еще болѣе рѣзкія очертанія. Уже одинъ процентъ безлошадныхъ крестьянскихъ дворовъ—40 $\%$ по 7 уѣздамъ Владимирской губерніи—достаточно тому доказательство. Вовлекаясь все болѣе и болѣе въ круговоротъ промышленной жизни, владимирскій крестьянинъ начинаетъ видимо обособляться на отдѣльныя группы: одни совсѣмъ почти бросаютъ земельное хозяйство и даже выселяются изъ деревни, другіе, напротивъ, крѣпко еще держатся земли и округляютъ свои надѣлы насчетъ уходящихъ сосѣдей. Фабрика играетъ видную роль въ этой эволюціи крестьянскаго хозяйства и рѣшительнѣе и рѣзче другихъ промысловъ накладываетъ на своихъ рабочихъ печать отчужденія отъ деревни. Тотъ переворотъ во всѣхъ деревенскихъ „устояхъ“, понятіяхъ и привычкахъ, который такъ ярко бросается въ глаза всякому наблюдателю, не выдавшему раньше центральной промышленной деревни, въ значительной своей долѣ обязанъ этой новой формѣ промышленности—фабрикѣ.

Ни одинъ промыселъ не накладываетъ столь тяжелой, желѣзной руки на волю и образъ жизни промышленника, какъ фабрика. Фабрика требуетъ непрерывной работы круглый годъ и добивается своимъ сравнительно съ другими промыслами приличнымъ заработкомъ того, что рабочіе почти совсѣмъ пренебрегаютъ своимъ земельнымъ хозяйствомъ въ деревнѣ: уходятъ на полевые работы всего 7 $\%$ рабочихъ, да и изъ нихъ болѣе $\frac{1}{3}$ (34,8 $\%$) только до 2 недѣль. На большихъ Морозовскихъ фабрикахъ въ Орѣховѣ, гдѣ заработокъ стоитъ вообще выше другихъ, ухода лѣтомъ въ деревню, по словамъ управляющаго, почти совсѣмъ не существуетъ. Ни одинъ отхожіи промыселъ не отрываетъ рабочего отъ земли такъ рѣшительно, какъ фабрика. Чуть не половина теперешнихъ рабочихъ (44 $\%$) совсѣмъ и не приучалась къ земледѣлію, съ дѣтства не бравъ въ руки ни сохи, ни косы, какъ бы отъ самаго своего рожденія предопредѣленна къ фабрикѣ. Изъ нихъ уже никогда не выйдетъ земледѣлецъ, и когда подъ старость они окажутся выброшенными за бортъ фабричной жизни, имъ уже трудно будетъ возвратиться въ деревню и тѣмъ болѣе—приняться за земледѣліе. Фабрика затягиваетъ крестьянина. „Легкая и прибыльная работа, говоритъ одинъ изъ корреспондентовъ губернской земской управы,—кому не понравится; мѣсяць прожилъ на фабрикѣ, хватъ 20—25 р. заработалъ, и даже женщины 15 р. легко зарабатываютъ въ мѣсяць, а выручить ли такую сумму крестьянинъ дома за сохою?—никогда!“ Разъ крестьянинъ ушелъ

на фабрику, онъ становится уже отрѣзаннымъ ломтемъ отъ деревни. Обезземеленіе фабричнаго рабочаго достигло огромныхъ размѣровъ. По 3 фабрикамъ (безъ Кольчугинскаго завода) только половина рабочихъ имѣетъ въ деревнѣ земельное хозяйство, другая половина совсѣмъ ликвидировала свои земельныя дѣла, не пашетъ, не сѣетъ, не жнетъ. Правда, безнадѣльныхъ рабочихъ числится только 38⁰/₀, но непосредственныхъ—всетаки половина: остальные 12⁰/₀ или сдаютъ всю свою землю въ аренду, или просто бросаютъ ее безъ всякой пользы. У трехъ слишкомъ тысячъ рабочихъ, имѣющихъ надѣлъ, у насъ зарегистрировано 93 случая пустыющей пашни. Это—только пустыющая цѣлкою, пустованье же отдѣльныхъ полосъ пашни мы совсѣмъ не записывали. Мѣстами забрасыванье пашни, валяющейся цѣлыми годами безъ всякой пользы, принимаетъ массовый характеръ. Особенно сильно это распространено въ Шуйскомъ уѣздѣ, гдѣ около фабрикъ поля представляютъ изъ себя пестрый коверъ чередующихся зеленыхъ посѣвовъ съ сѣрыми полосами необрабатываемой земли. Малая доходность скудной почвы, отсутствіе спроса на землю даже со стороны сосѣдей-хлѣбопашцевъ заставляеть ушедшихъ на фабрику рабочихъ такъ варварски обращаться съ своимъ земельнымъ имуществомъ. Мы лично видѣли, какъ неподалеку отъ Орѣхова-Зуева въ Покровскомъ уѣздѣ земля дошла до такого обезцѣненія, что душа посѣва сдается за *крынку молока* всякому желающему. Неудивительно, что постоянно приходилось слышать жалобы отъ фабричныхъ на то, что они не знаютъ, какъ отдѣлаться отъ земли. Чтобы выкупить и затѣмъ продать свою долю,—требуется согласіе общества, а общество никогда не даетъ его. Мало того, остающіеся въ деревнѣ односельчане всячески стараются прижать фабричныхъ. Въ Суздальскомъ уѣздѣ, въ округѣ Тейковской фабрики, намъ встрѣтился любопытный случай такого прижиманья. Крестьяне узнали, что есть такая статья закона, которая позволяетъ сельскому обществу, подъ видомъ попеченія объ общихъ интересахъ, воспрепятствовать отдѣльнымъ домохозяевамъ сдачу въ аренду своихъ душъ. Если земля окупаетъ лежащія на ней платежи, и фабричный, не желая возиться съ землею, захочетъ сдать свой надѣлъ кому-нибудь въ аренду, то общество противится этому и запрещаетъ. Если раздосадованный хозяинъ скажетъ: пусть же земля никому не достается,—и броситъ ее, то общество, подъ тѣмъ предлогомъ, что запускаемая пашня портитъ общественную землю, запрещаетъ и это, и отбираетъ эти души въ общую пользу, заставляя всетаки фабричнаго платить за землю всѣ повинности. Чтобы хоть сколько-нибудь облегчить себѣ этотъ платежъ, фабричные принуждены платить обществу 7—10 р. ежегодно за каждую душу надѣла, чтобы только оно сняло съ нихъ землю. И только съ этимъ ежегоднымъ и тягостнымъ налогомъ избавляются многіе отъ своей кормилицы земли.

Подобными затрудненіями развязаться съ своимъ надѣломъ и объясняется въ значительной долѣ тотъ излишекъ въ 12%, что указанъ нами между 50% беспосѣвныхъ и 38% безнадѣльныхъ фабричныхъ рабочихъ. Но этимъ и наличностью 60% безлошадныхъ и 50% безкоровныхъ хозяйствъ у фабричныхъ не ограничивается характеристика земельного положенія нашихъ рабочихъ. Хотя занимаются обработкой своей земли и 50%, но самостоятельно, силами одной своей семли, обходятся только 30% фабричныхъ рабочихъ. Не надо забывать, что все время мы говоримъ о семействахъ рабочихъ, а не о нихъ самихъ. Сами рабочіе прилагаютъ свои руки къ землѣ только какъ крайне рѣдкое исключеніе. Мы уже говорили, что уходятъ на полевые работы лишь 7% рабочихъ, да и изъ нихъ цѣлая треть—не больше, чѣмъ на 2 недѣли. Такъ что вполне самостоятельное положеніе земледѣлія можно указать лишь менѣе, чѣмъ у $\frac{1}{3}$ всѣхъ работающихъ теперь на нашихъ фабрикахъ людей. Характерно еще одно обстоятельство. Если мы посмотримъ на тѣ хозяйства, что остались у фабричныхъ, то мы увидимъ среди нихъ значительное преобладаніе болѣе или менѣе крупныхъ хозяйствъ. Такъ, большая половина (55,9%) всѣхъ имѣющихъ пашню рабочихъ (по Струнинской фабрикѣ) относится къ дворамъ съ 10 и болѣе десятинами земли, и болѣе $\frac{1}{3}$ изъ этихъ послѣднихъ владѣютъ надѣломъ свыше 20 дес. на дворъ. Точно также изъ всѣхъ, у кого въ деревнѣ есть лошадь, около $\frac{1}{3}$ (31,7%) имѣютъ по 2 и болѣе лошадей и почти $\frac{1}{2}$ (47,4%) держатъ по 2 и болѣе коровъ. Это, надо сказать, необычное явленіе для владимірской деревни, гдѣ на дворѣ обыкновенно лишь одна лошадь: только $\frac{1}{10}$ всѣхъ лошадныхъ дворовъ (по подворной переписи 7 уѣздовъ) имѣютъ двухъ и болѣе лошадей. Почти половина (49,8%) фабричныхъ рабочихъ не имѣетъ ни лошади, ни коровы, но за то другая половина обеспечена довольно богато рабочимъ скотомъ. Очевидно, отъ натиска промышленно-разрушительной волны фабричной жизни уплывають въ деревнѣ лишь наиболѣе крупныя земельныя хозяйства, мелкія же падаютъ и рушатся, приносясь въ жертву капиталистическимъ тенденціямъ времени. Есть и другое объясненіе указанному явленію. Сильное задерживающее вліяніе на разложеніе крестьянскаго хозяйства у фабричныхъ оказываетъ величина семьи. Если взять различныя по величинѣ семьи фабричныхъ, то мы увидимъ такую картину ихъ хозяйственнаго положенія въ деревнѣ (по 2 фабрикамъ, съ 1400 рабочихъ):

Въ семьяхъ съ числомъ членовъ:	На 100 всѣхъ рабочихъ.			На 100 надѣльныхъ рабочихъ.			
	безнадѣль-ныхъ.	безлошад-ныхъ.	безъ всяка-го скота.	ведутъ хо-зяйство.	земля пу-стуетъ.	сдають.	Изъ 100 всѣхъ раб. ведутъ хоз.
4 и менѣе	40,9	93,0	79,7	32,7	2,4	64,9	19,3
5—6	22,6	77,7	47,5	62,0	2,9	35,1	48,0
7 и болѣе	8,8	39,3	14,6	90,1	0,6	9,3	82,1

Чѣмъ больше семья рабочаго, тѣмъ больше его связь съ деревней и землей. Малосемейнымъ рабочимъ, понятно, легче сдвинуться съ мѣста и уйти совсѣмъ на фабрику. Мы уже говорили, что среди переселившихся и обосновавшихся на фабрикахъ рабочихъ преобладаютъ малосемейные люди. Прокормить на фабрикѣ лишніе рты гораздо труднѣе, чѣмъ въ деревнѣ, гдѣ и не способныя къ фабричной работѣ руки стариковъ могутъ найти себѣ приложеніе въ земледѣльческомъ трудѣ.

Среди семей съ 7 и болѣе членами мы видимъ чрезвычайно малое количество безхозяйныхъ дворовъ, втрое и впятеро меньшее, чѣмъ у малосемейныхъ. Если среди малосемейныхъ рабочихъ только 19,3% ведутъ земледѣльческое хозяйство, а среди многосемейныхъ—82,1 (всѣ три группы содержатъ почти равное число рабочихъ), то ясно, что та половина рабочихъ, у которыхъ еще сохранилась непосредственная земельная связь съ деревней, принадлежитъ главнымъ образомъ къ многосемейнымъ дворамъ. Большая семья связываетъ свободу передвиженія и заставляетъ рабочаго держаться деревни и потому поддерживать земледѣльческое хозяйство. Низшая по численности семейства группа рабочихъ обнаруживаетъ почти полное банкротство земельного хозяйства: 93% безлошадныхъ, 79,7% безъ всякаго скота. Надо замѣтить, что фабрика сама по себѣ оказываетъ разлагающее вліяніе на старыя, деревенскія патріархальныя семьи. Наши корреспонденты изъ промышленныхъ уголковъ губерніи постоянно жалуются на современную вольность молодежи, не желающей жить вмѣстѣ съ стариками; одинъ священникъ жалуется на то, что фабричныя „отказываются жениться въ 19, 20 и 21 годъ“. Если, дѣйствительно, дробленіе старыхъ большихъ семей подъ напоромъ новыхъ условій промышленной жизни будетъ съ теченіемъ времени прогрессировать, то должно идти впередъ и отчужденіе фабричнаго рабочаго отъ деревни.

Мы наблюдали постепенную ликвидацію земельного хозяйства у нашихъ фабричныхъ рабочихъ: отсутствіе скота, рабочихъ рукъ для обработки земли, сдача въ аренду своихъ надѣловъ, запусканіе пашни, добровольная повинность „миру“ въ 7—10 руб. за „душу“, лишь бы только отдѣлаться отъ всѣхъ тягостей, связанныхъ съ владѣніемъ землей, и въ концѣ этой длинной цѣпи раз-

ныхъ признаковъ упадка земледѣльческихъ интересовъ среди фабричныхъ — окончательное выселеніе рабочаго изъ деревни на фабрику. Тотъ, кто ушелъ со всѣмъ своимъ семействомъ на фабрику, почти ничего не оставляетъ въ деревнѣ. Вотъ что мы видимъ по Струнинской фабрикѣ (съ 4 тыс. рабочихъ):

	‰ безнадѣль- ныхъ семей- ствъ.	‰ безлошад- ныхъ семей- ствъ.	‰ семействъ безъ всякаго скота.	Изъ тѣхъ, у кого есть на- дѣль, числит- ся ведущихъ зем. хозяйст. (въ ‰/‰/‰).
У выселившихся изъ деревни	82,5	90,1	88,0	49,0
У не выселившихся	4,7	20,4	10,8	93,3

Т. е. у тѣхъ, что выселились, почти совсѣмъ нѣтъ земельного хозяйства. Съ другой стороны, нельзя не видѣть изъ этой таблички подтвержденія приведеннымъ выше разсужденіямъ о томъ, что у рабочихъ уцѣлѣваютъ въ деревнѣ только наиболѣе крупныя земельныя хозяйства: за это говоритъ незначительный процентъ семей безнадѣльныхъ, безлошадныхъ и безъ всякаго скота. Въ среднемъ по 7 уѣздамъ Владимірской губерніи ‰ безлошадныхъ дворовъ равенъ 40, здѣсь же—только 10, да это и понятно, если остаются только крупныя хозяйства.

Такъ раскалываются слои фабричной рабочей массы: одни совсѣмъ бросаютъ земельное деревенское хозяйство и уходятъ на фабрику всѣмъ своимъ домою, другіе еще держатся земли, и держатся прочно.

Тотъ средній типъ полуземледѣльческаго, полупромышленнаго крестьянскаго двора, что мы видимъ въ общемъ итогѣ по Владимірской губерніи (40% безлошадныхъ дворовъ и пр.), почти отсутствуетъ среди фабричныхъ рабочихъ. Они или совершенно поканчиваютъ всякіе счеты съ землей и даже деревней, или, если хозяйство въ деревнѣ у нихъ остается, то оно крупнаго размѣра. Надо признать, что это не особенно благоприятный признакъ для земледѣльческо-хозяйственнаго положенія нашего фабричнаго рабочаго. Въ фактъ исчезновенія въ фабрично-рабочей средѣ средняго и мелкаго земледѣльческаго хозяйства можно видѣть слѣдствіе упорной и успѣшной борьбы фабрики съ деревней, борьбы, успѣвшей вырвать наиболѣе слабые элементы, но остановившейся предъ наиболѣе крупными.

II.

Грамотность и продуктивность труда *).

Вліяніе образованія на производительность труда не для кого не подлежить сомнѣнію, и не объ этомъ рѣчь въ настоящей замѣткѣ. Намъ хотѣлось бы, пользуясь результатами статистическихъ изслѣдованій во Владимірской губерніи, теперь приближающихся уже къ концу, имѣя въ рукахъ интересныя данныя спеціальной фабричной переписи и руководствуясь, наконецъ, достаточноымъ запасомъ личныхъ впечатлѣній, вынесенныхъ изъ трехлѣтнихъ развѣздовъ по деревнямъ упомянутой центрально-промышленной губерніи, нарисовать картину того, насколько вопросъ о всеобщей грамотности сталъ насущнымъ вопросомъ нашей деревни, насколько даже такое элементарное начало всякаго образованія, какъ простая выучка читать и писать (что только и дается въ нашей сельской школѣ), можетъ служить могучимъ орудіемъ въ рукахъ промыслового крестьянства для достиженія лучшаго заработка, и лучшихъ, привелегированныхъ мѣстъ на аренѣ промысловой дѣятельности. Простая, элементарная грамотность въ простой, чисто физической, черной работѣ даетъ ясно осязаемое преимущество рабочему люду и выражается прямо рублемъ въ увеличеніи его скуднаго бюджета. Вотъ это то положеніе, достаточно, впрочемъ, извѣстное, и хотѣлось бы намъ еще лишній разъ подчеркнуть, но не общими разсужденіями, а конкретными, точными цифровыми данными.

Крестьянское населеніе Владимірской губерніи, по крайней мѣрѣ сѣверной ея части, составлявшей древній суздальскій край, выступило на путь промысловой дѣятельности еще въ глубокой старинѣ. Въ XIV—XV вѣкѣ мы видимъ уже здѣсь слѣды широкаго распространенія промысловаго домашняго ткачества; отходъ въ каменщики и по торговымъ дѣламъ констатируется по стариннымъ документамъ еще раньше, въ XIII столѣтіи. Преобразовательная дѣятельность Петра I по насажденію въ Россіи ремеслъ и промысловъ застала въ здѣшнемъ краю настолько уже высокой уровень промышленности, что промышленность эта послужила даже примѣромъ въ одномъ изъ указовъ великаго преобразователя: „какъ промышленяють льномъ въ Псковѣ и *Вязникахъ*“. И вотъ, вмѣстѣ съ развитіемъ промысловой дѣятельности, мы видимъ и развитіе грамотности въ этомъ любопытномъ краѣ. Челобитныя и другія старинныя акты самаго начала XVII столѣтія даютъ намъ несомнѣныя указанія на это. По указу царя Василя Ивановича при из-

*) Изъ доклада, читаннаго на III сѣздѣ дѣятелей по техническому профессиональному образованію.

браніи земскихъ судей избиратели должны прилагать при приговорахъ свои руки. Въ разныхъ приговорахъ, относящихся къ этой эпохѣ, мы встрѣчаемъ то 20, то 40 собственноручныхъ подписей простыхъ посадскихъ людей. Большой знатокъ мѣстныхъ старинныхъ актовъ, В. Борисовъ говоритъ, что изъ числа шуйскихъ земскихъ старостъ XVII столѣтія почти не встрѣчается безграмотныхъ *), что многія подписи простыхъ посадскихъ людей г. Шуи „достойны замѣчанія по всей красотѣ и бойкости“. Когда Петръ I разослалъ по городамъ указы о вызовѣ дѣтей посадскихъ людей въ Москву въ цифирную школу, то шуяне отвѣчали просьбой освободить ихъ отъ этого, приводя то соображеніе, что дѣти ихъ „и такъ обучаются издѣтства по купеческому состоянію къ торговымъ промысламъ... равно и вышеописанной наукѣ (т. е. цифири и нѣкоторой части геометріи) обучаются *собою* многіе“. Такъ росло *само собою* вмѣстѣ съ развитіемъ промышленной дѣятельности и развитіе грамотности во владимірскомъ краѣ, и невольно является скептическій вопросъ о томъ, далеко ли еще ушла настоящая грамотность, когда на пути ея развитія явились постороннія вліянія, сравнительно съ тѣмъ, что было 200 и болѣе лѣтъ тому назадъ.

Сознательное отношеніе къ грамотности со стороны крестьянъ проявляется въ настоящее время настолько сильно, потребность въ грамотности такъ велика, что она съ стихійной силой перешагиваетъ черезъ всѣ преграды, встрѣчающіяся на ея пути; тамъ, гдѣ нѣтъ оффиціальной школы, вырастаютъ частныя: отставные солдаты, убогіе мужички, старушки-бобылки и т. п. по мѣрѣ силъ своихъ и разуму трудятся надъ насажденіемъ въ глухихъ деревняхъ свѣта просвѣщенія. Всякій уголокъ губерніи, обдѣленный школою (гдѣ до школы не меньше 6 — 7 верстѣ), обзаводится своимъ собственнымъ „учителемъ“. Выработалась даже система бродячихъ учителей, переходящихъ каждый годъ изъ деревни въ деревню, и каждую недѣлю изъ избы въ избу, какъ то дѣлаютъ пастухи; мѣръ ихъ кормить, даетъ пріютъ и даже одѣваетъ, какъ пастуховъ. Просматривая статистическіе сборники Владимірской губерніи, невольно поражается тѣмъ процентомъ грамотныхъ крестьянъ, что выучились грамотѣ въ школахъ, дома: 52,7%. Только этимъ коррективомъ, вводимымъ самими крестьянами въ дѣло постановки школьнаго вопроса, и поднимается еще % грамотныхъ въ здѣшней губерніи. Промышленная жизнь, требующая наиболѣе способныхъ и культурныхъ рабочихъ изъ крестьянской среды, производитъ известнаго рода отборъ грамотныхъ людей изъ этой массы. Если мы возьмемъ

*) Намъ невольно приходитъ на умъ опубликованный въ газетахъ годъ или два тому назадъ фактъ безграмотности *городскою головою* въ одномъ изъ уѣздныхъ городковъ.

различнаго рода промыслы, то увидимъ, что въ наиболѣе оплачиваемыхъ, требующихъ наибольшей сообразительности и ловкости отъ рабочихъ, отбираются изъ деревни наиболѣе грамотные крестьяне. Вотъ массовыя цифры грамотности среди промышленниковъ по 7 уѣздамъ Владимірской губерніи.

Среди землекоповъ, чернорабочихъ и пр.—грамотныхъ	36,1%
„ пильщиковъ	42,1%
„ овчинниковъ, валяльщиковъ сапогъ и пр.	49,1%
„ портныхъ	56,8%
„ фабричныхъ	61,8%
„ кательщиковъ, слесарей и пр.	74,2%
„ торговцевъ, приказчиковъ	74,4%

Владимірскій крестьянинъ, сравнительно съ крестьянами другихъ губерній не промышленнаго характера, стоитъ по грамотности гораздо выше. И онъ уже пренебрегаетъ черными, тяжелыми работами, ему доступны промыслы, гдѣ требуется болѣе искусный, болѣе квалифицированный трудъ. Раньше, напр., изъ Гороховецкаго уѣзда выходило много землекоповъ, теперь этотъ промыселъ сильно собрался и замѣнился другими, болѣе легкими и чистыми. Мало того, даже въ своемъ уѣздѣ или по сосѣдству гороховецкій крестьянинъ уже не хочетъ работать въ землекопахъ, и подрядчики принуждены выписывать сюда на линіи желѣзныхъ дорогъ рабочихъ издалека: изъ сѣверныхъ губерній или изъ Смоленской и пр. Въ Шуйскомъ и Покровскомъ уѣздахъ добывается много торфа, но здѣшніе крестьяне, у которыхъ болото подъ бокомъ, не хотятъ работать: „Станемъ мы стоять весь день по поясъ въ водѣ да въ грязи!“, и хозяева принуждены съ большими хлопотами выписывать рабочихъ изъ Курской и другихъ губерній. Странно сказать, даже для выработки торфа на своихъ болотахъ и для собственнаго употребленія покровскіе крестьяне нанимаютъ стороннихъ крестьянъ, приходящихъ изъ черноземныхъ губерній. На мѣстныхъ фабрикахъ владимірскій крестьянинъ занимаетъ всѣ наиболѣе выгодныя занятія, а дальніе рабочіе—изъ Смоленской, Тамбовской и др. губерній—находятъ себѣ мѣсто преимущественно въ низшихъ, плохо оплачиваемыхъ профессіяхъ: чернорабочихъ, сторожей и пр.

Грамотность предопредѣляетъ собою въ извѣстной степени промышленное положеніе крестьянина, производитъ естественный отборъ изъ среды крестьянской массы. Наиболѣе грамотные элементы деревни идутъ на промыслы, гдѣ требуется наибольшее развитіе, сообразительность, ловкость. Даже одинъ и тотъ же промыселъ, какъ фабричный, въ разныхъ своихъ спеціальностяхъ относится иначе къ грамотности рабочихъ: среди нашей категоріи фабричныхъ—чернорабочихъ, сторожей и пр.—мы видимъ 46,5% грамотныхъ, среди ординарныхъ, среднихъ рабочихъ—уже 61,9% грамотныхъ, а среди высшей категоріи—слесарей, маши-

нистовъ и пр.—71,8%. Нечего говорить, что среди служащихъ на фабрикахъ—табельщиковъ, подмастерьевъ, смотрителей и пр.—процентъ грамотныхъ еще выше—85,7 *).

Итакъ, грамотность безусловно несетъ съ собою несомнѣнныя выгоды и преимущества для промышленнаго владимірскаго крестьянина. Но является вопросъ, будетъ ли это такъ, когда всѣ станутъ грамотны, когда поднимется вообще образовательный уровень крестьянства? Если теперь грамотный имѣетъ преимущество передъ неграмотнымъ, то при всеобщей грамотности это различіе исчезнетъ, и, быть можетъ, грамотность уже ничего не дастъ крестьянину. Выступаетъ вопросъ о томъ, что вообще даетъ грамотность для промышленности, каковы ея абсолютныя, а не только сравнительныя послѣдствія для промысловаго труда.

И у насъ имѣются точныя данныя изъ специальной фабричной переписи о 8 тысячахъ рабочихъ, гдѣ можно сопоставить размѣръ заработка рабочаго съ степенью его грамотности **). Отбрасывая низшую (чернорабочихъ, сторожей и пр.) и высшую (подмастерьевъ, табельщиковъ и пр.) категоріи рабочихъ, беря только среднихъ, ординарныхъ фабричныхъ рабочихъ и раздѣливъ ихъ предварительно на двѣ группы: болѣе доходныя профессіи и менѣе доходныя,—мы видимъ безусловную зависимость высоты заработка отъ грамотности рабочихъ. При мѣсячномъ заработкѣ въ 10—20 рублей грамотный рабочій получаетъ болѣе своего безграмотнаго сосѣда въ среднемъ на 1—2 рубля.

Превышеніе (+) или уменьшеніе (—) мѣсячнаго заработка грамотныхъ рабочихъ противъ неграмотныхъ (въ рубляхъ) для каждой отдѣльной группы рабочихъ (по продолжительности ихъ пребыванія на фабрикѣ) можно видѣть изъ слѣдующей таблички:

*) Эта разница въ процентѣ грамотныхъ не нарушается, если мы раздѣлимъ каждую категорію рабочихъ на нѣсколько группъ по возрастному составу, слѣдовательно, она не зависитъ отъ возрастнаго состава рабочихъ той или другой категоріи.

**) Заработокъ выведенъ по расчетнымъ книжкамъ рабочаго въ среднемъ за три мѣсяца, а для одной фабрики съ 4 тыс. рабочихъ даже за цѣлый послѣдній годъ. Чтобъ устранить вліяніе на повышение заработка другихъ причинъ, кромѣ грамотности, нами были приняты слѣдующія мѣры: 1) кромѣ раздѣленія рабочихъ по полу они были раздѣлены на группы по извѣстнымъ отдѣльнымъ профессіямъ, чтобы высота заработка въ нѣкоторыхъ, особо высоко оплачиваемыхъ профессіяхъ, не могла повліять на увеличеніе средняго заработка грамотныхъ; 2) откинувъ малолѣтнихъ рабочихъ (до 15 лѣтъ), мы раздѣлили остальныхъ опять на нѣсколько группъ, чтобы устранить на повышение заработка вліяніе опытности рабочаго: черезъ 20—30 лѣтъ рабочій научается зарабатывать на одной и той же работѣ почти вдвое больше, чѣмъ при своемъ поступленіи.

Группы рабочих по продолжительности, пребывания их на фабриках:	Рабочие на менѣе доходныхъ профессіяхъ.	Рабочие на болѣе доходныхъ занятіяхъ.
до 1 года.	— 2,32	+ 0,3
отъ 1 — 2 лѣтъ	+ 0,08	— 2,42
„ 2 — 4 „	+ 1,0	— 0,98
„ 5 — 9 „	+ 1,64	+ 0,03
„ 10 — 19 „	+ 4,29	+ 0,91
„ 20 — 29 „	+ 3,20	+ 1,59
„ 30 — 35 „	+ 3,42	+ 1,35
36 лѣтъ и болѣе.	+ 2,58	+ 2,05

Изъ 16 случаевъ сопоставленія только въ трехъ получилось превышеніе заработка у неграмотныхъ надъ грамотными,—и всѣ они относятся къ рабочимъ-новичкамъ. Въ остальныхъ 13-ти случаяхъ грамотные вездѣ зарабатываютъ больше неграмотныхъ. Чѣмъ дольше работаетъ грамотный рабочій на фабрикѣ, тѣмъ больше становится его преимущество передъ неграмотнымъ сосѣдомъ. Въ началѣ своей карьеры онъ только научается пользоваться преимуществами своего болѣе развитого ума. За первые четыре года мы не видимъ у фабричнаго рабочаго особенныхъ преимуществъ отъ грамотности (3 случая за и 3—противъ). Но за то, начиная съ 5-лѣтняго пребыванія на фабрикѣ уже нѣтъ ни одного случая, чтобы неграмотный рабочій зарабатывалъ столько же или больше, чѣмъ грамотный: первые 5—10 лѣтъ превышеніе заработка грамотнаго фабричнаго рабочаго не превышаетъ 1—2 рублей въ мѣс., но потомъ этотъ излишекъ поднимается до 3 и 4-хъ рублей. Надо сказать, что огромное большинство взятыхъ нами рабочихъ получаютъ сдѣльную плату, такъ что высота ихъ заработка опредѣляется исключительно продуктивностью ихъ труда. Начиная работать на фабрикѣ при равныхъ условіяхъ, грамотный и неграмотный рабочіе продолжаютъ свой трудъ далеко не съ одинаковымъ успѣхомъ. Въ первые годы происходитъ нѣкоторое колебаніе: грамотный получаетъ то больше, то меньше неграмотнаго; но за то потомъ могучее орудіе человѣческаго разума—образованіе—заявляетъ себя въ борьбѣ съ невѣжествомъ блестяще: съ 9—10-ти рублеваго мѣсячнаго заработка въ категоріи менѣе доходныхъ работъ грамотный добивается повышенія до 19—20 рублей черезъ 10—19 лѣтъ, тогда какъ неграмотный научается зарабатывать столько же только къ концу своей карьеры—черезъ 36 лѣтъ; 15-ти рублей заработка грамотный добивается черезъ 5—9 лѣтъ, неграмотный же только черезъ 10—19 лѣтъ. Такова сила просвѣщенія, если самая низшая стадія его—простая выучка читать и писать—даетъ въ руки рабочаго такое могучее орудіе успѣха, которое ставитъ его цѣлою головою выше неграмотнаго, рядомъ съ нимъ стоящаго рабочаго, своего же брата односельчанина, и на всю жизнь обезпечиваетъ за нимъ повыше-

ный заработокъ отъ 1—4 рублей въ мѣсяцъ—цѣлый кладъ при крайне скудномъ бюджетѣ нашего рабочаго!

Если прослѣдить годъ за годомъ тотъ излишекъ, что получаетъ грамотный рабочій передъ неграмотнымъ, то мы увидимъ, что за 35 лѣтъ работы на фабрикѣ неграмотный рабочій получить меньше своего грамотнаго сосѣда въ категоріи менѣ доходныхъ профессій на 1.240 рублей, въ другой категоріи—350 руб. Если взять среднее изъ этихъ цифръ (въ первую категорію вошло болѣе тысячи рабочихъ, въ другую—немного менѣ 2 тыс.), то выйдетъ, что неграмотный рабочій въ силу только своего несчастія быть безграмотнымъ лишается за свою трудовую жизнь цѣлаго капитала для бѣдняка—въ 750 р. Между тѣмъ, сосчитайте, сколько бы всего стоило обучить въ свое время грамотѣ этого бѣдняка. Теперь расходъ земства на 1 ученика въ сельской школѣ не превышаетъ нигдѣ 20 р. въ годъ *). Если положить столько же дополнительнаго расхода на учащагося со стороны родителей (на одежду, завтраки и т. п.), то и тогда трехлѣтнее пребываніе ученика въ школѣ опредѣлится суммою не выше 150 рублей. Всѣ расходы на обученіе грамотѣ окупаются въ послѣдствіи въ пять разъ!

Не станемъ подробно останавливаться на другихъ категоріяхъ фабричныхъ рабочихъ, такъ какъ по численности своей онѣ довольно незначительны и строить какіе-либо выводы на нѣсколькихъ сотняхъ рабочихъ въ каждой категоріи довольно рискованно. Скажемъ только, что и тамъ мы вездѣ наблюдаемъ то же повышеніе заработка у грамотныхъ передъ неграмотными. Въ высшей категоріи фабричныхъ рабочихъ — у слесарей, машинистовъ и пр. — неграмотный рабочій за свою 35-лѣтнюю практику на фабрикѣ не дополучаетъ противъ своего грамотнаго сосѣда—2900 рублей; въ низшей же категоріи—у чернорабочихъ, сторожей и пр.—360 рублей. Не станемъ останавливаться также на сопоставленіи заработка женщинъ и фабричныхъ съ ихъ грамотностью, такъ какъ опять пришлось бы оперировать съ недостаточно большими числами: хотя у насъ имѣется и слишкомъ 2 тысячи женщинъ-фабричныхъ, но бѣда въ томъ, что грамотность среди нихъ крайне слаба—въ среднемъ грамотныхъ всего $15\frac{1}{2}\%$. Всегаки можно замѣтить, что изъ 7 группъ по продолжительности пребыванія на фабрикѣ — только въ первыхъ двухъ (до 2 лѣтъ) получился *минусъ*, въ остальныхъ пяти—вездѣ грамотная фабричная работница получаетъ больше неграмотной: за 35-лѣтнее пребываніе эта разница достигаетъ до 300 рубл. на одну работницу.

*) Въ Олонекской губ.—19,1 рубл., въ Тульской—15,3 р., въ Вятской—14,1 и т. д. въ нисходящемъ порядкѣ (По даннымъ Ярославской школьной комиссіи).

Мы далеки от мысли придавать всё выведенным нами цифрам абсолютное, точно-определенное значение. Вполнѣ точно учесть то, что теряет неграмотный рабочий от своей неграмотности, невозможно. На высоту его заработка могут вліять и другія причины, кромѣ грамотности. Въ цѣляхъ нашей задачи было только сдѣлать все возможное, чтобы очистить вліяніе этихъ постороннихъ, привходящихъ причинъ и оставить только одно вліяніе на высоту заработка фабричнаго рабочаго—вліяніе грамотности. Достаточно массовой характеръ данныхъ и указанные нами приемы разработки ихъ даютъ достаточно гарантій за то. Но придавать точно-определенное значение выведеннымъ цифрамъ всетаки нельзя, онѣ имѣютъ лишь относительный, сравнительный характеръ. Другое изслѣдованіе и другія данныя дадутъ иныя цифры, но у насъ нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что общій характеръ и смыслъ этихъ цифръ будетъ такой же: грамотный рабочий всегда будетъ получать больше неграмотнаго.

Мы уже упоминали о томъ, что, кромѣ непосредственнаго превосходства въ продуктивности труда, грамотный рабочий имѣетъ передъ неграмотнымъ еще и другое преимущество: онъ перебиваетъ у него изобиліе доходныхъ, привилегированныхъ мѣстъ: грамотные крестьяне заполняютъ собою почти сплошь (до 85%) высшія фабричныя профессіи, оставляя на долю неграмотныхъ такія занятія, какъ чернорабочихъ, сторожей и пр. Но если мы даже пренебрежемъ этимъ преимуществомъ грамотныхъ рабочихъ и возьмемъ только тотъ излишекъ въ продуктивности труда, что наблюдается у рабочихъ въ однѣхъ и тѣхъ же профессіяхъ, то и тогда потери неграмотныхъ выразятся въ изумительныхъ цифрахъ. Взявши заработки грамотныхъ и неграмотныхъ рабочихъ въ однѣхъ среднихъ, ординарныхъ профессіяхъ и сопоставивши ихъ съ заработками неграмотныхъ рабочихъ, мы получаемъ, что изъ всѣхъ 9¹/₂ тыс. описанныхъ нами на 4 фабрикахъ рабочихъ неграмотная половина потеряетъ въ годъ отъ своей неграмотности до 50 тыс. рублей. Во всей Владимірской губерніи насчитывается свыше 160 тыс. фабрично-заводскихъ рабочихъ; слѣдовательно, во Владимірской губерніи неграмотные рабочіе фабрично-заводской промышленности теряютъ въ своей заработной платѣ сравнительно съ грамотными рабочими до *одного милліона* рублей въ годъ! Какая огромная, непроизводительная, никому и ни для чего не нужная потеря! Вредитъ она и грамотной половинѣ рабочихъ, потому что непроизводительность труда неграмотнаго сосѣда какъ ни какъ, а задерживаетъ общій ходъ производства, наладываетъ печать невѣжественной недоброкачества на продукты труда, выпускаемые фабрикой; вредитъ и фабриканту, такъ какъ непродуктивность труда рабочаго непосредственно отзывается на его карманѣ: на двухъ рядомъ стоящихъ станкахъ одно и то же количество товара грамотный ра-

бочій вырабатываетъ въ 4 дня, а неграмотный въ 5 (англійскій рабочій, получающій вдвое и втрое больше, чѣмъ у насъ, все-таки выгоднѣе для фабрики, чѣмъ нашъ неповоротливый и недогадливый рабочій); чистѣйшій вредъ представляетъ собою эта потеря и для всего общества, какъ бессмысленная и бесполезная трата производительной человѣческой силы.

Любопытно, что въ настоящее время губернское и уѣздныя земства Владимірской губерніи тратятъ на дѣло народнаго образованія до 650 тыс. рублей въ годъ, тогда какъ одни только фабричныя рабочіе, составляющіе лишь $\frac{1}{10}$ часть взрослога промысловаго населенія губерніи, теряютъ отъ своей безграмотности ежегодно по *милліону* рублей!

Нельзя сказать, чтобы сами наши капиталисты-фабриканты не сознавали совсѣмъ ненормальности того положенія дѣлъ, въ какомъ находится у насъ дѣло народнаго образованія. Намъ самимъ пришлось столкнуться съ однимъ любопытнымъ случаемъ покровительства грамотности и просвѣщенія со стороны администраціи одной фабрики. Дѣло было въ Суздальскомъ уѣздѣ, гдѣ мы изъ любопытства осматривали прядильно-ткацкую фабрику. Управляющій, котораго нельзя было упрекнуть въ слишкомъ идеалистическихъ и теоретическихъ взглядахъ на жизнь, такъ какъ онъ вышелъ изъ простой купеческой среды, рассказывая о порядкахъ на фабрикѣ, упомянулъ, между прочимъ, о томъ предпочтеніи, какое онъ оказываетъ грамотнымъ рабочимъ. При приѣмѣ, изъ двухъ подаваемыхъ паспортовъ, онъ беретъ тотъ, гдѣ есть отмѣтка о грамотности, и отбрасываетъ, гдѣ упомянуто о неграмотности. Грамотный крестьянинъ, побывавшій въ школѣ,—говоритъ онъ,—выгоденъ въ томъ отношеніи, что онъ, какъ дознано по долготѣнному опыту, какъ только становится за станокъ, сейчасъ же начинаетъ интересоваться его устройствомъ. Слѣдствіемъ этого является то, что такой рабочій научается вскорѣ не только разбираться въ общемъ строѣ работы, но можетъ и самостоятельно поправить и пустить станокъ въ ходъ, если онъ почему-либо станеть. Обыкновенно другіе въ такомъ случаѣ ждутъ помощи со стороны подмастерья; который наблюдаетъ за 50—60 ткачами, теряютъ время и увеличиваютъ расходы по надзору. Осматривая различныя операціи на фабрикѣ, мы остановились передъ ремизниками: двое подростковъ—одинъ по одну сторону „берда“, другой по другую—пропускаютъ сквозь зубья берда нитки основы. Работа кипитъ, и успѣшность ея зависитъ отъ совмѣстной дружной энергіи обоихъ рабочихъ. „Вотъ посмотрите,—сказалъ управляющій,—если они темны, безграмотны, то постоянно ссорятся: одинъ ударитъ другого, и въ результатѣ—судебное разбирательство въ конторѣ. Нѣтъ, побывавшій въ школѣ рабочій куда лучше!“ Свой взглядъ на значеніе и пользу грамотности онъ проводитъ и дальше: позволяетъ ткачамъ читать книги и газеты за работой. Для этого

даже нарочно сдѣлана между станками лавочка, чтобы рабочіи могъ сидѣть и читать. Правда, на другихъ фабрикахъ намъ не приходилось наблюдать такого предпочтенія и покровительства грамотности, но характеренъ и этотъ случай, какъ примѣръ не только глухого недовольства на безграмотность той среды, откуда набираются рабочіе, но и дѣятельнаго, активнаго вмѣшательства въ дѣло подъема грамотности своего рабочаго.

Всѣмъ сказаннымъ мы подчеркиваемъ ту настоятельную необходимость всеобщаго обученія, нужда въ которомъ сдѣлалась большимъ мѣстомъ нашей промышленности. Напомнимъ, что III съѣздъ дѣятелей по техническому и профессиональному образованію въ Россіи выразилъ это положеніе не въ одномъ только постановленіи по настоящему докладу, но и въ цѣломъ рядѣ постановленій по другимъ вопросамъ. Къ чему бы мы ни приступили, къ какой бы отрасли производства мы ни подошли, вездѣ и всегда мы сталкиваемся съ невѣжествомъ и косностью нашего рабочаго, служащими главнымъ тормазомъ всякаго живого дѣла. Крупная промышленность въ своемъ постепенномъ ходѣ все болѣе и болѣе стремится къ тому, чтобы отдѣлать чисто механическую работу отъ работы умственной: первую она старается возложить всецѣло на желѣзныхъ рабовъ—на машины, а человека-рабочаго все болѣе и болѣе ставитъ лишь руководителемъ этихъ механическихъ двигателей. Понятно, что чѣмъ дальше по пути прогресса пойдетъ развитіе крупной промышленности, тѣмъ все болѣе и болѣе будетъ требоваться отъ рабочаго не мускульная, а интеллектуальная, умственная сила. Настоящее положеніе техники крупнаго производства настоятельно требуетъ введенія у насъ всеобщаго обученія, сдѣлавшагося уже десятки лѣтъ всеобщимъ достояніемъ западно-европейскихъ народовъ.

Алексѣй Смирновъ.

„Русскія женщины“ Некрасова въ новомъ освѣщеніи.

Не часто изслѣдователь литературы и общественности получаетъ столь цѣнный даръ, какъ изданныя на дняхъ „Записки княги М. Н. Волковской“. Долго хранились въ семейномъ архивѣ эти воспоминанія, предназначенныя авторомъ лишь для тѣснаго круга семьи, и лишь сознаніе ихъ историческаго значенія, перебивающаго всякія личныя соображенія, заставило сына автора нарушить его запретъ и предать гласности воспоминанія, общественная, научная и литературная цѣнность которыхъ рано или

поздно должна была изъять ихъ изъ частныхъ рукъ и сдѣлать общественнымъ достояніемъ.

Матеріалы по исторіи декабристовъ не многочисленны и мало доступны: тѣмъ цѣннѣе эти безконечно искренніе рассказы свидѣтеля, не принимавшаго участія въ заговорѣ, но затѣмъ раздѣлившаго не только трагическую участь осужденныхъ, но также ихъ общественныя убѣжденія. Увлечательная и сильная въ своей непритязательной простотѣ, эта книга будетъ не только историческимъ матеріаломъ, цѣннымъ лишь въ рукахъ историка; столь же, если не болѣе значительной, представляется намъ иная ея роль: прямо перейдя въ руки русскаго читателя, она займетъ видное мѣсто въ популярной литературѣ воспоминаній и будетъ дѣлать свое хорошее воспитательное дѣло. До сихъ поръ княгиня Волконская была одною изъ любимыхъ героинь русскаго читателя: теперь она станетъ одною изъ его любимыхъ писательницъ.

Но особенный интересъ представляютъ „Записки“ княгини М. Н. Волконской для историка русской литературы, для критики Некрасова: вѣдь предъ нами тѣ самые мемуары, которые въ поэтическомъ воспроизведеніи знакомы всѣмъ намъ съ дѣтства, по „Русскимъ женщинамъ“. И этотъ интересный подлинникъ, самое существованіе котораго не является неожиданной новостью лишь для специалистовъ, даетъ новые и, можно сказать, драгоценные матеріалы для исправленія ряда критическихъ ошибокъ, для разрушенія многихъ предразсудковъ, связанныхъ съ „Русскими женщинами“ и—какъ лучший результатъ всего этого—для выясненія творческой и нравственной личности Некрасова.

Тайна поэтического созданія можетъ быть уяснена лишь посредствомъ опредѣленія тѣхъ матеріаловъ, изъ которыхъ творить поэтъ: это первый шагъ. Необычайно рѣдки и скудны данныя для этого анализа; поэты скупы на признанія, да и сами еле разбираются въ томъ, что стоитъ предъ ними, какъ ихъ готовое созданіе; изученіе черновыхъ рукописей—трудная работа, едва начатая; опредѣленіе источниковъ сюжета, образовъ, формъ—слишкомъ часто зависитъ отъ случайностей, отъ удачи. Приходится идти наугадъ, обращаться къ субъективнымъ сужденіямъ вкуса, къ неустойчивымъ доводамъ относительно внутренней послѣдовательности и законченности произведенія.

Такую работу критика пыталась произвести надъ „Русскими женщинами“ Некрасова; она опѣивала законность самого замысла поэмы и возможность различныхъ ея эпизодовъ. О томъ, что *ab esse ad posse valet consequentia*, что гдѣ то существуютъ подлинныя воспоминанія княгини М. Н. Волконской, что они были знакомы Некрасову, и что „невѣроятные“ эпизоды, изображенные имъ, могли произойти, ибо происходили,—объ этомъ едва ли подозрѣвалъ кто либо изъ критиковъ. И вотъ, намъ посчастливилось быть свидѣтелями великолѣпнаго опыта, могущаго послу-

жить знаменательнымъ предостереженіемъ всѣмъ литературнымъ судьямъ: не такъ ужъ смѣло разсуждать о томъ, что могло и что не могло быть въ непредѣльномъ разнообразіи жизненной игры, не такъ ужъ полагаться на тонкую психологію, соображенія которой, конечно, были ближе создателю-поэту, чѣмъ его критикамъ.

Прежде всего измѣняется взглядъ на самую задачу Некрасова, а съ нимъ по необходимости долженъ измѣниться взглядъ на ея рѣшеніе и на тѣ приемы, съ которыми Некрасовъ приступилъ къ рѣшенію. Предполагалось, что Некрасовъ вздумалъ воссоздать судьбу княгини Волконской и для этого избралъ, по своимъ соображеніямъ, форму ея воспоминаній. Познакомившись по доступнымъ ему источникамъ съ ея жизнью, онъ сочинилъ эти воспоминанія, подставляя княгинѣ свои впечатлѣнія, опираясь на свои поэтическія — и политическія — соображенія, а больше всего на свою выдумку. Поэтому не только художественная и жизненная правда „Русскихъ женщинъ“ подлежитъ критикѣ: позволительно обсуждать и оцѣнивать съ точки зрѣнія внутренней цѣлесообразности самые факты, излагаемые Некрасовымъ, и въ случаѣ нужды просто подвергать ихъ сомнѣнію. Все это приемы въ примѣненіи къ свободному произведенію творческой фантазіи вполне законны, — и критика, полагавшая, что имѣетъ дѣло съ продуктомъ чистаго воображенія, была въ своемъ правѣ, когда подходила къ „Русскимъ женщинамъ“ съ такимъ критеріемъ и бралась при посредствѣ своихъ логическихъ и психологическихъ соображеній доказать, что тотъ или иной эпизодъ въ поэмѣ не естествененъ, не реаленъ, не могъ имѣть мѣста въ жизни, и т. д.

Формально критика была права, но по существу она промахнулась, можно сказать, позорно. Случайность раскрываетъ съ полною очевидностью ея промахи — и оставляетъ въ насъ неприятную мысль: какъ много, вѣрно, ходячихъ приговоровъ, для уличенія которыхъ въ неправдѣ не нашлось такой счастливой случайности. Блаженны оптимисты, вѣрящіе въ мистически неизбежное раскрытіе всякой неправды; людямъ, лишеннымъ этого неразложимаго сознанія, остается радоваться въ тѣхъ отдѣльныхъ случаяхъ, когда удается добыть осязаемые факты и ими побѣдить ошибку.

Итакъ, прежде всего, предположеніе, будто Некрасовъ „сочинилъ“ воспоминанія княгини Волконской, отнынѣ совершенно разрушено: поэтъ былъ знакомъ съ подлинными „Записками“ — и по нимъ писалъ вторую часть „Русскихъ женщинъ“. „Съ Некрасовымъ — рассказываетъ въ предисловіи издатель и сынъ автора „Записокъ“, князь М. С. Волконскій — я былъ знакомъ долгіе годы. Насъ сближала любовь моя къ поэзіи и частыя зимнія охоты, во время которыхъ мы много бесѣдовали, при чемъ я, однако же, обходилъ разговоры о сосланныхъ въ Сибирь, не

желая, чтобъ они проникнули несвоевременно въ печать... Разъ онъ, пріѣхавъ ко мнѣ, сказалъ, что пишетъ о моей матери, и просилъ меня дать ему ея „Записки“, о существованіи которыхъ ему было извѣстно; отъ этого я отказался наотрѣзъ, такъ какъ не сообщалъ до тѣхъ поръ этихъ „Записокъ“ никому, даже людамъ, мнѣ наиболѣе близкимъ. „Ну, такъ прочтите мнѣ ихъ“, сказалъ онъ мнѣ. Я отказался и отъ этого. Тогда онъ сталъ меня убѣждать, говоря, что данныхъ о княгинѣ Волконской у него гораздо меньше, чѣмъ было о княгинѣ Трубецкой, что образъ ея выйдетъ искаженнымъ, невѣрными явятся и факты, и что мнѣ первому это будетъ непріятно и тяжело, а опроверженіе будетъ для меня затруднительно. При этомъ онъ давалъ мнѣ слово принять всѣ мои замѣчанія и не выпускать поэмы безъ моего согласія на всѣ ея подробности. Я просилъ дать мнѣ нѣсколько дней на размышленіе, еще разъ перечелъ „Записки“ моей матери и, въ концѣ концовъ, согласился, не смотря на то, что мнѣ была крайне непріятна мысль о появленіи поэмы весьма интимнаго характера и основанной на разсказѣ, который въ то время я не предполагалъ предавать печати.

Некрасовъ по-французски не звалъ, по крайней мѣрѣ, настолько, чтобы понимать текстъ при чтеніи, и я долженъ былъ читать, перевода по-русски, при чемъ онъ дѣлалъ замѣтки карандашомъ въ принесенной имъ тетради“.

Такимъ образомъ, общіе контуры поэмы опредѣлились для Некрасова „Записками“; подъ ихъ вліяніемъ онъ избралъ форму воспоминаній, началъ повѣствованіе съ того же момента, каковымъ оно начато въ запискахъ, и разстался съ ними тамъ, гдѣ закончилъ свое произведеніе. Мы увидимъ ниже, какъ бережно онъ отнесся къ своему драгоценному оригиналу и какъ внимательно слѣдилъ за нимъ.

Всего этого не знала критика — и смѣло указала Некрасову рядъ промаховъ, пробѣловъ, психологическихъ невѣроятностей и логическихъ несообразностей, которыя неискренній, тенденціозный поэтъ внесъ въ свое произведеніе, то подъ вліяніемъ агитаціонныхъ соображеній, то по глубокому проваизму своего сочинительства, то просто по невѣжеству. „Некрасовъ, очевидно, задалъ себѣ эту высокую тему—писалъ Евгеній Марковъ въ „Голосѣ“—не потому, что она дѣйствительно проникала его трепетомъ сочувствія, не потому, что она наполняла его образами и мыслями, неудержимо стремившимися вылиться въ горячемъ словѣ, а потому же опять, что эта тема принципная, тема съ направленіемъ, тема зараженъ заказанныхъ эффектовъ. Мы имѣемъ право утверждать это по тому, какъ Некрасовъ разработалъ эту тему. Восторга, жара, искренности не спрячешь никуда. Они могутъ имѣть свои недостатки и ошибки, но они всегда будутъ видны ясно, какъ свѣча, горящая въ темнотѣ. И наоборотъ, когда

нѣтъ жара, нѣтъ искренности, ихъ не замѣнишь никакимъ ловкимъ суррогатомъ...“

Итакъ, не было „трепета сочувствія“, а была лишь „тема принципная, тема съ направлениемъ, тема заказанныхъ эффектовъ“. Ни Некрасовъ, ни „Русскія женщины“, ни русскіе читатели не нуждаются, конечно, въ опроверженіи этого подозрѣнія: оно было бы интересно, если бы было на чемъ нибудь основано. Но предисловіе издателя „Записокъ“ даетъ такое яркое представленіе о чувствахъ, которыя возбуждала въ Некрасовѣ судьба княгини Волконской, что утвержденіе подозрительнаго критика вызываетъ уже не доводы для спора съ нимъ, а одно негодование. „Въ три вечера—разсказываетъ князь М. С. Волконскій—чтеніе было закончено. Вспоминаю, какъ при этомъ Николай Алексѣвичъ по нѣскольку разъ въ вечеръ вскакивалъ и съ словами: „Довольно, не могу“ бѣжалъ къ камину, садился къ нему и, схватясь руками за голову, плакалъ, какъ ребенокъ. Тутъ я видѣлъ, насколько нашъ поэтъ жилъ нервами, и какое мѣсто они должны были занимать въ его творчествѣ“. Сцена свидѣтельствовала, конечно, не объ однихъ нервахъ—и, думается, отнынѣ ни одна характеристика Некрасова, какъ человѣка, не обойдется безъ упоминанія объ этомъ потрясающемъ впечатлѣніи, произведенномъ на „жестяго“, „холоднаго“ „поэта журнальныхъ мотивовъ“ спокойнымъ и тихо-скорбнымъ разсказомъ княгини Волконской. Но критикамъ было удобно не вѣрить Некрасову и его „сочиненной“ поэмѣ. „Ни одинъ изъ поразительныхъ эпизодовъ выбранной темы, — восклицалъ Евгеній Марковъ, — не былъ въ силахъ внушить поэту ни одного дѣйствительно живого слова, ни одной дѣйствительно художественной картины“. И нужно ли лучшее доказательство, чѣмъ тѣ противоестественныя нелѣпости, которыя Некрасовъ нагромоздилъ въ своей поэмѣ. Евгеній Марковъ даже безъ комментариевъ, но только съ подчеркивающимъ и молчаливо негодующимъ курсивомъ отмѣчаетъ рядъ мѣстъ въ поэмѣ, которыя должны показаться его читателямъ явнымъ абсурдомъ.

И мы добрались до какой то избы,
О завтрашнемъ утрѣ мечтаю;
Съ оконцемъ изъ слюды, низка безъ трубы,
Была наша хата такая,
Что я головою касалась стѣны,
А въ дверь упиралась ногами.

Не поражаетъ ли грубостью поддѣлки эта выдумка? Справимся въ первоисточникѣ Некрасова. „По окончаніи свиданія—пишетъ княгиня Волконская,—я пошла устроиться въ крестьянской избѣ, гдѣ помѣстилась Каташа (княгиня Трубецкая); она была до того тѣсна. что, когда я леглась на полу на своемъ матрасѣ, голова касалась стѣны, а ноги упирались въ дверь. Печь дымила, и ее

нельзя было топить, когда на дворѣ бывало вѣтрено; окна были безъ стеколъ, ихъ замѣняла слюда“.

Это одинъ эпизодъ изъ многихъ. Отмѣтимъ болѣе колоритные.

„Вѣрный всякому новому журнальному толчку, г. Некрасовъ въ настоящее время—говорилъ критикъ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей“—безъ сомнѣнія исповѣдуетъ идею, настойчиво проводимую г. Пыпинимъ и всею вообще петербургскою печатью—идею, по которой отъ писателя ничего болѣе не требуется, кромѣ *направленія*. Въ этомъ послѣднемъ отношеніи сюжетъ *Русскихъ женщинъ* оказался пригоднымъ—пригоднымъ, конечно, въ весьма условномъ смыслѣ, такъ какъ между общественнымъ движеніемъ двадцатыхъ годовъ и журнальными теченіями нашего времени нѣтъ ничего общаго. Остальное должны довершить нѣкоторыя придаточныя подробности, введенныя поэтомъ, очевидно, въ прямомъ разсчетѣ именно на журнальныя теченія нашихъ дней. Такъ, напримѣръ, въ Иркутскѣ губернаторъ убѣждаетъ княгиню Трубецкую отказаться отъ ея намѣренія и вернуться назадъ. Видя ея непреклонность, онъ грозитъ ей предстоящими ей ужасами, и, наконецъ, объявляетъ, что если она желаетъ ѣхать далѣе къ мужу, то должна подписать отреченіе отъ своихъ дворянскихъ и гражданскихъ правъ. Поэтъ заставляетъ княгиню отвѣтить на это слѣдующимъ образомъ:

У васъ съдая голова,
А вы еще дитя.
Вамъ наши кажутся права
Правами—не шутя.
Нѣтъ! Ими я не дорожу.
Возьмите ихъ скорѣй!
Гдѣ отреченье? Подпишу!
И живо—лошадей.

Все это кажется критику тенденціозной ложью. Посмотримъ, какова была правда.

Уже въ своихъ запискахъ д-ръ Бѣлоголовый остановился на этомъ эпизодѣ и, рассказавъ о содержаніи предписанія, полученнаго иркутскимъ губернаторомъ отъ сибирскаго генераль-губернатора, онъ утверждалъ, что текстъ этого предписанія документальнымъ образомъ доказалъ бы, какъ мало выдуманнаго было въ некрасовскомъ діалогѣ между губернаторомъ и княгиней Трубецкой. Нынѣ, наконецъ, въ только что появившейся статьѣ г. Щеголева*) напечатано любопытное предписаніе сибирскаго генераль-губернатора Лавинскаго иркутскому гражданскому губернатору отъ 1 сентября 1826 года, прошедшее чрезъ утверженіе

*) „О *Русскихъ женщинахъ* Некрасова въ связи съ вопросомъ о юридическихъ правахъ женъ декабристовъ“ въ сборникѣ „Къ свѣту“. СПб. 1904.

императора Николая I. Здѣсь, кромѣ внушеній, составляющихъ предметъ подписки, данной Волконской и Трубецкой, рекомендуется также „обратиться къ убѣжденіямъ, что переѣздъ въ осеннее время чрезъ Байкаль чрезвычайно опасенъ и не возможенъ, и представить, *хотя мнимо*, недостатокъ транспортныхъ казенныхъ судовъ, безнадѣжность таковыхъ, у торгующихъ людей состоящихъ, и прочія тому подобныя учтивыя отклоненія; а чтобы успѣхъ въ оныхъ вѣрнѣе былъ достигнуть, то Ваше Превосходительство не оставите принять и въ самомъ домѣ Вашемъ, который безъ сомнѣнія будутъ онѣ посѣщать, такія мѣры, чтобы въ частныхъ съ ними разговорахъ находили онѣ утверженіе таковыхъ убѣжденій.

По исполненіи сего съ надлежащею точностью, если и затѣмъ окажутся въ числѣ сихъ женъ нѣкоторыя непреклонныя въ своихъ намѣреніяхъ, въ такомъ разѣ, не препятствуя имъ въ выѣздѣ изъ Иркутска въ Нерчинскій край, перемѣнить совершенно Ваше съ ними обращеніе, принять въ отношеніи къ нимъ, какъ къ женамъ ссыльно каторжныхъ, тонъ начальника губерніи, соблюдающаго строго свои обязанности и исполнить на самомъ дѣлѣ то, что сперва сказано будетъ въ предостереженіе и вразумленіе“.

Записки княгини Волконской показываютъ, какія мѣры приняты были для „предостереженія и вразумленія“, какихъ правъ лишала самоотверженныхъ женщинъ ихъ подписка, сдѣланная условіемъ дальнѣйшаго пропуска, и какъ онѣ отнеслись къ этому страшному акту, поражавшему не только ихъ самихъ, но ихъ будущихъ дѣтей.

О своей борьбѣ съ иркутскимъ губернаторомъ Цейдлеромъ княгиня Волконская рассказываетъ безъ большихъ подробностей: въ самый день ея пріѣзда уѣхала изъ Иркутска княгиня Трубецкая послѣ героической побѣды надъ ухищреніями губернатора, и старый служака, утомленный необычной и неправой борьбой съ самоотверженной женщиной, на этотъ разъ, очевидно, исполнялъ инструкціи начальства болѣе формально. Однако, тотчасъ по прибытіи княгини Волконской въ Иркутскъ, онъ пріѣхалъ къ ней наставлять и уговорить ее возвратиться въ Россію. „Это было ему приказано. Его Величество не одобрялъ слѣдованія молодыхъ женъ за мужьями: этимъ возбуждалось слишкомъ много участія къ бѣднымъ сосланнымъ. Такъ какъ послѣднимъ было запрещено писать родственникамъ, то надѣялись, что этихъ несчастныхъ скоро забудутъ въ Россіи, между тѣмъ какъ намъ, женамъ, невозможно было запретить писать и тѣмъ самымъ поддерживать родственныя отношенія.

Губернаторъ, видя мою рѣшимость ѣхать, сказалъ мнѣ: „Подумайте же, какія условія вы должны будете подписать“. — „Я ихъ подпишу, не читая“. — „Я долженъ велѣть обыскать воѣ ваши вещи, вамъ запрещено имѣть малѣйшія цѣнности“. Съ этими сло-

вами онъ ушелъ и прислалъ ко мнѣ цѣлую ватагу чиновниковъ. Имъ пришлось переписывать очень мало: немного бѣлья, три платья, семейные портреты и дорожную аптечку; затѣмъ они открыли ящики съ посылками. Я имъ сказала, что все это предназначается для моего мужа; тогда мнѣ предъявили къ подписи пресловутую подписку, при чемъ они мнѣ сказали, чтобы я сохранила съ нею копію, дабы хорошенько ее запомнить. Когда они вышли, мой человѣкъ, прочитавшій ее, сказалъ мнѣ, со слезами на глазахъ: „Княгиня, что вы сдѣлали, прочтите же, что они отъ васъ требуютъ“.—„Мнѣ все равно, уложимся скорѣй и поѣдемъ“. Княгиня приводитъ и текстъ подписки; онъ былъ уже напечатанъ въ приложеніи къ запискамъ ея мужа, но, вѣроятно, неизвѣстенъ многимъ читателямъ. Вотъ онъ: „1. Жена, слѣдуя за своимъ мужемъ и продолжая съ нимъ супружескую связь, сдѣлается естественно причастной его судьбѣ и потеряетъ прежнее званіе, то есть будетъ уже признаваема не иначе, какъ женою сильно-каторжнаго, и съ тѣмъ вмѣстѣ принимаетъ на себя переносить все, что такое состояніе можетъ имѣть тягостнаго, ибо даже и начальство не въ состояніи будетъ защищать ее отъ ежечасныхъ, могущихъ быть оскорбленій отъ людей самаго развратнаго, презрительнаго класса, которые найдутъ въ томъ какъ будто нѣкоторое право считать жену государственнаго преступника, несущую равную съ ними участь, себѣ подобною; оскорбленія сіи могутъ быть даже насильственными. Закоренѣлымъ злодѣямъ не страшны наказанія. 2 Дѣти, которыя приживутся въ Сибири, поступать въ казенные заводскіе крестьяне. 3. Ни денежныхъ суммъ, ни вещей многоцѣнныхъ съ собой взять не дозволено; это запрещается существующими правилами и нужно для собственной ихъ безопасности, по причинѣ, что сіи мѣста населены людьми, готовыми на всякаго рода преступленія. 4. Отъѣздомъ въ Нерчинскій край уничтожается право на крѣпостныхъ людей, съ ними прибывшихъ“.

Кажется, можно обойтись безъ выводовъ. Читатели знаютъ, какъ отнесся Некрасовъ къ эпизоду столкновенія съ губернаторомъ въ „Княгиня Трубецкой“. Вмѣсто того, чтобы сдѣлать безобразно отталкивающимъ этого окаменѣлаго исполнителя приказаній, онъ внесъ въ образъ стараго губернатора черты умиротворяющія. Предъ читателемъ выступала болѣе сложная фигура исполнительнаго служаки, въ которомъ долгіе годы механическаго повиновенія не истребили человѣчности. Онъ исполняетъ тяжелыя приказанія, но онъ преклоняется предъ геройствомъ самоотверженной женщины. Всего этого не хотѣла видѣть критика, занятая обличительными изысканіями; разъ не повѣривъ Некрасову, отнеся къ тенденціозной выдумкѣ столкновеніе съ губернаторомъ, она, конечно, утверждала, что еще менѣе вѣроятна другая эпизодическая

Фигура поэмы—образъ грубаго конвойнаго офицера, къ тому же противоположенный сердечному солдатику.

Вошелъ молодой офицеръ; онъ курилъ,
 Онъ мнѣ не кивнулъ головою,
 Онъ какъ-то надменно глядѣлъ и ходилъ,
 И вотъ я сказала съ тоскою:
 „Вы видѣли вѣрно... извѣстны ли вамъ
 Тѣ... жертвы декабрьскаго дѣла...
 Здоровы они? Каково-то имъ тамъ?
 О мужѣ я знать бы хотѣла...“
 Нахально ко мнѣ повернулъ онъ лицо—
 Черты были злы и суровы,—
 И, выпустивъ изо-рту дыму кольцо,
 Сказалъ: „несомнѣнно здоровы,
 Но я ихъ не знаю—и знать не хочу,
 Я мало ли каторжныхъ видѣлъ...“
 Какъ больно мнѣ было, родные. Молчу...
 Несчастный! меня же обидѣлъ...
 Я бросила только презрительный взглядъ,
 Съ достоинствомъ юноша вышелъ...
 У печки тутъ грѣлся какой-то солдатъ,
 Проклятье мое онъ услышалъ,
 И доброе слово—не варварскій смѣхъ—
 Нашелъ въ своемъ сердцѣ солдатскомъ:
 „Здоровы“ сказалъ онъ: „я видѣлъ ихъ всѣхъ,
 Живуть въ рудникѣ Благодатскомъ...“
 Но тутъ возвратился надменный герой,
 Поспѣшно ушла я въ кибитку.
 Спасибо, солдатикъ; спасибо, родной.
 Не даромъ я вынесла пытку.

„Черта маленькая—замѣчалъ по поводу этой сцены критикъ „Русскаго Вѣстника“—но она заслуживаетъ упоминанія, потому что характеризуетъ несвободность мысли, для которой къ извѣстнымъ явленіямъ, типамъ и единицамъ какъ бы обязательны именно тѣ, а не другія отношенія. Конвойный офицеръ въ современной беллетристикѣ непременно долженъ быть изображенъ *монстромъ*“. И съ болью за поправную правду жизни критикъ направленія, всегда пылко отстаивавшаго цензуру, прибавляетъ: „Несвободныя отношенія печатнаго слова къ жизни составляетъ главный недугъ нашего современнаго положенія. Въ духовной области нашей исчезло творчество, и мы питаемся тенденціей“.

Посмотримъ, однако, какъ Некрасовъ создалъ сцену встрѣчи съ „серебрянкой“—и мы увидимъ, кому милѣе была политическая тенденція—ему или его обличителямъ: „иду на почтовую станцію—рассказываетъ княгиня Волконская—и, для вида, спрашиваю себя чаю. Входитъ офицеръ, провожающій Серебрянку; онъ не снимаетъ фуражки и продолжаетъ курить, выпуская клубы дыма отъ отвратительнаго табака; засаленный кисеть съ табакомъ висѣлъ у него на пуговицѣ сюртука. Не смотря на его грубый видъ, я у него спрашиваю, гдѣ находятся государственные преступники?“

Онъ взглянулъ на меня въ упоръ и сказалъ, повернувшись спиной и уходя: „Я ихъ не знаю и знать не хочу“ (Это былъ нѣкто Фитингофъ, заключенный впоследствии въ Соловецкій монастырь за безнравственную жизнь). Тогда одинъ изъ его солдатъ, стыдясь за своего начальника, подходитъ ко мнѣ и говоритъ въ полголоса: „Я ихъ видѣлъ, они здоровы, они въ Нерчинскомъ округѣ, въ Благодатскомъ рудникѣ“. Этотъ добрякъ показалъ себя болѣе человѣчнымъ и вѣжливымъ, чѣмъ его начальникъ. Мое путешествіе не имѣло больше никакихъ приключеній, если не считать, что лошади меня понесли съ самой высокой горы Алтая; я выпрыгнула въ снѣгъ, не сдѣлавъ себѣ ни малѣйшаго вреда“.

Послѣдній эпизодъ, перенесенный въ поэму, обратилъ на себя вниманіе всѣхъ критиковъ Некрасова, ибо всѣмъ показался совершенно невѣроятной выдумкой:

А ночью ящикъ не сдержалъ лошадей,
Гора была страшно крутая,
И я полетѣла съ кибиткой моей
Съ высокой вершины Алтая!

Даже благожелательные критики Некрасова указывали, что полетѣть съ высокой горы едва ли кому либо удавалось безнаказанно, да къ тому же Алтайскія горы стоятъ далеко въ сторонѣ отъ пути княгини. Какъ мы видимъ,—если это ошибка, въ ней виноватъ не Некрасовъ,—а его „полетѣла“—теперь это очевидно — не значить „свалилась“: просто лошади понесли. Но критикъ весь этотъ эпизодъ представлялся лишь свидѣтельствомъ некрасовскихъ преувеличеній.

Останавливалась критика и на другой мелочи въ томъ же рассказѣ: у Некрасова обозъ съ серебромъ идетъ изъ Нерчинска—и критикъ „Новостей“ (1873 г.), гордясь знакомствомъ съ сибирскими порядками, наставительно указывалъ поэту, что его „героиня не могла встрѣтить какого бы то ни было каравана съ серебромъ или золотомъ, идущаго изъ *Нерчинска*, такъ какъ всѣ такіе караваны до послѣдняго времени идутъ исключительно изъ Барнаула“. Думается, что не смотря на свое знакомство съ путемъ серебряныхъ каравановъ, критикъ-сибирякъ былъ бы менѣе категориченъ, если бы — подобно Некрасову — читалъ въ „Запискахъ“ княгини Волконской: „Однажды вечеромъ слуга сказалъ мнѣ, что мы подъѣзжаемъ къ станціи; я приказала поднять рогожу и увидѣла большіе костры, разложенные среди деревьевъ; ихъ поддерживали, чтобы дать возможность толпѣ народа обогрѣться: женщины, дѣти, солдаты, крестьяне — всѣ стояли вокругъ огня. Я спросила: „Что это“? — „Это серебрянка изъ Нерчинска“. Я въ восторгѣ: получу извѣстіе о мужѣ. Иду на почтовую станцію и, для вида, спрашиваю себѣ чаю“. Далѣе слѣдуетъ сцена съ конвойнымъ офицеромъ.

Не пожелали также критики Некрасова повѣрить той страшной сценѣ съ угрозой проклятіемъ, которая закончила собою геройскую борьбу молодой княгини съ ея отцомъ. „Двѣ три черты въ поэмѣ — писалъ Орестъ Миллеръ — отзываются преувеличеніемъ, аффектаціей: можно было обойтись безъ этого, нѣсколько натянутого проклятія, которымъ угрожаетъ княгинѣ Волконской ея отецъ“. „Можно было обойтись“—а если жизнь не обошлась безъ него? Это критику не пришло въ голову; можетъ быть, онъ даже думалъ, что если оно такъ и было на самомъ дѣлѣ, то лучше бы поэту смягчить этотъ неприя́тный эпизодъ. Но сравнимъ поэзію съ дѣйствительностью и посмотримъ, усугубилъ ли Некрасовъ ея мрачную правду.

Борьба княгини съ родней занимаетъ у него больше мѣста, чѣмъ въ подлинныхъ запискахъ. Поэтъ—быть можетъ, опираясь на иные матеріалы—подробнѣе изобразилъ перипетіи этого трагическаго столкновенія и вложилъ въ уста дѣйствующихъ лицъ доводы, которые могла подсказать ему его творческая догадка; вообще, въ его изображеніи воспоминанія княгини Волконской богаче—вполнѣ умѣстнымъ въ поэтическомъ переплѣтѣ—открытымъ лиризмомъ, чѣмъ подлинныя „Записки“, стыдливо сдержанныя въ выраженіи интимныхъ чувствъ, которыя даже въ рѣдкія минуты безпредѣльной откровенности неохотно раскрываетъ замкнутая въ своей высотѣ простая душа. Но есть среди тягостныхъ и характерныхъ фактовъ, сообщаемыхъ княгиней, не мало такихъ, которыми поэтъ, если бы онъ хотѣлъ не только правдиво и восторженно воздать хвалу душевной высотѣ русской женщины, но также обличать окружавшій ее свѣтъ, могъ бы воспользоваться съ большою силой. Мы читали у Некрасова, какъ родные окружили княгиню какой-то стѣной, какъ не давали ей газетъ, какъ, ссылаясь на то, что ей нуженъ покой, къ ней никого не пускали, какъ родные мужа не отвѣчали ей на письма, какъ пріѣхали братья, вызванные приказомъ отца „образумить“ непокорную дочь:

Они убѣждали, просили,
Но волю мою самъ Господь подкрѣпилъ,
И рѣчи ея не сломили....

А вѣдь на самомъ дѣлѣ братья не только „убѣждали и просили“, но также прибѣгали къ такимъ дѣйствіямъ, для которыхъ сама княгиня въ своихъ „Запискахъ“, писанныхъ черезъ нѣсколько десятилѣтій послѣ событій, не нашла слова смягченія: ихъ оправдываетъ—и не безъ нѣкоторой убѣдительности—лишь издатель „Записокъ“ въ своемъ интересномъ предисловіи. „Некому было дать мнѣ добраго совѣта — рассказываетъ княгиня о первыхъ дняхъ своего пребыванія въ Петербургѣ: — братъ Александръ, предвидѣвшій исходъ дѣла, и отецъ, его опасавшійся,

меня окончательно *обошли*. Александръ дѣйствовалъ такъ ловко, что я все поняла лишь гораздо позже, уже въ Сибири, гдѣ узнала отъ своихъ подругъ, что онѣ постоянно находили мою дверь запертою, когда ко мнѣ прѣзжали. Онѣ боялся ихъ вліянія на меня...“ Заставивъ сестру уѣхать изъ Петербурга на встрѣчу къ сестрѣ ея мужа, отъ которой многое зависѣло, онѣ устроилъ такъ, что княгиня разминулась съ золовкой. Положеніе послѣ приговора было ужасно. „Въ семьѣ мужа на меня сердились за то, что я не отвѣчала на ихъ письма. Не могла же я имъ сказать, что мой братъ ихъ *перехватывалъ*. Мнѣ говорили колкости, а о деньгахъ ни слова. Не могла я также говорить съ ними о томъ, что мнѣ приходилось переносить отъ отца, который не хотѣлъ отпускать меня. Я заложила свои брильянты, заплатила нѣкоторые долги мужа и написала письмо Государю, прося разрѣшенія слѣдовать за мужемъ“.

Княгиня добилась этого разрѣшенія, но отецъ не вѣрилъ, что она имъ воспользуется. Онѣ отпускалъ свою дочь на время— и угроза проклясть ее, если она не вернется черезъ годъ, не аффектированная выдумка Некрасова, какъ рѣшилъ прекраснодушный Орестъ Миллеръ:

Старикъ поднялся, негодуя,
По сжатымъ губамъ, по морщинамъ чея
Ходили зловѣщія тѣни...
Я молча ему образокъ подала
И стала предъ нимъ на колѣни:
„Я ѣду, хоть слово, хоть слово, отецъ.
Прости свою дочь, ради Бога.....“
Старикъ на меня поглядѣлъ, наконецъ,
Задумчиво, пристально, строго —
И, руки съ угрозой поднявъ надо мной,
Чуть слышно сказалъ (я дрожала):
„Смотри, черезъ годъ возвращайся домой,
Не то — проклянущу.....“

Я упала...

Одно измѣненіе внесъ Некрасовъ въ эту сцену: онѣ перенесъ ее къ самому прощанію; на самомъ дѣлѣ она произошла непосредственно послѣ полученія письма Николая I. „Теперь—говорить княгиня—я должна вамъ рассказать сцену, которую я буду помнить до послѣдняго своего издыханія. Мой отецъ былъ все это время мраченъ и недоступенъ. Необходимо было, однако же, ему сказать, что я его покидаю и назначаю его опекуномъ своего бѣднаго ребенка, котораго мнѣ не позволяли взять съ собою. Я показала ему письмо Его Величества; тогда мой бѣдный отецъ, не владея болѣе собой, поднялъ кулаки надъ моей головой и вскричалъ: „Я тебя проклянущу, если ты черезъ годъ не вернешься“. Я ничего не отвѣтила, бросилась на кушетку и спрятала лицо въ подушку.

Мой отецъ, этотъ герой 1812 года, съ твердымъ и возвышеннымъ характеромъ, — этотъ патриотъ, который при Дашковкѣ, видя, что войска его поколебались, схватилъ двоихъ своихъ сыновей, еще отроковъ, и бросился съ ними въ огонь непріятеля,—нѣжно любилъ свою семью; онъ не могъ вынести мысли о моемъ изгнаніи, мой отъѣздъ представлялся ему чѣмъ-то ужаснымъ“.

Самое прощаніе съ отцомъ произошло въ тотъ же день, но болѣе сдержанно: очевидно, все, что можно было сказать, было ужъ сказано. „Съ отцомъ—говорить княгиня—мы разстались молча; онъ меня благословилъ и отвернулся, не будучи въ силахъ выговорить ни слова“. Едва ли послѣ всего этого возможно упрекнуть Некрасова въ преувеличеніи. Но разъ критику ужъ надо во чтобы то ни стало доказать, что „ни одинъ изъ поразительныхъ эпизодовъ избранной темы не былъ въ силахъ внушить поэту ни одного дѣйствительно живого слова“, то, конечно, всякое мѣсто, процитированное изъ поэмы безъ объясненій, но съ выразительными курсивами и восклицательными знаками, годилось въ доказательство. И Евгенийъ Марковъ, которому принадлежитъ это мнѣніе, цитировалъ, а чуткій читатель умѣренно-добродѣтельнаго „Голоса“ долженъ былъ отвѣтить на нѣмыя цитаты соответственнымъ сочувствующимъ пониманіемъ. Такъ отмѣчалъ Марковъ приведенное выше описаніе тѣсной комнатки, гдѣ жила княгиня въ Благодатскѣ; такъ же отмѣчалъ онъ письмо Николая I и изображеніе настроенія, съ какимъ княгиня встрѣтила страшный приговоръ:

Прочла я въ самомъ приговорѣ,
 Что былъ заговорщикомъ бѣдный Сергѣй:
 Стояли они на сторожѣ,
 Готова несчастье отчизнѣ своей.
 Въ вину ему ставилось тоже,
 Что онъ... Закружилась моя голова,
 Я вѣрнѣ глазамъ не хотѣла..
 „Ужели?“ въ умѣ не вязались слова:
 Сергѣй—и безчестное дѣло!

Познакомившись съ записками княгини Волконской, мы теперь видимъ, что здѣсь дѣло не обошлось безъ нѣкоторыхъ отступленій отъ подлинника. Здѣсь есть, во-первыхъ, невѣрность, во-вторыхъ, неясность. Невѣрность заключается въ томъ, что, прочтя приговоръ, княгиня совсѣмъ не подумала, будто мужъ ея „готовилъ несчастье отчизнѣ своей“; была она права или нѣтъ, но во всякомъ случаѣ въ ея запискахъ мы не находимъ ни слова осужденія по отношенію къ дѣствіямъ мужа: ничего кромѣ преклоненія предъ этимъ „достоинѣйшимъ и благороднѣйшимъ изъ людей“. Отъ суда надъ событіями, въ которыхъ онъ участвовалъ, она отказывается, но она съ твердой увѣренностью

напоминаетъ, что до заговора декабристовъ „исторія Россіи представляла примѣры лишь дворцовыхъ заговоровъ, участники которыхъ находили въ томъ личную для себя пользу“. Нѣтъ, княгиня испугалась не главнаго дѣянія, которое вмѣнялось въ вину ея мужу, и не его она считала „безчестнымъ дѣломъ“, а нѣчто иное, что „въ вину ему ставилось *тоже*“ (Некрасовъ). Что именно,—темно у Некрасова, и лишь подлинныя „Записки“ даютъ намъ объясненіе этой неясности: „Что меня больше всего мучило, это то, что я прочла въ напечатанномъ приговорѣ, будто мой мужъ поддѣлалъ фальшивую печать, съ цѣлью вскрытія правительственныхъ бумагъ. Я спросила сестру со слезами на глазахъ: „Ужели правда, что Сергѣй былъ поддѣльщикомъ“? Она мнѣ отвѣтила, что это вздоръ, и старалась меня успокоить, но ничего мнѣ не объяснила; вѣроятно, она боялась, какъ бы я не стала объ этомъ рассказывать до своего отъѣзда; но подъ конецъ созналась мнѣ въ томъ, что Сергѣй для того, чтобы спасти ея мужа, распечаталъ не казенную бумагу, а письмо, будучи къ тому почти уполномоченнымъ Киселевымъ, къ которому оно было адресовано“.

Только это объясняетъ, почему княгиня съ ужасомъ соединяла несоединимыя для ея сознанія представленія о мужѣ и безчестномъ дѣлѣ. Некрасовъ виноватъ въ неясности, но читатели могутъ сами судить, унижился ли онъ до тенденціознаго преувеличенія.

Точно также—вопреки всякимъ намекамъ и подозрѣніямъ—отнесся онъ къ письму Николая I и къ общей характеристикѣ его личности. Образъ императора Николая I въ „Русскихъ женщинахъ“ соотвѣтствуетъ въ общемъ ходячему представленію о высокихъ чертахъ этого рыцаря на тронѣ, подчасъ непреклоннаго до жестокости, но благороднаго и умѣющаго оцѣнить чужое благородство. Подлинныя записки вносятъ въ это представленіе поправки.

Самъ царь отвѣчалъ мнѣ... Спасибо, нашла
 Въ отвѣтъ я доброе слово!
 Онъ былъ эlegantенъ и миль (Николай
 Писалъ по-французски). Сначала
 Сказалъ Государь, какъ ужасенъ тотъ край,
 Куда я поѣхать желала,
 Какъ грубы тамъ люди, какъ жизнь тяжела,
 Какъ возрастъ мой хрупокъ и нѣженъ;
 Потомъ намекнулъ (я не вдругъ поняла)
 На то, что возвратъ безнадеженъ;
 А дальше—изволилъ хвалою почтить
 Рѣшимость мою, сожалѣя,
 Что, долгу покорный, не могъ пощадить
 Преступнаго мужа... Не смѣя
 Противиться чувствамъ высокимъ такимъ,
 Давалъ онъ свое позволенье;
 Но лучше желалъ бы, чтобъ съ сыномъ моимъ
 Осталась я дома...

Дѣйствительное письмо императора Николая I, напечатанное въ „Запискахъ», гораздо болѣе сухо, болѣе кратко, болѣе сдержанно; эпитеты „элегантень и милъ“ не идутъ къ нему. Княгиня М. Н. Волконская не нашла въ немъ того „добраго слова“, о которомъ говорится въ поэмѣ, и оставляетъ его безъ характеристики. Вотъ русскій переводъ письма:

„Я получилъ, княгиня, ваше письмо отъ 15 числа сего мѣсяца; я прочелъ въ немъ съ удовольствіемъ выраженіе чувствъ благодарности ко мнѣ за то участіе, которое я въ васъ принимаю; но, во имя этого участія къ вамъ, я и считаю себя обязаннымъ еще разъ повторить здѣсь предостереженія, мною уже вамъ высказанныя, относительно того, что васъ ожидаетъ, лишь только вы пройдете далѣе Иркутска. Впрочемъ, предоставлю исполнѣ вашему усмотрѣнію избрать тотъ образъ дѣйствій, который покажется вамъ болѣе соотвѣтствующимъ вашему настоящему положенію.

Благорасположенный къ вамъ

Николай“.

Итакъ, ни объ ужасахъ края, ни о „нѣжности возраста“ княгини въ дѣйствительномъ письмѣ императора Николая I нѣтъ ни слова; нѣтъ въ немъ ни хвалы „рѣшимости“ княгини и ея „высокимъ чувствамъ“, ни сожалѣнія о суровомъ монаршемъ долгѣ, который мѣшаетъ пощадить ея преступнаго мужа, ни упоминанія о ея ребенкѣ: ни одной смягчающей черты, которая внесъ въ свое поэтическое воспроизведеніе Некрасовъ. Мало того: тотъ намекъ, на невозможность возврата, который содержится въ письмѣ, сдѣланъ такъ неясно, что понять его изъ письма невозможно. „Я не вдругъ поняла“—говоритъ княгиня у Некрасова; читатель остается въ убѣжденіи, что княгиня поняла, просто вдумавшись въ текстъ письма. Въ дѣйствительности дѣло было не совсѣмъ такъ: понадобились стороннія сообщенія, чтобы раскрыть княгинѣ смыслъ темнаго намека. Это было тотчасъ же за полученіемъ письма: „Мой шуринъ, князь Петръ Волконскій, министръ Двора, заѣхалъ за мной, чтобы вести къ себѣ обѣдать, и дорогой спросилъ: „Увѣрены ли вы въ томъ, что вернетесь“?— „Я не желаю возвращаться, развѣ лишь съ Сергѣемъ, но, Бога ради, не говорите этого моему отцу“. Позже мнѣ припомнились эти слова, и я поняла смыслъ отеческихъ предостереженій, заключавшихся въ письмѣ Его Величества“.

Быть можетъ, слова *assurances paternelles*, какъ ни мало мнятся они для насъ съ предыдущимъ, употреблены княгиней безъ ироніи. Во всякомъ случаѣ ея отношеніе къ императору Николаю I, поскольку оно нашло выраженіе въ ея подлинныхъ воспоминаніяхъ, не совпадаетъ съ примиреннымъ отношеніемъ ея мужа. Она не настаиваетъ, но и не скрываетъ своего взгляда, и отъ первой страницы до послѣдней повсюду, гдѣ рѣчь идетъ о

верховномъ рѣшителѣ судебъ декабристовъ, подѣ спокойнымъ теченіемъ разсказа княгини объ ихъ испытаніяхъ, чувствуется неизмѣнно ея тихая, но твердая укоризна. Уже въ разсказѣ о первомъ посѣщеніи мужа въ крѣпости, она говоритъ: „Государь, который пользовался всякимъ случаемъ, чтобы выказать свое великодушіе (въ вопросахъ второстепенныхъ) *), и которому было извѣстно слабое состояніе моего здоровья, приказалъ, чтобы меня сопровождалъ врачъ, боясь для меня всякаго потрясенія“ **). Княгиня знала, что суровыя мѣры противъ женъ и дѣтей декабристовъ—не случайный результатъ усмотрѣнія администраціи, и не къ ней, а къ первоисточнику обращены такіе, напримѣръ, ея протесты: „по выполненіи различныхъ несносныхъ формальностей, Бурнашевъ, начальникъ рудниковъ, далъ мнѣ подписать бумагу, по которой я соглашалась видѣться съ мужемъ только два раза въ недѣлю въ присутствіи офицера и унтеръ-офицера, никогда не приносить ему ни вина, ни пива, никогда не выходить изъ деревни безъ разрѣшенія завѣдующаго тюрьмою,—и еще какія-то другія условія. И это послѣ того, какъ я покинула своихъ родителей, своего ребенка, свою родину, послѣ того, какъ пробѣжала шесть тысячъ верстъ и дала подписку, по которой отказывалась отъ всего и даже отъ защиты закона, мнѣ заявляютъ, что я и на защиту своего мужа не могу болѣе разсчитывать. Итакъ, государственные преступники должны подчиняться всѣмъ строгостямъ закона, какъ простые каторжники, но не имѣютъ права на семейную жизнь, даруемую величайшимъ преступникамъ и злодѣямъ“.

Начиная разсказъ о событіяхъ 1829 года, княгиня говоритъ: „первое время нашего изгнанія я думала, что оно, навѣрное, кончится черезъ пять лѣтъ, затѣмъ я себя говорила, что это будетъ черезъ 10, потомъ черезъ 15 лѣтъ, но черезъ 25 лѣтъ я перестала ждать...“ Едва ли можно прибавить къ этимъ словамъ что либо, кромѣ фактовъ. Припомнимъ для примѣра одно только обстоятельство, вполне выясненное въ указанной статьѣ г. Щеголева. Когда въ началѣ тридцатыхъ годовъ возникъ вопросъ о болѣе точномъ опредѣленіи правъ женъ декабристовъ, послѣдовавшихъ за мужьями, высшія административныя и законодательныя учрежденія пытались смягчить ужасъ ихъ безправія, первоначально опредѣленнаго условіями, на которыхъ онѣ были допущены въ Сибирь, и подпиской, которую онѣ выдали иркутскому губернатору. Министерство юстиціи старалось путемъ ограничительнаго толкованія ослабить содержаніе подписки. Докладъ министру юстиціи, внесенный въ его записку комитету министровъ отъ 9 марта 1833 года, полагалъ возможнымъ усмотрѣть въ пред-

*) Нашъ курсивъ.

**) Курсивъ подлинника.

писаніи на имя иркутскаго губернатора лишь наставленіе, какъ подѣйствовать на непреклонную волю вѣрныхъ женъ декабристовъ; нельзя смотрѣть на него, какъ на нормы положительнаго закона: это лишь способы внушенія и предостереженія. Поэтому министръ полагалъ, что жены декабристовъ раздѣляютъ ихъ судьбу лишь до тѣхъ поръ, пока они живы; по смерти же мужей невинныя женщины, конечно, получаютъ право возвратиться въ Россію; лишь дѣти, прижитыя въ ссылке и, согласно первоначальному опредѣленію, поступающія въ казенные крестьяне, должны оставаться въ семъ состояніи, въ распоряженіи мѣстнаго начальства. Въ засѣданіи 14 марта 1833 года комитетъ министровъ согласился съ мнѣніемъ, высказаннымъ въ запискѣ министра юстиціи. Но не прошло и мѣсяца, какъ оказалось, что всѣ хитросплетенія гуманной казуистики министровъ были безплодны. Въ засѣданіи 18 апрѣля предсѣдатель комитета министровъ объявилъ, что государь рѣшилъ вопросъ иначе. Расширеніе имущественныхъ правъ безправныхъ декабристокъ не было утверждено, въ правѣ возврата на родину послѣ смерти мужей отказано. Мало того,—отказано не вполне: дозволеніе вдовамъ вернуться на родину поставлено въ зависимость отъ особаго усмотрѣнія власти и спеціальнаго для каждой Высочайшаго разрѣшенія. И это разрѣшеніе ни разу не было дано: потерявшія въ 1844—1845 годахъ мужей А. В. Ентальцева и М. К. Юшневская прожили въ Сибири—первая къ тому же подѣ полицейскимъ надзоромъ—до манифеста 1857 года. Княгиня М. Н. Волконская знала все это, когда писала свои воспоминанія, знала, конечно, и многое другое, чего мы не знаемъ, и при всей своей сдержанности, она на заключительной страницѣ своего трогательнаго произведенія нашла нужнымъ—какъ бы въ видѣ вывода—подчеркнуть свое несогласіе съ горячо любимымъ и безпредѣльно уважаемымъ мужемъ. „Вашъ отецъ, великодушнѣйшій изъ людей, — обращается она въ заключеніе къ дѣтямъ,—никогда не питалъ чувства злопаметства къ Императору Николаю, напротивъ того, онъ отдавалъ должное его хорошимъ качествамъ, стойкости его характера и хладнокровію, выказанному имъ во многихъ случаяхъ жизни; онъ прибавлялъ, что и во всякомъ другомъ государствѣ его постигло бы строгое наказаніе. На это я ему отвѣчала, что оно было бы не въ той же степени, такъ какъ не приговариваютъ человека къ каторжнымъ работамъ, къ одиночному заключенію и не оставляютъ въ тридцатидѣтной ссылкѣ лишь за его политическія убѣжденія и за то, что онъ былъ членомъ тайнаго общества; ибо ни въ какомъ возстаніи вашъ отецъ не принималъ участія, а если въ ихъ совѣщаніяхъ и говорилось о политическомъ переворотѣ, то все же не слѣдовало относиться къ словамъ, какъ къ фактамъ“.

Объ этомъ отношеніи княгини Волконской къ императору Ни -

Болаю Некрасовъ зналъ хорошо,—какъ это намъ теперь извѣстно. И мы знаемъ—онъ смягчилъ его. А критика утверждала противоположное. Виконтъ Мельхиоръ-де-Вогюэ — объ этомъ напоминаетъ самъ издатель въ своемъ предисловіи—нашелъ возможнымъ говорить о „Русскихъ женщинахъ“ Некрасова слѣдующее: „когда Некрасовъ съ любовью описываетъ двухъ мученицъ, когда онъ придаетъ имъ въ изобиліи самыя трогательныя черты, его цѣль слишкомъ очевидна: онъ трогаетъ насъ по отношенію къ нимъ для того только, чтобы лучше служить своей политической ненависти; вся поэзія, которою онъ ихъ окружаетъ, обращается въ оружіе противъ Императора Николая. Подстрекаемый этимъ возбуждающимъ средствомъ, писатель сумѣлъ использовать всѣ приемы своего искусства; съ восторгомъ будутъ читаться эти трогательныя повѣствованія, второе въ особенности: тягостный путь княгини Волконской, ея спускъ въ рудники, ея встрѣча съ мужемъ—рядъ незабываемыхъ картинъ“. Но освѣдомленный виконтъ считаетъ долгомъ предварить читателя, что „эти прекрасныя видѣнія не имѣютъ ничего общаго съ холодной дѣйствительностью“. Дѣйствительность — какъ ему передавали современники событій, изображенныхъ въ поэмѣ—представляетъ мало матеріала для мелодрамы. „Липранди, приставленный царемъ къ декабрьскимъ сосланнымъ, получилъ приказаніе ничего не жалѣть для смягченія ихъ участи. Ихъ жены не могли встрѣтиться съ ними въ рудникѣ по той простой причинѣ, что они сами никогда туда не спускались. Эти дамы нашли вновь на берегахъ Лены роскошь элегантнои жизни и свѣтскихъ удовольствій, къ которымъ онѣ были пріучены. Сосланные вернулись изъ этого испытанія безъ дурныхъ воспоминаній; нѣкоторые изъ нихъ дожили до глубокой старости, и, кому случалось встрѣтиться съ ними, слышали рассказы ихъ объ изгнаніи, которые вовсе не согласовались съ эпизодами, измышленными Некрасовымъ.“

Такія вещи, конечно, легко говорить во Франціи; у насъ знаютъ, какъ жены декабристовъ, дѣйствительно „пріученныя къ элегантнои жизни“, подчасъ питались хлѣбомъ и квасомъ, а то и голодали—и сами стирали бѣлье; теперь къ этому можно прибавить рассказъ княгини Волконской, какъ княгиню Трубецкую ударилъ кулакомъ солдатъ за то, что она переговаривалась съ мужемъ черезъ тюремный частоколъ. Издатель „Записокъ“ не трудно было показать, какая куча жи нагромождена въ немногихъ строкахъ французскаго академика. Но „измышленные эпизоды“ были и у насъ боевымъ орудіемъ противъ поэзіи Некрасова: мы это видѣли, и увидимъ ниже.

Характеризуя глубокой прозаизмъ Некрасова, С. А. Андреевскій нашелъ, что именно въ „Русскихъ женщинахъ“ Некрасовъ „виденъ весь насквозь съ своей закулисной искусственной работой и слабымъ художественнымъ чутьемъ“. И критикъ легко воз-

становляетъ по бѣлымъ ниткамъ поэмы закулисныя тайны нехитраго процесса некрасовскаго творчества. Въ поэмѣ княгиня вспоминаетъ встрѣчу съ Пушкинымъ въ Москвѣ и свою старую дружбу съ нимъ; сколь элементаренъ этотъ банальный литературный приѣмъ: „для размазыванія повѣствованія Некрасовъ поручаетъ княгинѣ Трубецкой переживать свои собственные путевыя впечатлѣнія въ Римѣ, а княгинѣ Волконской—въ Крыму... Пользуясь біографіей Пушкина и онѣгинской строфой о ножкахъ, Некрасовъ на минуту показываетъ намъ тѣнь великаго поэта рядомъ съ Волконской“. И ужь, конечно—это легко утверждать, ибо невозможно доказать — „голые факты изъ жизни двухъ декабристокъ всегда будутъ производить болѣе трогательное впечатлѣніе, чѣмъ затѣйливые узоры, расписанные Некрасовымъ на ихъ основѣ“.

Посмотримъ, чѣмъ пользовался Некрасовъ и чьи впечатлѣнія заставляли насъ пережить въ эпизодѣ съ Пушкинымъ. Прежде всего объ „онѣгинской строфѣ“ къ ножкѣ.

Я радостнымъ взоромъ глядѣла кругомъ,
Я прыгала, съ моремъ играла;
Когда удалялся приливъ, я бѣгомъ
До самой воды добѣгала,
Когда же приливъ возвращался опять
И волны грядой подступали,
Отъ нихъ я спѣшила назадъ убѣжать,
А волны меня настигали!...
И Пушкинъ смотрѣлъ... и смѣялся, что я
Ботинки мои промочила:
„Молчите! идетъ гувернантка моя!“
Сказала я строго... (Я скрыла,
Что ноги промокли)... Потомъ я прочла
Въ „Онѣгинѣ“ чудныя строки...

Милая сценка прямо взята изъ „Записокъ“. Княгиня Волконская рассказываетъ, какъ по дорогѣ на Кавказъ съ Пушкинымъ, гдѣ-то на берегу моря подлѣ Таганрога, каретѣ приказали остановиться. „Вся наша ватага, выйдя изъ кареты, бросилась къ морю любоваться имъ. Оно было покрыто волнами, и, не подозревая, что поэтъ шель на нами, я стала, для забавы, бѣгать за волной и вновь убѣгать отъ нея, когда она меня настигала; подъ конецъ у меня вымокли ноги; я это, конечно, скрыла и вернулась въ карету. Пушкинъ нашелъ эту картину такой красивой, что воспѣлъ ее въ прелестныхъ стихахъ, поэтизируя дѣтскую шалость; мнѣ было только 15 лѣтъ:

Какъ я завидовалъ волнамъ,
Бѣгущимъ бурной чередою
Съ любовью лечь къ ея ногамъ!
Какъ я желалъ тогда съ волнами
Коснуться милыхъ ногъ устами!“

Такимъ образомъ, не Некрасовъ самовольно связалъ сцену на берегу моря съ онѣгинской строфой... На первоисточникѣ основаны и эти слова въ поэмѣ:

...Я не буду скрывать,
 Что Пушкинъ въ то время казался
 Влюбленнымъ въ меня... но, по-правдѣ сказать,
 Въ кого онъ тогда не влюблялся!
 Но, думаю, онъ не любилъ никого
 Тогда, кромѣ Музы...

„Въ качествѣ поэта—разсказываетъ княгиня Волконская— онъ считалъ своимъ долгомъ быть влюбленнымъ во всѣхъ хорошенькихъ женщинъ и молодыхъ дѣвушекъ, которыхъ встрѣчалъ“,— и въ видѣ иллюстраціи къ этому она передаетъ только что воспроизведенную нами сцену у моря и стихи изъ „Онѣгина“ и „Бахчисарайскаго фонтана“, которые также относитъ къ себѣ. „Въ сущности—прибавляетъ, однако, она—онъ любилъ лишь свою музу и облекалъ въ поэзію все, что видѣлъ. Но во время добровольнаго изгнанія въ Сибирь женъ декабристовъ онъ былъ полонъ искренняго восторга“. Это *no* представляется не вполне мотивированнымъ и, намъ кажется, вина въ русской передачѣ: подлинникъ говоритъ не столько объ искренности восторга Пушкина—которая и не подлежала сомнѣнію, — сколько о его реальномъ характерѣ. „Dans le fait—говоритъ княгиня— il n'adorait que sa Muse, et prêtait de la poésie à tout ce qu'il voyait. Mais à l'époque de l'exil volontaire des femmes des détenus en Sibérie, il était plein d'enthousiasme réel“: обыкновенно восторгъ Пушкина былъ отголоскомъ поэтического вдохновенія; на этотъ разъ онъ былъ полонъ не поэтического, а дѣйствительнаго энтузіазма. Далѣе въ подлинникѣ слѣдуетъ *doublet* (въ переводѣ точка съ запятой, мѣняющая оттѣнокъ смысла) и за нимъ стало быть *поясненіе* предыдущаго: „онъ хотѣлъ вручить мнѣ свое „Посланіе къ узникамъ“ для передачи сосланнымъ.“ Эта деталь показываетъ, какъ правъ былъ Некрасовъ, влагая въ уста поэта грустное и достойное обращеніе къ княгинѣ. Заключеніе этого монолога также взято изъ „Записокъ“.

Мнѣ царь Пугачева писать поручилъ

Мнѣ быть на Уралѣ придется...
 Поѣду весной, поскорѣй захвачу,
 Что путнаго тамъ соберется,
 Да къ вамъ и махну, переѣхавъ Уралъ...
 Поэтъ написалъ „Пугачева“,
 Но въ дальніе наши снѣга не попалъ:
 Какъ могъ онъ сдержать это слово?...

„Пушкинъ—читаемъ мы въ „Запискахъ“—говорилъ мнѣ: „Я намѣренъ написать книгу о Пугачевѣ. Я поѣду на мѣсто, пе-

рейдъ черезъ Уралъ, пойдъ дальше и явлюсь къ вамъ просить пристанища въ Нерчинскихъ рудникахъ“. Онъ написалъ свое великолѣпное сочиненіе, всѣми восхваляемое, но до насъ не доѣхалъ“.

Итакъ, ни впечатлѣнія путешествія, ни встрѣча съ Пушкинымъ не сочинены Некрасовымъ; вставленъ эпизодъ съ Юрзуфомъ, на что поэтъ имѣлъ, конечно, право. Мы можемъ прибавить, что весь вечеръ въ Москвѣ у княгини Зинаиды Волконской изображенъ согласно съ „Записками“ и показаніями другихъ участниковъ этого незабвеннаго для нихъ прощанья. Некрасовъ, несомнѣнно, имѣлъ въ рукахъ рассказъ поэта Венигинова, напечатанный въ „Русской Старинѣ“ черезъ два года послѣ появленія „княгини Волконской“. В. И. Семеvскій сообщилъ намъ, что во время работы надъ „Русскими женщинами“ Некрасовъ прїѣзжалъ къ покойному издателю „Русской Старины“ и пользовался документами, хранившимися въ богатомъ архивѣ журнала. Несомнѣнно, многое дали ему также рассказы современниковъ—и болѣе чѣмъ возможно, что, напримѣръ, стихъ „Тутъ былъ и Одоевскій, Вяземскій“ есть отголосокъ такого сказаза.

Но самое энергичное и боевое недовѣріе встрѣтила со стороны критики знаменитая сцена первой встрѣчи княгини М. Н. Волконской съ мужемъ.

И только теперь, въ рудникѣ роковомъ,
Услышавъ ужасные звуки,
Увидѣвъ оковы на мужъ моему,
Вполнѣ поняла его муки,
И силу его... и готовность страдать!..
Невольно предъ нимъ я склонила
Колѣни,—и прежде чѣмъ мужа обнять,
Оковы къ губамъ приложила!..

Орестъ Миллеръ полагалъ, что слѣдовало обойтись безъ этого поцѣлованія оковъ: „правдивѣе было бы, если бы княгиня просто бросилась мужу на шею, вмѣсто того, чтобы картинно опускаться на колѣни и прижимать его оковы къ губамъ“. О томъ, что такъ оно было на самомъ дѣлѣ, критикъ несомнѣнно и не подозревалъ. Нѣсколько иначе взглянулъ на дѣло критикъ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей“ (1872 г. № 27). По его мнѣнію—если княгиня—въ чемъ онъ сомнѣвается—и поцѣловала въ самомъ дѣлѣ оковы мужа, то это неестественно и не должно имѣть мѣста въ поэмѣ. Его диссертация по этому поводу—характернѣйшій образецъ критической гипотезы. „Да—говоритъ онъ, приводя сцену встрѣчи въ рудникѣ—эти стихи напоминаютъ прежняго г. Некрасова, исключая, впрочемъ, послѣднихъ строкъ, гдѣ пригнанъ, какъ кажется, фальшивый гражданскій эффектъ—поцѣлуй оковъ. Я не знаю, основалъ ли этотъ эффектъ г. Не-

красовъ на подлинныхъ документахъ или, что вѣрнѣе, *создалъ его собственною фантазіей для вяцшаго усиленія цивизма*, но, во всякомъ случаѣ, этотъ эффектъ въ поэмѣ выходитъ психологически невозможнымъ: онъ не мотивированъ характеромъ героини. Княгиня, по объясненію поэта, пошла на каторгу за мужемъ не изъ сочувствія тѣмъ идеямъ, которыя привели его туда: она даже не знала о заговорѣ, объ участіи въ немъ мужа, она уже послѣ его ареста смутно догадалась, какими побужденіями руководился онъ и за какія идеи принялъ на себя крестъ страданія. Нѣтъ, она повлеклась въ рудники за мужемъ, вѣрная интимному чувству, вѣрная личному долгу жены и подруги, для которой была бы невыносима мысль, что онъ, „узникъ усталый въ тюремномъ углу, терзается лютой думой, одинъ безъ опоры“. Вотъ мотивъ, увлекшій княгиню на подвигъ самопожертвованія и въ дѣйствительности, и въ поэмѣ. Спрашивается: откуда же этотъ внезапный цивическій порывъ, это цѣлованіе оковъ, это предпочтеніе символа политическаго страданія самому страдальцу? Что нибудь одно: или этого не было въ дѣйствительности и придумано ради противохудожественной манеры Некрасова ставить точки надъ і тамъ, гдѣ этого не требуется; или же—если такой поцѣлуй оковъ имѣетъ фактическое основаніе—г. Некрасовъ не вѣрно понялъ весь характеръ героини своей поэмы и не вѣрно изобразилъ ея борьбу съ семьей, ея думы, все ея развитіе, очерченное въ первыхъ главахъ, словомъ — не свелъ конца съ началомъ“.

Всѣ эти пронизательныя построенія падаютъ предъ немногими строками изъ подлинныхъ воспоминаній княгини М. Н. Волконской. Это было не въ рудникѣ, куда Некрасовъ перенесъ спену встрѣчи, а въ каторжной тюрьмѣ, — въ конурѣ, гдѣ Волконскій жилъ вмѣстѣ съ Трубецкимъ и Оболенскимъ. „Въ первую минуту я ничего не разглядѣла, такъ какъ тамъ было темно — рассказываетъ княгиня:—открыли маленькую дверь направо, и я поднялась въ отдѣленіе мужа. Сергѣй бросился ко мнѣ; бряцанье его цѣпей поразило меня: я не знала, что онъ былъ въ кандалахъ. Суровость этого заточенія дала мнѣ понятіе о степени его страданій. Видъ его кандаловъ такъ воспламенилъ и растрогалъ меня, что я бросилась передъ нимъ на колѣни и поцѣловала его кандалы, а потомъ—его самого“...

Но, чуя возможность фактическаго опроверженія, критикъ пытался, какъ мы видѣли, занять еще иную удобную позицію: если Некрасовъ сохранилъ историческую истину, то онъ оскорбилъ истину поэтическую. Мы ужъ замѣтили, что формально такое возраженіе возможно: перенося въ область поэзіи группу историческихъ событій, писатель подчиняетъ себя закону поэзіи, закону внутренней логики фактовъ, а не случайности дѣйствительныхъ событій. Пусть это грубая правда жизни: для поэзіи

это неправда; слѣдовало исправить дѣйствительность. Пусть дѣйствительная княгиня Волконская, увидавъ мужа, не бросилась ему на шею, а раньше приложилась къ его оковамъ; это театральнo, это неестественно, это не соотвѣтствуетъ ни ея прошлому, ни національному характеру русской женщины, — Некрасовъ долженъ былъ измѣнить этотъ эпизодъ.

Надо ли считаться съ такимъ возраженіемъ? Конечно, Некрасовъ и самъ — мы это увидимъ — не разъ отступалъ отъ подлинника, который, къ тому же, не лежалъ предъ нимъ на письменномъ столѣ, когда онъ писалъ „Русскихъ женщинъ“. Онъ былъ поэтъ больше, чѣмъ его суровые и — кажется, теперь это можно утверждать — не безпристрастные критики: и онъ зналъ роль поэтического вымысла, исправляющаго случайное теченіе дѣйствительности. Но если онъ этого не сдѣлалъ, значитъ, въ этомъ не было нужды. Какъ и слѣдовало ожидать, въ этомъ возвышенномъ порывѣ непосредственнаго чувства, „уваженія и восторга“ не было ничего театральнаго и искусственно-картиннаго. Это было естественное преклоненіе предъ страданіями и мужествомъ, а не политическая демонстрація сознательнаго единомышленника, какъ желаетъ представить критикъ, чтобы найти у Некрасова противорѣчіе. Это, конечно, не значитъ, что княгиня отвергала политическія убѣжденія своего мужа; наоборотъ, не одно мѣсто ея воспоминаній увѣряетъ въ противномъ. Но это не было еще такъ опредѣленно во время ея поѣздки въ Сибирь и не это, конечно, руководило ея чувствами и дѣйствіями въ страшную и радостную минуту ихъ встрѣчи. Однако, непосредственно вслѣдъ за описаніемъ этой встрѣчи, она находитъ нужнымъ прибавить, что „если даже смотрѣть на убѣжденія декабристовъ, какъ на безуміе и политическій бредъ, все же справедливость требуетъ признать, что тотъ, кто жертвуетъ жизнью за свои убѣжденія, не можетъ не заслуживать уваженія соотечественниковъ. Кто кладетъ голову свою на плаху за свои убѣжденія, тотъ истинно любитъ отечество, хотя, можетъ быть, и преждевременно затѣялъ дѣло свое“. Это воззрѣніе въ достаточной мѣрѣ объясняетъ дѣйствія княгини. Нѣтъ, Некрасовъ не погрѣшилъ ни въ чемъ ни противъ исторической, ни противъ поэтической истины, чтобы сдѣлать изъ тяжелой судьбы самоотверженныхъ „русскихъ женщинъ“ орудіе политической агитаціи.

Слѣдя за критиками, мы пересмотрѣли почти всю поэму: такъ мало въ ней мѣстъ, не взятыхъ подъ подозрѣніе. Теперь эти подозрѣнія отходятъ окончательно въ прошлое, и всякій долженъ признать, что неправды въ поэмѣ Некрасова нѣтъ. Это, конечно, не устраняетъ для критики необходимости сличать поэму съ источниками, на которыхъ она построена. Наоборотъ, появленіе „Записокъ“ княгини М. Н. Волконской создаетъ новую и въ высшей степени интересную для литературнаго изслѣдованія за-

дачу: сопоставить прозаическій первоисточникъ съ его художественнымъ воспроизведеніемъ, опредѣлить, что позаимствовалъ Некрасовъ и что внесъ своего, что оставилъ нетронутымъ и что считъ нужнымъ измѣнить. Не слѣдуетъ преувеличивать результаты такого изученія: самая мысль созданія „Русскихъ женщинъ“ съ ихъ готовой фабулой и историко-эпическимъ содержаниемъ такъ мало характерна для творческой личности Некрасова, лирика по преимуществу, никогда не пользовавшагося готовымъ сюжетомъ,—что едва ли возможно разсчитывать здѣсь именно нащупать жизненный нервъ его творчества, здѣсь найти ключъ къ его художественной психикѣ. Однако, нѣкоторые цѣнные результаты такое сопоставленіе подлинныхъ воспоминаній княгини М. Н. Волконской съ поэмой Некрасова можетъ дать несомнѣнно. Предоставляя этотъ благодарный трудъ, выходящій за предѣлы нашей непосредственной задачи, изслѣдователямъ литературной дѣятельности Некрасова, намѣтимъ здѣсь нѣсколько черточекъ.

Въ противоположность первой части „Русскихъ женщинъ“, основанной на различныхъ устныхъ и письменныхъ матеріалахъ, поэма „Княгиня М. Н. Волконская“ покоится цѣликомъ на одномъ основномъ источникѣ. Имъ опредѣлилась и общая архитектура поэмы, и ея настроеніе, и послѣдовательность изображенныхъ въ ней событій. Какъ и подлинныя „Записки“, поэма представляетъ собою воспоминанія, написанныя значительно позже тяжелыхъ испытаній, пережитыхъ княгиней Волконской. Въ подлинныхъ ея запискахъ мы нашли меньше новаго, чѣмъ можно было ожидать: такъ много мы знали уже отъ Некрасова.

Но не только въ общей формѣ, въ основныхъ чертахъ поэма Некрасова представляетъ собою художественное воспроизведеніе „Записокъ“ княгини М. Н. Волконской: длинный рядъ характерныхъ подробностей и мелочей, давно близкихъ и родныхъ русскому читателю, также почерпнуть поэтомъ изъ того же содержательнаго въ своей скромности источника. Мы привыкли считать эти мелкія черточки поэтическимъ украшеніемъ, вымысломъ, законно созданнымъ поэтической мыслью въ органическомъ согласіи съ цѣлымъ: теперь мы видимъ, что творчество въ известной степени заключалось въ выборѣ болѣе цѣнныхъ для характеристики и настроенія эпизодовъ, что оттѣнки, которые представлялись намъ правдой поэзіи, были также правдой дѣйствительности. Когда мы дождемся, наконецъ, научно комментированнаго изданія произведеній Некрасова, въ примѣчанія къ „Русскимъ женщинамъ“ придется перенести чуть не цѣликомъ „Записки“ княгини М. Н. Волконской вплоть до того момента, гдѣ разстался съ нею ея поэтъ. И тогда хулители Некрасова, вмѣсто того, чтобы говорить, какъ они говорили до сихъ поръ: „какая это поэзія,—это все выдумки!“—станутъ говорить: „какая это

поэзия,—здесь нѣтъ выдумки!“ Неправы они, конечно, въ обоихъ случаяхъ: на то они и хулители, чтобы быть неправыми. Но все же изъ двухъ крайностей вторая ближе къ истинѣ; и сличеніе мелочей съ особенной ясностью показываетъ, какъ мало вымысла въ поэмѣ Некрасова. Удѣлимъ нѣсколько вниманія этому сличенію.

Читателямъ хорошо памятна милая поэтическая картина, отрывающаяся поэму: эти „проказники-внуки“, обступившіе такъ много пережившую старушку-бабушку и упрашивающіе ее рассказать что-нибудь. Все, доступное ихъ пониманію, она уже рассказала: остается иное, самое главное.

И вотъ, не желая остаться въ долгу
У внуковъ, пишу я записки;
Для нихъ я портреты людей берегу,
Которые были мнѣ близки...

И настроеніе, и образы въ этомъ вступленіи дышатъ живымъ вліяніемъ подлинника. „Миша мой—начнутся „Записки“—ты меня просишь записать рассказы, которыми я развлекала тебя и Нелли, съ вашего дѣтства, словомъ—написать свои воспоминанія... ..для тебя я и буду писать, а для твоей сестры и для Сережи, съ условіемъ, чтобы эти воспоминанія не сообщались никому, кромѣ твоихъ дѣтей, когда они у тебя будутъ; они прижмутся къ тебѣ, широко раскрывая глаза при рассказахъ о нашихъ лишеніяхъ и страданіяхъ, съ которыми, однако же, мы свыклись настолько, что сумѣли быть и веселы, и даже счастливы въ изгнаніи. Я здѣсь сокращу то, что такъ васъ забавляло, когда вы были дѣтьми: рассказы о счастливомъ времени, проведенномъ мною подъ родительскимъ кровомъ, о моихъ путешествіяхъ, о моей долѣ радостей и удовольствій на этомъ свѣтѣ“.

Этого сокращенія не принялъ, какъ извѣстно, Некрасовъ и, по доступнымъ ему даннымъ, поэтически изобразилъ ту часть автобіографіи княгини, которую она пропустила въ своихъ воспоминаніяхъ. Этими осложняющими фабулу подробностями, прибавленными Некрасовымъ, мы займемся ниже; здѣсь остановимся на деталяхъ, почерпнутыхъ въ подлинникѣ.

Ихъ очень много, начиная съ первыхъ его страницъ. Все знакомое найдетъ здѣсь читатель: и купанье въ Одессѣ вскорѣ послѣ свадьбы, вызванное болѣзнью княгини, и разлуку съ мужемъ, и краткое свиданіе съ нимъ въ мѣстѣ его служенія, закончившееся ночной тревогой, когда князь узналъ о томъ, что тайна заговора открыта: „черезъ недѣлю онъ вернулся среди ночи; онъ меня будить, зоветъ: „вставай скорѣй“; я встаю, дрожа отъ страха. Моя беременность приближалась къ концу, и это возвращеніе, этотъ шумъ меня испугали. Онъ сталъ растаптывать каминъ и сжигать какія-то бумаги. Я ему помогала, какъ

умѣла, спрашивая, въ чемъ дѣло? „Пестель арестованъ“. — „За что“?—Нѣтъ отвѣта. Вся эта таинственность меня тревожила. Я видѣла, что онъ былъ грустенъ, озабоченъ. Наконецъ, онъ мнѣ объявилъ, что обѣщалъ моему отцу отвезти меня къ нему въ деревню на время родовъ,—и вотъ мы отправились. Онъ меня сдалъ на попеченіе моей матери и немедленно уѣхалъ; тотчасъ по возвращеніи онъ былъ арестованъ и отправленъ въ Петербургъ. Такъ прошелъ первый годъ нашего супружества; онъ былъ еще на исходѣ, когда Сергѣй уже сидѣлъ подъ затворами крѣпости въ Алексѣевскомъ равелинѣ. Роды были очень тяжелы, безъ повивальной бабки“.

И эта подробность сохранена Некрасовымъ. Сохранилъ онъ также эпизодъ съ обмѣномъ платковъ при свиданіи въ крѣпости и сцену послѣдняго прощанія княгини съ своимъ сыномъ:

Послѣднюю ночь провела я
 Съ ребенкомъ. Нагнувшись надъ сыномъ моимъ,
 Улыбку малютки родного
 Запомнить старалась; играла я съ нимъ
 Печатью письма рокового

 Большая и красная эта печать
 Его забавляла...

„Передъ отъѣздомъ—читаемъ мы въ „Запискахъ“—я стала на колѣни у люльки моего ребенка; я молилась долго. Весь этотъ вечеръ онъ провелъ около меня, играя печатью письма, которымъ мнѣ разрѣшалось ѣхать и покинуть его навсегда. Его забавлялъ большой и красный сургучъ этой печати“.

Особенно много сохранено деталей въ рассказѣ о пути княгини. Читатели уже знаютъ, что вечеръ у Зинаиды Волконской изображенъ въ общемъ согласно „Запискамъ“. Есть отступленія, но даже такая подробность, какъ „сама я не пѣла—была я больна“—основана на „Запискахъ“. И стихи

О, пойте же, пойте! играйте!..
 Ни музыки я не услышу такой,
 Ни пѣсни... Наслушаться дайте!..

воспроизводятъ подлинныя слова княгини: „Еще, еще, подумайте,—вѣдь я никогда больше не услышу музыки“. Привалъ въ Казани вечеромъ наканунѣ новаго года, балъ, видный изъ оконъ гостиницы, попытка запугать княгиню мнимой задержкой Трубецкой въ Иркутскѣ, разговоръ съ смотрителемъ (въ подлинникѣ—хозяинъ гостиницы) о мятели, отвѣтъ княгини: „Ахъ, то ли придется еще испытать“, ночь подъ новый годъ въ саняхъ въ бурю въ степи, все, даже рогожа надъ верхомъ кибитки—взято въ „Запискахъ“; также поздравляла княгиня съ новымъ годомъ своего ямщика, также сблизилъ они съ пути, также ночевали въ хижинѣ лѣсника, какъ рассказано у Некрасова; также пѣла и

говорила. стихи бѣдная княгиня, чтобы развлечься во время своей безконечной дороги.

Послѣ встрѣчи съ серебрянкой,—какъ мы видѣли, изображенной вполне согласно съ „Записками“,—героиня Некрасова молится въ деревенской церкви.

Отецъ Иоаннъ, что молебень служилъ
И такъ непритворно молился,
Потомъ въ казематъ священникомъ былъ
И съ нами душой породнился...

Какъ легко могъ бы исключить Некрасовъ этотъ мягкій религиозный эпизодъ, если бы онъ былъ не правдивымъ художникомъ, а тенденціознымъ поэтомъ направленія. Онъ этого, конечно, не сдѣлалъ. Изъ художественныхъ соображеній онъ позволилъ себѣ только перенести его въ деревенскую церковь изъ Иркутской; прибывъ въ столицу восточной Сибири, княгиня „пошла прежде всего въ первую церковь, которая мнѣ встрѣтилась, чтобы отслужить благодарственный молебенъ; служившій священникъ оказался впоследствии настоятелемъ въ нашей тюрьмѣ“; согласно примѣчанію издателя — оно, вѣроятно, было также сдѣлано устно Некрасову,— это былъ о. Петръ Громовъ, который, будучи впоследствии переведенъ въ Петровскій заводъ, „оставилъ въ заключенныхъ благодарную память“. Этихъ устныхъ сообщеній нынѣшняго издателя было, вѣроятно, не мало—и къ нимъ, надо полагать, сводятся нѣкоторыя частности поэмы, которыхъ Некрасовъ — при его уваженіи къ дѣйствительнымъ впечатлѣніямъ своей героини — не сталъ бы измышлять безъ основанія. Когда, напримѣръ, княгиня Волконская завѣщаетъ своимъ внукамъ альбомъ и цвѣты

Съ могилы сестры Муравьевой,
Коллекцію бабочекъ, флору Читы
И виды страны той суровой—

и браслетъ, выкованный ей нѣкогда мужемъ изъ его кандаловъ,—въ этихъ мелочахъ чувствуется дѣйствительность; въ „Запискахъ“ объ этомъ нѣтъ упоминанія; говорится только, что Н. Бестужевъ въ Петровскомъ заводѣ сдѣлалъ женамъ кольца изъ желѣза мужниныхъ кандаловъ, а „братья Борисовы, страстные естествоиспытатели, собирали травы и составили коллекцію насѣкомыхъ и бабочекъ“.

Иркутскъ героиня Некрасова отмѣчаетъ двумя стихами: съ ней продѣлали здѣсь то же, чѣмъ терзали до нея Трубецкую—этому была посвящена первая половина поэмы. Разсказъ о дальнѣйшемъ путешествіи опять питается потребностями, позаимствованными въ „Запискахъ“,—и здѣсь мы найдемъ всѣ тяжелыя подробности этого пути, ни мало не преувеличенныя Некрасовымъ: переѣздъ черезъ Байкаль „ночью при жесточайшемъ мо-

розѣ“, отъ котораго „слеза замерзала въ глазу, дыханье, казалось, леденѣло“, переходъ къ телѣгѣ, мученія и голодъ въ пути, угощеніе у тароватаго купца:

Сперва

Телѣга меня занимала,
 Но вскорѣ потомъ, ни жива, ни мертва,
 Я прелесть телѣги узнала.
 Узнала и голодъ на этомъ пути:
 Къ несчастію, мнѣ не сказали,
 Что тутъ ничего невозможно найти...
 Тутъ почту буряты держали;
 Говядину вялятъ на солнцѣ они,
 Да грѣются чаемъ кирпичнымъ,
 И тотъ еще съ саломъ!

 Какой то купецъ тароватый
 Въ Иркутскѣ замѣтилъ меня, обогналъ
 И въ честь мою праздникъ богатый
 Устроилъ... Спасибо! Я рада была
 И вкуснымъ пельменямъ, и банѣ...
 А праздникъ, какъ мертвая, весь проспала
 Въ гостиной его на диванѣ.

Мы имѣемъ предъ собою почти переводъ: „Мысль ѣхать на перекладныхъ—разсказываетъ княгиня—меня очень забавляла, но моя радость прошла, когда я почувствовала, что меня трясетъ до боли въ груди; я приказывала останавливаться, чтобы передохнуть свободно. Это удовольствіе я испытывала на протяженіи 600 верстъ; при всемъ этомъ я голодала: меня не предупредили, что я ничего не найду на станціяхъ, а онѣ содержались бурятами, питавшимися только сырой, сушеной или соленой говядиной и кирпичнымъ чаемъ съ топленнымъ жиромъ. Наконецъ, я пріѣхала въ Бянкино къ мѣстному богатому купцу, который былъ очень внимателенъ ко мнѣ; онъ приготовилъ мнѣ цѣлый пиръ и оказывалъ мнѣ величайшее почтеніе. Меня одолѣвалъ сонъ, я едва ему отвѣчала и заснула на диванѣ“.

Сохранены реальныя подробности подлинника и въ разсказѣ о спускѣ въ рудники: также задула княгиня факель, убѣгая отъ офицера, который не хотѣлъ ей позволить говорить съ ссыльными, также на возвышеніи нашла она своихъ, ей также спустили лѣстницу и потомъ втащили, а офицеръ, оставшійся внизу, сердился и звалъ ее внизъ. И что особенно интересно—разсказъ ея также прерывается прочувствованнымъ похвальнымъ словомъ простому русскому человѣку, вездѣ, даже въ каторгѣ, сохраняющему свою человѣчность. Некрасовъ сохранилъ послѣдовательность и даже отдѣльныя выраженія:

„Васъ въ каторгѣ самый законъ не спасетъ!“
 На родинѣ мнѣ говорили;
 Но добрыхъ людей я встрѣчала и тамъ,
 На крайней ступени паденья;

Умѣли по-своему выразить намъ
 Преступники дань уваженья;
 Меня съ неразлучною Катей моею
 Довольной улыбкой встрѣчали!
 „Вы—ангелы наши!“ За нашихъ мужей
 Уроки они исполняли.
 Не разъ мнѣ украдкой давалъ изъ поля
 Картофель колодникъ клейменный:
 „Покушай! горячій, сейчасъ изъ золы!“

Это уклоняется отъ французскаго подлинника не больше, чѣмъ прилично стихотворному переводу. Вотъ переводъ прозаическій:

„Здѣсь кстати упомянуть, какъ правительство ошибается относительно нашего добраго русскаго народа. Въ Иркутскѣ меня предупреждали, что я рискую быть оскорбляемой или даже убитой въ рудникахъ, и что власти не будутъ въ состояніи меня защитить, такъ какъ эти несчастные не боятся больше наказаній. Теперь я жила среди этихъ людей, принадлежащихъ къ послѣднему разряду челоувѣчества, а, между тѣмъ, мы видѣли съ ихъ стороны лишь знаки уваженія; скажу больше: меня и Катюшу они просто обожали и не иначе называли нашихъ узниковъ, какъ „наши князья“, „наши господа“; а когда работали вмѣстѣ съ ними въ рудникѣ, то предлагали исполнять за нихъ урочную работу; они приносили имъ горячій картофель, испеченный въ золѣ. Эти несчастные, по окончаніи срока каторжныхъ работъ, выдержавъ наказаніе за свои преступленія, большею частью, исправлялись, начинали трудиться на себя, дѣлались добрыми отцами семьи и даже брались за торговлю“.

Трудно преувеличить значеніе содержанія, сгущеннаго въ этихъ немногихъ строкахъ; просто и сдержанно онѣ формулируютъ впечатлѣнія тридцатилѣтняго общенія съ простымъ народомъ, отверженнымъ и отвергаемымъ нашей жестокой и бессмысленной правовой жизнью безъ всякой—надо же въ этомъ сознаться—вины съ его стороны. Не идеологу, не публицисту, не теоретику принадлежитъ это похвальное слово каторжному народу Россіи: нѣтъ въ немъ ничего кромѣ здраваго смысла и правдивости. И поэтъ народныхъ страданій всей душой понялъ силу этого отступленія и отъликнулся на него вдохновенными лирическими строками:

Помедлимъ немного. Хочу я сказать
 Спасибо вамъ, русскіе люди!
 Въ дорогѣ, въ изгнаньи, гдѣ я ни была,
 Все трудное каторги время —
 Народъ! Я бодрѣе съ тобою несла
 Мое непосильное бремя.
 Пусть много скорбей тебѣ пало на часть,—
 Ты дѣлишь чужія печали,
 И гдѣ мои слезы готовы упасть,
 Твои ужъ давно тамъ упали!..

Этой лирики съ ея художественной приподнятостью нѣтъ въ „Запискахъ“,—какъ нѣтъ въ нихъ цѣлаго ряда эпизодовъ, ко-

торые Некрасовъ счелъ умѣстнымъ, въ полномъ согласіи съ подлинникомъ, внести въ свою поэмѣ. Нѣтъ здѣсь ни воспоминаній княгини о ея молодости и отцѣ, нѣтъ составляющихъ вступленіе въ III главу поэмѣ лирическихъ признаній о напряженной работѣ мысли, сдѣланшей впоследствии изъ вѣрной жены убѣжденную сторонницу мужа, нѣтъ діалоговъ съ отцомъ, нѣтъ обширной характеристики княгини Зинаиды (начало IV главы) и московской знати, собравшейся привѣтствовать молодую героиню. Не нашелъ Некрасовъ въ „Запискахъ“ также никакихъ деталей для разсказа о пребываніи съ Пушкинымъ въ Гурзуфѣ, для бытовыхъ картинокъ въ описаніи пути между Казанью и Москвою (начало V главы), для изображенія встрѣчи съ Трубецкой и разсказа ямщика (начало VI главы); также продуктъ творческой фантазіи Некрасова—картина рудника и эпизодъ съ канавой, въ которую чуть было не упала княгиня. Случайность или намѣреніе: всѣ эти вставки падаютъ на начала главъ.

Отнесясь съ должнымъ уваженіемъ къ дѣйствительности, о которой онъ имѣлъ прямое, непререкаемое свидѣтельство, поэтъ сумѣлъ совмѣстить съ этимъ уваженіемъ надлежащую свободу, въ которой, конечно, видѣлъ высшій законъ художественнаго изображенія. Предисловіе издателя донесло до насъ одну любопытную и цѣнную для психологіи творчества Некрасова справку о томъ, какъ самъ поэтъ считалъ себя въ правѣ обращаться съ дѣйствительностью. „Когда поэма была кончена—разсказываетъ князь М. С. Волконскій—онъ (Некрасовъ) принялъ мои замѣчанія и просилъ лишь оставить ему сцену встрѣчи княгини Волконской съ мужемъ не въ тюрьмѣ, какъ изложено въ „Запискахъ“, а въ шахтѣ: „Не все-ли вамъ равно, съ кѣмъ встрѣтилась тамъ княгиня: съ мужемъ ли, или съ дядею Давыдовымъ; они оба работали подъ землею, а эта встрѣча у меня такъ красиво выходитъ“. Такихъ измѣненій не много, но они есть. Такъ, у Некрасова княгиня говоритъ о „проказникахъ-внукахъ“; на самомъ дѣлѣ во время составленія воспоминаній у нея былъ лишь одинъ внукъ. Свиданіе съ мужемъ въ Алексѣевскомъ равелинѣ состоялось до приговора и разжалованія, когда „одѣли ихъ въ рубище, сняли кресты“, а не послѣ, какъ у Некрасова, у котораго

Сергѣй на одежду свою показалъ:
„Поздравь меня, Маша, съ обновкой“...

Едва ли соответствуетъ дѣйствительности форма самоосужденія старика-отца княгини:

„Я самъ виноватъ! Я тебя погубилъ“!
Воскликнулъ онъ вдругъ, негодуя:
„Гдѣ былъ мой разсудокъ? Гдѣ были глаза! .
Ужъ знала вся армія наша“...

Князь Сергій Волконскій былъ честный человекъ, и не ввелъ въ заблужденіе семью своей будущей жены: мы знаемъ изъ его „Записокъ“, что онъ счелъ своимъ долгомъ предварительно сообщить ей черезъ своего друга о своей прикосновенности къ тайному обществу.

Не вполне точны также слова:

Сестру заклинала я снова
Быть матерью сыну... Сестра поклялась.

Въ дѣйствительности княгиня рассказываетъ, какъ „поручила своего бѣднаго малютку попеченію *свекрови и невестокъ* и, съ трудомъ оторвавшись отъ него, вышла“. Наконецъ, въ рудникѣ, гдѣ княгиня побывала на другой день послѣ свиданія съ мужемъ, не было—она это отмѣчаетъ — ни Оболенскаго, ни Трубецкаго; Некрасовъ среди прочихъ называетъ и ихъ.

Все это, по преимуществу, внѣшнія мелочи. Но издатель въ своемъ предисловіи обращаетъ вниманіе также на нѣкоторыя отступленія отъ его указаній, представляющія ему существенными. Этихъ отступленій два: оба они касаются не столько грубо осязательныхъ фактовъ, сколько характера героини Некрасова. „Однажды, встрѣтивъ меня въ театрѣ, — сообщаетъ князь М. С. Волконскій—Некрасовъ сказалъ мнѣ, что написалъ поэму: „Княгиня Е. И. Трубецкая“, и просилъ меня ее прочесть и сдѣлать свои замѣчанія. Я ему отвѣтилъ, что нахожусь въ самыхъ тѣсныхъ дружескихъ отношеніяхъ съ семьею Трубецкихъ и что, если впоследствии найдутся въ poemѣ мѣста, для семьи неприятныя, то, зная, что поэма предварительно сообщена мнѣ, Трубецкіе могутъ меня, весьма основательно, подвергнуть укору; поэтому я готовъ сообщить свои замѣчанія въ томъ лишь случаѣ, если авторъ ихъ приметъ. Получивъ на это утвердительный отвѣтъ Николая Алексѣевича, а на другой день и самую поэму въ корректурномъ еще видѣ, я тотчасъ ее прочелъ и свезъ автору съ своими замѣтками, касавшимися преимущественно характеровъ описываемыхъ лицъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, для красоты мысли и стиха, онъ измѣнилъ характеръ этой высокодобродѣтельной и кроткой сердцемъ женщины, на что я и обратилъ его вниманіе. Многія замѣчанія онъ принялъ, но отъ нѣкоторыхъ отказался и, между прочимъ, отказался выпустить четырехстишіе, въ которомъ княгиня бросаетъ кускомъ грязи въ только-что покинутое ею бывшее петербургское общество, къ которому прнадлежали ея родные и близкіе друзья и къ которому она въ дѣйствительности, стремилась душою изъ далекой ссылки до конца своихъ дней“...

То обращеніе героини Некрасова, которое, очевидно, имѣетъ въ виду авторъ предисловія, далеко не такъ грубо, чтобы его можно было назвать кускомъ грязи. Для читателей погibli замѣненныя точками стихи въ монологъ княгини Трубецкой, но то

что отъ него осталось, есть лишь рѣзкая характеристика свѣта, какія, конечно, не разъ давали ему выдающіеся его представители:

Нѣтъ, въ этотъ вырубленный лѣсъ
Меня не заманяť,
Гдѣ были дубы до небесъ,
А нынче пни торчатъ!
Вернуться? жить среди клеветъ,
Пустыхъ и темныхъ дѣлъ?..
Тамъ мѣста нѣтъ, тамъ друга нѣтъ
Тому, кто разъ прозрѣлъ!

Княгиня говорила это по пути къ мужу, только что оставивъ свѣтъ, говорила въ пылу борьбы за свое святое право забыть этотъ свѣтъ ради любимаго человѣка; своихъ близкихъ, оставленныхъ въ томъ высшемъ петербургскомъ обществѣ, къ которому она принадлежала вмѣстѣ съ ними, она, конечно, оставляла въ сторонѣ при этой характеристикѣ. И думается, если впоследствии, умиротворенная своими испытаніями, княгиня Трубецкая „стремилась душою изъ далекой ссылки“ въ тотъ кругъ, изъ котораго вышла, то все же Некрасовъ имѣлъ основаніе вложить въ совсѣмъ другой моментъ въ ея уста приведенныя слова. Здѣсь нѣтъ даже поэтической—не говоря о какой либо иной—вольности.

Другой укоръ касается второй части „Русскихъ женщинъ“. Когда Некрасовъ просилъ издателя „Записокъ“ позволить ему перенести сцену встрѣчи княгини Волконской съ мужемъ изъ тюрьмы въ шахту, онъ согласился. „Я уступилъ—рассказываетъ князь С. М. Волконскій, — но, уѣзжая изъ Петербурга, просилъ выслать мнѣ для просмотра еще послѣднюю корректуру. Поэтъ этого не исполнилъ, и я получилъ отъ него при письмѣ, полномъ извиненій, поэму, уже выпущенную („Отечественныя Записки“, январь 1873 года). Этимъ объясняется то, что въ поэмѣ проскользнуло нѣсколько выраженій, не отвѣчающихъ характеру воспѣтой имъ женщины“.

Мы не старались отыскать эти выраженія: едва ли кому либо пристало быть судьей въ спорѣ между поэтомъ, свободнымъ въ вдохновенномъ преобразованіи *своей* дѣйствительности, и сыномъ его героини, для котораго единственной достойной характеристикой усопшей его матери естественно представляется его благоговѣйное отношеніе къ ея памяти. Думается только, Некрасовъ такъ много сдѣлалъ для возвеличія своей героини, что она принадлежитъ и ему. Въ сущности, онъ довершилъ дѣло ея жизни. Онъ поднялъ ее на высоту, которой она достойна, но на которую могутъ вознести лишь орлиныя крылья истиннаго поэта.

И мы видѣли, въ какой степени это изображеніе соотвѣтствуетъ дѣйствительности; теперь умолкнуть голоса, утверждавшіе противное; какая же рѣчь можетъ идти о „выраженіяхъ, не соотвѣтствующихъ ея характеру“? Какъ ни преувеличивать зна-

ченіе этихъ мелкихъ отгѣнковъ, они ничтожны въ сравненіи съ тѣмъ ореоломъ, которымъ Некрасовъ окружилъ имя княгини М. Н. Волконской.

А. Горнфельдъ.

Н О В Ы Я К Н И Г И.

Василій Якимовъ. „Безъ хлѣба насущнаго“. Разказы. Спб. 1904 г.

Въ декабрѣ 1902 года въ „Русскомъ Богатствѣ“ было отмѣчено появленіе книги г-на Якимова „По слѣдамъ голода“. Написанная подъ живымъ впечатлѣніемъ, эта небольшая книжечка (всего 231 стр.), не претендовавшая на художественность, въ простомъ и сжатомъ видѣ давала картинки народной невзгоды, выхваченныя изъ жизни. Въ настоящее время г. Якимовъ выпустилъ новый сборникъ разказовъ, значительно большій по размѣрамъ (314 стр. убористой печати) и шире по содержанію. Кромѣ шести разказовъ, имѣющихъ особое общее заглавіе („Въ лѣтопись голоднаго года“) и какъ бы повторяющихъ мотивы первой книги,—здѣсь есть еще 13 очерковъ, такъ сказать, общаго содержанія. Правда, и въ нихъ опять часто фигурируетъ тотъ же голодъ, что видно и изъ заглавія всей книги („Безъ хлѣба насущнаго“), но голодають уже не мужики, а интеллигенты или, какъ часто повторяетъ авторъ,—„интеллигентные пролетаріи“. Такъ, въ разказѣ „Одинъ сочельникъ“ голодають ех-студентъ Ризниченскій, ех-репортеръ Тягучій и — разказчикъ („я“). Въ слѣдующемъ („Безъ хлѣба насущнаго“) голодаетъ опять „интеллигентный пролетарій“. Дальше — голодаетъ нѣкій „Кузька рыжій“, затѣмъ опять „интеллигентный пролетарій“ („Въ стогъ“), затѣмъ врачъ Темрюковъ вспоминаетъ, какъ онъ голодалъ, будучи студентомъ“. Въ другихъ разказахъ тоже фигурируютъ студенты и богема, голодающіе и не голодающіе.

Къ сожалѣнію, на этотъ разъ попытку г-на Якимова нельзя назвать удачной. Чисто беллетристическіе очерки его лишены непосредственной изобразительности, лица блѣдны, разговоры шаблонны. При описаніи своихъ „голодающихъ интеллигентовъ“ г. Якимовъ чрезвычайно легко впадаетъ въ эффектичаніе и мелодраму. Вотъ, напр., одинъ изъ его героевъ вынужденъ голодомъ просить милостыню. Положеніе крайне драматическое, и у настоящаго художника нашлись бы, конечно, черты простыя и сильныя для его изображенія. Г. Якимовъ замѣняетъ ихъ восклицаніями: „Ѣсть, Ѣсть, Ѣсть!.. Голодъ, мучительный голодъ одо-

лѣваетъ мое сознание... Что дѣлать, что дѣлать? — проносится въ моемъ воспаленномъ мозгу. Украсть?.. Совѣсть запрещала. Просить милостыню? Мнѣ, „интеллигенту“—стать на углу улицы, протянуть дрожащую руку и молящимъ голосомъ произнести: — Христа ради, подайте...“ И т. д. Тутъ нѣтъ ни одной черты, живой и подлинной. Это — не чувства самого „голодающаго интеллигента“, а разсужденія автора объ его положеніи. Но вотъ, онъ рѣшается попросить у какой-то старушки. „Старушка полѣзла въ карманъ, пошарила тамъ и, вытащивъ что-то оттуда, подала мнѣ: — „На-ко-сь, батюшка, полакомься“... И въ моихъ рукахъ оказался кусочекъ сахару. Я захохоталъ, какъ сумасшедшій. Мнѣ, которому нуженъ кусокъ хлѣба, огрызокъ сахару!.. И, хохоча, бросилъ сахаръ на тротуаръ“.. Положеніе, несомнѣнно, тяжелое, а между тѣмъ вся сцена оставляетъ читателя холоднымъ: старуха съ своимъ кусочкомъ сахара слишкомъ ужъ явно привлечена для эффекта, а мелодраматическія восклицанія и театральныя хотѣнья героя напоминаютъ скорѣе привычнаго „стрѣлка“ изъ бывшихъ актеровъ. Истинное горе и стыдливая нужда гораздо, гораздо проще!..

Впечатлѣніе такой же надуманности, преднамѣренности и аффектированности лежитъ на всей почти книгѣ. Языкъ г-на Якимова не простой, изломанный, вычурный. „Тягучаго“ (это голодающій репортеръ) выгнали изъ „Листка“ потому, что онъ, увлекшись лицепріятіемъ, сопровождаемымъ со стороны кое-кого бутылкой „веселительнаго“ съ „приличнымъ званію закусономъ“, сообщилъ въ „Листкѣ“ какую-то грязную сплетню“ (стр. 31). Студента Ризниченскаго исключили изъ университета „за неприязнь къ дарамъ одного веселаго божка, которые онъ, стараясь, должно быть, стереть съ лица земли, истреблялъ съ ожесточеніемъ въ неимовѣрномъ количествѣ“ (30). При первомъ знакомствѣ (во время поисковъ квартиры) этотъ Ризниченскій говоритъ рассказчику: — „Осмѣливаюсь дерзать думать, что не бельэтажъ себѣ сеньоръ подыскиваетъ“. Вообще герои г-на Якимова рѣдко говорятъ простымъ человѣческимъ языкомъ и даже для самыхъ, повидимому, непосредственныхъ ощущеній не находятъ простого выраженія. „Боль въ волосахъ показала мнѣ, что мужикъ схватилъ меня за нихъ“—говоритъ, на примѣръ, „интеллигентный пролетарій“ на стр. 89. Кровать у нихъ неизмѣнно называется „прокрустовымъ ложемъ“, мораль всегда ходитъ съ эпитетомъ „буржуазная“, разговоры всѣ похожи другъ на друга, какъ и сами герои, скроенные по очень ходячимъ трафареткамъ. Даже тѣ рассказы, въ которыхъ г. Якимовъ возвращается къ голоду—увъ!—носятъ ту же печать выдуманности и шаблона: такъ, на „Заброшенномъ хуторѣ“ голодають и даже, по увѣренію автора, умирають съ голоду *служащіе на хуторѣ*, принадлежащемъ „блестящему петербургскому гвардейцу“. Обстановка

этого маловероятнаго событія совершенно напоминает зимовку на Новой Землѣ какихъ нибудь одинокихъ рыболововъ... На постояломъ дворѣ мужики расписываютъ шаблоннаго „кулака“ такими избитыми чертами, точно они прочли передовую статью о кулачествѣ въ какой нибудь провинціальной газетѣ и рѣшили изложить ее въ разговорной формѣ... Въ очеркѣ „Желѣзная голова“ дѣло происходитъ въ убогомъ провинціальномъ циркѣ, но авторъ никакъ не можетъ отдѣлаться отъ шаблонныхъ воспоминаній „о величественномъ коллизеѣ, на аренѣ котораго пролилось столько благородной крови на потѣху дикой черни, требовавшей себѣ громкими, грозными криками: *panem et circenses!*..“ Что дѣлать? Оно какъ будто и несовсѣмъ кстати, но шаблоны учебниковъ сохранили свою власть надъ воображеніемъ автора, а тутъ еще—воспоминаніе объ извѣстномъ произведеніи г-на Луговаго („*Pollice verso*“). И г. Якимовъ заставляетъ свою римскую чернь кричать сразу: — *Panem et circenses... Pollice verso* (стр. 111),—забывая, что *pollice verso*—не восклицаніе, а жестъ, и что требовать *circenses*, сидя въ циркѣ, со стороны „римской черни“ по меньшей мѣрѣ нелогично... Что касается самой картины, подавшей поводъ къ этимъ несообразностямъ, то вотъ она: „Онъ (артистъ цирка) положилъ себѣ на голову доску, на которой помѣстили большой камень-плитнякъ. Двое дюжихъ молодцовъ встали по обѣ стороны его на табуретахъ съ большими молотами въ рукахъ. Музыка заиграла какой-то бѣшенный галопъ, и молотобойцы, поднявъ свои инструменты, въ разъ опустили ихъ на голову Макса Зиберта. Раздался трескъ разбиваемаго камня... другой... третій“... Для читателя сразу очевидно, что г. Якимовъ нѣсколько по своему излагаетъ весьма извѣстный цирковый экспериментъ, когда (и то при помощи разныхъ приспособленій) разбиваютъ камни на животѣ атлета, ослабляющаго удары напряженіемъ упругихъ мускуловъ. Г-ну Якимову этого показалось мало, и онъ упрощаетъ опытъ: у него прямо на головѣ доска съ камнемъ и два дюжихъ молодца жарятъ по ней большими молотами. Но даже и этого недостаточно г. Якимову: его „публика“ требуетъ повторенія. Опять выносятъ стулъ, опять кладутъ камень и опять жарятъ... О Господи, Господи! — думаетъ читатель невольно. Оно, конечно... „*pollice verso*“, съ одной стороны, „*panem et circenses*—съ другой... Но всетаки невѣроятно... Да, художественное творчество, очевидно, не дѣло г-на Якимова. Во всемъ сборникѣ только одинъ рассказъ („Неизбѣжный процентъ“) можно назвать хорошо задуманнымъ и исполненнымъ литературно. Кое-гдѣ еще мелькнетъ недурное описаніе природы, очевидно, воспоминаніе пережитыхъ впечатлѣній. Все остальное лучше было бы „предоставить забвенію“...

Вл. Голиковъ. Разказы. Спб. 1904. Н. А. Худекова. Разказы Спб. 1903.

Еще и еще разказы. Можно подумать, что прорвался откуда то долго сдерживаемый поток творчества и выливается въ эту популярную литературную форму. На самомъ дѣлѣ—ничего подобнаго; достаточно приглядѣться повнимательнѣе къ этой массѣ разнообразнаго беллетристическаго матеріала, чтобы видѣть, какъ мало въ ней настоящаго творчества, и какъ много ненужной литературы. Это именно „литература“ въ томъ уничтожающе презрительномъ смыслѣ, въ какомъ употребленъ этотъ широкій терминъ, на примѣръ, Верленомъ въ его знаменитомъ „Art poétique“: указавъ, въ чемъ онъ видитъ настоящее творчество, старый поэтъ прибавляетъ: „а все остальное—литература“. Не трудно вложить въ это опредѣленіе надлежащій смыслъ. Когда установлена литературная традиція, созданы формы, выяснены приемы, нѣтъ ничего легче, какъ воспользоваться этими формами. Непосредственное чувство дѣйствительности и умѣніе дать ему свое, индивидуальное выраженіе становятся ненужны: нужны лишь книжная выучка, способность подражанія, литературная сноровка и спросъ на литературный матеріалъ,—чтобы самъ пишущій пребывалъ въ глубочайшемъ заблужденіи относительно своихъ силъ и продолжалъ загромождать литературу произведеніями, характернѣйшая черта которыхъ, при всѣхъ ихъ достоинствахъ, полная ненужность. Газетные фельетоны переполнены этими разказами; ихъ прочитываютъ вмѣстѣ съ дневникомъ происшествій и вмѣстѣ забываютъ; а когда разказы эти объединяются въ сборникахъ, изъ чтенія ихъ выносишь только тоску, и масса ихъ дѣйствуютъ удручающимъ образомъ. Между тѣмъ брошенное только что словечко объ ихъ достоинствахъ не насмѣшка; наоборотъ, все обстоитъ въ нихъ въ высшей степени благополучно: они литературны, грамотны и даже не скучны. Они только слишкомъ похожи другъ на друга и ничѣмъ не говорятъ о фізіономіи автора; а вѣдь это самое главное...

Два сборника такихъ разказовъ лежатъ предъ нами. Среди нихъ очень мало неудачныхъ; ихъ можно читать не безъ интереса. Но черезъ нѣсколько дней они сольются въ общую массу, изъ которой не выдѣлится ни одинъ образъ, ни одно событіе, ни одна подробность. Въ разказахъ г-жи Худековой, пожалуй, больше свѣжести и наивности, чѣмъ въ разказахъ г. Голикова, но за то послѣдніе нѣсколько значительнѣе и болѣе обработаны. Г-жа Худекова сумѣла дать лишь серію еле намѣченныхъ эскизовъ съ банальными фигурами и положеніями, настолько неинтересными, что послѣ каждаго ея разказа спрашиваешь себя: ну такъ что-же? У бабы Евдохи родилась дѣвочка; пьяный трактирщикъ Колгушкинъ чуть было не убилъ ребенка, но слезы матери воскресили умиравшую дѣвочку. Домашняя суетолака мѣ-

шаетъ женѣ помѣщика Махова сосредоточиться и отдаться поэтическому вдохновенію. Родители ждутъ пріѣзда сына-студента и устраиваютъ все для его удобства, но онъ телеграфировалъ, что задержанъ дѣлами. Любящая мать терзается подозрѣніемъ, что ея Андриша бѣгаетъ за работницей Дашкой, но потомъ оказывается, что его больше интересуетъ его собака Венерка. Садовника Тихома Степаныча связывали слѣпая мать и идиотка сестра, но однажды ночью, когда счастье улыбнулось ему и свобода была ему особенно нужна, мать вдругъ умерла, а сестра сгорѣла. И такъ далѣе, и такъ далѣе. Конечно, въ такія схемы можно уложить и превосходныя художественныя произведенія, но г-жа Худекова не вышла за предѣлы блѣдныхъ, вялыхъ подробностей, для которыхъ нѣтъ никакой нужды въ непосредственномъ общеніи съ жизнью: ихъ можно выдумать или вычитать. И оттого мертвенной выдумкой несетъ отъ ея умѣренныхъ и аккуратныхъ рассказиковъ. Не столь благопристойны и не столь ничтожны повѣствованія г. Голикова. У него больше изобрѣтательности, хотя, въ погоню за интересными положеніями, онъ легко прибѣгаетъ къ газетному дневнику происшествій, ничего не прибавляя къ ихъ жизненному трагизму. Исторія о томъ, какъ на вокзалѣ „свидѣтельствовали“ народную учительницу, подозрѣвая ее въ томъ, что она подкинула ребенка, обошла когда-то газеты: г. Голиковъ растянулъ ее въ рассказъ; это такъ просто. Иногда онъ намѣчаетъ интересные образы и положенія, но они остаются безъ развитія и не получаютъ той значительности, которая вовлекаетъ насъ въ міръ художественнаго изображенія и дѣлаетъ его намъ близкимъ. Его сюжеты, взятые въ прозѣ жизни, и въ литературѣ остаются въ области прозы. И если аллегорическій рассказъ г. Голикова о томъ, какъ нигѣмъ не замѣченное золото было найдено повѣтомъ и обратилось въ „кубокъ поэзіи“, имѣетъ для него автобіографическое значеніе, то это одно самообольщеніе.

Нашъ полкъ. Картинки изъ жизни германскаго кавалерійскаго полка. Барона Г. фонъ-Омптеда. Пер. съ нѣмецкаго капитана Н. А. Болотова. Спб. 1903.

Баронъ фонъ-Омптеда писатель хорошаго тона. Если бы кто нибудь желалъ познакомиться съ жизнью германскаго кавалерійскаго полка по его книгѣ, то въ картинкахъ Омптеда онъ нашелъ бы только ея внѣшнюю сторону. Маневры, парады, пирушки, полковые разговоры, охота, лошади, собаки, наполняютъ жизнь офицеровъ полка. И все происходитъ такъ аккуратно, чинно, благородно, какъ лучше и быть не можетъ. Авторъ заботливо избѣгаетъ всего, что нарушило бы хорошій тонъ, тщательно соблюдаемый во внѣшней жизни полка. Когда поручикъ Шиллеръ, проигравшій 370,000 марокъ, оказался не въ состояніи ихъ заплатить,

ему, конечно, пришлось подать въ отставку. Но авторъ слѣдуетъ прибавить, что Шпиллеръ „былъ переведенъ къ намъ изъ другого полка и совершенно не подходилъ къ намъ“.

Книга Омштеда любопытна въ томъ отношеніи, что авторъ, вводя читателя въ закрытый міръ военной жизни кавалерійскаго полка, быть можетъ, совершенно бессознательно, показываетъ намъ всю духовную скудость этой жизни. Военная профессія всецѣло поглощаетъ нѣмецкаго офицера, который становится маленькой частичкой своего полка и какъ бы совершенно забываетъ, что и онъ человѣкъ.

Во время упражненій въ сабельной рубкѣ командиръ эскадрона замѣтилъ, что „уланъ Дрозель не умѣетъ наносить удары со свистомъ“. Эскадронъ отпустили, а Дрозеля оставили. „Учитесь до тѣхъ поръ, пока не вычитесь“. Дрозель рубить по воздуху саблей часть, два, три до самаго вечера. Среди окружающихъ это вызываетъ насмѣшки. Самъ авторъ, повидному, не находитъ для Дрозеля ничего, кромѣ снисходительной ироніи. Проходя мимо, говоритъ онъ, слышимъ чей-то голосъ со смѣхомъ: „А Дрозель то не свиститъ“.

Этотъ маленькій эпизодъ характеренъ для всего строя жизни нѣмецкаго кавалерійскаго полка.

евоѣ походной жизни 1877 — 1878 гг. Воспоминанія полковника запаса болгарской арміи С. И. Кисова. Перевелъ со второго изданія М. Горюнинъ. Софія, 1903.

Самъ авторъ въ маленькомъ предисловіи даетъ довольно вѣрный отзывъ объ этой книгѣ. „Мои воспоминанія“, говоритъ онъ, „разбросанны, не совсѣмъ систематичны и даже блѣдны“. Современникъ и непосредственный участникъ войны, г. Кисовъ въ формѣ дневника рисуетъ рядъ картинокъ походной и боевой жизни. Книга посвящена почти исключительно дѣятельности дружинъ болгарскаго ополченія, относительно котораго въ нашихъ военныхъ сферахъ раздавались самыя противорѣчивыя сужденія. Авторъ старается, и довольно объективно, выяснить роль и значеніе болгарскихъ ополченцевъ во время войны. Оказывается, что первые шаги ополченцевъ на поприщѣ военной дѣятельности были не безъ терній. Ихъ наскоро обучали военному дѣлу, при чемъ нѣкоторые учителя „пользовались разными вспомогательными средствами, вродѣ *подзатыльниковъ* и *въ зубы*“. По словамъ г. Кисова, „кулачная расправа завоевала въ ополченіи права гражданства“. Авторъ приводитъ цѣлый рядъ случаевъ жестокаго обращенія съ ополченцами. Одинъ изъ нихъ особенно ярко рисуетъ печальное положеніе ополченца. Нѣкій ефрейторъ Драченко (и фамилія у него подходящая), возмущенный тѣмъ, что ополченецъ Атанасовъ во время маршировки не могъ по

пасть въ ногу, „бросился на Атанасова, нанесъ ему нѣсколько ударовъ въ шею, затѣмъ выхватилъ у него ружье и имъ нанесъ еще нѣсколько ударовъ“. Когда Атанасовъ ушелъ, оставивъ ружье въ рукахъ ефрейтора, послѣдній потребовалъ, чтобы тотъ вернулся.

„Онъ бросился на Атанасова и, схвативъ его за нижнюю губу, повлекъ его къ ружью, отчего губа надорвалась и потекла кровь. Все это произошло почти что на глазахъ у роты. Атанасовъ, какъ былъ, окровавленный, отправился къ ротному командиру жаловаться“.

Его жалоба, однако, привела къ печальнымъ для него послѣдствіямъ. За неисполненіе приказаній начальства онъ, Атанасовъ, „былъ приговоренъ къ переводу въ разрядъ штрафованныхъ и 50 ударамъ розогъ“.

Мимоходомъ авторъ касается той печальной страницы изъ исторіи минувшей войны, которую теперь, быть можетъ, многіе забыли. Хлѣбъ и сухари для солдатъ поставляли подрядчики. „Хлѣбъ бывалъ не выпеченный и съ пескомъ и, главное, вонялъ плѣсенью, а сухари были таковы, что ужъ никакъ не могли быть пищей для людей; но, не смотря на это, всѣхъ солдатъ кормили этими сухарями“.

Иногда авторъ сообщаетъ очень странные факты, которые можно было бы назвать невѣроятными, если бы ихъ не передавалъ самъ очевидецъ и военный человекъ, полковникъ Кисовъ. Однажды къ генералу Столѣтову привели турка, старѣйшину сосѣдней деревни. Генералъ принялъ его очень любезно, угостилъ табакомъ, кофе, а затѣмъ всталъ и обращаясь къ подчиненнымъ, сказалъ:

— Знаете что? Прикажете-ка его повѣсить!

Только что вывели этого турка, какъ привели такого же другого.

— Это что еще? Прикажете повѣсить и этого!—воскликнулъ генералъ, и оба турка затѣмъ повисли на веревкѣ.

И никакихъ объясненій, затѣмъ это понадобилось генералу, не даетъ намъ полковникъ Кисовъ.

Какіе ужасы таить къ себѣ война совершенно независимо отъ сраженій на полѣ брани!

Къ свѣту. Научно-литературный сборникъ. Подъ ред. Ек. П. Лѣтковой и О. Д. Батюшкова. Спб. 1904.

Минувшее празднованіе двадцатипятилѣтія петербургскихъ высшихъ женскихъ курсовъ сошло безъ должнаго общественнаго подъема, соответствующаго значенію этой годовщины. Мы не склонны объяснять эту вялость русскаго общества недостаткомъ вниманія къ высшему женскому образованію. Наоборотъ, въ средѣ, глубоко сочувствующей жевщинамъ, учащимся и отстаивающимъ

свои права, было замѣтно иное настроеніе—дѣловое по преимуществу. Казалось, что нѣтъ времени для торжества, потому что торжество преждевременно, потому что сравнительная устойчивость, отвоеванная молодымъ учрежденіемъ за первую четверть его существованія, просто ничтожна въ сравненіи съ тѣмъ безусловнымъ признаніемъ, которое есть залогъ его жизнеспособности и на которое оно давно имѣетъ право. Высшая женская школа, какъ и въ первые дни своего существованія, остается пасынкомъ нашей образовательной системы,—и общество, на рукахъ котораго остается это драгоценное учрежденіе, слишкомъ занято мыслью о его упроченіи, чтобы отмѣтить радостнымъ торжествомъ двадцатипятилѣтіе, изъ котораго по милости судьбы вырвано три года. Но такъ или иначе, если не веселымъ празднествомъ, то хоть серьезнымъ раздумьемъ—не ради прешлага, но во имя будущаго—надо отмѣтить эту годовщину: и эту задачу удачно выполняетъ научно-литературный сборникъ, изданный комитетомъ общества доставленія средствъ высшимъ женскимъ курсамъ. Согласно намѣренію составителей, онъ долженъ служить реальнымъ проявленіемъ того дѣятельнаго сочувствія, которое курсы неизмѣнно находили у представителей русской прогрессивной литературы. Надо надѣяться, что читающая публика окажетъ надлежащій пріемъ изданію, кромѣ широкой идейной задачи имѣющему и конкретную практическую цѣль: доходъ съ него предназначенъ на учрежденіе особой юбилейной стипендіи.

Содержаніе сборника богато, и разнообразіе его не расплывается въ случайномъ матеріалѣ, а по возможности объединено—если не общностью темъ, то относительнымъ единствомъ общественнаго міровоззрѣнія, лежащаго въ основѣ собранныхъ здѣсь произведеній. Даже лирика сборника дышетъ его общимъ настроеніемъ; на беллетристику его идея отразилась, конечно, въ значительной степени. П. Д. Боборыкинъ далъ хорошую картинку изъ жизни столичной горничной; О. А. Шапиръ въ главѣ изъ стараго романа изобразилъ моментъ, характерный для зачатковъ женскаго эмансипаціоннаго движенія въ Россіи; С. С. Юшкевичъ разсказалъ коротенькую трагедію никому не нужной пожилой гувернантки. Очерки Л. Я. Гуревичъ, М. В. Крестовской и В. А. Ераковой-Даниловой—тоже матеріалы для женской психологіи.

Въ сторонѣ отъ специфическихъ темъ сборника стоятъ прочіе разсказы, изъ которыхъ назовемъ новый сибирскій очеркъ В. Г. Короленко „Феодалы“. Отдѣльнымъ выдающимся женщинамъ посвящены статьи Е. В. Балобановой („Маркиза де Рамбулле“), О. М. Петерсонъ (о шведской писательницѣ Сельмъ Лагерлѣфъ), С. Ѡ. Ольденбурга („Памяти А. В. Потаниной“), С. А. Русовой („Малорусскія женщины XVI и XVII вѣка“), В. Каренина (новая глава капитальнаго труда о Жоржъ-Зандъ),

А. О. Кони („Памяти Ераковой-Даниловой“), П. Е. Щеголева (о гражданскихъ правахъ женъ декабристовъ). Значительный интересъ представляютъ, какъ и должно было ожидать, статьи о разныхъ стадіяхъ вопросовъ и формъ женскаго движенія: о женскомъ вопросѣ въ древней Греціи (проф. Бузескула), „О настоящемъ и будущемъ женскаго движенія, въ связи съ проблемой цѣломудрія и задачами материнства“ Е. Ю. Лозинскаго, воспоминанія г-жи Шабановой о первыхъ годахъ женскаго медицинскаго образованія въ Россіи, „Замѣтка о результатахъ высшаго женскаго образованія въ Италіи“ проф. Ростовцева и, наконецъ, руководящая статья проф. Ф. Ю. Левинсонъ-Лессинга „О главнѣйшихъ факторахъ женскаго движенія“, дающая его широкую картину и умѣло сводящая къ основнымъ положеніямъ доводы боевой литературы женскаго вопроса. Лишь въ общей формѣ затрогиваютъ основныя идеи сборника статьи академика Н. Н. Бекетова „Наука и нравственность“, О. Д. Батюшкова („Метерлинкъ и Глѣбъ Успенскій о справедливости“), воспоминанія Ек. П. Лѣтковой о ея интересныхъ встрѣчахъ съ И. С. Тургеневымъ и, наконецъ,—первое посмертное произведеніе Н. К. Михайловскаго („Драмы Ренана“), которому редакція сборника посвящаетъ нѣсколько почувствованныхъ строкъ въ предисловіи.

Рисунки сборника воспроизводятъ лучшія произведенія русской живописи за послѣднюю четверть вѣка, отразившія характерные моменты женскаго движенія и пытавшіяся дать конкретное воплощеніе выдающимся женскимъ образамъ русской исторіи.

Во всемъ этомъ литературномъ, научномъ, публицистическомъ и художественномъ матеріалѣ такъ много любопытнаго и цѣннаго, что мы можемъ лишь указать его читателю, предоставивъ ему непосредственное знакомство съ нимъ. Надо думать, что усилія редакціи будутъ вознаграждены успѣхомъ, достойнымъ ея удачнаго замысла и труднаго выполненія.

Въ одной изъ статей сборника съ особенной настойчивостью проводится мысль,—отълики которой слышны также въ другихъ статьяхъ,—мысль о томъ, что женское движеніе есть лишь симптомъ и отраженіе общаго социальнаго движенія, что „женскій“ вопросъ есть часть вопроса социальнаго, экономическаго: вопроса „человѣческаго“; особый женскій вопросъ есть его специфическая форма, вызванная специфическими условіями жизни. То же хотѣлось бы намъ здѣсь сказать и объ особыхъ формахъ высшаго женскаго образованія, созданныхъ особымъ складомъ нашей жизни: хорошо, когда онѣ есть, но лучше, когда въ нихъ нѣтъ нужды. Можно привѣтствовать нашу вольную высшую женскую школу, вступившую во вторую четверть вѣка своего труднаго и отвѣтственнаго существованія. Но лучшее, чего ей можно пожелать, это не дожить до полувѣкового юбиле

уступить мѣсто иной, высшей формѣ. Намъ нужно научное образование женщинъ, но не нужны спеціальныя разсадники женскаго образованія: пусть новый юбилей застанетъ нашихъ женщинъ не на „высшихъ женскихъ курсахъ“, а на общей университетской скамьѣ. „Курсистка“ слово хорошее и популярное, но понятіе, въ немъ заключенное, устарѣло для многихъ въ самый моментъ его появленія. Давно пора „курсисткѣ“ уйти въ исторію и уступить свое мѣсто—студенткѣ.

Евгеній Цабель. Графъ Л. Н. Толстой. Литературно-біографическій очеркъ. Переводъ Вл. Григоровича. Кіевъ. 1903.

Очеркъ нѣмецкаго критика Цабеля писанъ для западной широкой публики, которую нужно еще знакомить съ Толстымъ. Для русскаго читателя многое въ книжкѣ Цабеля оказывается излишнимъ. Знакомиться по Цабелю съ Толстымъ русскій читатель, конечно, не будетъ, и для него книжка Цабеля интересна только какъ характеристика нашего великаго писателя, сдѣланная иностранцемъ.

Характеристика эта, впрочемъ, даетъ немного новаго. Не лишено интереса сопоставленіе приѣмовъ творчества Толстого и Верещагина. Если для насъ, русскихъ, сходство это не покажется такимъ большимъ, какъ для иностранца, и мы скорѣе обратимъ вниманіе на черты противоположности, сопоставляя романы Толстого съ картинами Верещагина, то характерно, что для иностранца прежде всего и въ томъ, и въ другомъ видны общія, спеціально русскія черты. Повидимому, эти же спеціально русскія черты Цабель имѣетъ въ виду, когда ниже, говоря о приѣмахъ русскихъ романистовъ, считаетъ общимъ для нихъ приѣмомъ наглядность и точность описанія, наряду съ идеализмомъ въ пониманіи описываемыхъ явленій. Этотъ художественный реализмъ при идеализмѣ идейномъ, повидимому, и составляетъ дѣйствительно характернѣйшую черту русскаго искусства. Характеризуя Толстого, какъ художника, Цабель отмѣчаетъ многочисленныя длинноты, которыя, повидимому, болѣе бросаются въ глаза западному читателю, чѣмъ русскому. Цабель отмѣняетъ совершенство женскихъ типовъ Толстого, которые не уступаютъ по его мнѣнію Тургеневскимъ.

Въ позднѣйшую эпоху, даже въ эпоху созданія „Воскресенья“, Цабель усматриваетъ упадокъ художественнаго творчества Толстого. Какъ мыслитель, Толстой представляется Цабелю строителемъ, который видитъ неудовлетворительное состояніе своего замка и приказываетъ рабочимъ скрыть его, но не имѣетъ плана, по которому онъ будетъ возводить на развалинахъ новое, лучшее зданіе. Выхода, по мнѣнію Цабеля, Толстой не знаетъ самъ. Цабель совершенно не оцѣнилъ значенія могучаго анализа Толстого

въ иныхъ случаяхъ, какъ въ вопросахъ о патриотизмѣ, анализъ Толстого пугаетъ Цабеля. Тѣмъ не менѣе Цабель признаетъ, что всемирную славу Толстой приобрѣлъ не какъ авторъ „Войны и Мира“ и „Анны Карениной“, а какъ моралистъ. Въ этомъ отношеніи, для Россіи по крайней мѣрѣ, Цабель слишкомъ скромное значеніе придаетъ романамъ Толстого.

Въ итогѣ врядъ ли можно признать, что нѣмецкій критикъ вполне понялъ великаго русскаго писателя. Въ точкѣ зрѣнія Цабеля слишкомъ много буржуазной умѣренности, мѣшающей понять мощный анализъ нашего писателя. Не обошлось безъ курьезовъ и въ пониманіи русской жизни. Москвѣ Цабель придаетъ какое-то мистическое значеніе, и, что интереснѣе всего, Толстой представляется ему у Кремлевскихъ воротъ, набожно крестящимся. Въ числѣ авторитетовъ у Цабеля находимъ „виднаго критика изъ „Новаго Времени“ — Буренина“. Переводъ книги Цабеля исполненъ плохо. Переводчикъ плохой стилистъ и, повидимому, слабъ въ нѣмецкомъ языкѣ, почему иногда смыслъ затеривается совершенно. Мѣстами можно исправить переводъ путемъ простой догадки, напр., на стр. 76 нужно, очевидно, читать вмѣсто „учителямъ“ — „ученымъ“, иногда же разобраться безъ нѣмецкаго текста невозможно. Есть путаница и въ именахъ: такъ генералъ Реадъ превратился въ „Рида“.

Уильямъ Джемсъ. Зависимость вѣры отъ воли и другіе опыты популярной философіи. Пер. съ англ. С. И. Церетели. Спб. 1904.

Имя Вильяма Джемса давно уже пользуется большою извѣстностью среди публики, интересующейся философскими вопросами. Вильямъ Джемсъ считается однимъ изъ самыхъ блестящихъ представителей того философскаго теченія, которое, не смотря на многочисленныя разногласія среди различныхъ его представителей, можетъ быть объединено подъ общимъ названіемъ „волютаризма“. Интеллектуализмъ и волютаризмъ должны считаться двумя основными типами психологическихъ ученій. Интеллектуализмъ, считающій познавательную функцію основнымъ явленіемъ нашего духа, достигъ болѣе блестящаго развитія, чѣмъ его соперникъ: въ лицѣ англійской ассоціативной школы интеллектуализмъ одно время достигъ мирового господства. Но обыкновенная манера представителей ассоціативной школы разсматривать процессъ познаванія, какъ пассивное состояніе духа, является слабой стороной этого ученія. И несомнѣнная заслуга волютаристовъ заключается въ постоянномъ указаніи на эту слабую сторону ассоціационистовъ. Однако, какъ ни велика эта заслуга, всетаки, это лишь отрицательная заслуга. А какъ велики ихъ положительныя заслуги? Доказали ли они *законность* воздѣйствія воли на познаніе? Ибо *фактъ* воздѣйствія воли на познаніе при-

знають всё, а волюнтаристамъ нужно доказать, что это воздѣйствіе не является лишь источникомъ заблужденій. До сихъ поръ волюнтаристамъ не удалось доказать законности роли воли въ познаваніи. Считаю себя вправѣ сказать, что это не удалось и Вилльяму Джемсу. Писатель болѣе блестящій, чѣмъ глубокій, болѣе критикъ и застрѣльщикъ, чѣмъ творецъ,—В. Джемсъ написалъ блестящую, интересную и поучительную книжку, въ которой разсыпано много вѣрныхъ мыслей, высказано много вѣрныхъ замѣчаній, но въ которой всетаки основной вопросъ не только не рѣшенъ, но даже и не приблизился къ разрѣшенію.

Книга Джемса состоитъ изъ десятка статей, въ которыхъ трактуются о различныхъ философскихъ вопросахъ. Но мы здѣсь будемъ разсматривать лишь одинъ основной вопросъ, который является не только главнѣйшимъ вопросомъ книги Джемса, но также и тѣмъ связующимъ элементомъ, который даетъ этой книгѣ единство.

„Я принесъ (говоритъ Джемсъ, стр. 1).. нѣчто вродѣ проповѣди на тему объ оправданіи съ помощью вѣры, т. е. опытъ оправданія *вѣры*, защиту нашего права на выборъ роли вѣрующаго“. А на стр. 151 мы читаемъ: „Тщательно выметая всё предрасудки, нужно заодно вымести и тотъ предрасудокъ, что мы обязаны всегда быть строго-научными“. „Активной части нашей природы присущъ элементъ, который всегда горячо признавался христіанской религіей, тогда какъ философы обыкновенно очень неискренно старались запрятать его куда-нибудь подальше, претендуя на построеніе абсолютно-достоверныхъ системъ. Я говорю объ элементѣ вѣры. Вѣра это—увѣренность въ томъ, что съ теоретической точки зрѣнія еще можетъ возбуждать сомнѣнія... Для средняго человѣка очень существенной потребностью является вѣра, рискъ, нѣкоторый переходъ за непосредственную очевидность. Всякое міровоззрѣніе, пробуждающее эту потребностъ, внушающее человѣку представленіе, что онъ лично помогаетъ создавать и осуществлять ту истину, въ метафизическую реальность которой онъ охотно вѣритъ—всякое такое міровоззрѣніе навѣрное найдетъ многихъ сторонниковъ“ (стр. 102—103). „Болѣе чѣмъ вѣроятно, что наша способностъ моральнаго и волевого реагированія на природу вещей до скончанія вѣка останется наиболѣе глубокимъ органомъ общенія нашего со вселенной“ (стр. 162).

Этими выписками достаточно обрисовывается точка зрѣнія В. Джемса. Вѣра потому имѣетъ познавательное значеніе, что она создаетъ ту реальность, существованіе которой заставляетъ признавать. Вотъ въ краткихъ словахъ основное положеніе нашего автора. Посмотримъ, какъ онъ его доказываетъ. Забѣгая впередъ, скажемъ, что доводы Джемса представляютъ странную смѣсь непровержимыхъ доказательствъ и полного отсутствія доказа-

тельство; а именно, онъ неопровержимо доказываетъ, что вѣра въ *некоторыхъ случаяхъ* создаетъ ту реальность, существованіе которой заставляетъ признавать, но затѣмъ, доказавши это, онъ уже безъ всякаго доказательства принимаетъ, что такими свойствами можетъ обладать вѣра и въ другихъ случаяхъ. Приведемъ нѣсколько длинную выписку, изъ которой узнаемъ, какъ происходитъ это „оправданіе вѣрою“.

„Представьте (говоритъ авторъ на стр. 110—111), напримѣръ, что я взбираюсь на Альпы и на несчастье себѣ попадаю въ такое положеніе, изъ котораго могу выйти только съ помощью отчаяннаго прыжка. Такъ какъ подобный случай—первый въ моемъ опытѣ, я не могу быть увѣренъ въ своей способности произвести этотъ прыжокъ удачно. Но надежда и вѣра въ себя вселяютъ въ меня увѣренность, что я достигну своей цѣли, и ноги мои сами собой совершаютъ прыжокъ, который, быть можетъ, оказался бы мнѣ не по силамъ безъ помощи этихъ субъективныхъ эмоцій. Но представьте, что во мнѣ преобладаютъ, наоборотъ, эмоціи страха и недовѣрія, представьте, что я... считаю, что было-бы грѣшно дѣйствовать на основаніи предположенія, не повѣреннаго предварительнымъ опытомъ—въ такомъ случаѣ я буду колебаться такъ долго, что, наконецъ, весь утомленный и дрожащій, прыгну внизъ въ моментъ отчаянія, оступлюсь и упаду въ пропасть. Въ данномъ случаѣ (а такихъ случаевъ безчисленное количество), очевидно, разумнѣе вѣрить въ то, чего желаешь, ибо вѣра—одно изъ неизбѣжныхъ предварительныхъ условій осуществленія объекта желанія. *Итакъ, существуютъ случаи, когда вѣра сама себя оправдываетъ.* Вѣрьте, и вы будете правы, потому что спасетесь, сомнѣвайтесь, и вы опять будете правы, потому что погибнете. Разница лишь въ томъ, что вѣрить гораздо выгоднѣе для насъ“.

Но не на однѣхъ лишь вершинахъ Альпъ можно познать „оправданіе вѣрою“. Джемсъ приводит и другіе случаи. „Сколько разъ мужчина покорялъ сердце женщины, пылко увѣряя послѣднюю, что она *должна* полюбить его, что онъ не хочетъ принять гипотезу о невозможности этого“! (стр. 27). „Кто (спрашиваетъ нашъ авторъ на стр. 27) достигаетъ повышенія по службѣ, награды, прибавки жалованья, какъ не тотъ человекъ, для котораго всѣ эти блага играютъ роль живыхъ гипотезъ, который рассчитываетъ на нихъ, жертвуетъ ради ихъ полученія многимъ другимъ и подвергается изъ-за нихъ риску? Вѣра его сама себя оправдываетъ и производитъ на начальство впечатлѣніе законнаго требованія“.

Итакъ, можно считать совершенно доказаннымъ, что, стоя надъ пропастью, имѣя дѣло съ женщинами и начальствомъ, полезно вѣрить въ себя, что здѣсь вѣра „сама себя оправдываетъ“. Но можно-ли на основаніи этихъ безспорныхъ фактовъ утверждать, что вѣра можетъ оправдать себя и въ метафизическихъ вопросахъ? Думаемъ, что здѣсь скачекъ такъ великъ, что мы имѣемъ право требовать отъ нашего автора дополнительныхъ доказательствъ того, что и здѣсь вѣра можетъ сама себя оправдать. Однако, нашъ авторъ не даетъ никакихъ новыхъ доказательствъ, а просто говоритъ: „сознаюсь, что я не постигаю,

почему-бы самое существованіе невидимаго міра не зависѣло частью отъ того отвѣта, который каждый изъ насъ даетъ на призывъ къ религіи. Однимъ словомъ, въ зависимости отъ нашей вѣры, самъ Богъ, быть можетъ, становится все живѣе и реальнѣе“ (стр. 69). Но этого мало: подобно всѣмъ теологамъ, и Джемсъ не можетъ удовольствоваться однимъ фактомъ существованія Бога, но сейчасъ-же начинаетъ разъяснять намъ и намѣренія Божіи; онъ говоритъ (стр. 162): „Богъ требуетъ отъ насъ, [повидимому, только того, чтобы мы шли заодно съ сотворенной имъ вселенной, реагируя на послѣднюю наилучшимъ и самымъ правильнымъ образомъ. Въ такомъ соотвѣтствіи намѣреніямъ Божества, а не въ какомъ-либо фактическомъ умозрительномъ сляніи, не въ теоретическомъ общеніи съ нимъ должно заключаться наше истинное назначеніе“.

Вотъ, значитъ, готова цѣлая теологическая система, основанная на наблюденіи того, какъ нужно лазить по горамъ, и какъ обращаться съ дѣвцами и начальствомъ!

Скажемъ нѣсколько словъ о переводѣ. Онъ сдѣланъ хорошимъ языкомъ: книга читается легко. И всетаки мы не можемъ назвать переводъ удовлетворительнымъ: онъ пестритъ неточностями, небрежностями и даже ошибками. Само собою разумѣется, мы не будемъ указывать всѣхъ ошибокъ, замѣченныхъ нами въ переводѣ; отмѣтимъ лишь нѣкоторые.

На стр. 32 читаемъ: *„правило мышленія, абсолютно запрещающее мнѣ признавать некоторые виды истины, не смотря на то, что послѣдніе существуютъ,—такое правило было-бы нераціональнымъ“*. Русскій читатель, конечно, только удивится, почему Джемсъ счелъ нужнымъ печатать курсивомъ такую азбучную истину; но дѣло въ томъ, что въ подлинникѣ мы читаемъ иное: авторъ возражаетъ противъ агностиковъ, предпочитающихъ не высказывать своего сужденія по такимъ вопросамъ, гдѣ для научнаго сужденія нѣтъ данныхъ; при этомъ авторъ говоритъ: „a rule of thinking wich would absolutely prevent me from acknowledging certain kinds of truth if those kinds of truth were really there, would be an irrational rule, т. е., „правило мышленія, которое абсолютно лишило-бы меня возможности признать нѣкоторые виды истины, даже и въ томъ случаѣ, если-бы эти истины дѣйствительно существовали,—такое правило было-бы нераціональнымъ“. На стр. 114 находимъ такое странное мѣсто: „предположимъ, что современное *поколѣніе...* было-бы въ силахъ предвидѣть будущее; замѣчая въ подрастающемъ *поколѣніи* задатки будущаго верховенства, оно могло бы предвидѣть, что само оно должно будетъ уступить въ борьбѣ за существованіе новымъ прищельцамъ... въ такомъ случаѣ... оно могло-бы подавить новое *поколѣніе* теперь-же и такимъ образомъ обезпечить жизнь своему“. Совсѣмъ непонятно, какимъ образомъ старики, подавивши мо-

№ 4. Отдѣлъ II.

лодежь, могли-бы этимъ продлить себѣ жизнь. Но въ этой не-лѣпости авторъ не виноватъ: онъ говоритъ совсѣмъ другое, а именно то, что если-бы *родъ человеческій* замѣтилъ образованіе новой *породы*, которая могла-бы въ будущемъ взять верхъ надъ людьми, то люди заблаговременно могли-бы уничтожить эту новую породу. А такъ какъ въ русскомъ переводѣ слова: „race“ и „tribe“ ошибочно переведены словомъ „поколѣніе“, то и получилась бессмыслица. Мы не будемъ болѣе приводить длинныхъ выписокъ, скажемъ лишь, что мы могли-бы указать, по крайней мѣрѣ, десятка полтора такихъ ошибокъ.

Самое заглавіе книги переведено, по нашему мнѣнію, крайне неудачно. Въ подлинникѣ авторъ употребилъ красивое и сжатое выраженіе: „Will to Believe“, которое на другихъ иностранныхъ языкахъ передается такъ: „Wille zum glauben“; „Volonté de croire“; „Volontà di credere“, и которое мы охотнѣе всего перевели-бы выраженіемъ: „Воля—вѣрить“.

И. Г. Мизуевъ. Начальное и среднее образованіе въ Швеціи. Изданіе журнала «Русская Школа». Спб. 1903.

Наша собесѣдка Швеціи можетъ быть предметомъ нашей за-висти въ отношеніи постановки народнаго образованія. Брошюра г. Мизуева довольно полно характеризуетъ эту сторону ея общественной жизни. При обязательномъ и даровомъ начальномъ обученіи дѣтей обоюго пола въ возрастѣ отъ 7 до 14 лѣтъ, естественно, что неграмотныхъ въ Швеціи можно найти только на крайнемъ сѣверѣ, въ уголкахъ, заселенныхъ лапландцами. Три типа школъ служатъ цѣлямъ начальнаго образованія народа: школы для дѣтей младшаго возраста (курсъ—2 года); такія же, но упрощеннаго типа—съ сокращенной программой—устраиваются въ нѣкоторыхъ уединенныхъ мѣстностяхъ временно, чтобы при первой возможности преобразоваться въ обыкновенныя народныя школы; наконецъ, училища для дѣтей старшаго возраста (курсъ—4 года). Среди школъ всѣхъ трехъ типовъ до 24% составляютъ передвижныя школы. На одно народное училище въ Швеціи приходится 427 душъ населенія. Учащіеся въ начальныхъ учебныхъ заведеніяхъ составляютъ 14,8% всѣхъ жителей страны. Одинъ народный учитель обучаетъ въ среднемъ 47 человѣкъ. Расходы по содержанію начальныхъ школъ въ 1898 г. достигли 1 р. 85 коп. на одного жителя. При такомъ же отношеніи къ начальному образованію Россія должна бы была тратить на него болѣе 200 мил. руб. въ годъ.

„Предметы преподаванія въ начальныхъ школахъ и размѣръ курса по каждому предмету нормируются шведскимъ законодательствомъ *лишь въ общихъ чертахъ*“; для окончившихъ начальную школу существуютъ дополнительные курсы и высшія

народныя школы, курсъ которыхъ никакимъ закономъ не нормируется,—поэтому ихъ организація крайне разнообразна и отъ вѣчаетъ запросамъ мѣстнаго населенія. Народные учителя назначаются, послѣ особаго экзамена, приходскимъ совѣтомъ и исполнѣ гарантированы отъ увольненія, если съ ихъ стороны не окажется грубыхъ упущеній по службѣ, но и въ этомъ случаѣ они могутъ обжаловать постановленіе объ увольненіи, обращаясь въ высшія инстанціи, вплоть до министра народнаго просвѣщенія; такимъ образомъ, „личность народнаго учителя ограждена отъ произвола мѣстныхъ властей и отъ мѣстныхъ интриг“. Наконецъ, нельзя не отмѣтить существованія особыхъ народныхъ или крестьянскихъ академій, устраиваемыхъ въ сельскихъ округахъ; такихъ академій въ 1898 г. насчитывалось 28 съ 800 учащимися. Это, въ большинствѣ случаевъ, предприятия частныхъ лицъ, но правительство выдаетъ имъ ежегодно значительныя субсидіи. Въ народныхъ академіяхъ также нѣтъ никакихъ опредѣленныхъ закономъ программъ,—послѣднія вырабатываются директорами академій вмѣстѣ съ профессорами; нѣтъ и экзаменовъ.

Задачи „крестьянскихъ академій“ разнообразны, но всѣ онѣ прежде всего преслѣдуютъ одну цѣль—поднятіе умственнаго и нравственнаго развитія низшихъ классовъ, воспитаніе въ нихъ гражданскихъ чувствъ, „что такъ необходимо въ тѣхъ странахъ, гдѣ народу принадлежитъ значительная доля активнаго участія въ политической жизни“. Тамъ читаются лекціи, которыя отъ времени до времени смѣняются уроками съ практическими занятіями учащихся; читаются и рефераты, написанные слушателями академій, вызывая оживленныя пренія среди присутствующихъ. Большую роль въ просвѣщеніи народныхъ массъ въ Швеціи играютъ рабочія ассоціаціи, которыя часто имѣютъ въ городахъ свои помѣщенія съ читальнями и аудиторіями для лекцій.

Отсылая читателя къ обстоятельной брошюрѣ г. Мижужева для подробнаго ознакомленія съ предметами, постановкой и намѣченными реформами средняго образованія въ Швеціи, мы только укажемъ, что при почти даровомъ обученіи въ шведскихъ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ около половины дѣтей, учащихся въ нихъ, принадлежатъ къ менѣе обеспеченнымъ классамъ, а $\frac{1}{4}$ —дѣти рабочихъ и крестьянъ. Что касается положенія учителя среднихъ учебныхъ заведеній, то оно въ Швеціи очень прочно: „лишить его мѣста можно лишь по суду“.

Въ странѣ широкой общественной самодѣятельности назрѣвшія потребности удовлетворяются своевременно,—и можно съ увѣренностью сказать, что за послѣдніе 5 лѣтъ Швеція одѣлала большой шагъ впередъ въ области народнаго просвѣщенія. Поэтому остается пожалѣть, что данныя, какими пользовался авторъ брошюры, не охватываютъ времени поздне 1898 г., вслѣдствіе чего могутъ считаться до извѣстной степени устарѣлыми.

Государственный строй и политическія партіи въ Зап. Европѣ и Сѣв.-Америк. Соедин. Штатахъ. Томъ первый. Редакція Е. Смирнова. Изданіе Н. Глаголева. Спб. (безъ даты).

Если читатель будетъ расчитывать найти въ книгѣ, издавшой г. Глаголевымъ, то, что общааетъ ея заглавіе—его ждетъ несомнѣнное разочарованіе. Насколько можно судить по первому тому, это только сборникъ статей на политическія темы, каждая изъ которыхъ относится къ отдѣльной странѣ; статей, написанныхъ живо, читающихся съ интересомъ и проникнутыхъ сжатыми тенденціями, но совершенно не объединенныхъ какимъ нибудь общимъ планомъ и менѣе всего могущихъ претендовать на изображеніе и истолкованіе основныхъ чертъ современнаго правового строя государствъ культурнаго Запада.

Книга состоитъ изъ „Предисловія“ проф. Ю. Гамбарова и трехъ очерковъ: „Австрія“ П. Звѣздича „Англія“, Д. Сатурнина и „Бельгія“ Ю. Стеклова.

„Предисловіе“ имѣетъ очень малое отношеніе къ содержанію той книги, въ которую оно должно „вести“ читателя. Это совершенно самостоятельный этюдъ, характера преимущественно методологическаго; къ сборнику г. Глаголева онъ пришитъ какъ-то механически, можетъ казаться даже, будто это случайно сброшюрованное „предисловіе“ къ другой книгѣ. Проф. Гамбаровъ говоритъ объ упадкѣ въ настоящее время научно-политической литературы въ Западной Европѣ, преимущественно въ Германіи, и пытается объяснить это странное на первый взглядъ явленіе. Причины его онъ видитъ, съ одной стороны, въ усиленномъ вниманіи за послѣднее время къ вопросамъ экономическимъ, отодвинувшимъ на задній планъ „политику“, а съ другой—въ господствѣ въ государствѣдѣніи т. наз. „юридическаго метода“, сводящаго изученіе государства и его институтовъ къ формальному анализу „данныхъ юридическихъ отношеній публичнаго права“ и „юридической ихъ природы“, чтобы затѣмъ, путемъ чисто логическихъ построений,—оставляя въ сторонѣ „всѣ историческія, политическія и философскія соображенія“,—подняться къ болѣе общимъ юридическимъ принципамъ, подъ которые должны быть подведены эти юридическія отношенія и, наконецъ, „развить слѣдующія ихъ этихъ принциповъ послѣдствія“. Критикѣ этого метода посвящена большая часть этюда г. Гамбарова. Въ его мертвящемъ формализмѣ онъ находитъ главную причину той оторванности отъ жизни и ея интересовъ, которою страдаетъ государственная наука, главнымъ образомъ въ Германіи, гдѣ „юридическій методъ“ достигъ наибольшихъ крайностей. Съ своей стороны, г. Гамбаровъ дуть къ оживленію науки о государствѣ видитъ въ широкомъ примѣненіи къ ней сравнительно-историческаго метода. Построенное на этой базѣ, зданіе научной „политики“ въ широкомъ смыслѣ вполнѣ отвѣчало бы запросамъ жизни и науки.

Ученый авторъ не находитъ возможнымъ согласиться съ мнѣніемъ, будто въ настоящее время совершилось перемѣщеніе политической литературы „отъ многотомныхъ и величественныхъ трактатовъ стараго времени (vieujeu!) на легкія, живыя и часто не менѣ цѣнныя страницы газетныхъ и журнальныхъ статей“. „Газетныя и журнальныя статьи—говоритъ онъ—какъ бы талантливы и цѣнны онѣ иногда ни были, пишутся наскоро, подъ впечатлѣніемъ событій дня, безъ необходимаго для научнаго изслѣдованія аппарата и представляютъ вообще наименѣ благоприятныя условія для серьезной научной работы“.

Мы не будемъ входить въ разборъ діагноза причинъ упадка научной политики, сдѣланнаго г. Гамбаровымъ (хотя и перенесеніе центра тяжести всего вопроса въ область методологіи, и та роль, которая отводится историко-сравнительному методу вызываютъ очень крупныя оговорки), но не можемъ не задать въ вопросомъ: какое значеніе всѣ эти разсужденія могутъ имѣть въ качествѣ введенія къ сборнику, составленному изъ нѣсколькихъ статей чисто журнальнаго характера, совершенно чуждыхъ даже и тѣни едино-спасающаго историко-сравнительнаго метода?

Такихъ статей въ сборникѣ, какъ мы говорили, три,—посвященныхъ Австріи, Англіи и Бельгіи. Читателя можетъ прежде всего остановить вопросъ о порядкѣ самого размѣщенія статей. Почему именно ознакомленіе съ государственнымъ строемъ Западной Европы приходится начинать съ Австріи, наименѣ для него типичной? Разгадка проста: статьи въ книгѣ расположены не по какому либо признаку, имѣющему отношеніе къ внутреннему ихъ содержанію, а просто по алфавиту, и при томъ столь строго соблюдаемому, что Австро-Венгрія разорвана пополамъ, и въ то время, какъ Австрія попала въ первый томъ, Венгрія, не смотря на тѣсную связь ея судьбъ съ цислейтанской половиной имперіи, должна найти себѣ мѣсто только во второмъ. Это внѣшнее построеніе книги всего лучше характеризуетъ исключительно механическую связь между составными ея частями.

Очеркъ г. Звѣздича посвященъ главнымъ образомъ вопросу о національностяхъ въ современной Австріи. И нужно сказать, что вопросъ этотъ разобранъ обстоятельно, интересно и точно зрѣнію, съ которой относится къ нему г. Звѣздичъ, заслуживаетъ полнаго сочувствія. Авторъ подробно знакомитъ насъ съ отношеніемъ къ національному вопросу всѣхъ главныхъ фракцій австрійскаго рейхстага. Самъ онъ приходитъ въ заключенію, что

„національное движеніе въ Австріи — результатъ естественнаго процесса развитія, явленіе вытекающее изъ реальныхъ жизненныхъ потребностей и потому не побѣдимое. Но это живое движеніе уложено теперь въ мертвыя формы. И въ этомъ то и заключается трагизмъ антиноміи, дѣлающей національную борьбу въ Австріи столь трудно разрѣшимую.“

„Эта антиномія заключается въ томъ, что и споръ не разрѣшимъ, пока за *національностями* не будутъ признаны неотъемлемыя права, гарантирующія имъ ихъ свободу національной жизни и національнаго развитія; а между тѣмъ руководители національнаго движенія ищутъ разрѣшенія спора не въ завоеваніи правъ для этихъ національностей, а въ завоеваніи правъ для „*областей*“, въ которыхъ живутъ эти національности, или которыя были нѣкогда заселены этими національностями, въ завоеваніи правъ для „*историческихъ*“ областей“ (стр. 107).

Эти историческія области, „*коронныя*“ земли, въ большинствѣ своемъ отнюдь не одноязычны и не одноплеменны. Отсюда вѣчныя и не разрѣшимыя распри между нѣмцами и чехами, нѣмцами и итальянцами, итальянцами и славенцами и т. д., живущими въ однѣхъ и тѣхъ же „*историческихъ*“ областяхъ.

Г. Звѣздичъ, приближаясь въ своемъ отношеніи къ національному вопросу къ возрѣніямъ передовой австрійской демократіи, видитъ исходъ отъ теперешнихъ затрудненій въ замѣнѣ *областного* принципа *національнымъ* въ точномъ смыслѣ. Австрія должна перестроиться по типу коллективно-федералистическому, при чемъ звеньями этой федераціи, государство образующими единицами, должны быть не автономныя историческія области, а различныя національности, входящія въ ихъ составъ.

Очеркъ г. Звѣздича является наиболѣе обстоятельнымъ и разработаннымъ во всей книгѣ, но всетаки и изъ него читатель не вынесетъ общаго представленія даже о главныхъ чертахъ „*государственнаго строя*“ Австріи.

Еще менѣе это можетъ дать по отношенію въ Англіи статья г. Сатурина,—хотя эта очень живо и талантливо написанная статья читается съ несомнѣннымъ интересомъ. Центръ тяжести ея лежитъ въ изображеніи выборныхъ парламентскихъ порядковъ и выборной борьбы. Здѣсь изложеніе иллюстрируется личными наблюденіями автора во время послѣдней парламентской кампаніи. Картинки выборовъ въ Баттерси, гдѣ борьба шла между рабочимъ кандидатомъ Бернсомъ и консервативнымъ кандидатомъ Гартономъ, фигуры противниковъ, вся обстановка борьбы—все это набросано очень яркими и мѣткими штрихами. Вѣрно подчеркнуты въ статьѣ и недочеты настоящей системы англійскаго представительства, дѣлающіе парламентъ собраніемъ почти исключительно богатыхъ людей; нѣсколько интересныхъ страницъ посвящены попыткамъ борьбы съ этими недочетами представителей рабочей демократіи. Но за всѣми этими деревьями не видно дѣла, и очерка общаго государственнаго строя Англіи, этой классической конституціонной страны Европы, читатель напрасно искалъ бы въ работѣ г. Сатурина.

Точно также и очеркъ г. Стеклова въ гораздо большей степени посвященъ подробному изложенію борьбы между различ-

ными политическими партіями современной Бельгіи, нежели ознакомленію читателя съ строеніемъ и характеромъ дѣятельности политическихъ институтовъ страны. Вообще, вся книга въ цѣломъ гораздо болѣе отвѣчаетъ второй половинѣ своего заглавія, чѣмъ первой. Съ программами политическихъ партій описываемыхъ странъ и съ главными спорными вопросами, раздѣляющими эти партіи, работы гг. Звѣздича, Сатурина и Стеклова знакомятъ довольно подробно. Это сильная сторона книги. Но здѣсь же и источникъ ея слабости, такъ какъ при перенесеніи центра тяжести изложенія на спорные вопросы, волнующіе въ данную минуту политическіе круги конституціонной Европы,—многіе стоящіе внѣ спора правовые институты остаются совершенно не освѣщенными, и основныя черты правового порядка выступаютъ далеко не въ той перспективѣ, въ какой они являлись бы наиболѣе поучительными для русскаго читателя.

Не смотря на всѣ указанные недостатки, изданный г. Глаголевымъ сборникъ, повторяемъ, представляетъ большой интересъ, и мы рекомендуемъ его вниманію читателей. Нельзя только находить, чтобы онъ сколько нибудь „пополнялъ пробѣлъ“, чувствующійся въ нашей литературѣ, скудной работами „по политическимъ учрежденіямъ, и объясняющійся ихъ социальнымъ состояніемъ государствъ Западной Европы“ (предисл., стр. V).

В. М. Гессенъ. Вопросы мѣстнаго управленія. Спб. 1904.

Книга г. Гессена представляетъ собою сборникъ статей по вопросамъ мѣстнаго управленія, напечатанныхъ въ разное время въ періодическихъ изданіяхъ. Цѣль сборника—уясненіе основныхъ началъ, которыя должны лечь въ основу правильно задуманной и послѣдовательно осуществленной реформы мѣстнаго строя. Начала эти формулируются авторомъ слѣдующимъ образомъ: 1) необходимо точное и вполне опредѣленное отграниченіе предметовъ вѣдомства, входящихъ въ понятіе *мѣстнаго управленія*, отъ предметовъ, входящихъ въ понятіе *центрального управленія на мѣстахъ*; 2) мѣстное управленіе, во всей полнотѣ своихъ функцій, должно вѣдаться не бюрократіей, а самоуправляющимся обществомъ; 3) самоуправленіе должно быть безусловнымъ; 4) въ сферѣ мѣстнаго управленія администраціи должна принадлежать функція высшаго, внѣ-вѣдомственнаго надзора, отграниченнаго рѣзкой и отчетливой чертой отъ функціи активнаго управленія. Книга написана сжатымъ, живымъ, выразительнымъ языкомъ и читается съ большимъ интересомъ. Мѣстами попадаются въ ней блестящія характеристики различныхъ, главнымъ образомъ отрицательныхъ, сторонъ современнаго строя. Критическая часть вообще

наибольше сильная въ книгѣ. Вотъ какъ, на примѣръ, авторъ характеризуетъ современную бюрократію:

„Профессіональный характеръ бюрократіи является источникомъ многихъ и весьма существенныхъ отрицательныхъ ея свойствъ. На профессиональной почвѣ пышно произрастаетъ чертополохъ рутины. Подобно рѣкѣ, медленно текущей въ постоянныхъ берегахъ, профессиональная дѣятельность оставляетъ въ душѣ человѣка мертвый осадокъ окаменѣлыхъ навыковъ и понятій. Подъ этимъ осадкомъ гложетъ способность къ непосредственнымъ воспріятіямъ, творческая сила человѣческаго духа“... „Бюрократія боится жизни, движенія, переменъ; шумъ улицы мѣшаетъ канцелярской работѣ. Профессиональная рутинѣ—непроницаемая стѣна, отдѣляющая бумажный міръ канцелярій отъ живого міра дѣйствительности. За стѣнами канцелярій люди живутъ; въ ея стѣнахъ люди пишутъ“... „Бюрократія вырождается легко въ *педантократію*; рутинѣ рождаетъ формализмъ. Трудно научиться въ канцеляріяхъ пониманію жизни, но легко научиться въ нихъ писанію бумагъ. Лучшій чиновникъ тотъ, кто лучше владѣетъ *формой*; лучшая бумага та, которая наибольше соотвѣтствуетъ формѣ. Бюрократія форму возводитъ въ культъ; она приноситъ ей въ жертву содержаніе“... „Другое отличительное свойство бюрократіи— ея *оторванность отъ общества*. Бюрократія стоитъ внѣ общественныхъ классовъ, общественныхъ интересовъ, общественной борьбы. При отсутствіи идейныхъ настроеній, при слабости этическихъ импульсовъ, внѣ и надъ-общественный характеръ бюрократіи неизбежно приводитъ ее къ безразличному пассивному отношенію къ общественнымъ интересамъ вообще. Бюрократія не понимаетъ общественныхъ нуждъ. Не безъ основанія, Жерарденъ называетъ бюрократію деспотизмомъ инерціи“... „Не зная окружающей жизни, двигаясь ощупью въ темнотѣ, бюрократія боязливо останавливается передъ всякой опасностью, передъ всякимъ рѣшительнымъ шагомъ. Она любитъ маленькія дѣла, мелочную регламентацію, назойливую опеку“... „Въ тѣсной связи съ профессиональнымъ надъ-общественнымъ характеромъ бюрократіи стоитъ третье ея свойство—*олигархичность*, кастовая организація ея. Какъ всякая, вообще, олигархія, бюрократія стремится къ замкнутой обособленности; она создаетъ особый міръ самодовлѣющихъ интересовъ и понятій, особую породу „командующихъ“ людей. Отсюда—тотъ „бюрократическій“ духъ, который всегда и вездѣ выражается, съ одной стороны, въ преувеличенной оцѣнкѣ достоинства чиновныхъ людей, а съ другой—въ преувеличенномъ пренебреженіи къ достоинству людей не чиновныхъ“... „Какъ всякая олигархія, бюрократія любитъ окружать себя непроницаемой тайной. Критика колеблетъ престижъ власти; таинственность импонируетъ массамъ. Спутникъ таинственности—подозрительность и недовѣріе. Бюрократія боится всего:

самодѣятельности общества, превосходства отдѣльныхъ лицъ, свободы во всѣхъ ея проявленіяхъ, а больше всего—свободы мысли и слова. Она любитъ покой и неподвижность; къ ней примѣнимы слова классической древности: *solitudinem faciunt, rasem arpebant*“...

Переходя къ русской бюрократіи, авторъ находитъ что ей, помимо указанныхъ общихъ недостатковъ, присущи особые специфически-русскіе недостатки, изъ которыхъ онъ отмѣчаетъ слабое развитіе въ ея средѣ общаго и профессиональнаго образованія, бумажность производства и почти полное отсутствіе отвѣтственности чиновниковъ за нарушение закона, злоупотребленія и служебныя преступленія. Въ особой главѣ подъ названіемъ „Профилактика бюрократизма“ въ ряду мѣръ, парализующихъ или, по крайней мѣрѣ, смягчающихъ зло бюрократизма, авторъ отводитъ первое мѣсто развитію союзнаго строя вообще и мѣстному самоуправленію въ особенности. „Самоуправленіе—крѣпкая стѣна, защищающая низины народной жизни отъ бюрократическаго потопа“, говоритъ авторъ.

Сборникъ г. Гессена состоитъ изъ восьми самостоятельныхъ статей, изъ коихъ особеннаго вниманія заслуживаютъ: „О бюрократіи“, „Губернаторъ, какъ органъ надзора“, „О мѣстныхъ пользахъ и нуждахъ самоуправления“, „Генезисъ института земскихъ начальниковъ“ и „Администрація и земство“. При той скудости популярной юридической литературы, какая существуетъ у насъ, въ особенности по вопросамъ мѣстнаго управленія, уже давно стоящимъ на очереди, книга г. Гессена является какъ нельзя болѣе кстати. Нельзя не пожелать ей самаго широкаго распространенія.

С. Васюковъ. „Край гордой красоты“. Кавказское побережье Чернаго моря. Природа, характеръ и будущность русской культуры. Съ 37 страничными рисунками въ текстѣ. Спб. Изданіе А. Ф. Девриена.

И. С. Личковъ. Очерки изъ прошлаго и настоящаго Черноморскаго побережья Кавказа. Кіевъ. 1904.

Черноморско-кавказское побережье въ послѣдніе годы стало привлекать вниманіе общества. Послѣ завоеванія и особенно послѣ печальной памяти выселенія горцевъ въ Турцію, побережье на долгое время опустѣло и заглохло. „Въ концѣ тридцатыхъ годовъ, говоритъ г. Личковъ (стр. 5)— все побережье съ прилегающей къ нему горной полосой представляло тщательно разработанный горный оазисъ, гдѣ о бокъ съ дикими скалами и вѣковыми (теперь безпощадно вырубленными на наиболѣе доступныхъ мѣстахъ) лѣсами ютились прекрасные виноградники, зеленѣли роскошныя нивы, мѣстами даже на искусственныхъ террасахъ, снабжаемая водой изъ нарочито устроенныхъ каналовъ, оберегаемая отъ ливней искусственными водоотливами.

По побережью пестрѣли густые сады*. Фрукты, медъ и воскъ составляли значительные предметы сбыта. Геленджикъ „на памяти стариковъ, бывавшихъ въ немъ еще до конца войны и рассказывавшихъ объ этомъ г-ну Личкову, былъ такимъ оживленнымъ центромъ, о какомъ нынѣшніе его жители пока и мечтать не смѣютъ. „Въ бухтѣ его постоянно стояло множество торговыхъ фелюгъ и турецкихъ кораблей, тогда какъ теперь изрѣдка зайдетъ на день-два пароходъ къ цементному заводу или въ теченіе двухъ-трехъ дней покачаться на волнахъ бухты одна или двѣ парусныя шхуны“... „Вообще,—во всѣхъ приморскихъ пунктахъ побережья, дававшихъ хоть какую-нибудь защиту отъ вѣтровъ, прежде шла оживленная торговля“. Кровавая война, а затѣмъ событія, за нею послѣдовавшія, уничтожили горскую культуру: „искусственные каналы заросли и засорились, стоявшія много труда искусственныя террасы осыпались, обширные сады и прекрасныя виноградники частью вырублены во время войны и въ періодъ заселенія страны русскими, частью одичали...“ *). И опять на пустынные воды Чернаго моря глядѣли дикія горы и ущелья, точно во времена аргонавтовъ.

Въ послѣднія 10—15 лѣтъ о побережьи опять заговорили... И это понятно: мы вотъ теперь ведемъ войну изъ-за расширенія территоріи на Дальнемъ Востокѣ, между тѣмъ какъ подъ бокомъ у насъ лежитъ богатая нѣкогда, благодатная полоса, такъ долго и напрасно ожидающая примѣненія нашего культурно-колонизаторскаго искусства. Естественно, что черноморско кавказское побережье привлекаетъ живое вниманіе общества, пожалуй, даже непропорціональное его чисто экономическому значенію. На побережьи дѣйствуютъ все тѣ-же характерныя теченія нашей жизни, и общество ждетъ съ интересомъ результатовъ бюрократическихъ опытовъ „оживленія края“.

До сихъ поръ эти результаты, по свидѣтельству обоихъ авторовъ,—далеко не блестящи. Первые опыты поселенія русскихъ людей на оставленныхъ горцами пепелищахъ это—настоящій мартирологъ, вызывающій невольный вопросъ: для чего нужно было выселеніе горцевъ и не выгоднѣе-ли было-бы даже для самого русскаго племени сохраненіе высокой сосѣдской культуры туземцевъ. Особенное осужденіе всѣхъ изслѣдователей вызываетъ система покойнаго Н. С. Абазы (бывшаго предсѣдателя бывшей комиссіи „заселенія и оживленія“ Черноморскаго побережья), стремившагося устроить здѣсь своего рода Ривьеру. Даже въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ съ великими усиліями и жертвами уже привились русскія поселенія, онъ выселялъ крестьянъ подальше отъ берега, чтобы очистить мѣсто для курортовъ и дачныхъ участковъ. Въ проектированномъ городѣ Хоста, напимѣръ, для

*) Личковъ. Очерки, стр. 6—8.

города по плану было отведено 80 десятинъ, остальные 420 (по словамъ проф. Краснова, посѣтившаго Хосту въ 1899 году) раздѣлены были на дачные участки и всѣ уже розданы. Къ концу 1903 года, говоритъ г. Личковъ, въ этомъ „городѣ не было никакого управленія, число постоянныхъ жителей было 200 душъ, фельдшерскій пунктъ на 2 кровати и гостиница“... „Земли были розданы, какъ здѣсь принято говорить, „петербургскимъ генераламъ“ и такъ или иначе извѣстнымъ покойному Абазѣ лицамъ“. „Мѣщанамъ, ремесленникамъ и торговцамъ доступа не было...“ „По побережью ходитъ анекдотъ, что Н. С. Абаза на просьбу одного простого смертнаго дать участокъ земли въ Хостѣ отвѣтилъ, что тамъ у него будутъ поселены только „сенаторы да губернаторы...“ Немудрено, что въ Хостѣ, говоря словами Щедрина, — „народъ нѣтъ, помпадуръ есть,—чисто“ *). И въ другихъ мѣстахъ побережья интересы трудового населенія, которое могло бы составить основу заселенія края, столь же рѣшительно приносились въ жертву предполагаемымъ курортамъ, дачникамъ и вообще спекулянтамъ. „Уже въ 1899 году,—говоритъ г. Личковъ (стр. 211), — количество земель въ Черноморской губерніи, находившихся въ частномъ владѣніи, было равно количеству надѣльныхъ. Между тѣмъ раздачи и послѣ этого продолжались“. „Такія земли,—говоритъ даже г. Захарьинъ-Якунинъ („Кавказъ и его герои“),—естественнымъ порядкомъ (?) попали въ руки людей... очень занятыхъ, очень высоко стоящихъ, очень озабоченныхъ другими, высокими интересами, а потому не имѣвшихъ ни времени, ни охоты посвятить много вниманія своимъ новымъ приобрѣтеніямъ“... „Это было большимъ зломъ, порождавшимъ злоупотребленія“ **). Земли цѣлыя десятилѣтія лежали впустѣ, трудовое заселеніе не двигалось. Все это завершилось проектомъ желѣзной дороги, выработаннымъ въ интересахъ все той же фантастической „Ривьеры“: за это направленіе стояли лица, „которымъ нельзя отказать въ силѣ и вліяніи“ ***).

Мы не можемъ, разумѣется, воспроизвести здѣсь всѣ черты этой глубоко поучительной картины и отсылаемъ интересующихся къ самымъ книгамъ, заглавія которыхъ выписаны выше. Впрочемъ, нужно сказать, что достоинство этихъ книгъ далеко не одинаково. „Литература этого края уже довольно богата“,—пишетъ г. Личковъ (на стр. 3); г. Васюковъ, наоборотъ, съ первой же страницы заявляетъ, что его „край гордой красоты“—

*) Личковъ, стр. 157—158. Авторъ ссылается также на книгу „Черноморское побережье“, изслѣдованіе проф. Воейкова, Пастернакаго и горн. инж. Сергѣева, представляющую отд. оттискъ „Трудовъ перваго всеросс. сѣзда дѣятелей по климатологіи, гидрологіи и бальнеологіи“.

**) Захарьинъ-Якунинъ. Цитата у Н. С. Личкова, стр. 219.

***) Личковъ, 88.

„почти незаселенный, неисследованный край, край будущего, роскошный и суровый край“ и т. д. *). Соответственно съ этимъ—въ то время, какъ г. Личковъ счелъ необходимымъ предварительно ознакомиться съ работами людей, писавшихъ о побережьи до него,—г. Васюковъ пустился въ свои экскурсиіи беззаботно и съ очень легкимъ багажемъ. Вся его книга представляетъ не только легкія, но, пожалуй, даже легковѣсныя наблюденія, пересыпанныя лиризмомъ и восторженными восклицаніями. Слова: „прелесть“, „восторгъ“, „восхитительно“, „очаровательно“, „какая красота“, „какая мощь“ и т. д.—попадаютъ на всякомъ шагу. Это бы, конечно, не бѣда: лиризмъ отчасти оживляетъ описанія, которыя въ столь большихъ количествахъ одолевать вообще трудно. Къ сожалѣнію, однако, экспансивность автора достигаетъ порой предѣловъ столь бурныхъ, что искажаетъ самые законы природы; вотъ, напримѣръ, описаніе ночного подъема на какой то „шаханъ“, около Азербѣйки: „Вотъ оно,—началось!.. Мало того, что подъемъ былъ трудный, но и фантастичный. Вы не знали, куда лѣзете, когда настанетъ конецъ стѣнѣ, по которой вы карабкаетесь мѣстами, буквально, на четверенькахъ. Прибавьте къ этому дождь, вѣтеръ и тьму. Передо мной, по отвѣсу (sic) тащилась повозка...“ Хотя уже эта повозка довольно неожиданна „на отвѣсѣ“, гдѣ человѣку приходится карабкаться „буквально на четверенькахъ“, но дальше авторъ готовитъ еще большіе сюрпризы: „Я шелъ свади, какъ вдругъ замѣтилъ, что ея (повозки) заднія колеса вертѣлись въ воздухѣ. Повозка шла, поворачиваясь на однихъ переднихъ колесахъ“ **). Вотъ какія происшествія случаются въ „краѣ гордой красоты!“ Какъ будто опасаясь, что читатель приметъ эту шалость кавказской повозки за галлюцинацію усталаго воображенія путника, экспансивный авторъ прибавляетъ черезъ нѣсколько строкъ: „я уже привыкъ (!), что надъ моей головой висятъ въ воздухѣ заднія колеса“. Вотъ ужъ истинно: ко всему можно привыкнуть, но... читателю невольно приходится въ голову, что къ впечатлѣніямъ человѣка съ такими странными привычками слѣдуетъ относиться съ нѣкоторой осторожностью. А между тѣмъ г. Васюковъ всюду очень категориченъ и требуетъ полнаго довѣрія къ своимъ авторитетнымъ заключеніямъ: „огородную культуру,—говоритъ онъ, напр., на стр. 3-й,—я рекомендую въ мѣстности Новороссійскъ—Михайловскій перевалъ, потому что (sic) здѣсь ПО не позволитъ развитію фруктовыхъ деревьевъ“. Читатель, разумѣется, недоумѣваетъ: неужели для огородной культуры только и нужно, чтобы вѣтеръ мѣшалъ росту деревьевъ?.. Но г.

*) Курсивы всюду наши. *Ред.*

***) „Край гордой красоты“, стр. 77.

Васюковъ не снисходить до болѣе подробныхъ разъясненій: рекомендовано и баста! „Желѣзная дорога,—совершенно резонно замѣчаетъ онъ въ другомъ мѣстѣ (стр. 10),—сама по себѣ не рѣшить всѣхъ экономическихъ и сельско-хозяйственныхъ вопросовъ побережья“. Конечно. А вотъ „море есть гладкій путь, не требующій ни тоннелей, ни ремонта“. Опять резонно. Но когда г. Васюковъ послѣ этого восклицаетъ: „Умѣйте (что?) и эксплуатируйте благородную стихію, поучитесь мореходству хотя бы у турокъ!“—то читатель опять недоумѣваетъ: кто собственно долженъ учиться у турокъ, и неужели подобными банальностями можно отдѣлаться отъ серьезнаго вопроса о желѣзной дорогѣ, которая вѣдь можетъ пройти и не параллельно берегу. Можетъ быть, оно и такъ, но нужны доказательства, а не „резолуціи“, а у г-на Васюкова нѣтъ даже сколько нибудь толковаго изложенія вопроса. „Сколько намъ, русскимъ, стоило крови и золота, чтобы завоевать Кавказъ!.. А кто пользуется доходами? Иностранцы! Да, читатель, только они!“ *).. Очень патриотично (хоть прямо на страницы „Свѣта“), но вѣдь самъ же г. Васюковъ—правда довольно голословно, а г. Личковъ и съ доказательствами—рисуютъ намъ печальную картину заустѣнія побережья. Что же было бы, если бы вдобавокъ не было и иностранцевъ? Что касается до „будущности русской культуры“, освѣтить которую г. Васюковъ обѣщаль намъ въ заголовкѣ, то по этому предмету мы узнаемъ въ концѣ книги, что побережье—„страна будущаго, но... какого?.. въ этомъ вопросъ...“ Конечно, въ этомъ. Впрочемъ, есть у нашего автора и нѣсколько болѣе определенное указаніе: „Надо надѣяться, говорить онъ на стр. 111,—что край двинется впередъ, такъ какъ съ нынѣшняго года во главѣ дѣлъ по устройству черноморскаго кавказскаго побережья сталъ министръ земледѣлія А. С. Ермоловъ, который близко принялъ къ сердцу интересы и будущее края...“ Что-жъ, будемъ надѣяться, вмѣстѣ съ г. Васюковымъ...

Издана книга г-на Васюкова прекрасно: превосходные фототипическіе снимки разныхъ дѣйствительно интересныхъ уголковъ, орелъ на скалѣ съ распростертыми крыльями на обложкѣ, общій видъ безукоризненнаго типографскаго щегольства и эффектное заглавіе,—все это поможетъ книгѣ г-на Васюкова занять подобающее мѣсто въ пароходныхъ каютахъ перваго класса, гдѣ публика будетъ любоваться прекрасными снимками, попутно пробѣгая и соответственные мѣста текста. Но тому, кто захочетъ нѣсколько серьезнѣе ознакомиться съ побережьемъ, мы рѣшительно рекомендуемъ болѣе скромную по заглавію и вѣншему виду, но за то и болѣе содержательную книгу г-на Личкова.

*) „Край гордой красоты“, стр. 27.

Санитарный обзор Пермской губернии за 1902 годъ. Приложение къ „Сборнику Пермскаго земства“. Пермь. 1903.

Пермской губернии принадлежит печальная привилегія быть первой губерніей по смертности среди всѣхъ губерній Европейской Россіи. По даннымъ за 1868—70 и 1882—86 года, приведеннымъ въ „Русской земской медицинѣ“ (изд. Пироговскаго общества), въ Пермской губернии ежегодно умирало 45,9 на 1000, тогда какъ общерусская смертность за тѣ же годы равнялась 36,5. Другой отличительной чертой этой губернии является то, что по количеству абсолютныхъ расходовъ на медицинскую часть Пермская губернія за все почти время существованія земскихъ учреждений стоитъ также на первомъ мѣстѣ среди другихъ земскихъ губерній *). Такое двойное первенство этой губернии заставляетъ съ особеннымъ интересомъ отнестись къ санитарному ея состоянію въ ближайшее отъ насъ время. Состояніе это, на основаніи данныхъ „Обзора“, представляется весьма неутѣшительнымъ. Въ то время, какъ общерусская смертность по сравненію съ приведенной въ „Русской земской медицинѣ“ средней въ 1902 году уменьшилась и равнялась приблизительно 30—31 на 1000, въ Пермской губернии она увеличилась и достигла въ этомъ году 46,1%. Смертность дѣтей до года, вычисленная въ указанномъ выше источникѣ для Пермской губернии 43,8%, въ 1902 году равнялась 52,2%. Только въ двухъ уѣздахъ умирало до года менѣе половины родившихся дѣтей (47 и 49%), а въ одномъ изъ уѣздовъ (Кунгурскомъ) дѣтская смертность дошла до 65,7%. Приростъ населенія, равнявшійся въ періодъ 1886—1895 гг. 12,1 на 1000, спустился въ 1902 году до 9,6.

Цифры эти по-истинѣ ужасающіе! Чѣмъ же обусловливается такое печальное положеніе Пермской губернии вообще и отчего зависитъ видимое ухудшеніе этого положенія въ настоящее время? „Обзоръ“, къ сожалѣнію, не даетъ прямыхъ отвѣтовъ на эти интересные и въ высокой степени жизненные вопросы. Установлено, что общая смертность находится въ прямой зависимости отъ высоты дѣтской смертности; чѣмъ больше умираетъ дѣтей, тѣмъ выше и общая смертность среди населенія. Такъ какъ въ Пермской губернии дѣтей до года умираетъ такъ много, какъ нигдѣ, то и общая смертность тамъ достигаетъ внушительной цифры. Причины дѣтской смертности считаются болѣе или менѣе извѣстными. Но вотъ что неизвѣстно, и на что нѣтъ отвѣта въ „Обзорѣ“: отчего теперь въ губернии дѣти мрутъ больше, чѣмъ прежде?.. Другимъ факторомъ, повышающимъ смертность, слѣдуетъ считать эпидемическія болѣзни. Возможно, что Пермскую губернію въ 1902 году посѣтило, какъ говорятъ, повѣтріе, „лютѣйшій бичъ небесъ, приходы ужасъ — морь“? Но и этого, повидимому, не было. Были

*) См. Голубевъ, Вятское земство и пр. стр. 136—137.

эпидеміи, но общее число эпидемическихъ больныхъ составляло только 12,9% всего количества больныхъ. Это всетаки большой процентъ, но не выходящій изъ предѣловъ нормы, поскольку вообще можно считать нормальнымъ существованіе эпидемическихъ болѣзней. Принято считать, что эпидемическіе больные даютъ около 11% всѣхъ больныхъ, при чемъ колебанія по годамъ бывають отъ 7 до 14%. Такимъ образомъ, и эпидеміи нельзя винить въ томъ, что въ Пермской губерніи свирѣпствуетъ такая ужасающая смертность. Что же въ концѣ концовъ создаетъ санитарное неблагополучіе этой губерніи? Нѣкоторыя указанія на причины этого неблагополучія мы всетаки можемъ найти въ „Обзорѣ“. Вотъ что, напр., говоритъ д-ръ Л. В. Лепешинскій о распространеніи брюшного тифа въ Екатеринбургскомъ уѣздѣ:

„По моему крайнему мнѣнію, искать одну какую либо причину въ развитіи брюшно-тифозныхъ заболѣваній въ Билимбаевскомъ участкѣ — бесполезно. Нельзя также приписывать все значеніе въ данномъ вопросѣ и прудамъ, этимъ пособникамъ заводской промышленности. Въ прежніе годы пруды были, по моему мнѣнію, много грязнѣй. Извѣстно только одно: широкое распространеніе тифа совпало съ этимъ шумящимъ желѣзодѣлательнымъ кризисомъ. Такъ это или не такъ, но какъ будто населеніе стало немножко бѣднѣе жить: бѣднѣе питаться, одѣваться, меньше слѣдить за чистотой, и вообще желудочно-кишечный бюджетъ сталъ слабѣе. Этимъ, конечно, не умаляется ни значеніе тифозной палочки, ни Петтенкоферское ученіе объ уровнѣ почвенныхъ водъ и пр.“ (стр. 8).

Санитарный врачъ того же уѣзда д-ръ А. М. Суасскій говорить:

„Въ ходѣ самой эпидеміи можно безъ труда подмѣтить нѣкоторыя избирательныя ея способности—останавливаться на бѣднѣйшихъ семьяхъ. Главный путь распространенія эпидеміи среди населенія, по нашему мнѣнію, скрывается въ непосредственной передачѣ заразы отъ одного лица къ другому, изъ одного дома въ другой, благодаря неумѣнью населенія принять какія-либо личныя предохранительныя мѣры при уходѣ или при случайномъ сообщеніи съ больными, и благодаря несоблюденію, главнымъ образомъ, потому же невѣжеству, требованій общественной профилактики (ibid.)“.

Изъ этихъ двухъ отзыовъ легко заключить, что, будь населеніе уѣзда болѣе обезпечено матеріально и духовно, брюшно-тифозная эпидемія могла бы и не получить такого широкаго распространенія, какое она имѣла.

Интересны и свѣдѣнія, сообщаемыя „Обзоромъ“ объ оспѣ. Больныхъ оспой зарегистрировано въ отчетномъ году 104 чело-вѣка. Но это число „далеко не соответствуетъ количеству всѣхъ дѣтей и взрослыхъ, болѣвшихъ этой болѣзью въ 1902 году“, потому что при этой болѣзни „родители заболѣвшихъ дѣтей рѣдко обращаются за пособіемъ къ медицинскому персоналу“. Вслѣд-ствіе этого число больныхъ оспой нужно считать, по крайней мѣрѣ, вдвое больше, говоритъ „Обзоръ“. А между тѣмъ вѣдъ оспа — такая болѣзнь, заболѣванія которой при помощи предо-

хранительныхъ прививокъ мы въ состояніи низвести до minimum'a, почти до совершеннаго уничтоженія, какъ это и сдѣлано напр., въ Германіи. Какія же „мѣры борьбы“ противъ другихъ эпидемій и противъ болѣзней вообще могутъ оказаться дѣйствительными, когда самая раціональная мѣра противъ одной изъ ужаснѣйшихъ человѣческихъ болѣзней остается у насъ безъ приложения? По даннымъ „Обзора“, привитію предохранительной оспы подвергается въ Пермской губерніи только 60% родившихся, а остальнымъ 40% предоставляется полная возможность заболѣть оспой при первомъ появленіи этой эпидеміи. Нѣтъ нужды доказывать, что малое распространеніе оспопрививанія въ извѣстной мѣстности прежде всего обуславливается низкой степенью культуры даннаго населенія.

На послѣднемъ (IX) Пироговскомъ сѣздѣ врачей въ январѣ текущаго года въ большей части докладовъ по общественной медицинѣ, а также и въ слѣдовавшихъ за докладами преніяхъ, особенно рѣзко подчеркивалась тѣсная зависимость, существующая между состояніемъ народнаго здравія и общими условіями соціальной жизни народа. Общее мнѣніе Сѣзда можно было бы резюмировать такъ: народное здравіе только тогда будетъ стоять на высотѣ своего положенія, когда и другія стороны народной жизни: народное просвѣщеніе, правовое и экономическое положеніе народа получатъ свободное и безпрепятственное развитіе и достигнутъ, благодаря этому, извѣстной высоты, на которой только и начинается истинно - культурная жизнѣдѣтельность націи. Просматривая „Санитарный обзоръ Пермской губерніи за 1902 годъ“, мы думаемъ, что имѣющіяся въ немъ данныя во многихъ случаяхъ могли бы служить хорошей аргументаціей для мнѣнія Сѣзда.

Новыя книги, поступившія въ редакцію.

Значашіяся въ этомъ спискѣ книги присылаются авторами и издателями въ редакцію въ одномъ экземплярѣ и въ конторѣ журнала *не продаются*. Равнымъ образомъ контора не принимаетъ на себя комиссіи по приобретенію этихъ книгъ въ книжныхъ магазинахъ).

Полное собраніе сочиненій *Глѣба Успенскаго*. Съ портретами, автографомъ и статьей *Н. Б. Михайловскаго*. Томъ XI. Изданіе Б. К. Фукса. Кіевъ. 1904. Ц. за 6 томовъ 6 руб.

Г. И. Иллостровъ. Сборникъ російскихъ пословицъ и поговорокъ. Кіевъ. 1904. Ц. 3 р.

Русскіе поэты (карманная хрестоматія).

Составилъ *Петръ Вейнбергъ*. I и II т. т. Изданіе А. С. Суворина. Ц. по 20 к.

Отъ сердца. Стих. *А. И. Петровскаго*. Ростовъ на Дону. 1904. Ц. 75 к.

Б. П. Нионовъ. Голось сердца. Стих. Спб. 1904. Ц. 1 р.

Н. Н. Карновъ. Штрихи и блики. Изд. автора. Спб. 1904. Ц. 1 р. 25 к.

Василій Гредасовъ. Запретный

плодь. Романъ. Подъ ред. Максима Бѣлинскаго. Спб. 1904. Ц. 30 к.

Танъ. Очерки и рассказы. Томъ II. 2-ое изд. Н. Глаголева. Спб. 1904. Ц. 1 р.

Taedium vitae. Рассказъ **Алексыя Плетнева.** Спб. 1904. Ц. 10 к.

Д. Мережковский. Любовь сильнѣе смерти. Итальянская новелла XV вѣка. 2-ое изд. М. В. Пирожкова. Спб. 1904. Ц. 1 р. 25 к.

Октавъ Мирбо. Рассказы. Перев. съ франц. О. Витмеръ. Изд. „Орионъ“. Спб. 1904. Ц. 1 р.

И. Дю-Буръ. Маленькя сирены. Очерки и рассказы. Спб. 1903. Ц. 2 р.

М. Стюдингъ. Косолапъ, атаманъ войска азовскаго. Трагедія въ 5 д., въ стихахъ. Екатеринодаръ. 1903. Ц. 50 к.

Э. В. Султановъ. Татарка. Комедія, въ 2-хъ дѣйств. Эривань. 1904. Ц. 25 к.

В. Явущій. Болѣзнь духа. Драма въ 5-ти дѣйств. Казань. 1904. Ц. 60 к.

Н. И. Тимковский. Тьма. Драма въ 4-хъ дѣйств. „Дѣло жизни“. Сцены въ 5-ти дѣйствіяхъ. Изд. маг. „Книжное Дѣло“. М. 1904. Ц. 1 р.

На морскомъ пескѣ. — Деревенская драма. Романъ **М. Вудсъ.** — Учительница. Повѣсть. **Э. де-Амичиса.** Перев. А. Г. Каррикъ. М. 1904. Ц. 40 к.

М-ссь **Олифантъ.** Странная исторія. Романъ. Перев. съ англ. М. Н. Дубровиной. Изд. I. Ясинскаго. Спб. 1904. Ц. 30 к.

Юдишь Готье. Сестра солнца. Перев. О. Трачевской. Изд. А. Ильина. Ц. 1 р. 25 к.

Иванъ Франко. Збирникъ творивъ. I и II т. т. Кіевъ. 1903. Ц. по 65 к.

Анна Иноземцева. Юсифъ Метцль (Посмертныя записки). Изд. книжн. магаз. Л. З. Гець. Н.-Новгородъ. 1904. Ц. 15 к.

„Въ поискахъ свѣта“. Сборникъ подъ ред. **П. А. Травина.** М. 1904. Ц. 50 к.

Анна Догановичъ. Дѣдъ Игнатъ. Рассказъ. Ц. 35 к. — Вася-Горбунъ. Рассказъ. Ц. 15 к. Изд. В. С. Спиридонова. М. 1904.

Ив. Леоновъ. Современные герои на Востокѣ. Ц. 10 к. — Красное яичко. Ц. 5 к. — Военные рассказы. Спб. 1904.

Gedanken meiner Grossmutter (Vobe Merg) von **M. J. Midtchow.** Спб. 1904.

А. Ф. Бони. Ф. П. Гаазъ. Біографическій очеркъ съ рисунками, 3-ье изд. А. Ф. Маркса. Спб. 1904. Ц. 3 р.

Маленькая хрестоматія для врос- № 4. Отдѣлъ II.

лыхъ. Мнѣнія русскихъ о самихъ себѣ. Собралъ **К. Спальновскій.** Спб. 1904. Ц. 1 р. 25 к.

В. И. Е. Герои М. Горькаго и судъ юридической науки. Казань. 1904. Ц. 25 к.

Врачъ **С. Бьловерскій.** Вересаевъ передъ судомъ Московской науки. Спб. 1904. Ц. 25 к.

Иностранная критика о Горькомъ (Сборникъ статей). Составилъ **Л. Г. М.** 1904. Ц. 1 р. 50 к.

В. Ф. Боцмановскій. В. В. Вересаевъ. Критико-біографич. этюдъ. Изд. т-ва „Литература и Наука“. Спб. 1904. Ц. 40 к.

Э. Тамонъ. Эволюція права и общественное сознание. Перев. бароня А. П. Фитингофъ. Изд. А. С. Суворина. Спб. 1904. Ц. 1 р.

А. фонъ-Ленлеръ. Къ монистической гносеологіи. Перев. съ нѣм. А. Ремизова. Изд. Д. Е. Жуковскаго. Спб. 1904. Ц. 50 к.

Ив. Ивановъ. Вопросы молодости. Спб. 1904. Ц. 80 к.

У. Уорнеръ. Неотложное дѣло. Спб. 1904. Ц. 1 р. 25 к.

Ник. Энгельгардтъ. Очеркъ исторіи русской цензуры въ связи съ развитіемъ печати (1703—1903). Изд. А. С. Суворина. Спб. 1904. Ц. 1 р. 75 к.

Соціальная экономія. Предметъ ея, методъ, исторія. **Гильома Де Греефа.** Переводъ съ рукописи Л. С. Зака. М. 1904. Ц. 1 р.

Франческо Нитти. Основныя начала финансовой науки. Перев. съ итальянской рукописи И. Шрейдера, съ дополненіями проф. А. Свищевскаго, съ предисловіемъ проф. А. Чупрова. Изд. М. и С. Сабашниковыхъ. М. 1904. Ц. 3 р.

Вернеръ Золбартъ. Современный капитализмъ. Съ предисловіемъ проф. А. А. Мануилова. Перев. М. А. Курчинскаго. I-й томъ. Два выпуска. Изд. Д. С. Горшкова. М. 1904. Ц. за два выпуска 2 р. 50 к.

Ricardo und Marx als Werttheoretiker. Eine kritische Studie von **J. Rosenberg,** D-r Phil. Wien. 1904.

Проф. **В. Вундельбандъ.** Прелюдіи. Философскія статьи и рѣчи. Переводъ со 2-го нѣм. изд. С. Франка. Изд. Д. Е. Жуковскаго. Спб. 1904. Ц. 1 р. 60 к.

М. Метерлинкъ. Мудрость и судьба. Перев. Н. Михайловской. Спб. 1904.

Введеніе въ философію Г. Спенсера.

Въ изложеніи **И. М. Любомудрова**. 2-ое изд. Коврова. 1904. Ц. 40 к.

А. Богдановъ. Изъ психологіи общества (Статьи 1901—1904). Изд. С. Дороватовскаго и А. Чарушника. Спб. 1904. Ц. 80 к.

П. П. Витторовъ. Ученіе о личности и настроеніяхъ. Выпускъ 2-ой. Изд. маг. „Книжное Дѣло“. М. 1904. Ц. 1 р. 20 к.

С. А. Котляревскій. Ламеннэ и новѣйшій католицизмъ. М. 1904. Ц. 3 р.

Собраніе сочиненій **Н. И. Востокарова**. Историческія монографіи и изслѣдованія. Книга вторая. Изд. „Литературнаго Фонда“. Спб. 1904. Ц. 4 р.

Исторія Петра Великаго. **С. А. Чистякова**. 2-ое изд. т-ва М. О. Вольфъ. Спб. 1904. Ц. 5 р.

Картины изъ жизни государства Аѳинскаго въ V в. до Р. X. Сост. **Т. Алабина**. Изд. С. Скирмунта. М. 1904. Ц. 25 к.

Свѣтило Азіи. **Э Арнольда**. Въ краткомъ изложеніи. Изд. О. Н. Поповой. Спб. 1904. Ц. 15 к.

Англія. Сост. **Ю. А. Вьяневская**. Изд. А. И. Лебедева. Н.-Новгородъ. 1904. Ц. 25 к.

Вильгельмъ Коленцъ. Страна будущаго (Какъ живутъ американцы). Сокращ. перев. и изд. О. Н. Поповой. Спб. 1904. Ц. 30 к.

Е. Д. Носиловъ. У вогуловъ. Очерки и наброски. Изд. А. С. Суворина. Спб. 1904. Ц. 1 р. 50 к.

Когда и какъ стала Волга русскою рѣкой. Сост. **М. Чернышевъ**. М. 1904. Ц. 20 к.

Наша война съ Японіей. **М. Рубакина**. Изд. „Разсвѣтъ“. Одесса. 1904. Ц. 5 к.

Проф. **И. А. Сикорскій**. Характеристика черной, желтой и бѣлой расъ въ связи съ вопросами Русско-Японской войны. Публичная лекція. Киевъ. 1904.

Н. П. Дружининъ. Какъ должна вестись война. Популярный очеркъ права войны. Изд. ред. „Дѣтское Чтеніе“. М. 1904. Ц. 25 к.

А. Г. Авчинниковъ. Другъ бѣдныхъ. Екатеринославъ. 1904. Ц. 25 к.

А. В. Лонгиновъ. Мирные договоры русскихъ съ греками, заключен-

ные въ X в. Историко-юридическое изслѣдованіе. Одесса. 1904.

Гарретъ П. Сервиссъ. Астрономія съ биноклемъ. Перев. съ англійскаго М. И. Кисловскаго. Изд. О. Н. Поповой. Спб. 1904. Ц. 1 р.

Б. Вейльганъ. Практическая геологія. Перев. съ нѣмецкаго А. М. Скридникова. Т. I. Изд. М. и С. Сабашниковыхъ. М. 1903. Ц. 2 р. 75 к.

А. Гендель. Тридцать простѣйшихъ опытовъ по физиологіи растений. Спб. 1904. Ц. 30 к.

Записки по естественной исторіи для двухклассныхъ училищъ. Составилъ **Д. Утушкинъ**. Екатеринбургъ. 1903. Ц. 60 к.

Проф. **Э. Бергманъ**. Первая хирургическая помощь въ несчастныхъ случаяхъ. Перев. д-ра С. Лурье. Изд. Пироговскаго о-ва. Киевъ. 1904. Ц. 50 к.

Д-ръ **И. И. Пантюховъ**. Куреневка. Медико-антропологическій очеркъ. Киевъ. 1904. Ц. 40 к.

Новый способъ лѣченія. Настольная книга здоровыхъ и больныхъ. Сочин. **М. Платена**. Перев. Э. Э. Каврайскаго. Изд. т-ва „Просвѣщеніе“. Спб. 1904.

В. Бонаровскій. Изъ народной медицины. Лѣченіе нефтью и скипидаромъ. Спб. 1904. Ц. 1 р.

П. И. Соколовъ. О растительности и почвахъ бѣльничковъ тайги въ Маріинско-Чулымскомъ районѣ. Спб. 1904.

Крестьянскія сельскохозяйственныя общества. Составилъ **Н. Т. Юринъ**. Изд. Саратовскаго губернскаго земства. Саратовъ. 1904. Ц. 15 к.

Л. Б. Хавкина. Библиотеки, ихъ организація и техника. Съ рисунками и таблицами. Изд. А. С. Суворина. Спб. 1904. Ц. 3 р.

Указатель книгъ, допущенныхъ министерствъ народн. просвѣщенія въ теченіе 1903 г. Изд. кн. маг. „Трудъ“. М. 1904. Ц. 25 к.

Det finska universitetet's fest till Iohan Ludvig Runeberg's. Helsingfors. 1904.

Главныя теченія русской живописи XIX в. въ снимкахъ съ картинъ. Съ текстомъ **П. Н. Ге**. Изд. т-ва бр. А. и И. Гранать и К^о. М. 1904. Ц. по подпискѣ 17 р. безъ доставки.

АПОЛОГІЯ СОВРЕМЕННОСТИ.

(Еллинекъ. Право современнаго государства. Общее учение о государствѣ. С.-Петербургъ. 1903).

Книгу Еллинека должно признать однимъ изъ наиболѣе характерныхъ явленій современной нѣмецкой науки и жизни. Въ ней, какъ въ зеркалѣ, отражается и нынѣшнее нѣмецкое государство и право, и политическая точка зрѣнія современнаго „либеральнаго“ бюргерства, и то чисто нѣмецкое научное филистерство, которое въ послѣднее время все болѣе и болѣе затягиваетъ своей плѣсенью германское официальное обществовѣдѣніе и невольно заставляетъ вспоминать о придворной наукѣ добраго стараго времени.

Казалось бы, еще такъ недавно въ Германіи процвѣтала совсемъ иная наука. Подъ освѣжающимъ дыханіемъ французскихъ „великихъ идей“ еще въ первой половинѣ XIX вѣка, здѣсь въ университетахъ учили Аретины и Роттеки, создавались основы „всеобщаго“ права, писались хартіи свободы, а углубленные Кантомъ „права человѣка“ были основой юридической науки. Давно ли, кажется, дѣйствовалъ „профессорскій“ парламентъ во Франкфуртѣ, а представители нѣмецкой государственной науки не только словомъ, но и дѣломъ доказывали свою вѣрность научнымъ принципамъ. И если этихъ профессоровъ перваго производства смѣнили затѣмъ Блунчли и Моли, Аренсы и Штейны, то и здѣсь идеалистическій, а вмѣстѣ съ тѣмъ и глубоко гуманный духъ новаго государствовѣдѣнія придавалъ ихъ трудамъ значеніе далеко не однихъ только рецептовъ государственной мудрости или конспектовъ дѣйствующаго права.

Но вотъ совершился великій поворотъ въ наукѣ. Отъ стараго государствовѣдѣнія новые позитивные методы отрвали социологию, какъ особое ученіе объ обществѣ, и поставили ее на почву исторически закономерной, національной и классовой борьбы. Правовѣдѣніе раздвоилось между историческимъ и догматическимъ направленіемъ, а въ послѣднее время подверглось и сильному вліянію идей естественнаго права. Вопросы политики въ громадной степени были поглощены вопросами управленія, при чемъ на первый планъ выступили совершенно новыя его отрасли: рабочее законодательство, таможенное и тарифное дѣло, колоніальная политика, международное управленіе. Если и сохранилась гдѣ нибудь старая политика принциповъ и идеаловъ, то она приняла характеръ политической идеологии, несущей политическую идею въ широкія народныя массы, сходясь здѣсь съ

классовыми стремлениями и массовыми инстинктами современного общества.

И самое это общество рѣзко перемѣнилось. Процессъ внѣшней борьбы за единство и свободу просочился внутрь народнаго организма и принялъ тамъ новыя формы, нашелъ новые пути. На мѣсто чисто политической борьбы явилась борьба классовая. Она наполнила собою старыя идейныя русла религіознаго движенія и сословныхъ пережитковъ. Она раздвоила все общество на два враждебныхъ класса, „буржуазіи“ и „пролетаріата“, она вышла далеко за границы отдѣльныхъ государственныхъ соединеній, но вмѣстѣ съ тѣмъ ушла съ поверхности внутрь и дала полную возможность развитія и консолидаціи бюргерски-либеральныхъ верховъ.

Такъ съ внѣшней стороны все успокоилось. Конституціонный и представительный строй оказался тѣмъ государственнымъ скелетомъ, вокругъ котораго пульсируютъ новыя силы и идетъ новая, уже мирная борьба. Онъ придалъ упорядоченность былому хаосу общественныхъ отношеній и обезпечилъ въ своей средѣ возможность рожденія и развитія будущаго лучшаго права, болѣе справедливыхъ хозяйственныхъ отношеній, высшаго развитія самодѣятельной и нравственной личности.

Казалось-бы, какая глубокая и благодарная задача для автора „общаго ученія о государствѣ“ и въ особенности о „современномъ государствѣ“, какую богатую почву для социологическихъ выводовъ и юридическихъ обобщеній даетъ живой и вѣчно развивающійся, а вмѣстѣ съ тѣмъ и строго замкнутый въ правовую систему организмъ современнаго государства! Какое богатство новыхъ идеологическихъ формъ и общественной жизни представляетъ собою интенсивная жизнь современности съ ея вѣчными поисками за новымъ, за лучшимъ, совершеннѣйшимъ!

И тѣмъ не менѣе у Еллинека мы не найдемъ ни социологіи, ни правовѣдѣнія, которыя дѣйствительно были бы проникнуты новыми запросами науки и отвѣчали бы новымъ формамъ общественной жизни. Его „современное государство“ есть давно извѣстный намъ шаблонъ полу-конституціонныхъ, полу-либеральныхъ нѣмецкихъ порядковъ, а его теорія носитъ на себѣ всѣ слѣды того всепримиряющаго, всеглаживающаго и всезамазывающаго эклектизма, при помощи котораго современный филистеръ умудряется примирить Бога и Маммону, Бисмарка и Фрейлиграта!

Методологическіе приемы Еллинека совершенно соотвѣтствуютъ его бюргерской точкѣ зрѣнія. Какъ извѣстно, бюргеръ въ настоящее время успокоился. Потерпѣвъ нѣкоторый конфузъ при основаніи новаго порядка вещей, онъ съ тѣхъ поръ совершенно примирился со своимъ новымъ „отечествомъ“ и не только сложилъ въ семейный архивъ черно-красно-золотыя знамена, но и крайне недоволенъ современнымъ социальнымъ движеніемъ, мѣ-

шающимъ ему спокойно спать и наслаждаться всяческими плодами. И ужъ о какой-либо „метафизикѣ“, „идеалахъ“, широкихъ обобщеніяхъ или „естественномъ правѣ“ больше нѣтъ и помину. Новый бюргеръ — эмпирикъ, не любитъ раздражающихъ его высокихъ фразъ и великихъ словъ. Онъ положителенъ и разуменъ; его идеаль — это *das solide Deutschland!* И подобнымъ требованіямъ вполне удовлетворяетъ Еллинекъ. Онъ не горячъ и не холодець, онъ и эмпирикъ, и не прочь отъ обобщеній. Онъ не отрицаетъ современной борьбы и закономѣрнаго хода исторіи, но за то питаетъ особенное пристрастіе къ „среднимъ типамъ“, подъ удобную и растяжимую форму которыхъ онъ и размѣщаетъ самыя различныя проявленія „современнаго государства“.

„Эти средніе типы“ нашъ ученый находитъ индуктивнымъ путемъ, т. е. путемъ тщательнаго сравненія отдѣльныхъ государствъ, ихъ организацій и функцій“. Однако, если „этотъ методологическій принципъ кажется весьма простымъ“, то въ то же время „весьма трудно уяснить себѣ тѣ своеобразные принципы, которыми обусловлена въ этой области индукція“. Эти „принципы“ нашъ государствовѣдъ налагаетъ слѣдующимъ образомъ. Съ одной стороны, „сравненіе не должно заходить слишкомъ далеко“, съ другой — „сравнительный методъ долженъ быть примѣняемъ съ осторожностью“. Если же присоединить къ этому оговорку, что отъ установленныхъ такимъ образомъ типовъ „всегда будутъ имѣть мѣсто уклоненія въ самыхъ разнообразныхъ направленіяхъ“, то мы будемъ на самой правильной дорогѣ: съ одной стороны, мы предохранимъ себя „отъ того, къ сожалѣнію нерѣдкаго, мелочнаго пендантизма, съ которымъ государственно-правовой или политической синтезъ отвергается только потому, что онъ не обнимаетъ того или иного частнаго случая. Съ другой стороны, представленіе о томъ, что рѣчь идетъ о познаніи среднихъ, а не идеальныхъ типовъ, ограждаетъ насъ отъ столь вреднаго въ практическомъ отношеніи доктринерства“, стремящагося преобразовать данныя отношенія по опредѣленному образцу, какъ-бы это ни противорѣчило дѣйствительной, конкретной обстановкѣ (23—25). Устанавливая столь рѣшительно свою методу „среднихъ типовъ“, Еллинекъ не менѣе рѣшительно возстаетъ противъ всякихъ „идеальныхъ типовъ“ и „историческихъ законовъ“. Последніе представляютъ для него ничто иное, какъ „по большей части лишь тривиальности и общія мѣста“, за идеальными типами онъ не признаетъ никакого научнаго значенія: они, по его мнѣнію, „являются... въ существѣ объектомъ не науки, а вѣры“; „какъ всякая спекуляція, представленіе объ идеальномъ типѣ государства въ концѣ концовъ основано на субъективныхъ убѣжденіяхъ, при чемъ нерѣдко соглашеніе между ними представляется недостижимымъ“... Болѣе всего, однако, Еллинекъ возстаетъ противъ привнесенія въ его „средніе типы“ политическаго

элемента: „политическія изслѣдованія имѣютъ ...по общему правилу партійный отпечатокъ“. „Если ученіе о государствѣ только познаетъ, то политика, по существу, только оцѣниваетъ“; а такъ какъ въ этой оцѣнкѣ она рѣдко ограничивается „эмпирическими, относительными цѣлями“, абсолютныя же цѣли „могутъ быть выяснены только путемъ метафизической спекуляціи, то эмпирическая, законченная и обладающая объективной убѣдительностью политическая наука“ и объявляется далѣе „невозможной“. Итакъ, хотя „всякое прагматическое историческое изслѣдованіе является... въ то же время и политическимъ“, однако въ то же время политика въ качествѣ „критическаго ученія, выясняющаго... необходимость сохраненія или преобразованія существующаго порядка“ оказывается совершенно изгнанной изъ „общаго ученія“ Еллинека. Та же участь постигаетъ у него и злополучное „естественное право“. Для его системы „среднихъ типовъ“ и оно оказывается непригоднымъ. Въ естественномъ правѣ нашъ авторъ видитъ ту же „политику“ или, иными словами, „критику положительныхъ правовыхъ отношеній съ точки зрѣнія какой либо должествующей быть достигнутой цѣли“; въ ней „дѣйствующему праву противопоставляется другое, высшее право, призванное осуществлять новыя притязанія, борющіяся за свое признаніе“ (22,8—9, 225—226).

Кажется—ясно. „Историческіе законы“, „идеальные типы“, „доктринаризмъ“, политика и несчастное „естественное право“—получили по заслугамъ. На основаніи выводовъ положительной науки эти непріятныя вещи выдворены въ область метафизики, субъективной вѣры, даже слѣпнаго фанатизма. Бюргерскій филистеръ можетъ спать спокойно: всѣ пугающіе его жупелы критики и „диктинерства“ изгнаны прочь, и онъ можетъ довольствоваться при изученіи социальныхъ отношеній только невинными, скромными и обезвреженными „средними типами“...

Такое рѣшеніе вопроса, однако, врядъ ли соотвѣтствуетъ вполне запросамъ современнаго бюргерства. Желая по возможности использовать безъ помѣхъ всѣ выгоды своего социальнаго господства, оно вмѣстѣ съ тѣмъ не желаетъ дѣлать этого грубо, по юнкерски, на феодальный манеръ. Оно не можетъ, поэтому, вполне удовлетвориться однимъ только простымъ превознесеніемъ „существующаго“ предъ „долженствующимъ“, однимъ устраниеніемъ идеалистической критики съ путей его солиднаго и положительнаго міросозерцанія. Бюргерство нуждается еще въ нѣкоторой декорации и обстановкѣ. Если оно теперь и успокоилось, то, съ другой стороны, далеко не прочь порою вспомнить и золотые дни своей юности, горническую трагедію 48-го года и великодушныя мечты былаго демократическаго чада. Какъ ни какъ, а въ семейномъ архивѣ и до сихъ поръ хранятся запыленные палладины стараго либерализма: и трехцвѣтная ленточка, и портретъ злосчаст-

наго Блюма! нужно отдать должное и идеаламъ—только такъ, чтобы это не только не препятствовало „благорастворенію“, но даже содѣйствовало... И надо отдать справедливость Еллинеку: высказывая со всею рѣшительностью всѣ ненадлежащіе „идеальные типы“ и „историческіе законы“ изъ своей объективной и положительной науки, онъ въ то же время не щадитъ словъ для восхваленія всѣхъ этихъ вещей... для исторіи.

„Всѣ попытки выяснитъ дѣль государства и его юридическое основаніе, всѣ естественно-правовыя дедукціи для обоснованія монархическаго абсолютизма и народнаго суверенитета, всѣ изображенія конституціоннаго государства на основѣ идеи раздѣленія властей, всѣ теоріи нашего времени о христіанскомъ, національномъ, правовомъ государствѣ—все это,—говоритъ Еллинекъ,—въ существѣ ничто иное, какъ попытки окончательно установить идеальный типъ государства“—и всѣ эти огромные по своему значенію и научной цѣнности отдѣлы государственной науки онъ зачисляетъ въ разрядъ вещей, которыми теперь интересуется развѣ исторія! Еллинекъ не отказывается въ своемъ одобреніи даже и естественному праву. Въ свое время оно имѣло значеніе: „подъ глубокимъ воздѣйствіемъ естественно-правовой теоріи выработались принципы политическаго и экономическаго либерализма. Находясь въ тѣсной связи съ новѣйшимъ ученіемъ о народномъ суверенитетѣ, она послужила основою тѣхъ выводовъ, которые дѣлаются изъ этого принципа. Она жива и понынѣ во французской плебисцитарной теоріи, швейцарскомъ референдумѣ, также какъ и въ политическихъ требованіяхъ нѣмецкой социаль-демократіи. Безусловно господствуя въ восемнадцатомъ столѣтіи, она превратила въ развалины старый европейскій міръ и содѣйствовала созданію новаго за океаномъ“... И тѣмъ не менѣе „съ тѣхъ поръ, какъ современная наука выяснила истинную природу права, эти теоріи сдѣлались достояніемъ исторіи, хотя бы фактически вліяніе ихъ продолжалось и въ будущемъ“. — Другими словами, хоть всѣ эти явленія живутъ и будутъ жить, но наука г. Еллинека ихъ знать не хочетъ; она упорно хоронитъ ихъ въ могилу исторіи, не смотря на ихъ вліяніе даже и „въ будущемъ“; и уже законопативъ ихъ въ гробъ, она возлагаетъ на нихъ вѣнки съ похвальными лентами и, въ утѣшеніе обезпокоенному филистеру, восклицаетъ надъ живымъ покойникомъ: „этой теоріи мы обязаны идеей прямого законодательнаго признанія правъ свободы, требованіемъ правового государства и осуществленіемъ этого требованія путемъ судебной гарантіи всей правовой сферы индивида, въ томъ числѣ и его публичныхъ правъ“, — но этой теоріей настоящая наука уже болѣе не интересуется; вѣдь „вліяніе политическихъ ученій—измѣряется не абстрактной ихъ истинностью“. А посему филистеръ, стремящійся только къ „истинѣ“, можетъ быть не только спокоенъ, но и утѣшенъ. Вѣдь какъ ни

какъ, а при завоеваніи всяческихъ „правъ свободы“ дѣйствовали и его предки въ видѣ „вольныхъ стрѣлковъ“ или просто „буршеншафтлеровъ“! И капиталъ приобрѣтенъ—въ прошломъ, и невинность соблюдена въ настоящемъ. И плодами „идеальныхъ типовъ“ мы пользуемся, и для современности „средними“ удовлетворяемся; и слезу умиленія проливаемъ и всякое „естественное право“ успокаиваемъ. И „правду“ старинную признаемъ, и „истину“ въ настоящемъ почитаемъ. И все это производитъ г. Еллинекъ въ объемистомъ научномъ трудѣ съ блестящимъ научнымъ аппаратомъ (22, 137).

Въ одномъ только отношеніи плохо приходится нашему ученому. На какія высоты „объективной“ науки онъ ни забирался, за какими окопами „среднихъ типовъ“ онъ ни прячется, а все съ живыми покойниками справиться не можетъ: выходить изъ своихъ могилъ буйныя идеи, поднимаются на научный олимпъ Еллинека и такъ успѣшно штурмуютъ его эмпирическую „истинность“, что не выдерживаетъ нашъ профессоръ своей роли и берется за то самое оружіе „метафизики“, „политики“ и „историческихъ законовъ“, которое онъ такъ рѣшительно запятналъ съ точки зрѣнія ученаго филистерства.

„Великая духовная борьба, раздѣляющая современное общество“ заставляетъ Еллинека броситься въ море политики и измѣнить принципамъ точной науки; теперь „подвергаютъ сомнѣнію“ даже право государства на существованіе, утверждая, что „возможно общество безъ государства“; возникаютъ вопросы о томъ: „почему индивидъ долженъ мириться съ подавленіемъ его воли другой волею, почему и въ какихъ предѣлахъ онъ обязанъ приносить жертвы въ интересахъ дѣлага?“ Подъ вліяніемъ такихъ обстоятельствъ Еллинекъ считаетъ себя призваннымъ „объяснить индивиду, почему онъ обязанъ признавать государство“, и дать отвѣты, которые „преслѣдуютъ ясную цѣль защиты или измѣненія (?) существующаго государственнаго порядка“. И тутъ-то оказываются вполнѣ пригодными всѣ тѣ методы, которые такъ торжественно осуждены нашимъ ученымъ, какъ „партийные“ или „субъективные“: „человѣческія учрежденія кореннымъ образомъ отличаются отъ явленій природы тѣмъ, что своимъ происхожденіемъ и развитіемъ они обязаны волевымъ процессамъ... продолжительность же волевыхъ актовъ всегда зависитъ отъ рациональныхъ основаній. Для индивидуальнаго сознанія социальная жизнь и ея несовершенство никогда не подпадаютъ только подъ категорію необходимаго, а всегда также и подъ категорію должнаго“; „какимъ бы образомъ ни возникли учрежденія, они должны, для того, чтобы продолжать существовать, представляться сознанію каждаго послѣдующаго поколѣнія разумно обоснованными“. Такъ, „ученіе о государствѣ нуждается, для своего завершенія, въ выполненіи его политическими изслѣдованіями“... (115—116).

И Еллинекъ дѣйствительно довольно энергично ополчается на всякія сомнѣнія, обуревающія современнаго европейца. Прежде всего онъ стремится скомпрометтировать теорію естественнаго права и общественнаго договора самымъ близкимъ родствомъ съ такими жупелами современнаго бюргерства, какъ социализмъ, или даже какъ анархизмъ. И для этого онъ не стѣсняется свалить эти всѣ совершенно различныя вещи въ одну кучу.

Правда, какъ замѣчаетъ онъ самъ, „съ перваго взгляда трудно представить себѣ болѣе глубокое обоснованіе государства, чѣмъ то, которое доказываетъ индивиду, что онъ самъ позналъ необходимость государства и поэтому свободно и сознательно создалъ его, что существованіе государства является, такимъ образомъ, только слѣдствіемъ его собственныхъ дѣйствій“. Этимъ обосновываетъ Еллинекъ „большое значеніе и многовѣковое господство договорной теоріи“. Тѣмъ не менѣе, однако, „договорная теорія, доведенная до ея логическихъ результатовъ, не обосновываетъ, а разрушаетъ государство“; и это—потому, что она обладаетъ однимъ весьма „крупнымъ недостаткомъ“; этотъ недостатокъ заключается въ томъ, что она лишена возможности „доказать абсолютную связанность индивида разъ даннымъ согласіемъ!“ Это-то, по мнѣнію Еллинека, и роднитъ ее и съ социализмомъ, и съ анархизмомъ: „построенное на основѣ коллективизма, свободное общество, котораго требуютъ и о которомъ мечтаютъ социалисты, представляется въ существѣ ни чѣмъ инымъ, какъ договорнымъ государствомъ“. Къ той-же договорной теоріи причисляетъ далѣе Еллинекъ и анархизмъ: „современныя, отрицающія необходимость государственнаго принужденія анархистскія ученія представляютъ конечный логическій и практическій выводъ изъ естественно-правовой теоріи“... Такъ „договорная“ теорія въ качествѣ „разрушающаго“ начала является передъ нами въ трехъ различныхъ видахъ: въ прошломъ — эта разрушительная теорія создала то, что называется современнымъ представительнымъ, правовымъ и культурнымъ государствомъ — и за это удѣляетъ ей Еллинекъ свое историческое спасибо: „вліяніе ея было и остается огромнымъ. Подъ этимъ вліяніемъ сложилось все современное государство, его строй и учрежденія“. Въ настоящемъ эта теорія, однако, внезапно перемѣнила свое дѣйствіе—она превратилась въ теорію социализма, которая провозглашаетъ „фразы о свободномъ обществѣ и уничтоженіи государства“ и этимъ „только затемняетъ для непосвященныхъ дѣйствительное положеніе дѣла“, или даже въ анархизмъ, для котораго „правовое принужденіе“ „всегда будетъ только голымъ насиліемъ“. — Какое удивительное превращеніе! Спрашивается, однако, какъ такое превращеніе стало возможно? На чемъ основывается такое извращеніе разрушительной, но тѣмъ не менѣе въ свое время и созидательной теоріи?

Мы думаемъ, что это смѣшеніе въ одну кучу естественно-правовыхъ тенденцій и социализма, съ одной стороны, и анархизма—съ другой, основано на весьма крупномъ недоразумѣніи. Авторъ рѣшилъ, что всѣ эти политическія теоріи въ одинаковой степени отрицаютъ необходимость „права“ и „государства“ для общественной жизни. По его мнѣнію, приверженцы „естественно-правового равенства“, какъ и „всѣ утописты“, имѣютъ „ложное и одностороннее представленіе о природѣ человѣка, оптимистически воображая человѣка совершеннымъ и приписывая слабости человѣческой природы не ей самой, а внѣшнимъ условіямъ“. И того же социологическаго обоснованія, по утверженію Еллинека, придерживаются и социалисты, и анархисты. Теорія социализма,—такъ учитъ нашъ авторъ,—„страдаетъ тѣмъ же рационалистическимъ оптимизмомъ, усматривающимъ основу общества въ безчисленномъ множествѣ безплотныхъ манекеновъ съ одинаковымъ, всегда неизмѣннымъ, нормальнымъ, этическимъ содержаніемъ,—въ выдрессированныхъ для свободы, всегда трудолюбивыхъ и коллективистически настроенныхъ людяхъ“. Наконецъ, и „человѣкъ, какимъ его изображаетъ анархистская теорія, представляетъ собою безжизненную естественно-правовую схему человѣка, опредѣляемаго исключительно сознательными мотивами, съ самаго начала духовно-зрѣлаго“. Противъ этихъ воззрѣній, принадлежащихъ якобы одинаково и социализму, и анархизму, и радикальнымъ теоріямъ XVIII вѣка, возражаетъ нашъ авторъ со всѣмъ авторитетомъ лица, изрекающаго азбучныя, неопровержимыя истины: „никакая сила въ мірѣ не можетъ уничтожить различія между сильнымъ и слабымъ, эгоистомъ и альтруистомъ, благожелательнымъ и порочнымъ; не можетъ поэтому подлежать сомнѣнію, за какимъ изъ этихъ типовъ будетъ оставаться побѣда въ обществѣ, не признающемъ права и безправномъ“. „Предусмотрѣть хотя бы съ нѣкоторою степенью достовѣрности вліяніе эгоистическихъ и альтруистическихъ мотивовъ на другихъ индивидовъ—невозможно, вслѣдствіе безконечнаго разнообразія индивидовъ въ этическомъ отношеніи, незамѣчаемаго только доктринерами“. „Никакая теорія не можетъ... уничтожить факта существованія людей, стоящихъ ниже нормальнаго этическаго уровня, вслѣдствіе чего и въ социалистическомъ обществѣ будущаго неизбѣжно преступленіе. Если бы право частной собственности на орудія производства было превращено въ коллективную собственность, то всетаки существовало-бы еще множество преступныхъ вторженій въ сферу личныхъ правъ и свободы, и прежде всего недобросовѣстное отношеніе къ общественному труду. Социалистическое общество не могло-бы, далѣе, обойтись безъ надѣленныхъ правомъ повелѣвать руководителей экономическимъ производствомъ, принудительная власть которыхъ противъ сопротивляющихся должна бы быть еще значительно большей, чѣмъ власть современнаго госу-

дарства, вслѣдствіе увеличенія соціальной дѣятельности“. „При отсутствіи дисциплинарной власти, хотя бы самой слабой, не можетъ плодотворно развивать свою дѣятельность ни одинъ союзъ, даже наименѣе прочно организованный, и ни одно упорядоченное собраніе“. „Едва ли есть истина болѣе несомнѣнная, чѣмъ та, что необходимымъ слѣдствіемъ отсутствія государства и права явилось бы *bellum omnium contra omnes*. Но въ такой всеобщей войнѣ фактически тотчасъ же возникли бы отношенія силы и зависимости“ (141—144).

Таковы положенія представителя „объективной“ науки, которыя онъ противопоставляетъ партійнымъ стремленіямъ современнаго общества. При ознакомленіи съ ними, читатель невольно чувствуетъ нѣкоторую неловкость. Прежде всего неизбѣжно встаетъ вопросъ о томъ, да неужели же этого мы раньше не знали? Неужели понадобилось г. Еллинеку писать громадный томъ для того, чтобы возвѣстить міру ту тысячелѣтняя извѣстную истину, что человѣкъ, „будучи оторванъ отъ закона и права, превращается въ самое худшее“ „изъ всѣхъ созданій“, что „всего опаснѣе вооруженное безправіе“, что, наконецъ „человѣкъ безъ добродѣтели—самое дикое и нечестивое созданіе, худшее чѣмъ всѣ другія въ его порокахъ и невоздержности“? Неужели же, далѣе, и въ самомъ дѣлѣ всѣ эти социалисты и анархисты такъ безконечно дики и глупы, что ихъ можно побить такими элементарными, общеизвѣстными истинами?.. И неужели же и въ самомъ дѣлѣ анархизмъ и социализмъ одно и тоже?

Какую же теорію развитія права и государства даетъ самъ Еллинекъ для того, чтобы просвѣтить заблуждающихся, успокоить беспокойныхъ и утвердить въ олимпійскомъ самодовольствѣ современниковъ?—О, эта теорія несложна. Сводится она къ тому, чтобы придать этическое освященіе существующему, оправдать настоящее, набросить умѣлой рукой идеалистически-правовой покровъ на современное фактически-данное и исторически-сложившееся государство. Достигается же это слѣдующимъ образомъ.

Прежде всего цѣлями государства провозглашается „прогрессирующее развитіе и болѣе равностороннее проявленіе человѣческихъ силъ“, но при этомъ весьма заботливо устраняется „идея содѣйствія благосостоянію“—подразумѣвается—широкихъ народныхъ массъ. Напротивъ того, прямо говорится, что „великій прогрессъ“—„неизбѣжно болѣзненъ“, а потому при преслѣдованіи такихъ „эволюціонныхъ“ цѣлей можно не обращать никакого вниманія на „неудовольствіе, которое оно можетъ вызвать“, и „можно даже потребовать такихъ дѣйствій государства, которыя непосредственно вызываютъ въ широкихъ массахъ неудовольствіе и причиняютъ ущербъ“... (169).

Что касается, далѣе, права въ его отношеніи къ государству, то оно продѣлываетъ у Еллинека замѣчательный процессъ раз-

витія. Съ одной стороны, „коренится въ психикѣ человѣка“ „никогда не исчезающее совершенно представленіе о такомъ правѣ, которое въ силу внутренней своей справедливости нравственно обязательно и потому является дѣйствующимъ“; поэтому и „представленіе о правѣ de lege ferenda... на вѣки останется могущественнымъ факторомъ въ процессѣ правообразованія“; а такъ какъ „общество непрерывно движется и преобразуется“, то „къ этому процессу измѣненія привлекается и нормативный элементъ“. „Дѣйствующему праву противопоставляется другое, высшее право,— право, призванное осуществлять новыя притязанія, борющіяся за свое признаніе“. Такъ образовывается новое или „естественное право“, которое и „есть ничто иное, какъ совокупность требованій, предъявляемыхъ измѣнившимися... обществомъ или классами его къ правотворческимъ силамъ“. И примѣры такого права находятъ Еллинекъ—какъ это ни странно слышать отъ него послѣ всего сказаннаго имъ о социализмѣ,—именно въ исторіи „современнаго социалистическаго движенія и его литературы“! Однако этимъ дѣло не ограничивается. Съ другой стороны, развивается тенденція „возводить фактическое на степень нормальнаго“. „Велѣнія духовныхъ и свѣтскихъ авторитетовъ сперва просто исполняются—изъ страха или по какимъ либо инымъ мотивамъ—и отсюда развивается представленіе, что многократно повторявшееся велѣніе само по себѣ является нормой, вообще долженствующей быть исполняемой, т. е. нормой этической“. „Во всей системѣ права вырабатывается презумпція, что существующій социальный фактъ есть въ то же время и правомѣрный“, а потому и „само несправедливое съ позднѣйшей точки зрѣнія распредѣленіе силъ въ обществѣ, эксплуатація за висимыхъ классовъ господствующими, можетъ получить вполне правовой характеръ...“ И не естественно-правовой элементъ оказывается побѣдителемъ въ этомъ противоположеніи прогрессивнаго и консервативнаго движеній въ области развитія права побѣждаетъ „раціонализація“ или, мы бы сказали, идеализація факта, само „государство и его порядокъ признаются людьми“ „разумнымъ, а потому и правомѣрнымъ“, и въ концѣ концовъ это государство и начинаетъ „творить“ право, поскольку и по мѣрѣ того, какъ оно это считаетъ нужнымъ (225—233).

Такъ Еллинекъ создаетъ для существующаго въ настоящее время европейскаго государства „тѣ этическіе мотивы, которые могли-бы воспрепятствовать возникновенію и осуществленію ученій, разрушающихъ государство“ (123).

Мы пришли къ старой излюбленной формулѣ казенно-прусскаго гегеліанства: все существующее разумно; все существующее правомѣрно. Надлежащее „этическое“ начало непосредственно производится изъ фактическаго. Царство грубой бисмарковской политики окрашивается ученымъ государствовѣдомъ въ самые

нѣжные цвѣта, и бюргеръ дѣйствительно можетъ спать спокойно: „положительная“, „виѣпартійная“ наука г. Еллинека изрекла свой приговоръ: она освятила самымъ торжественнымъ образомъ принципы мощи и силы!

М. Андреевъ.

Изъ Англии.

I.

Если судить по литературѣ Дальняго Востока, появившейся уже и появляющейся теперь въ Англии,—можно было бы заключить, что войну ведетъ не Россія, а Англія. Въ самомъ дѣлѣ, литература эта громадна. Въ мартовскихъ книжкахъ *Fortnightly*, *Contemporary*, *National* и другихъ *Reviews*—мы находимъ по двѣ, по три, а то и по четыре статьи. Всѣ онѣ написаны специалистами, т. е. людьми, хорошо изучившими Дальній Востокъ. Статьи эти свидѣтельствуютъ также о томъ, какъ много путешествуютъ и какъ въ общемъ отлично наблюдаютъ англичане. Кромѣ журнальныхъ статей, появился цѣлый рядъ книгъ, посвященныхъ Россіи, Корей и Японіи. Въ числѣ этой литературы есть такія капитальныя изслѣдованія, какъ „Корея“ Энгуса Гамильтона или „Японія“ кап. Бринели. Это солидные труды, явившіеся результатомъ многолѣтняго изученія страны, народа и языка. Не мало также, конечно, книгъ, сработанныхъ на спѣхъ. Но вся эта литература показываетъ одно и то же. Англичанинъ не можетъ довольствоваться въ какомъ нибудь вопросѣ готовымъ взглядомъ, оффиціальнымъ или нѣтъ, поднесеннымъ въ той или другой газетѣ. Англичанину нужны, прежде всего, факты, по возможности проверенные. Ознакомившись съ фактами и съ ихъ освѣщеніемъ съ различныхъ точекъ зрѣнія,—англичанинъ приходитъ къ выводу, который потомъ упорно отстаиваетъ. Я возьму конкретный примѣръ. Чтобы подготовить южно-африканскую войну, потребовался громадный заговоръ, въ которомъ участвовали и капиталисты, и мѣстная администрація, и часть прессы. Необходимо было доставить значительную часть фактическаго матеріала, освѣщеннаго подъ извѣстнымъ угломъ. Теперь, знакомясь съ положеніемъ дѣлъ на Дальнемъ Востоке, англичанинъ внимательно прочтетъ статью Генри Нормана, доказывающаго, что побѣда русскихъ желательна въ интересахъ европейской культуры, затѣмъ тотъ же англичанинъ съ такимъ же

вниманіемъ выслушаетъ другую сторону, т. е. прочтетъ японофильскую статью Альфреда Стэда.

„Побѣда, одержанная Японіей,—доказываетъ Норманъ,—означала бы начало новой эры въ міровыхъ дѣлахъ: впервые въ исторіи азіатская раса побѣдила бы европейскую и христіанскую. Побѣда эта была бы тѣмъ болѣе знаменательна, что разрѣшилась бы на морѣ, которое европейцы считаютъ своимъ достояніемъ. Престижъ Запада въ глазахъ Востока палъ бы окончательно. Всѣ восточные народы тогда поняли бы, что для нихъ наступила новая эра и что пора свести вѣковые счеты съ европейцами. Въ Азіи всѣ племена стали бы считать японцевъ своими вождями. Японія обратила бы все свое вниманіе на Китай. Имѣя за собой престижъ побѣды, Японія выкроила бы тогда Китайскую имперію по своему идеалу. Безъ сомнѣнія, очень хорошо то, что подъ японскимъ контролемъ появятся въ Китаѣ честные чиновники, хорошіе суды, правильная финансовая система и новыя школы. Но вмѣстѣ съ этимъ народится также китайская армія, за ней появится китайскій флотъ. И все это подъ контролемъ японцевъ. Западныя державы начнутъ тогда безпокоиться, но имъ уже не такъ легко будетъ заставить Японію отказаться отъ перевоспитанія Китая“.

Затѣмъ придетъ конецъ господству европейскихъ народовъ на Дальнемъ Востокѣ. Норманъ полагаетъ, что Англія могла бы предупредить войну. Англія и Соединенные Штаты,—по мнѣнію Нормана,—должны были бы „сказать Японіи такъ: Манчжурія васъ не касается; это наше и обще-міровое дѣло. Мы полагаемъ, что Манчжурія должна оставаться китайской провинціей, но въ сферѣ русскаго вліянія. Всѣ народы имѣютъ право безпрепятственно вести здѣсь торговлю. Мы желаемъ также, чтобы и Корея была независима, но въ сферѣ японскаго вліянія. Если будетъ война, то мы не допустимъ такого мирнаго договора, результатомъ котораго явилось бы изгнаніе русскихъ изъ Манчжуріи или японцевъ изъ Кореи“. Если бы Англія такъ заявила Японіи, то, по мнѣнію Нормана, войны не было бы *).

Англичанинъ внимательно прочитываетъ статью Нормана, затѣмъ выслушиваетъ другую сторону. „Корея,—доказываетъ одинъ изъ представителей ея,—стрѣла, направленная прямо въ сердце Японіи. Европейская держава, которая утвердится въ Корей, можетъ въ любой моментъ сдѣлать высадку въ Японію“. Но яблокомъ раздора,—доказываютъ японофилы,—является не только Корея, а еще медленное, но неукоснительное движеніе Россіи все дальше и дальше на востокъ. „Свои планы тамъ,—говоритъ Артуръ Діови, одинъ изъ лучшихъ знатоковъ Японіи въ Англіи,—Россія преслѣдуетъ съ такою настойчивостью и съ такою энер-

*) «World's Work», March, 1904.

гійей, что даже противники признають величіе этого поступательнаго движенія“. Къ чему же стремится Россія? По словамъ Артура Діози,—къ полному господству надъ всею Азіей. Съ этой пѣлью Россія желаетъ, прежде всего, утвердиться въ Сѣверной Азіи и на омывающихъ востокъ ея моряхъ. Когда она, по словамъ Діози, будетъ имѣть въ своемъ распоряженіи „живой сырой матеріалъ“ Китая, она создастъ такую могучую армію въ Азіи, что весь материкъ станетъ непремѣнно русскимъ владѣніемъ.

Такой планъ, по словамъ автора, будто бы лелѣютъ „всѣ русскіе“ (Артуръ Діози, повидимому, читаетъ и по русски, но судя по цитатамъ, ему извѣстны только передовыя статьи „Свѣта“ и „Московскихъ Вѣдомостей“; о значеніи писаній этихъ газетъ авторъ имѣетъ крайне преувеличенное представленіе). „Русскій по натурѣ своей,—продолжаетъ Діози,—фаталистъ и считаетъ наступательное движеніе своей родины на востокъ предопредѣленіемъ“. „Судьба Святой Руси—владычествовать на всемъ Востокѣ“,—разсуждаетъ нашъ гипотетическій соотечественникъ, по мнѣнію Діози. „И то обстоятельство, что русскіе считаютъ завоеваніе Востока фатальнымъ,—должно придать движенію крайне серьезное значеніе въ глазахъ остальныхъ европейскихъ народовъ. Русскіе убѣждены въ томъ, что имъ предопредѣлено спасти міръ, такъ какъ европейцамъ скоро станетъ постылымъ *разерватъ евободы* (the debauch of liberty), и они востокуются по сильной рукѣ, по благодѣтельнымъ бичамъ и скорпіонамъ. Когда это наступитъ, европейцы поголовно перейдутъ въ лоно православія и вынутся къ подножію сильной власти. Такъ думаютъ не только фанатики крестьяне и мистики священники,—говоритъ Діози,—но профессора, писатели, государственные дѣятели и пр.“ *).

Понятно,—говоритъ Діози,—что Японія, зная это стремленіе Россіи, должна была напрячь всѣ усилія, чтобы отстоять свою независимость. „Теперь жребій брошенъ,—продолжаетъ цитируемый авторъ. Народы, затаивъ дыханіе, слѣдятъ за началомъ гигантской борьбы, исхода которой никто не можетъ предвидѣть“.

Не мало также статей, въ которыхъ дается чисто экономическое освѣщеніе драмѣ на Крайнemъ Востокѣ. Англичане прочтываютъ всю эту литературу, написанную съ извѣстной и партійной точки зрѣнія; но не ограничиваются готовымъ чужимъ мнѣніемъ, а обращаются къ первоисточникамъ, т. е. къ капитальнымъ трудамъ, написаннымъ знатоками Востока. Даже ограниченный, скромный клеркъ (въ Англии это—самый тупой, невѣжественный и самодовольный классъ) и тотъ имѣетъ свой компендіумъ сырыхъ матеріаловъ, составленный въ азбучномъ порядкѣ (напр., ABC of the Russo-japanese War. Compiled by Robert Machray, 1904). Это одно уже можетъ свидѣтельствовать, какъ о захватывающемъ

*) Russo-Japanese War. The causes of the Conflict. Part I.

интересъ, съ которымъ слѣдуетъ здѣсь за войной, такъ и о стремленіи даже немудренаго читателя независимо разобраться въ событіяхъ.

Русскіе публицисты изъ „Свѣта“ и „Московскихъ Вѣдомостей“, которыхъ цитируетъ Артуръ Діови, — доказываютъ, что Англія — исконный врагъ Россіи, и что всѣ англичане всегда во время войны сочувствовали непріятелямъ ея. Это — не вѣрно. Во время русско-турецкой войны, напр., въ Англіи была сильная руссофобская партія — консерваторы. Но за то была также вліятельная партія, которая искренно сочувствовала Россіи, называла освобожденіе болгаръ — подвигомъ и устраивала шумные руссофильскіе митинги. Во главѣ этой партіи стоялъ Гладстонъ. Онъ не страшился открыто высказывать свое мнѣніе, хотя въ патріотическихъ консервативныхъ газетахъ его называли за это русскимъ наемникомъ. За Гладстономъ стояли трудящіеся массы. Руссофильскіе митинги, во время которыхъ работники съ платформы выражали свое горячее сочувствіе Россіи за намѣреніе освободить болгаръ отъ турецкаго ига, начались въ Лондонѣ, Манчестрѣ, Бирмингемѣ и въ Глазго задолго до того, какъ Гладстонъ выступилъ со своимъ историческимъ памфлетомъ „Болгарскіе ужасы“. Брайтъ тогда уже констатировалъ, что британскіе работники „похожи теперь на взволновавшееся море“. Гладстонъ сталъ во главѣ существовавшего раньше движенія. Разъ, послѣ большого митинга, нѣсколько громилъ, нанятыхъ консерваторами, выбили стекла въ лондонскомъ домѣ Гладстона. Консервативная газета „Globe“ сейчасъ же помѣстила замѣтку въ томъ духѣ, что „честные и патріотическіе англійскіе рабочіе-нагрузчики (*докеры*) показали вождю руссофильской партіи свое глубокое негодованіе по поводу его антипатріотической агитаціи“. „Если русскіе наемники не умолкнутъ, — продолжалъ *Globe*, — они дождутся еще и болѣе рѣшительныхъ дѣйствій со стороны возмущенныхъ патріотовъ“. Докеры тогда были очень бѣдны и грубы. Это происходило за десять лѣтъ до большого движенія среди судовыхъ работниковъ, послѣ котораго судьба ихъ сильно измѣнилась. Однако, въ тотъ же день, когда появилась замѣтка въ *Globe*, въ докахъ состоялся митингъ рѣчныхъ работниковъ. Они собрали пять фунтовъ и послали деньги Гладстону при такой запискѣ: „Докеры возмущены поступкомъ наемныхъ громилъ и выражаютъ свое глубокое уваженіе и горячее сочувствіе смѣлому бойцу, не боящемуся симпатизировать освобожденію порабощенныхъ“. Пять фунтовъ посылались Гладстону на то, чтобы онъ вставилъ новыя стекла (*Globe* оцѣнилъ убытки въ эту сумму). Гладстонъ вправилъ въ раму какъ пятифунтовый билетъ, такъ и записку докеровъ.

Итакъ, мы видимъ, что далеко не все населеніе Англіи поголовно является руссофобами во время нашихъ войнъ. Радикалы

и работники, въ общемъ, всегда симпатизировали намъ. Къ сожалѣнiю, теперь приходится констатировать, что, въ силу различныхъ обстоятельствъ, симпатiи всей Англiи, т. е. консерваторовъ, либераловъ и работниковъ, въ настоящiй моментъ не на сторонѣ Россiи. Правда, въ общемъ, англiйская печать не проявляетъ теперь такой рѣзкости по отношенiю къ Россiи, какъ обнаруживала континентальная пресса, и русская въ томъ числѣ, къ Англiи во время южно-африканской войны. Радикальная печать доказываетъ читателямъ, что какъ бы они не относились къ внутренней и внѣшней политики Россiи въ послѣднее время,—имъ не слѣдъ теперь ликовать по поводу несчастiй русскаго народа, какъ дѣлаютъ эти консервативныя газеты. Когда въ мюзикъ-холлахъ, въ этихъ академiяхъ шовинизма, стали пѣть руссофобскiе куплеты, — радикальная печать назвала это „идиотизмомъ“. Куплеты исчезли не по распоряженiю администрацiи, которая въ Англiи не имѣетъ права сдѣлать это, а потому, что публика нашла ихъ глупыми и безтактными. Въ личной бесѣдѣ съ русскими англичане проявляютъ большой тактъ и деликатность; но, при всемъ томъ, приходится констатировать, что даже та часть англiйскаго общества, которая симпатизируетъ русскому народу, настроена враждебно противъ Россiи.

II.

Разберемся въ громадномъ матеріалѣ, появленiе котораго обусловлено войной. Три фактора интересуютъ читателей: Россiя, Корея и Японiя. Часть книгъ, знакомящихъ съ Россiей, — подогрѣтый старый матеріалъ. До того старый, что мы имѣемъ новое изданiе книги Марелля „Russia as it is“, вышедшей въ первый разъ нѣсколько десятковъ лѣтъ тому назадъ. Въ этой книгѣ любопытна вторая глава четвертой части, озаглавленная „Что такое Россiя?“ (What is Russia?) Въ ней авторъ изслѣдуетъ причины, содѣйствующiя историческому росту великихъ государствъ. „Исторiя отмѣтила возникновенiе и паденiе многихъ могучихъ государствъ на востокѣ и на западѣ, на сѣверѣ и на югѣ,—говоритъ авторъ. Одни изъ нихъ оставили глубокiе слѣды, замѣтные до настоящаго времени, другiя — лежатъ во прахѣ... Изученiе исторiи даетъ намъ возможность найти нѣкоторые законы, обусловливающiе прогрессъ или паденiе тѣхъ или другихъ государствъ... Мы видимъ въ прошломъ рядъ имперiй, существовавшихъ болѣе или менѣе продолжительное время. Отъ однихъ сохранилось только названiе, въ то время, какъ законодательство, литература или философiя другихъ изучаются до настоящаго времени. Постараемся выяснить, каковы условiя отъ которыхъ зависятъ то, что данное государство сохраняетъ свое влiянiе на продолжительное время.

„Во-первыхъ, условія эти не пространство государства и не степень густоты населенія. Имперія Чингизъ-хана простиралась отъ Китая до Вислы, но просуществовала недолго.

„Во-вторыхъ, продолжительность вліянія того или другого государства обуславливается не военной славой его. Завоеванія Китая, Александра Македонскаго и татарскихъ хановъ создали только нѣчто призрачное. Величіе Рима держалось тоже не на завоеваніяхъ его.

„Въ-третьихъ, устойчивости государства не содѣйствуетъ также теократія или нетерпимость. Скипетръ Египта, Византіи и римскихъ папъ сломанъ. Въ-четвертыхъ, невѣжество массъ тоже шаткая опора“. Чѣмъ же тогда обусловлено продолжительность вліянія того или другого государства? По мнѣнію автора, великими моральными и интеллектуальными принципами, а также учрежденіями, возникающими на этихъ принципахъ. Нравственное ученіе Іудей, философія Греціи, законодательство Рима пережили на много вѣковъ полный разгромъ этихъ государствъ. „Китай сохраненъ законами Конфуція, Римъ мы помнимъ, какъ провозвѣстника гражданской свободы, Грецію—какъ родину удивительной литературы“... „Исслѣдуя исторію, продолжаетъ авторъ, мы всюду видимъ, что свобода и знаніе побѣждаютъ въ концѣ концовъ тьму и деспотизмъ. Величіе и долговѣчность государства держится не на безчисленномъ войскѣ, не на блескѣ первосвященниковъ, не на естественныхъ богатствахъ, грамадности территоріи, невѣществѣ массъ и продажности владыкъ, а на духѣ свободы, на самосознаніи, на суммѣ знанія, раствореннаго въ народѣ“ (*). Россія представляется автору колоссальной машиной, проявляющей „живой матеріалъ“, вулканомъ, „безпрерывно извергающимъ живую лаву, которая заливааетъ все новыя и новыя территоріи“. Въ другихъ, блѣде новыхъ произведенійхъ, появленіе которыхъ обусловлено войной, авторы тоже пытаются опредѣлить, прежде всего, характеръ русскаго народа. Д-ръ Эмиль Рейхъ забираетъ еще глубже: онъ пытается дать общую характеристику всего славянскаго міра. „Теперь мы открыли уже, что славянинъ, въ концѣ концовъ, принадлежитъ къ той же семьѣ, какъ и большинство европейскихъ народовъ,—говоритъ авторъ... Мы готовы, на основаніи внѣшнихъ признаковъ, причислить его къ нашимъ родичамъ. Быть можетъ, если бы мы изучили внимательно его душу, мы не такъ торопились бы“. По мнѣнію автора, характерная особенность славянина—„его крайняя впечатлительность, подчасъ переходящая въ крайнюю сентиментальность; переходъ отъ бурной радости къ глубокой меланхоліи—крайне поразителенъ. Все это необыкновенно хорошо отразилось въ славянской музыкѣ... Отъ глубокаго отчаянія такой же неожиданный переходъ къ лико-

*) Russia as it is p. p. 134—168.

ванію. Умъ славянина скорѣе отличается хитростью и тонкостью, чѣмъ дѣйствительной глубиной. Это проявляется, въ особенности, при достиженіи намѣченныхъ цѣлей“ *). Такихъ благоглупостей авторъ говоритъ много. Перейдя съ почвы психологическихъ спекуляцій на путь политическихъ соображеній, авторъ пишетъ: „Въ Англіи склонны преувеличивать тѣ основанія, которыя порождаютъ вражду между Россіей и Великобританіей. Малѣйшее движеніе русскаго правительства на Памиръ, въ Персію или на Крайнемъ Востокѣ истолковывается здѣсь, какъ предвѣстникъ войны. Сомнительно,—продолжаетъ авторъ,—чтобы такого мнѣнія держались также и либеральные государственные дѣятели. Нужно твердо уяснить себѣ два обстоятельства. Во-первыхъ, Россія рано или поздно должна стать твердой ногой на берегу не замерзающаго моря. Во-вторыхъ, она непобѣдима на сушѣ. Она утвердилась уже на окраинахъ Персіи и Сѣвернаго Китая. Покуда еще трудно рѣшить, гдѣ Россія найдетъ свой открытый портъ: на Индѣйскомъ ли океанѣ, или на берегу сѣвернаго Китая. Не подлежитъ лишь сомнѣнію одно. Разъ Россія овладѣла окраинами, ни одна европейская держава не остановитъ ее отъ дальнѣйшаго движенія къ морскому берегу. Авторъ полагаетъ, что, въ концѣ концовъ, не смотря на свои особенности, Россія должна будетъ пройти тѣ же этапы, что и западно-европейскія государства. Эти этапы: интеллектуальное возрожденіе, религиозная реформація и пересозданіе исторической традиціи **). Любопытна во многихъ отношеніяхъ статья „Russia and the War“ (Россія и война), появившаяся въ только что вышедшей апрѣльской книжкѣ того же „Fortnightly Review“. „Россія поражаетъ насъ во всѣхъ отношеніяхъ,—говоритъ авторъ.—Поражаютъ ея пространство, разнообразіе, парадоксальность, отдаленность, все то, что она дѣлала въ прошломъ и еще больше то, что она можетъ сдѣлать въ будущемъ. Всего только нѣсколько поколѣній тому назадъ, Россія была почти отрѣзана отъ моря, теперь она раскинулась отъ Балтійскаго до Китайскаго моря, отъ Ледовитаго океана до Чернаго моря и должна неминуемо дойти до Средиземнаго моря и до Персидскаго залива. Теперь она въ три раза больше Соединенныхъ Штатовъ, населена въ одной только европейской части двадцатью различными народами, которыми управляетъ по системѣ, давно уже забытой въ Западной Европѣ. Наблюдателя поражаютъ не только размѣры территоріи и число населенія. Всѣ великія державы, кромѣ Австріи, разрѣшили уже фундаментальный вопросъ о національномъ типѣ и характерѣ. Въ Россіи же все это только еще формируется, и никто здѣсь не знаетъ, въ какой типъ. Будущность Россіи трудно предсказать. Все здѣсь еще загадочно и некристаллизовано. Это—

*) The Slav and his future. «Fortnightly Review», March, 1904.

**) F. Review, March, p. 382.

имперія, такъ сказать, въ жидкомъ состояніи еще, имперія, которая еще не нашла самоё себя. Относительно ея возможны одинаково, какъ великія сомнѣнія, такъ и великія надежды“. „Россія до такой степени не установилась,—продолжаетъ авторъ,—что нельзя дать отвѣта даже на вопросъ, поставленный еще при Петрѣ Великомъ: что такое Россія по духу и темпераменту—европейское или азіатское государство? Представляетъ ли она собою самое отсталое европейское государство или самое передовое азіатское? Есть ли она самое восточное изъ западныхъ обществъ, или же наиболѣе западное изъ восточныхъ? Или, быть можетъ, правы славянофилы, утверждающіе, что Россія—сама по себѣ,—что она—самобытный міръ, лежащій между Востокомъ и Западомъ?“ „Авторъ дальше повторяетъ положенія, принятыя на Западѣ всѣми, пишущими о Россіи: самостоятельной культуры нѣтъ, средняго класса не существуетъ, массы находятся въ такомъ состояніи, подобнаго которому въ Европѣ нѣтъ ничего подобнаго. Русский прогрессъ,—„если онъ существуетъ“, оговаривается авторъ,—падаетъ часто въ *cul de sac*. Но авторъ признаетъ историческую миссію Россіи: „занимая цивилизацію въ Европѣ, она несетъ ее въ Азію“. Онъ тоже приходитъ къ заключенію, что Россія, въ концѣ концовъ, должна избрать путь, пройденный уже Западной Европой *). Въ нынѣшней войнѣ симпатіи автора скорѣе на сторонѣ Россіи. Онъ признаетъ, что движеніе ея на востокъ неминуемо должно привести Россію къ берегамъ теплаго моря.

Я упомяну только про рядъ отдѣльныхъ сочиненій относительно Россіи, какъ „The Russian Advance“, Альберта Бевериджа, „All the Russian, Нормана и пр. Всѣ эти книги показываютъ, какъ сильно стремленіе англичанина овладѣть всѣми деталями какого нибудь новаго вопроса. Что касается войны, то всѣ англійскіе писатели соглашаются, что она имѣетъ громадное историческое значеніе для всего міра. Я привелъ уже мнѣніе Альфреда Стэда, въ этомъ отношеніи. Теперь сдѣлаю выдержку изъ другой статьи, помѣщенной въ „Fortnightly Review“. „Въ первый разъ послѣ среднихъ вѣковъ Востокъ мѣрится равнымъ оружіемъ съ Западомъ. Уже одинъ этотъ фактъ можетъ имѣть неисчислимыя послѣдствія. Имѣя равное оружіе съ европейцами, сарацины, арабы, татары и турки образовали одно время величайшія военныя государства. Японія показала, что умѣетъ пользоваться и военными кораблями, и артиллеріей, и дисциплинированной арміей. Востокъ вырвалъ у Запада тайну военнаго искусства. Такимъ образомъ, обаяніе и престижъ послѣдняго въ глазахъ азіатскихъ народовъ значительно ослаблены. Но это означаетъ не гибель европейцевъ, а только возрожденіе азіатскихъ народовъ. Философы должны пріивѣтствовать, что желтые

*) Russia und the War, F. R., April, p. p. 548—560.

народы въ состояніи подняться выше той мѣрки цивилизаціи, которая клалась для нихъ европейцами... Японія теперь ведетъ борьбу за національное существованіе. Она сражается за право азіатскихъ народовъ присутствовать на жизненномъ пиру“. Авторъ придаетъ войнѣ такое громадное значеніе, что, по его мнѣнію, паденіе Портъ-Артура будетъ такимъ же потрясающимъ фактомъ въ исторіи Востока, какъ паденіе Константинополя въ исторіи Запада *).

Перейду теперь къ той ставкѣ, за которую Японія сражается теперь и вела уже одну войну десять лѣтъ тому назадъ. Старинные голландскіе путешественники рассказываютъ про удивительную птицу *Didus ineptus* (додо), которая когда-то водилась въ изобилии на островахъ Маврикія и Родригесъ. Птица эта поражала своею глупостью и полной беспомощностью: крылья были не развиты, клювъ мягкій, тѣло толсто и массивно. Она не могла ни летать, ни скоро бѣгать, ни прятаться. Въ то же время легкость охоты и большое количество мяса, доставляемаго птицей являлись такимъ соблазномъ, что моряки дѣлали большой крюкъ и приставали къ островамъ Маврикія и Родригеса. Птицъ убивали съ такимъ азартомъ, что совершенно истребили ихъ. Такимъ же политическимъ *Didus ineptus*, совершенно беспомощнымъ, не способнымъ къ самооборонѣ, но крайне привлекательнымъ своимъ жирнымъ тѣломъ, является, по словамъ англійскихъ путешественниковъ, Корея. Впрочемъ, есть одна разница. „Крылья“ и „клювъ“ у Кореи могутъ еще вырасти.

Не задолго до войны англійскій путешественникъ, посѣтившій Корею, пришелъ къ очень не утѣшительнымъ выводамъ относительно населенія ея.

„Характеръ корейцевъ — загадка,—писалъ онъ. Они производятъ впечатлѣніе людей, совершенно индифферентныхъ ко всѣмъ явленіямъ дольней жизни. Съ одинаково безразличнымъ равнодушіемъ относятся корейцы, какъ къ жизни, такъ и къ смерти. Судьба ведетъ ихъ, и они спокойно слѣдуютъ, какъ быки, которыхъ гонятъ на бойню. Ничего нѣтъ удивительнаго, поэтому, въ томъ, что сосѣдніе народы поступали всегда съ корейцами, какъ съ быками. Рабское смиреніе является оправданіемъ тираніи“ **).

Въ этихъ словахъ сказался типичный англо-саксонецъ, убѣжденный, что свободы достойны только тѣ народы, которые умѣютъ ее взять. Удѣлъ смиренныхъ — быть рабами сильныхъ и энергичныхъ. Авторъ, навѣрное, если бы зналъ про существованіе Пушкина, выставилъ бы эпиграфомъ знаменитые стихи изъ „Святеля“:

*) *The War and the Powers*, «F. R.», March, p. p. 416—481.

**) *Reginald J. Farrer*, «*Impressions of Korea*», *National Review*, XII, 1903, p. 921.

На что стадамъ дары свободы?
Ихъ должно рѣзать или стричь;
Наслѣдство ихъ изъ рода въ роды
Ярмо съ гремяшкою, да бичь.

Кореецъ,—продолжаетъ Реджинальдъ Фарреръ,—коренастый, дюжий, здоровый дѣтина, величайшее наслажденіе котораго—булачный бой; въ то же время онъ настолько смиренъ и тупъ, что позволяетъ гораздо болѣе слабому, чѣмъ онъ, японцу бить себя по щекамъ. Японецъ этотъ иногда такъ малъ, что долженъ подскочить, чтобы достать до щеки корейца. Изъ пассивнаго состоянія корейца не выведутъ ни любовь, ни ненависть. Его удовольствіе сидѣть неподвижно вечеркомъ на пригорѣ, съ трубкой въ зубахъ. Такъ можетъ онъ просидѣть цѣлые часы. Кореецъ злопамятенъ. Обиду онъ не только самъ всегда помнить, но передаетъ о ней еще сыну. Въ то же время рабски-смиренная натура корейца не позволяетъ ему претворить обиду въ какое нибудь дѣйствіе... Корейскій императоръ обмѣнялъ свою ленную зависимость отъ Китая на сложную систему рабской зависимости отъ содержателей отелей на Востокѣ. Его осаждаютъ толпа совѣтчиковъ, навербованныхъ изъ различныхъ слоевъ общества. О благахъ европейской культуры императоръ имѣетъ представленіе по кровавымъ стычкамъ между прозелитами, католиками и протестантами, предводительствуемыми ихъ пастырями... Правительственная система Кореи основана на грубомъ деспотизмѣ. Въ области финансовъ—полное разореніе. Всюду царитъ невѣроятное взяточничество... Въ послѣдніе годы, правда, Корея, увлекшись примѣромъ Японіи, сдѣлала нѣсколько шаговъ по пути къ прогрессу. Но въ чемъ это выразилось? По словамъ нашего автора, главнымъ образомъ, въ томъ, что Корея завела себѣ „флотъ“, состоящій изъ одного маленькаго парохода, которымъ командуютъ двадцать три адмирала.

„Путешественникъ оставляетъ Корею подъ впечатлѣніемъ, что видѣлъ самыхъ тупыхъ, косныхъ и пассивныхъ людей на земномъ шарѣ, которымъ нужно очень мало, чтобы чувствовать себя счастливейшими скотами въ мірѣ. Злая судьба Кореи рѣшила, чтобы за эту страну сражались постоянно. Въ то же время ни одно государство не можетъ ни овладѣть Кореей, ни допустить, чтобы это сдѣлалъ сосѣдь. Корея — жертва своего собственного выгоднаго географическаго положенія. Путешественникъ видитъ предъ собою терпѣливый до крайности, смиренный, забытый вѣковыми притѣсненіемъ и застывшій въ своемъ отчаяніи народъ. Корейцы похожи на здоровыхъ, матерыхъ барановъ, которыхъ можно гнать куда угодно“ *).

*) Ib., p. p. 920—923.

саксоонецъ, авторъ выносить впечатлѣніе, которое можно было бы формулировать стихами Пушкина:

Паситесь, добрые народы,
Вась не разбудить чести кличь.

Энгусъ Гамильтонъ даетъ намъ гораздо больше матеріала, чтобы разобратъся въ явленіяхъ корейской жизни. Авторъ много лѣтъ прожилъ на Дальнемъ Востоку и отлично изучилъ корейцевъ и языкъ ихъ. Знаетъ онъ также хорошо и Японію. Энгусъ Гамильтонъ, какъ и Реджинальдъ Фарреръ, полагаетъ, что величайшее несчастье Кореи заключается въ ея удивительно удобномъ географическомъ положеніи. Гавани полуострова такъ удобны, а страна имѣетъ такъ много естественныхъ богатствъ, что она прельщаетъ и Россію, и Японію. „Къ несчастью для корейцевъ, — говоритъ Гамильтонъ, — правительство ихъ такъ слабо и безпомощно, что не можетъ остановить ни поступательнаго движенія Россіи, ни постояннаго распространенія вліянія Японіи. У Кореи нѣтъ ни сколько нибудь серьезной арміи, ни флота. Это—страна, которая не можетъ оказать никакого сопротивленія. У ней есть, правда, нѣсколько тысячъ солдатъ, но они вооружены старыми ружьями. Кромѣ того, арміи не достаеетъ мужества и дисциплины“. Артиллеріи у Кореи нѣтъ. За то есть генеральный штабъ, много генераловъ и даже генералиссимусъ. При первомъ столкновеніи съ непріателемъ, вѣроятно, весь генералитетъ убѣжить: военные лавры свои генералиссимусъ заслужилъ не на полѣ битвы, а при соженіи деревень маньчжуровъ, возроптавшихъ противъ тяжелыхъ налоговъ. Мы уже видѣли, каковъ корейскій флотъ. „Корея, — продолжаетъ Гамильтонъ, — безпомощная несчастная добыча, за которой тянутся и Россія, и Японія. Ея судьба всецѣло зависитъ теперь отъ другихъ“ *). Познакомимся же съ этой страной, которую можно сравнить по безпомощности съ громадной, жирной, безкрылой птицей острововъ Полинезіи.

III.

На картѣ, которую составили въ XVII вѣкѣ въ Пекинѣ отцы іезуиты, сдѣлавшіе такъ много для ознакомленія Европы съ Дальнимъ Востокомъ, — вмѣсто Кореи, нарисовали слона. Такъ старинные картографы отмѣчали неизвѣстныя страны. До послѣдняго времени корейцы сами не знали очертанія собственныхъ береговъ. Точную карту для нихъ составили японцы. Корея изрѣзана обширными, удобными гаванями. Вдоль юго-западнаго берега тянутся группы острововъ (до 135) вулканическаго проис-

*) *Korea*, p. XXXIX.

хожденія. Нѣкоторые изъ нихъ обитаемы, другіе—совершенно пустыни и даютъ пріютъ безчисленнымъ морскимъ птицамъ.

Плаваніе въ этихъ водахъ крайне опасно. Многіе островки во время высокихъ весеннихъ приливовъ совершенно заливаются водой. Тогда крайне трудно опредѣлить фарватеръ. У острововъ, лежащихъ вдоль юго-западнаго берега Кореи, бывали безчисленныя кораблекрушенія. Тутъ въ XVIII и въ первой половинѣ XIX вв. погибли сотни голландскихъ, американскихъ, французскихъ и англійскихъ кораблей. Если экипажъ добирался до берега, то его ждалъ здѣсь жестокій плѣнъ. О послѣднемъ можно судить по запискамъ Гендрика Гамеля, суперкарго на голландскомъ фрегатѣ *Sparwehr*, потерпѣвшемъ въ 1653 г. крушеніе у острова Кельпартъ (при выходѣ изъ Желтаго моря въ Корейскій проливъ).

Многіе острова поросли густымъ лѣсомъ и имѣютъ очень романическій видъ. Для китайскихъ контрабандистовъ эти уединенные острова—настоящій кладъ. Поселенія здѣсь подвергаются также частымъ нападеніямъ со стороны морскихъ разбойниковъ, которые не перевелись еще въ восточныхъ моряхъ. Мысы и заливы Кореи носятъ имена первыхъ путешественниковъ, заглянувшихъ сюда. Этихъ моряковъ или прогоняли, или забирали въ плѣнъ. Только японцамъ удалось пробить брешь въ стѣнѣ, отдѣлявшей Страну Утренняго Спокойствія отъ остального міра. Европейцевъ, терпѣвшихъ крушеніе у береговъ Кореи, иногда щадили; но имъ не дозволяли удалаться въ глубь страны. Моряки, которымъ удавалось возвратиться на родину, оставляли на картѣ такія названія, какъ Обманная бухта, рѣка Предательства, островъ Оскорбленій и т. д. Эти названія говорятъ многое. Изъ европейцевъ раньше всѣхъ познакомились съ Кореей *рыжебородые* (такъ корейцы зовутъ голландцевъ). За голландскими моряками послѣдовали англійскіе, потомъ—французы и русскіе.

Корея—удивительно живописная страна. Обычай, литература и туземныя географическія названія, — говорить Гамальтонъ, — свидѣтельствуютъ о томъ, что великолѣпная природа производитъ сильное впечатлѣніе и на населеніе. Оно оцѣниваетъ красоту горъ и долинъ. Точно такъ, какъ названія мысовъ и бухтъ Кореи свидѣтельствуютъ о пестрой, международной толпѣ искателей приключеній, точно такъ мѣстныя названія рѣкъ и горъ говорятъ о любви къ природѣ, о наивности и суевѣріи населенія.

Всѣ горы, по понятіямъ корейцевъ, имѣютъ своихъ „хозяевъ“, большую частью, драконовъ. Каждая деревня приноситъ жертвы духамъ горъ. Всюду по дорогамъ воздвигнуты имъ кумирни, а на перевалахъ путникъ никогда не забудетъ задобрить ихъ жертвоприношеніемъ *). Духъ горъ покровительствуетъ не только

*) То же самое мы видимъ и въ Сибири. На горныхъ перевалахъ Якут-

внимательному и ласковому путнику, но также и цѣлымъ поселеніямъ. Каждый городъ въ Корей имѣетъ своего собственнаго патрона, духа сосѣдней горы. Могилы отдаются подъ защиту патрона: корейцевъ хоронятъ по откосу горы или на перевалахъ. Корейцы убѣждены, что характеръ рождаемыхъ младенцевъ находится въ зависимости отъ очертанія горы, на склонахъ которой находятся могилы предковъ родителей. Если гора крутая и скалистая, съ дикими вершинами, то рождаются будутъ военные съ суровымъ характеромъ. Если предокъ похороненъ на ровномъ склонѣ, то всё вѣроятности за то, что изъ младенца выйдетъ ученый. Дѣвочки-красавицы будутъ рождаться, если ихъ предки похоронены у подножія горъ съ особенно красивыми вершинами. Духи и тѣни, то добрые, то злые, живутъ также на берегахъ озеръ и рѣкъ и въ тѣни лѣсовъ.

Въ озерахъ, по мнѣнію корейцевъ, водятся драконы различныхъ размѣровъ. Духъ въ горномъ озерѣ появляется только тогда, когда въ немъ утонетъ ктонибудь. Онъ бродитъ до тѣхъ поръ, покуда его освободитъ тѣнь слѣдующаго человѣка, который утонетъ въ озерѣ. Драконы рождаются отъ змѣй. Каждая змѣя, пролежавшая тысячу лѣтъ въ горахъ и затѣмъ столько же въ водѣ, становится дракономъ.

Видъ горъ ассоціируется корейцами съ какиминибудь душевными качествами. Такимъ образомъ, явилась вершина Постоянной Добродѣтели, гора Тысячи Праведниковъ, Вѣчнаго Мира и т. д. Горы получаютъ также названіе отъ формы: Мечъ-Гора, Небо-подпиратель, Тучерѣзь-гора и пр. Всѣ эти названія свидѣтельствуютъ о томъ, что корейцы далеко не равнодушны къ красотахъ родной природы и о томъ, что они умѣютъ наблюдать.

Въ настоящее время Корея независимая имперія. Съ незапамятныхъ временъ до 1895 г. она считалась вассаломъ Китая. Независимость Кореи явилась результатомъ китайско-японской войны. „Нѣтъ никакого сомнѣнія, — говоритъ Гамильтонъ, — что бывший вассалъ, изъ за котораго Японія дралась въ 1894 г. съ Китаемъ, — теперь дальше ушелъ по пути къ прогрессу, чѣмъ его прежній ленный властелинъ“.

Корея—страна въ высшей степени гористая. Наиболѣе характерными чертами ея являются прибрежные острова, бухты и горы. Почти весь берегъ представляетъ собою склоны горъ, болѣе или менѣе круто спускающихся къ морю. Западный берегъ болѣе доступенъ, чѣмъ восточный. Очертаніе береговъ, повидимому, соответствуетъ направленію горныхъ цѣпей. Въ особенности съ во-

ской области всюду стоятъ кресты, увѣшанные нитками, тряпочками, конскими волосами, крылышками куропатокъ и т. д. Все это—жертвоприношенія Дайдынъ-Ачете, „хозяину горъ“. Казаки также внимательны къ нему, какъ и инородцы.

стока горныя цѣпи, поросшія лѣсомъ, кажутся такими угрюмыми и недоступными, что первые путешественники были поражены страхомъ. Отъ Пайктусана до Виджу панорама одна и та же: горныя вершины, то покрытыя снѣгомъ, то закутанныя облаками. Кое гдѣ горы чередуются долинами, почва которыхъ очень богата.

Здѣсь, на берегахъ сердитыхъ горныхъ рѣчекъ, ютятся корейскія деревни, состоящія изъ низенькихъ избъ, крытыхъ соломой. Къ сѣверу горный пейзажъ становится еще болѣе суровымъ. Всюду торчатъ обрывистыя, крутыя вершины. Эти горы богаты золотомъ, желѣзомъ и каменнымъ углемъ. На вершинахъ горъ всюду корейскія могилы.

Земледѣліе и горный промыселъ являются главными источниками дохода Кореи. Покуда и то, и другое находятся еще въ первобытномъ состояніи. Въ настоящее время, говоритъ Гамильтонъ, Корея находится въ переходномъ состояніи: все въ ней неопредѣленно и не выяснено. Прошлое ея лежитъ въ развалинахъ, настоящее и будущее покуда еще безразлично.

„Политическій додо“, какимъ является Корея, привлекалъ въ послѣднее время вниманіе сосѣдей, главнымъ образомъ, Японіи. И вотъ, въ результатъ, явились „реформы“.

„Населеніе такъ быстро научилось цѣнить результаты сношеній съ иностранцами,—говоритъ Гамильтонъ,—что черезъ нѣсколько лѣтъ въ Сеулѣ трудно будетъ даже найти слѣды прошлаго. Перемены носятъ радикальный характеръ. Построены телеграфъ. Такимъ образомъ, старая система подачи сигналовъ путемъ костровъ, зажженныхъ на вершинахъ холмовъ, отошла въ область преданій. Городскія ворота больше не запираются на ночь. Вечеромъ не слышно больше на улицахъ колокола, возвѣщающаго населенію, что пора ложиться спать. Гайдуки больше не бѣгутъ впереди знатныхъ людей и не предупреждаютъ населеніе пронзительнымъ крикомъ.

„Сеулъ оздоровленъ въ санитарномъ отношеніи. Отъ Чемульпо сюда идетъ курьерскій поѣздъ. Въ городѣ выстроены электрическій трамвай. Улицы освѣщены электричествомъ. Полиція преобразована на европейскій ладъ“.

Посмотримъ, однако, на реформы болѣе серьезнаго характера, явившіяся послѣдствіемъ появленія иностранцевъ въ имперіи Утренняго Спокойствія. Въ Сеулѣ и въ другихъ большихъ городахъ появились школы, почти на европейскій образецъ. Въ нихъ иностранцы обучаютъ корейцевъ языкамъ, географіи, математикѣ и исторіи: японцамъ, англичанамъ и американцамъ нужно было, чтобы населеніе ихъ понимало.

Для своего удобства иностранцы ввели еще одну реформу: приобщили Корею къ всемірному почтовому союзу. Инициатива въ этомъ отношеніи принадлежитъ японцамъ. Для удобства торговли иностранцы завели банки.

Гамильтонъ очень подробно перечисляетъ блага, полученныя корейцами отъ иностранцевъ; до сихъ поръ, однако, „реформы“ сводились къ мѣрамъ, полезнымъ иностранцамъ, но всегда крайне убыточнымъ для коренного населенія. Познакомимся же теперь съ послѣднимъ.

IV.

Три четверти всего населенія — деревенскіе жители. Они пахутъ, копаютъ и плавятъ руду, кормятъ чиновниковъ, дворъ и иностранцевъ и терпѣливо выносятъ на своихъ плечахъ всѣ историческія несчастія. Одна четверть—горожане. Къ нимъ принадлежатъ также корейскіе высшіе классы.

Высшіе классы претендуютъ на пониманіе китайской литературы; но средніе классы, самое большее, умѣютъ читать лишь тѣ китайско-корейскія письма, которыми напечатаны мѣстные газеты. Грамматическая конструкція этого языка чисто корейская. Не смотря на то, что большинство не понимаетъ китайскаго языка, мандаринское нарѣчіе считается языкомъ образованнаго общества и двора. Языкъ этотъ понятенъ не болѣе, чѣмъ 5% населенія. Мѣстный письменный языкъ *ön-min* понимаютъ многіе. Высшіе и средніе классы очень внимательно изучаютъ свою родную литературу. Корейскій языкъ совершенно отличается отъ китайскаго и японскаго и имѣетъ свою азбуку, состоящую изъ двадцати пяти буквъ. Составленіе ея относится къ XV вѣку, когда корейскій король рѣшилъ проявить свою независимость отъ Китая путемъ отрѣшенія отъ языка сюзерена. Но съ теченіемъ времени родная грамота стала считаться нѣсколько вульгарной. Высшіе классы предоставили ее всецѣло среднимъ классамъ. На корейскомъ языкѣ существуетъ большая литература, заключающая переводы китайскихъ и японскихъ классиковъ, историческія сочиненія, путешествія, описанія охотъ, стихи и романы. Нѣкоторыя изъ этихъ произведеній внимательно изучаются корейскими женщинами. Незнакомство съ родной литературой считается крайне предосудительнымъ. Въ особенности внимательно изучаютъ корейскую литературу придворныя дамы, на обязанности которыхъ лежитъ составленіе на *ön-min* (мѣстномъ языкѣ) всѣхъ правительственныхъ указовъ, церемоніаловъ, курантовъ, для свѣдѣнія императора и жены его. Книги на корейскомъ языкѣ охотно покупаются и берутся изъ библиотекъ на прочтеніе. Многія книги отпечатаны на двухъ языкахъ: корейскомъ и китайскомъ. Наиболѣе популярна въ Корее книга „Три правила поведенія“, распадающаяся на главы: I. Обращеніе съ родителями.—II. Воспитанія семьи.—III. Веденіе хозяйства.—Въ такой же степени охотно читаются книги: „Пять правилъ поведенія“ и „Пять сборниковъ“. Въ „пяти правилахъ“ говорится объ отношеніяхъ родителей къ

дѣтямъ, короля къ своимъ подданнымъ, супруга къ женѣ, старика къ молодымъ и друга къ другу.

Корейцы—красивый, хорошо сложенный, миролюбивый народъ, очень вѣжливый и держащійся съ достоинствомъ. Черты лица свидѣтельствуютъ о смѣшанномъ происхожденіи отъ полудикихъ бродячихъ племенъ Монголіи и Сѣверной Азіи и отъ кавказскихъ племенъ Западной Азіи. Племена эти являлись въ Корею съ сѣвера и съ юга во время вторженія арійцевъ въ Индію. Съ теченіемъ вѣковъ они смѣшались между собою и образовали одну націю, отличающуюся отъ сосѣдей, какъ по типу, такъ и по языку и обычаямъ. Черепъ и лицевой уголь корейцевъ свидѣтельствуютъ о кавказскомъ происхожденіи. Языкъ, хотя родственнѣй китайскому, содержитъ звуки и глагольныя особенности, свойственныя языкамъ Индіи. Корея въ теченіе вѣковъ находилась подъ вліяніемъ китайскаго искусства и литературы; но въ фольклорѣ обоихъ народовъ мало общаго. Китайскія сказки рѣзко отличаются отъ туманныхъ легендъ Кореи. Въ ранней исторіи ея громадный пробѣлъ.

Городское населеніе Кореи,—говоритъ Гамильтонъ,—замѣчательно, прежде всего, своимъ искусствомъ ничегонедѣлать. Горожане пассивно наслаждаются. И въ движеніяхъ на столько лѣни, что наблюдателю можетъ казаться, что, быть можетъ, въ Корей и нѣтъ другого дѣла, какъ только бродить по улицамъ, залитымъ ослѣпительнымъ солнечнымъ свѣтомъ, или же сидѣть, скрестивъ ноги, въ тѣни, у порога дома. Бездѣятельность удивительно идетъ городскому населенію Кореи. Быстрыя, энергичныя движенія составляли бы рѣзкую дисгармонію съ національнымъ костюмомъ корейца. Достоинство и плавность движеній населенія придаетъ необыкновенно живописный видъ уличнымъ сценамъ въ городахъ. Одѣтые въ бѣлые халаты, бѣлыя порте и чулки, горожане, медленно выступающіе по улицамъ,—долго не забываются туристами. Женщины не менѣе любопытны, чѣмъ мужчины. Покрой ихъ платья крайне своеобразенъ. При дневномъ свѣтѣ женщины очень рѣдко появляются на улицахъ корейскихъ городовъ. И чѣмъ выше общественное положеніе дамы, тѣмъ рѣже видитъ она солнечный свѣтъ. Перегородки, раздѣляющія три общественныхъ класса, очень ясно опредѣлены въ корейскихъ городахъ. Правящимъ классамъ является высшее дворянство или *yang-ban*. Женщины этого класса ведутъ почти гаремную жизнь. Съ двѣнадцати лѣтъ ихъ могутъ видѣть только ближайшіе родственники. Затѣмъ ихъ очень рано выдаютъ замужъ. Знакомства онѣ могутъ вести только съ родственниками до пятой стѣпени. Онѣ очень рѣдко ходятъ пѣшкомъ; большею частью, ихъ выносятъ въ закрытомъ паланкинѣ. Во всякомъ случаѣ, на улицѣ лицо дамы должно быть закрыто складками верхней одежды *chang ot*. Женщинъ изъ среднихъ классовъ не запираютъ въ га-

ремы, какъ аристократокъ, но онѣ закрываютъ лицо на улицахъ. Танцовщицы, рабыни, монахини и проститутки причисляются къ низшему классу. Имъ воспрещено закономъ закрывать лица. Не дѣлаютъ этого также женщины-врачи, хотя заниматься медициной разрѣшается только дамамъ изъ высшаго класса.

Въ общемъ, главное занятіе туземной женщины-горожанки—материнство. Считается большимъ позоромъ для родителей, если дѣвушка до двадцати лѣтъ не выходитъ замужъ. Наибольше уважительнымъ поводомъ къ разводу является бесплодность жены. Если женщина изъ высшаго класса желаетъ имѣть свой хлѣбъ, ей открыты и другія профессіи, кромѣ медицины. Она можетъ выкармливать шелковичныхъ червей, держать пчельникъ, плести соломенные тупфли, содержать кабакъ или стать учительницей. Все это—почетныя занятія. Ей не дозволяется плести кружева, ткать полотна или продавать фрукты. Женщины изъ среднихъ классовъ имѣютъ предъ собою больше профессій: онѣ могутъ, во-первыхъ, заняться тѣмъ же, чѣмъ дамы изъ высшаго круга, за исключеніемъ медицинской и педагогической дѣятельности; онѣ могутъ стать, кромѣ того, придворными фрейлинами, кухарками, сидѣлками и наложницами. Имъ разрѣшается держать лавки всякаго рода, харчевни и трактиры. Онѣ могутъ заняться ловлей ракушекъ, каракатицъ и креветокъ, но не рыбъ, могутъ шить всякаго рода одежду и обувь, вязать рыболовныя сѣти и вышивать кисеты для табака.

Съ женщинами изъ среднихъ классовъ обращаются пренебрежительно, а изъ низшихъ—съ глубокимъ презрѣніемъ. Для женщины изъ низшихъ классовъ закрыты два занятія: онѣ не могутъ служить при дворѣ и не имѣютъ права вышивать кисетовъ на продажу. За то онѣ могутъ стать гадалщицами, фокусницами, скоморохами, акробатами, танцовщицами и куртизанками. Есть громадная разница между двумя самыми древними профессіями въ мірѣ: карьера корейской танцовщицы кончается обыкновенно тѣмъ, что она становится наложницей какого нибудь знатнаго и богатаго человѣка; предъ куртизанкой же лежитъ открытая будущность.

Въ общемъ, корейскія женщины, въ особенности деревенскія, очень энергичны и трудолюбивы. Не смотря на то презрѣніе, которымъ онѣ пользуется,—онѣ являются самымъ важнымъ факторомъ въ національной жизни. Сила обстоятельствъ сдѣлала женщину здѣсь выючнымъ животнымъ. Она работаетъ, не покладая рукъ, чтобы ея мужъ и повелитель могъ вести праздную и спокойную жизнь. Корейская женщина чрезвычайно дѣятельна, энергична, находчива, мужественна и предана. Дома она выполняетъ всю мужскую работу, въ полѣ же замѣняетъ выючное животное. При прежней династіи дѣятельность женщины въ Корей была шире, а ея общественное положеніе было выше, чѣмъ теперь.

Тогда не было закона, воспрепятствующаго женщинамъ цѣлый рядъ занятій. Оба пола пользовались въ этомъ отношеніи почти равноправіемъ. При новой династіи введено также невольничество. Мужчинъ-рабовъ въ Корей нѣтъ. Невольница выполняетъ въ домѣ самую тяжелую и грязную работу: носить воду, помогаетъ на кухнѣ и пр. Женщинъ продаютъ въ рабство или ихъ родители, или же онѣ сами идутъ въ неволю, гонимыя голодомъ. Правительство продаетъ въ рабство жену, мать, дочерей и родственницъ челоуѣка, казненнаго за государственное преступленіе. Сыновей, братьевъ и племянниковъ казнятъ вмѣстѣ съ виновникомъ.

До настоящаго времени женщины высшаго и средняго классовъ не получали почти никакого образованія, за то много вниманія обращалось и обращается на литературное и музыкальное воспитаніе куртизанокъ, съ цѣлью сдѣлать ихъ блестящими и интересными собесѣдницами. Корейскія *gisaing* соотвѣтствуютъ японскимъ гейшамъ. Условія, при которыхъ онѣ живутъ, почти тождественны въ обѣихъ странахъ. *Gisaing* составляютъ отдѣльную корпорацію, находящуюся подъ покровительствомъ правительства и управляемую собственными выборными. Вмѣстѣ съ придворными музыкантами корпорація *gisaing* составляетъ двойственный союзъ. На придворныхъ банкетахъ *gisaing* принимаютъ видное участіе: онѣ декламируютъ тамъ, поютъ и пляшутъ. *Gisaing*, по словамъ Гамильтона, одѣваются съ особеннымъ вкусомъ, движенія ихъ плавны и изящны. *Gisaing*—нѣжны, привязчивы и поэтичны. Для нихъ, въ извѣстномъ отношеніи, не существуютъ классовыя перегородки, которыя такъ соблюдаются въ Корей. Онѣ становятся сожительницами императора и *femmes d'amour* принцевъ и имъ выпадаетъ иногда блестящая будущность. Въ такомъ случаѣ корейская куртизанка становится важнымъ факторомъ въ дипломатическихъ сношеніяхъ. Такова, напр., дама, которую Гамильтонъ называетъ *Lady Om*, „императорская наложница перваго ранга“. Въ настоящее время (собственно, до начала войны) она, вмѣстѣ съ министромъ финансовъ *Иа-Тонгъ-Икомъ*, держитъ въ своихъ рукахъ судьбу Кореи и императора. Она вступаетъ въ дипломатическіе переговоры съ представителями иностранныхъ державъ, даетъ концессіи, принимаетъ или отвергаетъ реформы, смѣщаетъ министровъ и пр. Есть еще одинъ крайне деликатный пунктъ, находящійся всецѣло подъ ея контролемъ. Безвольный, скорбный головой, разслабленный корейскій императоръ очень чувствителенъ къ женщинамъ. Придворныя партіи, интригуя другъ противъ друга, стараются, прежде всего, дать повелителю Страны Утренняго Спокойствія новую сожительницу и черезъ нее начинаютъ уже дѣйствовать на императора. Примѣру придворныхъ партій слѣдуютъ многіе агенты иностранныхъ державъ. Въ настоящій моментъ большимъ вліяніемъ на

императора пользуется американка miss Brown, которую доставил повелителю одинъ агентъ. Но ни одна новая сожительница, будетъ ли она туземка или бѣлая, не можетъ попасть къ повелителю безъ согласія „лэди Омъ“. „Вліяніе ея на императора,—говоритъ Гамильтонъ,—безгранично и представляетъ рѣшительную загадку. Омъ—старая, толстая дама, съ лицомъ, изрытымъ оспой и неровными зубами. Глаза ея косятъ, какъ у всѣхъ корейцевъ, которые перенесли чуму... Ея похождения когда-то были безчисленны. Она имѣетъ пять дѣтей, изъ нихъ только двое отъ императора. Въ молодости она была танцовщицей, стала возлюбленной китайскаго купца, у котораго ее приобрѣлъ корейскій министръ. Такимъ образомъ, Омъ перевидала многое, раньше чѣмъ попала во дворецъ. „Теперь Омъ желаетъ возвести своего сына на престолъ. Никто не дерзаетъ выступить противъ нее. Недавно министръ Кимъ-Гуенгъ-Чунъ пожелалъ бороться съ Омъ. Съ этой цѣлью онъ нашелъ повелителю молодую красавицу Кангъ. Омъ не сказала ничего; но черезъ двѣ недѣли министръ впалъ въ немилость, его арестовали, предали пыткамъ и казнили“.

V.

По мнѣнію Гамильтона, вся городская жизнь въ Корей сводится къ дѣятельности женщинъ. Онѣ не только выполняютъ всю домашнюю работу, но управляютъ также и политикой страны. Вліяніе ихъ громаднo, хотя соціальное положеніе очень принижено. Но Корея не страна городской жизни. Три четверти населенія живутъ въ деревняхъ и занимаются хлѣбопашествомъ. Корейскій крестьянинъ, въ общемъ, мало напоминаетъ горожанина.

Корейцы—земледѣльческій народъ. Большинство промысловъ здѣсь такъ или иначе тѣсно связаны съ земледѣліемъ: плотники, кузнецы, каменщики — всѣ крестьяне. Ремесла эти порождены потребностями земледѣльца. Школьный учитель тоже, большею частью, сынъ крестьянина. Рыбакъ имѣетъ свой клочокъ земли, обрабатываемый женщинами въ то время, какъ мужчины заматываютъ сѣти. Крестьянки собираютъ хлопокъ, ткнутъ шелкъ и полотно, въ которые одѣвается вся страна. Крестьяне же готовятъ въ свободное время всю ту обстановку и посуду, которую можно видѣть въ каждомъ корейскомъ домѣ. Чиновники являются своего рода громадными, ядовитыми грибами, выросшими на крестьянскомъ организмѣ. Все корейское правитель-ство поддерживается на средства, взимаемыя съ крестьянъ. Иногда въ округѣ корейскаго начальника нѣтъ ни одного горожанина. Правительство беретъ все отъ крестьянъ, но не даетъ имъ ничего, кромѣ „скорпіоновъ и бичей“. Корейскій крестья

нинъ необыкновенно трудолюбивъ. Молчаливаго, трудолюбиваго корейскаго крестьянина необыкновенно дополняютъ его флегматичные волю, безъ которыхъ работа здѣсь немислима. Только волю могутъ вытаскивать тяжелый плугъ изъ густой грязи рисовыхъ полей. На волахъ кореецъ везетъ въ городъ на рынокъ дрова и кирпичъ. Корейскій крестьянинъ флегматиченъ и покоренъ, какъ его волю, но до известной степени. Время отъ времени, выведенный изъ терпѣнія непосильными налогами, онъ принимается бунтовать. Движеніе очень быстро подавляется корейскими войсками. Правда, послѣднія совершенно не годятся для защиты родины отъ внѣшняго врага, предъ которымъ бѣгутъ при первомъ же столкновеніи; но за то они умѣютъ жечь непокорныя деревни, убивать скотъ и пороть манзъ (крестьянъ). Всѣ военные лавры корейскихъ генераловъ приобрѣтены такимъ образомъ. Усмиренные манзы покоряются судьбѣ и терпѣливо принимаются за работу. Они подчиняются несправедливымъ требованіямъ *ямена* (государственнаго совѣта) и соглашаются платить налоги, которые такъ велики, что иногда совершенно разоряютъ крестьянъ. Корейскій крестьянинъ трепещетъ передъ всякимъ представителемъ власти. Манза—идеальное дитя природы, — говорить Гамильтонъ,—кротокъ, терпѣливъ, суетвренъ и невѣжественъ. Онъ—рабъ своего труда и не выѣзжаетъ изъ своей деревни дальше, чѣмъ на рынокъ ближайшаго города. Корейскій крестьянинъ глубоко вѣритъ въ чертей, привидѣнія и драконовъ, измышляющихъ различныя козни противъ него и его крытой соломой избы. Способность манзы работать изумительная. Онъ рѣдко сидитъ праздно и, въ противоположность горожанамъ, почти не знаетъ, что такое отдыхъ. Манза добродушенъ и въ высшей степени гостепріименъ. Иностранецъ, которому удается разговориться съ корейскимъ крестьяниномъ, будетъ пораженъ тѣмъ, въ какой степени послѣдній чувствуетъ красоту природы. Нисколько не будетъ преувеличеніемъ сказать, что на манзъ дѣйствуетъ больше красота цвѣтка, чѣмъ женщины.

Изрѣдка молчаливый манза позволяетъ себѣ сильную встряску. Попадая на рынокъ въ городъ, онъ, по примѣру крестьянъ всего міра, напивается и тогда оставляетъ въ кабакѣ результаты труда многихъ мѣсяцевъ. Въ пьяномъ видѣ манза становится буяномъ и большимъ любезникомъ; но все это проходитъ вмѣстѣ съ амелемъ. Свое поле крестьянинъ обрабатываетъ съ необыкновенной тщательностью, не смотря на примитивность земледѣльческихъ орудій. Они состоятъ изъ плуга, снабженнаго однимъ лемехомъ, рала, которое волокутъ люди за привязанныя къ нимъ веревки, да изъ бамбуковой бороны. Корейскимъ крестьянамъ пришлось придумать собственную простую, но остроумную систему орошенія полей, такъ какъ въ центральной и южной Корей въ изобиліи разводять рисъ. Въ сѣверной Корей, вмѣсто риса, сѣютъ

просо, которымъ, главнымъ образомъ, населеніе питается здѣсь. Рисовыхъ полей на югѣ очень много и они тщательно воздѣлываются. Рисъ высѣваютъ въ расады въ маѣ, затѣмъ пересаживаютъ въ іюнь и собираютъ въ октябрѣ. Въ засухи рисовыя поля засѣваются ячменемъ, овсомъ и рожью. Въ такомъ случаѣ урожай снимаютъ въ іюль, и населеніе имѣетъ запасъ, чтобы переждать засуху. Послѣ этого, путемъ ряда оросительныхъ каналовъ, поле затопляется. Крестьяне, вмѣстѣ со своими волами, топчутся по колѣни въ водѣ и готовятъ поле подъ посѣвъ риса. На бороздахъ японцы сѣютъ бобы, горохъ и картофель. Земля, большею частью, даетъ великолѣпный урожай. Видъ тщательно и съ любовью обработанныхъ полей,—говоритъ Гамильтонъ,—показываетъ, какая масса инициативы и трудолюбія заложены въ этомъ забитомъ народѣ.

Корейцы крайне чтутъ рисъ, составляющій главный продуктъ питанія. Рисъ по корейски—сіангъ-нонгъ-си, т. е. чудесный злакъ. Онъ завезенъ сюда изъ Китая за много вѣковъ до Р. X. За рисомъ существеннымъ продуктомъ питанія являются бобы. Въ общемъ, впрочемъ, кореецъ—всеядное животное, говоритъ Гамильтонъ. Онъ ѣстъ всякую птицу, всякаго звѣря и рыбу. Въ известное время года въ большомъ спросѣ собачье мясо. Лакомствомъ являются сушенныя водоросли, креветки, лапша изъ гречневой муки, сарана (клубни одного вида лиліи) и медъ. Когда кореецъ можетъ, онъ объѣдается до серьезной болѣзни.

Намъ остается теперь разсказать о томъ, изъ чего состоитъ „посторонній наростъ на организмѣ корейцевъ“, какъ называетъ Гамильтонъ правительство Страны Утренняго Спокойствія. Во главѣ Кореи находится императоръ. „Его величество номинально считается неограниченнымъ властелиномъ,—говоритъ Гамильтонъ,—въ дѣйствительности же онъ всецѣло находится въ рукахъ той или другой придворной партіи, которую въ данный моментъ выдвинулъ случай. Онъ является, кромѣ того, рабомъ своихъ женъ. Когда онъ освобождается отъ нихъ, то попадаетъ подъ вліяніе министра Ли Іонгъ-ика, который руководитъ императоромъ тогда, какъ пѣшкой. Если бы императоръ смѣлъ только, онъ велѣлъ бы навѣрное немедленно отрубить голову всесильному министру; но Ли Іонгъ-икъ необходимъ. Никто такъ не умѣетъ доставать деньги императору, какъ онъ. Повелитель Страны Утренняго Спокойствія боится, что со смертью министра исчезнетъ секретъ выжиманія денегъ изъ населенія. Императоръ не въ примѣръ другимъ корейцамъ очень толстъ и очень маленькаго роста. Онъ не любитъ и боится японцевъ, но охотно перенялъ у нихъ нѣкоторыя „реформы“: завелъ генераловъ, адмираловъ и генералиссимуса, одѣлся по европейски въ расшитый золотомъ мундиръ и въ прусскую каску. Кромѣ того, накупилъ много грамофоновъ, которые поставилъ въ каждой комнатѣ. Императоръ не знаетъ ни одного евро-

пейскаго языка, но бѣгло говорить за то по китайски. Желаніе повелителя подражать европейцамъ дорого обходится населенію. Армія (абсолютно негодная для защиты отъ внѣшняго врага), дворцы, парады, „академія“, въ которыхъ некого и некому учить,— все это требуетъ большихъ денегъ. Постоянно нужны все новые налоги и, тѣмъ не менѣе, казна постоянно пустуетъ. Императоръ править чрезъ посредство своихъ министровъ, которые постоянно ссорятся и интригуютъ другъ противъ друга. Наибольшимъ вниманіемъ, какъ уже было сказано, пользуется теперь министръ Ии Гонгъ-икъ, который когда-то былъ простымъ носильщикомъ. Онъ выдвинулся въ 1884 г., когда донесъ на заговорщиковъ, подготовлявшихъ тогда возстаніе. Теперь его и боятся, и ненавидятъ. На его жизнь дѣлались безчисленныя покушенія. Министра недавно пытались отравить, затѣмъ въ домъ его кто-то поставилъ адскую машину. Каждый изъ вліятельныхъ министровъ имѣетъ за собою какую-нибудь сильную иностранную державу.

Главная обязанность министровъ состоитъ въ томъ, чтобы прискивать новые источники дохода, какъ для казны, такъ и для себя. Министры не останавливаются ни предъ чѣмъ. Громаднымъ источникомъ дохода являются для нихъ ваятки, получаемыя отъ агентовъ иностранныхъ державъ. Въ послѣднее время, какъ увидимъ, съ большою выгодною для себя, корейскіе министры занялись фабрикаціей фальшивой никелевой монеты. Финансовыя теоріи министровъ очень просты: чѣмъ больше денежныхъ знаковъ, тѣмъ лучше, если знаки эти стоятъ самому себѣ дешево. Корейскіе министры ввели въ послѣднее время новый кодексъ наказаній. Основа его та, что самое большое преступленіе—критика дѣятельности правительства и его агентовъ. Государственныя преступленія караются смертю. Виновнику отрубаютъ голову, всѣхъ родственниковъ отравляютъ, а мать, жену и дочерей продаютъ въ неволю. Остальныя преступленія караются такъ:

За убійство—отрубаютъ голову. Жену отравляютъ.

За поджогъ—мужчину удавливаютъ. Жену его отравляютъ.

За поджогъ—(женщину) отравляютъ.

За воровство—смертная казнь. Если виновный принадлежитъ къ высшему классу, то, вмѣсто казни, подлежитъ изгнанію.

За оскверненіе могилъ—смертная казнь и пр.

VI.

Финансовое затрудненіе, испытываемое въ настоящее время корейскимъ правительствомъ, является результатомъ экстравагантностей двора... Источники государственныхъ доходовъ въ значительной степени такіе же, какъ и въ Китаѣ. Мы видимъ, прежде

всего, земельный налогъ, который не уплачивается больше нату-рой. Онъ приноситъ казнѣ четыре съ половиной милл. іенъ,— что составляетъ 64,5% всего государственнаго дохода. Затѣмъ мы имѣемъ налогъ съ дыма. Этотъ налогъ взимается крайне неравномѣрно и, при взяткѣ, можно уклониться отъ него. Таможенныя пошлины приносятъ 1¹/₄ милл. іенъ. Налоги ложатся крайне тяжелымъ бременемъ на населеніе. Обложено все, съ чего только можно взять: земля, дома, таможни, соль, табакъ, рыбныя ловли, звѣриный промыселъ, строевой лѣсъ, минералы, жинсенгъ (китайское растеніе, пользующееся громадною популярностью), корабли, гильдіи, патенты, коровьи шкуры, ростовщики и закладчики и проч. „Этотъ списокъ,—говоритъ Гамильтонъ,—отнюдь не исчерпываетъ всѣхъ средствъ, придумываемыхъ императоромъ съ цѣлью заставить своихъ подданныхъ платить по его счетамъ. Различныя провинціи обязаны, кромѣ того, присылать подарки его величеству, состоящіе изъ продуктовъ, доставляемыхъ моремъ и сушей. Начальники провинціи, который поскупится не подарки, лишается своего мѣста“. Государственный доходъ Кореи въ 1901 г. равнялся 9 милл. іенъ. Изъ нихъ около милліона назначено было, какъ жалованье, императору и милліонъ съ лишнимъ—на его личные расходы. Въ 1902 г. бюджетъ сократился до 7 милл. іенъ, но жалованье, императора не сократилось. Меньше всего его величество намѣренъ удовольствоваться своимъ *liste civile*. Императоръ покупаетъ земли, украшаетъ свои дворцы, дѣлаетъ подарки своимъ родственникамъ и наложницамъ, а счетъ посылаетъ министру финансовъ. Этимъ объясняется хроническое обдѣднѣніе корейской казны. Нужно прибавить еще, что не меньше 25% всѣхъ государственныхъ доходовъ остается въ рукахъ сборщиковъ податей. Различныя министерства имѣютъ иногда совершенно фантастическія функціи, между тѣмъ министры берутъ большія деньги. Военное министерство, напр., израсходовало въ 1901 г. 3¹/₂ милл. іенъ, министерство иностранныхъ дѣлъ 250.000 іенъ, министерство финансовъ 750.000 іенъ, министерство двора—1¹/₄ милл. іенъ и министерство внутреннихъ дѣлъ—около этого. Въ 1902 г. военное министерство опять потребовало болѣе трехъ милліоновъ іенъ. Затѣмъ существуютъ еще министерства юстиціи, земледѣлія, полиціи, народнаго просвѣщенія и путей сообщенія. Все это—главнымъ образомъ—министерства на бумагѣ, но, тѣмъ не менѣе, денегъ они поглощаютъ много.

Время отъ времени, говоритъ Гамильтонъ, представители иностранныхъ державъ дѣлали попытки упорядочить финансовую систему страны. Съ этой цѣлью обращено было, прежде всего, вниманіе на монету. При этомъ открылось очень много любопытнаго. Въ „дореформенныя“ времена въ Корей, какъ и въ Китаѣ, циркулировала мѣдная монета. Она представляла такую малую дѣйность, что было невыгодно поддѣлывать ее, такъ какъ матеріаль

почти равнялся указанной стоимости ея. Но вотъ реформаторы ввели никелевую монету. Каждая новая равняется 25 прежнимъ монетамъ, тогда какъ матеріалъ и работа стоятъ, самое большее, по 1¹/₂ цента за штуку. Это обстоятельство явилось большимъ соблазномъ для фабрикантовъ фальшивой монеты. Поддѣлкой занялись даже лица, стоящія близко къ трону. Таможенные чиновники получали взятку и пропускали цѣлые транспорты съ никелемъ и никелевыми кружками для поддѣлки денегъ. Почти всѣ корабли, прибывавшіе изъ Японіи, привозили съ собою фальшивую монету. Многие министры усиленно заботились о томъ, чтобы пустить въ обращеніе эту монету, нисколько не думая о томъ, что такимъ образомъ подрываютъ совершенно финансы страны. Никелевые доллары стали цѣниться на 50% дешевле, чѣмъ прежняя мѣдная монета, между тѣмъ правительство обязывало население принимать обезцѣненные денежные знаки. Чтобы улучшить свое финансовое положеніе, правительство выпустило еще на 40 миллионъ иенъ никелевыхъ денегъ. Въ казначействѣ, конечно, нѣтъ ни золота, ни серебра для гарантірованія этой суммы. Наконецъ,—правительство, смущенное громаднымъ количествомъ фальшивой монеты, назначило специальную комиссію для разслѣдованія вопроса. Она распредѣлила циркулирующую монету на слѣдующія категоріи:

Правительственная чеканка.

Первоклассная поддѣлка.

Посредственная поддѣлка.

Фальшивая монета грубой поддѣлки, которую можно сбывать только ночью.

Японское правительство смотрѣло сквозь пальцы на фабрикантовъ, вывозившихъ фальшивую монету въ Корею. Наконецъ, когда громадное количество фальшивой монеты, циркулировавшей здѣсь, стало угрожать интересамъ Страны Восходящаго Солнца, Японія приняла нѣкоторыя мѣры противъ фабрикантовъ. Седьмого января 1902 г. появился въ Японіи законъ противъ поддѣльвателей корейскихъ никелевыхъ денегъ. Виновнымъ грозитъ штрафъ до 200 иенъ или тюремное заключеніе до одного года. Японскіе таможенные чиновники стали тогда конфисковать груды фальшивыхъ денегъ. О размѣрахъ, которыхъ достигла своеобразная промышленность, можно судить по слѣдующимъ цифрамъ. За десять мѣсяцевъ въ 1902 г. конфисковано 3.573.138 фальшивыхъ монетъ только въ таможнѣ Чемульпо. На одной джонкѣ найдено было 739.000 монетъ. Съ цѣлью улучшить финансы Кореи, Японія основала здѣсь банкъ Дай-Ичи-Джинко, т. е. „Банкъ № 1“, который сталъ выпускать кредитные билеты, гарантірованные правительствомъ Микадо. Предъявителю билетовъ уплачивалась его пѣнность въ одномъ изъ отдѣленій банка въ Корейскими японскими деньгами. Дай-Ичи-Джинко имѣетъ свои отдѣленія во

всѣхъ большихъ приморскихъ городахъ, открытыхъ для иностранцевъ, а также и въ Сеулѣ. Консулы обязаны слѣдить за тѣмъ, чтобы размѣнъ кредитныхъ билетовъ производился безпрепятственно, а также за тѣмъ, чтобы выпускъ бумажныхъ денегъ былъ ограниченный.

Банкъ выпустилъ кредитные билеты въ 1, 2, 5 и 10 иенъ. Въ 1903 г. Даи-Ичи-Джинко имѣлъ отдѣленія въ Чемульпо, Фузанѣ, Сеулѣ и Мокпо, которыя выпустили около 1.000,000 кредитныхъ билетовъ. Корейское правительство горячо протестовало противъ дѣятельности японскаго банка. Хотя корейскій императоръ далъ свое согласіе на выпускъ кредитныхъ билетовъ, но министръ иностранныхъ дѣлъ всѣми силами старался препятствовать ихъ распространенію. Въ сентябрѣ 1902 г. министръ иностранныхъ дѣлъ воспретилъ корейцамъ принимать эти бумажныя деньги. Мѣра была внушена всесильнымъ Ии Ионгъ-икомъ. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ смѣнился министръ иностранныхъ дѣлъ. Новый министръ Чо-Піонгъ-сикъ, сторонникъ Японіи, вновь разрѣшилъ циркуляцію кредитныхъ билетовъ, но Ии Ионгъ-икъ подвелъ мину, министръ финансовъ попалъ въ немилость. Всесильный фаворитъ немедленно сталъ хлопотать о томъ, чтобы отнять у японскаго банка привилегію, данную ему корейскимъ императоромъ. Ии Ионгъ-икъ заявилъ, что японскія бумажныя деньги содѣйствуютъ разоренію страны. По утвержденію всесильнаго фаворита, японскій банкъ платилъ за постройку желѣзной дороги отъ Фузана до Сеула кредитными билетами съ единственной цѣлью обанкротиться впоследствии. Ии Ионгъ-икъ привлекъ на свою сторону гильдію разнощиковъ, которая играетъ въ Корей значительную политическую роль. Въ февралѣ 1903 г. въ Сеулѣ было объявлено, что каждый кореецъ, содѣйствующій распространенію японскихъ кредитныхъ билетовъ, подлежитъ большой отвѣтственности и строгому наказанію. Министерство финансовъ опубликовало этотъ законъ во всѣхъ городахъ. Въ результатѣ было, что владѣльцы билетовъ потребовали отъ банка немедленнаго платежа. Тогда вмѣшалось японское правительство. Подъ давленіемъ его корейскіе министры отмѣнили свое распоряженіе. Кредитнымъ билетамъ вновь было обезпечено распространеніе. Японскій банкъ сталъ прочно на ноги.

Большой неурожай 1902 г. сильно содѣйствовалъ оскуднѣнію корейскихъ финансовъ, но ни расточительность императора, ни взяточничество министровъ не уменьшились. Правительство приняло для пополненія казны своеобразныя мѣры: оно стало казнить и ссылатъ разбогатѣвшихъ взятками и вымогательствами чиновниковъ и отбирать въ казну ихъ имущество. Ии Ионгъ-икъ придумалъ, съ своей стороны, не менѣе оригинальную мѣру. Онъ распорядился скупить весь урожай жинсенга, заявивъ, что принимаетъ въ казну корень по 8 долларовъ за фунтъ. Когда весь

урожаи (63 тысячи фунтовъ) былъ доставленъ, министръ финансовъ объявилъ, что платить только по доллару за фунтъ. Правительство продало корень съ большой выгодой для себя и министровъ. Въ казну поступило около 500,000 иенъ, а въ карманы чиновниковъ—неизвѣстно сколько, во всякомъ случаѣ, не меньше. Такова, въ общихъ чертахъ, картина корейскихъ финансовъ. Иностранныя государства, между тѣмъ, все болѣе и болѣе заинтересованы въ упорядоченіи дѣлъ въ Корей. Въ 1901 г. вывозъ и ввозъ Кореи исчислялся 23 слишкомъ милл. иенъ. Въ Чемульпо ввезено товаровъ и вывезено на 11 милл. иенъ. Главные предметы вывоза: золото, рисъ, бобы, строевой дѣсъ и бычачья кожи. Государства, ведущія дѣла съ Кореей, заинтересованы въ томъ, чтобы финансы ея стояли на прочномъ фундаментѣ.

Гамильтонъ того мнѣнія, что Корея, безъ своего ядовитаго нароста, предоставленная самой себѣ, могла бы возродиться. Страна богата, деревенское населеніе трудолюбиво; но алой рокъ, помимо всего, надѣлил Корею отличительными признаками птицы додо и толкнулъ ее на большую дорогу исторіи.

Діонео.

П О Л И Т И К А .

Лѣтопись войны.—Дѣйствія на морѣ.—Дѣйствія на сушѣ.—Англо-французское соглашеніе.—Болгаро-турецкая конвенція.

I.

„Не было печали...“. Конечно, было много печалей и раньше войны, и безъ войны. А всетаки эта непрощенная и не надобная печаль очень некстати вторглась въ нашу жизнь и нарушила мирный, хотя и не безпечальный, ходъ нашей исторіи, надолго затормазивъ всякія культурныя начинанія, и мечты о всеобщемъ образованіи, и надежды на открытіе новыхъ высшихъ школъ, и желѣзнодорожное строительство, и упорядоченіе финансовъ, и введеніе новаго уголовного уложенія (связаное съ тюремной реорганизаціей, требующей средствъ), и многое другое. Если когда нибудь чувствуется, что даже великая нація не господинъ себѣ и подчиняется ходу всемірной исторіи, не всегда справляющейся съ волею даже могущественнаго народа,—то именно теперь, въ эту минуту, когда разразилась эта война и вовлекла Россію въ круговоротъ событій, исходъ которыхъ невозможно предвидѣть, а послѣдствія еще того менѣе. А пока что, будемъ лѣтописать событія.

Медленность этихъ событій дозволила намъ посвятить прошлую нашу бесѣду (мартовскую) болѣе общимъ вопросамъ, связаннымъ съ злобою нашего дня. Лѣтопись-же событій мы оставили въ февральской бесѣдѣ на ночной атакѣ японцами Портъ-Артура 11 февраля и на бомбардировкѣ 12 (25) февраля, краткими телеграфическими извѣстiями, которыми мы и заключили тогда наше изложенiе. Позднѣйшiя извѣстiя говорили о потопленiи „Ретвизаномъ“ и крѣпостными батареями не только пяти брандеровъ, но и двухъ японскихъ миноносцевъ. Одинъ изъ нихъ былъ впоследствии выброшенъ моремъ на отмель у крѣпости. Перестрѣлка же обѣихъ эскадръ днемъ 12 (25) февраля осталась совершенно безрезультатною для обѣихъ сторонъ въ виду большого разстоянiя, съ котораго велась битва. Японцы не хотѣли подходить подъ выстрѣлы крѣпости, а русскiе не выходили изъ сферы огня крѣпости. Съ 13 по 26 февраля японская эскадра не появлялась передъ Портъ-Артуромъ. 24 февраля прибылъ въ Портъ-Артуръ вице-адмиралъ Макаровъ и принялъ командованiе флотомъ, чѣмъ закончился первый перiодъ морской войны въ Желтомъ морѣ, перiодъ пассивной обороны со стороны русской портъ-артурской эскадры.

Въ это же время японцы сдѣлали попытку атаковать и другую русскую морскую крѣпость, Владивостокъ. Нападенiе было совершено 22 февраля эскадрою изъ семи судовъ подъ командою адмирала Камимура. Корреспондентъ Times'a такъ описываетъ это нападенiе японскаго адмирала.

„Отсутствiе извѣстiй о владивостокской эскадрѣ вызывало недоумѣнiе японскихъ военныхъ и морскихъ круговъ. Поэтому адмиралъ Камимура получилъ приказанiе установить мѣсто-нахожденiе этой эскадры. Въ экспедицію адмиралъ взялъ съ собою семь судовъ, но, вслѣдствiе таинственности, въ которую японцы облакаютъ свои операцiи, именъ этихъ судовъ узнать нельзя. Случайно установлено, что въ числѣ ихъ находился крейсеръ перваго ранга „Асама“, потому что о немъ упоминалось въ связи съ единственнымъ за экспедицію смертнымъ случаемъ. Оставивъ свою базу (какую и въ какой день, неизвѣстно), семь судовъ вышли въ Японское море, держась по близости къ берегамъ Кореи, а затѣмъ, поднявшись къ сѣверо-востоку, взяли курсъ къ острову Аскольду. Это было въ полдень, 6-го марта н. с. (22 февр. ст. ст.), и черезъ 30 миль хода къ западу эскадра подошла къ восточному входу въ проливъ Босфорскiй. Погода стояла очень холодная, до—30° Ц. и дулъ сильный вѣтеръ. Брызги замерзали, попадая на палубу. На 5—6 километровъ отъ берега море было покрыто льдомъ, холмы и равнины бѣлѣли подъ снѣгомъ и только чернѣлся маякъ на островѣ Аскольдѣ. Судамъ пришлось пролагать путь между льдинами, пока они не стали въ виду батарей, расположенныхъ

по Босфорскому проливу. Русскихъ военныхъ судовъ не было видно; гигантскіе крейсера либо были скрыты въ гавани, которой не видно изъ восточнаго входа въ проливъ, либо находились въ морѣ, и въ этомъ случаѣ адмиралъ Камимура могъ поздравить себя съ удачей занять положеніе между крейсерами и ихъ базой. Впрочемъ, крейсера могли избрать для возвращенія и путь чрезъ Амурскій проливъ. Вотъ въ чемъ заключается главная трудность блокировать Владивостокъ. Въ Босфоръ можно войти съ востока или запада, при чемъ глубокой западный проходъ такъ узокъ, что непріятельское судно не можетъ отважиться въ него проникнуть. На батареяхъ видны были солдаты, но пушекъ разглядѣть не удалось.

Невозможно опредѣлить точно маневры, произведенные тамъ адмираломъ Камимурой, такъ какъ онъ тщательно избѣгаетъ всякихъ точныхъ указаній. Онъ только передаетъ, что, поставивъ свою эскадру внѣ выстрѣловъ батарей Босфора, занялъ позицію противъ одного изъ береговыхъ фортвовъ и оттуда началъ передвижную канонаду противъ гавани и города, продолжавшуюся около 50 минутъ. О результатахъ бомбардировки Камимура умалчиваетъ, какъ принято японскими полководцами, и ограничивается заявленіемъ, что, по его мнѣнію, бомбардировка имѣла дѣйствительный эффектъ. Русскія батареи молчали, что показалось крайне загадочнымъ. Затѣмъ эскадра отошла и наблюдала за гаванью издали, надѣясь, можетъ быть, что если крейсера находятся въ морѣ, то шумъ выстрѣловъ можетъ привлечь ихъ къ гавани. Одинъ моментъ казалось, что эта надежда исполняется, такъ какъ къ вечеру на востокъ показался дымокъ. Но вскорѣ онъ исчезъ въ отдаленіи, и при заходѣ солнца японская эскадра удалилась на разстояніе, безопасное отъ минной атаки.

На утро (23 февр.) эскадра опять приблизилась къ берегу, раздѣлившись на два отряда, одинъ изъ которыхъ, идя малымъ ходомъ, обслѣдовалъ берега до бухты Америки, у устья рѣки Сучана, а другой, полнымъ ходомъ, прошелъ мимо фортвовъ къ острову Аскольду. Здѣсь оба отряда соединились и опять приблизились къ фортамъ, которые всетаки сохраняли упорное молчаніе. Адмиралъ Камимура повелъ свою эскадру къ заливу Посьета, а оттуда, опять-таки не отыскавъ слѣдовъ русскаго крейсерскаго отряда, вернулся въ Японію вдоль береговъ Кореи.

Единственный смертный случай во время плаванія произошелъ съ матросомъ, который спустился за бортъ очистить отъ льда обмерзшую трубу. Было сильное волненіе и очень холодно. Матросъ исполнилъ свою работу, но былъ смытъ волной раньше, чѣмъ успѣлъ взобраться на палубу.

Съ русской стороны нападеніе адмирала Камимура на Владивостокъ описывается въ телеграммѣ намѣстника отъ 24 февраля слѣдующимъ образомъ:

„Во Владивостоку около 11 часовъ утра непріятельская эскадра, пройдя траверсъ острова Аскольда, послѣ нѣсколькихъ перестроеній оставила оба крейсера къ сѣверу отъ острова. Остальные суда направились въ стрѣль кильватера по Уссурійскому заливу, параллельно берегу въ разстояніи не ближе 15 верстѣ. Выйдя на створъ горы св. Іосифа и уссурійской батареи, эскадра въ томъ же стрѣль взяла курсъ на эту батарею, открывъ огонь съ обоихъ бортовъ, повидимому, холостыми выстрѣлами для прогнѣванія орудій. Въ 1 часъ 35 мин., подойдя на разстояніе около 8 верстѣ, головной корабль открылъ огонь изъ носовыхъ орудій, а затѣмъ вся эскадра направилась вдоль берега, стрѣля съ лѣваго борта. Во время циркуляціи на правомъ галсѣ непріятель огня не открывалъ. Послѣ 3-й циркуляціи эскадра въ 2 ч. 20 мин. прекратила огонь, взяла курсъ на югъ въ миляхъ 10 правѣе острова Аскольда и въ 5 ч. 30 м. скрылась съ горизонта береговыхъ батарей. Всего непріателемъ выпущено отъ 150 до 200 снарядовъ. Въ крѣпостяхъ и сооруженіяхъ поврежденій нѣтъ. Въ прочихъ частяхъ города и крѣпости пораженія незначительны.

По донесеніямъ отъ 23-го февраля, въ 8 час. утра непріятельская эскадра вновь появилась у Владивостока, вошла въ Уссурійскій заливъ, прошла вдоль побережья и, не открывая огня, повернула назадъ, держа курсъ на мысъ Гамова. Въ 3 ч. 40 м. дня эскадра находилась на высотѣ этого мыса и, повернувъ передъ рейдомъ Паллада, удалилась къ югу“.

Приводимъ еще изъ «Новаго Края» (№ 43) слѣдующія телеграммы, дополняющія эти свѣдѣнія.

И. д. коменданта крѣпости Владивостоку коменданту крѣпости Портъ-Артуръ отъ 22-го февраля:

„Послѣ 55-ти-минутной бомбардировки японская эскадра повернула на югъ и въ 5 ч. 33 м. вечера скрылась за горизонтомъ; определено наличіе броненосца „Фуджи“, крейсеровъ 1-го класса „Изумо“, „Якумо“, „Ивате“; крейсеровъ 2-го класса „Тогамо“ (?). Посты донесли, что за островомъ Аскольдъ во время боя держались два миноносца“ (четвертый крейсеръ 1 ранга, какъ выше сообщил Times, былъ „Асама“, а „Тогамо“ слѣдуетъ читать „Іошино“, быстроходный защитный крейсеръ 2 ранга).

Командующему флотомъ Тихаго океана капитана 1-го ранга Рейценштейна:

„Сегодня въ 10 часовъ утра съ Аскольда донесли, что съ юга идутъ 7 судовъ. Отрядъ началъ разводитъ пары. Въ 11 часовъ въ десяти миляхъ отъ Аскольда замѣчены японскія военныя суда, изъ которыхъ 4 трехъ-трубныхъ, 3 двухъ-трубныхъ повернули на W и около полудня пошли полнымъ ходомъ въ Уссурійскій заливъ. Въ 1 часъ 30 мин. непріятель въ числѣ 5 судовъ бомбардировалъ крѣпость, а два крейсера держались у Аскольда. Тотчасъ съ отрядомъ снялся съ якоря; непріятель, прекратя бом-

бардировку, полнымъ ходомъ взялъ курсъ на югъ. Гнался за нимъ. Непрiятель уходилъ. Въ 5 часовъ вечера съ отрядомъ повернулъ обратно во Владивостокъ“.

Японская эскадра искала русскую, а русская гналась за японскою, но также не успѣла нагнать японцевъ, какъ японцы не успѣли найти русскихъ... Прибывъ въ Портъ-Артуръ, Макаровъ назначилъ во Владивостокъ контръ-адмирала Иессена, чѣмъ здѣсь и завершился первый періодъ войны.

II.

Со вступленіемъ адмирала Макарова въ командованіе портъ-артурскимъ флотомъ наступило время активной обороны. Крейсера и миноносцы начали дѣлать экспедиціи и поиски въ разныхъ направленіяхъ. 26 февр. разыгралась новая морская битва. Объ этомъ командующій флотомъ вице-адмиралъ Макаровъ доносилъ 26-го февраля изъ Портъ-Артурскаго слѣдующее: „вышедшіе въ ночь на 26-е февраля 6 миноносцевъ, изъ нихъ 4 подъ общимъ начальствомъ капитана 1-го ранга Матусевича, встрѣтились съ миноносцами непрiятеля, за которыми появились крейсера. Произошла жаркая схватка, въ которой миноносецъ „Властный“, подъ командой лейтенанта Карцова, миной Уайтхеда потопилъ непрiятельскій миноносецъ. При возвращеніи, миноносецъ „Стерегущій“, подъ командою лейтенанта Сергѣева, былъ подбитъ, лишился машины и началъ тонуть. Въ 8 часовъ утра пять миноносцевъ возвратились. Когда выяснилось критическое положеніе „Стерегущаго“, я перенесъ свой флагъ на „Новикъ“ и вышелъ съ „Новикомъ“ и „Баяномъ“ на выручку, но у миноносца оказалось 5 непрiятельскихъ крейсеровъ и приближалась броненосная эскадра. Спасти не удалось, миноносецъ утонулъ; уцѣлѣвшая часть экипажа попала въ плѣнъ. На судахъ, принимавшихъ участіе въ ночной атакѣ, тяжело раненъ 1 офицеръ, легко—3. Убито нижнихъ чиновъ 2, ранено 18.

Въ 9 часовъ собралось 14 непрiятельскихъ судовъ, началась бомбардировка Артура тяжелыми орудіями броненосной эскадры непрiятеля съ большой дистанціи, продолжавшаяся до часу дня. По счету съ батарей, непрiятель выпустилъ 154 12-тидюймовыхъ снаряда. Поврежденія судовъ незначительны, и суда вполне готовы къ бою; потери на нихъ: легко раненъ 1 офицеръ, нижнихъ чиновъ убито 1, ранено 4. Донесено, что на крейсера „Такасаго“ замѣтили значительныя поврежденія, которыя за дальностью, не менѣе 50 кабельтовыхъ, не были рассмотрѣны“.

Изъ донесенія коменданта крѣпости видно, что бомбардировка производилась шестью японскими судами перекиднымъ огнемъ изъ за горы Ляо-те-шань. Тотъ же бой такъ излагается въ отчетѣ командующаго японскимъ флотомъ адмирала Того:

„26-го февраля, какъ предполагалось, было предпринято нападеніе на Портъ-Артуръ. Флотилія японскихъ миноносцевъ, раздѣленная на двѣ группы, въ полночь 25-го февраля приблизилась къ Портъ-Артуру, но непріятеля нигдѣ не замѣтила. Съ разсвѣтомъ она погрузила противъ рейда, не смотря на жестокой огонь крѣпости, двѣ ударныхъ мины на различныхъ мѣстахъ. Въ 4 час. 20 мин. утра первая группа встрѣтилась съ 6 непріятельскими миноносцами южняе Ляо-те-шана и сильно обстрѣливала ихъ въ теченіе 20 минутъ. Между прочимъ, истребители миноносцевъ „Asasivo“, „Kasumi“ и „Akatsuki“ сражались бокъ о бокъ съ непріятелемъ и такъ энергично стрѣляли, что машины на нѣкоторыхъ изъ непріятельскихъ миноносцевъ были повреждены, нѣкоторые загорѣлись и, давая сиренами сигналы о помощи, въ очень тяжеломъ состояніи удалялись. Также на нашей сторонѣ были незначительныя потери: 7 унтеръ-офицеровъ убиты, первый инженеръ и 8 другихъ ранены. На „Akatsuki“ повреждена пароотводная труба и 4 кочегара убиты. Тѣмъ не менѣе, всѣ наши истребители миноносцевъ сохраняютъ свою боевую и маневренную способность. Въ 7 час. утра два нашихъ судна, собираясь оставить воды гавани, замѣтили два непріятельскихъ миноносца, стремившихся пробраться въ гавань, но наши двинулись имъ на перерѣзъ, чтобы ихъ отрѣзать. Хотя одинъ изъ нихъ ушелъ, за то другой „Стерегушій“ получилъ тяжкія аваріи.

Нашъ истребитель „Sazanami“ хотѣлъ его взять на буксиръ, но вслѣдствіе волненія буксиръ оборвался, почему на бортъ взяли 4 плѣнныхъ; „Стерегушій“ затонулъ совсѣмъ въ 10 час. 10 м. утра. Поврежденія, полученныя обѣими группами, незначительны, два матроса убиты, одинъ мичманъ и 3 матроса ранены. Вскорѣ изъ гавани вышли „Новикъ“ и „Баянъ“, которые, направившись полнымъ ходомъ на вторую группу, повернули назадъ въ гавань, какъ только увидѣли, что японскіе крейсера приближаются въ сомкнутомъ строю. Затѣмъ главная и крейсерская эскадры въ 8 ч. утра двинулись къ наружному рейду Портъ-Артура и въ то время, какъ крейсерская эскадра держалась въ виду входа въ гавань для поддержки минной флотиліи, главная эскадра стала за Ляо-те-шаномъ и открыла черезъ него въ прямомъ направленіи на гавань бомбардированіе, продолжавшееся съ 10 ч. утра до 10 ч. 40 м. дня. Хотя непріятельскія батареи съ перерывами отвѣчали, но не причинили японскимъ судамъ даже ничтожнаго вреда. Крейсерскій отрядъ пошелъ въ Талиенванскую бухту и огнемъ разрушилъ непріятельскія постройки на о. Сансато. Крейсера „Takasago“ и „Tshihaiia“ (минный крейсеръ) обрекогноспировали западные берега Портъ-Артура, но нигдѣ непріятеля не нашли“.

Далѣе слѣдуетъ сообщеніе, что японская эскадра, прекративъ огонь въ 2 ч. дня, въ хорошемъ состояніи отошла, и что всѣ

начальники не нахвалятся мужественнымъ поведеніемъ подчиненныхъ во время сраженія.

По слѣдующему донесенію адмирала Того, на „Стерегущемъ“ взяты въ плѣнъ механикъ и три кочегара; изъ нихъ двое ранены. Въ томъ же донесеніи указывается, что стрѣльба велась изъ 12 дюйм. орудій, при чемъ каждое изъ нихъ (всѣхъ было 24) выпустило по 5 снарядовъ. Стрѣльба корректировалась по показаніямъ беспроволочнаго телеграфа съ крейсеровъ, державшихся въ виду входа въ Портъ-Артуръ.

Любопытную подробность сообщаетъ корреспондентъ Times'a:

„3-я японская дивизія миноносцевъ, говоритъ корреспондентъ, встрѣтивъ два русскихъ миноносца въ 26-ти верстахъ отъ Портъ-Артура, стремительно напала на нихъ. Русскіе сражались съ храбростью отчаянія, японцы, одушевленные прежними успѣхами и сознаниемъ численнаго перевѣса. Миноносцы обѣихъ сторонъ такъ сблизились, что одинъ русскій матросъ бросилъ на палубу японскаго миноносца гранату. Когда одному русскому миноносцу удалось прорваться, а на „Стерегущемъ“ всѣ офицеры и большая часть экипажа были убиты, японскій истребитель миноносцевъ „Sazanami“ взялъ беззащитный русскій миноносецъ на буксиръ, что выполнилъ японскій офицеръ, перескочивъ на бортъ „Стерегущаго“. Здѣсь послѣдній увидѣлъ 30 человекъ русскихъ убитыхъ и изуродованныхъ снарядами. Когда японцы пытались подойти вплотную къ русскому миноносцу, оставшіеся изъ его экипажа два матроса заперлись въ трюмѣ, двое-же кочегаровъ бросились въ воду, но были вытаснены японцами, а также двое другихъ легко раненыхъ. Два запершихся въ трюмъ матроса, открыли кингстоны (клапаны затопленія) и тѣмъ затопили „Стерегущій“, погибнувъ съ нимъ вмѣстѣ“.

Эта битва, при всей своей серьезности и трагическихъ случайностяхъ, мало измѣнила соотношеніе силъ противниковъ. Японцы удержали перевѣсъ на морѣ и прикрыли движеніе транспортовъ, но перевѣсъ все же остался не столь значительнымъ, чтобы можно было считать господство на морѣ вполне обеспеченнымъ отъ всякихъ случайностей.

Послѣ этого дѣла до 9 марта японцы оставили Портъ-Артуръ и желтоморскую эскадру въ покоѣ, а 9 марта повторили снова дѣйствія 26 февраля. Въ ночь на 9-е марта (по русскимъ сообщеніямъ) въ лучахъ прожекторовъ батарей Портъ-Артура замѣчены были два подбиравшихся къ вышнему рейду японскихъ миноносца. Встрѣченные огнемъ сторожевыхъ судовъ, мореходныхъ канонерскихъ лодокъ „Бобръ“ и „Отважный“ и нѣкоторыхъ батарей, японскіе миноносцы, черезъ 20 минутъ по открытіи огня, отошли. Въ 4 часа утра атаку возобновили на этотъ разъ три миноносца, но были также отбиты. Около 6¹/₂ час. утра съ юга показались 4 японскихъ судна, а затѣмъ съ разныхъ сторонъ

обнаружено приближеніе и еще двухъ отрядовъ, въ общемъ образовавшихъ эскадру въ 26 вымпеловъ, въ томъ числѣ 6 броненосцевъ, 6 броненосныхъ крейсеровъ, 6 крейсеровъ 1-го и 2-го ранга и 8 миноносцевъ. Въ 7 часовъ утра русская эскадра стала выходить съ внутренняго рейда. Крейсера шли впереди, при чемъ на „Аскольдъ“ былъ поднятъ флагъ командующаго флотомъ Тихаго океана, вице-адмирала Макарова. Около 9 час. утра японская эскадра раздѣлилась: броненосцы, подъ прикрытіемъ миноносцевъ, направились къ Ляотешану и Голубиной бухтѣ, крейсера же двумя отрядами держались къ югу и юго-востоку отъ Портъ-Артура. При этомъ, вѣроятно, отрядъ, державшійся къ югу, состоялъ изъ дивизіи броненосныхъ крейсеровъ, а державшійся къ юго-востоку—изъ дивизіи легкихъ бронепалубныхъ крейсеровъ 1-го и 2-го ранга. Есть вѣроятность также допустить присутствіе въ составѣ броненосныхъ крейсеровъ двухъ приобретенныхъ въ Генуѣ, а именно „Nissin“ и „Kassuga“.

Эскадра броненосцевъ, зайдя за горный массивъ Ляотешана, должна была перекиднымъ огнемъ обстрѣливать, какъ и въ четвергъ, 26-го февраля, Портъ-Артуръ и его гавань; отряды крейсеровъ имѣли назначеніе слѣдить за внѣшнимъ рейдомъ и маневрированіемъ напей эскадры и ея миноносцевъ, не подходя подъ огонь крѣпости.

Въ 9 час. 20 мин. эскадренный броненосецъ „Ретвизанъ“ открылъ перекидной огонь черезъ массивъ Ляотешана по японскимъ броненосцамъ, начавшимъ стрѣльбу въ 9 час. 40 мин. по городу. Черезъ 1 часъ 20 мин., въ теченіе которыхъ японцы (по русскому счету) выпустили 100 двѣнадцати-дюймовыхъ снарядовъ по Портъ-Артуру и 108 по окрестностямъ, канонада начала стихать. Японскіе броненосцы сблизились съ крейсерскими отрядами, и вся эскадра, держась соединенно, медленно стала отходить къ юго-востоку, прошла вдоль внѣшняго рейда и, не пытаясь атаковать русскую эскадру, въ 12 час. 30 мин. дня стала удаляться. Въ результатъ бомбардированія — на русской эскадрѣ потерь вовсе нѣтъ, на берегу убито 5 нижнихъ чиновъ, ранено 9 и контуженъ 1.

Это сраженіе въ донесеніи адмирала Того описывается такъ (по сообщенію англійскаго агентства Рейтера):

„9-го марта соединенный флотъ маневрировалъ, какъ это было предусматрѣно. Два отряда истребителей миноносцевъ держались, согласно приказу, съ ночи 7-го марта до утра 9-го предъ Портъ-Артуромъ. Хотя наши истребители миноносцевъ подвергались въ это время русскому огню, но имъ не было причинено никакого вреда. Въ 8 час. утра въ виду Портъ-Артура появилась главная эскадра. Въ тотъ же день флотъ былъ посланъ въ Голубиную бухту. Эскадренные броненосцы „Фуджи“ и „Яшима“ получили приказъ открыть перекидной огонь по внутренней гавани. Во

время бомбардировки русскія суда вышли постепенно из гавани. Когда перекидной огонь около 2 часовъ дня былъ прекращенъ можно было видѣть 5 русскихъ броненосцевъ и 4 миноносца. Мы были того мнѣнія, что русскіе пытаются своими движеніями заманить насъ къ фортамъ. Врагъ обстрѣливалъ насъ съ своихъ судовъ также въ перекидную. Множество его снарядовъ упало близъ „Фуджи“. Нашимъ судамъ не было причинено никакого вреда. Около 3 часовъ они отступили отъ гавани“.

Никакихъ потерь ни на русской, ни на японской эскадрахъ! Безъ перемѣны, слѣдовательно, и соотношеніе силъ въ Желтомъ Морѣ. Адмиралъ Макаровъ надѣялся, повидимому, внести перемѣну или, по крайней мѣрѣ, заставить японцевъ платить дороже за сохраненіе морской супрематіи. Въ промежутокъ съ 9 по 13 марта флотъ адмирала Макарова постоянно дѣлалъ смѣлые поиски въ разныхъ направленіяхъ, тревожа японскую эскадру и угрожая японскимъ сообщеніямъ. Одинъ изъ такихъ поисковъ описанъ въ „Новомъ Краѣ“ слѣдующимъ образомъ:

„13-го марта на разсвѣтъ наша эскадра вышла на внѣшній рейдъ и взяла курсъ на группу острововъ Міатао *). Въ 10 ч. 15 м. миноносецъ „Внимательный“ по сигналу съ крейсера „Новикъ“ направился осматривать показавшіяся китайскія джонки. Въ это время былъ усмотрѣнъ на высотѣ острова Гоки-Гано небольшой пароходъ, буксировавшій баржу. „Внимательный“ съ разстоянія 5 каб. сдѣлалъ подъ носъ выстрѣлъ. Пароходъ немедленно спустилъ японскій флагъ, но не поднялъ его опять подъ нашимъ флагомъ (что значить „сдаюсь“), продолжая полнымъ ходомъ идти впередъ. „Внимательный“, приближаясь, даетъ второй выстрѣлъ — пароходъ останавливается; въ это же время часть людей переходитъ на буксируемую джонку, обрубаютъ буксиръ съ очевиднымъ намѣреніемъ благополучно уйти. Командиръ миноносца спускаетъ двойку при мичманѣ Пини съ приказаніями осмотрѣть джонку, а самъ идетъ къ пароходу „Ханъ-іенъ-мару“ съ цѣлю подвести его къ „Новику“. Команда съ „Новика“ при офицерѣ отправляется на задержанный пароходъ. Къ этому времени возвращается двойка при мичманѣ Пини, доставившая 4 задержанныхъ японцевъ и массу телеграммъ. Подошедшій миноносецъ „Внимательный“ доложилъ, что на „Ханъ-іенъ-мару“ много людей, множество книгъ, бумагъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, передалъ обстоятельную карту, записную книжку капитана, двѣ фальшивыхъ косы, доложивъ, что командованіе арестованнымъ пароходомъ передалъ лейтенанту Штену. Крейсеръ „Новикъ“, принявъ на себя людей и экипажъ съ японскаго парохода, взялъ его на буксиръ; протащивъ его нѣсколько миль, оборвалъ ему кнехтъ.

*) Острова Міатао находятся къ югу отъ Порть-Артура въ Печилийскомъ проливѣ.

Такъ какъ пароходъ представлялъ изъ себя дрянное суденышко, могущее идти лишь 5-ти узловымъ ходомъ, то командиръ не рѣшился оставить на немъ офицера и команду, предоставивъ ему собственными средствами дойти до гавани, изъ опасенія, что они могутъ быть *случайно* настигнуты непріателемъ: снявъ съ него офицера и команду, и нѣсколькими снарядами быстро пустиль его ко дну.

Въ это время миноносецъ „Боевой“ разстрѣливалъ джонку, а затѣмъ, слѣдуя движенію и сигналу „Новика“, прекратилъ стрѣльбу и вмѣстѣ съ остальными миноносцами отряда выступилъ ему въ кильватеръ. Такъ какъ въ островахъ Міатао болѣе подозрительнаго ничего не оказалось, то эскадра повернула на Артуръ, куда и прибыла около 2-хъ час. пополудни. Во время остановки у острова Міатао, были замѣчены на S. O. 4 парохода подъ англійскимъ флагомъ. По распоряженію командующаго флотомъ вице-адмирала Макарова, крейсеръ „Аскольдъ“ произвелъ тщательный осмотръ и провѣрку судовыхъ бумагъ. Суда несомнѣнно принадлежали англійской компаніи и шли порожними изъ Чифу за грузомъ въ Инкоу. Опросъ захваченныхъ на пароходѣ и джонкѣ японцевъ и китайцевъ показалъ, что „Ханъ-іень-мару“ получилъ порученіе собирать джонки для перевозки риса (или десанта), но въ виду объявленія мѣстнаго китайскаго даотая, чтобы жители не давали бы своихъ джонокъ ни одной изъ воюющихъ сторонъ, миссія эта не имѣла, повидимому, успѣха, не смотря на обѣщаніе японцевъ платить по 300 долларовъ въ мѣсяцъ за каждую джонку въ 100 даней. Тогда японцы рѣшились силой захватить джонки. Возможно, что, кромѣ этой цѣли, японцы съ „Ханъ-іень-мару“ имѣли задачей учредить сигнальную станцію на одномъ изъ острововъ Міатао и служить развѣдчиками для военныхъ надобностей. Иначе трудно объяснить то, что японцы обазались частью въ китайскихъ костюмахъ, а нѣкоторые изъ нихъ были даже съ приставными косами. Наконецъ, найденная на пароходѣ мина Уайтхеда ясно показываетъ, что пароходъ служилъ для военныхъ цѣлей“.

Такіе поиски не могли нравиться японцамъ, и въ ночь съ 13 на 14 марта они сдѣлали новую попытку запереть портъ-артурскую эскадру. Внутренняя гавань Портъ-Артура соединяется съ вѣшнимъ рейдомъ узкимъ и неглубокимъ проходомъ. Затопивъ большое судно или нѣсколько мелкихъ въ этомъ проходѣ, можно надолго лишить выхода суда, стоящія на внутреннемъ рейдѣ, гдѣ они, будучи скучены на не обширномъ пространствѣ, могли быть разстрѣливаемы перекиднымъ огнемъ съ надеждою на успѣхъ, а въ случаѣ атаки крѣпости съ суши могли бы быть взяты японцами вмѣстѣ съ крѣпостью. И въ то же время для атаки Портъ-Артура съ суши надо предварительно сдѣлать высадку въ полной безопасности, для чего запереть эскадру

адмирала Макарова было бы также больше, чѣмъ желательно. Эту попытку японцевъ заградить выходъ русскому флоту адмиралъ Макаровъ описывалъ слѣдующимъ образомъ:

„Всеподданнѣйше доношу, что 14-го сего марта, въ 2 ч. ночи, непріятель сдѣлалъ вторую попытку заблокировать входъ во внутренней рейдъ. Съ этой цѣлью имъ были направлены къ выходу (упомянутому проходу) 4 большихъ коммерческихъ парохода въ сопровожденіи 6 миноносцевъ. Непріятельскія суда были своевременно открыты прожекторами, подверглись обстрѣливанію съ батарей и со сторожевыхъ лодокъ „Бобръ“ и „Отважный“.

Опасаясь прорыва непріятельскихъ судовъ, командиръ сторожевого миноносца „Сильный“, лейтенантъ Криницкій бросился въ атаку и миною взорвалъ носъ передовому изъ нихъ, который повернулъ вправо, а за нимъ послѣдовали 2 другихъ парохода, такъ что всѣ 3 выкинулись правѣе входа. Четвертый пароходъ взялъ влѣво и затонулъ также въ сторонѣ отъ фарватера.

Миноносецъ „Сильный“ вступилъ въ бой съ 6-ю непріятельскими миноносцами; на немъ убиты старшій инженеръ-механикъ Звѣревъ и 6 нижнихъ чиновъ; командиръ и 12 матросовъ ранены. Утромъ показались японскіе броненосный и крейсерскій отряды; со ввѣреннымъ мнѣ флотомъ вышелъ для встрѣчи непріятеля.

Входъ въ портъ остался совершенно свободнымъ.

Всеподданнѣйше доношу, что непріятель отошелъ, а потому я возвратился съ флотомъ въ гавань. Миноносецъ „Сильный“, ставшій на камни ночью, вслѣдствіе поврежденія машины непріятельскимъ снарядомъ, благодаря энергіи команды, снятъ и благополучно введенъ въ гавань. Командиръ, лейтенантъ Криницкій, раненъ въ руку легко, не покидалъ поста. На брандерахъ оказались адскія машины, проводники которыхъ были перерѣзаны охотниками, изъ которыхъ нѣкоторые: лейтенантъ Кедровъ 4-й, Азаревъ 3-й, мичманъ Пильсудскій, посланные мною, вступили на пароходъ тотчасъ, когда онъ остановился, обрѣзали проводники и потушили пожаръ, который освѣтилъ бы непріятелю входъ въ гавань. На рейдѣ утромъ оказалась плавающая мина съ адской машиной, благополучно вынута, рейдъ протраленъ. Пароходы, послужившіе брандерами, по осмотру, оказались не старыми, около 2,000 тоннъ, были вооружены малокалиберной артиллеріею, которую ставлю на батареи для усиленія огня. Часть пароходовъ подниму для надобностей порта“.

Нижеслѣдующія двѣ телеграммы даютъ японскую версію этого ночного боя:

„Кобе, 16-го (29-го) марта (Рейтеръ). Въ донесеніи адмирала Того о сраженіи, бывшемъ въ прошлое воскресенье, говорится, что попытка заградить входъ въ гавань Портъ-Артура была исполнена подъ градомъ русскихъ снарядовъ. Адмиралъ Того,

однако, съ неудовольствіемъ прибавляетъ, что между затонувшими японскими пароходами остался настолько широкій промежутокъ, что русскія военныя суда могутъ свободно проходить.

Берлинъ, 17-го (30-го) марта. Изъ Юкагамы сообщаютъ отъ 16-го марта, что, по донесенію адмирала Того, при попыткѣ запереть Портъ-Артурскую гавань, убиты: 2 японскихъ офицера, въ томъ числѣ капитанъ Хироса, и 2 нижнихъ чина, ранено 9 человекъ. Прочіе спаслись и были взяты на японскія суда. Капитану Хироса граната попала въ голову“.

Японскіе брандеры затоплены не тамъ, гдѣ это было желательно для японцевъ, но за то одинъ русскій миноносецъ выведенъ изъ строя, хотя временно. Пострадали ли японскіе миноносцы, точныхъ свѣдѣній нѣтъ.

Поиски русскихъ миноносцевъ по ночамъ и русскихъ крейсеровъ при свѣтѣ дня энергично продолжались подъ руководствомъ адмирала Макарова, державшаго и броненосную эскадру всегда на готовѣ для поддержанія крейсерской и миноносной эскадръ. Эта активная оборона завершилась битвой 31 марта, такъ неожиданно и внезапно измѣнившей соотношеніе силъ въ Желтомъ морѣ. Оффиціальное донесеніе намѣстника отъ 8 апр. (т. е. послѣднее, на девятый день послѣ событія) излагаетъ ходъ дѣла слѣдующимъ образомъ:

„Всеподданнѣйше доношу Вашему Императорскому Величеству:

29-го марта эскадра въ полномъ составѣ выходила по створу на 6 миль на югъ въ море для производства эволюцій и къ вечеру вернулась въ гавань. 30-го марта отрядъ изъ 8-ми миноносцевъ выходилъ для осмотра острововъ, имѣя приказаніе, при встрѣчѣ съ непріателемъ, его атаковать. Во время ночного перехода и сильнаго дождя отъ отряда отдѣлились три миноносца, изъ которыхъ два пришли съ разсвѣтомъ въ Портъ-Артуръ, при чемъ одинъ изъ нихъ, встрѣтивъ 4 непріятельскихъ миноносца, обошелъ ихъ мористѣе. Третій миноносецъ „Страшный“, согласно показаніямъ нижнихъ чиновъ, встрѣтилъ нѣсколько идущихъ японскихъ миноносцевъ, принялъ ихъ въ темнотѣ за свои, почему, сдѣлавъ опознательный сигналъ, пошелъ совместно съ ними, но съ разсвѣтомъ былъ узнанъ непріателемъ. Въ послѣдовавшемъ бою, на близкомъ разстояніи, убиты: командиръ 2-го ранга Юрасовскій, мичманъ Акинфіевъ, механикъ Дмитріевъ и большинство команды. Раненый лейтенантъ Маллѣевъ продолжалъ лично стрѣлять по непріателю изъ пулемета. Вышедшій 31-го марта на разсвѣтѣ на встрѣчу миноносцамъ крейсеръ „Баянъ“ шелъ полнымъ ходомъ на выручку и около 16 миль отъ Артура увидѣлъ сражавшійся съ 4-мя японскими миноносцами миноносецъ „Страшный“, на которомъ вскорѣ послѣдовалъ взрывъ, и онъ затонулъ. Отогнавъ выстрѣлами непріятельскіе миноносцы,

крейсеръ „Баянъ“, подойдя къ мѣсту боя и спустивъ шлюпки, успѣлъ спасти оставшихся, къ сожалѣнію, всего 5 человѣкъ, плававшихъ на поверхности. Спасая людей, крейсеръ вынужденъ былъ правымъ бортомъ вступить въ бой съ подходившими 6-ю японскими крейсерами. Поднявъ шлюпки, „Баянъ“ пошелъ въ Артуръ, не понеся потерь или поврежденій, хотя и получилъ много осколковъ снарядовъ. На подкрѣпленіе ему спѣшили „Діана“ и 5 миноносцевъ. Въ это-же время вышли на рейдъ остальные крейсера, броненосцы „Петропавловскъ“ и „Полтава“ и часть миноносцевъ. Остальные броненосцы выходили еще изъ гавани. Построившись въ кильватерную колонну, съ „Баяномъ“ головнымъ и миноносцами на флангѣ, командующій флотомъ пошелъ къ мѣсту боя „Страшнаго“, куда вновь подошли японскіе миноносцы и крейсера. Послѣ короткой перестрѣлки, съ 50-ти кабельтовыхъ, непріятельскія суда повернули въ море. Въ 8 часовъ 40 минутъ утра открылась эскадра японскихъ броненосцевъ изъ 9-ти судовъ, почему наши суда пошли къ Артуру, гдѣ на рейдѣ къ нимъ присоединились „Побѣда“, „Пересвѣтъ“ и „Севастополь“, выходившій изъ прохода.

Эскадра затѣмъ построилась въ слѣдующій строй: „Аскольдъ“, „Баянъ“, „Діана“, „Петропавловскъ“, „Пересвѣтъ“, „Побѣда“, „Новикъ“, пять миноносцевъ и два минныхъ крейсера на лѣвомъ траверзѣ. Подойдя къ входному створу, миноносцамъ сигналомъ было приказано идти въ гавань, а крейсерамъ—вступить въ кильватеръ. Перестроившись, „Петропавловскъ“, находясь головнымъ, повернулъ на остъ и сталъ склоняться вправо къ непріятелю. Въ 9 час. 43 мин. у праваго борта „Петропавловска“ послѣдовалъ взрывъ, затѣмъ второй подъ мостикомъ, болѣе сильный съ густымъ высокимъ столбомъ желто-зеленаго дыма, при чемъ фокъ-мачта, труба, мостикъ и башня поднялись къ верху. Броненосецъ накренился на правый бортъ, корма приподнялась, оголивъ работавшій на воздухѣ винтъ, и „Петропавловскъ“, объятый весь пламенемъ, не болѣе какъ черезъ 2 мин. потонулъ, погрузившись носомъ. Часть людей спаслась на ютѣ. Крейсеру „Гайдамакъ“, находившемуся въ одномъ кабельтовѣ отъ „Петропавловска“, своими шлюпками и прямо съ крейсера удалось спасти Его Императорское Высочество Великаго Князя Кирилла Владиміровича, 2-хъ офицеровъ и 47 человѣкъ команды. Подоспѣвшіе миноносцы и шлюпки съ „Полтавы“ и „Аскольда“ также спасали людей. Всего спасено офицеровъ 7, нижнихъ чиновъ 73. Слѣдовавшій въ кильватерѣ въ 2-хъ кабельтовыхъ броненосецъ „Полтава“ застопорилъ машину и оставался на мѣстѣ гибели. По сигналу младшаго флагмана контръ-адмирала князя Ухтомскаго, остальные суда пошли ко входу, перестраиваясь въ кильватеръ „Пересвѣту“. Пересѣкая линію створа, подъ правымъ бортомъ броненосца „Побѣда“ послѣдовалъ взрывъ миной.

Броненосецъ накренился, но продолжалъ путь и вошелъ въ гавань, а за нимъ всѣ остальные суда. Непріятель продолжалъ держаться въ виду до 3-хъ часовъ и удалился. Ночью, предшествовавшей выходу эскадры, были замѣчены вдали на рейдѣ огоньки и силуэты судовъ, при чемъ командующій флотомъ лично наблюдалъ до утра за всѣмъ происходившимъ съ дежурнаго крейсера „Діана“, стоявшаго на наружномъ рейдѣ на бочкахъ, и съѣхалъ съ него въ 4 часа утра.

Въ заключеніе пріемлю смѣлость всеподданнѣйше доложить, что, не взирая на неудачи, постигшія тихо-океанскій флотъ, духъ команды остается на высотѣ своего долга и высокомиловиднаго слова Вашего Императорскаго Величества, обращеннаго къ морякамъ въ тяжелую минуту испытаній, служить высокимъ утѣшеніемъ и поддержкою всему личному составу въ его трудахъ, направленныхъ къ преодолѣнію врага во славу возлюбленнаго Монарха и отечества“.

Въ японской версіи катастрофа эта описывается слѣдующимъ образомъ. По сообщенію агентства Вольфа (нѣмецкое) изъ Токио, адмиралъ Того доноситъ:

„Соединенный флотъ, согласно заранѣе составленной диспозиціи, произвелъ 29-го марта восьмое нападеніе на Портъ - Артуръ. Четвертая и пятая флотилія контръ-миноносцевъ и 14-я флотилія миноносокъ (Коріомару) достигли входа на рейдъ въ полночь съ 29-го на 30-е марта. Не смотря на свѣтъ русскихъ прожекторовъ, японскимъ судамъ удалось разбросать въ разныхъ мѣстахъ мины. Вторая флотилія контръ-миноносцевъ открыла 30-го, на разсвѣтѣ, одинъ русскій контръ-миноносецъ, пытавшійся достигнуть порта. Послѣ 10-ти-минутнаго боя русскій контръ-миноносецъ былъ потопленъ. Для спасенія команды не было времени, такъ какъ приближался крейсеръ „Баянъ“. Затѣмъ былъ открытъ второй русскій контръ-миноносецъ, приближавшійся отъ Ляотешана. Онъ также былъ атакованъ, но укрылся въ гавани. Третья эскадра достигла внѣшняго рейда Портъ-Артура въ 8 ч. утра. „Баянъ“ открылъ по ней огонь. Ему немедленно послѣдовали „Новикъ“, „Аскольдъ“, „Діана“, „Петропавловскъ“, „Побѣда“ и „Полтава“, пошедшіе на насъ въ атаку. Наша третья эскадра умышленно отвѣчала на огонь русскихъ медленнымъ огнемъ и понемногу отходила до тѣхъ поръ, пока не завлекла непріятели примѣрно на 15-ти мильное разстояніе къ востоку. Тогда подошла наша первая эскадра, увѣдомленная по беспроволочному телеграфу, и внезапно перешла въ наступленіе. Во время попытки русскихъ достичь гавани, одинъ линейный корабль типа „Петропавловскъ“ наскочилъ на поставленную нами въ предыдущую ночь мину и затонулъ въ 10 час. 32 мин. утра. Второе большое судно, повидимому, было выведено изъ строя, но за смятеніемъ, возникшимъ

среди русских судовъ, мы не могли узнать поврежденный корабль. Наконецъ, русскія суда достигли гавани. Наша третья эскадра не получила никакихъ поврежденій; потери русскихъ, за исключеніемъ упомянутыхъ, должны быть также ничтожны. Наша первая эскадра не входила въ сферу огня. Въ часъ пополудни весь нашъ флотъ отошелъ, чтобы подготовиться къ новому нападению. Перваго апрѣля весь нашъ флотъ снова направился къ Портъ-Артуру. 2-я, 4-я и 5-я флотилія контръ-миноносцевъ и 9-я флотилія миноносковъ достигли порта въ 3 ч. утра, третья эскадра въ 9 ч. утра. Мы открыли 3 мины, поставленныя русскими, и уничтожили ихъ. Крейсера „Ниссинъ“ и „Кассуга“ были направлены къ западу отъ Ляотешана и открыли перекидной огонь, длившійся два часа. Эти суда были впервые въ дѣлѣ. Новые форты на Ляотешанѣ были къ концу боя приведены къ молчанію. Нашъ флотъ отошелъ отъ Портъ-Артура въ 1 ч. 30 м. пополудни“.

Здѣсь донесеніе японскаго адмирала захватываетъ событіе и послѣдующихъ ближайшихъ дней. Что же касается самого историческаго дня 31 марта, то по донесенію Того катастрофа съ русскимъ броненосцемъ произошла вслѣдствіе укладки японцами въ ночь съ 30 на 31 марта вокругъ Портъ-Артура минъ загражденія, его блокирующихъ. Возможно, что „Петропавловскъ“, а за нимъ и „Побѣда“ наскочили на собственные мины, отнесенныя теченіями и приливами. Существуетъ предположеніе и о взрывѣ подводными лодками, которыя должны были получить японцы изъ Америки. Какіе бы ни были причины катастрофы 31 марта, несомнѣнно одно, что русскія морскія силы на Дальнемъ Востокѣ лишились въ этотъ день окончательно одного броненосца и одного миноносца и временно еще одного броненосца. вмѣсто семи броненосцевъ въ строю портъ-артурской эскадры, осталось только три. Кромѣ того, выбыли изъ строя: одинъ крейсеръ I ранга („Варягъ“), одинъ крейсеръ II ранга, одна мореходная лодка, минный транспортъ, два миноносца потопленныхъ и два поврежденныхъ.

Вышеупомянутое донесеніе адмирала Того упоминаетъ о бомбардировкѣ Портъ-Артура 1 апр. Она повторилась 2 апр. Существенныхъ результатовъ не оказалось. По слухамъ, поврежденъ одинъ японскій крейсеръ. Предполагаютъ, что „Ниссинъ“ или „Кассуга“. Затѣмъ отъ 9 апр. имѣется сообщеніе наѣстника слѣдующаго содержанія:

„Всепогоднѣйше доношу Вашему Императорскому Величеству: 9-го апрѣля при постановкѣ миннаго загражденія съ паровыхъ шлюпокъ отъ преждевременнаго взрыва одной мины подъ кормою шлюпки погибли минный лейтенантъ Петръ Пелль и 20 нижнихъ чиновъ“.

Послѣ этого печальнаго инцидента, снова омрачившаго дѣ-

тописи портъ-артурской обороны, до 17 апр. изъ Портъ-Артура сообщаютъ, что все спокойно и безъ перемѣнъ.

На мѣсто погибшаго Макарова назначенъ вице-адмиралъ Скрыдловъ, а покуда въ командованіе вступилъ самъ намѣстникъ адмиралъ Алексѣевъ, поднявшій свой флагъ на броненосцѣ „Севастополь“.

III.

На сушѣ отчетный періодъ (съ начала военныхъ дѣйствій и до половины апрѣля, безъ малаго три мѣсяца)—былъ посвященъ обѣими сторонами на сосредоточеніе и транспортъ войскъ и организацію сообщеній и снабженій. Особенно трудную проблему представляло это дѣло для Россіи, у которой базисъ лежитъ за десять тысячъ верстъ и сообщеніе ограничивается одною желѣзною дорогой, не вполне достроенной (кругобайкальскій участокъ) и недостаточно оборудованной для выпавшей на ея долю задачи. Сибирская желѣзная дорога, т. е. линія отъ Волги до Байкала, была оборудована въ расчетѣ на десять паръ поѣздовъ въ сутки (по десяти поѣздовъ въ направленіи на востокъ и столько же въ обратномъ направленіи), изъ которыхъ четыре пассажирскихъ и шесть товарныхъ. Одну пару пассажирскихъ поѣздовъ надлежало оставить для потребностей обширнаго края, а товарные поѣзда надлежало обратить въ пассажирскіе, т. е. перестроить вагоны (устроить скамьи и полки и поставить печи). Нельзя было оставить край безъ товарныхъ поѣздовъ. Для казенныхъ грузовъ тоже нужны были многочисленные товарные поѣзда, а также для нуждъ самой дороги и для усиленія ея оборудованія, а съ тѣмъ вмѣстѣ и ея пропускной способности. Не смотря на возможное ограниченіе товарнаго движенія, сибирская дорога могла къ началу войны дать до Красноярска четыре воинскихъ поѣзда въ сутки, а далѣе до Иркутска даже только три. Принимая во вниманіе, что воинскій поѣздъ долженъ заключать вагоны не только съ людьми, но и съ лошадьми, орудіями, обозомъ, лазаретами, этого было очень мало, и прибытіе ежедневно къ Байкалу только трехъ эшелоновъ войскъ было, конечно, вполне недостаточно. Уже около 1 февр. удалось увеличить движеніе до пяти эшелоновъ, ежедневно прибывающихъ къ Байкалу. Министръ путей сообщенія кн. Хилковъ во „Всеподданнѣйшемъ докладѣ“ отъ 26 марта выражаетъ надежду, что пропускная способность сибирской дороги будетъ увеличена къ лѣту до одиннадцати паръ, а къ осени до тринадцати паръ поѣздовъ въ сутки, что съ весны прибавится одинъ воинскій поѣздъ, а съ осени три въ 'сутки.

Съ Забайкальской жел. дорогой, соединяющей Байкалъ съ манчжурскою дорогой, было еще больше затрудненій. Не свя-

занная съ сибирскою дорогою рельсовымъ путемъ, забайкальская получила свое оборудованіе морскимъ путемъ, который съ началомъ войны былъ прерванъ. Между тѣмъ, пропускная способность забайкальской дороги была еще меньше сибирской, именно всего шесть паръ поѣздовъ. Для увеличенія этой провозоспособности мало было увеличить число разъѣздовъ и станцій (какъ на сибирской). Надо было еще получить значительное число вагоновъ и паровозовъ. Рѣшено было передать ихъ по льду Байкала, для чего была устроена желѣзная дорога по льду этого озера. Оказалось, однако, что ледъ не выдерживаетъ тяжести паровозовъ. Вагоны поэтому передавали конною тягою, а паровозы въ разобранномъ видѣ, собирая ихъ снова на восточномъ берегу Байкала. Такимъ способомъ было передано на забайкальскую дорогу 65 паровозовъ, 25 пассажирскихъ вагоновъ и 2300 воинскихъ, приспособленныхъ изъ товарныхъ. Послѣ этого провозоспособность забайкальской дороги (съ начала апрѣля) усилилась до девяти паръ поѣздовъ, изъ коихъ шесть воинскихъ, т. е. столько же, сколько теперь подаетъ къ Байкалу сибирская дорога. Шестъ эшелоновъ въ день—вотъ что теперь получаетъ Манчжурія, причемъ сначала (въ январѣ) доставлялись три эшелона и ихъ число постепенно усиливалось въ теченіе февраля и марта.

Переправка войскъ черезъ Байкаль совершалась пѣшкомъ или на коняхъ, или даже на саняхъ. По свидѣтельству кн. Хилкова, всѣ прибывавшіе къ станціи Байкаль воинскіе поѣзда сибирской дороги высаживали здѣсь эшелоны, которые послѣ отдыха выступали въ путь черезъ озеро въ промежутокъ между четырьмя и восемью часами утра и прибывали на ст. Танхой Забайкальской дороги въ тотъ же день между тремя часами дня и восемью часами вечера, пробывъ въ пути около двѣнадцати часовъ съ остановкою на два часа на ст. „Середина“ посреди Байкала, чтобы обогрѣться и пообѣдать. Разстояніе—42 версты. Въ одинъ день для пѣшаго движенія это очень не мало, но другого выхода не было. Ходили слухи, что было много случаевъ обмороживанія, но кн. Хилковъ отвергаетъ эти слухи. Во всякомъ случаѣ до половины апрѣля Байкаль не задерживалъ движенія войскъ. Затѣмъ ледъ ослабѣлъ и приходится направлять войска по дорогѣ по берегу Байкала до первой станціи уже готоваго участка Кругобайкальской дороги, откуда уже можно ѣхать въ вагонахъ. Шестъдесятъ верстъ надо пройти пѣшкомъ. Вскорѣ надѣются открыть движеніе и паровыхъ паромовъ-ледоколовъ черезъ Байкаль.

Эта огромная задача передвиженія войскъ изъ Европы на Дальній Востокъ и была главнымъ дѣломъ для русскихъ. Насколько удачно разрѣшится эта нелегкая задача, покажетъ уже недалекое будущее.

Японцы тоже должны были мобилизовать армію и перевезти

ее на материкъ для нападенія на русскихъ. Перевозка на судахъ дѣло очень сложное и требуетъ очень значительнаго числа транспортныхъ судовъ. Однако, захваченное японцами преобладаніе на морѣ очень облегчало эту задачу, такъ какъ позволяло исподволь перевозить по безопасному морскому сообщенію войска по мѣрѣ ихъ мобилизаци, которая почему то замедлилась. Уже 27 января японцы высадили въ Чемульпо 3000 человекъ и заняли, кромѣ Чемульпо, и столицу Кореи, Сеулъ. Высадка продолжалась мало по малу въ Чемульпо, и когда около половины первой арміи уже сосредоточилось у Сеула, командующій этой арміей генераль Куроки двинулся на сѣверъ и занялъ Пенъянъ, придя здѣсь въ первое соприкосновеніе съ русскими казачьими разѣздами. Въстѣ съ тѣмъ японцы прекратили дальнѣйшую высадку въ Чемульпо и перенесли ее въ Цинампо, гавань неподалеку отъ Пенъ яня. Наступая далѣе на сѣверъ къ границамъ Манчжуріи, японцы около 24 февраля перешли рѣку Чинчанчанъ и заняли городъ Аньджу, постоянно имѣя стычки съ казачьими разѣздами. Послѣ нѣкоторой остановки и окончивъ высадку первой арміи (состоитъ изъ трехъ дивизій и трехъ резервныхъ бригадъ), японцы возобновили движеніе, и 15 марта ихъ авангардъ у города Чонъ-Чжу (одна рота пѣхоты и одинъ эскадронъ конницы) столкнулся съ коннымъ отрядомъ ген. Мищенко (пять сотенъ казаковъ). Японскій авангардъ потерпѣлъ пораженіе, но приближеніе подкрѣпленій побудило русскій отрядъ отойти. Этимъ поискомъ было установлено, что для движенія арміи къ манчжурской границѣ японцы избрали западную, ближайшую къ морю, дорогу. Дальнѣйшее движеніе японцевъ снова замедлилось. Тому причиною могла быть порча дорогъ отъ наступленія весны. Въ двѣнадцатыхъ числахъ марта японцы достигли р. Ялу, пограничной съ Манчжуріей. Русскіе конные разѣзды отошли за рѣку, и съ 26 марта по 12 апрѣля начались на берегахъ Ялу и на ея островахъ стычки, часто очень драматическія по обстановкѣ, но не имѣющія серьезнаго значенія для хода дѣла. Около 15—16 апр. часть арміи генерала Куроки перешла Ялу.

Кромѣ первой арміи генерала Куроки, сосредоточившейся въ половинѣ апрѣля на берегахъ Ялу, изъ Японіи выслана и вторая армія подъ командою генерала Оку. Повидимому, она тоже предназначена для дѣйствій на Ялу, но высаживается ли она именно въ устьяхъ этой рѣки у Юнампо, или она высадится нѣсколько сѣвернѣе въ обходъ русскихъ войскъ на Ялу, это еще не выяснилось (есть извѣстія въ обоихъ направленіяхъ). Численность этихъ армій считаютъ одни въ 60 тыс., другіе въ 100 тыс. каждая. Говорятъ еще о третьей арміи генерала Нодзу такой же численности, которая готова къ отплытію изъ Японіи по неизвѣстному назначенію. Четвертая армія останется въ Японіи въ

видѣ резерва для дѣйствующихъ армій, тогда какъ оборону самой Японіи возьметъ на себя ополченіе.

Появленіе русскихъ въ сѣверо-восточной Корей (со стороны Владивостока), нападеніе русской эскадры на Гензанъ и первыя попытки японцевъ къ переправѣ черезъ Ялу указываютъ, что и на сушѣ вскорѣ должны наступить важныя событія. Весьма возможно, что они наступятъ раньше, чѣмъ эти строки попадутъ на глаза читателей.

Въ то время, когда на Дальнемъ Востокѣ возгорѣлась эта кровавая борьба, на Западѣ совершилось великое мирное событіе, которое отразится благотворными послѣдствіями на многіе и многіе годы. Я говорю объ англо-французскомъ соглашеніи. Главныя основы соглашения: Франція признаетъ прибрѣтенное Англійей положеніе въ Египтѣ въ обмѣнъ за включеніе Англійей Марокканской имперіи въ сферу французскихъ интересовъ, своего рода протектората надъ Марокко; французскія рыболовныя права въ Нью-Фаундлендѣ англичане выкупаютъ (чего давно добивались); на Нигерѣ французы получаютъ право навигаціи въ предѣлахъ англійской Нигеріи; подтверждена нейтрализація Суэцкаго канала; въ Сіамѣ подтверждается франко-сіамская конвенція. Иначе говоря, всѣ вопросы, касающіеся только Англии и Франціи и ихъ раздѣлявшіе, этими конвенціями согласованы. Я думаю, что мы будемъ имѣть случай возвратиться къ этому событію. Гораздо менѣе значенія имѣетъ болгаро-турецкое соглашеніе, потому что, повидимому, обѣ стороны не искренни въ своихъ обѣщаніяхъ.

С. Южановъ

Наши журналы и газеты.

(„Образованіе“, „Міръ Божій“, „Гражданинъ“).

Дошедшія до насъ отъ первобытнаго человѣка традиціи культа предковъ заставляютъ насъ и теперь понижать голосъ въ домѣ покойника. Но не эти традиціи сковываютъ языкъ литературнаго обозрѣвателя въ „осиротѣломъ Русскомъ Богатствѣ“, хотя человѣкъ, бывшій душою журнала, будетъ, несомнѣнно, разсматриваться въ исторіи русской мысли и общественности какъ родоначальникъ и инициаторъ одного изъ сильнѣйшихъ идейныхъ теченій пореформенной Россіи. Не эти, говорю, традиціи, а сознательное чувство недовольства своими силами, рокового контраста, которое овладѣваетъ вами, когда вамъ приходится хоть отчасти

касаться области, на которую наложилъ такую яркую печать индивидуальности Н. К. Михайловскій: я разумѣю обзорѣе жизни и литературы, освѣщеніе явленій дѣйствительности и явленій сознанія въ той тѣсной связи, въ какой находятся эти два міра и какую еще болѣе подчеркивалъ несравненный талантъ мыслителя-публициста.

Нѣкій литературный остроумецъ, — нынѣ, впрочемъ, уже переставшій быть остроумцемъ, — думалъ сѣронизировать надъ Михайловскимъ, назвавъ его еще въ концѣ 70-хъ годовъ „алмазомъ, отграненнымъ въ Горномъ корпусѣ“. — Изъ устъ остроумца вырвалась сама истина. Мы можемъ оставить въ сторонѣ вліяніе офіціального учрежденія, которое отграничало не однихъ Михайловскихъ, а и такіе своеобразные продукты, такіе „конгломераты“ отечественныхъ росыпей, образчикомъ какихъ является хотя бы г. Скальковскій, коллега и со-новременникъ упомянутаго ех-остроумца. За то слово „алмазъ“ какъ нельзя лучше подходитъ къ изображенію природныхъ особенностей таланта Михайловскаго, необыкновенно твердаго, беспощадно рѣжущаго и въ то же время блистательно отражающаго весь широкій міръ Божій и отливающаго всѣми цвѣтами радуги. Да, много граней въ этомъ алмазѣ, и одною изъ самыхъ прекрасныхъ и ослѣпительныхъ является публицистическая сторона. Дѣйствительно, „Литературныя и журнальныя замѣтки“ и „Записки профана“, „Письма современника“ и „Письма посторонняго“, „Дневникъ читателя“ и „Литература и жизнь“ представляютъ исключительный интересъ въ русской печати и даютъ незамѣнимый матеріалъ для исторіи нашего общественнаго развитія.

Можно смѣло сказать, что если бы какая нибудь гигантская катастрофа стерла съ лица земли всю литературу пореформенной Россіи и изгладила изъ памяти людей исторію этой эпохи, то съ публицистическими статьями Михайловскаго въ рукахъ мы могли бы возстановить всѣ главнѣйшія явленія этого періода. И ни одинъ изъ общественныхъ и литературныхъ фактовъ, дѣйствительно волновавшихъ сознаніе великой страны, не остался бы внѣ поля нашего изслѣдованія и даже просто въ тѣни. И какая несравненная форма въ этой своеобразной исторіи русской культуры! Кто не изучалъ внимательно этого единственнаго въ своемъ родѣ писателя, тотъ не можетъ даже путемъ и представить себѣ, какое неистощимое богатство, не говорю уже мыслей, но крайне любопытныхъ и чрезвычайно интересно рассказанныхъ фактовъ заключается въ литературно-общественной лѣтописи, которую сорокъ лѣтъ велъ философъ-публицистъ.

Одинъ изъ крупнѣйшихъ европейскихъ критиковъ выразился однажды такъ:

... Великая поэма, прекрасный романъ, исповѣдь замѣчательнаго чело-
вѣка болѣе поучительны, чѣмъ груда историковъ и исторій; я отдалъ бы
пятьдесятъ томовъ хартій и сто томовъ дипломатическихъ документовъ за
мемуары Челлини, посланія св. Павла, застольные разговоры Лютера или ко-
медіи Аристофана...

Я думаю, публицистическая дѣятельность Михайловскаго
является именно тою „исповѣдью замѣчательнаго чело-
вѣка“, за которую не жалко отдать цѣлыя горы архивной трухи; исповѣдью,
которая, сверхъ того, въ противоположность наивному или раз-
считанному цинизму влюбленныхъ въ себя автобіографовъ, ка-
сается личной жизни пишущаго лишь постольку, поскольку она
связана съ общественною жизнью, а главнымъ образомъ является
именно изображеніемъ и оцѣнкою этой жизни.

Много горестныхъ и радостныхъ, крупныхъ и мелкихъ, но
типичныхъ, при всей мелкотѣ своей, событій пронеслось передъ
глазами того въ высокой степени оригинальнаго лѣтописца рус-
ской общественности, какимъ былъ Михайловскій, рѣзко отли-
чавшійся отъ типа безстрастнаго исторіографа и собирателя до-
кументовъ. Этотъ, какъ извѣстно,

... точно дьякъ, въ приказахъ посѣдѣлый,
Спокойно зрѣть на правыхъ и виновныхъ,
Добру и злу внимая равнодушно,
Не вѣдая ни жалости, ни гнѣва.

Михайловскій же былъ весь—гнѣвъ и весь жалость. Онъ слу-
жилъ цѣлую жизнь свою добру и цѣлую жизнь боролся со зломъ.
Онъ грудью защищалъ правыхъ и безстрашно клеймилъ винов-
ныхъ. Онъ могъ бы вполне примѣнить къ своей бичующей дѣя-
тельности слова все того же великаго поэта:

А вы, ребята-подлецы,
Впередь! Всю вашу сволочь буду
Я мучить казнію стыда,
А если же кого забуду —
Прошу напомнить, господа!
О, сколько лицъ безстыдно-блѣдныхъ,
О, сколько лбовъ широко-мѣдныхъ
Готовы отъ меня принять
Неизгладимую печать!..

Но, странное дѣло, не смотря на кипящую страстность своей
лѣтописи, не смотря на глубоко субъективный характеръ своихъ
оцѣнокъ, Михайловскій отличался необыкновенною правдивостью
и точностью въ изображеніи объективнаго положенія вещей. Вы
могли рѣзко не соглашаться съ нимъ въ его отзывахъ, могли
негодовать на его приговоры: въ той части его лѣтописи, гдѣ
онъ былъ занятъ фактической стороною дѣла, вы крайне рѣдко
могли найти ошибку. Онъ чрезвычайно точно передавалъ обстоя-
тельства какого нибудь крайне волновавшаго его событія; онъ съ

необыкновенной добросовѣстностью и пониманіемъ излагалъ взгляды своего заклятаго литературнаго врага или ненавистнаго ему общественнаго дѣятеля. Его фактическія ошибки такъ малочисленны, что удивляли прежде всего самихъ же его противниковъ. И самъ Михайловскій считалъ своимъ долгомъ возможно скорѣе исправить оплошность.

Вотъ это-то рѣдкое сочетаніе двухъ элементовъ,—глубокаго и добросовѣстнаго анализа явленій и страстнаго общественнаго аффекта,—и дѣлаетъ чтеніе литературной лѣтописи, этой публицистической исповѣди Михайловскаго, высоко поучительнымъ. Въ продолженіе четырехъ десятковъ лѣтъ множество и крупныхъ идейныхъ теченій, и перебивающихся идейныхъ волнъ останавливало на себѣ вниманіе мыслителя-публициста. И такъ какъ его тонкое чутье и колоссальный талантъ инстинктивно тяготѣли къ изображенію и оцѣнѣ такихъ лицъ и группъ, которыя являлись наиболѣе характернымъ выраженіемъ упомянутыхъ теченій, то публицистическія произведенія Михайловскаго представляютъ собою богатѣйшую коллекцію общественныхъ и индивидуальныхъ типовъ. И ее вы проходите съ необыкновенно интереснымъ проводникомъ, объясняющимъ вамъ на этихъ конкретныхъ примѣрахъ особенности русской общественной эволюціи.

Въ заключеніе своей столь умной и вмѣстѣ столь художественно написанной статьи о Тургеневѣ, Михайловскій рисуетъ фантастическую картину, какъ герои и героини, созданные великимъ русскимъ романистомъ, сошлись поклониться праху создавашаго ихъ писателя. Эта фантастическая картина была бы совершенно у мѣста и надъ свѣжей могилой философа-публициста, ибо въ его критическихъ и общественныхъ статьяхъ вы найдете цѣлую массу художественно конструированныхъ образовъ и типовъ тѣхъ „представительныхъ людей“, representative men, какъ говорятъ англичане,—которые выражаютъ идейныя и жизненныя теченія эпохи. И, говоря такъ, я разумѣю не только собирательные типы, но и тѣ конкретныя личности, которыя жили или еще живутъ между нами и которыя прошли передъ анализирующимъ и чувствительнымъ аппаратомъ публициста, навсегда закрѣпившаго въ литературѣ ихъ характерныя черты,—мало того, превратившаго этихъ конкретныхъ людей въ истинно художественные типы. Ко гробу великаго публициста пришлось бы протолкаться на этой фантастической процессіи не только „мѣднымъ лбомъ“ и „варенымъ душамъ“ и „гамлетизированнымъ пороссятамъ“, и литературнымъ „Иудушкамъ“, но и тѣмъ реальнымъ людямъ, тѣмъ дѣятелямъ и дѣльцамъ нашей пороку трагической, но болѣе частью сѣрой и унылой жизни, которые во всей тѣлесности своей выражали эти общественно-психологическія категоріи. Въ этомъ смыслѣ со страницъ публицистическихъ произведеній Михайловскаго смотреть на читателя цѣлый міръ фигуръ и обра-

зовъ, въ которомъ абстрактныя типы и конкретныя личности такъ же переплетаются между собою и примѣшиваются одни къ другимъ, какъ на картинахъ живописцевъ-романтиковъ съ рядами реальныхъ борцовъ сливаются фантастическіе ряды сражающихся же боговъ и душъ павшихъ воиновъ. Чего стоить одні характеристики Евгенія Маркова, Чичерина, г. Юлія Жуковскаго, г. Буренина, г. Меньшикова! Но, съ другой стороны, гдѣ можно найти лучшую оцѣнку гениальныхъ или просто замѣчательныхъ дѣятелей нашей литературы,—Достоевскаго, Тургенева, Некрасова, Елисеева, Шелгунова, Успенскаго, Льва Толстого? А затѣмъ всѣ эти носители „мѣднаго таза“ либерализма и Иваны Непомнящіе, и Иванушки-Дурачки, и „умные люди“ реакціи 80-хъ годовъ, какъ, опять-таки съ другой стороны, „кающіеся дворяне“ и цѣлый рядъ аватаровъ, воплощавшихъ лучшую часть русской интеллигенціи въ различные моменты ея скорбнаго существованія!..

Да, чѣмъ больше будетъ отодвигаться отъ насъ фигура этого несравненнаго лѣтописца и біографа типовъ, чѣмъ болѣе будетъ затихать вокругъ нея шумъ страстныхъ полемикъ дня, тѣмъ вѣрнѣе отдадутъ себѣ отчетъ въ ея величіи тѣ люди, которымъ, не смотря на второстепенныя различія взглядовъ, одинаково дороги интересы новой Россіи, сквозь терніи и туманы пробирающейся къ свѣту и счастью. Съ этой точки зрѣнія я обращаю вниманіе читателей на прочувствованныя статьи, посвященныя памяти Н. К. Михайловскаго г. А. Б. въ мартовской книжкѣ „Міра Божія“ и г. Ашешовымъ въ февральской книжкѣ „Образованія“.

Вотъ что говоритъ авторъ „Критическихъ Замѣтокъ“ въ „Мірѣ Божіемъ“:

Смерть Николая Константиновича Михайловскаго — самое крупное и самое тяжкое событіе въ литературѣ. Подъ впечатлѣніемъ этой неожиданной и великой утраты мысль замираетъ и не можетъ опомниться отъ неожиданности, что вдругъ не стало человѣка, который въ теченіе сорока почти лѣтъ стоялъ во главѣ нашей журналистики, какъ признанный вождь и руководитель въ важнѣйшихъ вопросахъ общественности и критики...

... Рѣдко такое сочетаніе силъ, какое такъ счастливо олицетворялъ въ себѣ покойный. Философъ русской жизни, публицистъ несравненной силы пера, неутомимый журналистъ, глубокий и разносторонній ученый, борець за правду и справедливость, непоколебимый общественный дѣятель, не знавшій сдѣлокъ съ честью и совѣстью,—это ли не рѣдчайшій типъ писателя, дѣятеля и человѣка? И при томъ—удивительный работникъ, черта, какъ-то не вяжущаяся съ представленіемъ о русскомъ человѣкѣ...

... Онъ былъ такъ счастливъ, что сразу, въ дни молодости, нашель основы своего міросозерцанія и донесъ ихъ неизмѣнными до могилы. Въ одномъ ему отказала судьба — увидѣть ихъ осуществленіе въ жизни, когда онъ могъ бы сказать съ полнымъ правомъ про себя: „нынѣ отпускаеши“... Съ той высоты, на которой онъ стоялъ по проникновенной мысли, по уму-

дряющему опыту и знанію людей, онъ видѣлъ вблизи обѣтованную землю, но, какъ Моисею, ему не дано было войти въ нее...

Его не стало. Но духъ его живетъ и будетъ жить, пока существуетъ русская литература, на страницахъ которой имя Михайловскаго выписано негнѣбными знаками вслѣдъ за именами Бѣлинскаго, Добролюбова и Чернышевскаго. Ихъ завѣты онъ впиталъ въ себя, свято соблюдая ихъ всю жизнь, и передалъ послѣдующимъ поколѣніямъ, всю жизнь примѣромъ своимъ поучая, какъ надо жить и ... умирать ... („Миръ Божій“, мартъ, стр. 10—13 и слѣд.).

Г. Апешовъ, въ статьѣ котораго больше оговорокъ, какъ больше цвѣтовъ и узоровъ, пишетъ, однако, въ свою очередь:

Помимо громадной эрудиціи, блестящаго критико-публицистическаго характера, ѣдкаго остроумія, Н. К. былъ силой, прежде всего, удивительно *жизненной*. Въ своихъ произведеніяхъ онъ замѣчательно умѣлъ концентрировать самые насущные, самые близкіе, самые жизненные интересы общества семидесятихъ годовъ, глубоко волновавшагося и переживавшаго періодъ перестройки своего міросозерцанія и согласной съ нимъ планомѣрной практической дѣятельности. Михайловскій явился истолкователемъ основныхъ потребностей и идей времени и въ то же время создателемъ стройной, гармонизировавшей съ жизнью теоріи, послужившей спасительнымъ маякомъ для наибольшей части общества и его программой. Два русла, по которому текли направленія русской мысли („Современникъ“ и „Русское Слово“) слились въ одно широкое и крупное, въ „Отеч. Зап.“, благодаря преимущественно Михайловскому, какъ теоретика и истолкователю новыхъ настроеній жизни...

Адвокатъ личности, пламенный защитникъ индивидуальнаго развитія гармонически цементируетъ индивидуализмъ съ всепоглащающей альтруистической работой на благо народа—всѣхъ его трудящихся классовъ — ради преобразования социальныхъ формъ въ совершеннѣйшія...

Трудно перечислить всѣ области науки, литературы, критики, публицистики, въ которыхъ работалъ покойный. Нервный, отзывчивый, тонко улавливавшій тоны жизни, онъ откликался на все глубокое и интересное и всѣмъ этимъ откликамъ придавалъ оригинальность и своеобразную красоту, благодаря индивидуальной манерѣ письма, остротѣ и благородству мысли, смѣлости и беспощадности. Но во всѣхъ отрасляхъ слова, гдѣ онъ работалъ, Михайловскій оставался неизмѣннымъ борцомъ, прежде всего, за высшіе коллективные идеалы.

Идя въ теченіе 42 лѣтъ по боевому пути литературы, онъ ни разу не выронилъ знамени, ни разу не запятналъ его. Семидесятие годы были расцвѣтомъ его слова и вліянія. Послѣдующіе періоды не могутъ въ этомъ отношеніи сравняться съ предыдущимъ. Дальнѣйшія фазы общественно-литературныхъ движеній выдвинули на сцену новые запросы, новыя теченія, борьбу новыхъ интересовъ. Но старый гвардеецъ шелъ своимъ путемъ, неуклонно-честнымъ путемъ защиты высокихъ стремленій челоуѣка, его свободы, независимости и всесторонняго гармоничнаго счастья при всеобщемъ счастьи... Вся работа писателя оставила колоссальный слѣдъ въ литературѣ и общественности, и его яркая фигура съ „дивной красотой покаянія“ и дивной красотой успокоившейся лишь въ могилѣ активности будетъ однимъ изъ самыхъ гордыхъ воспоминаній нашей литературы.

Эпоха шестидесятихъ годовъ выдвинула цѣлый рядъ блестящихъ дѣятелей; ихъ можно назвать, какъ называлъ Некрасовъ Н. Милютинъ — „кузнецами-гражданами“: Михайловскій выковывалъ на наковальнѣ своего таланта идеи гражданственности на широкой научной базѣ.

Типичный сынъ великой весны нашей исторической жизни, онъ донесъ улыбку этой весны до могилы и умеръ съ застывшимъ словомъ о молодежи,

которую любилъ и изъ которой когда-то рекрутировалась основная армія читателей его слова и дѣлателей по его слову („Образованіе“, февраль стр. 63—66 и слѣд.).

Я выбрасываю пока изъ приведенной цитаты нѣкоторыя оговорки, какъ потому, что не хотѣлось пестрить и усложнять ими эту, въ общемъ исполненную симпатіи и уваженія къ великому покойнику, оцѣнку, такъ и потому, что желаю сказать о нихъ нѣсколько словъ особо. Читатель, во всякомъ случаѣ, можетъ съ достаточною ясностью видѣть, что смерть Михайловскаго начинается раскрывать глаза на истинное значеніе философа-публициста тѣмъ еще недавно его идейнымъ противникамъ, которые, расходясь съ нимъ, повторяю, во второстепенныхъ, хотя и важныхъ сами по себѣ сторонахъ міровоззрѣнія, стояли съ Михайловскимъ на одной общей точкѣ зрѣнія. Эта точка зрѣнія именно та, которую г. Ашешовъ характеризуетъ словами: „защита высокихъ стремленій чловѣка, его свободы, независимости и всесторонняго гармоничнаго счастья при всеобщемъ счастье“. И, я глубоко увѣренъ,—когда уляжется пыль, поднятая борьбой братьевъ-враговъ демократическаго лагеря, мыслящій наблюдатель найдетъ, что разными путями, разными траншеями, и порою увлекаясь междуусобной перестрѣлкой, но „священная армія прогресса“, которую воспѣвалъ еще Викторъ Гюго, все же значительно подвинулась впередъ и въ Россіи...

А теперь къ оговоркамъ. Чтобы дать понятіе объ особенностяхъ міровоззрѣнія Михайловскаго, г. Ашешовъ цитируетъ знаменитое, столько разъ уже трепаншееся кстати и не кстати, мѣсто изъ „Литературныхъ и журнальныхъ замѣтокъ“ 1873 г.:

Мы не виновны въ этихъ страданіяхъ (т. е. страданіяхъ народа), не виноваты и въ томъ, что воспитывались на его счетъ, какъ не виноваты яркій ароматный цвѣтокъ въ томъ, что онъ поглащаетъ лучшіе соки растенія. Но, принимая эту роль цвѣтка изъ прошедшаго, какъ нѣчто фатальное, мы не хотимъ ея въ будущемъ... Для „общечеловѣка“, для *citoyen'a*, для чловѣка, вкусившаго плодовъ общечеловѣческаго древа познанія добра и зла, ничего не можетъ быть соблазнительнѣе свободы политической, свободы совѣсти, слова устнаго и печатнаго, свободы обмѣна мыслей, политическихъ сходовъ, и проч. И мы желали этого, конечно. *Но если все связанная съ этой свободой права должны протянуть для насъ роль яркаго и ароматнаго цвѣтка, мы не хотимъ правъ и этой свободы* (курсивъ г. Ашешова). Да будутъ они прокляты, если они не только не дадутъ намъ возможности расчитаться съ долгами, но еще увеличатъ ихъ.

Приведа эту цитату, г. Ашешовъ говоритъ нѣсколько словъ отъ себя и переходитъ къ другой цитатѣ изъ Михайловскаго:

Признавая возможнымъ сдѣлать прыжокъ въ будущее, писатель видѣлъ эту возможность въ „непосредственномъ переходѣ къ лучшему, высшему порядку, минуя среднюю стадію европейскаго развитія, стадію буржуазнаго государства. „Мы вѣрили, что Россія можетъ проложить себѣ новый историческій путь, особый отъ европейскаго, при чемъ опять таки для насъ

важно не то было, чтобы это был какой-то национальной путь, а чтобы он был путь хороший, а хорошим мы признавали путь сознательной, практической пригонки национальной физиономии к интересам народа. Предполагалось, что некоторые элементы наличных порядков, сильные либо властью, либо своею многочисленностью, возьмут на себя почин проложения этого пути“.

Послѣ этой выдержки г. Ашешовъ продолжаетъ уже цѣликомъ отъ себя:

Въ этихъ словахъ вылились цѣликомъ семидесятые годы, обрисовалась рѣзкими опредѣляющими чертами ихъ физиономія и ихъ двойственная программа. Непримируемая формула „все для народа“ не допускала никакихъ изъятій. Она доходила до отрицанія правъ, санкціонируя лишь великія обязанности (и забывая при этомъ, что послѣднія могли существовать и прилагаться только при наличности первыхъ и что отреченіе во всякомъ случаѣ могло быть производимо лишь за свой счетъ, а не и за счетъ народа). Они, воздвигая памятникъ своей совѣсти, создавали триумфъ любви къ массѣ. И ради этого триумфа допускали утопическіе прыжки въ будущее. Преклоняясь предъ народомъ, они въ то же время преклонялись и предъ личностью, сильною своею властью. Властные личности, взявъ власть, могли вести всѣхъ въ земной рай.

Мы дѣлаемъ здѣсь нѣкоторую сводку идей 70-хъ годовъ не съ цѣлью критики, а съ цѣлью ихъ характеристики и обрисовки. Въ перспективѣ прошлаго легко критиковать, легко усматривать изъяны и промахи. Но дѣло не въ критикѣ, а въ ихъ оцѣнкѣ съ точки зрѣнія жизненнаго соотвѣтствія.

Въ общественномъ отношеніи эта работа Михайловскаго, бѣгло нами очерченная, сыграла громадную роль. Она была кислородомъ для общественнаго организма, бодрящимъ, энервирующимъ (?), подымающимъ. И теперь, когда сердце писателя разорвалось подъ гнетомъ громадной работы, нужно прежде всего почтить въ немъ крупную силу, давшую русскому обществу семидесятыхъ годовъ квинтъ-эссенцію его мыслей и указавшую твердой рукой пути исканія правды.

Друзья и почитатели Н. К. Михайловскаго, конечно, должны быть въ общемъ довольны той характеристикой, которую заключаетъ въ себѣ эта, данная г. Ашешовымъ, историческая оцѣнка значенія славнаго писателя. Но въ ней, къ сожалѣнію, допущено такое крупное недоразумѣніе, которое можетъ быть объяснено лишь спѣшностью журнальной некрологической замѣтки и которое не должно быть пройдено молчаніемъ со стороны всѣхъ тѣхъ, чьи стремленія съ такимъ блескомъ и силою выражалъ Михайловскій. Недоразумѣніе это таково. Въ первой цитатѣ, изъ Михайловскаго, относящейся къ началу 70-хъ годовъ, г. Ашешовъ по праву подчеркиваетъ основную мысль этого народническаго періода, особенно энергично схваченную въ словахъ „если всѣ связанна съ этой свободой права должны протянуть для насъ роль яркаго и ароматнаго цвѣтка, мы не хотимъ правъ и этой свободы“.

Таково было, дѣйствительно, настроеніе и, если можно такъ выразиться, политическое credo эпохи. Но дальше г. Ашешовъ дѣлаетъ уже вторую выдержку изъ Михайловскаго, предпосылая

ей,—какъ мы уже отмѣтили это,—слова: „признавая возможнымъ сдѣлать прыжокъ въ будущее, писатель видѣлъ эту возможность въ „непосредственномъ переходѣ къ лучшему, высшему порядку“... „Мы вѣрили, что Россія можетъ проложить себѣ новый историческій путь, особый отъ европейскаго“, и т. д. И, продолживъ эту цитату еще въ нѣсколькихъ строкахъ, г. Ашешовъ сопровождаетъ ее уже своей оцѣнкой 70-хъ годовъ, замѣчая что „формула“ ихъ „доходила до отрицанія правъ, санкціонируя лишь великія обязанности“—и „забывая при этомъ, что послѣднія могли существовать и прилагаться только при наличности первыхъ и что отреченіе во всякомъ случаѣ могло быть производимо лишь за свой счетъ, а не и за счетъ народа“.

Замѣчаніе это совершенно вѣрно, и въ настоящее время никто не оспариваетъ его. Всѣ мы, наоборотъ, очень рады, — и, конечно, г. Ашешовъ въ томъ числѣ, — что эта почти аксіома вошла таки въ сознаніе русской демократической мысли. Но кому же, однако, принадлежитъ первая рельефная формулировка этого положенія, — и формулировка, замѣтите, не съ точки зрѣнія людей, смотрѣвшихъ въ „мѣдный тазъ либерализма“, а съ точки зрѣнія именно искреннихъ друзей народа? Какъ разъ тому самому писателю, котораго цитируетъ г. Ашешовъ; и находится-то она какъ разъ въ той статьѣ, выдержки изъ которой приводитъ авторъ некрологической замѣтки. Откуда, въ самомъ дѣлѣ, взята вторая цитата г. Ашешова? Изъ „Литературныхъ замѣтокъ“ Михайловскаго, появившихся въ „Отечественныхъ Запискахъ“ въ сентябрѣ 1880 г. Уже самая форма „мы вѣрили“, „предполагалось“ и т. д. показываетъ, что для славнаго философа-публициста точка зрѣнія начала 70-хъ годовъ была въ то время оставленнымъ штандпунктомъ. И странно, почему г. Ашешовъ обрываетъ свою цитату какъ разъ на томъ мѣстѣ, съ котораго начинается, можно сказать, обоснованіе новой общественной программы русской интеллигенціи. Пусть прислушается читатель къ этимъ историческимъ словамъ. Итакъ:

Предполагалось, что нѣкоторые элементы наличныхъ порядковъ, сильные либо властью, либо своею многочисленностью, возьмутъ на себя починъ проложенія этого пути. Это была возможность. Теоретическою возможностью она остается въ нашихъ глазахъ и до сихъ поръ. Но она убываетъ, можно сказать, съ каждымъ днемъ. Практика урѣзываетъ ее безпощадно, сообразно чему наша программа осложняется, оставаясь при той же конечной цѣли, но выработывая новыя средства... Та теоретическая возможность, въ которую мы всю душу свою клали, только на этихъ элементахъ... и могла быть построена... Но если между этими элементами протискивается всемогущій братскій союзъ мѣстнаго кулака съ мѣстнымъ администраторомъ, то наша теоретическая возможность обращается въ простую иллюзію, а вмѣстѣ съ тѣмъ отреченіе отъ элементарныхъ параграфовъ естественнаго права теряетъ всякій смыслъ. Очевидно, никому отъ этого отреченія ни тепло, ни холодно, кромѣ отрекающихся, которымъ холодно, и всемогущаго братскаго союза, которому тепло. Да, ему тепло, и въ этомъ корень вещей. Оказывается, что если евро-

пейскія учрежденія не гарантируютъ народу его куска хлѣба, и есть тамъ „милліоны голодныхъ ртовъ отверженныхъ пролетаріевъ“ (фраза Достоевскаго въ „Дневникѣ Писателя“, съ которымъ ведетъ здѣсь полемику Михайловскій. В. П.) рядомъ съ тысячами жирныхъ буржуа, то наши наличные порядки фактически тоже ничего не гарантируютъ, кромѣ акриды и дикаго меду для желающихъ или не желающихъ ими питаться. Грубѣе, разумѣется, все это у насъ выходитъ, наглѣе, безформеннѣе, но, спрашивается, какого добраго почина не задавить всемогущій братскій союзъ, пока мы только себя въ себѣ искать будемъ?.. Въ отношеніи аппетита, наглости и фактическаго могущества, нашъ союзъ никакимъ европейскимъ буржуа не уступить. И какъ же, значить, запоздалъ г. Достоевскій и комп. съ своимъ хихиканьемъ надъ Западомъ! Вотъ, если бы онъ протестовалъ тогда, когда нашъ союзъ только еще слагался—то другое дѣло, а онъ хладнокровно присутствовалъ при снятіи головы и теперь плачетъ по волосамъ... Ахъ, господа, дѣло, въ сущности, очень просто. Если мы, въ самомъ дѣлѣ, находимся наканунѣ новой эры, то нуженъ прежде всего свѣтъ, а свѣтъ есть безусловная свобода мысли и слова, а безусловная свобода мысли и слова невозможна безъ личной неприкосновенности, а личная неприкосновенность требуетъ гарантіи. Какія это будутъ гарантіи — европейскія, африканскія, „что Литва, что Русь-ли“—не все ли это равно, лишь бы онѣ были гарантіями? Надо только помнить, что новая эра очень скоро обветшаетъ, если народу отъ нея не будетъ ни тепло, ни холодно *).

А теперь вотъ и повторяйте за г. Ашешовымъ: „въ этихъ словахъ вылились цѣликомъ семидесятые годы... непримиримая формула доходила до отрицанія правъ, забывая и т. д.“ Не кажутся ли вамъ эти замѣчанія совершенно лишними, не имѣющими почвы подъ ногами, ибо г. Ашешову стоило бы только процитировать нѣсколькими строками далѣе, чтобы всякій читатель могъ видѣть, въ какой степени семидесятые годы въ лицѣ наиболѣе яркаго своего выразителя сами же распутали въ теоріи то историческое затрудненіе, которое мѣшало имъ дѣйствовать цѣлесообразно на практикѣ? Право, такая операція „не критики, а характеристики 70-хъ годовъ“ напоминаетъ свою бесполезность ношеніе совѣ въ Аѣины, — *γλαῦχας εἰς Ἀθήνας*, какъ говаривали древніе греки. Мы вотъ съ г. Ашешовымъ въ 1904 г. считаемъ нужнымъ сказать, что демократическая и вообще прогрессивная общественная дѣятельность отнюдь не предполагаетъ забвенія нашихъ правъ изъ за обязанностей, а Михайловскій четверть вѣка тому назадъ уже категорически заявлялъ: „если между этими элементами протискивается всемогущій братскій союзъ мѣстнаго булака съ мѣстнымъ администраторомъ, то—отреченіе отъ элементарныхъ параграфовъ естественнаго права теряетъ всякій смыслъ“.

Есть, впрочемъ, еще другой сомнительный пунктъ „не критики, а характеристики“ 70-хъ годовъ г. Ашешовымъ: эти годы говоритъ онъ, „воздвигая памятникъ своей совѣсти, создавали триумфъ любви къ массѣ и ради этого триумфа допускали утопическіе прыжки“. Но прежде всего, опять таки сами же 70-ые

*) Сочиненія Н. К. Михайловскаго, т. IV, стр. 952—958.

годы сказали устами Михайловскаго, что перспектива подобных прыжковъ была лишь „возможностью. Теоретическою возможностью она остается въ нашихъ глазахъ и до сихъ поръ. Но она убываетъ, можно сказать, съ каждымъ днемъ. Практика урѣзываетъ ее безошадно, сообразно чему наша программа осложняется, оставаясь при той же конечной цѣди, но вырабатывая новыя средства... Наша теоретическая возможность обращается въ простую иллюзію“.

Съ другой стороны, людямъ прогрессивнаго и демократическаго склада мыслей не слѣдуетъ черезчуръ увлекаться критикой „утопичности прыжковъ“, вообще; не слѣдуетъ уже потому, что механизмъ возникновенія желательныхъ или нежелательныхъ явленій въ обществѣ поражаетъ нерѣдко быстротою и напряженностью своей работы. Общественный организмъ вещь такая сложная, и законы его развитія еще такъ мало изучены, что въ этой области насъ могутъ ожидать немалые сюрпризы. Конечно, къ числу такихъ сюрпризовъ могутъ принадлежать и несбывшіяся ожиданія. Но таковъ уже человѣческій удѣлъ, постигающій не только фантазеровъ, а и самыхъ проникательныхъ и реалистически мыслящихъ людей. Припомните, какъ въ первый моментъ послѣ реакціи, послѣдовавшей за европейскимъ движеніемъ 1848 г., Марксъ и Энгельсъ ждали со дня на день возобновленія этого движенія. Припомните, какъ французскіе республиканцы, застигнутые врасплохъ декабрьскимъ переворотомъ, думали, что царствованіе авантюриста будетъ крайне кратковременно; и этотъ взглядъ раздѣлялся и Лассалемъ, страстно наблюдавшимъ за перипетіями политической борьбы по лѣвую сторону Рейна. Припомните, наконецъ, какъ Энгельсъ и Бебель, — что выяснилось на одномъ изъ конгрессовъ Германіи, — приурочивали, если не ошибаюсь, къ 1897 г. наступленіе обще-европейской катастрофы.

Но точно также можно было бы привести не мало примѣровъ совершенно другого рода, когда происходили вещи, превышавшія всякія ожиданія, и когда непредвидѣнныя событія развертывались съ поразительной быстротою на глазахъ изумленныхъ, — то опечаленныхъ, то обрадованныхъ, — зрителей...

Я надѣюсь, что г. Апешовъ не будетъ вчинять мнѣ формальной тяжбы за то, что я разбираю его мнѣніе о 70-хъ годахъ, тогда какъ столь рельефная вторая цитата изъ Михайловскаго, начатая имъ и продолженная мною, относится къ самому началу 80-хъ. Мнѣ уже пришлось сказать какъ-то, обозрѣвая судьбу русской литературы въ связи съ общественной исторіей страны, что эти названія направленій по десятилѣтіямъ лишь приблизительно выражаютъ смѣну теченій и въ сущности сплошь и рядомъ соединяютъ два хронологическіе періода, не говоря уже о тѣхъ межуточныхъ переходныхъ эпохахъ, когда всѣмъ намъ приходится жить въ мартобрѣ, а день бываетъ безъ числа. Напримѣръ,

идейное теченіе 40-хъ годовъ обрывается въ 1848 г., 50-ые годы окутываютъ своимъ удушающимъ туманомъ русское общество въ промежутокъ между 1848 и 1855 г. Названіе 60-хъ годовъ, выражающее періодъ подъема, энтузіазма и реформаціонной горячки, на самомъ-то дѣлѣ прилагается ко второй половинѣ 50-хъ и началу слѣдующаго десятилѣтія. Затѣмъ, послѣ растянувшася на нѣсколько лѣтъ мѣсяца мартабря, типичное теченіе 70-хъ годовъ обнаруживается замѣтнымъ образомъ, начиная съ 1872 г., пожалуй, даже 1873 г., достигаетъ кульминаціоннаго пункта въ началѣ 80-хъ и постепенно замираетъ лишь къ срединѣ этого десятилѣтія, теряясь, словно когда-то многоводная рѣка, въ пескахъ унылой пустыни. Точно также типичные 80-ые годы начинаются, собственно говоря, со второй половины декады, хронологически носящей это названіе, и смѣняются 90-ми лишь послѣ 1891—1892 г. Мы можемъ поэтому съ полнымъ основаніемъ сказать, что въ лицѣ Михайловскаго именно 70-ые годы сами же дошли до сознанія своихъ первоначальныхъ ошибокъ и односторонностей и завѣщали развѣ навсегда послѣдующимъ эпохамъ мысль о важности, какъ выражается Михайловскій, „элементарныхъ параграфовъ естественнаго права“, — и прежде всего, для надлежащаго же рѣшенія задачи о счастіи всѣхъ трудящихся. Отсутствіе этого указанія въ характеристикѣ Михайловскаго г. Ашешовымъ бросаетъ невѣрный свѣтъ на совокупность литературной дѣятельности философа-публициста и значительно уменьшаетъ цѣнность этой, въ общемъ очень благожелательной, характеристики.

И еще замѣчаніе. Г. Ашешовъ относитъ наибольшее вліяніе Михайловскаго на умы современниковъ къ 70-мъ годамъ. Но въ лагерѣ единомышленниковъ г. Ашешова, и даже между наиболѣе вліятельными „ортодоксами“, существуетъ столь же распространенное мнѣніе, что героическій періодъ дѣятельности Михайловскаго падалъ не на 70 ые годы, когда, будто бы, его вліяніе ограничивалось лишь частью интеллигенціи, а на 80-ые, когда, даже по мнѣнію этихъ строгихъ критиковъ, его идейная борьба противъ реакціи была изъ ряду вонъ выдающимся литературнымъ и вмѣстѣ общественнымъ явленіемъ. А найдутся, можетъ быть, и такіе критики, которые приурочатъ кульминаціонный пунктъ воздѣйствія Михайловскаго на читающую и мыслящую Россію еще къ какому-нибудь періоду. Что слѣдуетъ изъ этого? Да лишь то, что Михайловскій былъ такимъ крупнымъ человѣкомъ, который ни въ одинъ моментъ своей дѣятельности не переставалъ могущественно вліять на умы, хотя могли быть внѣшнія условія, препятствовавшія временами полнотѣ этого вліянія. И вотъ одинъ изъ критиковъ беретъ одинъ особенно правящійся ему въ дѣятельности Михайловскаго моментъ, другой — другой моментъ, третій — третій; при чемъ каждый отодвигаетъ на второй планъ

инные моменты, а всё критики, вмѣстѣ вѣятыя, являются, именно благодаря такимъ приемамъ, наилучшими показателями того, что въ теченіе всей своей литературной карьеры Михайловскій былъ могущественнымъ возбудителемъ и двигателемъ умовъ.

Какъ не вспомнить тутъ остроумнаго послѣсловія Вашингтона Эрвинга къ своему „Альбому“ (Sketch-Book), въ которомъ авторъ благодаритъ критиковъ за очень благопріятный въ общемъ отзывъ о его книгѣ, но констатируетъ тотъ фактъ, что каждый критикъ, восхваляя какой-нибудь очеркъ, былъ неудовлетворенъ другимъ, такъ что, если суммировать эти отзывы, въ результатъ отъ всего труда не осталось бы ничего. И авторъ юмористически прибавляетъ, что „поставленный такимъ образомъ въ затрудненіе совѣтами своихъ друзей,—каждый изъ которыхъ закрывалъ ему, въ свою очередь, какую нибудь особую тропинку, но за исключеніемъ ея отдавалъ ему для блужданія весь свѣтъ,—онъ нашелъ, что если слѣдовать всѣмъ этимъ указаніямъ, то пришлось бы стать на мѣстѣ, какъ вкопанному“.

Нѣчто подобное произошло бы и съ Михайловскимъ, если бы, внимая критикамъ въ тотъ или другой моментъ своей дѣятельности, онъ избѣгалъ неправившихся имъ „тропинокъ“ и направленій, а не стремился неудержимо впередъ, слѣдуя своей природѣ и своему чутью, стремился, какъ могучій потокъ лавы, опрокидывая на пути препятствія, предрасудки и противниковъ и зажигая огнемъ энтузіазма сердца сторонниковъ. И если бы я желалъ продолжать эту метафорическую рѣчь, то прибавилъ бы, что какъ десятки лѣтъ послѣ изверженія и подъ застывшими слоями лавы лежатъ пылающіе центральные слои, такъ въ публицистическихъ статьяхъ Михайловскаго, написанныхъ много лѣтъ назадъ, скрывается внутренній огонь, который сейчасъ же охватываетъ васъ, лишь только вы входите въ сердце поднимавшихся философомъ-публицистомъ вопросовъ.

Конечно, это отчасти объясняется и тѣмъ, что формы, въ которыя втиснута наша общественная жизнь, остаются крайне неподвижными и страшно отстали отъ усложняющагося содержанія этой жизни. А потому вопросы, касающіеся этого несоотвѣтствія между неуклюжей покрывшей и самимъ организмомъ, сохраняютъ у насъ свой жгучій характеръ въ теченіе цѣлыхъ десятилѣтій. Но много здѣсь значитъ и необыкновенное умѣнье Михайловскаго затрогивать самую сущность данной общественной задачи, такъ что еще долго послѣ его постановки вопроса русскимъ публицистамъ приходится возвращаться сначала,—все равно въ положительномъ или отрицательномъ смыслѣ, соглашаясь или критикуя,—къ рѣшенію, выставленному Михайловскимъ.

Это, напр., бросается въ глаза, когда читаешь статьи, посвященныя въ послѣднее время вопросу объ интеллигенціи. А ихъ появляется не мало. По всему видно, что эта тема становится столь же жгучей, какъ на рубежѣ 70-хъ и 80-хъ годовъ. И жгучей потому, что въ этой области, не смотря на усложнившіяся условія, русская жизнь стоитъ передъ старой проблемой: какъ обезпечить вліяніе сознательной общественной мысли на предстоящее преобразование общественныхъ же формъ? А что задача этого преобразования носится въ воздухѣ, видно уже изъ того факта, что даже органы въ родѣ „Московскихъ Вѣдомостей“ и „Гражданина“ пестрятъ рядомъ со словами „война“ словами „реформа“. Нужды нѣтъ, что „реформы“ г. Грингмута и кн. Мещерскаго предполагаютъ реформы навыворотъ и должны читаться съ поставленнымъ предъ ними отрицательнымъ знакомъ. Во всякомъ случаѣ эти рыцари реакціи усиленно желаютъ измѣненій и „преобразованій“, находя, что дѣло такъ дальше не можетъ идти, и ошибаются лишь въ томъ, что думаютъ, будто современное положеніе вещей допустить эксперименты надъ великой страной въ желательномъ имъ „назадняцкомъ“, какъ говаривалъ покойный Владиміръ Соловьевъ, направленіи...

Итакъ, вопросъ объ интеллигенціи снова становится однимъ изъ жгучихъ вопросовъ. Миновало то время, когда самое слово „интеллигенція“ становилось въ кавычки: это настроеніе исчезло вмѣстѣ съ „экономизмомъ“. Представители различныхъ фракцій русскаго демократическаго направленія приходятъ къ заключенію, что наша интеллигенція не сказала еще своего послѣдняго слова, и что сознательной мысли предстоитъ много работы надъ устройствомъ нашей общественности и нашей гражданственности. Г. Бердяевъ вспомнилъ (въ прошлогоднемъ „Мірѣ Божіемъ“) „забытыя слова“ о „сверхъ-классовой интеллигенціи“. И въ одномъ изъ своихъ предшествующихъ обзорѣній я принужденъ былъ даже указать на сомнительную подкладку этого опредѣленія у г. Бердяева, который черезчуръ слилъ въ немъ очень различные социальныя моменты, забывъ, что внѣклассовая интеллигенція должна выражать,—какъ то ясно было видно изъ давнихъ статей Михайловскаго,—все же интересы одного класса, великаго класса трудящихся.

Въ свою очередь г. Туганъ-Барановскій, — тоже въ „Мірѣ Божіемъ“, — счелъ долгомъ откликнуться на статью своего единомышленника по метафизикѣ, но откликнулся только за тѣмъ, чтобы опровергнуть взглядъ г. Бердяева, которому онъ, очевидно, возражаетъ, хотя и не называя его по имени, въ слѣдующихъ словахъ:

... Интеллигенція не составляетъ самостоятельнаго класса. Но это не значитъ, что она лишена классового характера, что она выше классовъ... Интеллигенція можетъ примыкать къ самымъ разнообразнымъ общественнымъ

классамъ, иначе говоря, интеллигенція есть общественная группа съ неопредѣленнымъ классовымъ характеромъ; часть ея можетъ безкорыстно служить трудящемуся народу, а другая идти вмѣстѣ съ его эксплуататорами. Это мы и наблюдаемъ въ дѣйствительности („Миръ Божій“, 1904, янв., стр. 72).

Но въ февральской книжкѣ все того же „Мира Божія“, г. А. Б., горячо полемизируя въ своихъ „Критическихъ Замѣткахъ“ противъ книги г. Соколова „объ идеяхъ и идеалахъ русской интеллигенціи“, высказываетъ мысли, которыя свидѣлствуютъ, что, по крайней мѣрѣ практически, онъ смотритъ на интеллигенцію, какъ на группу, исключительно „служащую безкорыстно народу“, а не „идушую вмѣстѣ съ его эксплуататорами“:

... Наши самобытники дѣлаютъ обычную ошибку, упрекая русскую интеллигенцію въ томъ, что она — космополитична, что она отказывается отъ истинно-народнаго русскаго духа, что она подражательна и неоригинальна. Самобытной интеллигенціи нѣтъ и быть не можетъ, такъ какъ основы ея — общечеловѣческія. Умъ, благородство и чуткая общественность — вотъ основы истинной интеллигенціи, — развѣ онѣ присущи той или иной національности, составляютъ исключительную особенность того или иного народа? Въ то же время русская интеллигенція — вполне русская, такъ какъ она развила до высокаго совершенства всѣ лучшія стороны русскаго народа, отразившіяся въ ней, какъ въ фокусѣ, — его оригинальный умъ, быстро усваивающій новыя начала, его талантливость, проявляющуюся на каждомъ шагу въ наукѣ и изобрѣтательности, его стойкость и упорство въ трудныя минуты, его доброту и незлобивость. Она создала русскую литературу, которая теперь вошла какъ равная среди другихъ литературъ, создаетъ постепенно и русское искусство и начинаетъ занимать все болѣе видное мѣсто въ наукѣ...

Въ своихъ нападкахъ на нашу интеллигенцію г. Соколовъ приписываетъ ей качества, намъ совершенно неизвѣстныя. По его мнѣнію, она лѣнива, необразована, любитъ командовать и живетъ за чужой счетъ. А кто же работаетъ на всѣхъ поприщахъ общественной жизни? Десятки тысячъ врачей, учителей, техникувъ, инженеровъ, адвокатовъ, писателей — развѣ они такъ-таки ничего не дѣлаютъ?.. О комъ говорить г. Соколовъ, увѣряя, будто „лучшая, болѣе вліятельная часть интеллигенціи идетъ еще дальше и говорить: „пусть дикій и невѣжественный скотъ втридорога платитъ намъ за плохія земскія аптеки и за скверныя земскія дороги“. И руками величайшихъ народолюбцевъ „скотъ“ обирается, какъ „липка“. Мы не понимаемъ, кого здѣсь имѣетъ въ виду авторъ. Намъ первый разъ встрѣчается столь категорическое обвиненіе интеллигенціи въ „обдираніи“ народа, да еще величаемаго при этомъ „скотомъ“. Думаемъ, здѣсь кроется какое-то крупное недоразумѣніе. Ту интеллигенцію, на которую нападаетъ г. Соколовъ, мы рѣшительно не знаемъ, а та русская интеллигенція, которая, худо ли, хорошо ли, дѣлаетъ большое народное дѣло, просвѣщаетъ и ратуетъ, гдѣ можетъ, за народъ, — очевидно, ему недостаточно знакома. Иначе онъ не сталъ бы укорять ее въ корыстолюбіи („Миръ Божій“, 1904, февр., стр. 8—9 и слѣд.).

Я боюсь, что г. Изгоевъ объявить эти разсужденія г. А. Б. совершенно ошибочными, ибо они, молъ, проникнуты ересью „субъективнаго метода въ социологіи“. Г. Изгоевъ помѣстилъ дѣйствительно въ январьской книжкѣ „Образованія“ статью „Интеллигенція, какъ социальная группа“. Въ ней, возвращаясь къ знаменитой статьѣ Михайловскаго („безъ упоминанія о которомъ“, какъ справедливо замѣчаетъ г. Изгоевъ, „не можетъ обойтись

ни одна статья, посвященная идейной жизни русского общества“), авторъ хочетъ доказать „логическую несостоятельность чисто субъективныхъ опредѣленій“ интеллигенціи и установить свои, объективные, признаки этого понятія. Итакъ, снова и снова намъ приходится возвращаться вмѣстѣ съ г. Изгоевымъ къ исторической фразѣ Михайловскаго, столько уже разъ цитированной за послѣднюю четверть вѣка и представляющей центральный пунктъ знаменитой статьи, напечатанной въ декабрѣ 1881 г.

Мы можемъ съ чистою совѣстью сказать: мы — интеллигенція, потому что мы многое знаемъ, обо многомъ размышляли, по профессіи занимаемся наукой, искусствомъ, публицистикой; слѣпымъ, историческимъ процессомъ мы оторваны отъ народа, мы — чужіе ему, какъ и всѣ такъ называемые цивилизованные люди, но мы не враги его, ибо сердце и разумъ нашъ съ нимъ.

Прочитывавъ эту фразу съ подчеркиваніемъ послѣднихъ словъ и сдѣлавъ нѣсколько критическихъ замѣчаній, г. Изгоевъ продолжаетъ:

„Интеллигенція“—это люди, „сердце и разумъ“ которыхъ „съ народомъ“. Въ наше время никто, конечно, не подпишется подъ этимъ опредѣленіемъ, насквозь пропитаннымъ первороднымъ грѣхомъ Н. К. Михайловскаго, его „субъективнымъ методомъ“. Поговорите-ка, напр., съ новременскимъ Энгельгардтомъ или княземъ Мещерскимъ. Они горячо будутъ васъ увѣрять, что именно ихъ „разумъ“ и ихъ „сердце“ съ народомъ, что они-то съ „чистой совѣстью“ могутъ сказать про себя: мы интеллигенція, тогда какъ Н. К. Михайловскій, В. Г. Короленко ни кто иные, какъ лица, „состоящія въ вассальныхъ отношеніяхъ“ къ врагамъ Россіи. И очевидно, что на этой почвѣ никакой споръ съ ними невозможенъ, очевидно также, что на столь шаткомъ и субъективномъ критеріи нельзя построить опредѣленія цѣлой соціальной группы, наличность которой въ Россіи для всѣхъ очевидна и крупная роль которой въ жизни страны ни для кого не является тайной. Необходимо поискать признаки, опредѣляющіе, что такое интеллигенція, въ другомъ мѣстѣ, лежащемъ внѣ субъективныхъ представлений о томъ, съ „народомъ“ или нѣтъ „сердце и разумъ“ даннаго субъекта („Образованіе“, 1904, янв., стр. 75).

Я начну съ одного, повидимому, чисто формальнаго указанія. Г. Изгоевъ рекомендуетъ намъ поговорить съ „новременскимъ Энгельгардтомъ“ или „княземъ Мещерскимъ“, которые, молъ, заявятъ, что именно ихъ „сердце и разумъ“ съ „народомъ“, и что именно они—интеллигенты. И что же? поговорите-ка въ самомъ дѣлѣ объ этомъ съ ними! Насчетъ того, что сердце и разумъ у нихъ съ народомъ, они, конечно, навѣрное скажутъ; но за то интеллигентами врядъ ли себя назовутъ, а если и назовутъ, то постараются объяснить, въ какомъ смыслѣ надо понимать это слово въ примѣненіи къ нимъ, и почему ихъ не слѣдуетъ смѣшивать съ „такъ называемыми интеллигентами“. Насчетъ эпитета „такъ называемыхъ“ я почти увѣренъ, что они его употребятъ, какъ они же употребляютъ похода выраженіе „такъ называемые либералы“ или просто „либералы“ въ кавычкахъ...

Но нѣтъ, мнѣ кажется, что у нихъ даже языкъ не повернется

приложить къ себѣ слово „интеллигенція“, какъ у насъ съ г. Изгоевымъ, наоборотъ, это выраженіе естественно сорвется съ языка, когда мы будемъ говорить о себѣ, хотя мы и нисколько не будемъ считать себя изъ-за этого исключительно умными и выдающимися людьми. Во всякомъ случаѣ, если г. „нововременскій Энгельгардтъ“ и назоветъ себя интеллигентомъ, то съ разными оговорками и ужимками и, вѣроятно, предпочтетъ этому названію названіе „истинно русскаго просвѣщеннаго челоуѣка“ или что нибудь въ этомъ родѣ. Мнѣ, признаться, не хочется рыться въ его твореніяхъ и провѣрять, насколько охотно онъ прилагаетъ къ себѣ и приснымъ по духу упомянутый терминъ, повидимому, неохотно. Въ послѣдней своей книгѣ „Очерки исторіи русской цензуры“ онъ говоритъ, напр., о „ядѣ интеллекта“, „черни интеллигентной“ и нетерпимости „интеллигента“ (въ кавычкахъ),—какъ я увидѣлъ это изъ „Критическихъ замѣтокъ“ г. А. Б. въ февральской книжкѣ „Міра Божія“.

Но вотъ, что касается до князя Мещерскаго, то смѣю увѣрить г. Изгоева, что сіятельный писатель себя не только къ „интеллигенціи“ не причислитъ, но при этомъ словѣ прочтетъ какое нибудь заклинаніе противъ духа зла. Послушайте, какія (по обыкновенію) высоко-комичныя и неимовѣрно безтолковыя, но гнѣвныя тирады льются изъ устъ князя-„Гражданина“, какъ только рѣчь заходитъ объ интеллигенціи,—напр., въ нижеслѣдующихъ мысляхъ о войнѣ и ея слѣдствіяхъ:

Народъ, какъ всегда, спокоенъ, покоренъ и живетъ, готовый на зовъ Царя отдавать своихъ дѣтей и свое достояніе; въ его средѣ нѣтъ размышлений объ отношеніяхъ войны къ внутренней жизни. Его взгляды и его ожиданія остались тѣ же, какъ и его нужды...

Но въ интеллигентныхъ сферахъ совсѣмъ другое дѣло; тамъ въ разныхъ видахъ учитываются ужъ имѣющіе быть пролитыми потоки русской крови: русскій солдатъ будетъ умирать и изумлять міръ своими подвигами храбрости, а мы... мы будемъ сочинять контуры обновленной послѣ войны Россіи... Уже эта мысль довольно ясно высказана въ томъ сравненіи, которое газеты пустили въ ходъ, между Севастополемъ 1854 года и нынѣшнею войною... На грудяхъ всего лучшаго, что погибло на бастіонахъ Севастополя, русская интеллигенція создала свой праздникъ либерализма и долгій періодъ вакханаліи своеволия, попиранія власти, гдѣ декорациею служило будто бы счастье народа...

Новый праздникъ интеллигенціи уже рисуется въ ея мечтаніяхъ на грудяхъ нашихъ убитыхъ героевъ. А мы... мы будемъ въ чернилахъ нашего писанія и въ слюняхъ нашей болтовни созидать будущую обновленную Россію, но, entendons nous, разумѣется, не народную, а нашу интеллигентную... и т. д. и т. д. („Гражданинъ“, № 23 отъ 18-го марта 1904 г.).

Итакъ, изъ моего формальнаго замѣчанія получилось, однако, въ концѣ концовъ нѣчто существенное: есть же, въ самомъ дѣлѣ что-то такое, что заставляеть кн. Мещерскаго и единомышленниковъ обрушиваться на интеллигенцію, какъ на исчадіе ада, тогда какъ, напр., г. А. Б. говоритъ объ интеллигенціи съ живой

симпатіей и защищает ее противъ злостныхъ нападеній нашихъ реакціонеровъ за ея любовь къ народу и служеніе ему? Очевидно, съ самымъ словомъ „интеллигенція“ у насъ, русскихъ, соединяется извѣстная ассоціація идей, которая говоритъ нашему уму и сердцу болѣе, чѣмъ, казалось бы, должно заключаться въ этомъ выраженіи согласно его голому этимологическому значенію. Намъ, конечно, нечего подражать устарѣвшей манерѣ философствовать надъ реальными вещами при помощи анализа,—хотя бы болѣе или менѣе остроумнаго,—обозначающихъ ихъ словъ. Но, съ другой стороны, мы не должны забывать, что національныя особенности въ употребленіи какого-нибудь слова нерѣдко указываютъ на вполнѣ реальныя особенности данной среды. Чего стоитъ, напр., выраженіе „honnête homme“, которое было крайне распространено во Франціи стараго режима и которое было бы смѣшно и дико переводить на любой изъ современныхъ ему европейскихъ языковъ буквально „честнымъ человѣкомъ“, тогда какъ оно обозначало человѣка, умѣющаго жить въ обществѣ съ пріятностью для себя и другихъ, и предполагало очень интенсивную и уточненную свѣтскую жизнь привилегированныхъ сословій.

Я думаю, судьба нашего слова „интеллигенція“ въ своемъ родѣ не менѣе поучительна и, какъ уже было замѣчено Михайловскимъ во время знаменитаго спора начала 80-хъ годовъ, свидѣтельствуетъ о томъ, что было же нѣчто въ русской дѣйствительности, вынуждавшее насъ употреблять это слово въ спеціальномъ значеніи. Какъ странно, въ самомъ дѣлѣ, что латинское слово *intelligentia*, перешедшее съ ничтожными измѣненіями въ окончаніи во всѣ европейскіе языки, ни въ одномъ не имѣетъ смысла, который придаемъ ему мы; и что для перевода этого латинскаго слова, получившаго право лишь русскаго гражданства, европеецъ принужденъ прибѣгать къ описательному выраженію, вмѣсто того, чтобы просто на просто поставить, казалось бы, то же самое латинское слово съ соответствующимъ національнымъ окончаніемъ. Исключеніе составляетъ, если не ошибаюсь, употребляемое иногда нѣмцами *Intelligenz*, но и то, какъ мнѣ кажется, получившее этотъ смыслъ подъ вліяніемъ переводовъ съ русскаго и охотно замѣняемое нѣмцами словомъ *die Akademiker*, съ которымъ, кстати сказать, соединяется въ сознательныхъ рабочихъ слояхъ оттѣнокъ пренебреженія. Съ своей стороны французы, лишь со времени дѣла Дрейфуса, стали пускать въ ходъ терминъ „intellectuel“, соответствующій русской „интеллигенціи“ и въ послѣдніе годы тоже сдѣлавшійся въ нѣкоторыхъ крайнихъ слояхъ, на манеръ нѣмецкаго *Akademiker*, синонимомъ претенціознаго педанта изъ „образованныхъ“, поучающаго рабочихъ сверху внизъ.

А вотъ у насъ „интеллигенція“, которая играла такую исклю-

чительную роль въ жизни и литературѣ 70-хъ годовъ, затѣмъ подверглась остракизму и закованію въ кандалы кавычекъ не только со стороны реакціонеровъ, но и нашихъ „учениковъ“, снова привлекаетъ къ себѣ вниманіе мыслящей Россіи и находитъ защитниковъ почти въ прежнемъ смыслѣ на страницахъ такихъ журналовъ, какъ „Міръ Божій“, и подъ перомъ такихъ писателей, какъ г. Бердяевъ или г. А. Б. Нужно, значитъ, по-искать условій, которыя опредѣляютъ въ Россіи эту сравнительно значительную постоянность роли интеллигенціи.

Замѣтите, я въ общемъ согласенъ съ мыслью г. Изгоева, которую онъ высказываетъ въ самомъ началѣ своей статьи: „въ противоположность общепринятому у насъ взгляду, мы думаемъ, что общественная группа, сходная съ нашей „интеллигенціей“, существовала и существуетъ и въ другихъ странахъ, кромѣ Россіи“ (ibid., стр. 72). И полагаю даже, что г. Изгоевъ преувеличиваетъ „общепринятость“ у насъ взгляда, отрицающаго существованіе въ другихъ странахъ группъ, аналогичныхъ съ нашей интеллигенціей. Но все дѣло тутъ,—какъ по большей части бываетъ въ мірѣ—все дѣло тутъ, говорю я, въ степени и въ отѣнкахъ. У насъ въ Россіи существовали и продолжаютъ существовать условія, которыя придаютъ такую напряженность известнымъ свойствамъ интеллигенціи, что она является какъ бы специфической группой русской общественной среды. Въ Западной же Европѣ обстоятельства сложились такъ (я для простоты говорю лишь о новой эпохѣ), что въ началѣ интеллигенція сливалась съ тѣмъ господствующимъ классомъ, который съ большей или меньшею силою, но повсюду выступилъ въ качествѣ руководящей общественной силы уже болѣе ста лѣтъ тому назадъ, а впоследствии интеллигенція разбилась по разнымъ общественнымъ классамъ, помогая каждому изъ нихъ оружіемъ своего пониманія въ великой социальной борьбѣ.

Опять таки Михайловскій почти четверть вѣка тому назадъ уже говорилъ:

Къ тому времени, когда въ Европѣ восторжествовала буржуазія и Сіэсъ получилъ возможность сказать знаменитую фразу, что третье сословіе должно быть „всѣмъ“, вся интеллигенція, за чрезвычайно рѣдкими исключеніями, была въ полномъ единеніи съ буржуазіей... Съ своей стороны, и буржуазія добивалась, прежде всего, всяческой свободы, въ томъ числѣ свободы мысли и слова, которая нужна интеллигенціи, какъ вода рыбѣ. Такимъ образомъ, ни въ какомъ терминѣ въ родѣ „интеллигенція“ не было и надобности: интеллигенція совпадала съ буржуазіей и утопала въ ней. Теперь въ Европѣ дѣла стоятъ, разумѣется, иначе. Новый общественный классъ, такъ называемое четвертое сословіе выставило свою новую интеллигенцію, и сплошь и рядомъ интеллигентный человѣкъ, буржуа по происхожденію и даже образу жизни, силою вещей влечется къ защитѣ совершенно не буржуазныхъ принциповъ. Но своихъ особыхъ, специальныхъ интересовъ и задачъ эта новая интеллигенція также не имѣетъ. Ея интересы отчасти (во всемъ, что касается свободы мысли и слова) совпадаютъ съ интересами всякой, въ томъ числѣ

и враждебной ей интеллигенции, а отчасти съ интересами выдвинувшаго ее общественнаго слоя. Такимъ образомъ, по обстоятельствамъ своего историческаго развитія, Европа не имѣетъ надобности въ особомъ терминѣ для того, что называется интеллигенціей. Ну, а у насъ это слово привилось и употребляется даже тѣми, кто его отрицаетъ *).

Эта совершенно вѣрная въ общемъ историческая картина нисколько не находится въ противорѣчїи съ тѣми частными явленіями и эпизодами политической эволюціи на Западѣ, которые усложняютъ только что упомянутую схему развитія и превращаютъ эту схематическую прямую общественнаго движенія въ волнообразную линію, представляющую отклоненія въ ту и другую сторону. Напримѣръ, даже и послѣ того, какъ буржуазія стала въ общемъ „всѣмъ“, ей пришлось неоднократно бороться—и бороться въ иныхъ странахъ долго и съ сомнительнымъ успѣхомъ,—съ крупными остатками средневѣковаго феодализма, просвѣщеннаго абсолютизма XVIII вѣка и т. д. Обратите вниманіе хотя бы на слова, которыми Мерингъ, во второмъ изданіи своего большого труда по исторіи рабочаго движенія въ Германіи, характеризуетъ судьбы нѣмецкой буржуазіи въ первыхъ десятилѣтіяхъ XIX вѣка:

Въ то время, какъ 1830-ый годъ призвалъ къ политическому господству англійскую и французскую буржуазію, онъ лишь впервые пробудилъ вообще нѣмецкое бюргерство изъ его политической спячки. Честь, какъ и печальный рокъ этого класса заключались у насъ именно въ томъ, что онъ достаточно славно продѣлалъ свою революцію въ облачныхъ высяхъ (in den Wolkenhöhen) литературы и философіи, но отнюдь не могъ бороться на твердой землѣ ударами увѣсистаго кулака и хорошо отточеннаго оружія. Никакая буря натиска на безчисленныя бастиліи деспотизма и феодализма, покрывавшія почву Германіи, не надувала его крыльевъ; лишь мечъ французскаго завоевателя проложилъ ему дорогу.

Такимъ образомъ, наша буржуазія была обязана началомъ своего общественнаго освобожденія чужестранному владычеству, которое разрушило ея національное существованіе. Она должна была сражаться противъ своего же освободителя, и могла это дѣлать лишь на службѣ у своихъ родныхъ угнетателей; онъ помогла европейской реакціи одержать побѣду, но ничего не получила на свою долю изъ ея плодовъ...

Страшное разочарованіе вызвало въ нѣмецкомъ бюргерствѣ еще одну попытку мужественнаго сопротивленія. Его здоровая молодежь, которая была одушевлена дыханіемъ классической литературы и только что возвращалась съ побѣдоносной войны, водрузила среди буршей нѣмецкихъ университетовъ знамя возмущенія. Но вокругъ этого авангарда не собиралось никакой арміи, и ей самой не доставало яснаго классового сознанія.

Именно въ эти годы нѣмецкая буржуазія переживала эпоху, которая соотвѣтствовала кануну великой революціи во Франціи, и, сама стараясь быть „чѣмъ либо“, сливала свои классовые, смутно сознаваемые, интересы съ интересами цѣлой націи и говорила во имя „всега“. Въ эту пору нѣмецкая буржуазія была

*) Сочиненія, т. V., стр. 539—540.

одновременно и наиболѣе общечеловѣческой, и наиболѣе народной. И было бы возможно установить,—принимая, конечно, во вниманіе разницу эпохъ и общественныхъ условий,—аналогію ея теоретическихъ взглядовъ и ея практическихъ пріемовъ дѣятельности съ идеалами и жизненною работою русской интеллигенціи, скажемъ, въ сороковыхъ и шестидесятыхъ годахъ прошлаго вѣка.

Дальнѣйшая эволюція общественно-политическихъ условий въ Германіи выдѣлила классовые интересы бюргерства изъ интересовъ всей германской націи и произвела то распаденіе нѣмецкой интеллигенціи на различныя направленія и ея распределеніе по разнымъ общественнымъ классамъ, которое выразилось, наконецъ, въ печальномъ, но неизбѣжномъ „сумбурѣ“ 1848 — 1851 гг. Эти годы видѣли не только борьбу между феодальными и бюргерскими элементами, но и столкновеніе различныхъ партій среди бюргерства, начиная отъ консервативной буржуазіи, переходя къ очень распространенной партіи умѣренныхъ либераловъ-конституціоналистовъ въ родѣ Кампаузена, затѣмъ къ двумъ фракціямъ демократической лѣвой и кончая,—уже за предѣлами парламента,—различными социалистическими направленіями вплоть до „союза коммунистовъ“, гдѣ интеллигенты шли рука объ руку съ рабочими. Въ періодъ этого распаденія и борьбы то, что мы могли бы назвать интеллигенціей, разошлось по различнымъ партіямъ, фракціямъ и группамъ и получило отнынѣ опредѣленные названія консерваторовъ, либераловъ, демократовъ, и т. д.

Посмотрите теперь на судьбу нашей интеллигенціи. Тотъ процессъ, который происходилъ въ Германіи гораздо медленнѣе, чѣмъ во Франціи, у насъ отставалъ значительно даже по сравненію съ нѣмецкимъ. Цементирующія вліянія неблагоприятныхъ общественныхъ формъ были еще сильнѣе. А такъ какъ, въ силу особенностей нашей исторіи, матеріальныя потребности нашей буржуазіи удовлетворялись у насъ гораздо лучше не манчестерствомъ и свободой, а покровительствомъ и привилегіями, то тѣ потребности человѣческой мысли и развитія, которыя совпадали на Западѣ съ освободительными стремленіями третьяго сословія, поляризовались и сконцентрировались у насъ въ группѣ, получившей названіе интеллигенціи. Упомянутыя же цементирующія вліянія давящихъ внѣшнихъ формъ крайне усилили безсловный, общечеловѣчскій характеръ этой группы, которая съ полной искренностью и съ глубокимъ самоотверженіемъ стремится къ осуществленію того, что ей кажется интересами всего народа, лишь за вычетомъ интересовъ его эксплуататоровъ. Присоедините, наконецъ, къ этому сравнительную слабость, а въ особенности, если можно такъ выразиться, закулисную нашу борьбу партій и вмѣстѣ съ тѣмъ невозможность широкаго употребленія

спеціальныхъ политическихъ терминовъ, обозначающихъ различныя фракціи интеллигенціи, и вы поймете, почему у насъ и вещь, и слово „интеллигенція“, какъ родовой терминъ, играютъ такую роль въ общественной жизни, и при томъ въ противоположность „буржуазіи“.

Я попробую пояснить, по крайней мѣрѣ, одну сторону изложеннаго мною процесса выработки русской интеллигенціи, припомнивъ читателю мнѣніе изслѣдователя, котораго нельзя обвинить въ недостаткѣ реалистическаго мышленія и который вмѣстѣ съ тѣмъ отличается своими знаніями и добросовѣтностью: я говорю о г. Милюковѣ и его „Очеркахъ по исторіи русской культуры“. Позволю себѣ просто воспроизвести здѣсь нѣкоторыя соображенія, вызванныя во мнѣ чтеніемъ главъ труда г. Милюкова, посвященныхъ изображенію екатерининскаго вѣка (см. особенно октябрьскую и ноябрьскую книжки „Міра Божія“ за 1901 г.):

... Впервые при Екатеринѣ совершается разслойка различныхъ элементовъ „новой культуры“, взятой съ Запада, разслойка, въ результатъ которой на одной сторонѣ оказывается „новая критика“, на другой—„новая культурность“. Новая критика ложится въ основаніе новаго общественнаго мнѣнія и характеризуетъ работу мысли прогрессивныхъ дѣятелей. Новая культурность становится монополіей привилегированнаго класса, который этой заимствованной вновь оболочкой прикрываетъ свою старую сущность. Между этими двумя группами элементовъ происходитъ борьба. Но, помимо общества, существуетъ еще правительство. Ему теперь и приходится рѣшать задачу, на какую становиться сторону. Понятно, что и самая эта дилемма обращаетъ свои рога къ власти лишь тогда, когда процессъ общественной эволюціи продвинулся настолько далеко, что вызвалъ упомянутую разслойку: раньше власть присвоивала себѣ цѣликомъ официальное „представительство“ новой культуры; новая мысль являлась, такъ сказать, атрибутомъ правительства.

Но когда возгорѣлась борьба между двумя, отдѣлившимися одна отъ другой, частями культуры, власти, естественно, приходится выбирать себѣ союзникомъ или элементъ критики, работающей надъ свѣжимъ общественнымъ мнѣніемъ, или элементъ внѣшней культуры, присвоенной привилегированнымъ классомъ. А уклониться отъ этого выбора власть не можетъ, потому что новая культура вліяетъ теперь такъ или иначе, внѣшнимъ или внутреннимъ образомъ, на всю общественную жизнь. Власть колеблется: куда идти? Но колебанія недолги: на сторонѣ культурной мысли „соціальное безсиліе“, на сторонѣ культурной внѣшности „соціальная сила“—и правительство идетъ къ силѣ. Но тогда, само собою понятно, совершается своеобразный процессъ поляризація историческихъ элементовъ; и культурная мысль, мысль общественнаго мнѣнія, отрывается отъ власти и противопоставляется ей, а власти достается въ удѣлъ націоналистическая культура. И вотъ „русская общественная жизнь вступаетъ въ новый, еще и донныѣ не завершившійся фазисъ“ (октябрь, стр. 259). Этимъ, конечно, и объясняются всѣ тяжелыя перипетіи продолжающагося процесса выработки общественнаго самосознанія („Русское Богатство“, 1901 г., № 12, стр. 209—210).

Достаточно нѣсколькихъ минутъ размысленія, чтобы понять, что здѣсь у г. Милюкова затрогивается, въ сущности, какъ разъ вопросъ о русской интеллигенціи и ея историческихъ судьбахъ. Въ самомъ дѣлѣ, кто говорить „интеллигенція“, говорить прежде

всего „группа, служащая „культурѣ“ страны“, — въ данномъ случаѣ „новой культурѣ“ Россіи, заимствованной съ Запада. Но оказывается, что въ самой „культурѣ“ есть различные элементы, которые надо расчленивъ для того, чтобы понять смыслъ русскаго общественнаго движенія. Съ одной стороны, мы имѣемъ „критику“, съ другой—„культурность“. Оказывается, далѣе, что носителемъ критики является новое „общественное мнѣніе“, основанное на „работѣ мысли прогрессивныхъ дѣятелей“, а носителемъ „культурности“—прежній „привилегированный классъ“, лишь нѣсколько приукрасившій свою старую историческую фязіономію новой модной внѣшностью. „Власть“, послѣ нѣкоторыхъ колебаній, идетъ въ сторону привилегированнаго класса потому, что за нимъ чувствуется „соціальная сила“, и не только разрываетъ связь съ „мыслью“ и съ „критикою“, но становится противъ нихъ, потому что замѣчаетъ ихъ „соціальное безсиліе“. Съ тѣхъ поръ и тянется этотъ тяжелый процессъ русской исторической жизни, оставаясь въ общемъ тѣмъ же, чѣмъ и былъ, хотя и знаменуясь постепеннымъ усиленіемъ тѣхъ элементовъ, которые при Екатеринѣ обнаружили уже упомянутое „соціальное безсиліе“.

Но всмотритесь теперь хорошенько въ эту схему нашей эволюціи. Что обозначаетъ собою эта „мысль“ и эта „критика“, какъ не проявленія русской интеллигенціи, которая „критически мыслить“, которая хочетъ переработать во имя своихъ идеаловъ окружающую дѣйствительность, и которая вслѣдствіе давленія на нее неблагопріятныхъ формъ, выросшихъ изъ соединенія „привилегированнаго класса“ и „власти“, является выразителемъ общечеловѣческихъ и общедемократическихъ интересовъ Россіи? Можно вполне допустить, что существенное измѣненіе упомянутыхъ внѣшнихъ формъ и болѣе живая борьба общественныхъ партій произведутъ разслодку въ средѣ нашей интеллигенціи и погонять ее, какъ то было на Западѣ, въ разные концы горизонта и на идейную защиту разныхъ реальныхъ классовыхъ интересовъ. Въ послѣдніе годы этотъ процессъ, кстати сказать, обнаруживался уже съ разною силою при тѣхъ или другихъ обстоятельствахъ; и наши либеральные органы имѣли неоднократно случай констатировать, что и въ печати, и въ университетѣ, и въ земствѣ и т. д. появляется изъ молодыхъ да ранняя интеллигенція, которая съ большимъ жаромъ и настойчивостью проводитъ интересы «привилегированнаго класса» или развиваетъ проекты усиленной «власти». Но, во всякомъ случаѣ, эти растущіе признаки предстоящей дифференціаціи русской «интеллигенціи» въ ея цѣломъ не должны ослѣплять насъ въ такой степени, чтобы мы забывали для настоящаго времени историческія особенности упомянутой интеллигенціи, какъ группы, работающей во имя общенациональныхъ интересовъ и развитія личности.

Интересно, что если не прямымъ, то косвеннымъ образомъ, самъ г. Изгоевъ, желающій установить объективный признакъ интеллигенціи, принужденъ ввести субъективный признакъ, говоря о мысли и дѣятельности этой группы, направленной,—какъ это мы сейчасъ докажемъ—на собственное ея развитіе и сообщеніе этого развитія по возможности членамъ всего общества. Онъ только выражается такимъ способомъ, что вводитъ въ заблужденіе и себя, и другихъ насчетъ этого субъективнаго характера своего опредѣленія. Г. Изгоевъ, борясь противъ обозначенія интеллигенціи, какъ слоя, обладающаго просто-на-просто «грамотностью» и «образованностью», замѣчаетъ, что хотя это и объективные признаки, но они не могутъ опредѣлять «интеллигенцію», и высказываетъ слѣдующее соображеніе:

Признакомъ, позволяющимъ изъ рядовъ класса интеллигентныхъ работниковъ выдѣлить извѣстное количество индивидуумовъ и объединить ихъ въ особую социальную группу интеллигенціи, служить *присущій профессиональной дѣятельности этихъ лицъ элементъ учительства, въ широкомъ смыслѣ слова* (курсивъ г. Изгоева. В. П.), передачи людямъ свѣдѣній и накопленныхъ знаній съ цѣлью наученія. Признакъ вполне объективный, объясняющій матеріальныя основы существованія «интеллигенціи»... Педагоги всѣхъ родовъ, литераторы и проповѣдники, дѣйствительно, являются наиболее типичными представителями социальной группы интеллигенціи; они даютъ окраску и другимъ лицамъ... (ibid., стр. 86).

Вдумайтесь хорошенько въ это опредѣленіе. Интеллигенція—это не значитъ еще совокупность грамотныхъ, ни даже образованныхъ людей. Инженеръ, врачъ, нотаріусъ и т. д. не есть еще представители интеллигенціи. Что же характеризуетъ настоящаго «интеллигента»? То, что онъ «учительствуетъ», учительствуетъ въ той или иной формѣ. Но что значитъ «учительствовать»? Значитъ ли это просто сообщать людямъ извѣстныя свѣдѣнія, навыки, приемы? Уже изъ одного того, что г. Изгоевъ говорилъ не только о «педагогахъ всѣхъ родовъ», но и о «литераторахъ» и о «проповѣдникахъ», слѣдуетъ, что, наоборотъ, дѣло здѣсь идетъ о пробужденіи въ людяхъ извѣстнаго чувства, извѣстнаго желанія работать нравственно или умственно, развиваться, а вмѣстѣ съ тѣмъ объ упражненіи и самого «учительствующаго» надъ собственнымъ своимъ развитіемъ. Ибо безъ такого психологическаго процесса немислимо настоящее учительство. Можно даже высказать, по-видимому, парадоксальное, но именно съ точки зрѣнія г. Изгоева вполне вѣрное положеніе, что какойнибудь профессоръ римскаго права или минералогіи, если онъ только механически передаетъ свои знанія своимъ слушателямъ, а не возбуждаетъ ихъ умственной самодѣятельности, будетъ въ гораздо меньшей степени интеллигентъ, чѣмъ простой сельскій учитель, умѣющій затронуть любознательность деревенскихъ мальчугановъ и успѣвшій внушить имъ любовь къ чтенію и развитію.

Въ этомъ понятномъ субъективномъ характерѣ опредѣленія г. Изгоева меня убѣждаетъ и его оцѣнка свойствъ интеллигенціи: „чувство собственного достоинства у интеллигенціи заставляетъ ее требовать свободы, отстаивать свою независимость, даже больше, требовать свободы и для враждебныхъ мнѣній, для своихъ противниковъ (стр. 89)“. Дѣйствительно, если вы возьмете человѣка, только сообщающаго извѣстныя фактическія свѣдѣнія или передающаго вамъ извѣстные практическіе пріемы, то для такого субъекта вовсе не необходимо ни „чувство собственного достоинства“, ни тѣмъ болѣе стремленіе „требовать свободы даже для своихъ противниковъ“. Наоборотъ, мы знаемъ цѣлыя историческіе періоды и многіе народы, у которыхъ „учительство“ сводится къ передачѣ по возможности однообразныхъ и рутинныхъ пріемовъ низшаго мышленія, и которые считаютъ даже идеальнымъ условіемъ такого учительства строгую и неподвижную іерархію общественныхъ слоевъ, исключаящую всякое стремленіе къ развитію „чувства собственного достоинства“, а еще того болѣе—желаніе личной и гражданской свободы для себя и для другихъ. Это именно разрываніе „культуры“ на два элемента съ усиленнымъ служеніемъ „культурности“ и пренебреженіемъ „мысли“, о чемъ намъ говорилъ г. Милковъ. Съ другой стороны, это именно процессъ подготовленія тѣхъ сторонниковъ общественной рутинности и гнета, которые внѣшнимъ образомъ могутъ производить впечатлѣніе „образованныхъ“ людей, а на самомъ дѣлѣ быть тѣми „культурными дикарями“, которыхъ авторъ „Опыта исторіи мысли“ такъ охарактеризовалъ въ одномъ изъ своихъ трудовъ:

Историческая цивилизація окружила дикаря высшей культуры продуктами религіи, науки, философіи, нравственности и сложными общественными формами; его воспитаніе ознакомило его съ ними; его общественное положеніе принуждаетъ его включить эти продукты въ большей или меньшей мѣрѣ въ свой жизненный обиходъ и въ обстановку своего комфорта. Но онъ все-таки относится къ нимъ какъ дикарь. Они нужны ему лишь потому, что такъ принято въ его обществѣ. Онъ ходитъ въ церковь, выучивается физиологіи и политической экономіи, читаетъ исторію Бокля и романъ гр. Толстого, потому что это дѣлаютъ другіе. Онъ становится медикомъ, адвокатомъ, членомъ политическаго кружка, потому что надо же выбрать карьеру. Онъ перемѣняетъ форму своего пальто и свою оцѣнку общеизвѣстнаго автора, потому что измѣнилась мода. Онъ изъ члена радикальнаго кружка становится членомъ кружка консервативнаго, или наоборотъ, потому что около него теченіе идей приняло иное направленіе. Его память обогащается. Его общественныя отношенія усложняются. Онъ способенъ такъ же искусно вести дѣла на биржѣ и такъ же терпѣливо выжидать крупную экономическую или политическую добычу, какъ австраійскій дикарь искусно охотится за кенгуру и терпѣливо ждетъ въ засадѣ врага цѣлыя дни. Онъ быстро соображаетъ выгоду новаго акціонернаго предпріятія и пользуется имъ, какъ паузасъ быстро усваиваетъ техническое превосходство металлическаго орудія надъ орудіемъ изъ камня или рога, и ружья надъ лукомъ. Но на этой высшей ступени развитія мысли дикаря низшей культуры, останавливается мысль и дикаря культуры высшей. Онъ—рабъ обычая и самъ никогда не

поставилъ себѣ вопроса, что въ этомъ обычаѣ дѣйствительно хорошо и что дурно... Онъ способенъ и участвовать въ существующихъ общественныхъ формахъ, извлекая изъ нихъ возможно большую выгоду для себя и для близкихъ ему людей; но ему вполне чуждо всякое соображеніе о принципахъ, осуществленныхъ въ этихъ формахъ, и о томъ, какіе принципы — внѣ личной выгоды—желательно бы осуществить въ общественномъ строѣ, и такъ далѣе.

Эта замѣчательная характеристика показываетъ намъ вмѣстѣ съ тѣмъ съ отрицательной стороны, чѣмъ долженъ быть интеллигентный человѣкъ, чтобы не обладать психологіей „дикаря высшей культуры“. И если г. Изгоевъ ближе анализируетъ свое же опредѣленіе интеллигенціи и свое же изображеніе ея душевныхъ особенностей, то онъ увидитъ, что его мнимый объективный признакъ очень близко подходитъ къ субъективному признаку, выставленному основателями „русской социологической школы“. Пусть не забываетъ г. Изгоевъ, что элементъ учителяства, основанный на развитіи, долженъ непременно при извѣстныхъ общественныхъ условіяхъ придавать интеллигенціи характеръ группы, борющейся за общечеловѣческіе интересы и идущей навстрѣчу основнымъ потребностямъ трудящихся. И если, съ одной стороны, устраненіе извѣстныхъ внѣшнихъ преградъ должно вызвать ускореніе процесса дифференціаціи внутри нашей интеллигенціи и ея распредѣленіе по различнымъ классамъ и слоямъ, то, съ другой стороны, значительная и энергичная часть этой интеллигенціи должна будетъ при современныхъ мировыхъ условіяхъ явиться сознательною выразительницею великихъ интересовъ труда. Тѣмъ болѣе, что слои интеллигенціи пополняются теперь повсюду тою новою и свѣжею интеллигенціею, которая выходитъ непосредственно изъ міра трудящихся и сохраняетъ живую связь съ нимъ.

Я не хочу останавливаться на нѣкоторыхъ странностяхъ, встрѣчаемыхъ въ статьѣ г. Изгоева, и заканчиваю свое обзорнѣе выраженіемъ глубокой увѣренности, что русской интеллигенціи предстоитъ великая общественная работа, и что она съ честью выйдетъ изъ этого испытанія, питаясь запасами живой силы и энергіи, заключающимися въ резервуарѣ трудящихся и неудержимо идущихъ къ своему счастью массъ. Такова была вѣра и руководителей лучшей части интеллигенціи, которые въ лицѣ Н. К. Михайловскаго и др., старались поставить въ тѣсную взаимную зависимость задачи свободной личности и задачи общественной солидарности.

В. Г. Подарскій.

Воспоминанія о Н. К. Михайловскомъ.

I.

„Немножко сухой“, „чрезвычайно самолюбивый“, „суровый“, „рѣзкій“, „нетерпимый“, „очень властный“... таковы опредѣленія, которыя мнѣ приходилось слышать о Н. К. Михайловскомъ до знакомства съ нимъ. Слышала я ихъ не изъ враждебнаго лагеря, а отъ людей, расположенныхъ и во всякомъ случаѣ уважавшихъ его. Правда, большинство этихъ отзывовъ давалось людьми, мало знавшими его и составлявшими свое мнѣніе по отзывамъ другихъ, по тому представленію, которое складывалось о немъ, какъ писателѣ и редакторѣ, но, въ смягченномъ видѣ, приблизительно тоже самое случалось слышать и отъ людей, если не интимно, то всетаки хорошо знавшихъ его.

Я познакомился съ Н. К. Михайловскимъ десять лѣтъ назадъ, въ 94-мъ году, въ январѣ, въ самый разгаръ петербургскаго литературнаго сезона и, помню, ѣхалъ къ нему съ чувствомъ огромнаго уваженія, вынесеннаго со студенческихъ лѣтъ, но и съ тѣмъ тревожнымъ, немножко опасливымъ чувствомъ, которое создавали во мнѣ эти отзывы. И первое впечатлѣніе, полученное мною, въ общемъ не противорѣчило этимъ отзывамъ: онъ былъ немножко сухъ и было въ глазахъ суровое и властное, и говорилъ онъ увѣреннымъ голосомъ, короткими фразами, рѣшавшими дѣло. Это было днемъ въ редакціи, на Литейномъ проспектѣ,—въ той старой, бѣдненькой, темненькой редакціи, во дворѣ, гдѣ помѣщалось только что складывавшееся тогда „Русское Богатство“—не нажившее, впрочемъ, и теперь хорошей квартиры. Происходило все то, что повторялось потомъ всѣ десять лѣтъ моего знакомства съ „Русскимъ Богатствомъ“. Являлись сотрудники, говорили объ имѣющей выйти книгѣ, говорили о цензурныхъ заминкахъ,—тоже не помню, чтобы прекращались разговоры за эти десять лѣтъ,—приходили люди, спрашивавшіе о судьбѣ своихъ статей и о темахъ, которыя имѣли въ виду для будущихъ книжекъ, являлись иногда совсѣмъ не сотрудники,—люди желавшіе сообщить какой-нибудь литературный фактъ, спросить мнѣніе его, Н. К., о томъ, что случилось вчера. Съ сдержанной манерой, съ озабоченнымъ лицомъ и суровой морщиной между сдвинутыми бровями, короткими репликами отзывался онъ на предъявлявшіеся ему запросы. Такъ и стоитъ онъ въ моей памяти—въ тужуркѣ съ неизмѣнной папирсой въ рукѣ, немножко наклонивши голову, всматриваясь въ того, кто говорилъ съ нимъ, и вслушиваясь въ то, что гово-

рилось кругомъ, — какъ написанъ онъ на портретѣ Ярошенко, наиболѣе художественно передавшемъ сущность Михайловскаго. Тутъ же я получилъ приглашеніе и въ тотъ же день былъ на редакціонномъ вечерѣ.

Я видѣлъ его на этомъ вечерѣ и еще на двухъ вечерахъ, гдѣ собиралось приблизительно одно и тоже литературное общество. Онъ былъ не тотъ рабочій, озабоченный, строгій человекъ въ тужурѣ съ портрета Ярошенко. Мнѣ нравилось видѣть, какъ онъ входилъ въ общество. Тогда тамъ было много интересныхъ, оригинальныхъ лицъ, но было что-то въ костюмѣ Н. К., въ манерѣ, съ какой онъ входилъ, въ постановкѣ головы, въ лицѣ съ прекраснымъ лбомъ и откинутыми назадъ сѣдыми волосами, въ тонкихъ изящныхъ рукахъ тонкое, неуволимо изящное и импонирующее. И, очевидно, не я одинъ испытывалъ это: было тоже что-то неуволимое, почему чувствовалось, что люди раздвигаются, чтобы дать ему мѣсто. И почти всегда онъ дѣлался центромъ. Не потому, чтобы онъ желалъ быть центромъ, чтобы говорилъ много и красиво, — это дѣлалось въ силу того, что стояло за нимъ въ томъ пройденномъ имъ пути и въ томъ изящномъ и импонирующемъ, что чувствовалось въ немъ. Не у себя, не въ редакціи, гдѣ онъ былъ всегда любезнымъ хозяиномъ, онъ выбиралъ укромное мѣстечко, гдѣ собирались интимные люди, и рѣдко принималъ участіе въ общемъ разговорѣ. И укромное мѣстечко постепенно наполнялось людьми, большой столъ пустѣлъ и центръ передвигался туда, гдѣ виднѣлась сѣдая голова Михайловскаго.

Было шумно и людно на тѣхъ вечерахъ. Тогда, десять лѣтъ назадъ, только что начиналось нѣкоторое оживленіе послѣ томительныхъ, нѣмотствующихъ, звавшихъ назадъ, къ маленькимъ дѣламъ и маленькимъ добродѣтелямъ, восьмидесятыхъ годовъ и чувствовалось приподнятое настроеніе въ литературныхъ слояхъ, тяготѣвшихъ къ „Русскому Богатству“, снова поднявшему славное знамя старыхъ журналовъ и напоминавшее обществу забытыя имъ старыя слова. Было шумно, оживленно и весело на этихъ вечерахъ и, быть можетъ, самымъ оживленнымъ былъ Н. К. Михайловскій, и среди взрывовъ смѣха, быть можетъ, всего заразительнѣе и веселѣе звучалъ его смѣхъ. Онъ былъ не Михайловскій моего стараго представленія, но слова его были тѣ, которыхъ я ждалъ. Онъ былъ скупъ на слова, но слова были сильныя и яркія, слова были — мысли: и тутъ, какъ и потомъ, за все дальнѣйшее знакомство, я не слышалъ отъ него ни одной красивой фразы, гдѣ была бы красота фразы помимо содержанія, а иногда — это не рѣдко случается — и вопреки содержанію. И эта черта строгости и какой-то особенной скупости формы, характерная для его сочиненій, бросилась мнѣ въ глаза въ его разговорѣ. И чѣмъ дальше шель вечеръ и оживленнѣе дѣлались люди, тѣмъ болѣе уходилъ отъ меня тотъ строгій, сухой, власт-

ный и нетерпимый Михайловскій, но стоило комунибудь изъ присутствовавшихъ обратиться къ нему съ острымъ, животрепещущимъ вопросомъ, стоило ему, въ самомъ разгарѣ веселья, услышать брошенное гдѣ-нибудь въ сторонѣ замѣчаніе, касавшееся литературнаго или общественнаго движенія, тѣмъ или инымъ волновавшее его,—Михайловскій сразу преображался, брови сдвигались, весь онъ настораживался и, бывали случаи, давалъ бой,—яркій, блестящій бой Михайловскаго. Онъ какъ-то умѣлъ слушать всѣхъ и слышать все, что говорилось кругомъ, и когда онъ слышалъ чью-нибудь яркую мысль, сильное слово, лицо его оварялось и пропадала складка между бровями. И такъ заразительно весело смѣялся онъ чужимъ острогамъ.

Я съ страстнымъ нетерпѣніемъ всматривался въ этого, такъ всегда интересовавшаго меня большого человѣка и, помню, тогда остановила мое вниманіе его манера слушать. Слушать рѣдко кто умѣетъ, быть можетъ, нужно сказать—чрезвычайно рѣдко. Въ безконечныхъ, и потому именно въ большинствѣ случаевъ бесплодныхъ, спорахъ, которые такъ любятъ вести россияне, люди обыкновенно слушаютъ самихъ себя, а не своего противника. И не только полные самими собой, какъ андерсеновская улитка, великолѣпные люди, которые всю жизнь слушаютъ самихъ себя и не говорятъ, а изрекаютъ и вѣщаютъ, — самые скромные и искренніе люди почти всегда слушаютъ не собесѣдника, а самихъ себя. Они до такой степени заняты концепціей своей мысли, имъ такъ хочется сказать и доказать то, что они собираются сказать, что имъ некогда вслушиваться въ доводы своего противника,—понять то, что хочеть онъ сказать, близкіе и отдаленные источники его мысли. Михайловскій слушалъ изумительно,—не тѣмъ только, что слушалъ внимательно, серьезно и, такъ сказать, уважительно: нѣсколько короткихъ репликъ, два-три вопроса сразу показывали, что онъ слушаетъ и понимаетъ, понимаетъ именно то, что хочеть сказать говорящій, душу его, лабиринтъ его мыслей.

И все это поразило меня и привлекло къ нему,—и то, что онъ такъ умѣлъ слушать, и то, что радовался чужимъ словамъ-мыслямъ и смѣялся такимъ хорошимъ, веселымъ смѣхомъ чужимъ острогамъ.

И было еще одно обстоятельство, которое въ особенности привлекло меня къ Н. К. и которое осталось у меня самымъ яркимъ пятномъ за это короткое мое знакомство—его отношеніе къ Глѣбу Ивановичу Успенскому. Ф. И. бывалъ и въ редакціи, и на тѣхъ литературныхъ вечерахъ. Онъ былъ уже боленъ, нѣсколько поправился и оживился за тѣ двѣ недѣли, которыя онъ прожилъ во время рождественскихъ праздниковъ въ Нижнемъ-Новгородѣ, но большая душа все смотрѣла изъ его острыхъ, напряженныхъ горячихъ глазъ, и, случалось, среди окружающаго

разговора начиналъ шептать болыныя слова своей болыной думы. Я зналъ еще по Нижнему-Новгороду, какъ относился Г. И. къ Михайловскому: когда ему нужно было какое-нибудь свое положеніе подтвердить или укрѣпить точнѣйшимъ, крѣпчайшимъ образомъ, онъ говорилъ:

— Николай Константиновичъ...

Было трогательно и жалостно видѣть, какъ Г. И. вездѣ, гдѣ я видѣлъ ихъ вмѣстѣ, садился рядомъ съ Н. К. и, когда тотъ говорилъ, смотрѣлъ ему въ глаза,—и я видѣлъ, съ какой заботливостью слѣдилъ за нимъ Михайловскій, какъ берегъ его и старался увести, когда находилъ, что вечеръ слишкомъ шумный и можетъ раздражать и утомлять Г. И.

Я былъ одинъ разъ въ этотъ прїездъ у Н. К. Михайловскаго. Онъ только что оторвался отъ работы и былъ опять сдержанный, застегнутый человекъ, съ сумрачнымъ лицомъ, и мнѣ было неловко, что я отрываю его отъ работы, и разговоръ нашъ не клеился. И только когда разговоръ коснулся Г. И., мнѣ стало легче говорить, я началъ рассказывать о тѣхъ двухъ недѣляхъ, которыя прожилъ онъ у меня въ Нижнемъ-Новгородѣ на Рождествѣ, и о томъ, чѣмъ онъ поразилъ меня, этотъ необыкновенный, не укладывающійся ни въ какія рамки, единственный человекъ съ его единственной, тоже не укладывающейся ни въ какія рамки, манерой думать и чувствовать. И совсѣмъ другимъ сдѣлалось сумрачное лицо Михайловскаго. Онъ увлекся и началъ рассказывать мнѣ одно изъ тысячи необыкновенныхъ и невѣроятныхъ приключеній, которое только и могло случиться съ такимъ удивительнымъ практикомъ жизни, какъ Г. И. Успенскій. Н. К. улыбался и подсмѣивался, но я чувствовалъ, какъ высоко цѣнилъ и любилъ онъ Глѣба Ивановича.

И когда я садился въ вагонъ, во мнѣ поколебалась увѣренность въ точности и вѣрности тѣхъ „немножко сухихъ“ опредѣленій Н. К. Михайловскаго, съ которыми я ѣхалъ въ Петербургъ.

II.

Потомъ мы встрѣтились въ 96-мъ году въ Нижнемъ-Новгородѣ, гдѣ я тогда жилъ, и куда онъ прїезжалъ на выставку. Въ моей памяти остался одинъ разговоръ съ нимъ. Чѣмъ была Нижегородская выставка 96-го года, этого медового мѣсяца новой русской финансовой политики и, такъ называемаго, подъема русской промышленности—всѣмъ извѣстно; но изъ той белиберды пустозвонства и организованной лжи, какой по существу являлась она,—яркимъ и свѣтлымъ пятномъ выдѣлялось участіе въ ней сельскихъ учителей и учительницъ, то совершенно особенное настроеніе, которое создали они на выставкѣ. Мнѣ приходилось

бывать на лекціяхъ и рефератахъ, которые читали для нихъ приважавшіе лекторы, я видѣлъ горячія взволнованныя лица, иногда слезы умиленія и радости. У меня мелькала смутная мысль написать о выставкѣ, и я сообщилъ Н. К. свои впечатлѣнія. Помню, онъ очень заинтересовался и разсказалъ, съ своей стороны, своей обычной насмѣшливой манерой, какъ онъ встрѣтился на выставкѣ съ двумя учительницами, просидѣвшими долгую тяжелую жизнь въ земскихъ школахъ гдѣ-то на сѣверѣ, одичавшихъ и замолчшихъ въ безмолвіи дикихъ темныхъ лѣсовъ, и какъ онѣ на перебой сообщали ему, незнакомому, случайно встрѣтившемуся человѣку, свои выставочныя впечатлѣнія, свой восторгъ и умиленіе предъ тѣмъ, что объ нихъ, забытыхъ, вспомнили, что объ нихъ, о брошенныхъ, позаботились—и помѣщеніе устроили, и льготы предоставили всякія, что превосходные люди говорили превосходныя рѣчи все о томъ же дѣлѣ народнаго образованія, которому онѣ служили, все объ нихъ же, о брошенныхъ, забытыхъ пасынкахъ русской жизни...

И чувствовалась глубокая пріязнь подъ тѣмъ насмѣшливымъ тономъ, которымъ онъ закончилъ разсказъ:

— Все повторяли: „и не мечтали... Такъ было хорошо, такъ было хорошо!..“

И теперь, перечитывая въ его литературныхъ воспоминаніяхъ маленькую исторію о Нагорской, худенькой дѣвушкѣ съ слабымъ голосомъ и торопливой рѣчью, погибшей отъ тифа на голодѣ, я вспомнилъ его разсказъ о тѣхъ выставочныхъ учительницахъ и понималъ лучше, чѣмъ понималъ раньше, какъ высоко цѣнили и какъ любилъ онъ этихъ, погибающихъ отъ разныхъ русскихъ тифовъ, застывающихъ въ глухихъ, далекихъ, безмолвныхъ мѣстахъ русской жизни, безвѣстныхъ работниковъ на благо того народа, интересы котораго онъ ставилъ во главу угла русской жизни.

Въ сентябрѣ того же года я получилъ письмо отъ моего знакомаго, близкаго къ Н. К., гдѣ тотъ писалъ, что съ Михайловскимъ плохо, начались обмороки, и спрашивалъ меня, не соглашусь ли я проводить его въ Ялту, куда ему совѣтовали уѣхать. Я и безъ того собирался ликвидировать свою нижегородскую жизнь; ликвидировалъ ее нѣсколько раньше и быстрее, чѣмъ предполагалъ, и выѣхалъ въ Ялту.

Онъ былъ тамъ—Николай Константиновичъ, а не Михайловскій, не было около него журнала, не было кругомъ всего того, что требовало его ежечаснаго, ежеминутнаго вниманія. И мнѣ странно было видѣть его въ его обычной обстановки, на маленькой дачкѣ Желтышова, въ укромномъ уголкѣ надъ моремъ. Повидимому, и онъ странно чувствовалъ себя, вродѣ рыбы, вытасченной на берегъ, и предоставлялъ своему пріятелю и мнѣ дѣлать съ нимъ, что намъ хотѣлось. Мы сидѣли въ виноградникѣ

и пили чай; двѣ собаченки, очень быстро понявшія, съ кѣмъ имѣютъ дѣло, неотступно вертѣлись около него за завтракомъ и обѣдомъ и пользовались неизмѣнно его вниманіемъ; мы ѣздили въ гости къ людямъ, которые цѣнили его, — онъ былъ добрый веселый, простой Николай Константиновичъ, не застегнутый, не настороженный. И только разъ, за обѣдомъ, въ чужомъ домѣ, поднялся острый литературный вопросъ, имѣвшій отношеніе къ расцвѣтавшему тогда марксизму, и Н. К. сразу, по петербургски насторожился, и сдѣлалось у него петербургское лицо... Только одинъ разъ, на минутку.

Въ Ялтѣ мы прожили съ Н. К. около мѣсяца, и тамъ началось мое болѣе близкое знакомство съ нимъ. Положеніе было другое: я былъ докторъ, онъ мой пациентъ. Меня удивило, что онъ не обращался въ Петербургъ къ знаменитостямъ, поразило его отношеніе къ своей болѣзни, его удивительно деликатное отношеніе ко мнѣ. И то, что онъ безусловно довѣрился мнѣ, провинціальному врачу, котораго онъ мало зналъ, трогало меня и волновало, и мнѣ было немножко страшно лѣчить его, какъ немножко страшно сейчасъ писать о немъ. Я предложилъ консилиумъ, онъ согласился, но тутъ же далъ понять, что ему не нужны никакіе консилиумы, что онъ вѣритъ мнѣ.

Быть можетъ, ни въ чемъ такъ ярко не сказывается человѣкъ, какъ въ своемъ отношеніи къ болѣзни и смерти. Мы, старые врачи, знаемъ тотъ испугъ, ту жадность къ жизни и ужасъ предъ смертью, которые овладѣваютъ людьми очень интеллигентными, очень хорошими, тѣ настойчивыя жалобы, съ которыми они обращаются къ намъ, врачамъ, и тѣ поиски, совершенно законные, самой лучшей медицины, самыхъ лучшихъ врачей. Ничего этого не было у Н. К. Въ Петербургѣ два раза обморокъ случился съ нимъ на улицѣ; какъ умный человекъ, онъ не могъ не понимать серьезности этого и вмѣстѣ съ тѣмъ относился къ своей болѣзни—не то, что безстрашно, а какъ къ чему-то досадному, надоѣдливому, что вторгается неожиданно непріятнымъ фактомъ въ его жизнь и мѣшаетъ заниматься излюбленной работой. Его здоровье стало быстро улучшаться, и уже черезъ двѣтри недѣли мы прошли съ нимъ пѣшкомъ изъ Алуки въ Ялту—около шестнадцати верстъ, чѣмъ онъ очень возгордился. Черезъ мѣсяцъ онъ уже сталъ собираться въ Петербургъ,—тамъ нужно было, тамъ ждали его.

Передъ отъѣздомъ я говорилъ ему, что нельзя успокаиваться на этомъ улучшеніи, что ему нужно продолжать лѣчиться, непременно убавить количество своего литературнаго труда, давать себѣ продолжительные отдыхи и настоятельно просилъ его посоветоваться въ Петербургѣ съ извѣстными врачами, чье мнѣніе я цѣнилъ. Онъ со всѣмъ соглашался, находилъ все это разумнымъ и цѣлесообразнымъ и говорилъ: „да, да, непременно“; но,

когда черезъ мѣсяць я прїѣхалъ въ Петербургъ, оказалось, что онъ ни у кого не лѣчился, съ головой ушелъ въ работу и оправдывался передо мною тѣмъ, что ему все некогда было и что онъ удовлетворительно себя чувствуетъ. И мнѣ снова пришлось — ту зиму я прожилъ въ Петербургѣ—наблюдать его и время отъ времени выслушивать.

III.

Онъ былъ опять Михайловскій, тотъ петербургскій Михайловскій, и снова стоялъ стражемъ на самомъ высокомъ мѣстѣ того высокаго холма плоскостной, долинной русской жизни, которая называется русской литературой,—стоялъ суровый, насто-роженный, всматривающійся въ широкую даль русской жизни, въ тѣ грозныя и радостныя, свѣтлыя и темныя—больше темныя и грозныя—перспективы, не теряющій изъ виду то мелкое и дрянное, что билось кругомъ, тѣхъ мародеровъ, которые съ неустанной, хотя и беззубой, злобой лѣзли на высокое мѣсто. И такъ рѣдко, только въ кругу интимныхъ людей, отъ которыхъ не ждалъ онъ ни камня изъ за угла, ни шипа змѣинаго, ни подворотнаго лая, онъ снова становился такимъ, какимъ я любилъ его видѣть,—веселымъ, остроумнымъ, жизнерадостнымъ, отдыхающимъ отъ сторожевой службы человѣкомъ. И я все всматривался въ него. Не потому, что мнѣ хотѣлось разрѣшить противорѣчїе между той формулой, съ которой я ѣхалъ въ Петербургъ, и моими личными впечатлѣніями,—она давно потеряла для меня смыслъ,—меня захватила та необыкновенная тонкость и сложность человѣческой природы, та совершенно особая красота духовнаго облика Николая Константиновича.

Сорокъ два года напряженной работы, эволюціонировавшей все дальше и дальше, развертывавшейся все шире и шире, и сорокъ два года непрерывающейся битвы, неустаннаго наблюденія за всѣмъ большимъ и малымъ, за радостью, печалью и смутой, которыя крутились передъ его глазами въ толчеѣ безтолковой, черезпеньколодной русской жизни!.. Все всматривался, какіе люди вновь появляются, какіе уходятъ въ прошлое, какъ забываются великія недавно звучавшія слова и на смѣну имъ звучать другимъ звукомъ другія слова, все слушалъ, чѣмъ волнуются сердца молодежи и общества, этого удивительнаго общества, безъ преемственности идей, съ глубокими оврагами, отдѣляющими дѣтей отъ отцовъ, и все старался установить эту преемственность, перекинуть мосты черезъ эти овраги. Все читаетъ—слушаетъ, что пишетъ—говоритъ ему худенькая дѣвушка съ горопливой рѣчью, о чемъ недоумѣваетъ старый батюшка изъ Сибири и, можно сказать, наканунѣ смерти, въ послѣдней книжкѣ „Русскаго Богатства“ отвѣчаетъ на его запросы.

Мнѣ хочется привести одинъ примѣръ той его манеры слушать, о которой я говорилъ раньше, который вмѣстѣ съ тѣмъ освѣтитъ этого „самолюбиваго“ человѣка.

Разъ я завтракалъ у него; кромѣ меня, былъ еще одинъ писатель, напечатавшій незадолго передъ тѣмъ двѣ-три статьи и только что начинавшій знакомиться съ Н. К. И, должно быть, ему хотѣлось поскорѣ выложить тѣ мысли, которыя онъ передумалъ,—сказать именно ему, Михайловскому, передумавшему такъ много мыслей. Разговоръ шелъ объ оскудѣніи университетской науки, собственно объ оскудѣніи крупныхъ научныхъ силъ на кафедрахъ всѣхъ факультетовъ, которое замѣчается въ послѣднее тридцатилѣтіе и такъ характерно послѣ необычнаго подъема шестидесятыхъ годовъ, выдвинувшихъ громадныя научныя силы во всѣхъ отрасляхъ знанія. Нашъ собесѣдникъ,—пріѣхавшій на какой-то научный съѣздъ,—нескладно, слѣша и волнуясь, доказывалъ, что дѣло совсѣмъ не въ оскудѣніи талантовъ, о которомъ смѣшно и говорить въ такой молодой, быстро растущей Россіи, не въ постановкѣ средней школы, которая всегда была болѣе или менѣе безобразна, и даже не въ университетскомъ уставѣ, по крайней мѣрѣ не въ немъ одномъ, а въ гораздо болѣе широкомъ и важномъ,—въ общемъ тонѣ жизни и въ той манерѣ, какой жизнь утилизируетъ людей за послѣднее тридцатилѣтіе. Много рассказывалъ изъ личныхъ своихъ наблюденій о людяхъ, прирожденныхъ химикахъ и геологахъ и политико-экономмахъ, уже проявившихъ себя въ своихъ областяхъ и служащихъ въ акцизѣ, въ путяхъ сообщенія и занимающихся другими, имѣющими мало касательства къ наукѣ, профессіями, и какая изъ этого выходитъ страшная драма для людей, и какой убытокъ нанести это обществу.

Н. К. слушалъ серьезно, внимательно, и по отдѣльнымъ вопросамъ и замѣчаніямъ, которые онъ вставлялъ время отъ времени, было видно, что онъ заинтересовался. Почувствовалъ, очевидно, это и рассказчикъ и—должно быть, въ этомъ и была его идея—перешелъ къ болѣе широкому вопросу, — о людяхъ, не использованныхъ исторіей. Говорилъ о томъ, какъ вообще жизнь утилизируетъ людей и въ какія формы выливаетъ въ разные періоды извѣстную совокупность духовныхъ силъ человѣка: чѣмъ былъ бы въ средніе вѣка Достоевскій и въ древней Руси Успенскій и Гаршинъ, и чѣмъ были бы древніе русскіе святые въ настоящее время; говорилъ, какъ рѣдко и какъ поздно находятъ люди свое мѣсто въ жизни и какъ часто вовсе не находятъ его, потому что исторія — совокупность данныхъ условій жизни — не умѣетъ использовать ихъ...

Былъ обѣдъ въ честь Мицкевича и послѣ обѣда, послѣ официальныхъ рѣчей, очень хорошихъ, очень торжественныхъ рѣчей,

люди сгрудились въ комнатѣ, сосѣдней со столовой, и я видѣлъ, какъ Михайловскій подошелъ къ N и, улыбаясь, сказалъ ему:

— Вотъ бы вамъ теперь разказать имъ про людей, не использованныхъ исторіей...

Потомъ я встрѣтилъ ихъ вмѣстѣ на одномъ изъ петербургскихъ вечеровъ, гдѣ собирается весь литературный Петербургъ, и N снова говорилъ Н. К., кѣмъ, по его мнѣнію, должны были бы быть нѣкоторые изъ присутствовавшихъ тогда гостей, если бы не случайность, считая таковой внѣшнія условія, данныя исторіей. И я слышалъ, какъ Н. К., перегнувшись черезъ столъ, сказалъ:

— Отдайте мнѣ эту тему.

Я былъ пораженъ не менѣе растерявагося и покрасѣвшаго N. Да, я слышалъ, какъ этотъ большой человѣкъ, передумавшій много думъ, этотъ „самолюбивый“ человѣкъ просилъ тему у собесѣдника, который навѣрное никогда не могъ бы разработать ее въ печати...

Мнѣ хотѣлось бы сказать нѣсколько словъ о моихъ литературныхъ отношеніяхъ съ Н. К. Михайловскимъ, объ немъ, какъ о редакторѣ. Больше и лучше скажутъ люди, больше и давнѣе меня работавшіе съ нимъ, и ближайшіе сотрудники „Русскаго Богатства“, но моя попытка освѣтить личность Н. К. была бы не полна, если бы я не коснулся главнаго нерва его жизни. Я вполне допускаю, что значительная доля тѣхъ опредѣленій его, какъ сухого, очень властнаго, нетерпимаго и проч. и проч. человѣка, выходила именно изъ этого пункта, — его редакторскихъ приемовъ. А между тѣмъ лично мнѣ именно эта сторона его личности внушала наибольшее уваженіе и симпатіи. Да, онъ былъ суровъ.

За порогомъ редакціонной комнаты оставлялись всякія личныя отношенія, симпатіи и антипатіи, и онъ былъ только литераторъ, только редакторъ, оцѣнивающій лишь то, что заключалось лишь въ рукописи, судившій ее съ точки зрѣнія тѣхъ требованій, которыя предъявлялъ онъ къ литературѣ, и того дѣла, которому служило „Русское Богатство“.

Мнѣ такъ кажется. Это не значитъ, что онъ очень восхищался моими произведеніями. Никто столько разъ не отказывалъ мнѣ и не возвращалъ рукописей, какъ Н. К. Онъ возвращалъ иногда сухо, иногда съ сожалѣніемъ, иногда писалъ короткія записки: „это для насъ не годится“, иногда говорилъ при свиданіи двѣ-три фразы, всегда указывавшія на центральный пунктъ, по которому онъ не находилъ возможнымъ помѣстить рукопись въ „Русскомъ Богатствѣ“, — было ли это несовершенство художественной формы или несоотвѣтствіе содержанія опять таки съ тѣмъ же основнымъ фономъ „Русскаго Богатства“. Меня очень огорчали эти отказы, въ большинствѣ случаевъ я былъ несогласенъ съ опредѣленіями

Н. К. и печатался въ другихъ изданіяхъ, но мое уваженіе къ нему только росло, такъ какъ это осуществляло мой идеаль журнала, сослужившаго русской жизни гораздо большую службу, нежели одна беллетристика. И — пусть читатель вдумается въ раньше сказанное и не обвинить меня въ противорѣчіи — онъ былъ удивительно деликатенъ въ этихъ отношеніяхъ. Когда онъ принималъ рукопись, онъ не дѣлалъ никакихъ попытокъ перестроить чужое зданіе — я допускаю законность этого въ редакторской дѣятельности и полезность Салтыковской редакторской манеры — помню только нѣсколько фразъ, вычеркнутыхъ имъ изъ моихъ рассказовъ за все время участія моего въ „Русскомъ Богатствѣ“. Разъ два онъ спросилъ меня: „вы не боитесь этого?“ т. е. принимаю-ли я на свою отвѣтственность то рискованное положеніе или тотъ выводъ, который можно сдѣлать изъ рассказа. Я не боялся и принималъ, и этимъ дѣло оканчивалось. И въ этомъ — тутъ тонъ дѣлаетъ музыку и трудно рассказать на бумагѣ — чувствовалось большое уваженіе къ чужой мысли, къ чужому слову и другому я и, опять таки, съ моей точки зрѣнія, тонкое и деликатное отношеніе къ писателю. Даже — и въ тѣхъ суровыхъ отказахъ, и въ той сухой и скупой мотивировкѣ отказа. Если я шелъ къ нему за бѣльшими разъясненіями, онъ охотно давалъ ихъ и детально мотивировалъ свой отказъ, но первый никогда не начиналъ — я говорю только о себѣ, — предоставляя взрослому человѣку самому разбираться, если онъ не пожелаетъ узнать отъ самого Михайловскаго.

Я повторяю, что говорю только о своихъ личныхъ литературныхъ отношеніяхъ, но изъ этихъ моихъ отношеній Николай Константиновичъ встаетъ предо мной, какъ настоящій редакторъ, суровый въ своихъ требованіяхъ и съ уваженіемъ и деликатностью относившійся къ чужой мысли, къ чужому слову. И я не забуду, какъ послѣ одного изъ такихъ отказовъ, онъ спрашивалъ меня письмомъ — очень лестнымъ и очень дорогимъ для меня, — скоро-ли я пришлоу рассказъ въ „Русское Богатство“.

Иногда дѣлаешь удивительныя открытія и, когда ихъ сдѣлаешь, удивляешься, что не открылъ ихъ раньше. Н. К. Михайловскій былъ застѣнчивый человѣкъ и, какъ случается съ нѣкоторыми категоріями застѣнчивыхъ людей, видимая суровость и настороженность являлась самозащитой для него. Я видалъ его на литературныхъ юбилеяхъ и обѣдахъ, видалъ въ „Союзѣ писателей“ и меня всегда удивляла его неохота говорить — я не помню ни одной длинной его рѣчи, но въ особенности было характерно его знакомство съ новыми людьми. Онъ подходилъ застегнутый, сдержанный, немножко суровый и церемонный, но стоило ему почувтъ въ собесѣдникѣ интереснаго съ его точки зрѣнія, а главное —

искренняго человѣка, — онъ начиналъ улыбаться не суровой улыбкой и глаза свѣтлѣли. Не одна, конечно, застычивость легла сумракомъ на его лицо и сурово сдвинула брови, не она одна смотрѣла изъ строгихъ глазъ. Онъ родился тѣмъ, чѣмъ онъ былъ, — съ отсутствіемъ тѣхъ чертъ, которыя считаются характерными особенностями русской природы — сентиментальности, расплывчатости, мягкотѣлія, лѣни и проч. Онъ родился „флесообразованнымъ“ человѣкомъ, съ хорошо и твердо отъ природы поставленнымъ духовнымъ міромъ, — какъ бывають отъ рожденія хорошо поставленные голоса, — съ той лично ему принадлежащей оригинальной комбинаціей горячо любящаго и страстно ненавидящаго сердца, съ суровой дисциплиной ума, — комбинаціей, къ счастію Россіи, дополняющей и корректирующей тотъ сентиментально расплывчатый русскій типъ „терпѣнія и любви“. Конечно, и не это одно. Сорокъ два года работы въ литературѣ, — работы Н. К., въ русской литературѣ! Да, на славномъ посту, но на тяжеломъ посту! Сорокъ два года не затихавшей, не знавшей отдыха войны за то, что онъ любилъ, и противъ того, что ненавидѣлъ, — войны со всѣми этими литературными Дыбами и Удавами, съ настоящими Іудами и маленькими Іудушками, съ маленькими людишками маленькихъ дѣлишекъ!.. Во время распвѣта, въ періодъ смуты, въ тяжелыя, зловѣщія сумерки, — нерѣдко одинъ, безъ помощниковъ... Случалось, приходилось биться на два фронта, что было безконечно тяжело и главное — больнѣе, потому что въ томъ другомъ лагерѣ были люди чистыхъ сердець и пытливаго разума, люди его тембра души. Приходилось получать удары отъ тѣхъ, кто былъ ему превыше и дороже всего въ русской жизни, — отъ тѣхъ, кого защищалъ онъ въ своемъ предсмертномъ послѣднемъ писаніи!.. Такова... логика русской жизни...

Да, лицо было сумрачное, глаза были строгіе, брови сурово сдвинуты, и, случалось, мнѣ больно было за него, когда я видѣлъ его въ толпѣ людей.

И я не тому удивляюсь, я удивляюсь его не сокрушимой энергіи, его огромной мысли, все развертывавшейся шире и шире, огромнымъ планамъ будущихъ работъ, которые, какъ мнѣ было достовѣрно извѣстно, вырабатывались у него въ послѣдніе мѣсяцы его жизни, я удивляюсь, — что онъ до конца такъ горячо любилъ людей, что онъ могъ смѣяться такимъ радостнымъ, задушевнымъ смѣхомъ.

Мнѣ обо многомъ хотѣлось бы еще говорить, рассказать читателю, какой это былъ деликатный и рыцарски благородный человѣкъ, какъ онъ не могъ отказать въ просьбѣ, оттолкнуть отъ себя навязчивыхъ, надоѣдливыхъ людей, нерѣдко изъ враждебнаго лагеря, только потому, что они обращались къ сердцу его. Мнѣ хотѣлось бы рассказать о томъ, какой онъ былъ журналистъ-работникъ и какой удивительно русскій интеллигентный человѣкъ,

до какой степени не было въ немъ буржуазности—буржуазности мысли и чувства, и еще о многомъ, но я и такъ уже вышелъ изъ поставленной себѣ рамки личныхъ воспоминаній.

Не могу не сказать объ одномъ, что связалось у меня въ сознаниіи крѣпкимъ узломъ тогда, послѣ перваго знакомства, — о Михайловскомъ и Успенскомъ, взятыхъ вмѣстѣ,—не могу потому, что именно взятые вмѣстѣ они освѣщали для меня другъ друга.

IV.

Успенскій и Михайловскій! Что, казалось-бы, можетъ быть противоположнымъ, болѣе странной, болѣе удивительной комбинаціей! Это до такой степени кажется, что мнѣ приходилось слышать отъ людей, хорошо знавшихъ и того, и другого, объясненіе ихъ тѣсной дружбы именно тѣмъ шаблоннымъ и, мнѣ думается, мало продуманнымъ выраженіемъ: „противоположности сходятся“. А между тѣмъ, у нихъ было такъ много общаго, они были такъ родственны по духу, являясь дополненіемъ другъ друга—по темамъ, которыя они трактовали, по манерѣ, какой трактовали эти темы. И оба они были настоящіе, прирожденные писатели—и только писатели, и я не могу представить себѣ ихъ обоихъ чиновниками, сельскими хозяевами, докторами, адвокатами. Мнѣ скажутъ, что это произвольный пріемъ и что ихъ темы были темами многихъ писателей „Отечественныхъ Записокъ“ семидесятыхъ годовъ, и въ этомъ смыслѣ такое-же родство можно установить между ними, и Елисеевымъ, Салтыковымъ и Гаршинымъ. Совершенно вѣрно, и не будетъ парадоксальнымъ установить кровное родство между такими, повидимому, воистину противоположностями, какъ Салтыковъ и Гаршинъ... Но изъ всѣхъ ихъ Михайловскій и Успенскій представляются мнѣ наиболее родственными другъ другу и, думаю, являлись наиболее яркими представителями той полосы русской жизни, которая называется семидесятыми годами. И потомъ, я не зналъ тѣхъ другихъ, не говорилъ съ ними, не смотрѣлъ въ ихъ глаза, не читалъ въ ихъ лицахъ.

Любопытно, что къ дѣятельности ихъ обоихъ предъявлялось одно и тоже обвиненіе. Еще въ тѣ далекіе семидесятые года мнѣ приходилось слышать упреки по адресу Г. И. Успенскаго въ томъ, что онъ беретъ жизнь по кусочкамъ, не вынашиваетъ, не творитъ большихъ образовъ, не можетъ дать большого романа, широкой картины волнующейся жизни. Говорили и говорятъ про Михайловскаго, что его публицистика мѣшаетъ его философіи, а философія чисто литературной критикѣ, что онъ тоже рветъ жизнь по кусочкамъ, размѣнивается на мелочи и потому не даетъ широкой философской системы и не можетъ замѣстить Вѣлинскаго и Добролюбова. Съ варіаціями этотъ упрекъ сопро-

вождалъ всю литературную дѣятельность обоихъ и несся не изъ однихъ вражбыхъ становъ. Интересно, что манеру творчества Успенскаго Михайловскій, въ значительной мѣрѣ, объясняетъ внѣшними условіями, при которыхъ Успенскому приходилось начинать работать,—необходимостью „разбивать въ дребезги“ широко задуманныя темы:—„Сначала ему, вѣроятно, было очень трудно совершать эти операціи, но затѣмъ онѣ вошли въ привычку, которая укрѣплялась и другими обстоятельствами чисто личнаго характера“. Именно въ этомъ пунктѣ я не согласенъ съ Н. К. Михайловскимъ, и онъ самъ, собственнымъ примѣромъ, доказываетъ, что это дѣлается и безъ внѣшнихъ условій. Самъ Михайловскій сразу далъ широко задуманную работу: „Что такое прогрессъ?“ и другія были „обстоятельства личнаго характера“,—и, тѣмъ не менѣе, это не помѣшало ему въ дальнѣйшей жизни ежечасно отказываться отъ широкихъ перспективъ намѣченныхъ философскихъ и социологическихъ системъ для клочковъ русской жизни, для злободневныхъ дѣлъ и, какъ Успенскій, писать отрывки и наброски, связанные только однимъ міросозерпаніемъ, однимъ чувствомъ и мыслью. Было, значить, что-то другое, что тянуло ихъ обоихъ отъ широко задуманныхъ темъ въ толчекъ текущей дѣйствительности. „Но тутъ-же“, пишетъ Михайловскій въ своемъ предисловіи, „иногда среди самаго процесса этой теоретической работы, привлекала меня къ себѣ своей яркой и шумной пестротой, всей своей плотью и кровью, житейская практика сегодняшняго дня, и я бросалъ высоты теоріи“.

Нѣтъ сомнѣнія,—Глѣба Ивановича, съ его огромнымъ художественнымъ талантомъ, съ его тонкимъ пониманіемъ красоты, не разъ звала къ себѣ въ звѣздныя высоты ея престола та вѣчная, „выпрямляющая“ красота, но сѣрые будни, „житейская практика сегодняшняго дня“ „всей своей плотью и кровью“, своей мукой и радостью, горемъ и слезами тянули его къ себѣ, властно требовали его вниманія. И у него возникали широкія концепціи,—и раннее „Раззореніе“, и „Власть Земли“, но „Маленькіе недостатки механизма“ русской жизни, „Четверть лошади“ ежечасно отрывали его отъ широкихъ перспективъ „въ шумную пестроту сегодняшняго дня“.

И развѣ не однѣ и тѣже темы разрабатывали они? Развѣ по Успенскому центральный пунктъ русской жизни за послѣднія десятилѣтія—„болѣзнь сердца“, „болѣзнь мысли“, „болѣзнь совѣсти“—не является болѣзью „кающихся дворянъ“ Михайловскаго? Развѣ вопросы долга и совѣсти не привлекали различно-одинаково напряженное вниманіе ихъ обоихъ и не трактовалось тоже различно одинаково-страстно ими обоими? Михайловскій находитъ, что „общій принципъ, къ которому могутъ быть сведены всѣ волненія Успенскаго, есть принципъ гармоніи, равновѣсія“. Развѣ не тотъ-же общій принципъ волненій Михайловскаго? Развѣ

не то же страстное желаніе внести гармонію въ дисгармоничную жизнь сказывалось въ его широкой формулѣ прогресса, въ его крупныхъ и мелкихъ писаніяхъ, наконецъ, въ созданіи его знаменитой формулы двуединой правды?

Мнѣ не хочется утруждать читателя дальнѣйшими выписками, но еще тогда, когда я читалъ въ первый разъ статью Михайловскаго объ Успенскомъ, меня поразило, какъ многое сказанное тамъ приложимо къ самому Михайловскому—до аскетизма творчества включительно. Было общее въ манерѣ писанія обоихъ. У обоихъ случайный фактъ, отдѣльное явленіе, тонко и всегда оригинально освѣщенное, восходило къ широкимъ обобщеніямъ и широкія обобщенія спускались къ самымъ злободневнымъ вопросамъ текущей жизни. И у обоихъ было какое-то особое умѣнье и искусство разбираться въ самой мудреной путаницѣ русской жизни.

Было что-то общее даже въ ихъ манерѣ разговаривать. Богъ знаетъ откуда начиналъ свои разсужденія Г. И. и велъ слушателей какими-то ему одному вѣдомыми переулками, и никогда нельзя было знать, куда приведетъ онъ, и какимъ образомъ получилось это яркое художественное заключеніе. Тоже всегда безъ красивыхъ фразъ и закругленныхъ періодовъ, короткими, нѣсколько аскетическими положеніями говорилъ Михайловскій и тоже нерѣдко, неожиданно для слушателей, бросалъ яркія, блестящія опредѣленія, исчерпывающія предметъ. И у каждаго при этомъ была характерный жестъ. Вытянутая рука Г. И. съ сложенными, въ родѣ двуперстнаго знаменія, пальцами словно намѣчала въ воздухѣ путь, по которому онъ мысленно шелъ, и вдругъ упиралась, словно ставила точку надъ тѣмъ пунктомъ, куда онъ пришелъ. Я напередъ зналъ, когда Михайловскій начиналъ говорить что-нибудь волновавшее его, задѣвшее. Тонкіе пальцы его маленькой изящной руки *) начинали нервно шевелиться, словно искали чего-то; по мѣрѣ рѣчи размахи становились крупнѣе, словно онъ нащупывалъ что-то, что желалъ взять, и вдругъ рука съ собранными пальцами короткимъ быстрымъ движеніемъ опускалась, и рѣчь оканчивалась. И всегда схвачено было вѣрно, и рука не выпускала того, что схватывала.

И оба они алкали и жаждали правды и ушли изъ жизни, не насытившись, оба такъ страстно стремились къ гармоніи жизни и ушли изъ нея, не увидавши зари новой гармоничной жизни, и только „сердца горестныя замѣты“ унесли съ собой въ могилу. Одинъ былъ пилигримъ, другой—воинъ, но оба были кре-

*) Я удивляюсь, почему у умершихъ писателей снимаютъ только маску съ лица, а не берутъ слѣпка съ руки,—правой руки, которой писали они.

стоносцы, искали и добывали для русского народа святую гармоничную жизнь,—не Палестину прошлаго, а обитованную землю будущаго...

И не мы—будущій историкъ государства російскаго впишетъ ихъ должнымъ прифтомъ въ скрижали русской исторіи.

V.

Для Н. К. Михайловскаго не началась еще исторія и, вѣроятно, долго не начнется. Долго будетъ онъ настоящимъ нынѣшнимъ днемъ, долго будетъ лозунгомъ, благословеннымъ для друзей и проклятымъ, ненавистнымъ для враговъ, долго его друзья будутъ вдохновляться его примѣромъ и въ его аргументаціи пользоваться неизсякаемымъ источникомъ сорока-двухлѣтней напряженной работы огромнаго ума и горячаго чувства. Долго будетъ кипѣть битва вокругъ могильнаго холма,—долго, пока не сдѣлается исторіей русской жизни то, среди чего онъ жилъ, за что и противъ чего бился онъ всю жизнь.

Мнѣ было страшно приступить къ попыткѣ характеристики Н. К. Михайловскаго: слишкомъ сложный и, выражаясь его языкомъ, слишкомъ многогранный былъ онъ человекъ, но выпавшее на мою долю рѣдкое счастье видѣть и близко знать истиннаго „рыцаря духа“, великаго человека и прекрасную человѣческую душу, такъ ярко свѣтившую и на зарѣ, и въ сумерки русской жизни, обязываетъ меня. Онъ еще не исторія для меня, онъ не ушелъ отъ меня, онъ еще для меня—Николай Константиновичъ, а не Михайловскій, и вотъ сейчасъ, какъ два мѣсяца назадъ, лежитъ предо мной съ строгимъ, благороднымъ лицомъ, и все та же складка между бровями...

Не говорятъ громко при усопшемъ, не хвалятъ въ глаза... еще не померкшіе,—я былъ бы счастливъ, если бы мнѣ удалось настоящимъ очеркомъ хоть немного поднять покрывало съ почившаго лица и показать людямъ то прекрасное и великое, что жило съ нами.

Это утѣшаетъ и это возвышаетъ.

С. Елпатьевскій.

Хроника внутренней жизни.

I. Крестьянский вопрос и попытка его рѣшенія путемъ пересмотра законоположеній о крестьянахъ.—II. Правительственныя распоряженія и сообщенія.— Назначеніе управляющаго министерствомъ народнаго просвѣщенія.—III. Правительственныя распоряженія относительно Финляндіи.—IV. Административныя распоряженія по дѣламъ печати.

I.

Всякій сколько нибудь внимательный наблюдатель русской жизни легко могъ за послѣдніе годы подмѣтить въ ней одно чрезвычайно любопытное и важное явленіе, заключающееся въ пробужденіи общественнаго интереса къ крестьянскому вопросу. Еще недавно этотъ вопросъ казался наполовину забытымъ, наполовину вытѣсненнымъ изъ сферы общественнаго вниманія. Для однихъ онъ представлялся давно и окончательно рѣшеннымъ, не требующимъ больше никакихъ особыхъ заботъ, въ глазахъ другихъ—не имѣлъ самъ по себѣ большого значенія. Но жизнь заставила вспомнить о позабытомъ было вопросѣ и вновь вернуться къ нему. Мало того,—она властно выдвинула его на первое мѣсто въ ряду ожидающихъ своего разрѣшенія проблемъ современной русской дѣйствительности и приковала къ нему вниманіе самыхъ разнообразныхъ круговъ русскаго общества. Сравнительно недавно еще покрытый забвеніемъ, крестьянскій вопросъ въ настоящее время въ сознаниіи немалой уже части общества опять является важнѣйшимъ вопросомъ всей русской жизни, отъ правильнаго рѣшенія котораго зависить удачное разрѣшеніе и всѣхъ остальныхъ ея задачъ.

Оглядываясь назадъ, не трудно возстановить и отдѣльные этапы того пути, какимъ совершилась эта перемѣна въ пониманіи крестьянскаго вопроса. Промышленный кризисъ, разразившійся въ 1899—1900 гг. и получившій вслѣдъ затѣмъ затяжной характеръ, въ корнѣ подорвалъ надежды тѣхъ, кто вѣрилъ въ возможность безпрепятственнаго и пышнаго расцвѣта крупной промышленности рядомъ съ обнищавшей и раззоренной деревней. Одновременно съ этимъ безпрестанныя голодовки и тѣсно связанныя съ ними недоразумѣнія заставили обратить вниманіе на жизнь самой деревни, озаривъ послѣднюю яркимъ и для многихъ неожиданнымъ свѣтомъ. На первыхъ порахъ, правда, возникавшій отсюда вопросъ старались поставить въ возможно болѣе частной формѣ, тщательно избѣгая всякихъ обобщеній, но уже очень скоро обобщенія оказались неизбежными. „Оскуднѣніе центра“ пришлось признать тождественнымъ съ общимъ оскуднѣніемъ русской деревни,

а положеніе сельско-хозяйственной промышленности, при первых же попыткахъ ближайшаго его разсмотрѣнія, представилось какъ нельзя тѣснѣе связаннымъ съ положеніемъ крестьянства. Въ результатъ всякая попытка найти выходъ изъ переживаемыхъ страшно затрудненій необходимо вела къ постановкѣ и обсужденію крестьянскаго вопроса. Послѣ долгаго забвенія послѣдній оказался вновь поставленнымъ на очередь не только въ обществѣ, но и въ правящихъ сферахъ.

Не такъ давно въ этихъ сферахъ предпринята была и попытка перейти отъ обсужденія названнаго вопроса къ практическому его разрѣшенію, — попытка, заслуживающая большого вниманія, такъ какъ въ ней раскрывается цѣлая программа вполне определенной и ясной политики. Высочайшимъ указомъ отъ 8 января текущаго года предписано выработанные министерствомъ внутреннихъ дѣлъ проекты новыхъ законоположеній о крестьянахъ передать для дальнѣйшей разработки въ особыя губернскія совѣщанія, которыя должны быть образованы въ тѣхъ губерніяхъ, гдѣ введено положеніе о земскихъ начальникахъ, и, сверхъ того, въ губерніяхъ Кіевской, Волынской и Подольской. Въ составъ этихъ совѣщаній, которыя будутъ засѣдать подъ предсѣдательствомъ губернатора, должны будутъ войти: губернский предводитель дворянства, начальники мѣстныхъ управленій гражданскаго вѣдомства, предсѣдатель окружнаго суда, непремѣнный членъ губернскаго присутствія или членъ отъ правительства губернскаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія, предсѣдатель губернской земской управы, не менѣе четырехъ земскихъ начальниковъ и члены отъ дворянства и земства. При этомъ члены отъ дворянства приглашаются губернаторомъ по указаніямъ собранія предводителей и депутатовъ дворянства, а въ губерніяхъ, не имѣющихъ дворянскаго представительства, по соглашенію съ губернскими предводителями дворянства, въ количествѣ не менѣе одного члена на уѣздъ; члены же отъ земства приглашаются губернаторомъ по его собственному выбору изъ состава уѣздныхъ земскихъ гласныхъ, въ числѣ одного на уѣздъ. Сверхъ того, губернаторъ можетъ приглашать въ составъ совѣщанія лицъ, которыя своимъ опытомъ или познаніями могутъ содѣйствовать успѣху возложенной на совѣщаніе задачи. Порядокъ же обсужденія составленными такимъ образомъ губернскими совѣщаніями возложеннаго на нихъ дѣла, равно какъ дѣлопроизводства въ нихъ, согласно высочайшему указу, долженъ быть определенъ инструкціей министра внутреннихъ дѣлъ.

Упомянутая инструкція остается пока не опубликованной, но, даже независимо отъ того или иного ея содержанія, одинъ указанный составъ губернскихъ совѣщаній самъ по себѣ уже не позволяетъ ожидать въ средѣ этихъ совѣщаній принципиальной критики составленныхъ въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ проектовъ.

По всей вѣроятности, послѣдніе выйдутъ изъ этихъ совѣщаній въ томъ же видѣ, въ какомъ будутъ внесены въ нихъ. Тѣмъ болѣе важнымъ, конечно, является содержаніе этихъ проектовъ, столь близкихъ къ осуществленію. Въ полномъ своемъ видѣ они еще не обнародованы, но о главныхъ началахъ, легшихъ въ ихъ основу, можно составить вполне отчетливое представленіе, благодаря опубликованному въ „Правительственномъ Вѣстникѣ“ очерку работъ редакціонной комиссіи по пересмотру законоположеній о крестьянахъ.

Названный очеркъ начинается съ указанія на то, что недочеты нашего крестьянскаго законодательства давно уже сознавались правительствомъ и еще при составленіи положеній 19 февраля 1861 года выработавшія ихъ редакціонныя комиссіи, не считая свой трудъ исчерпывающимъ, предполагали въ ближайшемъ будущемъ создать особый сельскій уставъ. „Мысль, эта, однако,—продолжаетъ очеркъ—не получила осуществленія, и сожалѣть объ этомъ едва ли приходится. Дѣйствительно, изданіе законодательнаго акта, опредѣляющаго всѣ стороны крестьянской общественной и гражданской правовой жизни, мыслимо лишь при ближайшемъ ознакомленіи съ этою жизнью, проникновеніи въ ея внутреннюю сущность. Но такого знакомства ни во время реформы 1861 года, ни даже значительно позднѣе у русскихъ образованныхъ людей безусловно не было“. По мнѣнію авторовъ очерка, „единственнымъ надежнымъ способомъ изученія крестьянскихъ распоряждовъ является практика такихъ органовъ, которые по кругу возложенныхъ на нихъ обязанностей ближайшимъ образомъ соприкасаются со всѣми внутренними явленіями народной жизни“, но „такихъ учрежденій до 1889 года въ имперіи не существовало“. Итакъ, „проникновеніе во внутреннюю сущность крестьянской жизни“ стало возможнымъ только съ введеніемъ института земскихъ начальниковъ, и только послѣдніе познакомили „русскихъ образованныхъ людей“ съ „крестьянскими распоряждками“...

Обращаясь къ опредѣленію главныхъ началъ, положенныхъ ею въ основу пересмотра законоположеній о крестьянахъ, редакціонная комиссіа напоминаетъ, что такой пересмотръ долженъ былъ совершиться „на почвѣ основныхъ началъ положеній 19-го февраля 1861 года, представляя ихъ дальнѣйшее развитіе въ соотвѣтствіи съ выяснившимися на опытѣ дѣйствительными потребностями жизни въ сельскихъ мѣстностяхъ“. Главными же постановленіями въ положеніяхъ 19-го февраля, по мнѣнію комиссіи, „должны быть признаны: обособленность крестьянскаго сословія и установленные въ соотвѣтствіи съ этимъ: особый порядокъ управленія крестьянами и неотчуждаемость крестьянскихъ надѣльныхъ земель, а также неприкосновенность основныхъ формъ крестьянскаго землепользованія отъ всякаго ихъ

коренного, велѣніемъ закона, измѣненія“. Въ частности, хотя неотчуждаемость крестьянскихъ надѣльныхъ земель и установлена закономъ значительно позже 1861 года, но она, по мнѣнію комиссіи, является лишь плодомъ естественнаго развитія основъ освободительной реформы.

Всѣ указанныя начала, по словамъ редакціонной комиссіи, вполне сохраняютъ свое значеніе и для настоящаго времени и, соотвѣтственно этому, подлежатъ дальнѣйшему охраненію и даже развитію. Свою экскурсію въ область исторіи крестьянской реформы редакціонная комиссія не сочла нужнымъ обставлять какими либо доказательствами, но въ подтвержденіе пригодности указанныхъ началъ для настоящаго времени „очеркъ работъ редакціонной комиссіи“ приводитъ нѣсколько аргументовъ.

Первое мѣсто въ ряду этихъ аргументовъ занимаетъ самый характеръ русскаго крестьянства. „Воспитанные въ неустанномъ, упорномъ трудѣ,—говорится по этому поводу въ „очеркѣ“,—привыкшіе къ исконной однообразной обстановкѣ жизни, приученные измѣнчивымъ успѣхомъ земледѣльческихъ работъ къ сознанию своей зависимости отъ вѣшнихъ силъ природы и, слѣдовательно, отъ началъ высшаго порядка, крестьяне, болѣе, чѣмъ представители какой-либо другой части населенія, стоятъ на ступенѣ совѣдающихъ и положительныхъ основъ общественности и государственности и такимъ образомъ силою вещей являются оплотомъ исторической преемственности въ народной жизни противъ всякихъ разлагающихъ силъ и беспочвенныхъ теченій. Въ этомъ издавна сложившемся и устоявшемъ въ теченіе вѣковъ бытовомъ своеобразіи нашего крестьянства лежатъ залогъ прочности его особливаго сословнаго строя. Сельское населеніе является сословнымъ цѣлымъ не по имени, не по буквѣ закона, но по своей внутренней крѣпости и сплоченности“. Послѣ освобожденія крестьянства „съ первыхъ же шаговъ своей новой жизни было поставлено въ обособленное положеніе и строго сословныя рамки“. „Въ этихъ рамкахъ сложилось и своеобразное, не лишенное мѣстныхъ особенностей, правосознаніе крестьянъ, вылившееся въ общеправовыхъ нормахъ“, и теперь „само собою разумѣется, что пока указанный источникъ самобытнаго крестьянскаго права не уступитъ безслѣдно мѣста какимъ либо опредѣленнымъ общегосударственнымъ нормамъ права писаннаго, до тѣхъ поръ отпаденіе сословныхъ граней крестьянства совершенно немислимо“.

Такимъ образомъ, сословная обособленность крестьянства питаетъ самобытное крестьянское право, существованіе котораго дѣлаетъ невозможнымъ уничтоженіе сословныхъ граней крестьянства. Не трудно видѣть, что приведенное разсужденіе представляетъ собою своеобразный кругъ, изъ котораго нѣтъ никакого логическаго выхода...

Впрочемъ, необходимость сохраненія и на будущее время

обособленнаго крестьянскаго управленія и суда, и спеціальныхъ, вѣдающихъ всѣми крестьянскими интересами, учрежденій вызывается въ глазахъ редакціонной комиссіи не однимъ лишь приведеннымъ выше соображеніемъ. „Право государства на выдѣленіе крестьянъ въ обособленную группу, подчиненную ближайшему надзору особыхъ правительственныхъ органовъ, является— по словамъ комиссіи—логическимъ послѣдствіемъ понесенныхъ государствомъ весьма серьезныхъ жертвъ для обезпеченія крестьянскаго быта. Надѣленіе крестьянъ землей за счетъ иного сословія обязываетъ правительство къ бдительному надзору за тѣмъ, чтобы этотъ земельный фондъ дѣйствительно удовлетворялъ той потребности, для коей онъ предназначенъ, а именно: обезпечивалъ существованіе крестьянства, взятаго, какъ сословіе, т. е. въ преобладающей его массѣ, а не только единичныхъ его представителей“. Кроме того, „государство и до сихъ поръ не перестаетъ принимать особыя мѣры къ обоснованію и упроченію благосостоянія земледѣльческаго люда. Съ этой цѣлью оно открываетъ крестьянамъ доступъ къ обширнымъ казеннымъ землямъ, снабжаетъ ихъ особымъ кредитомъ для приумноженія ихъ земельного фонда и т. п. Словомъ, государство и понынѣ продолжаетъ свою попечительную по отношенію къ крестьянству дѣятельность. Но тому, кто оказываетъ попеченіе, принадлежитъ и право надзора за пользующимся его попечительными заботами“.

Въ изложенной аргументаціи приходится различать двѣ стороны: чисто фактическую и, если можно въ данномъ случаѣ такъ выразиться, теоретическую. Что касается первой изъ нихъ, то она способна вызвать серьезное недоумѣніе. Врядъ ли возможно говорить о жертвахъ, понесенныхъ государствомъ для обезпеченія крестьянскаго быта. Выкупная операція, предпринятая въ видахъ такого обезпеченія, какъ извѣстно, не только не потребовала никакихъ жертвъ со стороны государства, но и доставила государственному казначейству весьма значительныя выгоды, исчисляемыя въ сотни милліоновъ рублей. Еще менѣе возможно говорить о надѣленіи крестьянъ землею „за счетъ иного сословія“. Земля, поступившая при освобожденіи крестьянъ въ ихъ собственность, была выкуплена ими у помѣщиковъ по цѣнѣ, далеко превышавшей ея рыночную стоимость и включавшей въ себѣ оплату не только самой земли, но и отходившаго отъ помѣщиковъ крестьянскаго труда. Въ виду этого нельзя утверждать, будто крестьяне были надѣлены землею за счетъ жертвъ государства или другого сословія.

Не менѣе странное впечатлѣніе производитъ, впрочемъ, приведенная аргументація и въ томъ случаѣ, если разсматривать ее совершенно независимо отъ положенныхъ въ основу ея фактовъ, исключительно съ точки зрѣнія логики. Государству, несомнѣнно, принадлежитъ не только право, но и обязанность попечительства

по отношенію къ болѣе слабымъ социальнымъ элементамъ, и такая обязанность сама по себѣ едва ли нуждается въ особыхъ доказательствахъ. Но попечительство далеко еще не тождественно ни съ опекой, ни съ надзоромъ. Это не трудно пояснить и примѣромъ. По словамъ редакціонной комиссіи, государство „отърываетъ крестьянамъ доступъ къ обширнымъ казеннымъ землямъ, снабжаетъ ихъ особымъ кредитомъ для приумноженія ихъ земельного фонда и т. п.“ Но то же самое, и при томъ въ еще болѣе большихъ размѣрахъ, практикуется государствомъ по отношенію къ дворянству и, однако, изъ этого факта никто еще пока не дѣлалъ того вывода, что дворянъ слѣдуетъ изъять изъ сферы дѣйствія общаго суда и управленія, ограничивъ при томъ ихъ личныя права. Думается, передъ такимъ выводомъ отступила бы и сама редакціонная комиссія, если бы дѣло касалось дворянъ. Но для крестьянъ она считаетъ свой выводъ неопровержимымъ и рѣшительно утверждаетъ, что „уничтоженіе сословныхъ граней для русскаго крестьянства въ настоящую пору его существованія явилось бы актомъ явнаго законодательнаго насилія надъ самобытно сложившимися и полными внутренней силы явленіями дѣйствительности“.

Признавъ, такимъ образомъ, необходимымъ сохраненіе существующаго сословнаго строя крестьянства, редакціонная комиссія сдѣлала изъ этого признанія и нѣкоторые дальнѣйшіе выводы. Въ рамки происходящаго пересмотра законоположеній о крестьянахъ, по ея мнѣнію, должны быть включены лишь тѣ законы, которыми опредѣляются внутренніе распорядки крестьянской жизни, но отнюдь не тѣ, которыми устанавливаются приемы управленія крестьянами и характеръ правительственнаго надзора за сословными крестьянскими учрежденіями и возникающими въ крестьянской средѣ отдѣльными явленіями. Равнымъ образомъ, по мнѣнію комиссіи, не подлежатъ пересмотру ни постановленія о правахъ крестьянъ личныхъ и по состоянію и о правахъ ихъ по имуществу, ни тотъ раздѣлъ общаго положенія о крестьянахъ, который касается казенныхъ сборовъ и земскихъ повинностей. Въ концѣ концовъ, подлежащими пересмотру редакціонная комиссія признаетъ лишь тѣ законоположенія, которыя касаются крестьянскаго общественнаго управленія, крестьянскаго сословнаго суда и видовъ и способовъ землепользованія крестьянъ. Противъ такого ограниченія можно было бы, правда, возразить, что характеръ существующаго у крестьянъ общественнаго управленія и сословнаго суда въ значительной мѣрѣ опредѣляется характеромъ вѣдающихъ крестьянскія дѣла правительственныхъ учрежденій. Въ данномъ случаѣ, однако же, такое возраженіе было бы напрасно, такъ какъ, по убѣжденію редакціонной комиссіи, „не смотря на несовершенства и неполноту узаконеній, опредѣляющихъ крестьянскій общественный и хо-

зайственный бытъ, все же основные, созданные ими, устои сельскаго управленія и суда, равно какъ порядокъ землепользованія, въ своихъ коренныхъ началахъ соотвѣтствуютъ бытовымъ условіямъ русской деревни и настолько укрѣпились въ сельской жизни, что, можно сказать, органически съ нею слились“. Иначе говоря, даже въ тѣхъ изъ касающихся крестьянъ узаконеній, которыя, по мнѣнію редакціонной комиссіи, подлежатъ пересмотру, она допускаетъ лишь частныя поправки, полагая, что сущность созданнаго этими узаконеніями порядка должна оставаться безъ всякихъ перемѣнъ.

Въ свою очередь и предлагаемыя комиссіей частныя поправки, являясь подчасъ очень характерными, въ общемъ не идутъ особенно далеко. Такъ, по мнѣнію комиссіи, „надлежитъ изыскать способы къ повышенію уровня личнаго состава сходовъ. Достигнуть этого возможно посредствомъ установленія болѣе строгихъ условій для полученія права участія въ нихъ. Далѣе, необходимо съ особою тщательностью остановиться на вопросѣ,—не пѣлесообразно ли замѣнить полныя сельскіе сходы сходами выборныхъ и при томъ во всѣхъ-ли обществахъ или лишь въ особо многолюдныхъ, а также по всѣмъ ли подлежащимъ вѣдѣнію сходовъ вопросамъ или только по нѣкоторымъ, и при какихъ ближайшихъ условіяхъ должна произойти подобная замѣна“. Точно такъ же, по словамъ комиссіи, „слѣдуетъ обсудить мѣры, способныя повысить умственный, а въ особенности нравственный уровень должностныхъ лицъ крестьянскаго общественнаго управленія. Нѣтъ сомнѣнія, что обезпеченность порядка деревенской жизни только и возможна при наличности толковыхъ, добросовѣстныхъ и пользующихся должнымъ въ глазахъ крестьянъ авторитетомъ начальниковъ сель и волостей“. „Однако,—пессимистически замѣчаетъ вслѣдъ за этими пожеланіями очеркъ работъ редакціонной комиссіи—при всей очевидности и безспорности конечныхъ цѣлей измѣненія этой части законодательства о крестьянахъ, редакціонная комиссія полагала, что практическія условія положенія и дѣятельности должностныхъ лицъ крестьянскаго общественнаго управленія едва ли дадутъ возможность достигнуть какихъ либо коренныхъ улучшеній въ этой области. Главнѣйшими причинами неудовлетворительнаго состава нашей сельской администраціи—пояняетъ очеркъ—являются: 1) необыкновенная многосложность ея обязанностей, исполненіе коихъ поглощаетъ массу времени и затрудняетъ возможность успѣшнаго веденія собственнаго хозяйства и иныхъ личныхъ дѣлъ, вслѣдствіе чего наилучшій элементъ деревни—зажиточные и домовитые крестьяне—отказываются отъ принятія должностей по крестьянскому общественному управленію, и 2) полная подчиненность этихъ должностныхъ лицъ рѣшительно всѣмъ органамъ уѣздной администраціи, почему либо желающимъ обратиться

къ ихъ содѣйствію. Явленія эти, находящіяся въ связи со многими особенностями мѣстнаго управленія, устранимы лишь мало по малу и при томъ только при содѣйствіи цѣлаго ряда другихъ мѣропріятій, почему въ настоящее время не представляется возможности идти далѣе нѣкоторыхъ частичныхъ въ этомъ дѣлѣ улучшеній“. Итакъ, хотя для обезпеченности порядка деревенской жизни и было бы необходимо поднятіе умственнаго и нравственнаго уровня должностныхъ лицъ крестьянскаго управленія, но подобное поднятіе признается въ настоящее время невозможнымъ, такъ какъ оно недостижимо при помощи однихъ лишь частныхъ мѣръ, а между тѣмъ проектированная реформа не должна выходить за предѣлы такихъ мѣръ. Слѣдовательно, эта реформа не принесетъ съ собою ни серьезнаго улучшенія крестьянскаго общественнаго управленія, ни „обезпеченности порядка деревенской жизни“.

Приблизительно такъ же должно быть поставлено дѣло, по предположеніямъ редакціонной комиссіи, и въ области крестьянскаго суда. Признавая серьезные недостатки дѣйствующаго нынѣ волостнаго суда, комиссія сочла, однако же, нужнымъ сохранить его въ прежней формѣ, преподавъ лишь ему въ руководство „во всѣхъ подробностяхъ разработанныя правила процессуальнаго и матеріальнаго права, какъ уголовного, такъ и гражданскаго“. При нынѣшнемъ составѣ волостнаго суда и при существующемъ полномъ его подчиненіи административной власти одно лишь указаніе для него тѣхъ или иныхъ правилъ, очевидно, не можетъ служить способомъ серьезнаго улучшенія постановки судебного дѣла въ деревнѣ. Но, кромѣ того, и самыя правила, рекомендуемая редакціонной комиссіей для реорганизаціи дѣятельности волостнаго суда, едва ли заслуживаютъ названія улучшенія.

Комиссія указываетъ, что съ предстоящимъ введеніемъ въ дѣйствіе новаго уголовного уложенія, уставъ о наказаніяхъ, налагаемыхъ мировыми судьями, утратитъ силу и значеніе дѣйствующаго закона. Между тѣмъ, въ настоящее время волостные суды при разборѣ уголовныхъ преступленій руководятся статьями именно этого устава, съ нѣкоторыми лишь ограниченіями. Въ виду этого возникаетъ необходимость выбрать на будущее время одинъ изъ трехъ возможныхъ путей: или распространить на мелкія правонарушенія, подсудныя волостному суду, дѣйствіе соотвѣтствующихъ постановленій вновь вводимаго уголовного уложенія, или ограничиться новымъ изданіемъ временныхъ правилъ для волостнаго суда, воспроизводящихъ нѣкоторыя статьи дѣйствующаго устава о наказаніяхъ, или же составить особый уставъ о наказаніяхъ, налагаемыхъ волостнымъ судомъ. Первый изъ этихъ путей представляется комиссіи неудобнымъ какъ потому что новое уголовное уложеніе рассчитано на среднюю состоятельность и степень развитія лицъ, подлежащихъ суду, и можетъ

поэтому оказаться въ рѣзкомъ противорѣчїи съ правосознаніемъ сельскаго населенія, такъ и потому, что правильное примѣненіе этого уложенія, опредѣляющаго отдѣльные виды преступныхъ дѣяній лишь крупными чертами, мыслимо лишь при наличности юридически образованныхъ судей. Что касается второго изъ указанныхъ путей, то онъ, по мнѣнію комиссіи, также неудобенъ, такъ какъ системы, положенныя въ основаніе устава о наказаніяхъ, налагаемыхъ мировыми судьями, и новаго уголовного уложенія глубоко различны между собой и потому одновременное дѣйствіе упомянутаго устава въ крестьянскомъ сословномъ судѣ и уложенія въ общихъ судебныхъ мѣстахъ могло бы создать немаловажныя замѣшательства на практикѣ, на примѣръ, при прекращеніяхъ о подсудности. Остается, стало быть, третій путь—составленіе для волостныхъ судовъ особаго устава о наказаніяхъ. При выполненіи такой задачи нужно, по словамъ редакціонной комиссіи, руководиться „слѣдующими тремя основными положеніями: 1) охватывая приблизительно ту же область проступковъ, какъ и временныя правила 12 іюля 1889 г., проектируемый уставъ, при опредѣленіи состава и отличительныхъ свойствъ преступныхъ дѣяній, долженъ опираться на постановленіе новаго уголовного уложенія, лишь приурочивая ихъ къ особымъ условіямъ и видамъ сельской преступности; 2) по внѣшней формѣ изложенія уставъ этотъ долженъ отличаться ясностью и наглядностью, избѣгать излишне отвлеченной формулировки состава наказуемыхъ проступковъ, а равно пояснять, въ цѣляхъ ихъ болѣе легкой усвоимости, устанавливаемые ими общія положенія подходящими примѣрами и вообще всемѣрно примѣняться къ уровню пониманія и мышленія той среды, для которой онъ предназначенъ, и 3) по степени наказуемости предусматриваемыхъ имъ проступковъ уставъ долженъ по возможности приближаться къ мѣрамъ карательной репрессіи, установленнымъ для однородныхъ преступленій новымъ уголовнымъ уложеніемъ, отступая отъ сего приѣма лишь въ тѣхъ случаяхъ, въ коихъ это представляется безусловно необходимымъ“.

Сама редакціонная комиссія опредѣляетъ рекомендуемую ею работу составленія особаго устава о наказаніяхъ, налагаемыхъ волостными судами, какъ сложную и трудную задачу. Въ дѣйствительности можно было бы пойти еще нѣсколько дальше и назвать эту задачу безцѣльной. Въ самомъ дѣлѣ, то затрудненіе, которое указываетъ редакціонная комиссіей для примѣненія въ волостныхъ судахъ новаго уголовного уложенія и которое заключается въ чрезмѣрной по условіямъ сельскаго быта высотѣ карательныхъ нормъ этого уложенія, могло бы быть легко устранено путемъ спеціальнаго ограниченія предѣловъ наказаній, налагаемыхъ волостными судами, подобнаго тому ограниченію, какое было установлено при распространеніи на волостные суды

статей устава о наказаніяхъ, налагаемыхъ мировыми судьями. Съ другой стороны, отсутствіе юридически образованныхъ судей, несомнѣнно, дастъ себя знать населенію при всякомъ кодексѣ. И если даже специально приноровленный къ пониманію сельскихъ жителей кодексъ въ иныхъ,—можно думать, очень немногихъ,—случаяхъ нѣсколько сгладитъ отсутствіе юридическаго образованія у судей, то проистекающая отсюда выгода будетъ всецѣло парализована тѣмъ неудобствомъ, какое возникнетъ изъ установленія различныхъ кодексовъ уголовного права въ городѣ и деревнѣ. При существованіи такихъ двухъ кодексовъ крестьянинъ, совершившій какое либо преступленіе, будетъ нести различное наказаніе, смотря по тому, было ли преступленіе совершено въ городѣ, или въ деревнѣ. Подобный порядокъ, несомнѣнно, будетъ способствовать обособленію деревенскаго населенія, но едва ли это обособленіе повлечетъ за собою подъемъ правового міровоззрѣнія крестьянства.

Между тѣмъ, редакціонная коммиссія рекомендуетъ примѣненіе того же самаго приѣма и въ области гражданскихъ правоотношеній, входящихъ въ компетенцію волостного суда. По справедливому указанію коммиссіи, подлежащія въ этой области разбирательству волостного суда иски и тяжбы нерѣдко отличаются значительною сложностью и соединены съ нелегко разрѣшаемыми вопросами факта и права. „Судъ этотъ—говоритъ коммиссія—нынѣ вѣдаетъ почти всею совокупностью спорныхъ имущественныхъ интересовъ громаднаго большинства сельскихъ обывателей. Съ одной стороны, ему подчинены, наравнѣ съ крестьянами, мѣщане, посадскіе, ремесленники и цеховые, въ томъ числѣ и лица, торгующія по промысловымъ свидѣтельствамъ, безъ выборки купеческихъ сословныхъ свидѣтельствъ. Далѣе, ему подсудны всѣ иски безъ ограниченія какою либо опредѣленною стоимостью, касающіеся надѣльныхъ земель, а всѣ прочіе—въ предѣлахъ до трехсотъ рублей, при чемъ по спорамъ о наслѣдствѣ предѣлъ этотъ повышенъ до пятисотъ рублей. Принимая въ соображеніе среднюю состоятельность лицъ, подвѣдомственныхъ волостному суду, можно смѣло утверждать, что имущественные ихъ споры въ громадномъ большинствѣ случаевъ не переступаютъ по дѣйности границъ подсудности волостного суда и, слѣдовательно, вѣдаются общими судами лишь въ видѣ исключенія. На практикѣ разрѣшаемая волостными судами дѣла о наслѣдственныхъ спорахъ между крестьянами доходятъ до нѣсколькихъ тысячъ рублей. По спорамъ о договорахъ найма и заборахъ товара суду приходится порой разбираться въ бухгалтерскихъ книгахъ, такъ какъ одной изъ сторонъ являются нерѣдко торговые люди; по заемнымъ письмамъ волостному суду приходится рѣшать значеніе поручительныхъ и иныхъ надписей; въ дѣлахъ объ арендахъ и о сносѣ построекъ—разбирать чертежи и планы“. При такой широкой компетенціи

волостного суда онъ не имѣетъ, однако же, обязательныхъ для него нормъ матеріальнаго гражданскаго права и можетъ при рѣшеніи всѣхъ гражданскихъ дѣлъ руководствоваться лишь мѣстными обычаями. Такое положеніе суда комиссія признаетъ крайнеудобнымъ.

По ея словамъ, процессъ образованія государства изъ различныхъ по ихъ этнографическому составу племенъ и народностей лишилъ народное творчество въ Россіи возможности выразиться въ ясныхъ, бесспорныхъ общихъ обычаяхъ, тождественныхъ и ясно сознаваемыхъ населеніемъ на пространствѣ всего государства. Исключенія изъ этого положенія если и существуютъ, то они сравнительно малочисленны, при чемъ относятся лишь къ нѣкоторымъ вопросамъ права. Насколько въ нѣкоторыхъ родахъ крестьянскихъ дѣлъ крѣпостное право могло являться безразличнымъ факторомъ въ вопросѣ развитія обычаевъ, напр., по праву семейному, наследственному, настолько существованіе крѣпостной зависимости тормазило развитіе обычнаго права вещнаго и обязательственнаго между крестьянами. Личная свобода—наисущественнѣйшее условіе жизненности экономическаго оборота—отсутствовала, и если въ положеніяхъ по обязательственному праву народному правовозрѣнію и удалось облечься въ форму обычаевъ, то, несомнѣнно, лишь по весьма немногимъ и частнымъ вопросамъ этого права. Между тѣмъ, экономическая жизнь крестьянства во многихъ мѣстностяхъ со времени освобожденія крестьянъ осложнилась и видоизмѣнилась до неузнаваемости. Кромѣ несложныхъ земледѣльческихъ интересовъ, возникли интересы и сдѣлки характера торговаго. Но вслѣдствіе недавности ихъ происхожденія, обычаевъ, предусматривающихъ способъ разрѣшенія дѣлъ, возникающихъ на почвѣ этихъ новыхъ гражданскихъ правоотношеній, не существуетъ уже вовсе. Вообще подъ современнымъ обычнымъ правомъ должно понимать существованіе у крестьянъ множества, часто весьма интересныхъ и разумныхъ, но исключительно мѣстныхъ, практическихъ приемовъ и правилъ въ разрѣшеніи спорныхъ правовыхъ вопросовъ,—правиль, не только не согласованныхъ съ обычаями иныхъ, иногда даже сосѣднихъ мѣстностей, но подчасъ даже и противоположныхъ имъ... Въ большинствѣ случаевъ имѣются не обычаи, разумѣя подъ этимъ терминомъ вполне опредѣлившееся правосознаніе, а простое обыкновеніе, не обладающее свойствомъ непреложнаго въ народномъ представленіи указанія и въ виду этого соблюдаемое лишь постольку, поскольку оно не нарушаетъ чьихъ либо существенныхъ интересовъ. Такимъ образомъ, рѣшить, что есть обычай и что нѣтъ, представляется часто задачей весьма трудной“.

Къ приведеннымъ указаніямъ комиссія присоединяетъ еще одно. Волостному суду, по ея словамъ, препятствуютъ руководствоваться обычаями, помимо всего сказаннаго, еще два обстоятельства.

Съ одной стороны, волостные суды очень часто находятся подъ сильнымъ вліяніемъ волостныхъ писарей, не принадлежащихъ къ мѣстному населенію и незнакомыхъ съ его обычаями, а потому склонныхъ скорѣе руководиться общимъ писаннымъ закономъ. Съ другой — апелляціонною инстанціей для волостныхъ судовъ являются уѣздные сѣзды, въ составѣ которыхъ вовсе не имѣется лицъ, знакомыхъ съ мѣстными обычаями. Между тѣмъ, въ результатѣ одновременнаго существованія двухъ соперничающихъ между собою и произвольно примѣняемыхъ правовыхъ нормъ нерѣдко вполнѣ однородныя дѣла, даже въ одномъ и томъ же судѣ, получаютъ различное разрѣшеніе. Благодаря этому, „сельское населеніе не знаетъ въ точности правилъ наслѣдованія въ своихъ имуществвахъ и лишено возможности вступать въ какія либо сдѣлки со сколько-нибудь твердой увѣренностью, что, при доведеніи возникшихъ на ихъ почвѣ споровъ до судебного разбирательства, они будутъ разрѣшены на опредѣленномъ, единообразно примѣняемомъ основаніи“, а „прямымъ послѣдствіемъ такого положенія является полное незнаніе крестьянами ни своего, ни чужого права, ни своихъ, ни чужихъ обязанностей“.

Отыскивая выходъ изъ такого положенія, редакціонная коммиссія отказывается видѣть этотъ выходъ въ коренной реорганизаціи волостного суда. „Замѣна волостного суда короннымъ—говоритъ коммиссія—была бы сопряжена съ непосильными для государственнаго казначейства расходами и, кромѣ того, оказалась бы, можно сказать, физически неосуществимой, за отсутствіемъ у насъ надлежащаго числа лицъ, могущихъ отправлять судейскія обязанности“. Нѣсколько загадочный смыслъ этихъ послѣднихъ словъ разъясняется въ дальнѣйшемъ изложеніи редакціонной коммиссіи. Какъ оказывается изъ этого изложенія, „замѣнить должности волостныхъ судей, хотя бы даже и при значительномъ сокращеніи ихъ числа, изъ состава дѣятелей, органически связанныхъ со всѣми мѣстными интересами, немислимо“, такъ какъ „прогрессивная убыль помѣстнаго класса достигла нынѣ такихъ размѣровъ, что во многихъ мѣстностяхъ встрѣчаются весьма серьезныя препятствія къ замѣщенію исключительно изъ лицъ, къ нему принадлежащихъ, должностей земскихъ начальниковъ“. Иначе говоря, замѣна волостного суда короннымъ представляется редакціонной коммиссіей только въ формѣ назначенія волостныхъ судей изъ числа мѣстныхъ помѣщиковъ—дворянъ. Нельзя, конечно, не согласиться, что такая реорганизація волостного суда въ настоящее время является, дѣйствительно, даже „физически неосуществимой“, и при томъ не только въ силу прогрессивной убыли помѣстнаго элемента. Равнымъ образомъ отвергаетъ редакціонная коммиссія и возможность другого представлявшагося ей исхода въ видѣ возложенія обязанностей волостныхъ судей на земскихъ начальниковъ. Такого рода мѣра, по заключенію коммиссіи, совер-

шенно недопустима, такъ какъ она повлекла бы за собою „коренное извращеніе“ должности земскаго начальника, превративъ ее фактически въ чисто судебную, и „была бы сопряжена съ уничтоженіемъ крестьянскихъ учреждений въ томъ видѣ, какъ они созданы закономъ 12 іюля 1889 г.“

Итакъ, въ составѣ и организаціи волостныхъ судовъ, по мнѣнію редакціонной комиссіи, не можетъ быть произведено никакихъ измѣненій. Соотвѣтственно этому, комиссія, начавъ съ указаній на недостатки волостного суда, заканчиваетъ свои разсужденія заявленіемъ о необходимости „признать разумность существованія этого суда“ и утверждаетъ, что „остается лишь снабдить его твердыми правилами писаннаго закона“. Но для такой цѣли, по словамъ комиссіи, непригодны ни X томъ дѣйствующаго свода законовъ, ни вновь составляемое гражданское уложеніе, такъ какъ заключенные въ томъ и другомъ общіе гражданскіе законы имѣютъ, главнымъ образомъ, въ виду имущественные обороты, возникающіе въ торговой и вообще экономически развитой средѣ, и не предусматриваютъ многихъ протѣйшихъ правоотношеній сельскаго земледѣльческаго населенія. Единственнымъ цѣлесообразнымъ способомъ разрѣшенія поставленной задачи комиссія признала изданіе особаго сельскаго гражданскаго устава, въ основу котораго были бы положены тѣ же начала, какими проникнуты общіе гражданскіе законы. Такой уставъ, по словамъ очерка работъ комиссіи, „долженъ отвѣчать, съ одной стороны, основнымъ установленнымъ наукою права началамъ всякаго гражданскаго законодательства, а съ другой—быть согласованнымъ съ особенностями нашего народнаго правосознанія“, и, кромѣ того, „не долженъ терять связи съ нашими общими гражданскими законами“. Вмѣстѣ съ тѣмъ наряду съ этимъ уставомъ должно сохранить свое значеніе и обычное право, при чемъ въ сферѣ наследственнаго права обычай долженъ получить первенствующее мѣсто, въ сферѣ же права обязательственнаго такое мѣсто должно быть предоставлено писанному закону и только при молчаніи послѣдняго можетъ имѣть силу обычай.

Нѣтъ спора, что сложный вопросъ объ обязательныхъ нормахъ гражданскихъ правоотношеній въ деревнѣ не можетъ быть разрѣшенъ простымъ распространеніемъ на крестьянство всѣхъ общихъ гражданскихъ законовъ. Съ другой стороны, не имѣя передъ глазами составленнаго редакціонной комиссіей проекта сельскаго гражданскаго устава, нельзя, конечно, говорить объ его деталяхъ. Но безъ всякой боязни ошибиться можно рѣшительно утверждать, что изъ двухъ возможныхъ способовъ реорганизаціи дѣятельности волостного суда редакціонная комиссія выбрала наиболѣе трудный и наименѣе осуществимый. Самый совершенный изъ возможныхъ кодексовъ врядъ ли могъ бы сколько нибудь серьезно

приблизить къ идеалу правосудія нынѣшній волостной судъ, крайне неудовлетворительный по своему составу, всецѣло подчиненный административной власти и подчиняющійся фактически даже волостному писарю. Между тѣмъ, въ дѣйствительности слышкомъ мало основаній ожидать, что проектируемый кодексъ явится образцомъ совершенства или хотя бы просто удовлетворить той цѣли, для которой онъ предназначается. Сама редакціонная коммиссія называетъ поставленную ею задачу „безмѣрно трудною“ и въ такомъ опредѣленіи нѣтъ никакой ошибки. Вплоть до самаго послѣдняго времени въ нашихъ официальныхъ сферахъ прилагалось очень мало усилій для изученія правового быта крестьянства, изслѣдованія его юридическихъ обычаевъ и ихъ систематизаціи, и то немногое, что уже сдѣлано въ этомъ отношеніи, далеко еще неспособно служить надежнымъ фундаментомъ для построенія цѣлаго кодекса. Въ виду этого проектируемый сельскій гражданскій уставъ, не измѣняя основъ существующаго въ волостныхъ судахъ порядка, явится не столько способомъ согласованія закона съ особенностями народнаго правосознанія, сколько средствомъ обособленія крестьянства отъ остальнаго населенія страны.

То же стремленіе къ юридическому обособленію крестьянства сказывается и въ предложеніи редакціонной коммиссіи составить особый процессуальный кодексъ для дѣлъ, подвѣдомственныхъ волостному суду, при чемъ цѣлью такого кодекса явилось бы оправданіе воззрѣній на судъ „не какъ на механическій аппаратъ, предназначенный только къ пассивной и безстрастной оцѣнкѣ степени самодѣятельности сторонъ, настойчивости и умѣнія ихъ въ отстаиваніи спорнаго права, но какъ на властный и авторитетный органъ, призванный къ всемѣрной защитѣ попранныаго права, а потому обязанный оказывать съ своей стороны содѣйствіе къ торжеству этого права“. Въ проектѣ этого кодекса, какъ онъ изложенъ въ очеркѣ работъ редакціонной коммиссіи, особенно характерными являются два предложенія, направленные къ сокращенію количества апелляціонныхъ и кассаціонныхъ жалобъ на рѣшенія волостныхъ судовъ. По мнѣнію коммиссіи, въ настоящее время процентъ такихъ жалобъ непомерно высокъ. „Явленіе это и вызываемое имъ непомерное развитіе дѣятельности вышнихъ надъ волостными судами инстанцій—замѣчаетъ коммиссія—легко объясняются, если принять во вниманіе отсутствіе нынѣ какихъ-либо, за исключеніемъ расхода по написанію жалобы, издержекъ, связанныхъ съ такимъ обжалованіемъ. Между тѣмъ, ничѣмъ не ограниченное право отсрочивать приведеніе въ исполненіе состоявшагося по дѣлу приговора или рѣшенія путемъ послѣдовательнаго перенесенія дѣла во всѣ инстанціи, влечетъ непосильное обремененіе сихъ послѣднихъ непроизводительною работою, колебаніе обаянія и практическаго

значенія волостного суда и огромный, едва ли поддающийся какому-либо учету, нравственный и матеріальный ущербъ для самого крестьянскаго населенія, для коего весьма важно, чтобы повседневныя гражданскія тяжбы получали своевременное окончаніе, а проступки и нарушенія, угрожающіе порядку, благочинію и безопасности въ сельскихъ мѣстностяхъ, влекли за собой энергичное, примѣрное для другихъ, карательное воздѣйствіе. Запоздалость приведенія въ исполненіе судебного рѣшенія и въ томъ, и въ другомъ случаѣ одинаково придаетъ всей судебной процедурѣ характеръ фиктивный и развѣнчиваетъ ее въ глазахъ населенія, создавая въ немъ убѣжденіе въ бессилии суда и побуждая къ самосуду“. Исходя изъ такихъ соображеній, редакціонная комиссія признаетъ нужнымъ „установить, что приговоры и рѣшенія волостного суда, состоявшіеся по нѣкоторымъ, наименѣе важнымъ и сложнымъ дѣламъ, подлежатъ приведенію въ исполненіе независимо отъ обжалованія или необжалованія ихъ“. Что же касается обжалованія окончательныхъ рѣшеній въ кассационномъ порядкѣ, то, по мнѣнію комиссії, „въ цѣляхъ сокращенія количества неосновательныхъ ходатайствъ казалось бы необходимымъ установить обязательность внесенія жалобщикомъ невоскога денежнаго залога, подлежащаго возврату лишь въ случаѣ признанія жалобы заслуживающею уваженія“.

Безспорно, осуществленіе этихъ предложеній придадо бы волостному суду болѣе „властный“ характеръ, но можно серьезно сомнѣваться въ томъ, что оно сколько-нибудь способствовало бы подъему „обаянія“ и авторитета этого суда въ глазахъ крестьянскаго населенія. Въ самомъ дѣлѣ, естественнымъ и неизбежнымъ плодомъ предлагаемыхъ комиссіею мѣръ явилось бы для крестьянъ серьезное сокращеніе доступа къ правосудію. Обжалованіе приведеннаго уже въ исполненіе приговора волостного суда во многихъ случаяхъ не имѣло бы никакого смысла, и въ виду этого крестьяне были бы вынуждены непрекословно подчиняться даже явно несправедливымъ приговорамъ. Въ свою очередь обязательное внесеніе при кассационной жалобѣ денежнаго залога, не подлежащаго возврату въ случаѣ признанія жалобы несостоятельной, явилось бы своеобразнымъ налогомъ на юридическое невѣжество крестьянскаго населенія и заставило бы менѣе зажиточную часть крестьянъ ни при какихъ обстоятельствахъ не прибѣгать къ принесенію кассационныхъ жалобъ. Такое сокращеніе возможности обращаться къ высшимъ судебнымъ инстанціямъ, очевидно, должно получить для населенія тѣмъ болѣе тяжелое значеніе, чѣмъ хуже организована низшая инстанція суда. Но крайнее несовершенство организаціи волостного суда не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію и, конечно, именно въ этомъ несовершенствѣ заключается одна изъ главныхъ причинъ столь смутившей редакціонную комиссію массы жалобъ на рѣшенія

волостныхъ судовъ. При подобныхъ условіяхъ искусственное ограниченіе притока этихъ жалобъ способно будетъ не столько поднять, сколько уронить авторитетъ суда въ глазахъ населенія.

Аналогичное значеніе имѣетъ и еще одно предложеніе комиссіи—объ освобожденіи уѣздныхъ сѣздовъ отъ обязанностей апелляціонной инстанціи по дѣламъ, рѣшаемымъ волостными судами, и объ учрежденіи для исполненія этихъ обязанностей особыхъ волостныхъ сѣздовъ въ 2—4 пунктахъ уѣзда съ тѣмъ, чтобы каждый такой сѣздъ состоялъ подъ предсѣдательствомъ земскаго начальника того участка, въ которомъ сѣзду назначено мѣсто пребыванія, изъ земскихъ начальниковъ и предсѣдателей волостныхъ судовъ участковъ, входящихъ въ районъ дѣятельности волостного сѣзда. При осуществленіи такого проекта выгода, какую могло бы получить крестьянское населеніе отъ сравнительной близости апелляціонной инстанціи, надо думать, будетъ всецѣло парализована характеромъ этой инстанціи, въ составѣ которой совсѣмъ не окажется лицъ съ юридическимъ образованіемъ и которая будетъ представлять собою скорѣе административную расправу, чѣмъ судебное учрежденіе. Непосредственнымъ результатомъ созданія такой апелляціонной инстанціи для волостныхъ судовъ должно будетъ явиться ослабленіе нормъ общаго права въ деревнѣ и усиленіе юридической обособленности крестьянства отъ всего остального населенія страны.

Такимъ образомъ, отстаивая сословную обособленность крестьянства, редакціонная комиссія желала бы развить эту обособленность даже за тѣ предѣлы, въ какихъ она существуетъ въ настоящее время. Соотвѣтственно этому, проектъ комиссіи стремится не только упрочить практикуемый нынѣ порядокъ управленія въ деревнѣ, но и создать для крестьянства особую форму суда и особые законы, которые были бы приноровлены къ закрѣпленію основныхъ особенностей нынѣшняго юридическаго положенія крестьянскаго класса, поставленнаго подъ всеобъемлющую опеку администраціи. Та же самая по существу тенденція, хотя и въ иной нѣсколько формѣ, проявляется и въ той части проекта редакціонной комиссіи, которая посвящена вопросамъ крестьянскаго землепользованія.

Въ этой послѣдней области комиссія высказывается за „неприкосновенность основныхъ формъ крестьянскаго землепользованія отъ всякаго ихъ коренного, велѣніемъ закона, измѣненія“. На первый взглядъ такое заявленіе могло бы показаться результатомъ признанія нежелательности властнаго вмѣшательства со стороны въ строй народной жизни и выработанные ею порядки землевладѣнія. Въ дѣйствительности, однако же, дѣло обстоитъ не совсѣмъ такъ. Сравнивая между собою общинное и подворное владѣніе землей, комиссія только потому не рѣшается реко-

мендовать уничтоженія перваго въ пользу втораго, что ея идеаломъ является не простой переходъ отъ общиннаго владѣнія къ подворному, а переходъ къ хуторскому хозяйству. Но,—замѣчаетъ она—„если закрѣпленіе силою закона за общинниками состоящей въ ихъ пользованіи земли на правѣ личной собственности и представляется до извѣстной степени возможнымъ, то о принудительномъ распредѣленіи земли между отдѣльными дворами, безразлично, какъ при общинномъ, такъ и при подворномъ землевладѣніи, въ обособленныхъ отрубныхъ участкахъ, разумѣется, и рѣчи быть не можетъ“. Это сознаніе полной невозможности принудительнаго введенія хуторскаго хозяйства у всѣхъ русскихъ крестьянъ и опредѣлило собою взгляды комиссіи на крестьянское землепользованіе, къ обѣимъ главнымъ формамъ котораго она по существу относится одинаково отрицательно. Благодаря послѣднему обстоятельству, признаніе „неприкосновенности основныхъ формъ крестьянскаго землепользованія отъ всякаго кореннаго ихъ измѣненія велѣніемъ закона“ не помѣшало комиссіи высказаться за сохраненіе закона 8 іюня 1893 г. о передѣлахъ мірской земли, закона, нанесшаго, какъ извѣстно, тяжелый ударъ порядкамъ общиннаго землевладѣнія. Равнымъ образомъ это признаніе не помѣшало комиссіи выступить и съ самостоятельными предложеніями, направленными къ ослабленію порядковъ общиннаго землевладѣнія. Такъ, по ея мнѣнію, слѣдовало бы „облегчить отдѣльнымъ крестьянамъ выдѣленіе своихъ земель изъ общаго состава надѣла къ одному мѣсту, съ тѣмъ, чтобы на этихъ выдѣленныхъ участкахъ они могли безпрепятственно примѣнять тѣ системы хозяйства, которыя при данномъ уровнѣ ихъ общаго развитія и степени ихъ зажиточности являются для нихъ наиболѣе прибыльными“. „Само собою разумѣется,—прибавляетъ комиссія, — что выдѣль участковъ отдѣльнымъ крестьянамъ долженъ быть обставленъ опредѣленными условіями, ограждающими большинство членовъ общества отъ постоянныхъ передѣловъ, безъ коихъ выдѣль владѣній отдѣльныхъ хозяевъ въ большинствѣ случаевъ не представляется возможнымъ“. Иными словами, рекомендуя облегчить отдѣльнымъ хозяевамъ выдѣленіе изъ общины, редакціонная комиссія одновременно проектируетъ дальнѣйшее урегулированіе передѣловъ мірской земли. Не трудно видѣть, что обѣ эти мѣры имѣютъ мало общаго съ неприкосновенностью общиннаго землевладѣнія. Но редакціонная комиссія не ограничивается ими и дѣлаетъ еще одно предложеніе въ томъ же духѣ, рекомендуя именно предоставить „извѣстной определенной части сельскихъ обществъ право требовать выдѣла къ одному мѣсту причитающейся ей доли общественной надѣльной земли, при томъ, само собою разумѣется, условіи, чтобы выдѣляющіеся выселились на отводимую имъ землю“. Такая мѣра, по мнѣнію комиссіи, облегчила бы переходъ къ хуторскому хозяй-

ству, а для осуществленія ея наиболѣе дѣйствительнымъ способомъ „могло бы явиться предоставленіе какъ самимъ выселяющимся, такъ и остающимся въ коренномъ селеніи крестьянамъ нѣкоторыхъ особыхъ податныхъ льготъ, какъ на примѣръ, освобожденія отъ взноса, въ теченіе опредѣленнаго срока, причитающихся съ нихъ выкупныхъ платежей“. Въ конечномъ итогѣ, стало быть, проектомъ комиссіи предлагается не охрана безпрепятственнаго развитія существующихъ формъ крестьянскаго землевладѣнія, а поддержка установленной надъ этимъ землевладѣніемъ административной опеки и дальнѣйшее развитіе такой опеки въ опредѣленномъ направленіи. Въ своемъ отношеніи къ аграрному вопросу въ деревнѣ редакціонная комиссія руководится тѣмъ же самымъ принципомъ, какой опредѣлили собою ея отношеніе къ крестьянскому суду и управленію.

Цѣнность этого принципа комиссія поддерживаетъ, между прочимъ, ссылкой на положенія 19 февраля 1861 года. Едва ли, однако, такую ссылку можно признать удачной. Не надо забывать, что освободительная реформа 1861 года въ своемъ практическомъ осуществленіи была извѣстнымъ компромиссомъ между новыми идеями, вторгшимися въ русскую жизнь, и старымъ крѣпостнымъ ея укладомъ. Въ качествѣ пережитковъ послѣдняго въ положеніяхъ 19 февраля, безспорно, нашли себѣ нѣкоторое мѣсто и тѣ начала, на которыя указываетъ теперь въ своемъ очеркѣ редакціонная комиссія министерства внутреннихъ дѣлъ. Но истинная сущность реформы 1861 года заключается, конечно, не въ этихъ пережиткахъ, а въ стремленіи обезпечить русскому крестьянству равноправность съ другими общественными классами и ввести его въ общую гражданскую жизнь страны. Не осуществленное въ то время полностью въ силу многочисленныхъ и разнообразныхъ препятствій, это стремленіе впоследствии постепенно заглохло и смѣнилось прямо противоположнымъ, нашедшимъ себѣ выраженіе въ законодательныхъ актахъ 80-хъ и 90-хъ годовъ прошлаго вѣка. Дальнѣйшимъ развитіемъ этихъ позднѣйшихъ законодательныхъ актовъ и является изложенный выше проектъ, сходный съ положеніями 19 февраля 1861 г. лишь въ томъ, что было въ нихъ наименѣе существеннаго и наиболѣе устарѣваго въ самый моментъ ихъ изданія. Но за сорокъ три года, прошедшіе со времени освободительной реформы, русское крестьянство успѣло значительно вырасти. При всѣхъ невзгодахъ, выпавшихъ за это время на его долю, оно не стояло на одномъ мѣстѣ и по своему настроенію далеко отошло отъ тѣхъ старыхъ порядковъ, которые до извѣстной степени наложили свою печать даже на освободительную реформу...

II.

Въ теченіе послѣдняго мѣсяца опубликованъ рядъ правительственныхъ распоряженій и сообщеній, касающихся охраны порядка. Приводимъ важнѣйшія изъ нихъ.

22 марта состоялся именной высочайшій указъ правительствующему сенату слѣдующаго содержанія:

„Указами нашими правительствующему сенату и военному министру, въ 7-й день февраля сего года данными, Сибирская желѣзная дорога объявлена на военномъ положеніи въ предѣлахъ полосы ея отчужденія. Признавъ необходимымъ примѣнить эту мѣру и къ населеннымъ пунктамъ, прилегающимъ къ Сибирской желѣзной дорогѣ, повелѣваемъ объявить на военномъ положеніи населенные пункты, перечисленные въ особомъ спискѣ.

„Объ исполненіи сего мы повелѣли указомъ нашимъ, сего числа даннымъ военному министру.

„Правительствующій сенатъ не оставитъ сдѣлать къ исполненію сего надлежащее распоряженіе“.

Одновременно съ этимъ указомъ былъ упомянутъ и упомянутый въ немъ списокъ поселеній, подлежащихъ объявленію на военномъ положеніи. Въ спискѣ этомъ поименованы слѣдующія поселенія:

Курганскаго уѣзда: у рѣки Тоболъ, на правомъ берегу: заводы Смолина и Зайцева; заимка Соколова, деревня Смолина (всѣ не далѣе 1 версты отъ моста); на лѣвомъ берегу: село Молочажово, деревня Глинка (оба не далѣе 400 сажень отъ моста). Омскаго уѣзда: у рѣки Иртышъ, на правомъ берегу: Атаманскій хуторъ и жилия постройки внѣ полосы отчужденія, по обѣ стороны полотна дороги, у самой станціи Омскъ (не далѣе 2 версты отъ моста); на лѣвомъ берегу: между мостомъ и развѣздомъ Омскъ на земельномъ участкѣ Чукуреева, выселокъ, заводы Ременникова, отдѣльныя землянки и бараки и на участкѣ Кузнецова заводъ Войцеховскаго, поселокъ Букинскій (всѣ не далѣе 3 версты отъ моста). Томскаго уѣзда: у рѣки Оби, на правомъ берегу: безуѣздный городъ Новониколаевскъ у моста по обѣ стороны; на лѣвомъ берегу: деревни Кривошеково, Бугры и возлѣ нихъ заводъ и кирпичные сараи (всѣ не далѣе 4 версты отъ моста). У рѣки Томь, на правомъ берегу: село Поломошное и выселокъ Бугры (оба не далѣе 3 версты отъ моста). Поселеніе Тайга близъ станціи Тайга. Маринскаго уѣзда: у рѣки Кія, на лѣвомъ берегу: два поселка, составляющіе предмѣстье города Маринска, и семь заводовъ (всѣ не далѣе 1 версты отъ моста, по обѣ стороны полотна дороги). Ачинскаго уѣзда: у рѣки Чулымъ на лѣвомъ берегу: заимки Павельковскаго, Вяткина, Клыкова (всѣ не далѣе

одной версты отъ моста); на правомъ берегу: заводы Романовскаго, Жулина, поселокъ при городѣ Ачинскѣ и деревня Больше-салырская (въ не далѣе $1\frac{1}{2}$ версты отъ моста по обѣ стороны полотна дороги.) Поселеніе Боготоль при станціи Боготоль. Красноярскаго уѣзда: у рѣки Енисея, на правомъ берегу: деревня Базанха (въ $1\frac{1}{2}$ верстахъ отъ моста); на лѣвомъ берегу: населенная мѣстность по берегу по обѣ стороны моста включительно, между лагеремъ, заводомъ Гадалова, предмѣстья гор. Красноярска (недалѣе 2 верстѣ отъ моста). Канскаго уѣзда: у рѣки Канъ, на правомъ берегу: село Перевозинское (въ 1 верстѣ отъ моста); на лѣвомъ берегу: городъ Канскъ (въ $\frac{1}{2}$ верстѣ отъ моста). Нижнеудинскаго уѣзда: у рѣки Уды, на лѣвомъ берегу: деревня Рубахина (въ $1\frac{1}{2}$ верстахъ отъ моста); у рѣки Ія, на лѣвомъ берегу: заводъ Колчаногова, и село Тулунъ (не далѣе 1 версты отъ моста). Балаганскаго округа: у рѣки Оки, на правомъ берегу: деревня Зарѣзная или Терпиловка и село Зима (не далѣе 2 верстѣ отъ моста). Поселеніе Чермхово. Иркутскаго уѣзда: у рѣки Бѣлой, на правомъ берегу: села Тайтурка и Мальта (оба не далѣе 1 версты по обѣ стороны моста). У рѣки Китой, на лѣвомъ берегу: села Биликтуй и Устькитой (оба не далѣе 4 верстѣ отъ моста). У рѣки Иркутъ, на правомъ берегу: при устьѣ, въ 60 саж. отъ моста, поселокъ Портъ-Артуръ или Хунхузы. Поселокъ Иннокентьевскій.

Въ „Восточномъ Обзорѣніи“ напечатано:

„Высочайшимъ указомъ, даннымъ правительствующему сенату въ 7-й день февраля сего 1904 года, Сибирская желѣзная дорога въ предѣлахъ полосы отчужденія объявлена на военномъ положеніи, съ возложеніемъ на меня обязанностей по обезпеченію государственнаго порядка и общему руководству мѣрами и средствами охраны въ предѣлахъ отчужденія и съ предоставленіемъ для сего мнѣ права командующаго арміей.

„Объявляя о таковой высочайшей волѣ во всеобщее свѣдѣніе, считаю необходимымъ пояснить, что такая чрезвычайной важности мѣра направлена исключительно противъ лихихъ людей и враговъ общественнаго порядка и спокойствія, ради обезпеченія государственнаго порядка, безпрепятственнаго движенія по желѣзной дорогѣ и охраненія спокойствія и труда обывателей отъ покушенія и нападенія преступныхъ злодѣевъ.

„Военное положеніе вступаетъ въ силу съ 13-го сего февраля—со дня оповѣщенія мною о семъ высочайшемъ повелѣніи всѣхъ властей.

„Въ силу сего положенія мнѣ предоставляется право воспрещать отдѣльнымъ лицамъ пребываніе въ мѣстностяхъ, объявленныхъ на военномъ положеніи, и высылать отдѣльныхъ лицъ во внутреннія губерніи имперіи, для учрежденія за ними полицейскаго надзора на время продолженія военнаго положенія, а ино-

«странцевъ высылать и за границу. Мѣра эта можетъ быть примѣняема ко всѣмъ лицамъ, не смотря на чинъ и званіе и къ какому бы вѣдомству и сословію они не принадлежали.

„Не принадлежація къ арміи лица гражданскаго вѣдомства въ мѣстностяхъ, объявленныхъ на военномъ положеніи, подлежатъ военному суду и наказанію по законамъ военнаго времени смертною казнію какъ за преступленія, предусмотрѣнныя ст. 17 и 20 прилож. къ ст. 23 т. II св. зак., такъ и ст. 279 воинскаго устава о наказаніяхъ, т. е. за умышленное убійство, разбой, грабежъ и умышленное зажигательство или потопленіе чужого имущества.

„Вмѣстѣ съ симъ нахожу необходимымъ обратить къ административному разрѣшенію дѣла о слѣдующихъ поступкахъ, предусмотрѣнныхъ уставомъ о наказаніяхъ, налагаемыхъ мировыми судьями: 1) Неисполненіе законныхъ распоряженій, требованій или постановленій правительственныхъ и полицейскихъ властей; 2) Ослушаніе полицейскимъ, жандармскимъ и другимъ стражамъ; 3) Ослушаніе желѣзнодорожнымъ сторожамъ или другимъ агентамъ желѣзнодорожнаго управленія при отправленіи ими должности; 4) Оскорбленіе полицейскихъ или другихъ стражей и желѣзнодорожныхъ сторожей или другихъ агентовъ желѣзнодорожнаго управленія при отправленіи ими должности; 5) Порча или истребленіе выставленныхъ по распоряженію законныхъ властей объявлений; 6) Распространеніе ложныхъ слуховъ; 7) Ссоры, драки, кулачные бои или другого рода буйства въ публичныхъ мѣстахъ; 8) Нарушеніе порядка въ публичныхъ собраніяхъ; 9) Открытіе въ недозволенное время трактировъ, харчевень и другихъ сего рода заведеній; 10) Нарушеніе правилъ относительно впуска въ трактиры, харчевни и другія сего рода заведенія нижнихъ чиновъ и отпускъ имъ крѣпкихъ напитковъ; 11) Устройство запрещенныхъ игръ въ карты, кости и т. п.; 12) Необъявленіе или невѣрное показаніе хозяину или завѣдывающему домою о перемѣнѣ жительства; 13) Необъявленіе полиціи въ срокъ о прибывшихъ въ домъ или выбывшихъ; 14) Отлучка или прожительство безъ установленныхъ видовъ; 15) Самовольное оставленіе мѣста, назначеннаго для жительства по законному распоряженію надлежащей власти, а равно самовольное возвращеніе въ мѣста, изъ коихъ виновные высланы; 16) Переѣздъ, переходъ или перетаскиваніе чего-либо черезъ желѣзную дорогу; 17) Неумышленное поврежденіе или загроможденіе пути желѣзной дороги; 18) Нарушеніе предписанныхъ общимъ уставомъ российскихъ желѣзныхъ дорогъ полицейскихъ для публики правилъ; 19) Нарушеніе или несоблюденіе служащими на желѣзныхъ дорогахъ техническихъ или специальныхъ правилъ, ограждающихъ безопасность на желѣзныхъ дорогахъ; 20) Неосторожное поврежденіе принадлежностей телеграфовъ; 21) Несоблюденіе предписанныхъ закономъ общихъ

мѣръ предосторожности противъ распространенія прилипчивыхъ и повальныхъ болѣзней; 22) Порча воды въ мѣстахъ, гдѣ ее берутъ для внутренняго употребленія; 23) Приготовленіе для продажи или продажа съѣстныхъ припасовъ или напитковъ, вредныхъ для здоровья или испортившихся; 24) Несоблюденіе надлежащей чистоты и опрятности при продажѣ съѣстныхъ припасовъ; 25) Храненіе или носеніе запрещеннаго оружія и стрѣльба въ полосѣ отчужденія; 26) Храненіе заряженнаго или другаго опаснаго оружія безъ надлежащей осторожности и носеніе онаго; 27) Приѣмъ въ закладъ отъ нижнихъ воинскихъ чиновъ казеннаго платья или амунитическихъ вещей.

За всѣ эти проступки виновные подвергаются заключенію въ тюрьмѣ до трехъ мѣсяцевъ или денежному штрафу до трехъ тысячъ рублей, при чемъ 1) заключеніе въ тюрьмѣ до семи сутокъ и штрафъ до 50 р.—опредѣляются постановленіями начальниковъ отдѣленій жандармскаго полицейскаго управленія Сибирской желѣзной дороги; 2) заключеніе въ тюрьмѣ до двухъ недѣль и штрафъ до 100 р. — постановленіями помощниковъ начальника названнаго управленія; 3) заключеніе въ тюрьмѣ до одного мѣсяца и штрафъ до 500 р. — постановленіями начальника этого управленія и, наконецъ, 4) высшая мѣра взысканій будетъ опредѣляться мною. Постановленія приводятся въ исполненіе немедленно. Подписалъ: командующій войсками сибирскаго военнаго округа генералъ-лейтенантъ Сухотинъ*).

Въ той же газетѣ напечатано слѣдующее обязательное постановленіе, изданное 23-го марта с. г. иркутскимъ военнымъ генералъ-губернаторомъ, гр. Кутайсовымъ:

„Въ силу предоставленныхъ мнѣ Высочайшимъ повелѣніемъ 13-го февраля 1904 г. полномочій постановляю нижеслѣдующія обязательныя для населенія, со дня республикованія ихъ, правила, неисполненіе которыхъ влечетъ за собою наложеніе взысканія не въ судебномъ, а въ административномъ порядкѣ: 1) Всякія сходбища и собранія на улицахъ, площадяхъ, садахъ и прочихъ общественныхъ мѣстахъ, а равно частныхъ домахъ для совѣщаній и дѣйствій, противныхъ общественному порядку и спокойствію, воспрещаются; 2) Требования полиціи разойтись или не останавливаться на мѣстахъ сборищъ должны быть исполняемы всѣми, безъ различія ихъ званія и положенія, безпрекословно и немедленно; 3) Воспрещается всѣмъ лицамъ, не смотря на ихъ званіе и положеніе, вмѣшиваться въ распоряженія полиціи по прекращенію уличнаго безпорядка; 4) Дворники, сторожа и швейцары гостиницъ и меблированныхъ комнатъ обязаны оказывать полиціи полное содѣйствіе и безпрекословно исполнять всѣ ея требованія, направленныя къ огражденію общественнаго спокойствія, порядка,

*) „Вост. Обзорѣніе“, 28-го февраля 1904 г.

благочинія, благоустройства и личной имущественной безопасности обывателей; 5) Воспрещается всѣмъ жителямъ, за исключеніемъ состоящихъ на военной и полицейской службѣ, а равно желѣзнодорожныхъ, лѣсныхъ и другихъ сторожей и лицъ, которымъ выданы надлежащія разрѣшенія на ношеніе оружія при отправленіи ихъ службы, имѣть и носить при себѣ всякое огнестрѣльное и холодное оружіе; равнымъ образомъ, воспрещается носить трости съ вдѣланными въ нихъ потайными клинками, кастеты (кистени), финскіе ножи и т. п.; 6) Воспрещается частнымъ лицамъ имѣть у себя динамитъ и другія взрывчатыя вещества; 7) Воспрещается тайная продажа спиртныхъ напитковъ; 8) Воспрещается открытіе въ недозволенное время трактировъ, харчевенъ и другихъ подобнаго рода заведеній и нарушеніе правилъ относительно впуска въ нихъ воинскихъ чиновъ и продажи имъ крѣпкихъ напитковъ; 9) Воспрещается покупка и пріемъ въ закладъ отъ воинскихъ чиновъ казенной одежды, оружія, аммуниционныхъ принадлежностей, равно какъ и отъ крестьянскаго и казачьяго населенія разнаго рода оружія казеннаго образца и принадлежностей къ нему; 10) Домовладѣльцы или ихъ управляющіе, а равно содержатели мебелированныхъ комнатъ, постоялыхъ и заѣзжихъ домовъ и квартиронаиматели обязаны немедленно извѣщать полицію о всѣхъ случившихся въ ихъ домахъ, дворахъ и квартирахъ чрезвычайныхъ событіяхъ, сходбищахъ и собраніяхъ, устройствѣ подозрительныхъ складовъ, убійствѣ, дракѣ и т. п. нарушеніяхъ тишины и спокойствія, а равно о появленіи заразныхъ болѣзней; о промышляющихъ выдачею сеудъ подъ залогъ движимаго имущества и скупкою вещей у воинскихъ чиновъ, а также обязаны безотлагательно извѣщать о всѣхъ прибывающихъ и выбывающихъ, при чемъ тѣмъ и другимъ воспрещается давать невѣрные показанія о перемѣнѣ мѣста жительства, а равно и проживание безъ установленныхъ видовъ. 11) Отъ всѣхъ пріѣзжающихъ въ гостиницы, мебелированныя комнаты и т. п. содержатели должны безотлагательно требовать виды на жительство для предъявленія полиціи; соответствующія о томъ объявленія должны быть выставлены во всѣхъ номерахъ на видныхъ мѣстахъ. 12) Если лицо, вновь прибывшее, не можетъ, по какимъ-либо причинамъ, предъявить своего вида на жительство, то должно дать домовладѣльцу или содержателю гостиницы и т. п. заведеній объясненіе о причинахъ такого непредъявленія. 13) Хозяева, завѣдывающіе мастерскими и управляющіе фабриками, заводами и друг. промышленными предпріятіями, содержатели артелей (подрядчики) обязаны при наймѣ рабочихъ и при пріемѣ служащихъ требовать: отъ мѣстныхъ жителей—удостоверенія о личности, а отъ иногородныхъ—виды на жительство. 14) Каждый обыватель обязывается немедленно сообщать полиціи свѣдѣнія о появленіи и мѣстопребываніи подозрительныхъ иностранцевъ, въ особенности

японцевъ, китайцевъ и корейцевъ. 15) Хозяева, завѣдывающіе мастерскими и управляющіе фабриками, заводами и друг. промышленными предпріятіями, содержатели артелей (подрядчики) обязаны немедленно извѣщать чиновъ полиціи о случаяхъ появленія среди рабочихъ распространителей вредныхъ политическихъ ученій и разныхъ слуховъ, волнующихъ умы и спокойствіе. 16) Воспрещается самовольное оставленіе мѣстъ, назначенныхъ для жительства. 17) Воспрещаются всякаго рода стачки, сдѣлки и другія соглашенія между торгующими, направленныя къ возвышенію цѣнъ на предметы первой необходимости: муку, крупу, мясо, молочные продукты, чай, сахаръ, дрова, керосинъ, свѣчи и т. п. Всѣ домовладѣльцы и арендаторы обязаны строго исполнять всѣ обязательныя постановленія по санитарной части, касающіяся содержанія въ чистотѣ дворовыхъ мѣстъ, выгребныхъ и отхожихъ ямъ. 19) Воспрещается порча воды въ мѣстахъ, гдѣ ее берутъ для внутренняго употребленія. 20) Воспрещается приготовленіе для продажи и продажа съѣстныхъ припасовъ и напитковъ вредныхъ для здоровья или испортившихся. 21) Воспрещается несоблюденіе надлежащей чистоты и опрятности при продажѣ съѣстныхъ припасовъ. 22) Воспрещается неисполненіе содержателями домовъ терпимости установленныхъ для послѣднихъ санитарныхъ и другихъ обязательныхъ правилъ. 23) Воспрещается нарушеніе легковыми и ломовыми извозчиками издаваемыхъ относительно извознаго промысла обязательныхъ постановленій. 24) Воспрещается раскладываніе огня или неосторожное съ нимъ обращеніе въ близкомъ разстояніи отъ жилыхъ и другихъ построекъ. Лица, виновныя въ неисполненіи или нарушеніи настоящаго обязательнаго постановленія, а также вообще въ неисполненіи законныхъ распоряженій административныхъ и полицейскихъ властей, будутъ подвергаться въ административномъ порядкѣ аресту до трехъ мѣсяцевъ или штрафу до пяти-сотъ рублей. Постановленія приводятся въ исполненіе немедленно. На разрѣшеніе указанныхъ выше дѣлъ и наложеніе соответствующихъ взысканій уполномочиваю подвѣдомственныхъ мнѣ Иркутскаго, енисейскаго и якутскаго губернаторовъ по принадлежности *).

Въ свою очередь командующимъ войсками сибирскаго военнаго округа издано, по словамъ газетъ, слѣдующее обязательное постановленіе для населенія полосы отчужденія Сибирской, Забайкальской и Кругобайкальской желѣзныхъ дорогъ, для рельсовой и ледокольной переправы черезъ Байкалъ: „1) Всѣ мастерские и прочіе рабочіе, служащіе на указанныхъ желѣзныхъ дорогахъ, за отказъ отъ работъ, за самовольное ихъ оставленіе, за неявку на работу и небрежное отношеніе къ работамъ будутъ подвергаемы въ адми-

*) „Вост. Обзорніе“, 26 марта 1904 г.

административномъ порядкѣ взысканію, установленному за несоблюденіе обязательныхъ постановленій. 2) Воспрещается оставлять самовольно работы подводчикамъ, работающимъ на озерѣ Байкаль на гужевой переправѣ пассажировъ и грузовъ, воинскихъ частей и подвижного состава рельсового пути. Виновные въ оставленіи работы будутъ подвергаемы взысканіямъ административнымъ порядкомъ на тѣхъ же основаніяхъ, именно—заключенію въ тюрьмѣ до 3 мѣсяцевъ, или штрафу до 3 тыс. руб., а лошади и подводы задерживаются, и на нихъ производятся работы по распоряженію начальства“ *)

Начальникомъ же военно-окружныхъ управленій и временно командующимъ войсками Читинской и Хейлундзянской провинцій и Забайкальской области 4 марта изданъ былъ, по словамъ „Харбинскаго Вѣстника“, слѣдующій приказъ: „Объявляю для свѣдѣнія военно-служащимъ и ихъ семействамъ, а равно и всѣмъ жителямъ сѣверной Манчуріи и Забайкальской области, что къ виновнымъ въ распространеніи ложныхъ слуховъ будутъ примѣнены въ полной строгости ст. 262 кн. XXII св. военн. пост., изд. 1869 г., и ст. 16 и 17 постановленія о мѣстностяхъ, объявленныхъ на военномъ положеніи“ **).

Въ предыдущей нашей хроникѣ были приведены свѣдѣнія о недоразумѣніяхъ, вызванныхъ среди бурятскаго населенія Забайкальской области примѣненіемъ закона 23 апрѣля 1901 г. объ управленіи и судѣ у кочевыхъ инородцевъ, и о мѣрахъ, принятыхъ администраціей къ подавленію этихъ недоразумѣній. Послѣ того въ „Забайкальскихъ Областныхъ Вѣдомостяхъ“ была напечатана слѣдующая телеграмма, полученная военнымъ губернаторомъ Забайкальской области 22 февраля изъ Верхнеудинска: „Представители инородцевъ вновь образованныхъ изъ бывшаго Хоринскаго вѣдомства волостей, собравшись съ разрѣшенія, подъ предсѣдательствомъ непремѣннаго члена Гриневецкаго, въ присутствіи крестьянскихъ и инородческихъ начальниковъ для обсужденія вопросовъ, касающихся подробностей введенія реформы и возмущенные до глубины души дерзостью вѣроломнаго врага, вознося здѣсь же чрезъ нашихъ духовныхъ лицъ горячія Господу Богу мольбы о многолѣтніи нашего возлюбленнаго Монарха, всего Царствующаго Дома и о дарованіи побѣды войскамъ Его на Дальнемъ Востокѣ, просятъ ваше превосходительство повергнуть къ стопамъ Государя Императора выраженіе нашихъ вѣрноподданныхъ чувствъ безграничной, непоколебимой преданности и единодушной готовности принести всѣ свои силы, средства и

*) „Р. Вѣдомости“, 21 марта 1904 г.

**) Цитирую по „СПБ. Вѣдомостямъ“, 4 апрѣля 1901 г.

жизнь на защиту чести и славы возлюбленного Монарха и дорогого отечества. При этом инородцы трех волостей, Бодонгутской, Гочитской и Ходайской, впредь до сбора пожертвованій остальными волостями, представителями коихъ вопросъ этотъ рѣшенъ въ положительномъ смыслѣ, жертвуютъ теперь же свою посильную лепту четыре тысячи рублей на помощь раненымъ и ихъ семьямъ. Обсудивъ далѣе всесторонне дарованный намъ Государемъ Императоромъ законъ 23 апрѣля 1901 года объ управленіи и судѣ у насъ, кочевыхъ инородцевъ, мы единогласно признали, что законъ этотъ созданъ и направленъ ко благу нашему, чего, до сихъ поръ, мы, допустивъ роковую ошибку, не сознавали и противились его введенію вопреки заповѣди великаго нашего учителя Будды; теперь мы во всѣхъ своихъ ошибкахъ и заблужденіяхъ приносимъ чистосердечное раскаяніе и новый законъ управленія и суда принимаемъ съ полнымъ довѣріемъ, что всѣ мѣропріятія нашего Государя клонятся только къ нашей пользѣ, просимъ ваше превосходительство лично принять насъ въ будущемъ подъ свою защиту и оказать намъ свое отческое содѣйствіе къ прощенію насъ и пострадавшихъ за насъ нашимъ великодушнымъ и вѣчно милымъ Монархомъ“ *).

Въ той же газетѣ напечатано слѣдующее постановленіе читинскаго губернатора: „Инородцы Агинской волости Дамдинъ Парпоніевъ, Дамдинъ Бадмаевъ, второй Дамдинъ Бадмаевъ, Сыренжапъ Очиръ Топтохоновъ за подстрекательство инородцевъ къ непринятію реформы были на основаніи Высочайше предоставленной власти подвергнуты: Дамдинъ Бадмаевъ къ аресту при читинской тюрьмѣ на 3 мѣсяца, а Очиръ Топтохоновъ временно впредь до выясненія и разслѣдованія его дѣйствій, всѣ же остальные къ высылкѣ въ Верхнеангарскъ срокомъ на 5 лѣтъ каждый. Въ виду же добровольнаго принятія Агинскими бурятами реформы, всѣ вышепоименованные инородцы отъ наложеннаго на нихъ наказанія освобождены. Бывшій ширетуй-Агинскаго дацана Галсоенъ Чайдокъ Сундаровъ за подстрекательство инородцевъ къ непринятію реформы, на основаніи Высочайше предоставленной власти, былъ подвергнутъ административной высылкѣ въ Верхнеангарскъ срокомъ на пять лѣтъ. Въ виду добровольнаго принятія Агинскими бурятами реформы, Сундаровъ отъ наложеннаго на него наказанія освобожденъ съ возстановленіемъ въ прежнемъ званіи ширетуя“ **).

По словамъ читинскаго корреспондента „Восточнаго Обзорнія“, успокоеніе среди бурятъ совпало съ отъездомъ на Дальній Востокъ военнаго губернатора Забайкальской области Надарова, назначеннаго временно къ исполненію должности приамурскаго-

*) Цитирую по „Вост. Обзорнію“, 6 марта 1904 г.

**) Цитирую по „Руси“, 11 марта 1904 г.

генераль-губернатора. „Реформа принята—сообщает названный корреспондент—почти безъ сопротивленія“, и „знающіе люди говорятъ, что реформа управленія и суда привѣтается, если бурятамъ будетъ гарантирована ихъ земельная собственность: буряты боятся обезземелія“ *). По словамъ „Сибирской Жизни“, вводимую среди бурятовъ административно-судебную реформу внесены уже, подъ вліяніемъ вызванныхъ ею волненій, нѣкоторыя существенныя и необходимыя поправки **).

На югѣ Россіи въ послѣднее время мѣстной администраціей приняты были спеціальныя мѣры противъ еврейскихъ погромовъ, о возможности которыхъ ходили упорные слухи, назначавшіе время такихъ погромовъ на Пасху.

Въ Одессѣ и. д. градоначальника Нейдгартомъ было издано 17 марта слѣдующее обязательное постановленіе: „Всѣ государевы вѣрноподданые, какой бы вѣры или народности они ни были, пользуются одинаковымъ покровительствомъ и защитой законовъ и только враги Россіи могутъ возбуждать къ междоусобию. По сему запрещая распространеніе въ предѣлахъ одесскаго градоначальства завѣдомо ложныхъ слуховъ, волнующихъ населеніе, изустно; письменно или печатно; виновнымъ—штрафъ до 500 р. или арестъ до трехъ мѣсяцевъ, на основаніи п. 2 ст. 15 положенія объ усиленной охранѣ“ ***).

Вслѣдъ затѣмъ въ Одессѣ были расклеены объявленія отъ мѣстнаго полиціймейстера, сообщавшія, что народныя развлеченія разрѣшаются только со второго дня Пасхи, т. е. съ понедѣльника, а въ первый день всякія народныя развлеченія запрещаются ****).

Въ „Вѣдомостяхъ Одесскаго Градоначальства“ опубликовано слѣдующее объявленіе и. д. одесскаго градоначальника: „Разсмотрѣвъ представленныя исполняющимъ обязанности одесскаго полиціймейстера свѣдѣнія о нарушеніи сыномъ чиновника Александромъ Нейманомъ и румынскимъ подданнымъ Вольфомъ Беренштейномъ обязательнаго постановленія отъ 4-го марта 1902 года о воспрещеніи сходбищъ, одесскій градоначальникъ, на основаніи ст. 15-й Положенія объ усиленной охранѣ, 12-го марта постановилъ: названныхъ лицъ за то, что своимъ вызывающимъ поведеніемъ собрали на улицѣ толпу, при чемъ Нейманъ возбуждалъ ее противъ евреевъ, и такъ какъ всѣ государевы вѣрноподданые, какой бы вѣры они ни были, пользуются одинаковымъ покровительствомъ и защитой законовъ и только враги Россіи

*) „Вост. Обозрѣніе“, 20 марта 1904 г.

**) Цигирую по „Праву“, 1904 г., № 12.

***) „Од. Новости“, 20 марта 1904 г.

****) „СПБ. Вѣдомости“, 1 апрѣля 1904 г.

могут возбуждать въ междоусобію, подвергнуть аресту: Неймана на два, а Беренштейна на одинъ мѣсяць *).

Въ Кишиневѣ и. д. бессарабскаго губернатора, кн. Урусовымъ издано было 18 марта, на основаніи Положенія объ усиленной охранѣ, слѣдующее обязательное постановленіе: „Въ г. Кишиневѣ за послѣднее время распространяются разные ложные слухи, тревожащіе населеніе и возбуждающіе вражду одной части жителей противъ другой. Отвѣчая предъ Государемъ Императоромъ за спокойствіе города и за безопасность его населенія, я приглашаю жителей г. Кишинева не вѣрить вздорнымъ слухамъ и воздерживаться отъ ихъ распространенія. Виновные въ распространеніи слуховъ, возбуждающихъ умы и страсти, будутъ мною подвергнуты взысканію на основаніи положенія объ усиленной охранѣ“ **). Вслѣдъ затѣмъ въ приказѣ кишиневскаго полиціймейстера было объявлено: „Согласно обязательнымъ постановленіямъ, изданныхъ г. бессарабскимъ губернаторомъ, въ предупрежденіе распространенія разныхъ ложныхъ слуховъ, возбуждающихъ умы и страсти населенія, поручаю участковымъ приставамъ о вѣхъ случаяхъ нарушенія обязательныхъ постановленій немедленно производить самое строгое разслѣдованіе для выясненія, въ чемъ именно выразилось это нарушеніе, и о личности виновнаго съ показаніемъ свѣдѣній о его поведеніи, судимости и мѣстожителствѣ, а также о томъ, кто были при этомъ свидѣтелями, и о мѣстѣ ихъ жительства. Обо всемъ выяснившемся немедленно мнѣ доносить“.

Послѣ того въ „Бессарабскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ“ было напечатано: „Г. бессарабскій губернаторъ, разсмотрѣвъ протоколъ, составленный приставомъ 3 участка Лучинскимъ 19 марта, нашелъ, что таганрогскимъ мѣщаниномъ Θεодосіемъ Доброшенко нарушены обязательныя постановленія, изданныя 18 марта 1904 г. Нарушеніе это выразилось въ томъ, что Доброшенко кричалъ на улицѣ въ присутствіи бывшихъ тамъ христіанъ и евреевъ. Обстоятельство это подтверждено городовымъ 3 участка В. Мызой, задержавшимъ Доброшенка и доставившимъ его въ участокъ. Г. губернаторъ постановилъ подвергнуть Доброшенко аресту при полицейскомъ управленіи на двѣ недѣли“.

Сверхъ того, и. д. бессарабскаго губернатора была принята для указанной цѣли и еще одна мѣра. 6 марта, какъ сообщаютъ газеты, въ кишиневской духовной консисторіи заслушано было отношеніе кн. Урусова отъ 4 марта на имя епископа кишиневскаго и хотинскаго Іакова слѣдующаго содержанія: „Въ послѣднее время мною получаютъ свѣдѣнія, что неблагонамѣренныя лица распространяютъ среди простаго населенія слухи, что евреи

*) Цитирую по „Руси“, 23 марта 1904 г.

**) „Од. Новости“, 20 марта 1904 г.

вообще, а въ томъ числѣ и бессарабскіе, относятся недоброжелательно къ правительству, собираютъ и посылаютъ деньги въ помощь Японіи, для которой будто бы купленъ уже и отправленъими броненосецъ, а также и другія ложныя извѣстія о дѣяніяхъ евреевъ, и тѣмъ само собою вооружаютъ противъ послѣднихъ простой народъ. Не говоря уже вообще о нелѣпости этихъ слуховъ, я не могу не отмѣтить, что евреи Бессарабіи съ самаго начала войны проявляютъ, подобно остальному населенію, такую-же готовность послужить своей родинѣ, выражая это, какъ заявленіями о своихъ вѣрноподданническихъ чувствахъ любви и преданности Престолу и Отечеству,—на что, по всеподданнѣйшимъ объ этомъ докладамъ Государю Императору, послѣдовали Высочайшія благодарности,—такъ и своими пожертвованіями на высокое дѣло помощи больнымъ и раненымъ воинамъ на Дальнемъ Востокѣ. Если объясненные слухи, проникая въ народъ, не будутъ опровергаемы, то у него можетъ сложиться убѣжденіе въ справедливости ихъ, послѣдствіемъ чего, несомнѣнно, можетъ явиться озлобленіе противъ евреевъ, легко могущее вызывать на предстоящихъ праздникахъ Пасхи безпорядки, подобныя имѣвшимъ мѣсто въ апрѣлѣ прошлаго года. Въ предупрежденіе этого, я имѣю честь покорнѣйше просить ваше преосвященство, не изволите ли вы призвать полезнымъ, чтобы священнослужители въ церквахъ и при всякомъ удобномъ случаѣ разубѣждали народъ и вообще укореняли бы въ немъ сознаніе, что евреи относятся къ событіямъ, приходящимъ на Дальнемъ Востокѣ, съ тѣми же чувствами, коими одушевлено и остальное населеніе Россіи, и, подобно послѣднему, и они добровольно и охотно вносятъ свои пожертвованія въ пользу „Краснаго Креста“ на дѣло попеченія объ участи воиновъ, сражающихся за родину. О распоряженіи, какое угодно будетъ вашему преосвященству сдѣлать по настоящему сообщенію, покорнѣйше прошу почтить меня увѣдомленіемъ“. На означенномъ отношеніи послѣдовала 6-го марта резолюція его преосвященства такая: „Въ консисторію, къ немедленному разсмотрѣнію“. Приказали и его преосвященство преосвященнѣйшій Іаковъ, епископъ кишиневскій и хотинскій, 6 марта 1904 г. утвердили: „Предписать циркулярно чрезъ благочинныхъ священникамъ всѣхъ церквей епархіи при всякомъ удобномъ случаѣ разъяснять своимъ прихожанамъ, что, какъ сообщаетъ г. начальникъ губерніи, бессарабскіе евреи относятся къ событіямъ на Дальнемъ Востокѣ съ тѣми-же чувствами, коими одушевлено и остальное населеніе Россіи, и, подобно послѣднему, и они добровольно и охотно вносятъ свои пожертвованія въ пользу „Краснаго Креста“ на дѣло попеченія объ участи больныхъ и раненыхъ воиновъ, и что распространяемые неблагонамѣренными лицами слухи о несочувствіи евреевъ въ настоящее трудное время нашему правительству и о сборѣ среди нихъ де-

негъ на приобрѣтеніе для Японіи броненосца лишены всякаго основанія; предписать также священникамъ епархіи о случаяхъ открытаго проявленія вражды къ евреямъ, возбуждаемой распро- страненіемъ ложныхъ слуховъ, немедленно доносить епархіаль- ному начальству“ *).

Помимо того за послѣдній мѣсяць общими и мѣстными вла- стями принятъ рядъ мѣръ, направленныхъ къ охранѣ общаго государственнаго порядка.

Въ „Правительственномъ Вѣстникѣ“ опубликовано слѣдующее Высочайше утвержденное мнѣніе Государственнаго Совѣта:

„Государственный Совѣтъ, въ соединенныхъ департаментахъ законовъ и государственной экономіи и въ общемъ собраніи, раз- смотрѣвъ представленіе министра внутреннихъ дѣлъ объ учре- жденіи въ составѣ отдѣльнаго корпуса жандармовъ должностей офицеровъ резерва, *мнѣніемъ положили*:

„I. Дѣйствующій штатъ отдѣльнаго корпуса жандармовъ (сводъ штат. воен.-сух. вѣд., кн. I, № 29, изд. 1893 г.) дополнить трид- цатью пятью должностями офицеровъ резерва, которыя опредѣ- лить въ чинѣ подполковника или ротмистра, съ правомъ произ- водства занимающихъ эти должности ротмистровъ въ подполков- ники въ общемъ учетѣ съ помощниками начальниковъ губер- скихъ жандармскихъ управленій, начальниками уѣздныхъ жан- дармскихъ управленій, начальниками отдѣленій жандармскихъ полицейскихъ управленій желѣзныхъ дорогъ и прочими соотвѣт- ствующими имъ должностными лицами.

„II. Упомянутымъ офицерамъ резерва (отд. I) присвоить жа- дованье по чину, опредѣливъ квартирное довольствіе и деньги на отопленіе и освѣщеніе квартиръ въ размѣрахъ, установлен- ныхъ Высочайше утвержденными, 20 января 1903 г. и 20 мая 1902 г., расписаніями окладовъ для офицерскихъ чиновъ на наемъ квартиры („Собр. узак.“, 1903 г., ст. 358, прил. II) и на ихъ отопленіе и освѣщеніе („Собр. узак.“ 1902 г., ст. 646, прил. II), а деньги на наемъ прислуги на основаніяхъ, указан- ныхъ въ примѣчаніи 3 къ дѣйствующему штату отдѣльнаго кор- пуса жандармовъ (свод. штат. воен.-сух. вѣд. кн. I, № 29, изд. 1893 г.).

„III. На производство вызываемаго указанными мѣрами (отд. I и II) ежегоднаго расхода, въ количествѣ пятидесяти четырехъ тысячъ семисотъ тридцати семи рублей двадцати копѣекъ, отпу- скать съ 1-го января 1904 г. соотвѣтственныя суммы изъ средствъ государственнаго казначейства, по смѣтамъ военнаго министер- ства, сверхъ установленнаго на предстоящее пятилѣтіе (1904— 1908 гг.) предѣльнаго бюджета сего вѣдомства“.

*) „Од. Новости“, 27 марта 1904 г.

Министромъ внутреннихъ дѣлъ, какъ сообщаютъ газеты, установлено въ гг. Орлѣ и Ельцѣ обязательное для хозяевъ домовъ и завѣдующихъ ими объявленіе полиціи о лицахъ, прибывшихъ въ дома и выбывшихъ изъ нихъ, съ распространеніемъ на тѣ же города и городъ Брянскъ правилъ для содержателей квартиръ, въ которыхъ отдаются въ наймы комнаты съ мебелью *).

Въ „Бессарабцѣ“ напечатаны слѣдующія обязательныя постановленія, изданныя и. д. бессарабскаго губернатора 17 марта:

„I. О воспрещеніи всякихъ сходбищъ и собраний и о соблюденіи общественной тишины и порядка. 1) Воспрещаются какія бы то ни было сходбища и собранія на улицахъ, площадяхъ, бульварахъ, въ садахъ и прочихъ общественныхъ мѣстахъ; равнымъ образомъ воспрещаются всякія остановки и сборища на улицахъ и тротуарахъ, не вызываемыя необходимостью. 2) Требования полиціи разойтись или не останавливаться должны быть исполняемы всѣми, безъ различія званія и общественнаго положенія, безпрекословно и немедленно. 3) На базарахъ, ярмаркахъ и общественныхъ гуляньяхъ, гдѣ неизбежно скопленіе народа, всѣ обязаны соблюдать тишину и порядокъ. При возникновеніи частныхъ недоразумѣній и ссоръ запрещается сбѣгаться толпами къ мѣсту происшествія, дабы не мѣшать возстановленію порядка. При пожарахъ и другихъ несчастныхъ случаяхъ въ городѣ, а также при какихъ либо беспорядкахъ и нарушеніяхъ тишины и спокойствія отнюдь не дозволяется скопленіе любопытствующихъ. 4) Постороннимъ лицамъ воспрещается вмѣшиваться въ распоряженія полиціи по прекращенію уличнаго беспорядка. 5) Всякія собранія или сходки, устраиваемыя въ частныхъ домахъ для какихъ-либо предварительныхъ совѣщаній,—какъ, напр., объ учрежденіи закономъ дозволенныхъ товариществъ, артелей и т. п.,—допускаются не иначе, какъ съ вѣдома и разрѣшенія полиціи, почему для законности такихъ сходокъ необходимо испрашивать каждый разъ разрѣшеніе, заявивъ о цѣли, времени и мѣстѣ ихъ.

II. О воспрещеніи ношенія оружія, а также о порядкѣ храненія и продажѣ его. 1) Воспрещается носить при себѣ и хранить въ жилищахъ всякое огнестрѣльное оружіе безъ особаго на то разрѣшенія полицейской власти всѣмъ жителямъ безъ изыятія, кромѣ состоящихъ на военной или полицейской службѣ и вообще по роду своей службы обязанныхъ носить или имѣть при себѣ оружіе. На храненіе огнестрѣльнаго оружія должно быть испрошено разрѣшеніе полиціи. 2) Въ равной мѣрѣ воспрещается носить всякое холодное оружіе, а также трости съ вѣланными въ нихъ потайными клинками, кастеты и т. п. 3) Воспрещается стрѣлять на улицахъ и площадяхъ, а также во дворахъ; правило это не распространяется на лицъ военнаго званія, полицейскихъ

*У „Р. Вѣдомости“, 17 марта 1904 г.

и другихъ служащихъ чиновъ, кои въ употребленіи оружія руководствуются существующими постановленіями. Лица, виновныя въ неисполненіи или нарушеніи вышеизложенныхъ требованій, подвергаются или полицейскому аресту до трехъ мѣсяцевъ, или денежному штрафу до 500 рублей. Размѣръ взысканія опредѣляется въ строгой зависимости отъ степени важности произведеннаго нарушенія, а также значенія происшедшихъ или могущихъ произойти послѣдствій. Наложеніе взысканій будетъ производиться постановленіями губернатора по протоколамъ мѣстной полиціи о нарушеніяхъ и приводиться въ исполненіе въ теченіе 24-хъ часовъ со времени полученія о томъ въ полиціи распоряженія“ *).

По словамъ той же газеты, постановленіемъ и. д. бессарабскаго губернатора подвергнуты взысканію за нарушеніе обязательныхъ постановленій слѣдующія лица: 1) врачъ Л. Е. Коганъ—аресту при полицейскомъ управленіи на двѣ недѣли; 2) мѣщ. Э. М. Флейдерманъ—штрафу въ 100 р.; 3) мѣшане: Г. Гегель, Э. Флейдерманъ, М. О. Гейтельманъ, Я. І. Ицковичъ и Б. Д.—М. Селецкий—аресту при полиціи на семь дней каждый. Остальнымъ участникамъ сходки вмѣнено въ наказаніе время, проведенное подъ предварительнымъ арестомъ **).

Въ одесскихъ газетахъ напечатано слѣдующее обязательное постановленіе и. д. одесскаго градоначальника: „Въ измѣненіе редакціи 1 пункта обязательнаго постановленія, изданнаго 4 февраля 1904 г., на основаніи ст. 15 и 1 и 2 пп. ст. 16 положенія объ усиленной охранѣ, о воспрещеніи сходбищъ и собраній въ квартирахъ и другихъ помѣщеніяхъ, я призналъ необходимымъ издать таковой въ слѣдующемъ видѣ: воспрещаются въ частныхъ квартирахъ и другихъ помѣщеніяхъ всякія сходбища и собранія, устраиваемыя для совѣщанія или дѣйствія, общей тишинѣ и спокойствію противныхъ“ ***).

Въ „Вѣдомостяхъ Одесскаго Градоначальства“ напечатаны, сверхъ того, слѣдующія постановленія и. д. одесскаго градоначальника, изданныя на основаніи п. 3 ст. 16 положенія объ усиленной охранѣ: 1) „г. градоначальникъ постановилъ: по неблагонадежности владѣльцевъ и, между прочимъ, за то, что они допустили работу внѣ установленнаго времени, закрыть перечисленные ниже ремесленныя заведенія на слѣдующія сроки: 1) на два мѣсяца: сапожно-башмачную мастерскую, содержащую въ д. № 49, по Болгарской ул., мѣщан. Ц. Сапожникомъ, и таковую-же мастерскую, содержащую въ д. № 19, по Глухой ул., мѣщ. Ф. Пе-

*) Цитирую по „Р. Вѣдомостямъ“, 21 марта 1904 г.

**) Цитирую по „Од. Новостямъ“, 8 апрѣля 1904 г.

***) Цитирую по „Праву“, 1904 г., № 14.

черскимъ; 2) на одинъ мѣсяць парикмахерскую, содержащую въ домѣ № 23, по Колонтаевской ул., мѣщ. М. Зуевымъ и 3) на одну недѣлю циркулью, содержащую М. Левенталемъ въ д. № 2, по Косовской ул.; 2) „г. градоначальникъ постановилъ: по неблагонадежности владѣльцевъ и, между прочимъ, за то, что они допустили нарушеніе обязательнаго постановленія думы о времени открытія и закрытія торговыхъ и промышленныхъ заведеній въ воскресные и праздничные дни, закрыть: 1) на двѣ недѣли галантерейный магазинъ, содержащій въ д. № 23, по Успенскому переулку, Аснисомъ; 2) на одну недѣлю бакалейный и табачный магазинъ, содержащій въ домѣ № 22, по Почтовой улицѣ, мѣщ. А. Л. Гольдштрахомъ; 3) на двѣ недѣли содержащій въ д. № 16, на углу Коблевской и Соборной пл., двор. И. Черкасскимъ бакалейный магазинъ“; 3) „г. градоначальникъ постановилъ: 1) нанявшую квартиру въ д. № 26, по Мясоѣдвской улицѣ, мѣщ. М. Лисовскую и квартиранта ея мѣщ. Б. Э. Стеркина за нарушеніе обязательнаго постановленія о воспрещеніи въ квартирахъ сборищъ съ противоправительственной цѣлью, а также дворника этого дома Якова Каверинскаго за явное уклоненіе отъ исполненія инструкціи для дворниковъ, подвергнуть аресту: Стеркина на 1 мѣсяць, Лисовскую на 2 недѣли, и Каверинскаго на 10 дней; 2) мѣщ. Антона Золотарева, нанесшаго раны ножомъ, за нарушеніе обязательнаго постановленія объ ограниченіи пользованія оружіемъ, подвергнуть аресту на 3 мѣсяца; 3) содержащій въ домѣ № 20, по Приморской ул., А. Рогайло, чайный трактиръ, по неблагонадежности его владѣльцы и, между прочимъ, за то, что Рогайло допустила въ помѣщеніи трактира рядъ санитарныхъ нарушеній, закрыть; 4) содержащую въ д. № 6, по Глухой ул., мѣщ. Э. Барской, табачную лавку, по неблагонадежности ея владѣльцы и, между прочимъ, за то, что Барская производила позднюю торговлю виѣ установленнаго времени и допускала нарушенія законоположеній о продажѣ питей, закрыть на одну недѣлю“ *).

Въ той же газетѣ напечатано: „Ученикъ желѣзнодорожнаго училища Сергѣй Ивановъ, по разсѣянности, проходя мимо старшаго его годами горожанина, позволилъ себѣ толкнуть его, за что попалъ въ участокъ. Оглашается это во избѣжаніе того, чтобы юноши не навлекали на себя подобной же непріятности. Чѣмъ образованнѣе человекъ, тѣмъ съ большимъ уваженіемъ долженъ онъ относиться къ старшимъ его годами, а не задѣвать ихъ на пути своемъ“ **).

Въ той же газетѣ напечатано „къ исполненію“ слѣдующее: „Полиція, будучи стражей общественной безопасности, должна

*) Цитирую по „Од. Новостямъ“, 27 марта и „Восходу“, 3 апрѣля 1904 г.

**) Цитирую по „Руси“, 8 апрѣля 1904 г.

всемѣрно охранять спокойный мирный трудъ обывателей и потому во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ она должна помнить главное условіе— не нарушать спокойствія населенія. Есть всегда необходимость для полиціи пресѣкать преступленія, подвергать аресту подозрѣваемыхъ, исполняя этимъ законныя требованія власти, но и это она должна производить такъ ловко и безшумно, чтобы обыденная жизнь населенія отъ этого не нарушалась. Ловкая полиція достигаетъ требуемаго незамѣтными способами, а въ то же время съ замѣтными вѣжливостью и скромностью; дѣла же по розыску она должна вести съ неотомимымъ рвеніемъ^{*)}.

Въ кievскихъ газетахъ напечатано изданное 17-го марта с. г. кievскимъ генераль-губернаторомъ, ген.-ад. Клейгельсомъ, на основаніи ст. 15 и п. 2-го ст. 16-й положенія объ усиленной охранѣ, обязательное постановленіе для жителей г. Кіева и его предмѣстій, а также и другихъ городскихъ мѣстностей Кіевской губерніи. Постановленіемъ этимъ подѣ угрозой налагаемаго въ административномъ порядкѣ ареста до трехъ мѣсяцевъ или денежнаго штрафа до 500 руб. воспрещаются всякія сходбища и собранія для совѣщаній и дѣйствій, общему спокойствію и тишинѣ противныхъ. При этомъ генераль-губернаторъ поручаетъ кievскому губернатору распространить это постановленіе на тѣ городскія мѣстности губерніи, въ которыхъ это будетъ признано необходимымъ, исключая Кіева, въ которомъ оно вступаетъ въ силу тотчасъ по опубликованіи^{**}).

Въ г. Кіевѣ, по словамъ мѣстныхъ газетъ, постановленіемъ кievскаго губернатора подвергнуты взысканію за нарушеніе обязательныхъ постановленій слѣдующія лица: 1) владѣлица дома № 83 по Владимірской улицѣ Я. И. Коринъ за допущеніе проживанія въ ея домѣ, безъ заявки вида на жительство, Х. Милявскаго—штрафу въ 100 руб.; 2) аресту на 3 мѣсяца—Х. Милявскій, А. Палій, Б. Рывкина, А. Гельгаты, М. Вайнштейнъ, М. Виленко и П. Руденко; 3) аресту на 2 мѣсяца—А. Бѣльскій и Ш. Гершковичъ; 4) аресту на 1 мѣсяць: Я. Туровскій, А. Гершманъ, Ш. Бѣлорусица, Л. Хорстухинъ, І. Хорстухинъ, А. Сушанскій, Х. Трепуба и И. Гутгарць^{***}).

Какъ сообщаютъ тѣ же газеты, постановленіемъ кievскаго губернатора отъ 20-го марта подвергнуты взысканіямъ, за нарушеніе обязательнаго постановленія губернатора отъ 18-го января с. г. слѣдующія лица: 1) домовладѣлица дома № 15 по Введенской улицѣ, жена надворнаго совѣтника Александра Семенова

^{*)} Цитирую по „Нижегор. Листку“, 19 марта 1904 г.

^{**}) Цитирую по „Праву“, 1904 г., № 14.

^{***}) Цитирую по „Од. Новостямъ“, 20 марта, 1904 г.

Дараганъ, являющаяся также виновною и въ нарушеніи обязательнаго постановленія генераль-губернатора отъ 21 апрѣля 1879 г. и 15 сентября 1881 года о пропискѣ видовъ на жительство денежному штрафу въ размѣрѣ 25 руб.; 2) аресту на три мѣсяца: гомельскій мѣщ. Фроимъ-Дворкинъ, милославскій мѣщ. Шліома Каспинъ, рѣчицкій мѣщ. Юдко Зашепскій, мѣщ. м. Шклова гомельскаго уѣзда, Брайна Какузина, мѣщ. м. Жлобина, рогачевскаго уѣзда, Хая-Гитля Волохова, слупскія мѣщанки Малка Ялкупть и Судя-Песя Ялкупть и старобыховскій мѣщанинъ Хаимъ-Янкель Каць; 3) аресту на два мѣсяца: крест. дроздовской вол. городнянскаго уѣзда, черниговской губ., Петръ Горбатенко. Поименованнымъ въ пп. II и III настоящаго постановленія лицамъ, срокъ наказанія исчисляется со дня ихъ задержанія *).

Постановленіемъ кievскаго губернатора отъ 16 марта Берко-Хаимъ Бассъ, за нарушеніе обязательныхъ постановленій генераль-губернатора отъ 21 апрѣля 1879 г. и 15 сентября 1881 г. о пропискѣ видовъ на жительство, подвергнутъ штрафу въ 200 р. Кроме того, за послѣднее время кievскимъ губернаторомъ оштрафованы еще 145 домовладѣльцевъ, нарушившихъ обязательное постановленіе генераль-губернатора объ освѣщеніи дворовъ и лѣстницъ и пропискѣ видовъ на жительство. Наибольшій изъ этихъ штрафовъ достигаетъ 200 р., наименьшій—1 р. **).

Сверхъ того, въ кievскихъ газетахъ напечатано слѣдующее:

Постановленіемъ кievскаго губернатора отъ 2 апрѣля, нижепоименованныя лица, за нарушеніе обязательнаго постановленія отъ 18 января 1904 года, подвергнуты нижеслѣдующимъ взысканіямъ: 1) мѣщанинъ Хайрудинъ Хисамудиновъ Сайдашевъ, крестьянинъ Никифоръ Даниловъ Чеботько, крестьянинъ с. Троцкаго, васильковскаго уѣзда, Иванъ Кузьмичъ Запорожець, крестьянинъ села Радомки, сосницкаго уѣзда, Кузьма Евменьевъ Шарповъ, крестьянинъ м. Мурафы, ямпольскаго уѣзда, Дмитрій Ефимовъ Яблонскій, мѣщанинъ посада Клиницы, Черниговской губ., Мойсей Лейбовъ Кисилевъ и дворянинъ Павелъ Николаевъ Стечкинъ, назвавшійся при задержаніи мѣщаниномъ г. Тулы Павломъ Ивановымъ Стешкинымъ, аресту на три мѣсяца каждый; 2) крестьянинъ Погорѣльской волости, сосницкаго уѣзда, Григорій Тарасовъ Дубина, аресту на два мѣсяца. Срокъ задержанія находящимся уже подъ стражей исчислять со дня задержанія.

Постановленіемъ кievскаго губернатора отъ 5 апрѣля, домовладѣлица дома № 23, по Юрковской ул., кievская 1-я гильдія купчиха Мена-Лея Цинхасова Гасмиръ, за нарушеніе обязательнаго постановленія кievскаго, подольскаго и волынскаго генераль-

*) Цитирую по «Восходу», 1904 г., № 13.

**) Цитирую по „Восходу“, 1904 г., № 13.

губернатора отъ 21 апрѣля 1879 года и 15 сентября 1881 г. подвергнута штрафу въ четыреста рублей.

За нарушеніе изданнаго кievскимъ губернаторомъ 17 марта 1904 г. обязательнаго постановленія о воспрещеніи сходбищъ и сборищъ начальникомъ края подвергнуты: 1) аресту на три мѣсяца: квартирохозяинъ въ д. № 23 по Юрковской улицѣ, мѣщанинъ м. Хабно, Радомысльскаго уѣзда, Сруль Янкелевъ Брагинскій; 2) аресту на два мѣсяца: 1) мѣщанинъ м. Гостомля, кievскаго уѣзда, Мовша Рувиновъ Фридманъ, 2) мѣщанинъ м. Хабно, Радомысльскаго уѣзда, Зуль Пинхасовъ Шафиръ, 3) мѣщанинъ м. Хабно Иусимъ Ицка-Беровъ Шейхедъ, 4) мѣщанинъ м. Ружины, Гродненской губ., Иусимъ-Года Зельмановъ Альперъ, 5) мѣщанинъ м. Хабно, Янкель Нафтудовъ Гуровичъ и 6) земледѣлецъ колоніи Ситняки, Радомысльскаго уѣзда, Балторъ Беняминовъ Вайсбурдъ; 3) аресту на двѣ недѣли и увольненію отъ службы, дворникъ № 23, по Юрковской улицѣ, крестьянинъ Аванасій Васильевичъ Крамноі. Срокъ заключенія для упомянутыхъ выше лицъ считать со дня задержанія каждаго изъ нихъ *).

Кievскимъ, подольскимъ и волынскимъ генераль-губернаторомъ, ген.-ад. Клейгельсомъ, 16 марта с. г. издано на основаніи ст. 15 положенія объ усиленной охранѣ, слѣдующее обязательное постановленіе для г. Бердичева, Кievской губерніи: „1) Домовладѣльцы г. Бердичева, по улицамъ, которыя будутъ указаны кievскимъ губернаторомъ, равно правительственныя и общественныя учрежденія, владѣющія усадьбами на этихъ улицахъ, должны держать постоянныхъ дворниковъ для исполненія обязанностей по надзору за внѣшнимъ порядкомъ и общественною безопасностью, а также для ночного очереднаго дежурства на улицѣ. Примѣчаніе 1. Количество дворниковъ, обязательное для домохозяевъ, и расписаніе ночныхъ дежурствъ дворниковъ устанавливаются кievскимъ губернаторомъ, при чемъ дома въ этомъ отношеніи могутъ быть раздѣлены по категоріямъ. Примѣчаніе 2. Указаніе дворникамъ очереди ихъ дежурства и пунктовъ уличнаго надзора лежитъ на обязанности полиціи. Примѣчаніе 3. Для ночныхъ дежурствъ домовладѣльцы, по соглашенію между собою и съ вѣдома полиціи, могутъ нанимать, взаимнѣ дворниковъ, особыхъ ночныхъ сторожей по числу постовъ, какое будетъ определено кievскимъ губернаторомъ въ особомъ расписаніи пунктовъ уличнаго надзора ночью. 2) Обязанности дворниковъ и ночныхъ сторожей въ городѣ Бердичевѣ опредѣляются особой инструкціею, которая будетъ издана на основаніи настоящаго постановленія кievскимъ губернаторомъ. 3) Каждый дворникъ и

*) „Кievскіе Отклики“, 9 апрѣля 1904 г.

ночной сторожъ, для удостовѣренія своей личности, обязанъ имѣть на груди особый металлическій знакъ, съ изображеніемъ на ономъ названія улицы и нумера дома или домовъ, при коихъ состоитъ дворникомъ или сторожемъ, и, сверхъ того, долженъ имѣть при себѣ сигнальный свистокъ. Примѣчаніе 4. Форма металлическихъ знаковъ, порядокъ заготовленія и выдачи ихъ устанавливаются кievскимъ губернаторомъ. 4) Въ отношеніи охраненія порядка, благочинія и спокойствія, дворники и ночные сторожа находятся въ подчиненіи чинамъ мѣстной полиціи, приказанія которыхъ должны исполняться ими безпрекословно; поэтому домовладѣльцы, лица ихъ замѣняющія и жильцы не въ правѣ давать дворникамъ и ночнымъ сторожамъ, во время ихъ дежурства, такихъ порученій, исполненіе которыхъ можетъ препятствовать имъ своевременно выходить по назначенію полиціи на дежурство или выполнять какія-либо другія ея приказанія, относящіяся къ дѣлу наружнаго надзора за порядкомъ и общественною безопасностью. 5) Домовладѣльцы или управляющіе домами, какъ частными, такъ и всѣхъ вѣдомствъ, обязаны, по требованію полиціймейстера, увольнять и замѣнять другими тѣхъ дворниковъ и сторожей, коихъ полиціймейстеръ признаетъ не соответствующими для несенія этой службы. О дворникахъ и сторожахъ, кои за дурное поведеніе будутъ уволены самими домовладѣльцами или замѣняющими ихъ лицами, надлежитъ доводить до свѣдѣнія полиціймейстера. 6) Въ дворники и ночные сторожа не могутъ быть приглашаемы лица моложе 21 г. 7) За неисполненіе настоящаго постановленія виновные подвергаются по усмотрѣнію кievскаго губернатора: домовладѣльцы, арендаторы или управляющіе домами какъ частными, такъ и всѣхъ вѣдомствъ, дворники и ночные сторожа—штрафу до пятисотъ рублей или аресту до трехъ мѣсяцевъ *).

Въ „Южной Россіи“ напечатано: „Разсмотрѣвъ рапортъ и. д. николаевскаго полиціймейстера съ донесеніемъ о нарушеніи казакомъ Иваномъ Кизимомъ обязательныхъ постановленій, выразившемся въ томъ, что Кизимъ своимъ вызывающимъ поведеніемъ собралъ на улицѣ толпу и подговаривалъ участниковъ этой толпы на явно противозаконныя дѣйствія, николаевскій градоначальникъ постановилъ: казака Ивана Кизима подвергнуть въ административномъ порядкѣ аресту при полиціи на двадцать сутокъ, считая срокъ ареста со дня задержанія его, т. е. съ 30 марта“ **).

*) „Кievскіе Отклики“, 22 марта 1904 г.

***) Цитирую по „Од. Новостямъ“, 8 апрѣля 1904 г.

Какъ сообщаетъ „Казбекъ“, совѣтъ главноначальствующаго гражданскою частью на Кавказѣ, принявъ во вниманіе упорное укрывательство, оказанное жителями селенія Катыръ-Юртъ Терской области одному изъ главныхъ участниковъ нападенія на воинскій патруль въ г. Грозномъ Гермахану Махаеву, рѣшилъ взыскать съ общества этого селенія въ пользу семьи убитаго рядового Брикуненка и раненаго рядового Закина денежное вознагражденіе по усмотрѣнію главноначальствующаго *).

По словамъ той же газеты, главноначальствующій гражданскою частью на Кавказѣ призналъ нужнымъ проживающему въ селеніи Земо-Чала, Горійскаго уѣзда, князю Димитрію Левановичу Абашидзе, какъ лицу, вредному для общественнаго порядка и спокойствія, воспретить жительство въ предѣлахъ Кавказскаго края **).

По словамъ „Терскихъ Вѣдомостей“, главноначальствующій гражданскою частью на Кавказѣ призналъ нужнымъ воспретить жительство въ предѣлахъ Кавказскаго края: крестьянину м. Хони, Кутаисской губерніи, Владиміру Сападзе—навсегда и жителю сел. Балаханы Гаджи-Бедыр-Ага-Гюль-Оглы на 3 года ***).

Въ февральской хроникѣ нашего журнала было приведено сообщеніе о состоявшемся 23 января неудачномъ покушеніи на жизнь эчміадзинскаго уѣзднаго начальника Шмерлинга. Теперь въ газетѣ „Казбекъ“ напечатано слѣдующее сообщеніе: „Въ Эчміадзинѣ 17 марта вечеромъ неизвѣстными злоумышленниками было произведено покушеніе на жизнь уѣзднаго начальника ротмистра Шмерлинга. Въ то время, когда ротмистръ Шмерлингъ проходил по улицѣ, одинъ изъ поджидавшихъ его злоумышленниковъ произвелъ въ него два револьверныхъ выстрѣла, при чемъ поранилъ его въ руку и грудь навывлетъ. Послѣдняя рана, по заключенію врачей, признана тяжелой. Задержанъ вагаршапатскій житель Абрамянъ, который пытался скрыться; онъ подозрѣвается въ преступленіи или въ соучастіи“ ****).

За послѣдній мѣсяцъ были опубликованы также свѣдѣнія о нѣкоторыхъ судебныхъ процессахъ, имѣющихъ отношеніе къ охранѣ порядка.

Въ г. Кіевѣ 5 апрѣля особымъ присутствіемъ кіевской судебной палаты, въ усиленномъ составѣ, съ участіемъ сословныхъ представителей, рассмотрѣно было при закрытыхъ дверяхъ дѣло по обвиненію Абрама Криницкаго, Боруха Шапиро и Цицы

*) Цитирую по „Нижегор. Листку“, 23 марта 1904 г.

***) Цитирую по „Н. Времени“, 6 апрѣля 1904 г.

****) Цитирую по „Праву“, 1904 г., № 12.

*****) Цитирую по „Н. Времени“, 27 марта 1904 г.

Каменецкой (по мужу Шапиро), обвинявшихся въ преступленіяхъ, предусмотрѣнныхъ 2 ч. 250-й и 3 ч. 251-й ст. улож. о нак. *)...

11 марта, по словамъ „Новаго Обзорѣнія“, въ камерѣ мирового судьи кутаисскаго городского отдѣла слушалось дѣло о нарушеніи общественнаго спокойствія и тишины и нанесеніи оскорбленія дѣйствіемъ чинамъ полиціи шестью землемѣрами Кутаисскаго округа. Дѣло это возбуждено было по протоколу бывшаго кутаисскаго полиціймейстера кап. Лисовскаго и въ результатѣ судебного разбирательства всѣ обвиняемые были оправданы **).

Въ г. Александрополѣ съ 20 по 22 марта въ выѣздной сессіи эриванскаго окружнаго суда, въ закрытомъ судебномъ засѣданіи, слушалось дѣло о жителяхъ г. Александрополя Айкѣ Амадуни, Симонѣ Арутюнянцѣ, сельскомъ священникѣ Теръ-Овансѣ Ованесянцѣ, обвинявшихся по 264 ст. улож. о нак. Резолюціей суда, объявленной при открытыхъ дверяхъ, подсудимые признаны виновными по 266 ст. улож. о нак. и приговорены къ заключенію въ тюрьмѣ: священникъ Ованесянцъ и Амадуни на 8 мѣсяцевъ каждый, а Арутюнянцъ—на 6 мѣсяцевъ ***).

Въ г. Ахалцихѣ въ выѣздной сессіи тифлисскаго окружнаго суда 16 марта было рассмотрѣно дѣло по обвиненію мѣщанина г. Ахалциха Карапета Матевосова, 20 лѣтъ отъ роду, въ покушеніи 4 января на преднамеренное убійство полицейскаго пристава гор. Ахалциха Александра Альтшуля. По постановленію суда допросъ свидѣтелей былъ произведенъ при закрытыхъ дверяхъ. Окружный судъ, признавъ подсудимаго виновнымъ въ оконченномъ покушеніи на преднамеренное убійство пристава Альтшуля, приговорилъ Матевосова, по лишеніи всѣхъ правъ состоянія, къ ссылкѣ въ каторжныя работы на 6 лѣтъ и 8 мѣсяцевъ ****).

Въ г. Кутаисѣ, по словамъ „Новаго Обзорѣнія“, мѣстнымъ окружнымъ судомъ слушалось при закрытыхъ дверяхъ дѣло по обвиненію 34 грузинъ-рабочихъ на чіатурскихъ марганцовыхъ рудникахъ (въ Шорапанскомъ уѣздѣ) въ преступленіи, предусмотрѣнномъ 269 ст. улож. о нак. За смертью трехъ обвиняемыхъ дѣло было рассмотрѣно лишь относительно 31 лица. Приговоромъ суда, объявленнымъ при открытыхъ дверяхъ, трое подсудимыхъ оправданы; остальные осуждены за участіе въ стачкѣ (1358¹ ст. улож. о нак.) и приговорены: 22 человека къ заключенію въ тюрьмѣ на три мѣсяца каждый и 1 несовершеннолѣтній—на 1½ мѣсяца (всѣ—какъ простые участники стачки), а 5 человекъ признаны руководителями стачки и приговорены къ заключенію

*) „Кіевскіе Отклики“, 9 апр. 1904 г.

***) Цитирую по „Праву“, 1904 г., № 13.

****) „Р. Вѣдомости“, 24 марта 1904 г.

*****) „Тифл. Листокъ“. Цитирую по „Нижегор. Листку“, 5 апр. 1904 г.

въ тюрьмѣ—одинъ на 6 мѣсяцевъ и четверо на 4 мѣсяца каждый *).

28 марта состоялся Именной Высочайшій указъ Правительствующему Сенату слѣдующаго содержанія: „Управляющему министерствомъ финансовъ, сенатору, т. с. Коковцеву—Всемилоствѣйше повелѣваемъ быть министромъ финансовъ, съ оставленіемъ въ званіи сенатора“.

11 апрѣля въ „Правительственномъ Вѣстникѣ“ былъ опубликованъ слѣдующій Высочайшій приказъ: „Числящійся по генеральному штабу, начальникъ Николаевской академіи генеральнаго штаба, генераль-лейтенантъ Глазовъ назначается управляющимъ министерствомъ народнаго просвѣщенія“.

III.

Въ „Финляндской Газетѣ“ напечатано: „Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу представленія Императорскаго финляндскаго сената и заключенія финляндскаго генераль-губернатора, 22 января (4 февраля) сего года Всемилоствѣйше повелѣть соизволилъ: 1) принять въ казну съ начала 1904—1905 учебнаго года содержимое акціонернымъ обществомъ вазаское финское женское училище въ городѣ Николаястадѣ, при условіи введенія въ семъ училищѣ обязательнаго преподаванія русскаго языка въ количествѣ не менѣе 24 недѣльныхъ уроковъ съ тѣмъ, чтобы окончательное опредѣленіе числа этихъ уроковъ послѣдовало по соглашенію финляндскаго генераль-губернатора съ сенатомъ и 2) предоставить сенату принять вызываемыя настоящимъ распоряженіемъ ближайшія мѣры“.

Въ той же газетѣ напечатано: „Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу представленія главнаго начальника края 4 (17) марта сего года Всемилоствѣйше соизволилъ предоставить финляндскому генераль-губернатору право своею властію слагать штрафы, назначенные на общины за невыборъ членовъ въ присутствія по воинской повинности“.

16 марта состоялся Именной Высочайшій указъ Правительствующему Сенату слѣдующаго содержанія:

„На основаніи ст. 9 устава о воинской повинности, въ Великомъ Княжествѣ Финляндскомъ число людей, подлежащихъ призыву для пополненія арміи, опредѣляется ежегодно порядкомъ, указаннымъ въ ст. 4 и 7 Высочайше утвержденныхъ, 3 февраля 1899 г., основныхъ положеній о составленіи, разсмотрѣніи и обнародованіи законовъ, издаваемыхъ для Имперіи со включеніемъ Великаго Княжества Финляндскаго.“

*) Цитирую по „Од. Новостямъ“, 8 апрѣля 1904 г.

„Согласно сему утвердивъ нынѣ послѣдовавшее въ Государственномъ Совѣтѣ, съ соблюденіемъ означеннаго порядка, по представленію военнаго министра, мнѣніе о размѣрѣ предстоящаго въ семь году призыва людей въ Великомъ Княжествѣ Финляндскомъ на дѣйствительную военную службу, повелѣваемъ призвать въ 1904 году на основаніяхъ, въ уставѣ о воинской повинности въ Великомъ Княжествѣ Финляндскомъ опредѣленныхъ, для пополненія лейбъ-гвардіи 3 стрѣльцоваго финскаго батальона сто девяносто человекъ, полагая въ этомъ числѣ и тѣхъ, которыми представлены будутъ въ предстоящій въ семь Княжествѣ призывъ освобождающія отъ военной службы зачетныя рекрутскія квитанціи прежняго образца.

„Правительствующій Сенатъ не оставитъ сдѣлать къ исполненію сего надлежащее распоряженіе“.

IV.

За мѣсяцъ, прошедшій со времени послѣдней нашей хроники, опубликованы слѣдующія административныя распоряженія по дѣламъ печати: 1) 14-го марта 1904 г.: „Министръ внутреннихъ дѣлъ опредѣлилъ: вновь разрѣшить выпускъ въ свѣтъ газеты „Енисей“, приостановленной распоряженіемъ отъ 14-го февраля сего года;“ 2) 20-го марта 1904 г.: „Министръ внутреннихъ дѣлъ опредѣлилъ: вновь допустить розничную продажу номеровъ газеты „Курьеръ“, приостановленную распоряженіемъ отъ 16 января сего года“.

Въ „Восточномъ Вѣстникѣ“ напечатанъ слѣдующій приказъ по владивостокской крѣпости и. д. коменданта крѣпости ген.-майора Воронца отъ 10 марта 1903 г.: „Въ номерѣ 10 газеты „Владивостокъ“, на страницѣ 8-й, помѣщена замѣтка крайне непатріотическаго содержанія, стремящаяся представить въ смѣшномъ видѣ дѣятельность чиновъ вольнаго коннаго отряда и затрагивающая это симпатичное учрежденіе, вызванное къ жизни патріотическимъ стремленіемъ гражданъ города Владивостока принести посильную помощь царю, родинѣ и гарнизону своей крѣпости. Въ переживаемое нынѣ время, когда всѣ наши силы должны быть обращены къ достиженію одной цѣли, когда передъ лицомъ грозящей нашей родинѣ опасности всякій русскій подданный стремится оказать посильную помощь, чѣмъ только располагаетъ, появленіе такой замѣтки, которую позволила себѣ газета „Владивостокъ“, представляетъ собой печальнѣйшій фактъ, доказывающій, что руководители газеты, изъ желанія краснаго словца и хлесткой статьи съ намеками на личности, совершенно забыли о тѣхъ большихъ и серьезныхъ обязанностяхъ, которыя лежатъ на представителяхъ печати въ теперешнее тяжелое время. Полагая, что

редакторъ-издатель г. Ремезовъ не могъ не понимать всей неприличности и несвоевременности помѣщенія вышеуказанной замѣтки, предлагаю полковнику Лосеву сдѣлать распоряженіе объ арестованіи редактора-издателя газеты „Владивостокъ“ на семь сутокъ, съ содержаніемъ при полиціи. Основаніе: ст. 81 полож. объ упр. крѣпостями и ст. 831 положенія объ управл. войсками въ военное время“ *).

На другой день, впрочемъ, какъ сообщаютъ газеты, ген.-майоръ Воронецъ отмѣнилъ свой приказъ **).

Въ свою очередь финляндскимъ главнымъ управленіемъ по дѣламъ печати, какъ сообщаетъ „Финляндская Газета“ приняты слѣдующія мѣры: 1) дано первое предостереженіе выходящей въ гор. Коткѣ газетѣ „*Etelä Suomi*“ за помѣщеніе Высочайшаго рескрипта на имя финляндскаго генераль-губернатора отъ 18 (31) декабря 1903 г. въ № 15-мъ, отъ 6-го минувшаго фѣвраля, на четвертой страницѣ названной газеты, послѣ текста, между объявленіями; 2) дано второе предостереженіе выходящей въ гор. Коткѣ газетѣ „*Kotkan Uutiset*“ за помѣщеніе въ № 11 названной газеты, отъ 7 фѣвраля сего года, того же рескрипта на такомъ же мѣстѣ; и 3) дано первое предостереженіе выходящей въ гор. Нейшлотѣ газетѣ „*Keski-Savo*“ за помѣщеніе въ № 25-мъ отъ 1 марта статьи въ рубрикѣ „*Kirje Helsingistä*“, заключающей въ себѣ неправильные и ни на чемъ не основанные слухи о будущей войнѣ на финскихъ побережьяхъ.

В. Мянотинъ.

Телеграммы и письма,

полученныя послѣ кончины Н. К. Михайловскаго его семьей и редакціей «Русскаго Богатства».

Изъ *Иваново-Вознесенска*: „Глубоко опечаленные безвременной смертью Николая Константиновича Михайловскаго, семьѣ „Русскаго Богатства“, а вмѣстѣ съ нею и всей мыслящей Россіи, шлемъ искреннее соболѣзнованіе въ постигшемъ тяжеломъ горѣ“. Фельдшеръ П. Воронцовъ. Фельдшеръ А. Журко. Конторщикъ П. Лукьяновъ.

Изъ *Гостынина*: „Страшною неожиданностью и болью поразила смерть дорогого учителя и великаго гражданина русской земли... Посылаю глубокое сочувствіе осиротѣвшей редакціи

*) Цитирую по „Спб. Вѣдомостямъ“, 2 апрѣля 1904 г.

**) „Н. Время“, 5 апрѣля 1904 г.

любимаго журнала“. Горячій поклонникъ Николая Константиновича.

Изъ *Курска*: „Примите и отъ меня, маленькаго человѣчка, соболѣзнованіе по случаю смерти всѣми чтимаго и уважаемаго Николая Константиновича Михайловскаго. Всѣ долго, долго будутъ оплакивать славнаго поборника за правду“. *Бор. Райгородскій*.

Изъ *Пестравки*: „Въ сороковой день кончины незабвеннаго Николая Константиновича хочется вновь выразить свое сочувствіе осиротѣвшей редакціи „Русскаго Богатства“. До сихъ поръ мысль отказывается примириться съ совершившимся грустнымъ фактомъ, отказывается вѣрить, что не услышимъ болѣе на страницахъ „Русскаго Богатства“ умнаго слова благороднѣйшаго мыслителя и неумоимаго борца за общечеловѣческіе идеалы. Воспитанные на его произведеніяхъ, въ которыхъ мастерской рукою формулировались чаянія и надежды лучшей части русской интеллигенціи, прислушивавшіеся постоянно къ біенію его горячаго, большого сердца, мы ощущаемъ потребность—теперь въ особенности—раздѣлить свою скорбь по незамѣнимой утратѣ съ тѣми, кому Николай Константиновичъ былъ болѣе всего дорогъ“. Земскій врачъ *К. Бергеръ*. Фельдшерца *Л. Сустайкина*.

Изъ *Утшева*: „Смерть Николая Константиновича лишила наше общество лучшаго борца за правду-истину, правду-справедливость. Глубоко чувствуя „Русскому Богатству“ въ понесенной журналомъ незамѣнимой утратѣ, надѣемся, что *свѣтлое знамя народнаго блага*, которое слишкомъ сорокъ лѣтъ доблестно держалъ Николай Константиновичъ, будетъ съ честью поддержано осиротѣвшимъ журналомъ. Вѣчная память Николаю Константиновичу!“ Читатели „Русскаго Богатства“.

Изъ *Архангельска*: „Глубоко скорблю объ угасшемъ свѣточѣ жизни и литературы, дорогомъ Николаѣ Константиновичѣ“. *А. Гукоскій*.

Изъ *Екатеринадара*: „Собравшись для чествованія памяти незабвеннаго Николая Константиновича, выразителя лучшихъ идеаловъ русскаго общества, члены Екатеринодарскаго общества изящныхъ искусствъ, живо чувствуя невознаградимую утрату, выражаютъ осиротѣлой редакціи „Русскаго Богатства“ свою глубокую скорбь“.

Изъ *Москвы*: „Московское общество общеобразовательныхъ народныхъ развлеченій выражаетъ глубокую скорбь по поводу кончины Николая Константиновича Михайловскаго. Русское общество потеряло въ немъ стойкаго вождя и выразителя истинныхъ нуждъ русской общественной жизни“. Предсѣдатель *Желябужскій*.

Изъ *Сумъ*: „Учительницы сумской воскресной школы, потрясенныя большимъ горемъ, выражаютъ редакціи свое искреннее

сожалѣніе по поводу кончины Николая Константиновича Михайловскаго, неутомимаго борца за правду и просвѣщеніе. 7-го марта была отслужена панихида въ мѣстномъ соборѣ, переполненномъ учащими, учащимися и другими лицами“.

Изъ *Чернигова*: „Съ горестью поминая незабвеннаго Николая Константиновича Михайловскаго въ сороковой день его кончины, Правленіе черниговской общественной бібліотеки глубоко скорбитъ о великой утратѣ, понесенной „Русскимъ Богатствомъ“ и всей мыслящей Россіей“. Предсѣдатель *Свичинь*. За секретаря *Ивановъ*.

— Съ одной станціи: „Горестная вѣсть о кончинѣ Николая Константиновича Михайловскаго глубоко потрясла меня. Въ лицѣ Николая Михайловскаго вся русская мыслящая интеллигенція потеряла великаго мыслителя XX вѣка, стойкаго критика-публициста, честнаго работника на народной нивѣ. Его тѣло въ могилѣ... Но его мысли, какъ и раньше, будутъ будить человѣка къ самосознанію, къ вѣчной правдѣ - справедливости!.. Да будетъ „Русское Богатство“, какъ и раньше, „огонькомъ“ жизни!“ *Давидъ Лейтесъ*.

Изъ *Серпухова*: „Выражаемъ редакціи „Русскаго Богатства“ искреннее и глубокое соболѣзнованіе по поводу огромной для нея и для всей мыслящей Россіи утраты честнаго и неутомимаго борца за благо личности, за ея гармоническое развитіе и свободное самоопредѣленіе, властителя думъ и вождя передовой русской интеллигенціи, откликавшагося на все то,

„что просить у сердца отвѣта“...

Почитатели Н. К. Михайловскаго (3 подписи).

Изъ *Буя*: „Буйское общественное собраніе выражаетъ свое глубокое соболѣзнованіе по поводу тяжелой и невознаградимой потери, понесенной русской интеллигенціею въ лицѣ почившаго Николая Константиновича Михайловскаго“. Старшина *Олтаревъ*.

Изъ *Иркутска*: „Только что долетѣла до меня вѣсть о внезапной кончинѣ Николая Константиновича. Она поразила меня до глубины души; какъ-то вѣрить не хотѣлось сначала. Отъ души желаю редакціи перенести мужественно эту потерю“. *Г. Фальборгъ*.

Изъ *Кисловодска*: „Присоединяю мою искреннюю скорбь ко всѣмъ почитателямъ неоцѣннаго поборника правды и свободы, Николая Константиновича“. Телеграфистъ *Новажъ*.

Изъ *Роменъ*: „Совѣтъ Роменской Общественной Библіотеки выражаетъ чувство глубокой скорби о потерѣ великаго русскаго социолога и публициста, Николая Константиновича Михайловскаго. Память о немъ и завѣты его пусть поддержать насъ на трудномъ пути просвѣщенія и культуры“ (6 подписей).

Изъ *Боготола*: „Горячо соболѣзнуемъ о кончинѣ духовнаго вождя, Николая Константиновича. Тревоги настоящаго времени

подъ гнетомъ невознагражденной утраты померкли. Утѣшаемся, что трудъ покойнаго будетъ служить свѣточемъ для мыслящей Россіи и дастъ обильные всходы“ (13 подписей).

Со ст. *Арцызъ*: „Искренно раздѣляю скорбь редакціи и лучшихъ русскихъ людей по случаю смерти Николая Константиновича Михайловскаго, великаго борца за лучшее будущее нашей родины“. Священникъ *Н. С.*

Изъ *Тифлиса*: „Безутѣшно скорбю о неожиданной кончинѣ Николая Константиновича Михайловскаго, учительницы 1-й женской Тифлисской воскресной школы просятъ редакцію принять искреннее соболѣзнованіе по поводу тяжелой утраты, понесенной передовыми людьми русскаго общества, въ лицѣ покойнаго, славнаго борца за свободу, правду, истину, справедливость и за лучшіе народные идеалы“ (12 подписей).

Изъ *Минска*: „Группа учащихся въ минскихъ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, мужскихъ и женскихъ, шлетъ свое соболѣзнованіе редакціи „Русскаго Богатства“, понесшей тяжкую утрату въ лицѣ недавно скончавшагося Н. К. Михайловскаго. Николай Константиновичъ всегда былъ для наиболѣе сознательныхъ изъ насъ олицетвореніемъ лучшихъ завѣтовъ эпохи 70-хъ годовъ... Хоть и мертвый, Николай Константиновичъ еще многимъ поколѣніямъ будетъ служить надежнымъ проводникомъ въ лабиринтахъ жизни, науки и критики. Миръ праху его“. *Группа учащихся.*

Изъ с. *Елани*: „До насъ дошла скорбная вѣсть; умеръ Николай Константиновичъ Михайловскій!.. Перестало биться сердце честнаго бойца, слишкомъ 40 лѣтъ бодро стоявшаго на „славномъ посту“!.. Русское общество понесло большую потерю въ лицѣ, увы! уже покойнаго, Николая Константиновича... „Русское Богатство“ теряетъ одну изъ самыхъ крупныхъ силъ, съ которой всегда принуждены были считаться даже противники... Позвольте намъ сказать послѣднее слово надъ свѣжей могилой: „миръ праху честнаго бойца“! (6 подписей).

Изъ *Омска*: „Считаю за честь присоединиться къ общему горю объ утратѣ русскимъ мыслящимъ обществомъ Николая Константиновича Михайловскаго“. Присяжный повѣренный *Хлѣбниковъ*.

Изъ *Юрьевскаго завода*: „Просимъ принять выраженіе глубокаго, искренняго сожалѣнія по поводу утраты мыслящими людьми такого высокоталантливаго писателя, руководителя лучшихъ людей Россіи, проповѣдника истиннаго прогресса, какимъ былъ покойный, высокочтимый Николай Константиновичъ Михайловскій. Вѣчная память стоявшему нѣсколько десятилѣтій на славномъ посту!“ *Фельдшеръ В. М. Соколовъ. Фельдшерница Пономарева. Ѳ. Соколова.*

Изъ г. *Мозыря*: „Потрясенные смертью Николая Константиновича Михайловскаго, этимъ горемъ, одинаково поразившимъ всю мыслящую Россію, мы шлемъ осиротѣвшей редакціи „Русскаго

Богатства“ свой привѣтъ съ выраженіями глубочайшаго соболѣзнованія и сочувствія“. *О. Б. А. С. Я. А. Б. Ліокумовичи и А. Александровъ.*

Изъ *Усть-Каменогорска*: „Его не стало... И скорбнымъ стономъ разнеслась по землѣ эта вѣсть и всплескомъ волны ударилась о предгорье Алтая. И въ этихъ далекихъ уголкахъ земли русской она мучительно сжала сердца. Не стало глашатая двуединой правды, одного изъ славныхъ вождей въ борьбѣ за свободу, защитника слабыхъ, проводника свѣта. Всегда отмѣчая въ Николаѣ Константиновичѣ писателя, „словомъ продуманнаго убѣжденія“ сѣявшаго доброе, мы, усть-каменогорцы, выражаемъ редакціи „Русскаго Богатства“ свои искреннія чувства безпредѣльной скорби по поводу безвременной потери одного изъ послѣднихъ титановъ славной эпохи русской интеллигенціи. Но передъ свѣжей могилой мы утѣшаемъ себя твердой вѣрой, что свѣтлое, смѣлое, гуманное слово не смолкнетъ въ „Русскомъ Богатствѣ“, что редакція его всегда останется вѣрной славному знамени, высоко поднятому крѣпкой рукой незабвеннаго Николая Константиновича. (32 подписи).

Изъ *Калуги*: „Опечаленные преждевременной кончиной самаго лучшаго вождя мыслящей Россіи, спѣшимъ выразить свое глубокое сочувствіе „Русскому Богатству“ и его честнымъ работникамъ русской мысли. Умеръ Николай Константиновичъ, но не умерли его великія идеи. *Калужскіе гимназисты.*

Изъ *Тифлиса*: „Николая Константиновича Михайловскаго не стало. Слишкомъ четыре десятилѣтія стоялъ онъ на славномъ посту, неизмѣнно вѣрный своимъ идеаламъ, завѣщаннымъ ему освободительной эпохой; слишкомъ четыре десятилѣтія уяснялъ онъ интеллигенціи, гдѣ правда-истина и правда-справедливость. Сколько его свѣтлыхъ и глубокихъ мыслей, его широко-общественныхъ взглядовъ вошли въ плоть и кровь мыслящаго чловека и стали достояніемъ лучшей части общества; сколько свѣта и знаній внесъ онъ въ запутанные и темные вопросы нашей общественно-исторической жизни.

Велико наслѣдіе, оставленное честнымъ борцомъ-писателемъ. Но болѣзненно-горька несвоевременная утрата, и осиротѣвшіе читатели шлютъ сотоварищамъ покойнаго, — работникамъ на той же нивѣ,—выраженіе своего искренняго соболѣзнованія 67 подписей.

Изъ *Астрахани*: „Члены литературно-драматическаго общества, собравшіеся почтить память Николая Константиновича Михайловскаго, выражаютъ глубокую печаль о великой утратѣ и пожеланія товарищамъ покойнаго бодро продолжать борьбу за идеалы своего вождя“. *Вржосекъ, Гурьяновъ.*

Изъ *Катта-Кургана*: „Я рѣшительно не въ состояніи выразить словами всю ту душевную тоску и боль, которую я испыты-

ваю при одной мысли, что *его* уже нѣтъ „на славномъ посту“. А сказать что нибудь хочется. Хочется, чтобы вы всѣ, работники и продолжатели великаго дѣла, завѣщаннаго намъ дорогимъ покойникомъ, знали, что и здѣсь, на далекой окраинѣ, живутъ люди, умѣющіе глубоко сочувствовать той великой скорби, въ которой теперь слилась вся мыслящая, честная Россія“. *Б. П. Тризна.*

Со ст. *Краматорской*: „Только сейчас, когда острый пароксизмъ душевнаго горя начинаетъ ослабѣвать, считаю, что редакція „Русскаго Богатства“ способна принять искреннее, скорбное соболѣзнованіе по поводу неожиданной кончины Николая Константиновича Михайловскаго, незабвеннаго, незамѣнимаго соучителя, истолкователя жизни и мужественнаго - благороднаго соратника ея въ борьбѣ за торжество принциповъ положительнаго знанія и истиннаго христіанства“. *Е. М. Толкачевскій.*

Изъ *Уржума*: „Спѣшу, хотя немного и поздно, выразить свою глубокую скорбь по поводу утраты дорогого, незамѣнимаго борца за свободу и справедливость, Н. К. Михайловскаго. Скорбь эту раздѣляетъ вся интеллигентная мыслящая Россія, и, вѣроятно, не я одинъ думаю съ тоскою: кто замѣнитъ покойнаго на его славномъ посту? Кто также честно и смѣло понесетъ завѣщанное имъ званіе?.. Прошу передать мое горячее искреннее сочувствіе семьѣ покойнаго“. *П. Второвъ.*

Изъ *Роменъ*: „Глубоко огорченный великою утратою, которую понесла вся интеллигенція со смертью искренняго борца за единую правду-истину и правду-справедливость и свободу личности, шлю уважаемой редакціи „Русскаго Богатства“ мое душевное соболѣзнованіе“. *Соломонъ Теуминъ.*

Изъ *Саратова*: „Преподаватели и преподавательницы Саратовской мужской воскресной школы выражаютъ редакціи „Русскаго Богатства“ искреннее и глубокое сожалѣніе по поводу неожиданной кончины Николая Константиновича Михайловскаго — провозвѣстника свободы и всесторонняго развитія личности, искателя „правды-истины“ и стойкаго борца за „правду-справедливость“...“

Отъ души желаемъ редакціи и сотрудникамъ „Русскаго Богатства“ быть продолжателями великихъ и славныхъ завѣтовъ умершаго писателя“ (*20 подписей*).

Изъ *Ялты*: „Мы, жители Ялты, пользуемся случаемъ выразить редакціи „Русскаго Богатства“ наше горе по поводу потери всѣмъ русскимъ обществомъ и въ частности „Русскимъ Богатствомъ“ Николая Константиновича Михайловскаго. Мы такъ же, какъ и все читающее русское общество, чувствуемъ эту невознаградимую потерю оригинальнаго русскаго соціолога, талантливаго и чуткаго публициста и критика, нѣсколько десятилѣтій стоявшаго по праву во главѣ русской литературы, продолжавшаго ея

лучшія традиціи эпохъ Бѣлинскаго и Добролюбова, съ ихъ прогрессивными общественными идеалами,—блестящаго и непобѣдимаго полемиста, вѣрно оцѣнивавшаго всѣ нарождавшіяся крупныя литературныя и общественныя явленія и направленія съ точки зрѣнія общественныхъ, нравственныхъ и научныхъ идеаловъ“ (104 подписи).

Изъ *Воронежа*: „Неожиданная и безвременная смерть Н. К. Михайловскаго скорбно отозвалась въ сердцахъ русскаго общества. Славный постъ стойкаго борца за правду и свободу личности опустѣлъ... Но зажженный имъ маякъ не перестанетъ сіять путеводнымъ огнемъ всѣмъ, любящимъ родину. Скорбя о великой утратѣ, мы желаемъ соратникамъ покойнаго въ самомъ ихъ горѣ почерпнуть новыя силы продолжать тяжелый трудъ“. По постановленію общаго собранія членовъ Воронежской Публичной Библіотеки 15 марта с. г. и отъ имени его, Предсѣдатель Собранія *И. Алисовъ*.

Изъ *Кременчуга*: „Прошу уважаемую редакцію принять хоть и очень запоздалое выраженіе моей глубокой скорби по поводу незамѣняемой утраты, понесенной вмѣстѣ съ вами всею русскою интеллигенціей въ лицѣ Николая Константиновича, истиннаго борца за права человѣка, всю жизнь честно и непоколебимо состоявшаго на своемъ славномъ посту. Совершенно неожиданная вѣсть о его кончинѣ поразила меня до глубины души; не вѣрилось, и теперь не хочется вѣрить. Увидавъ въ журналѣ, сколько скорбныхъ откликовъ она вызвала со всѣхъ концовъ Россіи и изъ за ея предѣловъ, хочу отъ себя прибавить, что откликнулись еще далеко не всѣ ученики назабвеннаго учителя, что есть между ними такіе, и можетъ быть ихъ много, которые, чувствуя не менѣе другихъ всю тяжесть утраты, но считая свой голосъ слишкомъ незначительнымъ, горестно молчатъ въ своихъ углахъ...“

Правда, мы всѣ находимъ утѣшеніе въ сознаніи, что „что его неутомимая борьба съ общественнымъ индифферентизмомъ, во всѣхъ его видахъ, оставила глубокой слѣдъ въ русскомъ обществѣ, и все же какъ тяжело подумать, что никогда уже больше не выйдеть изъ подъ его пера ни одной строчки его бодрящихъ словъ, такъ долго будившихъ живую свободную мысль, не давая ей застыть въ томѣющей апатіи, спасая многихъ отъ полнаго отчаянья; что нѣтъ уже въ живыхъ вождя, указавшаго дорогу не одному поколѣнію и многихъ поддерживавшаго на трудномъ пути, нѣтъ въ живыхъ человѣка, котораго даже знавшіе его только по его статьямъ и по руководимому имъ журналу привыкли считать своимъ близкимъ, дорогимъ другомъ.“

Соболѣзную отъ всей души его роднымъ, особенно дѣтямъ; имъ можетъ служить утѣшеніемъ, что всѣ мыслящіе русскіе люди раздѣляютъ ихъ личное горе, что всѣ они гордятся ихъ отцомъ,

какъ своимъ славнымъ учителемъ и вдохновителемъ“. *Учительница земской школы.*

Изъ *Курманъ - Кемельчи*: „Гласные перекопскаго уѣднаго земскаго собранія выражаютъ свою скорбь по случаю кончины смѣлаго и стойкаго борца за освобожденіе личности, за прогрессъ и правду“ (13 подписей).

Изъ *Оргѣва*: „Согласно постановленію очереднаго годичнаго Общаго собранія Оргѣвской общественной Библиотеки-читальни отъ 14-го сего февраля Дирекція означенной Библиотеки-читальни выражаетъ редакціи „Русскаго Богатства“ свою скорбь и глубокое сожалѣніе по поводу смерти Николая Константиновича Михайловскаго.—Хорошо сознаютъ и глубоко чувствуютъ лучшіе люди Россіи, что въ лицѣ Николая Константиновича наша родина потеряла лучшаго изъ своихъ сыновъ, выдающагося публициста-гражданина, горячаго поборника правды-истины и правды-справедливости, отдававшаго всю свою жизнь на изученіе и разрѣшеніе сложныхъ социальныхъ проблемъ. Велика и невознаграждена утрата человѣка, столь высоко ставящаго личность въ прогрессѣ человѣчества. — Вдительно стоялъ онъ на стражѣ, „на своемъ славномъ посту“, охраняя великіе завѣты гуманистовъ и содѣйствуя широкому развитію русскаго общества, которое, благодаря этому, дало многочисленную интеллигенцію съ сердцемъ, бьющимся въ унисонъ съ сердцемъ народа, объекта беззавѣтной любви великаго учителя.— Въ лицѣ Николая Константиновича мы потеряли человѣка, долгое время властвовавшаго надъ умами и сердцами всей передовой части нашего общества, и онъ былъ опѣненъ и признанъ даже своими теоретическими противниками.

Испытывая великую скорбь по поводу кончины великаго учителя, члены Оргѣвской общественной библиотеки-читальни выражаютъ свое сочувствіе всей семьѣ литературной Николая Константиновича, вдохновителя вашего изданія.— Память о свѣтлой личности его будетъ жива у всѣхъ дѣятелей по распространенію просвѣщенія вообще и развитію массъ въ частности“ (13 подписей).

Изъ с. *Шереметьевки*: „Вотъ уже почти два мѣсяца прошло, какъ Николай Константиновичъ Михайловскій спитъ „холоднымъ сномъ могилы“, а ни умъ, ни сердце никакъ не могутъ примириться съ утратой этого дорогаго вождя передовой части русскаго общества.

Для ума подобныя потери стихійно нелѣпы, хотя и неизбежны, для сердца—черезчуръ болѣзненны.

Какъ поразило насъ газетное извѣстіе о кончинѣ Николая Константиновича, слова котораго, какъ глашатая истины, мы каждый мѣсяцъ съ нетерпѣніемъ ждали въ любимомъ „Русскомъ Богатствѣ“,—этого на словахъ не передать.

Но пришла январская книжка „Русскаго Богатства“, въ которой онъ, откликаясь на запросъ интеллигентнаго читателя, по своему обычаю искалъ въ „Литературѣ и жизни“ правды-истины и правды-справедливости—и казалось, Николай Константиновичъ еще живъ.

Въ февральской книжкѣ онъ безмолвно взглянулъ на насъ своимъ спокойно прямымъ, полнымъ глубокомыслія, взоромъ... увъ! изъ черной рамки. Изъ этой-же рамки взглянулъ на насъ нарисованный друзьями-соратниками его духовный обликъ. И снова, какъ живой, возсталъ передъ нами благородный образъ дорогого писателя-учителя.

Въ мартовской книжкѣ еще будетъ витать духъ Николая Константиновича, его неутомимая писательская энергія, въ видѣ тѣхъ незримыхъ намъ читателямъ собственноручныхъ его редакторскихъ помѣтокъ, о которыхъ говорятъ В. Г. Королѣнко въ свое и наше утѣшеніе въ статьѣ-некрологѣ.

А тамъ... въ „осиротѣломъ“ Русскомъ Богатствѣ будетъ витать одна лишь тѣнь незабвеннаго Михайловскаго въ образѣ его вѣчно живыхъ идеаловъ, которыми его сотрудники, какъ сами они общаются, будутъ по прежнему у посвящать свои таланты.

И этой тѣни мы будемъ поклоняться и въ безутѣшномъ сознаниі, что для „славнаго поста“ Николая Константиновича нѣтъ пока замѣстителя, будемъ свято чтить его творенія и горячо любить его дѣтище—„Русское Богатство“. *Л. и А. Делекторскіе.*

Письмо въ редакцію *).

Н. К. Михайловскаго постигла при жизни обычная для крупныхъ и оригинальныхъ мыслителей участь—крайнее непониманіе со стороны лицъ, бравшихся дать отчетъ объ его міросозерцаніи.

*) *Отъ редакціи.* Печатаемая настоящая „Письмо“ г. Румынскаго и вполнѣ присоединяясь къ высказываемому имъ мнѣнію о значеніи работъ покойнаго Н. К. Михайловскаго по вопросу о „герояхъ и толпѣ“,—редакція считаетъ необходимымъ оговорить, что цитируемая г. Румынскимъ строки изъ замѣтки Н. И. Карѣева, помѣщенной въ № 3 „Р. Б.“ за текущій годъ относились исключительно къ *внѣшней* архитектурѣ социологическихъ работъ Н. К., а никакъ не къ существу темъ, въ нихъ затронутыхъ: въ замѣткѣ г. Карѣева приводимыми имъ слова Н. К. и названы „признаніемъ, какъ самъ онъ смотрѣлъ на внѣшнюю несистематичность своихъ социологическихъ работъ“. Поэтому въ указанныхъ строкахъ нельзя видѣть отраженія тѣхъ взглядовъ на социологическія построенія покойнаго мыслителя, которые справедливо оспариваются г. Румынскимъ.

Почти всѣмъ этимъ лицамъ оказалась недоступной „святая святыхъ“ его міросозерцанія, представляющаго удивительный по своей простотѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ очень широкій синтезъ идей, которыя въ странѣ съ болѣе высокими умственными стремленіями возбудили бы въ высшей степени плодотворную научно-философскую работу. Главная цѣль критиковъ Михайловскаго состояла въ томъ, чтобы не оставить камня на камнѣ въ его построеніи, и потому, не давъ себѣ труда *изучить* его сочиненія, они большею частью занимались полемикой противъ отдѣльно выхваченныхъ мыслей, или даже фразъ. Отъ этого происходилъ рядъ забавныхъ ошибокъ: критики уличали, напр., Михайловскаго въ незнаніи чего нибудь или въ томъ, что онъ уклонился отъ выясненія какого нибудь предмета; на самомъ же дѣлѣ оказывалось, что Михайловскій именно это зналъ, именно это выяснилъ, да критики-то его не потрудились навести надлежащія справки въ его сочиненіяхъ. Особенно много приходилось бороться Михайловскому съ небрежно-легкомысленнымъ отношеніемъ критиковъ къ тексту его работъ. Съ поразительнымъ долготерпѣніемъ покойный писатель тратилъ драгоценное время на восстановленіе подлиннаго облика своихъ идей путемъ многочисленныхъ справокъ и цитатъ. Два примѣра подобныхъ справокъ мы находимъ въ предисловіи къ 1-му тому послѣдняго собранія сочиненій. Первая изъ нихъ касается полемическихъ выстрѣловъ г. Слонимскаго, который въ 1889 г., не соображаясь съ условіями мѣста и времени, разнесъ дѣятельность Михайловскаго въ пухъ и прахъ. Михайловскій далъ г. Слонимскому отпоръ въ статьяхъ „Страшенъ сонъ, да милостивъ Богъ“ („Русск. Мысль“ 1889 г. № 3, 5 и 6). Отвѣтъ г. Слонимскому не былъ перепечатанъ ни въ послѣднемъ шеститомномъ собраніи сочиненій, ни въ двухъ томахъ „Литературныхъ воспоминаній и современной смуты“, и объ этомъ нельзя не пожалѣть. Именно въ этихъ статьяхъ Михайловскій дѣлаетъ одно указаніе, очень важное для надлежащаго пониманія тѣхъ его работъ, въ которыхъ идетъ рѣчь о „герояхъ и толпѣ“. Критикъ доказывалъ, что Михайловскій не окончилъ своихъ статей о „герояхъ и толпѣ“ потому, что не въ силахъ былъ справиться съ избранной темой, и для замаскированія своего безсилія прибѣгъ въ концѣ своихъ „Научныхъ писемъ“ къ „тайнственной“ (такъ иронизировалъ критикъ) фразѣ: „За дальнѣйшими поисками разгадки нашей задачи *намъ пришлось бы отъѣхать довольно большое отступленіе* въ совѣтѣ другія научныя сферы“. На замѣчаніе критика Михайловскій отвѣтилъ, что фраза, надъ которой тотъ иронизировалъ, въ собраніи сочиненій (имѣется въ виду первое изданіе, хотя то же самое справедливо и въ отношеніи къ послѣднему изданію) нѣсколько измѣнена издателемъ, а въ „Отеч. Зап.“ имѣла такой видъ: вмѣсто „намъ пришлось бы“ тамъ стояло „*намъ придется*“. „Тайнственная“ фраза указывала,

слѣдовательно, на то, что въ слѣдующемъ письмѣ, которому не суждено было явиться въ печати, Михайловскій предполагалъ дать теоретическое объясненіе типичныхъ отношеній между „героями“ и „толпой“. Затѣмъ Михайловскій указалъ здѣсь же, что „Научныя письма“ имѣли продолженіе и окончаніе въ „Патологической магіи“—въ статьяхъ, которыя были напечатаны въ „Сѣв. Вѣстн.“ (1887 г. №№ 9, 10, 12) уже послѣ того, какъ вышелъ 6-ой томъ „Сочиненій“ Михайловскаго перваго изданія (1885 г.)

Обращаясь къ „Патологической магіи“, мы находимъ въ концѣ VIII-ой гл. слѣдующую, переходную къ гл. IX-ой, фразу: „Дѣйствительно, корень вопроса заключается именно въ ослабленіи или уничтоженіи индивидуальности, и потому для раскрытія нашего парадокса, намъ придется сдѣлать теперь довольно большое отступленіе въ сторону вопроса объ индивидуальности“ *). Если сопоставить вторую половину этой фразы съ заключительной фразой „Научныхъ писемъ“, въ томъ видѣ, въ какомъ она напечатана въ „Отеч. Зап.“, то окажется, что смыслъ ихъ и даже грамматическая форма тождественны: и тамъ, и здѣсь одинаково говорится о необходимости сдѣлать большое отступленіе отъ изложеннаго и разсмотрѣннаго въ статьѣ матеріала въ „совсѣмъ другія научныя сферы“, т. е., какъ объ этомъ говорится въ „Патологической магіи“, въ область вопроса объ отношеніи между индивидомъ и обществомъ, между „единицъ“ и „многимъ“, потому что механизмъ отношеній между героемъ и толпой въ томъ условномъ значеніи, который былъ принятъ Михайловскимъ, есть не что иное, какъ видъ отношеній между индивидомъ и обществомъ, отношеній превосходно объясненныхъ въ послѣднихъ главахъ (IX — XII) „Патологической магіи“. Въ этихъ главахъ, представляющихъ переработку статьи „Органъ, недѣлимое, общество“ („От. Зап.“ 1870), авторъ, съ одной стороны, уяснилъ два типа „героевъ“ — одинъ типъ „героя“ съ децентрализованнымъ „я“, съ помраченнымъ сознаниемъ, и другой типъ „героя“ съ внутренне-централизованнымъ „я“, съ бодрствующимъ сознаниемъ, а съ другой стороны, указалъ тѣ психо-физиологическія и общественныя условія, при которыхъ такого рода „герои“ могутъ появляться. Кромѣ того, въ этихъ главахъ Михайловскій установилъ окончательную связь между своей формулой прогресса и величайшимъ изъ своихъ научно-философскихъ обобщеній—теоріей борьбы за индивидуальность. Можно соглашаться или не соглашаться съ Михайловскимъ по вопросу о герояхъ и толпѣ, принять его толкованіе или отвергнуть; но въ одномъ нельзя отказать Михайловскому, — именно въ томъ, что онъ разсмотрѣлъ данный вопросъ до конца.

Вотъ почему на читателей Михайловскаго должны произвести странное впечатлѣніе нижеслѣдующія слова въ посвященной

*) Соч. Н. К. Михайловскаго. 1896 г. Т. II. Стр. 326.

памяти покойнаго мыслителя статья г. Карѣва,—писателя, котораго никакъ нельзя причислить къ категоріи тѣхъ критиковъ Михайловскаго, о которыхъ шла рѣчь выше. „Въ своей книгѣ „Сущность историческаго процесса и роль личности въ исторіи“,—говоритъ г. Карѣвъ,—я, между прочимъ, анализировалъ теорію Михайловскаго о герояхъ и толпѣ, выразивъ при этомъ сожалѣніе, что онъ оборвалъ эту свою замѣчательную работу, а когда долгое время спустя возвратился къ той же темѣ, то далъ ей разработку нѣсколько иное направленіе или, вѣрнѣе, иную постановку. „Читалъ я,—сказалъ мнѣ Николай Константиновичъ при первой же встрѣчѣ послѣ того, какъ я доставилъ ему эту книгу,—читалъ, что вы тамъ про меня написали, и, конечно, нахожу все это совершенно вѣрнымъ. Мнѣ самому, конечно, жаль, но вѣдь, дѣйствительно, мнѣ не приходится дѣлить моего времени между письменнымъ столомъ въ своемъ кабинетѣ и каедрой въ аудиторіи, работая не спѣша, и вотъ приходится бросать многое начатое безъ увѣренности даже, что къ этому опыту опять вернуться“ *).

Итакъ, по словамъ г. Карѣва, Михайловскій „оборвалъ“ свою замѣчательную работу, а когда онъ вернулся къ ней, то далъ ей „нѣсколько иное направленіе“ или „вѣрнѣе“—„иную постановку“. Это г. Карѣвъ сказалъ самому Михайловскому, и Михайловскій не только не протестовалъ противъ словъ г. Карѣва, но даже нашелъ совершенно вѣрнымъ все, что онъ про него написалъ...

Такъ оказывается по воспоминаніямъ г. Карѣва. Но какъ согласить съ этимъ то, что печатно говорить о томъ же самъ Н. К. Михайловскій?

„Въ книгѣ „Сущность историческаго процесса и роль личности въ исторіи“,—читаемъ мы въ статьѣ „Еще о герояхъ“ (Соч. Н. К. Михайловскаго, т. II, стр. 398 — 99), — проф. Карѣвъ, удѣливъ мнѣ довольно много вниманія, пишетъ: «Мы остановились довольно подробно на статьяхъ г. Михайловскаго, посвященныхъ интересующему насъ вопросу, какъ на единственной въ своемъ родѣ попыткѣ. Этимъ статьямъ очень много вредитъ крайняя несистематичность изложенія и недоказанность основной мысли: можно подуматъ, что авторъ только еще подбиралъ матеріалъ для своей интересной работы и печаталъ его въ томъ порядкѣ, въ какомъ онъ накоплялся, и что, приступая къ изложенію своихъ мыслей, скорѣе предчувствовалъ окончательное рѣшеніе своего вопроса, чѣмъ имѣлъ уже окончательную формулировку этого рѣшенія. Съ другой стороны, по отношенію къ той спеціальной цѣли, ради которой мы занялись здѣсь статьями г. Михайловскаго, въ нихъ слишкомъ много по-

*) Н. Карѣвъ «Памяти Н. К. Михайловскаго, какъ социолога» «Русск. Бог.» 1904 г. № 3. Отд. II. Стр. 142.

сторонняго матеріала, заимствованнаго изъ разныхъ научныхъ областей; и тутъ можно сказать, что авторъ подъ конецъ сильно уклонился отъ «Героевъ и толпы» по направленію къ «Патологической магіи», его только попутно, повидимому, заинтересовавшей, но за то отвлекшей его отъ прямой задачи работы».

«Г. Карѣвъ обращаетъ больше всего вниманія на «Героевъ и толпу», затѣмъ на «Научныя письма» и только упоминаетъ о «Патологической магіи». Это естественно въ виду того, что г. Карѣва занимаетъ въ настоящемъ сочиненіи частный вопросъ о значеніи личности, какъ историческаго фактора. Въ этомъ отношеніи «Патологическая магія» содержитъ только кое-какія дополненія къ сказанному въ «Герояхъ и толпѣ». Но если бы г. Карѣвъ обратилъ вниманіе на послѣднія четыре главы «Патологической магіи» и на примѣчаніе къ первому изъ «Научныхъ писемъ»*), онъ увидѣлъ бы, что цѣль моя состояла не только въ уясненіи взаимныхъ отношеній героя и толпы, а и въ приведеніи этого вопроса въ связь съ основаніями социологической теоріи, изложенной въ статьяхъ „Что такое прогрессъ“, „Борьба за индивидуальность“ и друг. И тогда г. Карѣвъ не сказалъ бы, можетъ быть, что я „скорѣе предчувствовалъ окончательное рѣшеніе своего вопроса, чѣмъ имѣлъ окончательную формулировку этого рѣшенія“. Не поставилъ бы онъ мнѣ, можетъ быть, въ упоръ и того, что я сильно уклонился въ сторону отъ «Героевъ и толпы» по направленію къ «Патологической магіи».

Такъ пишетъ Михайловскій. На «совершенно вѣрныя» замѣчанія г. Карѣва онъ уже возразилъ въ свое время, возразилъ, правда, очень мягко и чрезмѣрно преувеличивая недостатки своихъ работъ.

Но г. Карѣвъ, надо думать, или не читалъ этихъ строкъ Михайловскаго, или же не оцѣнилъ достаточно ихъ скромной сдержанности. Иначе онъ не написалъ бы объ одной изъ вполнѣ законченныхъ работъ Михайловскаго тѣхъ словъ, которыя, къ моему удивленію, оказались въ статьѣ «Памяти Н. К. Михайловскаго, какъ социолога».

Н. Румынскій.

*) Тутъ надо имѣть въ виду примѣчаніе, помѣщенное въ 6-мъ т. перваго изданія (1885 г. стр. 395—396) и исключенное изъ послѣдняго изданія.

ОТЧЕТЪ

Конторы редакціи журнала „Русское Богатство“.

На сооруженіе памятника на могилѣ Николая Константиновича Михайловскаго поступило:

Отъ С. и Е. Щепотьевыхъ—20 р.; Н. А. Котляревскаго—25 р.; Г. И. Шрейдера—10 р.; А. Красносельскаго—100 руб.; И. В. Занкевича, со ст. Рубанка — 100 р.; подписчика „Русскаго Богатства“ № 1932, изъ Таганрога—1 р.; свѣта старшинъ Ейскаго общества любителей изящныхъ искусствъ — 15 р.; изъ г. Ейска отъ 13 лицъ черезъ Л. Мельникова—10 р.; Л. Либермана и В. Войновой, изъ Лозовой-Павловки — 5 р.; изъ Москвы, собранные на общемъ собраніи Московскаго отдѣленія Кассы Взаимопомощи литераторовъ и ученыхъ—34 р.; Б. и В. Полонскихъ, изъ Богоявленскаго зав.—1 р.; учителя А. Кожевникова—1 р. 50 к.; А. А. Базанова, изъ Саратова—1 р.; А. А. Делекторскаго, со ст. Дурасовки—3 р.; изъ г. Балашова, отъ Т. И. Щепачиной, М. Диденко, П. Казакова и И. М. Орлова—4 р.; А. К. Лисенко—3 руб.; учительницы Е. С. Добровольской, изъ с. Стубленки—1 р.; М. Марголиса, изъ с. Новоселова—3 р.; группы студентовъ Казанской духовной академіи—3 руб.; изъ г. Ковно отъ 15 лицъ черезъ І. Х. Гидони—23 р.; Л. А. Чуйковскаго—1 р.; „отъ троихъ—свѣтлой памяти горячюлюбимаго писателя и великаго учителя жизни“—5 р.

Итого . . . 369 р. 50 к.

А всего съ прежде поступившими 1.778 р. 72 к.

На стипендію имени Николая Константиновича Михайловскаго:

Отъ Н. А. Котляревскаго — 25 р.; отъ „пермяковъ — властителю думъ, учителю и вождю“—42 р. *); земскихъ врачей И. Е. Маркова и Е. С. Масловской, изъ Пензы — 10 р.; И. Н. Волгина и Е. В. Бѣльской, изъ г. Коканда—25 р.; изъ г. Балашова отъ 6 лицъ черезъ А. Г. Осипова—3 р.; Ю. А. Д. изъ Екатеринодара—10 р.; Н. Ф. Волкова, изъ г. Оренбурга — 3 р.; А. О. Бачинскаго, изъ Москвы — 6 р.; комиссіи по библиотекѣ общества попеченія объ учащихся въ г. Курганѣ — 27 р.; сельской учительницы Екатеринославской губ.—3 р.; И. И. Здроевскаго, изъ с. Абаканскаго—2 р.; отъ „почитателей великаго вождя русской интеллигенціи“, изъ г. Бирска—18 р.; М. Д. Мишина, изъ с. Култука — 10 р.; черезъ врача Н. М. Пирогова, собранные въ г. Ковелѣ—27 р.; группы студентовъ Казанской Духовной Академіи — 7 р.; изъ г. Ковно отъ 13 лицъ черезъ І. Х. Гидони — 22 р.; А. Н. Гусева, собранные въ г. Данковѣ — 8 р.; изъ г. Балашова отъ И. Ф. Бабичева, А. Щепачина и Я. Чирскаго—2 р.; отъ подписчика № 1932, изъ Таганрога — 1 р., Л. Либермана и В. Войновой изъ Лозовой-Павловки — 5 р.; П. и Е. Родд., изъ Лозовой-Павловки — 5 р.; Б. и В. Полонскихъ, изъ Богоявленскаго

*) Въ дополненіе къ суммамъ, упомянутымъ въ отчетѣ конторы въ № 2 „Русскаго Богатства“.

зав. — 2 р.; А. А. Делекторскаго, со ст. Дурасовки — 1 р.; А. А. Базанова, изъ Саратова — 1 р.; Е. Поваровой, изъ Тулинова—1 р. 25 к.; М. Марголиса, изъ с. Новоселова — 3 р.

Итого . . . 269 р. 25 к.

А всего съ прежде поступившими 750 р. 15 к.

Въ капиталъ имени **Николая Константиновича Михайловскаго** при „Литературномъ Фондѣ“:

Отъ сотрудниковъ „Русскаго Богатства“ гонораръ за ихъ статьи въ № 2—1904 г.: Н. А. Карышева—70 р. 32 к., Н. И. Карѣва—58 руб. 59 коп. и П. В. Мокіевскаго—21 р. 09 к.

Итого . . . 150 р. — к.

А всего съ прежде поступившими 201 р. — к.

На устройство народной школы имени **Николая Константиновича Михайловскаго**:

Изъ г. Маринска, отъ 6 лицъ черезъ М. Колупаева—15 р. 50 к.; М. Б., Т. Д. и С. Б., изъ с. Богина—2 р.; подписчика „Русскаго Богатства“ № 10376, изъ г. Витебска—2 р.; Л. А. Чуйковскаго—2 р.

Итого . . . 21 р. 50 к.

А всего съ прежде поступившими 46 р. 50 к.

На устройство школы имени **Гл. И. Успенскаго** въ д. Сябринахъ, Новгородской губ.:

Отъ П. Б., изъ Гродно—1 р.

Итого . . . 1 р. — к.

А всего съ прежде поступившими 3.540 р. 76 к.

На образованіе стипендіи имени **Влад. Гал. Короленко**:

Отъ Н. Б., изъ Гродно—1 р.; И. Н. Волгина и Е. В. Бѣльскаго, изъ г. Коканда—25 р.; М. Диденко, изъ г. Балашова—50 к.; Б. и В. Полонскихъ, изъ Боговяленскаго зав.—2 р.

Итого . . . 28 р. 50 к.

А всего съ прежде поступившими 76 р. 50 к.

ОБЪЯВЛЕНІЕ.

Для пополненія состава сестеръ милосердія въ Общинѣ имени Ген-ад. М. П. фонъ Кауфманъ (Петербургъ, Верейская, 8), взаимнѣй отправленныхъ и отправляемыхъ на войну, пріемъ продолжается во всякое время впредь до измѣненія. Отъ поступающихъ въ Общину требуется среднее образованіе.

Редакторъ-Издатель: **Вл. Г. Короленко.**

Ловв. ценз. Сиб., 24 апрѣля 1904 г. Типографія Н. Н. Клебукова. Лиговская, 34.

| 10 |

UNIVERSITY OF CHICAGO

17 967 385

AP
50
.R94

RUSSKOE BOGATSTVO
Apr., 1904

AP
50
.R94

Russkoe bogatstvo.
Apr., 1904

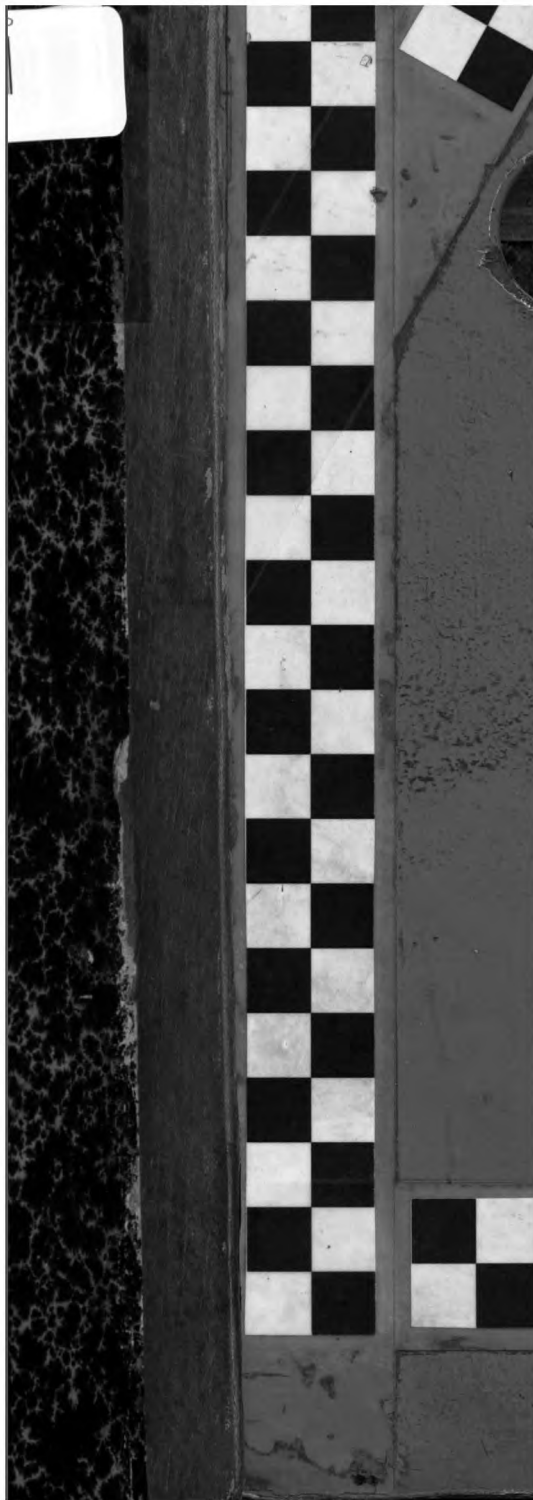

U of Chicago

17967385

